

2021 – № 2

СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2002 г. Выходит 4 раза в год

Сибирское отделение РАН
Институт филологии Сибирского отделения РАН
Алтайский государственный университет
Иркутский государственный университет
Кемеровский государственный университет
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирский государственный университет
Томский государственный педагогический университет
Томский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Д-р филол. наук, проф. И. В. Силантьев (ИФЛ СО РАН) – главный редактор; д-р филол. наук, доц. И. Е. Ким (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора; канд. филол. наук, доц. Д. А. Катунин (ТГУ) – зам. главного редактора; д-р филол. наук, проф. А. А. Чувакин (АлтГУ) – зам. главного редактора; канд. филол. наук А. А. Озонова (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, проф. Н. С. Болотнова (ТГПУ); д-р филол. наук, проф. Э. Вайда (Западно-Вашингтонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. И. Горбунова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. В. З. Демьянков (ИЯ РАН); канд. филол. наук, проф. Е. А. Добренко (Университет Шеффилда, Великобритания); д-р филол. наук, проф. М. Я. Дымарский (РГПУ им. А. И. Герцена); д-р филол. наук, доц. О. Д. Журавель (ИИ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Ким (КемГУ); д-р филол. наук В. Л. Кляус (ИМЛИ РАН); д-р филол. наук, проф. А. В. Курьянович (ТГПУ); канд. филол. наук А. М. Лаврентьев (Лионский университет, Франция); д-р филол. наук, проф. М. Н. Липовецкий (Университет Колорадо в Боулдере, США); д-р филол. наук, проф. Э. Малэк (Лодзинский университет, Польша); д-р филол. наук, проф. Т. И. Печерская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Дж. Руйе-Уиллоуби (Университет Кентукки, США); д-р филол. наук, проф. Е. К. Скрибник (Мюнхенский университет, Германия); канд. ист. наук, доц. С. Г. Суляк (Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Республика Молдова); д-р филол. наук, проф. Т. А. Трипольская (НГПУ); д-р философии по антропологии, проф. С. А. Ушакин (Принстонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. Ю. Фуксон (КемГУ); д-р филол. наук, проф. Л. Харвилаhti (Финское литературное общество, Финляндия); д-р филол. наук, проф. М. А. Черняк (РГПУ им. А. И. Герцена)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. Т. Е. Автухович (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Республика Беларусь); акад. РАН А. Е. Аникин (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Т. Бакчиев (КИЦА, Кыргызская Республика); д-р филол. наук, проф. Т. А. Демешкина (ТГУ); д-р филол. наук, проф. Л. И. Журова (ИИ СО РАН); чл.-корр. РАН, проф. Н. В. Корниенко (ИМЛИ РАН); канд. филол. наук, доц. С. А. Мансков (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. М. А. Осадчий (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Панин (НГУ); д-р филол. наук, проф. С. Ж. Тажибаева (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан); канд. филол. наук, доц. М. Б. Ташлыкова (ИГУ); канд. филол. наук, доц. О. Г. Щеглова (НГУ)

Журнал индексируется в БД Scopus, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77938 от 04.03.2020

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
sibphilology@mail.ru
Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

Фольклористика

- Лиморенко Ю. В.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Эдиционная текстология фольклора и практика фольклористического перевода 9
- Ойноткинова Н. Р.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Текстология алтайских и телеутских шаманских произведений, посвященных божествам Верхнего мира 18
- Пчеловодова И. В., Анисимов Н. В., Софронова Е. А.** (Ижевск, УдмФИЦУрО РАН; Ижевск, УдмФИЦУрО РАН, Новосибирск, ИФЛ СО РАН; Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Музыкально-песенный фольклор переселенческой традиции удмуртов Красноярского края 31
- Козлова Н. К.** (Омск, ОмГПУ)
«Вятские – ребята хватские...» (прииртышские фольклорные тексты о «вятских») 50

Литературоведение

- Головенкина Е. В.** (Новосибирск, НГТУ)
Тайна в поэтике жанра романтической трагедии («Испанцы» М. Ю. Лермонтова) 67
- Мазуров А. Е.** (Томск, ТГУ)
Цикл фельетонов «Сибирский музей» «Консерватора» (Ф. В. Волховского) в «Сибирской газете» (1884–1885) 82
- Васильев С. С.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Хронотоп Сибири в материалах журнала «Настоящее» (1928–1930) 96
- Капинос Е. В.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Тематическая композиция эмигрантского автобиографического романа: «Жизнь Арсеньева» И. Бунина 106
- Жиличева Г. А.** (Новосибирск, НГПУ; Москва, РГГУ)
Интрига слова в рассказах И. Бунина и В. Набокова («Легкое дыхание» / «Тяжелый дым») 123
- Силантьев И. В., Шатин Ю. В.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
«Якутия» А. Е. Строганова. Художественная деконструкция мифологической идиллии 137
- Полева Е. А.** (Томск, ТГПУ)
Андрогинные мотивы в романе Лены Элтанг «Побег куманики» 148

Языкознание

- Морозова О. Н.** (Благовещенск, АмГУ)
Вероятностно-дистрибуционные характеристики гласных фонем в языке орочонов КНР: сопоставительный аспект 161
- Захарова Ю. Г.** (Хабаровск, ТОГУ)
Лексические заимствования второй половины XIX в. в письмах И. С. Тургенева 177

Батюшкина М. В. (Омск, Законодательное Собрание Омской области) К вопросу о синонимах в законодательных текстах (на материале русских законов)	192
Москалюк Л. И. (Барнаул, АлтГПУ) Фразеологизмы с временным компонентом в речи российских немцев	207
Горбунова В. А. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) Аффиксальное словообразование прилагательных в ульчском языке в сопоставлении с нанайским и орокским	222
Буторин С. С. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) Способы выражения атрибутивной посессивности: посессивные син- таксические конструкции	235
Дьячков В. В. (Москва, ИЯз РАН) Глагольная парадигма в языке томо-кан: о взаимосвязи полипредди- катных конструкций, грамматикализации и тонологии	252
Норман Б. Ю. (Республика Беларусь, Минск, БГУ) Предложения с несогласованными определениями, их восприятие и понимание	269
Голышкина Л. А. (Новосибирск, НГТУ) Сверхфразовая организация риторического текста	283
Чудинов А. П., Сергиенко Н. А., Глушаков В. М. (Екатеринбург, УрГПУ; Сургут, СурГУ; Москва, МГИМО) ДОБРО, ЗЛО, ПРАВДА, ЛОЖЬ в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах: опыт психолингвистического эксперимента	297
Кафтанов Р. А. (Новосибирск, НВИ ВНГ РФ) Ассоциативная связь «война – победа» в русском языковом созна- нии студентов и курсантов (психолингвистический аспект)	312
Прокофьева Л. П., Пластун И. Л., Филиппова Н. В., Матвеева Л. Ю., Пластун Н. С. (Саратов, Саратовский ГМУ; Саратов, СГТУ; Мо- сква, ВШЭ) Распознавание эмоций по характеристикам речевого сигнала (линг- вистический, клинический, информационный аспекты)	325

Рецензии

Ковалева Т. И. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) «Переходный текст» в русской книжной традиции. Рец. на кн.: Шунков А. В. Поэтика переходности. Исследования по литературной культуре России второй половины XVII – начала XVIII в. М., СПб., 2020. 256 с.	337
---	-----

Научная жизнь

Смирнов С. Р. (Иркутск, ИГУ) «Ламарк сибирской литературы» (к столетию В. П. Трушкина)	343
--	-----

2021 – No. 2

**SIBERIAN
JOURNAL
OF PHILOLOGY**

Barnaul – Irkutsk – Kemerovo – Novosibirsk – Tomsk

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOLOGY

Founded in 2002. Published quarterly.

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Altai State University
Irkutsk State University
Kemerovo State University
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk State University
Tomsk State Pedagogical University
Tomsk State University

EDITORIAL BOARD

Igor V. Silantyev, Doctor of Philology, Prof., Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Editor-in-Chief*; Igor E. Kim, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Dmitriy A. Katunin, Candidate of Philology, Assistant Professor, Tomsk State University, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Aleksey A. Chuvakin, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Ayana A. Ozonova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Executive Secretary*; Nina S. Bolotnova, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Edward J. Vajda, PhD in Slavic Linguistics, Prof., Western Washington University, USA; Ludmila I. Gorbunova, Doctor of Philology, Prof., Irkutsk State University, Russian Federation; Valeriy Z. Demyankov, Doctor of Philology, Prof., Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russian Federation; Evgeniy A. Dobrenko, Candidate of Philology, Prof., University of Sheffield, United Kingdom; Mikhail Ya. Dymarskiy, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Olga D. Zhuravel, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Lidiya G. Kim, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Vladimir L. Klyaus, Doctor of Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Anna V. Kuryanovich, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Aleksey M. Lavrentyev, Candidate of Philology, Lumiere University Lyon 2, France; Mark N. Lipovetskiy, Doctor of Philology, Prof., University of Colorado Boulder, USA; Eliza Malek, Doctor of Philology, Prof., University of Lodz, Poland; Tatyana I. Pecherskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Jeanmarie Rouhier-Willoughby, Doctor of Philology, Prof., University of Kentucky, USA; Elena K. Skribnik, Doctor of Philology, Prof., Ludwig Maximilian University of Munich, Germany; Sergey G. Sulyak, Candidate of History, Assistant Professor, Pridnestrovian State University, Moldova; Tatyana A. Tripolskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Sergey A. Oushakine, PhD in Anthropology, Prof., Princeton University, USA; Leonid Yu. Fukson, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Lauri Harvilahti, Doctor of Philology, Prof., Finnish Literature Society, Finland; Mariya A. Chernyak, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

Aleksandr E. Anikin, Academician of the RAS, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Tatyana E. Avtukhovich, Doctor of Philology, Prof., Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus; Talantaaly A. Bakchiev, Doctor of Philology, Prof., Korean Institute of Central Asia, Bishkek, Kyrgyz Republic; Tatyana A. Demeshkina, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State University, Russian Federation; Ludmila I. Zhurova, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Natalya V. Kornienko, Doctor of Philology, Corresponding member of the RAS,

A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Sergey A. Manskov, Candidate of Philology, Assistant Professor, Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Mikhail A. Osadchiy, Doctor of Philology, Prof., Pushkin State Russian Language University, Moscow, Russian Federation; Leonid G. Panin, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State University, Russian Federation; Olga G. Scheglova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Novosibirsk State University, Russian Federation; Saule Zh. Tazhibayeva, Doctor of Philology, Prof., L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; Marina B. Tashlykova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Irkutsk State University, Russian Federation

Institute of Philology
Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
sibphilology@mail.ru
<http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

CONTENTS

Folklore

- Limorenko Yu. V.**
Editional textual studies of folklore and practice of folkloristic translation 9
- Oynotkinova N. R.**
Textology of Altai and Teleut shamanic texts dedicated to the deities of the Upper World 18
- Pchelovodova I. V., Anisimov N. V., Sofronova E. A.**
Song folklore of the resettlement tradition of the Udmurts of the Krasnoyarsk region 31
- Kozlova N. K.**
“Vyatskie – rebyata khvatskie... (The brave young men of Vyatka region)” (Irtysh Land folklore texts about the “Vyatskie”) 50

Literature

- Golovenkina E. V.**
Mystery in the poetics of romantic tragedy genre (“The Spaniards” by Mikhail Lermontov) 67
- Mazurov A. E.**
The cycle of feuilletons “Siberian Museum” of the “Conservator” (F. V. Volkhovsky) in the “Sibirskaya gazeta” (1884–1885) 82
- Vasilyev S. S.**
Chronotope of Siberia in the materials of the magazine “Nastoyashchee” (1928–1930) 96
- Kapinos E. V.**
Thematic composition of the emigrant autobiographical novel: “Life of Arseniev” by Ivan Bunin 106
- Zhilicheva G. A.**
Intrigue of word in I. Bunin and V. Nabokov’s short stories (“Light Breathing” / “Torpid Smoke”) 123
- Silantev I. V., Shatin Yu. V.**
“Yakutia” by A. E. Stroganov. Artistic deconstruction of the mythological idyll 137
- Poleva E. A.**
Androgynous motives in the novel “Pobeg Kumaniki” (“Bramble Sprout”) by Lena Eltang 148

Linguistics

- Morozova O. N.**
Probability and distribution patterns of vowel phonemes in the Oroqen language of the PRC: comparative study 161
- Zakharova Yu. G.**
Lexical borrowing of the second half of the 19th century in the letters of I. S. Turgenev 177

Batyushkina M. V.	
Synonyms in the texts of laws (based on Russian laws)	192
Moskalyuk L. I.	
Idioms with a time component in the speech of Russian Germans	207
Gorbunova V. A.	
Adjective derivation through affixation in the Ulch language in comparison with Nanai and Oroch languages	222
Butorin S. S.	
The ways of expressing attributive possession in Ket: possessive syntactic constructions	235
Dyachkov V. V.	
Verb paradigm in Tomo Kan Dogon: interconnections of polypredicative constructions, grammaticalization, and tonology	252
Norman B. Yu.	
Sentences with uncoordinated attributes: their perception and understanding	269
Golyshkina L. A.	
Supra-phrasal structure of the rhetorical text	283
Chudinov A. P., Sergienko N. A., Glushak V. M.	
GOOD, EVIL, TRUTH, LIE in Russian, Ukrainian, British, and American linguo-cultures: results of a psycholinguistic experiment	297
Kaftanov R. A.	
Associative connection “war – victory” in the Russian language consciousness of students and military cadets (psycholinguistic aspect)	312
Prokofyeva L. P., Plastun I. L., Filippova N. V., Matveeva L. Yu., Plastun Na. S.	
Emotion recognition by speech signal characteristics (linguistic, clinical, informative aspects)	325

Reviews

Kovaleva T. I.	
“The transition text” in Russian book tradition. A book review: Shunkov A. V. Poetika perekhodnosti. Issledovaniya po literaturnoy kul'ture Rossii vtoroy poloviny 17 – nachala 18 v. [Poetics of the transition period. Studies in Russian literary culture of the second part of the 17th – the beginning of the 18th century]. Moscow, St. Petersburg, 2020, 256 p.	337

Scientific Life

Smirnov S. R.	
“Lamarck of Siberian literature” (to the centenary of V. P. Trushkin)	343

Фольклористика

УДК 398: 801.81 + 347.78.034
DOI 10.17223/18137083/75/1

Эдичионная текстология фольклора и практика фольклористического перевода

Ю. В. Лиморенко

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются процедуры эдичионной текстологии, непосредственно связанные с качеством перевода фольклорного текста на другой язык. В их числе расшифровка звучащего текста с аудиозаписи, особенности обработки первичной записи, сделанной от руки, приведение к норме ненормативной графики оригинального текста и решение проблем орфографии, особенности передачи диалектных слов и устранение искажений текста на содержательном уровне. Важной процедурой является финальная сверка оригинального текста как с аудиозаписью, так и с другими аналогичными текстами той же фольклорной традиции. Автор приходит к выводу, что внимательное отношение к описанным этапам эдичионно-текстологической работы позволяет существенно улучшить перевод фольклорных образцов.

Ключевые слова

издание фольклора, фольклористический перевод, эдичионная текстология, расшифровка аудиозаписи, базовый текст

Для цитирования

Лиморенко Ю. В. Эдичионная текстология фольклора и практика фольклористического перевода // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 9–17. DOI 10.17223/18137083/75/1

Editional textual studies of folklore and practice of folkloristic translation

Yu. V. Limorenko

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper discusses the procedures of editional textual criticism directly related to the quality of the translation of a folklore text into another language. The quality of the basic text to be translated depends on the skill and care of the person who transcribes the audio recording. Errors in this textual procedure can lead to distortion of the meaning of the text. The primary (field) handwriting almost always requires processing without introducing unnecessary ele-

© Ю. В. Лиморенко, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

ments into the text. A problem for a textologist is that many minority languages do not have normative graphics and even an approved, generally accepted alphabet. Another side of the same problem is the publication of texts recorded or previously published in a different spelling. In many dialects, the same or similar words may have different meanings, may differ stylistically. As pertains to the loan words, not only is it imperative to comment on borrowings in editorial textual work but also to check their meaning. The distortions, intentional or involuntary, can affect the entire model of the world, the system of traditional ideas of the people expressed in the folklore text. A necessary procedure is the final verification of the original text with both audio recording and with other similar texts of the same folklore tradition. The author comes to the conclusion that an attentive attitude to the described stages of editorial textual work can significantly improve the translation of a folklore text.

Keywords

publication of folklore, folklore translation, editorial textual criticism, transcription of audio recordings, basic text

For citation

Limorenko Yu. V. Editorial textual studies of folklore and practice of folkloristic translation. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 9–17. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/1

Введение

Цель настоящей статьи – систематизировать проблемы и трудности эдиционно-текстологической работы фольклориста, которые тесно связаны с трудностями перевода фольклора. Многие из этих проблем были описаны ранее в статьях и монографиях на примере конкретных фольклорных традиций; однако не все подобные сложности были выделены и проанализированы как отдельные методологические вопросы, требующие внимания исследователя. К тому же не во всех конкретных случаях, с которыми имеют дело редакторы и издатели фольклорных текстов, можно увидеть весь спектр названных выше проблем. Опираясь на имеющиеся работы, мы попытаемся привести в систему необходимые приёмы и процедуры эдиционной текстологии, выполнение которых напрямую определяет качество перевода.

В настоящей статье мы используем термин «эдиционная текстология» в том значении, в котором его применяет Т. Г. Иванова: «эдиционная текстология, разрабатывающая современные приемы и правила записи и издания фольклорных произведений» [1991, с. 6].

Актуальность работы обусловлена большим интересом к публикации фольклора и растущим количеством изданий образцов устной народной поэзии и прозы, в том числе переводных и двуязычных. Выводы статьи опираются на успешный опыт текстологической и переводческой работы над томами академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», а также серии «Эпос народов Европы и Азии».

Проблемы, с которыми приходится иметь дело при подготовке к изданию фольклорного текста, мы выстроили в том порядке, в каком происходит сама эта подготовка: от получения и первичной обработки письменного текста до анализа его содержания.

1. Расшифровка текста с аудиозаписи

Упущения и/или неверная расшифровка текста могут приводить к неточностям в переводе, причём несколькими путями.

Как отмечает Г. Б. Сыченко, если звукозапись сделана непосредственно при исполнении текста, работать с ней бывает очень сложно, поэтому базовым текстом становится текст, записанный отдельно в искусственных условиях: «Ритуальный текст, шаманский в особенности, весьма специфичен. Он содержит множество повторов, вставных элементов (дополнительных слогов, частиц, возгласов, звукоподражаний и т. п.). Часто опускаются какие-то части фраз, некоторые строки быстро проговариваются (шаманская скороговорка) и т. д. Расшифрованный с фонограммы шаманский текст часто производит впечатление бессвязного и даже алогичного... Скорее всего, затем в ходе работы с информантом и был записан базовый текст, содержащий основные смысловые строки призывания» [Сыченко, 2018, с. 110]. В этом случае базовый текст может быть организован так, что в нём возникают логические связи, отсутствовавшие в изначальном исполнении. Естественно, эти новые связи будут отражены и в переводе.

Качество базового текста, который подлежит переводу, зависит и от квалификации и внимательности того, кто делает расшифровку звукозаписи. Так, Л. Н. Арбакаова и Е. Н. Кузьмина указывают, что тщательная сверка базового текста шорского сказания с аудиозаписью показала существенные расхождения, например: «В типическом описании погибшей матери малыша и его насыщения материнским молоком имеются случаи неверной расшифровки или упущения формулы, есть неточности в переводе, а также обнаружена ошибка в строке об исчезновении матери малыша, то есть тексты имеют значительные расхождения...» [Арбакаова, Кузьмина, 2020, с. 51]. Далее авторы приходят к важному выводу: «Содержание и качество фольклорных произведений, переведенных на другой язык, полностью зависит от достоверности первичного текста, а также от полноты текстологической работы и уровня расшифровки аудиозаписи и подготовки самого дешифровщика» [Там же, с. 52]. Расхождения базового текста со звучащим оригиналом могут иметь весьма серьёзные последствия: «В результате проведенной работы были уточнены некоторые слова в типических местах, а также восстановлены эпические формулы и одно “общее место” с описанием появления зелени, птиц, упущенные при расшифровке варианта 1» [Там же, с. 52–53].

Таким образом, подготовка базового письменного текста со звукозаписи и внимательная сверка полученного текста – одна из основ качественного перевода, избавленного от упущений и произвольных добавок.

2. Особенности обработки первичной записи

Ошибки в этой текстологической процедуре могут приводить к искажению смысла текста. Первичная (полевая) запись от руки почти всегда требует обработки, причём такой, чтобы в текст не вносились лишние элементы; иногда, как указывает Т. Г. Иванова, это может происходить не намеренно, а из-за невнимательности редактора или по незнанию им особенностей традиции, в которой бытует текст [1991, с. 15]. Избежать таких ошибок сложно, но они могут существенно повлиять на перевод. Чтобы выверить текст, в подобных случаях требуется не только знание традиции, но и специфическое умение читать рукописные тексты и, в частности, скоропись [Там же].

3. Ненормативная графика оригинала

Ещё В. Я. Пропп сформулировал требование к языковой обработке первичной записи фольклорного текста: «...осторожно проведенная замена некоторых или даже всех диалектальных особенностей произношения общерусскими произноси-

тельными нормами при соответствующей оговорке и мотивировке для некоторых типов изданий вполне возможна без всякого ущерба для фольклористики. Наоборот, обработка особенностей словоизменения, словообразования и пр. недопустима. Вмешательство редактора в этих случаях представляло бы собой уже не только языковую, но и литературную правку и обработку» [Пропп, 1956, с. 205]. Для адекватного отображения текста его графическая запись должна соответствовать некоторой системе и быть совершенно единообразной. Этот принцип важен для редактирования фольклорных записей на любом языке, а в случае с записями на языках коренных народов налагает на редактора ещё большую ответственность. Издание фольклорных текстов на этих языках – это всегда фиксация определённого состояния языка, языковой документ, и к нему следует относиться как к памятнику культуры. Важность этой задачи осознаёт научное сообщество: «Устная форма реализации языка поддерживается письменной, которая позволяет фиксировать, распространять, делать доступными для изучения образцы национальных фольклорных и индивидуальных текстов» [Голованева, Федина, 2020, с. 171].

Отдельная проблема для текстолога заключается в том, что многие миноритарные языки не имеют нормативной графики и даже утверждённого общепринятого алфавита. «Вариативность графики в рукописях и публикациях на данных (чалканском и алюторском. – Ю. Л.) языках наблюдается в тех случаях, когда на письме необходимо отразить специфические звуки национальной речи» [Там же, с. 172]. В этом случае ненормативное написание множества слов может стать причиной путаницы и ошибок при переводе. Только тщательная текстологическая работа, анализ формальной и содержательной сторон текста позволяют уменьшить количество таких ошибок или вовсе их исключить.

Старая и новая орфография. Ещё одна сторона той же проблемы – публикация текстов, записанных или ранее опубликованных в другой орфографии. Составитель тома «Хакасские народные сказки» так описывает принцип подобной работы: «Основная текстологическая работа велась с архивными рукописями. Были установлены общие, характерные для всех записей грамматические явления с учётом времени их (записей. – Ю. Л.) создания» [Торокова, 2014, с. 591].

Ещё сложнее дело обстоит, когда запись или первая публикация текста была произведена на другом алфавите¹. Так, при републикации текстов из «Сборника материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору» в томе «Обрядовая поэзия и песни эвенков» серии «Памятники...» составитель даёт их в записи собирателя (латиницей) и в современной графике (кириллицей с национальными знаками) (см.: [Обрядовая поэзия..., 2014, с. 440–441]). При транслитерации не всегда ясно, как соотносятся латинские и кириллические буквы: например, *i* – это *ы* и *и*, но *e* и *ə* – *э*. Неточности и ошибки в транслитерации приводят к разночтениям в основах и аффиксах, что вместе с большим разнообразием диалектных вариантов аффиксов может привести к неверному переводу. Аналогичные трудности при подготовке к публикации архивных текстов, возникшие из-за использования кириллицы и латиницы, и их влияние на возможность перевода подробно описывает З. К. Кусаева [2019] на материале фольклора осетин из собрания В. Ф. Миллера.

¹ Речь идёт не о фонетической записи, которой пользуются лингвисты, а о бытовавшей в начале XX в. традиции записывать тексты на языках коренных народов расширенным латинским алфавитом; см., например, [Сборник..., 1936], где все оригиналы текстов записаны именно так.

4. Диалектные слова

Как правило, носитель языка – это носитель определённого диалекта, и когда он выступает собирателем и переводчиком фольклорного текста на другом диалекте, неизбежны сложности. Собиратель и редактор хакасских фольклорных текстов В. В. Миндибекова описала эту проблему так: «В рукописных текстах отразились особенности того диалекта, на котором они исполнялись, однако записи, сделанные собирателями, не знающими диалекта исполнителя, содержат неточности в передаче диалектных слов, а также описки» [2020, с. 40]. А. И. Алиева обращает внимание на характерную черту фольклорного исполнительства – употребление сказителем слов из разных диалектов: «С. С. Суразаков характеризует язык публикуемого сказания с учетом скрупулезного следования принципу аутентичности в текстологических процедурах (теленгетский диалект у народного певца смешан с алтайским). Поэтому в своей поэтической речи он часто одно и то же слово в одном месте произносит по-теленгетски, в другом – по-алтайски... Публикуя данный текст, мы не стали приводить подобные слова к единому написанию» [Алиева, 2018, с. 16]. То же явление отмечает З. С. Казагачева: «...сказители... не могли не испытывать влияния письменного языка, который функционирует в средствах массовой информации, в системе народного образования. Поэтому в их текстах сплошь и рядом одно и то же слово произносится ими двояко – в литературной или просторечной и диалектной форме» [2002, с. 79]. В переводе невозможно отразить присутствие слов из разных диалектов, но переводчик должен иметь представление о них, держать в голове диалектную картину переводимого памятника.

В разных диалектах одни и те же или сходные слова могут иметь разное значение, могут отличаться стилистически (например, слова сниженного стиля, архаичные и др.). Так, при работе над томом «Обрядовая поэзия и песни эвенков» переводчик и редактор перевода вынуждены были тщательно следить, где записан каждый из текстов, упоминающих животное *бэюн*. В ряде диалектов это лось, в других – северный олень, причём в некоторых случаях олень вообще, а в других – дикий [Василевич, 1958, с. 76–77]. Всё это, конечно, не может не отразиться в переводе.

Усложняет ситуацию то, что диалектологических словарей для многих языков ещё не существует, а в словарях литературного языка диалектные слова если и встречаются, то обычно без указания, к какому диалекту они относятся. К тому же в подобных случаях всегда нужен лингвистический комментарий к тексту. Однако прояснить диалектизмы, чтобы не оставалось «тёмных мест», всё же несложная задача, которая упростит работу переводчика.

5. Заимствования из языка, на который делается перевод

Эти случаи – типичные «ложные друзья переводчика»: заимствованное слово чаще всего меняет своё значение в принимающем языке, иногда несущественно, а иногда полностью. В работе с фольклорными текстами достаточно часто встречаются случаи заимствований в обоих направлениях: из русского в язык коренного народа и наоборот. Так, из эвенкийского в русский, как и в другие языки, заимствовано слово *саман* ‘шаман’, однако эвенкийское *саман* – не только ‘шаман’, но и ‘знающий человек, знаток’ (например, обычаев). Из русского в эвенкийский сравнительно давно заимствовано слово «пищаль» в форме *пишāl*, однако современное значение этого слова ‘ружьё’ (см: [Аникин, 2003, с. 452–453]). В текстологической работе обязательно нужно не только комментировать заимствования

(примеры см.: [Миндибекова, 2016]), но и проверять значение заимствованных слов, иначе незаметно для переводчика может возникнуть искажение смысла текста. Подобный случай описан Л. Н. Арбачаковой на примере русского слова «голова», заимствованного в шорский язык, где от него было образовано новое слово. Без знания того, что это именно заимствование, истолковать это слово не представлялось возможным [Арбачакова, 2001, с. 104].

6. Искажения текста на более высоких уровнях

Такие искажения, намеренные или непровольные, могут затронуть не только смысл отдельных строк, слов и выражений, но и всю модель мира, систему традиционных представлений народа, выраженную в памятнике. Ш. Р. Шакурова [1998] описывает систему внесённых искажений, от которых пострадал не только оригинальный текст, но и перевод сказания «Урал-батыр». Она отмечает, что в изданной рукописи памятника обнаружены замена устаревших лексем более современными, идейно обоснованная замена имени мифологического персонажа (вместо Аллах и Худай появляется Тенгри), искусственное «состаривание» текста через добавление древних реалий. Всё это приводит к серьёзным последствиям: «Очень важно учесть, что вольно или невольно подвергаются “альтерации”... древнеэпический образ и модель мира... Нарушается ритмический строй, рифма и смысла текста» [Там же, с. 21], что находит отражение и в оригинале, и в переводе.

К невольным искажениям этого же уровня относятся и искажения аутентичного текста, допускаемые при самозаписи или при фиксации исполнения непрофессиональными, неопытными собирателями. А. А. Кузьмина характеризует влияние таких искажений на примере записей олонхо: «...самозаписи (олонхосут сам пишет текст своего олонхо) и записи собирателя (фольклорист записывает у сказителя устное исполнение олонхо) могут по-разному передать фольклорный материал... Собиратели олонхо тоже имели разный уровень подготовки: некоторые собиратели-любители не придерживались фольклористических принципов фиксирования материала; некоторые даже профессиональные фольклористы вносили изменения в текст» [Кузьмина, 2016, с. 33]. При переводе опытный специалист может увидеть расхождения такого ненамеренно искажённого текста с другими текстами той же традиции. Возникает проблема сверки готовящегося к изданию текста с другими – архивными или уже изданными [Кусаева, 2019, с. 146]. Такую же процедуру сверки рекомендует и Е. Н. Кузьмина [2020, с. 294]. Это позволяет устранить разночтения, уточнить написание, разобраться в смысле текста, но не только. Сходные или одинаковые формулы и типические места, клише могут помочь в переводе, поскольку ранее изданные тексты служат достоверной базой.

Заключение

Работа переводчика фольклорных текстов прямо связана с эдической текстологией. Поэтому в настоящей статье разобраны типичные проблемы текстологической работы, которые прямо влияют на перевод; их разрешение может существенно помочь переводчику. К таким проблемам относятся особенности расшифровки аудиозаписи; анализ и расшифровка первичной рукописи; вопросы, связанные с ненормативной графикой оригинала или сочетанием разных графических систем и переходом с одного алфавита на другой; распознавание и понимание диалектных слов; обмен заимствованиями и поведение заимствованных слов в принимающем языке; намеренные или случайные искажения на уровне текста

в целом. Тщательная текстологическая проработка текста позволяет разрешить эти проблемы до создания перевода или прямо в процессе работы над ним и получить в итоге научно достоверный памятник языка и фольклора.

Список литературы

Алиева А. И. Издание эпических памятников народов Южной Сибири в двуязычной академической серии «Эпос народов СССР» // Вестник СВФУ. Серия Эпосоведение. 2018. № 2 (10). С. 13–21.

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск: Наука, 2003. 788 с.

Арбачакова Л. Н. Текстология шорского героического эпоса. Новосибирск: Наука, 2001. 160 с.

Арбачакова Л. Н., Кузьмина Е. Н. Аудиозапись эпоса и его перевод: текстологические заметки // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (39). С. 45–54.

Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 576 с.

Голованева Т. А., Федина Н. Н. Письменные тексты на бесписьменных языках как социолингвистический феномен (на материале чалканского и алюторского языков) // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 167–190.

Иванова Т. Г. Специфика фольклористической текстологии // Русский фольклор. XXVI. Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. С. 5–21.

Казагачева З. С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын» (Аспекты текстологии и перевода). Горно-Алтайск, 2002. 352 с.

Кузьмина А. А. Проблема базового и «многослойного» текста якутского богатырского эпоса (на основе рукописей олонхо Н. Ф. Попова «Богатырь Тойон Нюргун») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12, ч. 4. С. 32–35.

Кузьмина Е. Н. Сказитель и эпическая традиция: улигеры Бура Барнакова // Научный диалог. 2020. № 6. С. 283–301.

Кусаева З. К. Принципы текстологического изучения и подготовки к печати неопубликованных фольклорных материалов из собрания В. Ф. Миллера // Изв. СОИГСИ. 2019. № 31 (70). С. 140–150.

Миндибекова В. В. Несказочная проза хакасов: текстологический аспект // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 2 (31). С. 16–20.

Миндибекова В. В. Текстологические аспекты изучения несказочной прозы хакасов // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 32–42.

Обрядовая поэзия и песни эвенков / Сост. Г. И. Варламова, Ю. И. Шейкин. Новосибирск: Гео, 2014. 487 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 32)

Пропт В. Я. Текстологическое редактирование записей фольклора // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л., 1956. Т. 1. 346 с.

Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936. 290 с.

Сыченко Г. Б. Шаманское призывание Кана-Суйлы: к проблеме работы с ранними источниками // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2018. № 2 (36). С. 107–117.

Торокова Е. С. Сведения о текстах и принципах их публикации // Хакасские народные сказки / Сост. Е. С. Торокова, Г. Б. Сыченко. Новосибирск: Омега

Принт, 2014. 770 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 33)

Шакурова Ш. Р. Текстология башкирского народного эпоса «Урал-Батыр» (проблема базового научного текста): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 22 с.

References

Alieva A. I. Izdanie epicheskikh pamyatnikov narodov Yuzhnoy Sibiri v dvuyazychnoy akademicheskoy serii “Epos narodov SSSR” [Publication of epic monuments of the peoples of the Southern Siberia in the bilingual series “Epos of the Peoples of USSR”]. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series “Epic studies”*. 2018, no. 2 (10), pp. 13–21.

Anikin A. E. *Etimologicheskiy slovar' russkikh zaimstvovaniy v yazykakh Sibiri* [Etymological dictionary of Russian borrowings in the languages of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 2003, 788 p.

Arbachakova L. N. *Tekstologiya shorskogo geroicheskogo eposa* [Textual study of the Shor heroic epos]. Novosibirsk, Nauka, 2001, 160 p.

Arbachakova L. N., Kuz'mina E. N. Audiozapis' eposa i ego perevod: tekstologicheskie zametki [Audio recording of the epic and its translation: textological notes]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2020, no. 1 (39), pp. 45–54.

Golovaneva T. A., Fedina N. N. Pis'mennyye teksty na bespis'mennykh yazykakh kak sotsiolingvisticheskiy fenomen (na materiale chalkanskogo i alyutorskogo yazykov) [Written texts in non-written languages as a sociolinguistic phenomenon (based on the Chalkan and Alutor languages)]. *Critique and Semiotics*. 2020, no. 2, pp. 167–190.

Ivanova T. G. Spetsifika fol'kloristicheskoy tekstologii [Specificity of folkloristic textual criticism]. In: *Russkiy fol'klor. 26. Problemy tekstologii fol'klora* [Russian folklore. 26. Problems of folklore textual criticism]. Leningrad, 1991, pp. 5–21.

Kazagacheva Z. S. *Altayskie geroicheskie skazaniya “Ochi-Bala”, “Kan-Altyn”*. (Aspekty tekstologii i perevoda) [Altai heroic epics “Ochi-Bala”, “Kan-Altyn” (Aspects of textual study and translation)]. Gorno-Altaysk, 2002, 352 p.

Kusaeva Z. K. Printsipy tekstologicheskogo izucheniya i podgotovki k pechati neopublikovannykh fol'klornykh materialov iz sobraniya V. F. Millera [The principles of textological study and preparation for editing of unpublished folklore materials from the collection of V. F. Miller]. *Izvestia SOIGSI*. 2019, no. 31 (70), pp. 140–150.

Kuz'mina A. A. Problema bazovogo i “mnogosloynnogo” teksta yakutskogo bogatyrskogo eposa (na osnove rukopisey olonkho N. F. Popova “Bogatyr' Toyon Nyurgun”) [The problem of the basic and “multilayered” text of the Yakut heroic epic (based on the olonkho manuscripts “Bogatyr Toyon Nyurgun” by N.F. Popov)]. *Philological sciences. Issues of theory and practice*. 2016, no. 12, pt. 4, pp. 32–35.

Kuz'mina E. N. Skazitel' i epicheskaya traditsiya: uligery Bura Barnakova [Storyteller and the epic tradition: the Uligers by Bura Barnakov]. *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*. 2020, no. 6, pp. 283–301.

Mindibekova V. V. Neskazochnaya proza khakasov: tekstologicheskiy aspekt [Non-fairy prose of the Khakasses: textological aspect]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2016, no. 2 (31), pp. 16–20.

Mindibekova V. V. Tekstologicheskie aspekty izucheniya neskazochnoy prozy khakasov [Textological aspects of the study of non-fairy prose of the Khakasses]. *Siberian Journal of Philology*. 2020, no. 4, pp. 32–42.

Obryadovaya poeziya i pesni evenkov [Ritual Poetry and Songs of Evenki]. Novosibirsk, Geo, 2014, 487 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East] Vol. 32).

Propp V. Ya. Tekstologicheskoe redaktirovanie zapisey fol'klora [Textological editing of folklore recordings]. In: *Russkiy fol'klor. Materialy i issledovaniya* [Russian Folklore. Materials and research]. Moscow, Leningrad, 1956, vol. 1, 346 p.

Sbornik materialov po evenkiyskomu (tungusskomu) fol'kloru [Collection of materials on Evenki (Tungus) folklore]. G. M. Vasilevich (Ed.). Leningrad, 1936, 290 p.

Shakurova Sh. R. *Tekstologiya bashkirskogo narodnogo eposa "Ural-Batyr"* (problema bazovogo nauchnogo teksta) [Textology of the Bashkir folk epic "Ural-Batyr" (the problem of the basic scientific text)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1998, 22 p.

Sychenko G. B. Shamanskoe prizvyvanie Kana-Suily: k probleme raboty s rannimi istochnikami [Shamanic invocation of Kan-Suila: on the problem of working with early sources]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2018, no. 2 (36), pp. 107–117.

Torokova E. S. Svedeniya o tekstakh i printsipakh ikh publikatsii [About the texts and the principles of their publication]. In: *Khakasskie narodnye skazki* [Khakass Folktales]. Novosibirsk, Omega Print, 2014. 770 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East] Vol. 33).

Vasilevich G. M. *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian Dictionary]. Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovarey, 1958, 576 p.

Сведения об авторе

Лиморенко Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

limorenko.yulia@yandex.ru
ORCID 0000-0001-8904-3629

Information about the author

Yulia V. Limorenko – Candidate of Philology, Researcher at the Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

limorenko.yulia@yandex.ru
ORCID 0000-0001-8904-3629

УДК 398.332 (=512.151)
DOI 10.17223/18137083/75/2

Текстология алтайских и телеутских шаманских произведений, посвященных божествам Верхнего мира

Н. Р. Ойноткинова

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Впервые рассматриваются текстологические особенности вербальных образцов двух шаманских камланий, обращённых к божествам Верхнего мира. Цель работы – сопоставить эти тексты и выявить общие синтагматические (композиционные, стилистические) и семантические (персонажи, сакральный хронотоп) элементы. Основным в исследовании является структурно-семиотический метод, позволяющий рассматривать эти тексты как культурные знаки. Несмотря на то что камлания по своему объёму и поэтическому языку сильно различаются, в них имеются общие элементы. Эти шаманские произведения исполнены разными шаманами и в разное время, по коммуникативной цели они направлены на то, чтобы получить благословение у небесного божества Ульгена, души на рождение детей. Общее наблюдается в организации пространства и во времени проведения ритуалов, в синтагматическом и семантическом планах текстов. В теонимах отразилось обожествление неба и природных явлений, характерное для архаичных мифологий.

Ключевые слова

текстология, обрядовый фольклор алтайцев, шаманский текст, шаманизм алтайцев и телеутов, теонимы, сакральный хронотоп

Для цитирования

Ойноткинова Н. Р. Текстология алтайских и телеутских шаманских произведений, посвященных божествам Верхнего мира // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 18–30. DOI 10.17223/18137083/75/2

Textology of Altai and Teleut shamanic texts dedicated to the deities of the Upper World

N. R. Oynotkinova

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

For the first time, the textual features of two shamanic texts dedicated to the deities of the Upper World are considered. The purpose of the work was to compare these works and identify common syntagmatic (compositional, stylistic) and semantic (characters, sacred chrono-

© Н. Р. Ойноткинова, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

tope) elements. The main research method is the structural-semiotic method, which allows considering these cultural texts as signs. Despite the fact that these texts differ greatly in their volume and poetic language, they have common elements. Different shamans performed these texts and at different times with the communicative aim to obtain the blessing of the light deities, the souls for the birth of children. Common elements are observed both in semantics (in the organization of sacred space, in the time of rituals, in the system of characters) and in syntagmatics and style. The addressees of the rituals were deities and spirits, and the acting characters were people. The names of the deities of the Upper World embodied the personification of the sky and natural phenomena, characteristic of archaic mythologies. The syntagmatic structure of the texts is characterized by certain stability of the poetic structure of the texts, supported by repeated episodes of the shamanic rite, common places, and poetic formulas. The presence of formulas indicates a common poetic shamanic tradition of the Altaians and the Teleuts.

Keywords

textual criticism, ritual folklore of Altaians, shamanic text, shamanism of Altaians and Teleuts, theonyms, sacred chronotope

For citation

Onotkinova N. R. Textology of Altai and Teleut shamanic texts dedicated to the deities of the Upper World. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 18–30. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/2

Текст камлания Ульгену на языке оригинала с большим количеством неточностей впервые был опубликован в книге В. И. Вербицкого «Алтайские инородцы»¹. Позже он был переведен и переиздан на современной графике алтайского языка Н. А. Баскаковым и Н. А. Яимовой [1993]. Другой текст камлания Ульгену хранится в Архиве МАЭ РАН² (объем приблизительно 2 769 стих. строк). Эти неизученные шаманские произведения вызывают живой интерес, поскольку еще не были предметом специального исследования. Они, несмотря на то что были записаны под диктовку, представляют большую ценность для изучения текстологических особенностей алтайских обрядовых текстов в диахронии и публикации их в готовящемся томе «Обрядовая поэзия алтайцев» академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Данная статья посвящена сопоставлению этих двух текстов камланий и выявлению в них общих синтагматических (композиционных), стилистических и семантических (персонажи, сакральный хронотоп) элементов.

Основным в исследовании является структурно-семиотический метод, позволяющий рассматривать эти культурные тексты как знаки. Сопоставительный анализ проводится на основе признаков наличия или отсутствия общих элементов в синтагматике и символике исследуемых текстов-знаков.

Итак, сначала мы рассмотрим пространство и время проведения обрядов, а затем их композиционную и актантную структуры.

Сакральный хронотоп

Необходимым условием проведения обряда является организация сакрального пространства и установление прямого контакта между реальным и нереальным

¹ Первое издание: *Вербицкий В. В.* Алтайские инородцы. М.: Этногр. отд-ние Имп. об-ва любителей естествознания и антропологии, состоящий при Моск. ун-те, 1893. 386 с.

² Архив Музея археологии и этнографии РАН (г. Санкт-Петербург) (далее МАЭ). Ф. 11. Оп. 1. Д. 163. 1912 г. Количество листов – 53. Мистерия Ульгену.

пространством. За каждым ритуальным действием-знаком скрываются символ и миф. Связь шамана между своим и иным миром – дорога в Верхний мир – устанавливается через связующие символы: ритуальные березы, нити, жертвенные сооружения, разжигание костра, жертвенное животное.

Ульгену совершают жертвоприношения *ўстўзў*, в виде подношения духу, живущему на небе, а сама жертва называется *парылгы*. В жертву приносят трёхлетнюю кобылицу светлой масти через три, шесть, девять и двенадцать лет. Интересным представляется факт приношения в качестве даров, помимо жертвенной лошади и браги, женской и мужской одежды. Количество даров совпадает с количеством небесных слоев. В комментариях В. И. Вербицкого отмечается, что на веревку перед шатром в качестве даров Ульгену развешивают 9 разных одежд, которые окуривает можжевельником *кам* [Вербицкий, 1992, с. 82]. Согласно комментариям А. В. Анохина, «к западной стенке *сёёлти* (шатра. – Н. О.) привязывается на особую верёвку чистая одежда: женские и мужские рубахи, халаты по числу небесных *кат* (слоев. – Н. О.), на которых живет Ульген» (МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 163).

В сакральное пространство камланий входят символы-объекты: шатер (*сёёлти*), таган, жертвенные березы, на которые повязывают ритуальные ленточки, жертвенники. Символическое использование шатра в обряде связано с тем, что он создает закрытое пространство, а огонь, разведенный в нем, устанавливает связь с Верхним миром.

По описанию А. В. Анохина, шатер состоит из трех жердей, связанных веревкой с одного конца. Их поднимают и ставят конусом. В центре шатра ставят живую березу с ветвями. На этой березе делают 16 зарубок (*танты*), изображающих 16 сфер неба. К ветвям *танты* привязывают красную занавеску от кровати (*кёжжөгө*). К бокам *сёёлти* приставляют мелкие жерди. По бокам и сзади в трех местах втыкают три живых березы (*сүдер*), к ветвям которых прикрепляют чистые платки или полотенца. С правой стороны, где установлена береза (для *танты*), устраивается сидение для шамана – ставится табурет. Напротив шамана установлен железный таган, в котле варится жертвенное баранье мясо. В переднем углу шатра стелются ковры, на которых во время камлания сидят хозяин, хозяйка, дети, а также гости. При этом женщины и девушки занимают северную часть, а мужчины – южную часть шатра (МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 163).

Н. А. Баскаков и Н. А. Яимова отмечают, что шатер ставится в лесу: «Вечером, после заката солнца, шаман и все его сопровождающие собираются обычно в березовом лесу на поляне, где ставится со входом по направлению к востоку новая юрта (*сёёлтө*), покрытая войлоком, с воткнутой посередине молодой березкой, крона которой выходит через верхнее отверстие юрты (*тўнўк*), все остальные сучья березы обрублены. На стволе березы, находящейся внутри юрты, вырубаются девять зарубок по числу ярусов или ступеней неба (*танты*), по которым, считая юг, должен подняться шаман к Ульгену. Над кроной березы, возвышающейся над юртой, прикрепляется четырехугольный кусок полотна в виде знамени. Перед входом в юрту устраивается из бересты круглое гнездо, изображающее загон высотой и шириной 0,5 м, в которое втыкается сделанный из бересты синок в виде палки, с петлей из конских волос» [Баскаков, Яимова, 1993, с. 21].

Слева от сиденья шамана, внутри шатра, на полу устраивается дворик (*бура чедени* ‘загон для ездовых духов-верблюдов’) из березовой коры и из двух березовых кольев. С одного конца колья заостряются и вбиваются в землю, с другого их расщепляют, куда и вкладывают бересту. Открытой стороной дворик устраивает-

ся к стене шатра. Над двориком на особой палке прикрепляется на белой веревке петля (*чалма*) для привязывания *буры* Ульгена (МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 163). Шаманский *бура* – зооморфный дух-помощник, верблюд, на котором шаман ездит в Верхний или Нижний мир.

А. В. Анохин дал детальное описание ритуальных объектов, сооруженных на месте проведения обряда. Выделенные им этнографические термины также важны для понимания устройства сакрального пространства обряда. Исследователь отметил, что для проведения обряда на выбранном для этого месте ставится жертвенник (*таскак*), натягивается верёвка (*јеле*) и втыкается жердь (*јүкели*). *Таскак* – жертвенник делается из 4-х березовых колец, 4-х аршинов в длину, в одну четверть аршина толщиной. Колья вбивают в землю. Они образуют квадрат со сторонами в 1 аршин. Поверх колец кладется перекладина, а на нее – березовые прутья. *Јеле* – веревка из конского волоса длиной в 5 сажений. Таких верёвок четыре, и к ним привязывают бесчисленное количество коротеньких ленточек разных цветов, кроме черного. За жертвенником, с восточной стороны, на двух березовых кольях натягивают верёвки (*јеле*), к середине которой привязывается шкура зайца или горностая с лапками и мордой (МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 66). В современной обрядности алтайцев такая веревка со шкурой зайца или горностая называется *дыайык*. *Ширее* – плетень из мелких берёзовых прутьев длиной в 2 аршина, шириной в 1 аршин, напоминающий стол. На этот плетень кладут вареное мясо. Следующие элементы обрядового пространства (*јүкели* и *бакана*) были характерны для шаманских обрядов в прошлом, и в современных обрядах их не ставят. *Јүкели* – девятиаршинная березовая жердь для подвешивания шкуры жертвенного животного. *Бакана* – березовая жердь с развилками наверху (*айры*), поставленная с левой стороны от жертвенника (*таскак'а*), она поддерживает жердь (*јүкели*) с вывешенной шкурой животного (МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 66).

Камлания божествам Верхнего мира, в том числе Ульгену, у алтайцев и телеутов проводились весной и ранней осенью. Это время совпадает со временем проведения обряда поклонения духам земли-воды (*Јер-суу*). В первый день, когда приводят в надлежащий вид ритуальный шатер (*сёёлти*), около 9 часов утра варят баранье мясо в казане. Вареное мясо складывают в особую деревянную сельницу (*теши*) и оставляют в шатре. *Кам* приходит в шатер, надевает кафтан (*каптал*), шапку (*бөрүк*) и начинает делать короткий «*алас*», заключающийся в дымлении можжевельником внутри шатра. Медленно переходя от одного места к другому с дымящейся веткой можжевельника, *кам* читает *алкыш*. Далее он окуривает свою голову, туловище и место своего сидения (табурет), а догорающую ветку с горящими углями берет в рот и закусывает – готовит рот к произношению молитвы (МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 163). После окуривания *кам* садится на свое обычное место, ему подают блюдо с мясом. *Кам* угощает присутствующих духов (МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 163).

Обряд длился 3 дня с возведением специального ритуального шатра, с жертвоприношением лошади и импровизируемым вознесением в Верхний мир, что обозначается зарубками на специальном дереве. Помимо подношения головы жертвенной лошади, совершается окропление, приносятся дары в виде одежды. Само камлание Ульгену совершается в новолуние, а не в период ущерба месяца. Для камлания выбирают третий, пятый, седьмой и дальнейшие нечетные дни после новолуния. Соблюдаются также и дни недели. Среда и пятница считаются тяжелыми днями (*уур күн*). В эти дни камлание *байана* – добрым духам – не совершалось, а также не начинали работу, рубку леса, охоту (МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 163).

Зимой же шаманы не могли камлать небожителям, так как считалось, что небо в это время закрыто. В одной из записей А. В. Анохина есть миф о том, что *кам* Саксай из сеока Чор (Шор) однажды камлал в начале зимы, разбив лед на небесном своде теслом, проник туда через отверстие. Во время камлания шаман размахивал теслом, и присутствующие видели, как в юрту влетали куски льда. А. В. Анохин записал рассказ о зимнем камлании Ульгену *кама* Саньзака (род Очы), который, камлая, пробил замерзший небесный свод топором и побывал на небе, где даже беседовал с Ульгеном [Потапов, 1991, с. 141]. У алтайцев существуют и другие рассказы о сильных шаманах, которые якобы поднимались на небо зимой.

Общие элементы наблюдаются не только в организации сакрального пространства, в условиях проведения обрядов, но и в системе персонажей.

Персонажи

Обрядовые действия имеют свои правила и собственную персонажную структуру. Адресатами анализируемого обряда являются небожители, а действующими персонажами проводимой игры выступают люди, шаман со своим помощником (*баш туткан*), духи божеств и предков.

Камлание Ульгеню проводят мужчины. Женщинам-шаманкам камлать было запрещено, особенно после замужества. После брака, переходя в род мужа, «женщина оставалась в нем чужеродной и не имела права участвовать в родовом культе, а тем более совершать жертвоприношение главному родовому духу – Ульгеню» [Дыренкова, 1949, с. 111]. Женщины не участвовали в обряде еще и потому, что в это время мужчины у Ульгена и Энем-Дьайучы (*Энем-Дайучы* – букв. ‘Мать моя Творец’) просили души детей – *кут*.

В основе обрядовой коммуникации лежит диалог шамана с иным миром. Обрядовое событие начинается с обращения шамана к божествам Верхнего, Среднего и Нижнего миров. Контекст обряда встроен в особый символический «тайный язык», который влияет на поведение персонажей, участвующих в нем. В тексте камлания Ульгеню, опубликованном В. И. Вербицким, Н. А. Баскаковым и Н. А. Яимовой, встречаются следующие теонимы: Ылген ‘Ульген’, Кергыдай, Кан-Каршит, Кызыган, Мерген-Каан, Адам Пырган Тенери (или Тенери-Каан ‘Тенгери-Хан’), Жайык-Каан ‘Яик-Каан’ (Дьайык), Жабыр-Каан ‘Яабыр-Каан’, Кайра-Каан; Мансар-Каан ‘Мансар-Каан’, Пырчу-Каан, Келэгей, Аба-Каан, Мордо-Каан, Алтай-Каан, Эрлик, Окту-Каану, Жөө-Каан ‘Т’ёё-Каан’ [Вербицкий, 1992; Баскаков, Яимова, 1993, с. 23–47].

Данный список частично совпадает с теонимами, встречающимися в тексте камлания Ульгеню, записанном А. В. Анохиным у телеутов, в котором присутствуют имена божеств, относящихся не только к Верхнему миру, но и к Нижнему: Ылген ‘Ульген’, Эркей-Каан, Эрмен-Каан, Ордо-Каан, Темир-Каан, Кирбей-Каан, Мансар-Каан, Кургай-Каан, Талай-Каан, Поокту-Каан, Мустай-Каан, Жөө-Каан ‘Т’ёё-Хан’, Кан-Адай, Алтай-Каан, Тенгере-Каан ‘Тенгере-Хан’, Тотой-Тенгере, Кызыган-Тенгере ‘Кызыган-Тенгере’, Абжош-Тенгере ‘Абдош-Тенгере’, Энем Мерген Тенгере ‘Энем Мерген Тенгере’, букв. ‘Мать Мерген Небо’, или Энем-Дайучы ‘Энем-Дьайучы’ (МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 163).

Функции и описание этих божеств даны также в монографии Д. А. Функа [2005, с. 102–117]. Призывание божеств Нижнего мира (например, Темир-Каана), возможно, связано с представлениями о единстве и взаимосвязанности всех трех миров – Верхнего, Среднего и Нижнего. Шаман, обращаясь ко всем божествам,

задает равновесие сил. Семантике теонимов может быть посвящена другая работа, здесь же мы коснемся лишь некоторых из них для определения их особенностей в исследуемых текстах.

Ульген употребляется не только как верховное божество, но и как нарицательное имя в широком значении – ‘дух, духи, покровительствующие или вредящие человеку’. По сведениям Л. П. Потапова, «у кумандинцев каждый сын Ульгена назывался нарицательно ульгеном, что все сыновья – это тоже ульгени, и каждый сеок кумандинцев почитал своего ульгена своим покровителем, приносил ему жертву. Их отец именовался Бай Ульгеном, т. е. главным Ульгеном...» [Потапов, 1991, с. 247]. «Все ульгени приносят блага человеку. Одни охраняют его здоровье. Другие дают «*кут*» (зародыш) на душу ребенка, *кут* на скот. Ульгени с высшими способностями живут в высших сферах (небес. – Л. П.), с низшими – в низших. Шаманисты приносят ульгеном кровавую жертву – лошадь светлой масти... Небесные ульгени находятся под властью главного Ульгена» [Там же, с. 250]. У телеутов также зафиксировано использование термина «ульгень» в качестве наименования целой категории небесных духов, среди которых главенствовал Бай Ульген (Бай Улген). Категория духов-ульгений, в том числе и сам Ульген с его сыновьями и дочерьми, входила в более обширную группу духов, отличительной чертой которой считалось доброжелательное отношение к человеку. Называлась эта группа *байана* (*пайана*) и включала в себя как небесных, так и земных духов. Поэтому Ульгена шаманы во время камлания называли еще Ульгень-пайана [Там же].

В тексте В. И. Вербицкого у Ульгена есть семья: жена по имени Таза-Каан, семь дочерей, семь сыновей. И в текстах упоминается нечасто. В камлании Ульгену, записанном А. В. Анохиным, наблюдается употребление теонима ульген в нарицательном значении, обозначая всех духов и божеств в обряде.

Обожествление неба отразилось в различных наименованиях божеств, в составных частях которых содержится лексема *Тенгере* ‘Небо’: *Тенгере-Каан* ‘Небо-Хан’, *Тотой-Тенгере* ‘Тотой-Тенгере’, *Абдош-Тенгере* ‘Абдош Тенгере’ и т. д. Небо ассоциировалось с громом, молнией, поэтому к нему почтительно обращались как к матери и отцу, с эпитетами *Мерген* ‘Меткий Стрелок’, *Пыркан* ‘Светлых дух’: *Мерген-каан* (о небе отце), *Энем Мерген Тенгере* ‘Энем Мерген Тенгере’ (букв. ‘Мать Меткий Стрелок Небо’), *Адам Бурхан Тенгере* ‘Отец мой Бурхан Тенгере’. Небо-божество называют матерью и отцом: Энем Мерген Тенгере ‘Энем Мерген Тенгере’, букв. ‘Мать Меткий Стрелок Небо’ или Энем-Жайучы ‘Энем-Джайучы’ (букв. ‘Мать моя Создательница’) – небесное божество, олицетворяющее женское, материнское начало: *Эзре булут эдектү*, / *Жажыл булут жакалу*, / *Энем – Мерген-Тенгере* (МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 163). ‘С подолом из круглых облаков, / С воротом из зеленого облака, / Мать моя – Мерген-Тенгери’.

Божество, олицетворяющее Небо-Отца, называют Мерген-каан ‘Мерген-хан’: *Албаа куурт јорукту*, / *Албаа јалкын ойынду*, / *Күскү пулут күзүрттү*, / *Јаскы пулут јажынду*, / *Күкүрт-шагырт айакту*, / *Ада Мерген-хан!* ‘С громоподобной ездой, / С молниеносной игрой, / С громом, как у осенних туч, / С молнией, как у весенних туч, / С грохочущими ногами, / Отец Мерген-каан!’ [Баскаков, Яимова, 1993, с. 25]. В пантеоне высших божеств наблюдается равновесие сил мужского и женского.

В обоих текстах содержится теоним *Кызыган-Тенгере* ‘Кызыган-Тенгере’ (Кызы(л)-каан) – букв. ‘Раскаленное Небо’. Это небесное божество, едущее на красном облаке, характеризуется следующим образом: *Кызыл пуура минеттү*, / *Кызыл*

јибек тискиндү, / Кызыл солоно тайакту, / Атам Кызы-кан тенгере! ‘На верховом животном – красном верблюде, / С красным шелковым поводом, / С посохом – красной радугой, / Отец мой, Кызы-кан небесный’ [Баскаков, Яимова, 1993, с. 24]. Аналогичное описание этого божества дано в тексте А. В. Анохина: *Кызыл пулут өркөштү, / Кызыл јибек тискиндү, / Кан кызылдаг минеттү, / Јажыл пулут өркөштү, / Јажыл солонгы тайакту, / Јажыл јибек тискиндү, / Кан јажылдын минеттү. / Адам – Кызыган-Тенгери* (МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 163). ‘С красным облаком – горбом, / С красной нитью – поводом, / На верховом животном красном, / С зеленым облаком – горбом, / С посохом из зеленого облака, / Из зеленой веревки – поводом, / На зеленом верховом животном. Отец мой – Кызыган-Тенгери’.

Как подтверждает внутренняя форма теонима *Пырчу-Каан* ‘Пырчу-Хан’, «племянника» Ульгена, он образован в результате персонификации небесного явления от слова *пырчак* ‘град’ [СААНТЯ, 2005, с. 279]³, букв. ‘Град-Хан’. Функция этого божества – насыпать на землю град. *Ўлген-каанның јеени, / Айгыр јалду адам Пырчу-каан* ‘Племянник Ульген-каана, / Отец мой Пырчу-каан с гривой жеребца’ [Баскаков, Яимова, 1993, с. 43]. Как видим, верхний пантеон в основе своей представляет олицетворение небесных явлений, что известно многим развитым мифологиям.

После призывания божеств и духов шаман выходит из юрты, садится на чучело, изображающее гуся, и, представляя себя летящим вверх, громко распевает. «*Кам*, сидя на гусе, спускается вниз с высоты, бегаёт вокруг юрты, как бы загоняя коня, все помогают ловить невидимого коня. Потом, как будто поймали лошадь. Шаман подражает голосу коня, у которого шея сдавлена арканом, прыгает, лягается и проч. Жертвенную лошадь готовят к ритуалу, делают “алас” можжевеловым. Шаман и его помощник доставляют душу жертвенной лошади в небо, преодолевая каждый раз новый слой небесного пространства, в реальности ставя метки на *тапты*. Во всем пути *кам*, подражая гусю, издает звуки: “Кагак, кагак!”» [Баскаков, Яимова, 1993, с. 26].

На пятом слое неба живет божество *Энем Јайучы* ‘Энем Дьайучы’, или *Кан Јайучы* ‘Кан Дьайучы’, создающее души младенцев. Оно предсказывает, благословляет и тем самым как бы создает души детей. В комментариях в тексте, опубликованном Н. А. Баскаковым и Н. А. Яимовой, отмечается, что «перед началом предсказания все бросают шапки на землю под бубен. По окончании каждого предсказания *кам* говорит: “*Күндү јерде јайыла барзын!* ‘По солнечной земле пусть распространяется!’” – и, приподняв бубен, бьет в него колотушкой, а народ хватается шапки, как бы желая поймать упавшее в них предсказание. Если предсказания плохие, шапки отряхиваются, если хорошие, то все быстро подхватывают шапки и зажимают их» [Там же, с. 73]. Войдя к Ульгену, «*кам* узнает, приятна ли ему жертва или нет, узнает о состоянии и изменении погоды, каков будет сбор орехов, урожай хлеба, лов зверя, а также не требуется ли еще жертвы от кого-либо» [Там же, с. 78]. Шаман также в пути общается с Солнцем, Луной, видит зайчика, пробегающего мимо него, летящую кукушку, после чего он как бы возвращается на землю.

³ Первое издание: Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Сост. протоирей В. Вербицкий. Изд. Православного Миссионерского общества. Казань: Тип. В. М. Ключникова, Большая Проломная улица, 1884.

Таким образом, обожествление неба отразилось в различных наименованиях небесных божеств, в составных частях которых содержится лексема *Тенере* 'Небо'. Небо ассоциировалось с громом, молнией, поэтому к нему почтительно обращались, как к матери и отцу, с различными эпитетами. К небесным относятся божества, производящие грозу и другие атмосферно-метеорологические явления: *Пырчу-Каан* 'Пырчу-Хан' – божество, насылающее на землю град, *Тотой-Тенере* / *Тотой Пайана* 'Тотой Небо' – божество, владыка града, грома и дождя.

Синтагматика и семантика текстов

Анализ синтагматической структуры обрядов заключается в сопоставлении ключевых эпизодов сюжетной организации текстов разных исполнителей, что позволяет проследить вариативность и устойчивость шаманской традиции алтайцев. Е. С. Новик отмечала, что «вычленение повторяющихся, неизменных, инвариантных элементов камланий позволит классифицировать этот текучий и с трудом поддающийся инвентаризации материал, сделает его легко обозримым и доступным для дальнейшего изучения», кроме того, «послужит более надежным основанием для анализа конкретных этнических форм и, далее, для историко-генетических реконструкций шаманства в различных регионах Сибири. Выявление синтагматических связей между отдельными фрагментами шаманского действия позволяет вскрывать значения составляющих компонентов, поскольку по месту и по роли той или иной обрядовой акции в контексте камланий можно судить об их семантике» [2004, с. 19].

Мистерию к Ульгену в записи А. В. Анохина можно разделить на несколько самостоятельных частей, а каждую часть – на несколько действий. Ритуальные действия, совершаемые шаманом, сопровождаются устным текстом, озвучиваемым повторно при повторяющихся действиях шамана. Повторяющиеся места в шаманском тексте образуют сюжетно-смысловые блоки. При достижении каждого слоя шаман повторяет выражения: *Эки тапты тапталып чыктым, / Эки катка жайала чыктым* (МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 163). 'На второй слой я наступил, / На второй слой я плавно поднялся'. В тексте В. И. Вербицкого такие повторы также имеются. При преодолении каждого небесного слоя шаман читает тот же самый текст, при этом указывая, на какой слой неба он поднялся, например: *Ўч тапты таптала чыктым, Шакарбата! (3 катан) / Ўч катка жайыла чыктым, / Шакарбата! (3 катан). / Тапты бажын толгоно чыктым, / Шакарбата! (3 катан). Толгон айга малкый чыктым, / Шакарбата! (3 катан)*. 'На третью ступень наступил, поднялся я, / Шакарбата! (3 раза). / На третий слой неба плавно поднялся я, / Шакарбата! (3 раза). / Вершину ступени огибая, поднялся я, / Шакарбата! (3 раза). / В течение месяца благословляя, поднялся, / Шакарбата! (3 раза)' [Баскаков, Яимова, 1993, с. 56–57].

Во время обряда шаман как бы поднимался по небесным слоям, которые изображались при камлании на специально установленном дереве в виде зарубок-тапты (букв. 'ступень'). При достижении каждого небесного слоя шаман повторяет тот же самый текст, представляющийся «общим местом».

Полет в небо символически инсценировался шаманом, считалось, что на небо возносится невидимый для присутствующих его двойник – *жула*-душа. «Шаман подымался по девяти воображаемым ступеням, как по лестнице, идущей от вершины березы до небосвода, в который она якобы упиралась. Уже на девятой ступени шаман достигал местопребывания одного из сыновей Ульгена, именуемогося

Пактыган, почитавшегося в некоторых сеоках (родах. – Н. О.), в частности у телеутов и кумандинцев, как родовой покровитель» [Потапов, 1991, с. 140–141].

Шаман, перед тем как попасть к верховному божеству Ульгену, преодолевает 16 слоев неба. После этого он получает благословение от Эрмен-Каана, раздает *кут*-души зверей и детей, сотворенных Ульгеном. Присутствующие по очереди подходят к шаману, кладут к его ногам шапки, для того чтобы принять через него от Эрмен-Каана *кут* на зверей. Достигнув 15-го слоя, шаман получает у Эне-Дбайучи благословение творить души детей, которые должны родиться. Из присутствующих только женатые кладут шапки к ногам шамана. Тот начинает творить *кут* на детей владельца шапки. Бьет в бубен над шапкой. Затем ее поспешно хватает владелец и надевает себе на голову (МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 163). Данный ритуальный эпизод сопровождается повторяющимися выражениями, «общими местами».

В комментариях к камланию А. В. Анохин отмечал: «Число творений “кут” на детей иногда бывает больше 10–15. Кам перед каждой шапкой изрекает общения с Энем-Жайучи. Над последней шапкой кам, согнувшись, делает заключительный ‘курый’» (МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 163). В данном акте в главном действующем лице – шамане – срабатывает инстинкт преображения, очень близкий к театральным событиям. Шаман в своей роли исполняет игровое действие по сценарию, «который он видел или себе уже представлял, по ходу преображаясь и меняя тактику в зависимости от участников этого действия» [Дампилова, 2018, с. 36]. Игра сопровождается ритмичным движением или танцем.

В шаманских действиях многое имеет театральнo-игровой характер. Н. А. Баскаков и Н. А. Яимова о поэтическом мире камлания Ульгену писали: «Само камлание, весь процесс действия, мимика, танцы, жестикуляция характеризует шамана как истинного, искусного исполнителя, как артиста, исполняющего свою сложную партию» [1993, с. 81]. Кроме инсценировки путешествия в Верхний мир шаман изображает раздачу душ на детей. Как пишет Л. С. Дампилова, исследовавшая шаманскую обрядность бурят, «с древних времен это свойство игры особо востребовано в ритуальном событии». «Игра старше культуры... человеческая цивилизация не добавила никакого существенного признака общему понятию игры» [2018, с. 33]. Ритуал и игра в чем-то близкие и схожие явления культуры.

Для путешествия в обратный путь на землю шаману от Ульгена давались 15 *бура* (букв. ‘верблюд’), которых он вызывал с озера Ак-Сют-Кель. В камлании, опубликованном В. И. Вербицким, шаман поднимается на девятый слой неба на *буре*, а затем на гусе. На ритуальной березе вырубается 9 зарубок, так отмечают 9 ступеней (*танты*) [Вербицкий, 1992, с. 65]. В ритуальном действии появляются другие лица, изображающие небесных *бура* шамана. В каждом слое шаман меняет *бура*, если прежние устали или захромали. На последнем слое *бура* изображает сам хозяин. Кам делает над ним три обычных удара. При последнем ударе шаман спускается уже на землю (*кам Ылгеннен тўжўп келди*). Быстро соскакивает с табурета, и над хозяином совершается особый обряд «Курий», который заключается в верчении бубном и колотушкой над головой хозяина с произношением слова «*Оп курый!*». В заключение кам делает жест, подхватывает бубном духов-*бура* и становится на 3-ю ступень-*танты*, ударяет в бубен, поднимая его вверх, и говорит: «Шарбатай...». А затем отсылает всех духов-*бура* на место к Ак-Сют-Кель (МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 163).

В самом конце обряда шаман «вдувает» душу-*кут* в своего помощника (*бай-тал-баишчы*), окуривает его можжевелником. Затем он подходит к хозяину, его

жене, детям и другим присутствующим. После этого осматривает внутренность шатра, проходя спокойно взад и вперед два раза. Иногда замечает среди присутствующих человека, у которого видит болезнь. Шаман предупреждает его об этом, при этом говорит, от какого духа тот заболел. Потом садится на табурет, отпускает сопутствующих ему духов (*калын черү*) на их места (МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 163). По шаманским верованиям, по зову шамана души детей спускаются с неба на землю по мировому дереву и вселяются в специально подобранных для этого обряда чистых, непорочных девушек и юношей [Дугаров, 1991, с. 52]. Таким деревом в мифологии алтайцев является священная береза (*бай кайын*).

Обряд завершается следующими действиями: «...Хозяин дома приглашает *кама* и других гостей в избу. Угощает их чаем, вином... Когда взойдет солнце, молодежь приносит бересту, делает 15 ложек, по числу небесных *кат* (слоев. – *Н. О.*), одну из них для *кама* – большую. Кроме этого в шатер приносят 15 деревянных чайных чашек (*чөбчөй*), а за ними кадку с *айраном* (кисломолочным напитком, приготовленным из молока кобылы). Внутри шатра стелют кошму, на которую расставляют чашки с берестяными ложками. *Кам*, хозяин и другие лица собираются для совершения обряда *айран чачарга* ‘кропление айраном’ всем *ульген’ам*. С приходом *кама* перед каждой чашкой на колени садится мужчина с веткой в левой руке. *Кам* одевается в халат, шапку, становится в шатер на обычное место. В руке у него тоже ветка, ложка, а на полу перед ним стоит чашка. В этом действии все чашки заполняются *айраном* 9 раз. После каждого раза делаются три кропления, всего 27. Кропят вверх на занавес (*көжсөдө*). *Кам* читает *алкыш*. По окончании кропления все выпивают из своих чашек оставшийся *айран*. *Кам* из своей чашки подает пить хозяину, хозяйке, детям, а остатком *айрана* моет голову хозяину. Чашку бросает из шатра на улицу. *Байтал баишчы* торопливо бежит за чашкой. Если чашка упадет отверстием вверх (*алча*) – считается хорошим признаком» (МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 163).

Таким образом, анализ синтагматической структуры текстов показал вариативность и некоторую устойчивость шаманской традиции алтайцев и телеутов. Выявление синтагматических связей между отдельными фрагментами шаманского действия позволило выявить значения составляющих компонентов, а также семантику и характер обрядовых действий. Устойчивость шаманским текстам придают повторяющиеся «общие места», образующие сюжетно-смысловые блоки, для которых характерно незначительное варьирование.

Стилистические особенности текстов

Текст камлания Ульгену, опубликованный В. И. Вербицким, переизданный Н. А. Баскаковым и Н. А. Яимовой, был записан под диктовку, в нем присутствует множество ошибок, неточностей, а также фонетические искажения: мягким знаком обозначена мягкость согласных, например, в словах *кель* ‘приди’, *кйгэнь* ‘одел’, знак *ү* обозначен как *у* или *ю* – *тюш* ‘спустись’, *курюнэр* ‘покажется’, вместо *көрүнер*; отсутствует буква *н*, вместо нее везде *н* – *тенгериний* ‘неба’.

В тексте А. В. Анохина встречаются диалектизмы: *эллү* ‘пятьдесят’, *тайлык* ‘жеребенок’, *пурчак* ‘град’ и др. Топонимы – Эдил, Дьайык, Байат – также указывают на принадлежность текста телеутскому языку.

Несмотря на языковые расхождения, для обоих текстов характерны общие поэтические повторяющиеся формулы. Так, ритуал окуривания всегда сопровождается следующими выражениями: *Алас, алас, алас*, / *Ак Ылгеннин от алас*, / *Ылгенкааннын чын алас*, / *Көзү жаман көргүспе* / *Тыны жаман тындатпа* / *Сабылтарга*

салбагар / Чайбалтарга бербегер. ‘Алас, алас, алас, / Белого Ульгена огненный алас, / Ульгена-каана настоящий алас, / Злому глазу не показывай, / Злому духу не давай подслушать, / Согнуться не дайте, / Выплеснуть не дайте’ (МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 163). В тексте А. В. Анохина выражение повторяется 8 раз. В тексте В. И. Вербицкого эта формула также встречается: *Алас, алас, алас кубат, / Ылген-каанның ак алас, / Ак Ылгенниң чын алас* [Баскаков, Яимова 1993: 27]. ‘Алас, алас, алас милостивый, / Ульген-хана чистый алас, / Белого Ульгена настоящий алас’ (перевод уточнен мною. – Н. О.). Формула призывания духов и божеств в тексте повторяется 33 раза: *Ўн салыжа килигер, / Кыйгы салыжа тўжўгер* (МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 163). ‘Голоса издав, придите, / Крики издав, спуститесь’.

Формула времени проведения обряда встречается в обоих текстах: *Айдын болзо аруунда, / Кўннўн болзо кўркўўнде, / А-эй! Ылдын айланганда, / Ылан бажы сойылганда* (МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 163). ‘В пору, когда новолуние, / В пору, когда солнце сияет, / А-эй! В пору, когда год вернулся, / Змея шкуру свою сбросила’; *Айдын болзо, аруда, чок! / Кўннўн болзо, жаркында, / Эски жылым чыкканда, / Јангы жылым киргенде, / Жылым бажы айланганда* [Баскаков, Яимова, 1993, с. 29–30]. ‘При лунном сиянии чистом, чёк! / Солнечном сиянии ярком, / На исходе старого года, / При наступлении нового года, / По возвращении начала года’. Формула характерна и для современных обрядовых текстов алтайцев.

Устойчивые поэтические формулы в шаманских текстах выполняют важную композиционную и стилистические функции связи между действиями и эпизодами.

Заключение

Итак, в функционально-семантическом плане два текста камлания, посвященные божествам Верхнего мира, имеют много общего. Эти произведения, исполненные разными шаманами и в разное время, по коммуникативной цели направлены на то, чтобы получить благодать и души детей от верховного небесного божества. В сакральном пространстве символы (ритуальные березы, жертвенные сооружения, разжигание костра, жертвенное животное) выступают связующими элементами между шаманом и иным миром. Камлания божествам Верхнего мира у алтайцев и телеутов проводились весной и ранней осенью в нечетные дни новолуния. Обрядовые действия исполнялись в течение 3 дней: в первый день совершались подготовительные действия, во второй – обряд жертвоприношения, в третий – завершение обряда. Общие элементы наблюдаются не только в организации сакрального пространства, но и в системе персонажей. Адресатами обрядов являлись небесные божества и духи, а действующими персонажами – люди. В наименованиях божеств Верхнего мира выражена персонификация неба и природных явлений, характерная для архаичных мифологий. Анализ синтагматической структуры текстов показал вариативность и некоторую устойчивость шаманской традиции алтайцев и телеутов. Повторяющиеся эпизоды шаманского обряда, отраженные в общих местах, или сюжетно-смысловых блоках, поэтических формулах придают устойчивость поэтической структуре текстов. Наличие общих поэтических формул также указывает на общепоэтическую шаманскую традицию алтайцев и телеутов.

Список литературы

Баскаков Н. А., Яимова Н. А. Шаманские мистерии Горного Алтая. Горно-Алтайск: Республиканская типография, 1993. 125 с.

Вербицкий В. В. Алтайские инородцы. Репринт. изд. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 1992.

Дампилова Л. С. Игра в обрядовом событии монгольских народов // Сибирский филологический журнал. 2018. № 2. С. 33–39.

Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.

Дыренкова Н. П. Материалы по шаманству у телеутов // Сб. Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. Т. 10. С. 107–190.

Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит., 2004. 304 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока / Редкол.: Е. М. Мелетинский и др. Семиотика фольклора)

Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 321 с.

СААНТЯ – Словарь алтайского и аладэгского наречий тюркского языка / Сост. протоирей В. Вербицкий. 2-е изд. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2005.

Функ Д. А. Миры шаманов и сказителей: Комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; Наука, 2005. 398 с.

References

Baskakov N. A., Yaimova N. A. *Shamanskiye misterii Gornogo Altaya* [Shamanic mysteries of Altai Mountains]. Gorno-Altaysk, Respublikanskaya tip., 1993, 125 p.

Dampilova L. S. *Igra v obryadovom sobytii mongol'skikh narodov* [Play in the ritual event of the Mongolian peoples]. *Siberian Journal of Philology*. 2018, no. 2, pp. 33–39.

Dugarov D. S. *Istoricheskiye korni belogo shamanstva (na materiale obryadovogo fol'klora buryat)* [Historical roots of white shamanism (based on the ritual folklore of the Buryats)]. Moscow, Nauka, 1991, 300 p.

Dyrenkova N. P. *Materialy po shamanstvu u teleutov* [Materials on shamanism among Teleuts]. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Coll. of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow, Leningrad, 1949, vol. 10, pp. 107–190.

Funk D. A. *Miry shamanov i skaziteley: Kompleksnoye issledovaniye teleutskikh i shorskikh materialov* [The worlds of shamans and storytellers: A comprehensive study of the Teleut and Shor materials]. Moscow, N. N. Mikolukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Nauka, 2005, 398 p.

Novik Ye. S. *Obryad i fol'klor v sibirskom shamanizme: opyt sopostavleniya struktur* [Rite and folklore in Siberian shamanism: the experience of comparing structures]. 2nd ed., rev. and suppl. Ye. M. Meletinskiy et al. (Eds). Moscow, Vost. lit., 2004, 304 p. (Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka: Semiotika fol'klora [Studies in folklore and mythology of the East: Semiotics of folklore].

Potapov L. P. *Altayskiy shamanism* [Altai shamanism]. Leningrad, Nauka, 1991, 321 p.

Slovar' altayskogo i aladagskogo narechiy tyurkskogo yazyka [Dictionary of the Altai and Aladag dialects of the Turkic language]. Archpriest V. Verbitsky (Comp.). Gorno-Altaysk, Ak-Chechek, 2005.

Verbitskiy V. V. *Altayskiye inorodtsy* [Altai foreigners]. Reprinted edition. Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk Printing House, 1992.

Сведения об авторе

Ойноткинова Надежда Романовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

sibfolklore@mail.ru

Author ID 607299

ORCID 0000-0002-5767-7085

Information about the author

Nadezhda R. Oynotkinova – Doctor of Philology, Leading Researcher of the Folklore Sector of the Peoples of Siberia, Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

sibfolklore@mail.ru

Author ID 607299

ORCID 0000-0002-5767-7085

Музыкально-песенный фольклор переселенческой традиции удмуртов Красноярского края

И. В. Пчеловодова¹, Н. В. Анисимов¹⁻³, Е. А. Софронова²

¹ Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
Ижевск, Россия

² Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия

³ Эстонский литературный музей
Тарту, Эстония

Аннотация

Статья посвящена анализу музыкально-песенной переселенческой традиции красноярских удмуртов в сравнительном аспекте с коренной традицией Игринского и Алнашского районов Удмуртской Республики. Выделяются две волны переселения удмуртов в Сибирь: 1) добровольное, начавшееся во время проведения столыпинской аграрной реформы (1910–1912 гг.), 2) принудительное – в период раскулачивания (30-е гг. XX в.). Так удмурты-переселенцы обрели вторую родину, где, в частности, компактно основались в Красноярском крае. К красноярским удмуртам было совершено три экспедиции: в 1974, 1991 и 2020 гг. В данной работе изучены и представлены звукозаписи первой и последней экспедиций. Исследование показало, что в музыкально-песенной традиции красноярских удмуртов сохраняется разделение на южных и северных удмуртов, хотя данные последней экспедиции обнаружили преобладание севернудмуртской традиции. Обрядовый и необрядовый пласт песен выявил приверженность у переселенцев к своей коренной традиции на уровне поэтических и музыкально-стилевых особенностей жанровых групп. Характерной чертой песенной традиции сибирских удмуртов в целом можно назвать наличие мотивов состояния тоски по своей прежней родине, которые наиболее ярко выражаются в поэтических текстах ранних экспедиционных записей.

Ключевые слова

удмурты, сибирская группа, переселение, экспедиции, музыкальный фольклор, песенные жанры, обрядовые песни, необрядовые песни, переселенческая традиция

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10113 «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов», рук. П. С. Шахов)

Для цитирования

Пчеловодова И. В., Анисимов Н. В., Софронова Е. А. Музыкально-песенный фольклор переселенческой традиции удмуртов Красноярского края // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 31–49. DOI 10.17223/18137083/75/3

Song folklore of the resettlement tradition of the Udmurts of the Krasnoyarsk region

I. V. Pchelovodova¹, N. V. Anisimov¹⁻³, E. A. Sofronova²

¹ Udmurt Institute of History, Language and Literature of the UdmFIC UB RAS
Izhevsk, Russian Federation

² Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

³ Estonian Literary Museum
Tartu, Estonia

Abstract

This paper analyzes the musical and song resettlement tradition of the Krasnoyarsk Udmurts and compares it with the indigenous tradition of the Udmurts living in the Igrinsky and Alnashsky districts of the Udmurt Republic. The resettlement of the Udmurts to Siberia proceeded in two ways: voluntarily – during the Stolypin agrarian reform (1910–1912) and forcibly – during *dekulakization* (the 1930s). Krasnoyarsk Krai thus became a second homeland to most settlers. Three expeditions were conducted to the Krasnoyarsk Udmurts: in 1974, 1991, and 2020. This study compared sound recordings of the first and last expeditions. It has been revealed that the musical and song tradition of the Krasnoyarsk Udmurts still preserves a distinction between southern and northern Udmurt traditions. However, the data of the last expedition demonstrates the predominance of the Northern Udmurt tradition. A detailed analysis of ritual and non-ritual songs has shown that settlers remain committed to their indigenous tradition in regard to poetic and musical-stylistic features of genre groups. A characteristic feature of the Siberian Udmurt song tradition is found to be the motif of longing for the former homeland, which is most clearly expressed in the poetic texts recorded during the first expedition. In contrast to the indigenous tradition, the Siberian Udmurt song tradition has an entirely different repertoire. The characteristic feature of the resettlement tradition is that it comprises songs borrowed from neighboring ethnic groups, such as Russians, Ukrainians, and Belarusians. To conclude, remoteness from the original tradition and neighborhood with other ethnic groups contributed to the loss of Udmurt language and culture, although the Krasnoyarsk Udmurts still recognize themselves as Udmurts.

Keywords

Udmurts, Siberian group, resettlement, expeditions, musical folklore, song genres, ritual songs, non-ritual songs, resettlement tradition

Acknowledgments

This research has been supported by a grant of the Russian Science foundation (project № 19-78-10113 “Folklore of Autochthonous and Migratory Traditions of Volga Region Peoples in Modern Records and Historical Dynamics: An Interactive Atlas of Audio Texts”, dir. P. S. Shakhov)

For citation

Pchelovodova I. V., Anisimov N. V., Sofronova E. A. Song folklore of the resettlement tradition of the Udmurts of the Krasnoyarsk region. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 31–49. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/3

Удмурты – малочисленный этнос, относящийся к финно-угорской языковой семье. Основной территорией проживания является Волго-Уральский регион. Однако в XX в. высокая степень внутригосударственной миграционной активности, связанной с политическими, экономическими и природно-климатическими факторами, способствовала распространению традиционной культуры удмуртов на

территории Сибири, где они, в частности, компактно обосновались в Томской области и Красноярском крае [Владыкин, 1976; Атаманов, 2004; 2008; 2020; Тучкова, 2001; Журавлева, Кузнецова, 2008; Лебедева, 2008; Пчеловодова и др., 2019; Anisimov et al., 2020; Пчеловодова, Анисимов, 2021].

Интерес к изучению переселенческих традиций народов Сибири намечен еще с конца XIX в. Однако актуальность подобных исследований не исчезла до сегодняшнего дня. Об этом говорят многочисленные статьи, посвященные отдельным этносам, по разным причинам переселившимся на сибирскую территорию [Леонова, 2017; Дайнеко, 2017; Шахов, 2017; Исмагилова, 2018]. Кроме того, сотрудниками сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения РАН и этномузыковедами Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки в 2014 г. в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда была разработана карта нового теоретического подхода к изучению песенных традиций коренных и переселенческих народов Сибири. Ее главной идеей стала единая программа исследований для неродственных народов, апробированная при анализе локальных песенных традиций сибирского бытования [Леонова и др., 2015]. Таким образом, ракурс изучения поставленной проблемы данной статьи вписывается в круг востребованных вопросов современной гуманитарной науки.

В рамках данной статьи нас интересует локальная фольклорная (музыкально-песенная) традиция удмуртов Красноярского края, относящихся к сибирской группе удмуртов. По данным переписи, в Енисейской губернии в конце XIX в. проживало 5 удмуртов, перепись 1920 г. зафиксировала в губернии 658 удмуртов, а к 2010 г. в Красноярском крае насчитывалось 2 026 удмуртов¹.

Основная звуковая коллекция песенной традиции удмуртов Красноярского края хранится в Научном архиве (далее НА) Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН (далее УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН): это записи фольклорно-этнографических экспедиций 1974, 2020 гг. под № 32, 34, 218 (всего 178 единиц), оригиналы имеются также в личных архивах авторов. В целях сохранения персональных данных указываются лишь инициалы и фамилии, год рождения информантов; место и год записи.

Таким образом, цель настоящей работы заключается в описании песенной традиции сибирских удмуртов Бирилюсского и Большеулуйского районов Красноярского края и в проведении сравнительно-типологического анализа с музыкальным фольклором исходной материнской традиции. Подобное исследование проводится впервые.

Методология продиктована поставленной задачей. Здесь учтены филолого-музыковедческие подходы. Филологический включает в себя сюжетно-тематический анализ поэтического текста, музыковедческий направлен на выявление структурных (поэтических и музыкальных), ладовых, метро-ритмических и мелодических особенностей развития песенных напевов.

История переселения удмуртов в Сибирь

Причин переселения на сибирские земли было несколько. Первая из них связана с проведением аграрной реформы П. А. Столыпина в начале XX столетия

¹ Этноатлас: народы и народности, населяющие Красноярский край. URL: <http://www.krskstate.ru/about/narod/etnoatlas/0/eid/84> (дата обращения 18.12.2020).

(1910–1912 гг.), которая ставила одной из задач переселение крестьян из западных губерний в восточные с целью освоения восточной части России. Эти изменения в первую очередь должны были коснуться тех крестьян, которые не имели своей земли в собственности. Так называемые безземельные крестьяне должны были переселиться за Урал, чтобы основать свое фермерское хозяйство. Данный процесс был добровольным, никого из крестьян правительство не принуждало переселяться в восточные регионы. Политика переселения основывалась на том, чтобы предоставить крестьянам, которые решатся переехать за Урал, максимальные льготы и создать привлекательные условия проживания².

Вторая причина переселения на сибирские земли была связана с процессом раскулачивания в период коллективизации (конец 20-х – 30-е гг. XX в.).

В отличие от удмуртов, переселившихся в Томскую область на добровольных началах в рамках столыпинской реформы, причинами появления удмуртов в Красноярском крае явились обе. Раскулачивание, безусловно, стало самым тяжелым и болезненным явлением в судьбе удмуртских переселенцев. Люди, лишившись всего, с большим трудом добирались до места назначения, а по приезду старались выжить в суровых условиях посреди сибирской тайги.

Добровольное переселение также не было столь благополучным, особенно для первого потока поселенцев, поскольку приехали они на «голое место», приходилось расчищать лес, обрабатывать землю, строить дома, обустраивать хозяйство, часто не имея необходимых орудий труда. Переселение продолжалось вплоть до 60-х гг. прошлого столетия. По воспоминаниям удмуртов-переселенцев, жизнь в Сибири была намного лучше, чем на прежней родине. Поэтому многие сообщали о «благодатном» месте проживания своим родственникам, односельчанам, приглашая их жить в Сибирь. Этим можно объяснить локальное переселение удмуртов из определенных районов и деревень.

Переселение удмуртов в сибирские земли С. Х. Лебедева условно делит на четыре этапа:

I этап – 1910–1913 гг.

II этап – 1921–1925 гг.

III этап – 1930–1939 гг.

IV этап – 1963–1965 гг.

Первые два из них связаны с освоением новых земель. Переселенцы именно этих годов жили в достатке, даже зажиточно. Третий этап связан с периодом раскулачивания и коллективизации [Лебедева, 2008, с. 195].

Основную массу прибывших в Красноярский край составили переселенцы из северных районов Удмуртии – Шарканского, Игринского, Красногорского, Юкаменского и Глазовского районов. Если шарканские удмурты были в потоке первых поселенцев, то игринские удмурты составили второй и третий потоки. Компактно удмурты расселились в Козульском, Бирилюсском и Большеулуйском районах Красноярского края (в Козульском районе удмуртских деревень на сегодняшний день нет). В настоящее время в Бирилюсском и Большеулуйском районах проживают в основном выходцы из Игринского района Удмуртии.

В 30-е и 60-е гг. прошлого столетия в эти места переселились выходцы из южных районов Удмуртии: Алнашский, Граховский и Кизнерский (?) районы. В последней экспедиции нами получена информация о переселении в Красноярский

² Аграрная реформа Столыпина 1907–1916 гг. – кратко о событиях. URL: <https://istoriarusi.ru/imper/agrarnaja-reforma-stolypina-kratko.html> (дата обращения 01.03.2020).

край одного удмурта из населенного пункта Бемыж, однако район его нахождения информанты сообщить не смогли. На территории Удмуртской Республики нам известен только один населенный пункт с таким названием – с. Бемыж, расположенное в Кизнерском районе. Граховские удмурты вскоре вернулись на родину [Атаманов, 2004, с. 79] (рис. 1).

Рис. 1. Районы переселения удмуртов из Удмуртской Республики в Красноярский край
Fig. 1. The areas of resettlement of the Udmurts from the Udmurt Republic to the Krasnoyarsk region

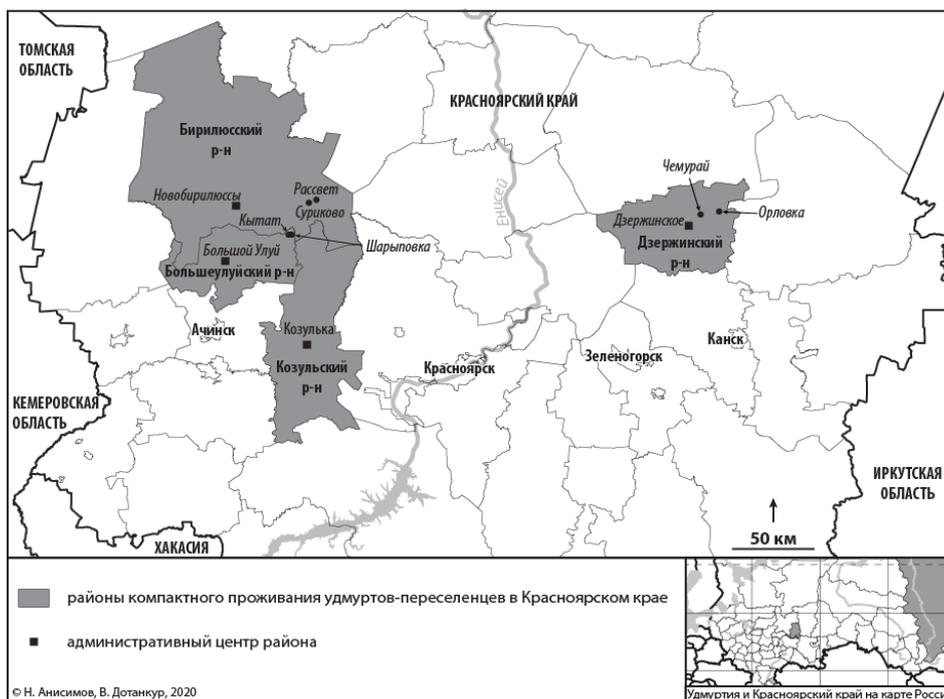

Рис. 2. Районы компактного проживания удмуртов-переселенцев в Красноярском крае
 Fig. 2. The areas of compact residence of the Udmurt settlers in the Krasnoyarsk region

В Дзержинском районе Красноярского края основную массу выходцев составляют удмурты Глазовского района Удмуртской Республики, переселившиеся в эти места в 30-е гг., но особенно активно в 60-е гг. XX в. Примечательно, что д. Чемурай была основана удмуртами-переселенцами в 1936 г.³, а одна из улиц пос. Орловка названа Глазовской в честь своей исторической родины (рис. 2).

Экспедиции к удмуртам Красноярского края

В разные годы с экспедициями к красноярским удмуртам выезжали удмуртские и эстонские ученые.

- **1974 г.** – этнографическая экспедиция преподавателей и студентов Удмуртского государственного университета совместно с научными сотрудниками Удмуртского научно-исследовательского института (ныне УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН). Материалы этой экспедиции являются наиболее ранними записями музыкальной традиции сибирских удмуртов. Возглавлял экспедицию тогда еще доцент, кандидат исторических наук, а ныне профессор, доктор исторических наук В. Е. Владыкин. В состав группы вошли студенты университета, некоторые из них впоследствии стали докторами наук. Участниками экспедиции были обследованы пос. Рассвет и д. Камышовка Бирюсского района, д. Шарыповка и станция Кытат Большеулуйского района.

³ Краткая история муниципального образования Орловский сельсовет. URL: <http://adm-orlovka.ru/about/shistory.html> (дата обращения 17.12.2020).

В рамках экспедиции 1974 г. зафиксированы сведения о свадебном обряде, который на тот момент еще активно бытовал в традиции красноярских удмуртов. Хранящиеся пленки в НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН показывают 20 песен, которые записаны от переселенцев с северной части (шарканско-игринский куст) и юга Удмуртии (д. Кузубаево Алнашского района). Основную часть песенного материала составляют неприуроченные песни (лирические, частушки), из обрядовых большую ценностью представляют свадебные напевы (северноудмуртская традиция), рекрутский (шарканская традиция), песни обряда гостевания (алнашская традиция) и календарный напев моления удмуртов д. Кузубаево Алнашского района. Следует заметить, что жители д. Кузубаево до сих пор являются приверженцами традиционных верований, оставаясь язычниками, и проводят деревенские общественные моления в родовом святилище *куала*, куда не допускаются посторонние люди.

По результатам экспедиции было опубликовано несколько работ историко-этнографического, лингвистического и социального характера [Владыкин, 1976; Корепанова, 1976; Атаманов, 1982; 2004; 2008]. Большую ценность представляют фото, сделанные участниками экспедиции, и тексты песен. Не менее ценным источником являются заметки из экспедиционных дневников М. Г. Атаманова [2020].

- **1991 г.** – этнографическая экспедиция сотрудников Удмуртского республиканского краеведческого музея (ныне Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузубая Герда) совместно с сотрудниками Национального музея Эстонской Республики (ныне Эстонский национальный музей, Тарту). Экспедицию возглавляла тогда заведующая отделом этнографии музея С. Х. Лебедева. В состав экспедиции вошли сотрудники республиканского музея (С. С. Михайлова (ныне Карм), Т. Г. Миннихметова, О. А. Баева, Э. Н. Кузнецова) и эстонского музея (фотограф Карм Арп, оператор Трейал Яан). Цель экспедиции состояла в сборе памятников материальной культуры (предметов музейного значения), а также духовной культуры красноярских удмуртов [Лебедева, 2008].

- **2020 г.** – фольклорно-этнографическая экспедиция научных сотрудников УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН совместно с сотрудниками Института филологии СО РАН и Эстонского литературного музея (Тарту). На сегодняшний день это последняя экспедиция в Красноярский край в составе И. В. Пчеловодовой и Н. В. Анисимова. К сожалению, к нашему приезду многих чисто удмуртских деревень уже не существовало (в частности, д. Камышовка исчезла в 80-е гг. XX в.). Пообщаться с красноярскими удмуртами удалось в двух западных районах по следам прошлых экспедиций – Бирилюссом (с. Суриково, куда переселились удмурты из д. Камышовка, Верх-Суразово, Володарка и др. и пос. Рассвет) и Большеулуйском (пос. Кытат, д. Шарыповка). Открытием данной экспедиции стала информация о проживании удмуртов-переселенцев в Дзержинском районе (д. Чемурай и пос. Орловка), расположенном в восточной части Красноярского края.

Большая часть полевого материала экспедиции 2020 г. связана с рассказами о переселении из Удмуртии в Красноярский край. Отдельное внимание было уделено праздникам и обрядам, проводимым местными удмуртами. Большинство рассказов – воспоминания из детства и молодости. Наиболее яркие из них связаны с весенне-летними календарными праздниками. Из семейных праздников сохранились воспоминания о свадьбе *сюан*, о празднике в честь новорожденного *пинал ваён*, обряде гостевания *куно*, о помощи в строительстве домов *веме*, новоселье *корка пырон*. Наиболее устойчивы похоронно-поминальные обряды, которые до

сих пор проводятся сибирскими удмуртами. Также удалось зафиксировать песенные жанры, среди которых были обрядовые (свадебные, гостевые, застольные) и необрядовые (традиционные лирические, авторские и заимствованные из репертуара соседних этносов – русских, украинцев, белорусов). Всего зафиксировано более 30 песен, но большинство из них исполнены фрагментарно либо отмечено их бытование в местной традиции.

Основная часть песен относится к северноудмуртской традиции, так как большинство исполнителей – это представители Игринского района Удмуртии.

Экспедиции в Алнашский и Игринский районы Удмуртии

Алнашский район расположен в южной части Удмуртской Республики, д. Кузубаево находится в юго-восточной части района, на границе с Республикой Татарстан (см. рис. 1). Сотрудниками УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН в д. Кузубаево Алнашского района было совершено пять фольклорно-этнографических экспедиций: в 1983 (МЛ 52), 1989 (МЛ 104), 2005 (МК 195), 2009 (коллекция № 207) и 2020 гг. (коллекция № 220). Наряду с сотрудниками и аспирантами Института, в состав экспедиций вошли преподаватели Удмуртского государственного университета, Пермского института культуры, сотрудники Эстонского литературного музея (Тарту).

В проведенных экспедициях зафиксировано большое количество этнографических интервью о календарных и семейных обрядах. Наибольшую ценность представляют беседы о священных местах и молениях трех родов деревни: *Быдзым-куала выжы* (род Великого святилища), *Булда выжы* (род Булды), *Луд выжы* (род Луда, букв.: Поля). Помимо этого записано большое количество песен, среди которых можно выделить песни обрядового (календарные и семейно-бытовые) и необрядового пластов. Некоторые из них были зафиксированы и в традиции сибирских удмуртов, в частности песни обряда гостевания и лирические, в том числе единственный напев моления в Великом святилище *Быдзым куалаын вӧсь гур*.

Игринский район расположен в центральной части Удмуртской Республики (см. рис. 1). Согласно полевым материалам и письменным источникам, родиной удмуртов-переселенцев были д. Турел, Квардавозь, Чуралуд, Сеп, Чемошур-Вортча, Сундур, Мазьги, Ыжнюк, Байвал, Лонки-Ворцы, Порвай, Вукогурт, Горд Кизили, Гереево, Среднее Шадбегово, Ильяпи, Верх-Нязь, Удмурт Лоза, Игчи, села Зура и поселка Игра [Лебедева, 2008, с. 196]. Эти населенные пункты стали основополагающими в выборе песенного материала коренной традиции.

В перечисленные деревни Игринского района состоялись четыре фольклорно-этнографические экспедиции сотрудниками УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН: в 1981 (МК 45), 1983 (МЛ 53), 1986 (МК 71) и 2021 гг. (коллекция № 221).

В рамках проведенных экспедиций также удалось собрать уникальный материал по семейно-бытовым песням игринских удмуртов (свадебных, рекрутских, гостевых), а также неприуроченным песням. Особенностью данного ареала является активное взаимодействие с русской традицией, что сказалось на заимствовании многих русских песен в качестве лирических, застольных, хороводных. Открытием стала песня, зафиксированная в д. Сундур в 1983 г. как напев уехавшего в Сибирь Ильи – *Сибьре кошкем Леллэн голосэз*. Она являет собой яркий пример местной традиции импровизированного пения на припевные слова или ономато-поэтическую лексику:

Та-ты, ты, таи та-ты,
Э, тй, та-ты, та.
Ай-яй, яй-яй-яй, хэ, яй-яй.
Эк но, ух но, оки, оки, оки но.

Та-ты, ты, таи та-ты,
Э, ти, та-ты, та.
Ай-яй, яй-яй-яй, хэ, яй-яй.
Эх да, ух да, оки, оки, оки да.

д. Сундур Игринского района УР, 1983 г.
НА УИИЯЛ, МЛ 53, № 10

В целом следует сказать, что экспедиции к алнашским и игринским удмуртам выявили богатый разножанровый песенный материал. В количественном плане музыкально-песенный фольклор коренной традиции, безусловно, больше и включает как более архаичные жанры по музыкально-стилистическим параметрам, так и поздние. Особо следует выделить песни, являющие собой память о людях, уехавших в Сибирь.

Далее мы проведем сравнительно-сопоставительный анализ некоторых песенных жанров коренной и переселенческой традиций.

Песенный фольклор

По экспедиционным материалам, записанным в разные годы, мы предприняли попытку выделить основные обрядовые и необрядовые песенные жанры, зафиксированные в диаспорной традиции удмуртов Красноярского края.

В обозначении напевов красноярскими удмуртами (выходцами из северных районов) выделяется два термина – *голос* и *кырзан*. Первый – *голос* – характерен для дефиниции обрядовых песенных жанров в значении «напев, мелодия». Для них характерно исполнение на припевные, асемантические, звукоподражательные слова, так называемая ономатопоэтическая лексика. Интересно замечание самих исполнителей относительно исполнения песен-импровизаций: *Милям мййюс кырзан кыл уг но валало вал, озьы матив гинэ кырзало вал <...>, “ой-дой-дой” мар шуо* («У нас старики словами-то и не пели, только мотив пели <...>, “ой-дой-дой” говорили») (Г. Н. Леконцева, 1929 г. р., пос. Кытат Большеулуйского района КК; НА УИИЯЛ, № 218, трек 94, 2020). Выходцы из южной части Удмуртии обрядовые напевы обозначают словом *гур* в том же значении. Термином *кырзан*, в отличие от предыдущего, называются песни необрядового пласта музыкального фольклора сибирских удмуртов. Он обозначает песни традиционной лирики, поздние по происхождению, авторские и заимствованные.

В песенной традиции красноярских удмуртов отсутствуют образцы календарных напевов, за исключением одного напева *Бьдзьым куалаын вось гур* – напева моления в Великом святилище, который был зафиксирован в 1974 г. от жителей станции Кытат Большеулуйского района Красноярского края. Исполнили его переселенцы из д. Кузубаево Алнашского района УР. В тексте встречаются характерные для напевов моления южноудмуртской традиции мотивы дружных родственных отношений, необходимости ритуального употребления алкогольного напитка:

*Восьм но(й) восьёсмы кабыл ке
но лу(в)из,*

*Уг лу меда весь валче но(й), ой,
улэммы.*

Освященное да наше моление
если будет принято/услышано [Бог],

Не сможем ли вечно вместе,
ой, прожить.

В тексте встречаются традиционные мотивы и образы: *сюан вань, кунян вань...* («свадьба есть, теленок есть...»), *чѳжэ но куать пузаз...* («утка да моя шесть яиц [снесла]...»), где образы теленка и утки олицетворяют невесту.

Как отмечает удмуртский этномузыковед И. М. Нуриева, именно свадебный напев в музыкальном фольклоре северных удмуртов, «в отличие от импровизируемых, постоянно изменяющихся обрядовых напевов-*крезей*, обладает статусом устойчивого музыкального маркера – напева-формулы» [Нуриева, 2018, с. 99]. Это, возможно, и сыграло важную роль в сохранении данного напева сегодня у красноярских удмуртов. Характерной чертой свадебного напева является его ритмическая основа из пятисложника – три восьмые и две четверти. Однако данная ритмоформула получает разнообразное прочтение в каждой исполнительской версии благодаря дроблению или сжатию долей, иногда ритмический контур не сохраняется за счет добавления слогов в поэтическом тексте. Так, в представленном нотном образце мы наблюдаем дробление четвертных долей во второй половине ритмоформулы, стяжение восьмых длительностей. Помимо этого, в третьей строке первой мелострофы появляется дополнительная ритмическая ячейка, что приводит к расширению периода (три восьмые). Последнее, на наш взгляд, связано с угасанием традиции.

Слогоритмическая схема свадебного напева
Syllabic-rhythmic scheme of the wedding chant

Песни гостевого этикета представлены несколькими образцами – это гостевые напевы / песни северно- и южноудмуртской традиции, а также застольные песни.

«*Кызыы меда лыктйды...*» («Как вы доехали / приехали...») – популярная гостевая песня северных удмуртов, исполняется при встрече гостей и на самом застолье хозяевами и гостями. В поэтическом тексте хозяева спрашивают гостей, благополучно ли они доехали, откуда они, с уважением ли они приехали, соскучились ли? Река Чупчи-Чепца, упоминаемая в песне, в традиционной культуре северных удмуртов играет большую роль как река-кормилица, река-дорога. В песне хозяева неслучайно спрашивают гостей, с верховьев или с низовьев Чепцы они прибыли, поскольку по реке северные удмурты различали живущих в устье, середине или в истоке реки – «своих», говорящих на одном диалекте, и «далеких». В тексте также встречаются традиционные для обряда гостевания мотивы единения (*ойдолэ люкаське* «давайте собирайтесь»), совместного пения. Последний выражен в поэтической формуле *одйг кылысь* («одним языком»):

Кызбы медам лыктйды? Ёсесь-
а тй вуиды?

Чупчи йылысен-а, выжысысен-а?

Гажаса-а, гажатэк-а лыктйды?

Монэ аззем потыса-а вуиды?

Гажаса ке лыктйды, жооген
сид-юоды.

Гажатэк ке лыктйды – уд
ю(в)ылэ.

Ойдолэ, кенъёс-пиналъёс,
люкаське,

Одйг кылысь кариськыса
кырзалом!

Как же вы приехали? Хорошо ли
добрались?

С верховьев реки Чепцы или с ее
низовьев?

С уважением или без уважения к
нам вы приехали?

Меня ли захотев увидеть вы
приехали?

Если с уважением приехали,
скорей угощайтесь.

Если не уважая приехали – не
угощайтесь.

Давайте, родные (букв. невестки-
дети), собирайтесь,

Одним голосом (букв. одним
языком) споем!

Г. Н. Леконцева, 1929 г. р.
пос. Кытат Большеулуйского района Красноярского края, 2020 г.
НА УИИЯЛ, 218, № 95

По музыкальному стилю песня является поздней. Для нее характерны широкий диапазон мелодии, диатоника, терцовое двуголосие, которое подразумевается и в сольном исполнении (пример 2). Интересна ритмическая структура напева: четные строки имеют обычную квадратную структуру (8 восьмых + 8 восьмых), а нечетные строки словно ломают квадратные рамки, укладываясь всего в 12 музыкальных времен восьмых:

Пример 2

Кызбы медам лыктйды...
куно утялтон гур

Хорошо ли вы доехали
напев угощения гостей

♩ = 96

Кы-збы ме-дам лык-тй-ды? Ёс-есь-а тй ву-и-ды?
Чуп-чи йы-лы-сен-а, вы-жы-ы-сен-а?
Га-жа-са-а, га-жа-тэк-а лык-тй-ды?
Мо-нэ аз-зем по-ты-са-а ву-и-ды?

Автор нотировки И. В. Пчеловодова

От переселенцев из д. Кузубаево Алнашского района Удмуртии в 1974 г. записано несколько вариантов гостевых напевов *юон гур*. Содержание поэтического текста гостевых напевов традиционно для южноудмуртской традиции. При этом содержание строк и их порядок может меняться в зависимости от ситуации или певца. Здесь встречаются мотивы родственных отношений, совместной дружной жизни, полного накрытого стола. Для гостевых песен переселенческой традиции, помимо названных, характерны мотивы тоски по прежней родине:

<p><i>Ой, мӧз(ы)мисько, туж мӧз(ы)мисько, мак сяькалэсь мӧзмисько. Мак сяькалэсьугмӧз(ы)миськы, Росси калыклэсьмӧзмисько.</i></p>	<p>Ой, тоскую, очень тоскую, по цветам мака тоскую. Не по цветам мака я тоскую, а по Российскому⁴ народу я тоскую.</p>
---	---

А. Н. Антонов, В. Н. Антонова
пос. Кытат Большеулуйского района Красноярского края, 1974 г.
НА УИИЯЛ, МЛ 34, № 9

Гостевые напевы южноудмуртской традиции в музыкальном отношении весьма традиционны – это пентатонный звукоряд, типичный завершающий ритмический рисунок, построенный на четырехслоговой группе с долготой на последнем слоге, гетерофонный тип многоголосия. Мелодическая строфа напева складывается из двух повторных музыкальных строк (АА) (пример 3).

Пример 3

Юон гур	Гостевой напев
♩ = 84	
Тй я - ра - тон ту - га - нэ - ным	вал - че(й) у - лэм - ме по - тэ.
Тй я - ра - тон ту - га - ньё - сын	вал - че(й) у - лэм - ме по - тэ.

Д. И. Григорьева, 1919 г. р.
пос. Рассвет Бирилюсского района Красноярского края, 1974 г.
НА УИИЯЛ, МЛ 34, № 3
Автор нотировки И. В. Пчеловодова

⁴ Россией сибирские удмурты, как и другие переселенческие народы Сибири, называют европейскую часть России до Уральских гор, в том числе располагающуюся на этой территории свою историческую родину Удмуртию.

По музыкальным особенностям застольные песни относятся к позднему пласту, представляя лирическую песенную традицию северных и южных удмуртов. Кроме того, можно выделить так называемый общеудмуртский репертуар песен, распространенных на всей территории Удмуртии. Здесь можно выделить как традиционную необрядовую лирику раннего пласта («*Васькисько, васькисько...*» – «Иду я, спускаюсь...», «*Учы но чирдэ, атас но чортэ...*» – «Соловей да поет, пегух да кукарекает...», «*Ульчае шудыны мон потй но...*» – «Вышла я на улицу играть да...»), так и авторские песни: «*Ой, марлы, ой, марлы...*» – «Ой, зачем же, зачем...» (сл. Д. Майорова, мелодия русской песни «Ах, зачем эта ночь...»), «*Ой, тй чебер нылъёс...*» – «Ой, вы красивые девушки...» (сл. Н. Васильева, муз. П. Кубашева), «*Чыдонтэм тулыс уй...*» – «Ненасладимая весенняя ночь...» (сл. И. Гаврилова, муз. И. Галкина). Большой популярностью пользуются плясовые и частушечные песни.

Одна из песен, записанная от сибирских переселенцев из д. Кузубаево экспедицией 1974 г., обозначена как песня уезжающего в Сибирь (для нас до сих пор остается вопросом: это определение было дано самими исполнителями или участниками экспедиции?). В данном тексте встречается устойчивый для коренной и в целом для южноудмуртской традиции образ дерева со срубленной верхушкой, реальное воплощение которого долгое время сохранялось в рекрутском обряде. Удмуртский фольклорист Т. Г. Владыкина пишет: «Дерево со срубленной верхушкой в качестве атрибута (и лишь позднее – образа) появляется в проводных обрядах как заместитель души уходящего человека» [2004, с. 56]. Человек тем самым оставляет память о себе, что и объясняет появление этого образа в песне, обозначенной как песня уезжающего в Сибирь человека:

*Зарни меда Кызёбай но,
Азвесь меда, ой, Кызёбай?
Куать писпулэсь йылзэ чогса*

Адскоз меда, ой, Кызёбай?

Куать писпулэсь йылзэ чогса

Адскоз меда, ой, Кызёбай?

*Ненуку но мон ой малпа,
Италмас но төлзоз шуса.
Ненуку но мон ой малпа,
Сибыре лыкто, ой, шы(в)ыса.
Ненуку но мон ой малпа,
Сибыре лыкто, ой, шывыса.*

Гөгöрсинпи медаз(ы) но пуза,

Пизэ но медаз но потта.

Нянь ке кылдэм – Сибырэ

кылдэм,

Золотое ли мое Кузубаево,
Серебряное ли мое Кузубаево?
Если срубить верхушки шести

деревьев,

Покажется ли за ними мое

Кузубаево?

Если срубить верхушки шести

деревьев,

Покажется ли за ними мое

Кузубаево?

Никогда я не думал(а),
Что купава отцветет.
Никогда я не думал(а),
Что в Сибири буду жить.
Никогда я не думал(а),
Что в Сибири буду жить.

Голубь яиц пусть не

откладывает,

Птенцов пусть не высиживает.

Если жить (букв.: хлеб есть)

суждено – пусть в Сибири,

Сюй таччы медаз но(й) кылды.

Нянь ке кылдэм – Сибырэ

кылдэм,

Сюй таччы но медаз кылды.

*Пõсь аранэз араны но,
Пõсь турынэз, ой, тур(ы)наны.
Жаль(ы), Росси, люкиськыны,
Кылдэм, дыр, но люкиськыны.*

*Жаль(ы), Росси, люкиськыны,
Кылдэм, дыр, но люкиськыны.*

Лишь бы умереть здесь не
пришлось.

Если жить (букв.: хлеб есть)
суждено – пусть в Сибири,

Лишь бы умереть здесь не
пришлось.

Жарко жать да,
Жарко сено, ой, косить.
Жаль, Россия, расставаться,
Суждено, наверное, да
расстаться.

Жаль, Россия, расставаться,
Суждено, наверное, да
расстаться.

В. Н. Антонова
пос. Кытат Большеулуйского района Красноярского края, 1974 г.
НА УИИЯЛ, МЛ 34, № 7

Особенностью песенной традиции сибирской группы удмуртов можно назвать заимствованный репертуар соседних этносов – русских, украинцев, белорусов. Но в отличие от коренной традиции, в переселенческой совершенно иной репертуар песен. Например, в репертуаре красноярских удмуртов записаны песни «Уродилась сильная, буйная ягода в бору...», «Сяду я за стол да подумаю...», записанные от В. И. Антоновой (1932 г. р.) и Г. Н. Леконцевой (1929 г. р.) в пос. Кытат Большеулуйского района. Первую песню В. И. Антонова выучила от мамы, которая, в свою очередь, запомнила ее от белорусов, проживающих в соседней деревне. На вечерках также звучали русские песни (как традиционные, так и авторские): «Ой, при лужке...», «Расцветали яблони и груши...» и др.

Таким образом, сравнительный анализ показал близость песенной традиции коренных удмуртов и сибирских переселенцев. В музыкально-песенном фольклоре красноярских удмуртов проявляется отличие северно- и южноудмуртской традиций как в обрядовом, так и в необрядовом пласте песен. Главная отличительная особенность переселенческой традиции обнаруживается в поэтических текстах ранних экспедиционных записей, в которых на первый план выступает мотив состояния тоски по своей прежней родине. Безусловно, отдаленность от исходной традиции, соседство с другими этносами способствовали потере языка и культуры. Но, несмотря на это, красноярские переселенцы до сих пор осознают себя удмуртами и с большой радостью встречают своих земляков из «России».

Список литературы

Атаманов М. Г. Образцы речи сибирских удмуртов // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 131–153.

Атаманов М. Г. Сибирская группа удмуртов // Вордскем кыл. 2004. № 10. С. 76–95.

Атаманов М. Г. Сибирская группа удмуртов // Феномен Удмуртии. Москва; Ижевск: Удмуртия, 2008. Т. 8: Удмуртская диаспора. С. 186–194.

Атаманов М. Г. От Вятки и Камы до Оби и Енисея – путь неблизкий: из экспедиционных дневников ученого. Ижевск: Шелест, 2020.

Владыкин В. Е. Сибирская группа удмуртов // Этническая история народов Урала и Поволжья: Препр. докл. и сообщ. Уфа, 1976. С. 28–30.

Владыкина Т. Г. Фольклорный текст в мифологическом контексте // Удмуртская мифология. Ижевск, 2004. С. 54–66.

Дайнеко Т. В. Календарные фольклорно-этнографические традиции белорусов Кыштовского района Новосибирской области // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2017. № 39. С. 130–136.

Журавлева А. Н., Кузнецова Р. А. Сто лет расставания // Феномен Удмуртии. Москва; Ижевск: Удмуртия, 2008. Т. 8: Удмуртская диаспора. С. 201–211.

Исмагилова Е. И. Песенная традиция чувашей Сибири в свете теории интонационной культуры этноса // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2018. № 45. С. 39–49.

Корепанова Г. А. Развитие удмуртской пореформенной деревни в конце XIX – начале XX в. и переселенческий вопрос (на примере сибирских удмуртов): Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1976. 76 с.

Лебедева С. Х. По следам экспедиции к сибирским удмуртам // Феномен Удмуртии. Москва; Ижевск: Удмуртия, 2008. Т. 8: Удмуртская диаспора. С. 194–200.

Леонова Н. В., Сыченко Г. Б., Юша Ж. М. Принципы многоуровневого описания локальных песенных традиций // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2015. № 30. С. 161–168.

Леонова Н. В. Музыкально-этнографические традиции сибирских переселенцев: из истории изучения Новосибирской консерватории // Вестник музыкальной науки. 2017. № 1 (15). С. 34–41.

Нуриева И. М. Музыкальный язык удмуртского ритуала: Время. Пространство. Текст. Ижевск: АлкиД, 2018.

Пчеловодова И. В., Софронова Е. А., Корнилов Д. Л. Музыкальный фольклор сибирских удмуртов в звуковых коллекциях УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Вып. 4. С. 615–622.

Пчеловодова И. В., Анисимов Н. В. Из «России» в Сибирь... Современные экспедиционные заметки об удмуртах Красноярского края // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Вып. 1. С. 45–59.

Тучкова Н. А. Тигинские удмурты // Земля Чаинская: Сб. науч.-популярных очерков к 100-летию с. Подгорного. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 170–189.

Шахов П. С. Мордовский календарно-обрядовый фольклорно-этнографический комплекс сибирского бытования (весенне-летний период) // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 261–276.

Anisimov N., Pchelovodova I., Sofronova E. Migrant and Autochthonous Traditions within Udmurt Folksong (on the Example of the Siberian Udmurt) // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2020. Vol. 14, no. 1. P. 85–110.

Список источников

Аграрная реформа Столыпина 1907–1916 гг. – кратко о событиях. URL: <https://istoriarusi.ru/imper/agrarnaja-reforma-stolypina-kratko.html> (дата обращения 01.03.2020).

Краткая история муниципального образования Орловский сельсовет. URL: <http://adm-orlovka.ru/about/shistory.html> (дата обращения 17.12.2020).

Этноатлас: народы и народности, населяющие Красноярский край. URL: <http://www.krskstate.ru/about/narod/etnoatlas/0/eid/84> (дата обращения 18.12.2020).

References

Anisimov N., Pchelovodova I., Sofronova E. Migrant and Autochthonous Traditions within Udmurt Folksong (on the Example of the Siberian Udmurt) [Traditions within Udmurt Folksong (on the Example of the Siberian Udmurt)]. *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2020. vol. 14, no. 1, pp. 85–110.

Atamanov M. G. Obrazcy rechi sibirskih udmurtov [Speech samples of Siberian Udmurts]. In: *Obraztsy rechi udmurtskogo yazyka* [Speech samples of Udmurt language]. Izhevsk, 1982, pp. 131–153.

Atamanov M. G. Sibirskaya gruppa udmurtov [Siberian group of Udmurts]. *Vordskem kyl*. 2004, no. 10, pp. 76–95.

Atamanov M. G. Sibirskaya gruppa udmurtov [Siberian group of Udmurts]. In: *Fenomen Udmurtii. T. 8: Udmurtskaya diaspora* [The phenomenon of Udmurtia. Vol. 8: Udmurt Diaspora]. Moscow, Izhevsk, Udmurtia, 2008, pp. 186–194.

Atamanov M. G. *Ot Vyatki i Kamy do Obi i Eniseya – put' neblizkiy: iz ekspeditsionnykh dnevnikov uchenogo* [From Vyatka and Kama to Ob and Yenisei – a long way: from the scientist's expedition diaries]. Izhevsk, Shelest, 2020.

Dayneko T. V. Kalendarnye fol'klorno-etnograficheskie traditsii belorusov Kysh-tovskogo rayona Novosibirskoy oblasti [Calendar folklore and ethnographic traditions of Belarusians in the Kysh-tovsky district of the Novosibirsk region]. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2017, no. 39, pp. 130–136.

Ismagilova E. I. Pesennaya traditsiya chuvashy Sibiri v svete teorii intonatsionnoy kul'tury etnosa [Song tradition of the Chuvash of Siberia in the light of the theory of intonational culture of the ethnos]. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2018, no. 45, pp. 39–49.

Korepanova G. A. *Razvitie udmurtskoy poreformennoy derevni v kontse 19 – nachale 20 v. i pereselencheskiy vopros (na primere sibirskikh udmurtov)* [The development of the Udmurt postreform village in the late 19th – early 20th centuries and the resettlement issue (on the example of Siberian Udmurts)]. Hist. philol. sci. diss. Izhevsk, 1976, 76 pp.

Lebedeva S. H. Po sledam ekspeditsii k sibirskim udmurtam [In the footsteps of the expedition to the Siberian Udmurts]. In: *Fenomen Udmurtii. T. 8: Udmurtskaya diaspora* [The phenomenon of Udmurtia. Vol. 8: Udmurt diaspora]. Moscow, Izhevsk, Udmurtia, 2008, pp. 194–200.

Leonova N. V., Sychenko G. B., Jusha Zh. M. Printsipy mnogourovnevnogo opisanija lokal'nykh pesennykh traditsiy [Principles of multilevel description of local song traditions]. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2015, no. 30, pp. 161–168.

Leonova N. V. Muzykal'no-etnograficheskie traditsii sibirskikh pereselentsev: iz istorii izucheniya Novosibirskoy konservatorii [Musical and ethnographic traditions of Siberian migrants: from the history of studying the Novosibirsk Conservatory]. *Journal of Musical Science*. 2017, no. 1 (15), pp. 34–41.

Nurieva I. M. *Muzykal'nyy yazyk udmurtskogo rituala: Vremya. Prostranstvo. Tekst* [Musical language of the Udmurt ritual: Time. Space. Text]. Izhevsk, AlkiD Publishing, 2018, 157 p.

Pchelovodova I. V., Sofronova E. A., Kornilov D. L. Muzykal'nyy fol'klor sibirskikh udmurtov v zvukovykh kollektivyakh UIIYaL UdmFITs UrO RAN [Musical folk-

lore of the Siberian Udmurts in the sound collections of the Udmurt Institute of History, Language and Literature UdmFRC UB RAS]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2015, no. 4, pp. 59–67.

Pchelovodova I. V., Anisimov N. V. Iz “Rossii” v Sibir’... Sovremennyye ekspeditsionnye zametki ob udmurtakh Krasnoyarskogo kraya [From “Russia” to Siberia ... Modern expeditionary notes about the Udmurts of the Krasnoyarsk region]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2021, no. 1, pp. 45–59.

Tuchkova N. A. Tiginskie udmurty [Tiginsky Udmurts]. In: *Zemlya Chainskaya: Sb. nauch.-populyarnykh ocherkov k 100-letiyu s. Podgornogo* [Chainskaya land: collection of popular science essays on the 100th anniversary of Podgorny]. Tomsk, TSU Publ., 2001, pp. 170–189.

Shakhov P. S. Mordovskiy kalendarno-obryadovyy fol’klorno-etnograficheskiy kompleks sibirskogo bytovaniya (vesenne-letniy period) [Mordovian calendar and ritual folklore and ethnographic complex of Siberian existence (spring-summer period)]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 1, pp. 261–276.

Vladykin V. E. Sibirskaya gruppa udmurtov [Siberian group of Udmurts]. In: *Etnicheskaya istoriya narodov Urala i Povolzh’ya: Prepr. dokl. i soobshch.* [Ethnic history of the peoples of the Urals and the Volga region]. Ufa, 1976, pp. 28–30.

Vladykina T. G. Fol’klornyy tekst v mifologicheskoy kontekste [Folklore text in a mythological context]. In: *Udmurtskaya mifologiya* [Udmurt mythology]. Izhevsk, 2004, pp. 54–66.

Zhuravleva A. N., Kuznetsova R. A. Sto let rasstavaniya [One hundred years of parting]. In: *Fenomen Udmurti. i T. 8: Udmurtskaya diaspora* [The phenomenon of Udmurtia. Vol. 8: Udmurt diaspora]. Moscow, Izhevsk, Udmurtia, 2008, pp. 201–211.

List of sources

Agrarnaya reforma Stolypina 1907–1916 gg. – kratko o sobytyakh [Stolypin’s agrarian reform 1907–1916 – briefly about the events]. URL: <https://istoriarusi.ru/imper/agrarnaja-reforma-stolypina-kratko.html> (accessed: 01.03.2020).

Etnoatlas: narody i narodnosti, naselyayushchie Krasnoyarskiy kray [Ethnoatlas: peoples and nationalities inhabiting the Krasnoyarsk region]. URL: <http://www.krskstate.ru/about/narod/etnoatlas/0/eid/84> (accessed: 18.12.2020).

Kratkaya istoriya munitsipal’nogo obrazovaniya Orlovskiy sel’sovet [A Brief History of the Municipal Formation Oryol Village Council]. URL: <http://adm-orlovka.ru/about/shistory.html> (accessed: 17.12.2020).

Сведения об авторах

Пчеловодова Ирина Вячеславовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия)

orimush@mail.ru

ORCID 0000-0002-5553-0100

Scopus ID 60110552

Researcher ID AAM-8971-2021

Анисимов Николай Владимирович – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия); младший научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия); научный сотрудник отдела фольклористики Эстонского литературного музея (Тарту, Эстония)

kyldysin@yandex.ru
ORCID 0000-0002-6060-3562
Researcher ID G-1070-2019

Софронова Екатерина Анатольевна – младший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

soroka-katya90@yandex.ru

Information about authors

Irina V. Pchelovodova – Candidate of Philology, Researcher of the Department of Philological Research, Udmurt Institute of History, Language, and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation)

orimush@mail.ru
ORCID 0000-0002-5553-0100
Scopus ID 60110552
Researcher ID AAM-8971-2021

Nikolai V. Anisimov – Candidate of Philology, Researcher of the Department of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Junior Researcher of the Department of Philological Research at the Udmurt Institute of History, Language, and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation); Researcher of the Department of Folkloristics of Estonian Literary Museum (Tartu, Estonia)

kyldysin@yandex.ru
ORCID 0000-0002-6060-3562
Researcher ID G-1070-2019

Ekaterina A. Sofronova – Junior Researcher of the Department of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

soroka-katya90@yandex.ru

УДК 398.2
DOI 10.17223/18137083/75/4

**«Вятские – ребята хватские...»
(прииртышские фольклорные тексты о «вятских»)**

Н. К. Козлова

*Омский государственный педагогический университет
Омск, Россия*

Аннотация

Представлена подборка бытовавших в Омском Прииртышье фольклорных текстов о «вятских» в сравнении с материалом статьи Д. К. Зеленина о народных присловьях и анекдотах о русских жителях Вятской губернии. Сделан вывод о том, что рассматриваемый материал появился в Сибири с переселенцами из Вятской губернии. На основе сопоставительного анализа составлен указатель сюжетов анекдотических рассказов о вятских, в котором при помощи цветового обозначения показано, какие сюжеты встретились автору только в указанной статье или только в сибирских материалах, а какие являются общими. Указатель не только раскрывает картину бытования названных фольклорных текстов в Прииртышье, но может стать своеобразным «вопросником» для дальнейшей полевой работы по изучению фольклорного наследия этой группы сибирских переселенцев.

Ключевые слова

Омское Прииртышье, Сибирь, Вятская губерния, переселенцы, присловья, анекдоты, сказки, фольклорное наследие, указатель сюжетов

Для цитирования

Козлова Н. К. «Вятские – ребята хватские...» (прииртышские фольклорные тексты о «вятских») // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 50–66. DOI 10.17223/18137083/75/4

**“Vyatskie – rebyata khvatskie...
(The brave young men of Vyatka region)”
(Irtysh Land folklore texts about the “Vyatskie”)**

N. K. Kozlova

*Omsk State Pedagogical University
Omsk, Russian Federation*

Abstract

In the “patchwork” resettlement space of Siberia, including the Omsk Irtysh Land, a group of immigrants from Vyatka province and their descendants is especially distinguished among the Russians. “The Vyatskie” settled in separate communities, mainly in the northern regions of the Omsk region. In the second half of the 20th century, in Siberian conditions, the

© Н. К. Козлова, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

Vyatskie mostly lost the peculiarities of their dialect and way of life. This paper considers one “peculiarity” of their folklore heritage. These are sayings, anecdotes, and household tales about the extreme foolishness of the Vyatskie. The texts under study were conditionally divided into 4 groups: sayings expressed in one word or phrase that reflect the specific features of life and speech of the Vyatskie; sayings close in the genre to proverbs and adages; sayings retelling some plotless anecdotal situation; anecdotes and household tales. Each text is compared with the data of the ethnographic and historical-cultural essay of D. K. Zelenin, “Folk Sayings and Anecdotes about Russian People of the Vyatka Region.” The analysis led to the conclusion that the folklore texts about the foolishness of the Vyatskie were brought to Siberia by immigrants from Vyatka province. A comparative analysis allowed compiling an index of anecdotal stories about the Vyatskie, with a color designation showing the plots found by the author only in the article referred to or only in the materials of the Omsk archives and indicating the common plots. Not only does the index reveal the pattern of existence of the aforementioned folklore texts of Irtysh Land but is expected to become a kind of “questionnaire” for further fieldwork aimed at studying the folklore heritage of this group of Siberian immigrants.

Keywords

Omsk Irtysh Land, Siberia, Vyatka province, immigrants, sayings, anecdotes, fairy tales, folklore heritage, an index of plots

For citation

Kozlova N. K. “Vyatskie – rebyata khvatskie... (The brave young men of Vyatka region)” (Irtysh Land folklore texts about the “Vyatskie”). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 50–66. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/4

В «лоскутном» переселенческом пространстве Сибири, в том числе и в Омском Прииртышье, среди русских особо выделяется группа вятских переселенцев. «Вятские» (в дальнейшем это определение будем писать без кавычек) обосновывались отдельными поселениями чаще всего в северных районах области. Оседали вятские и в Омске, начиная со времени основания Омской крепости. С исчезновением малых деревень потомки вятских переезжали в соседние села и население смешивалось.

Во второй половине XX столетия, на время которой приходится наша полевая работа, вятские в условиях Сибири во многом утратили особенности своего говора и быта, тем более что они принадлежат к севернорусскому типу народной культуры, как и русское старожильческое население Сибири. Однако осталось воспоминание о былой оппозиции русских старожилков и вятских. Например, жители Усть-Ишимского района рассказывали нам, что «чалдоны»¹ запрещали своим дочерям встречаться с вятскими, а тем более выходить за них замуж.

К сожалению, особенности народной культуры переселенцев с Вятки в условиях Сибири не стали предметом научного интереса ни фольклористов, ни этнографов Прииртышья, не было целенаправленного сбора фольклорно-этнографического материала, не разработаны специальные вопросники. Возможно, если предпринять подобное исследование уже по архивным записям, то какие-то «особинки» культуры этой переселенческой группы и можно будет увидеть. К таким относятся, например, особые подблюдные песни с припевом «илею», которые так и называли наши собеседники – «илеи пели».

Одна из «особинок» проявляется и в «присловьях» (определение Д. К. Зеленина [1994]), а также в анекдотах о вятских. Работая над материалами фольклорного

¹ Чалдоны – русское старожильческое население Сибири.

архива Омского государственного педагогического университета (далее ФА ОмГПУ), в частности над корпусом сказочных текстов, зафиксированных в разные годы в Большеуковском районе Омской области, мы обнаружили ряд текстов, героями которых были вятские. По жанру это поговорки, анекдоты, анекдотические ситуации и даже бытовые сказки о глупцах. Если не знать вятской традиции и иметь в виду то, что между русскими старожилами Сибири и вятскими переселенцами была определенная конфронтация (о чем речь шла выше), то можно было бы предположить, что фольклорные тексты, высмеивающие чрезвычайную глупость вятских, получили эту функцию уже здесь, в Сибири. Но они зафиксированы не только от чалдонов, но и от самих переселенцев из Вятской губернии. Эту кажущуюся странность проясняет замечательная статья Д. К. Зеленина «Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (этнографический и историко-литературный очерк)» [1994]²: фольклорные тексты о вятских попали в Сибирь вместе с этими же переселенцами.

Далее мы проанализируем тексты, зафиксированные в Прииртышье (ФА ОмГПУ. Личный архив Н. К. Козловой (далее ЛА Н. Козловой)), в сравнении с материалом из статьи Д. К. Зеленина. Но прежде нужно определиться с термином «присловье», предложенным Зелениным. Исследователь определяет «присловье» «как прозвище, относящееся не к единичному лицу, а к группе лиц, составляющей собою географическое или этнографическое целое» (Зеленин, с. 59). «Присловье может заключаться в одном слове (например, “слепороды”), но может быть выражено и целым предложением (“Котеляне гоголе молились”), диалогом <...>, даже рассказом. В последнем случае присловье сливается с народным анекдотом, сохраняя лишь свой главный отличительный признак: тесную связь с какою-либо географической или этнографической единицей» (Зеленин, с. 60). С последним, наверное, сложно согласиться, так как анекдоты составляют отдельный жанр народной прозы и связь анекдотических текстов «с какою-либо географической или этнографической единицей» не делает их произведениями другого жанра. Но даже если применить термин «присловье» ко всему материалу, то прииртышские записи можно четко (хоть и условно) разделить на четыре группы: 1) присловья, выраженные одним словом или словосочетанием, отражающим специфические черты быта и речи вятчан; 2) присловья, которые по своему жанру близки к пословицам и поговоркам (условно назовем их «пословичными присловьями»); 3) присловья, являющиеся по своей форме пересказом какой-либо бессюжетной анекдотической ситуации (назовем условно «ситуативные присловья»); 4) анекдоты и бытовые сказки.

Сразу оговоримся, что пока располагаем только записями из Большеуковского и частично Тарского районов (последние – из материалов экспедиции 1952 г.). Каждому прииртышскому «присловью» присвоим свой номер. При необходимости приведем паспортные данные текста (архивный шифр³, сведения о том, кто, где, когда и от кого записал).

В Приложениях к статье будут помещены сведения об исполнителях и селах, в которых была произведена запись или бытовал текст. Одним из приложений

² Далее ссылки на это издание делаются в круглых скобках с указанием фамилии номера страницы.

³ Шифр ФА ОмГПУ, например ЭК-31/81, № 13, означает, что запись находится в рукописном блокноте № 31 экспедиции 1981 г., под № 13. Шифр ЛА Н. Козловой, например СС-6.2000г, № 2, означает, что запись хранится в электронном архиве в файле: Собира- тельский сеанс 6, рукопись, под № 2 материалов полевой работы 2000 г.

станет «Указатель сюжетов о “вятских”», составленный на основе прииртышских записей, статьи Д. К. Зеленина, а также публикации однотипных текстов в издании «Русские народные сатирические сказки Сибири» (РНССС, 1981).

Итак, в статье Д. Зеленина дан богатейший набор присловий, характеризующих вятчан по месту жительства, роду занятий и проч. Нам же таковые не встретились.

1. С особенностями речи вятских переселенцев и их потомков связана интересная информация. Приведем экспедиционную запись: *Все дразнили нашего брата: «Лешой». Не черт, а леший, лешак! Они все говорили: «Лешак тебя за верни!».* Вятские, говорят, лешаки.

ЛА Н. Козловой: СС-6.2000г, № 2. Зап. Н. К. Козлова в 2000 г. в с. Фирстово Большеуковск. р-на Омск. обл. от Е. А. Лаптевой

Пристрастие вятских упоминать в речи лешего и в ругательствах отправлять «оппонента» к нему, а не «к черту» встретилось и у вятских жителей с. Никольское Усть-Ишимского района. Иногда в устах вятских встречалось и двойное: «От черт-леший». В анекдоте о том, как вятские церковь покупали, записанном от Афанаса Сидоровича Михалева в д. Чебурлы в 1951 г., эта особенность также нашла отражение: *Один из мужиков и говорит: «О, буде лешой, церковь не продается ли?»* (см. ниже – № 7).

Д. К. Зеленин *такой* речевой черты вятских не выделяет.

2. Еще одной особенностью речи вятских, наверное, нужно считать приговорку *Ой (да), лико*. Она встретилась в тексте о вятских, записанном от Федосьи Семеновны Нефёдовой в д. Тарбажино (см. № 13). Вятские, отвечая на вопросы, приговаривают: *Да, лико, трава-то выросла на бане, ведь она пропадет*, или: *Ай, лико, кака-то крыса съела у нас хлеба, та ее найти надо*, или: *Эй, лико, лико, токо отъехали, а уж портянки сушите*.

Возможно, мы бы не выделили присловье под отдельным номером, если бы в тексте о том, как вятские толокно хлебали, приведенном в статье Д. К. Зеленина, не встретилась подобная особенность речи: *«Щё, дядя, подельваешь? Ликося толончё хлебаешь?»* (Зеленин, с. 90), в этом же тексте: *«Ликося, какова мерека ухлопали, – сказал азам и пошел своей дорогой»* (удивился, что мужики высыпали в прорубь два мешка толокна) (Зеленин, с. 91)⁴.

Этим пока исчерпываются присловья первой группы о вятских в архивных записях.

Вторую группу мы назвали «пословичными присловьями».

3. *Вятски – ребята хватски: семеро одного не боятся*. Это присловье известно повсеместно, его приходилось слышать даже от тех людей, которые с вятскими никак не пересекались, только у нас оно утратило свою вторую часть. Прочитав присловье полностью, с особенностью говора, по Зеленину: *«Мы, вячьки, робята хвачьки (т. е. хватские): семеро одного не боимся, а один на один, так и котомоцки отдадим»* (Зеленин, с. 82). Зеленин объясняет это присловье, вложенное в уста самих же вятчан, их «глубоким смирением», «неподдельным добродушием» и «незлобивостью» (Зеленин, с. 82). Возможно, оно бытовало в Прииртышье и в таком, полном, виде в самом начале переселенческого движения. Но постепенно перешло уже «в уста» тех, рядом с которыми селились вятские (в первую очередь русских старожилов), и приобрело явно насмешливый и уничижительный характер.

⁴ См. № 17 Указателя.

В качестве прииртышских примеров можно привести запись этого присловья от Е. А. Лаптевой (ЛА Н. Козловой: СС-6.2000г, № 2), О. Н. Переваловой (ЛА Н. Козловой: СС-5.2000г, № 2) и П. Н. Горбачева (ФА ОмГПУ: ЭК-13/81, № 31).

4. Вятски до обеда видят, а с обеда не видят. На мой вопрос о смысле этого присловья Ольга Николаевна Перевалова, жительница д. Фирстово Большеуковского района Омской области, ответила: «А не знаю, так дразнили» (ЛА Н. Козловой: СС-5.2000г, № 2).

В статье Д. К. Зеленина такого присловья нет. Но, возможно, оно каким-то образом связано с прозвищем вятских «слепороды», которому Д. К. Зеленин уделяет в своей статье много внимания, приводя различные его толкования, а в итоге заключает, что «появление самого этого присловья остается загадочным» (Зеленин, с. 97). Нам остается то же самое сказать и о нашей архивной записи.

Следующую группу, которую мы условно назвали «ситуативные присловья», составляют тексты, которые заключают в себе некую сюжетную ситуацию (самого сюжета нет), демонстрирующую очередную, чаще всего отрицательную черту вятских.

5. Семеро вятских стояли на стогу, а один подавал. Да и кричат семь мужиков одному хиленькому: «Не заваливай!»

ФА ОмГПУ: ЭК-13/81, № 32. Зап. Е. Зыкова, И. Сливенко в с. Фирстово Большеуковск. р-на Омск. обл. от П. Н. Горбачёва.

Еще одна запись этого присловья сделана нами в 2000 г. в том же Фирстово от Е. А. Лаптевой и А. И. Димитровой (ЛА Н. Козловой: СС-6.2000г, № 3). Информаторы назвали это «прибауткой».

В статье Зеленина именно такого присловья нет, но есть однотипное (по форме): «Вячьской слепень наехал на пень, да и кричит: “Своротитё!”» (Зеленин, с. 80).

Теперь подошла очередь рассмотреть анекдоты и анекдотические бытовые сказки (группа 4). Так как допустимый размер статьи не позволяет привести сюжетные тексты, то придется ограничиться только перечислением индексов по составленному нами указателю (см. приложение), чтобы читатель смог получить представление о содержании текста.

6. Как вятские соль сеяли. Указатель: 15

ФА ОмГПУ: ЭК-13/81, № 19. Зап. Е. Зыкова, И. Сливенко в с. Фирстово Большеуковск. р-на Омск. обл. от П. Н. Горбачёва.

Подобного сюжета в статье Зеленина нет.

7. Как вятские церковь покупали. Указатель: 14.1.

ФА ОмГПУ: ЭК-6/51, № 280. Зап. Г. Амвросимова и М. Конева в 1951 г. в д. Чебурлы Большеуковск. р-на Омск. обл. от А. С. Михалева. Опубликовано: СПЗ, 1955, № 31, с. 141.

В. А. Василенко, публикуя текст в сборнике «Сказки, пословицы, загадки», вятских заменил пошехонцами. Так и назвал текст «Как пошехонцы церковь строили» (СПЗ 1955, № 31, с. 141). В архивном же блокноте он называется «Как вятские церковь строили», и о пошехонцах речи вообще нет. Текст из сборника Василенко (с пошехонцами) опубликован и в (РНССС, 1981, № 117, с. 243–244).

Д. К. Зеленин отмечает взаимозаменяемость вятских и пошехонцев в одних и тех же присловьях и анекдотических сюжетах: «Почти все анекдоты о вятчанах рассказываются также (даже еще прежде) о пошехонцах. Это отмечено и А. Можаровским [Можаровский, 1882, с. 94]» (Зеленин, с. 96). Однако подобная воль-

ность составителя сборника, на наш взгляд, нарушает представление о бытовании фольклора в регионе.

Зеленин приводит цитату из романа Н. Н. Соколова «Золотая республика» (1903), действие которого происходит в Сибири. Один из героев романа рассказывает о «вятчихах» «потешные анекдоты». Из перечисленного в цитате содержания этих анекдотов *выделим* следующее: «Чудной народ эти вятчи, – заключил он, – и принялся рассказывать о них потешные анекдоты, как <...> они задумали перетянуть к себе в деревню колокольню Ивана Великого, обмотали ее канатами и потащили, и когда при этом лапти у них скользили по льду Москвы-реки, они покрикивали весело: “*Подаетча, братчи, подаетча! Понатуж крепчае!*”» (Зеленин, с. 93).

Что касается цитаты из Можаровского, то приведем ее полностью: «Вообще про жителей Вятской губернии – *вятчан* – ходит множество юмористических рассказов, точно так же, как про пошехонцев... О вятчанах мне известны анекдоты о том, как они корову на баню тащили; как медведя из берлоги тащили; как ездили Москву смотреть; как царя поздравляли, как лычный колокол сплели; как серп топили; как сальные свечи ели; как через реку на бревне переправлялись и проч. ... Некоторые анекдоты про вятчан сходны с анекдотами про пошехонцев» (Можаровский, 1882, с. 94; Зеленин, с. 93). Большинство упоминаемых Можаровским сюжетов есть в текстах ФА ОмГПУ.

8. [Как вятские на медведя охотились]. Указатель: 16.1.

ФА ОмГПУ: ЭК-4/52, № 268. Зап. В. Мотовилов, В. Назарова в с. *Екатерининское Тарск. р-на Омск. обл. от Ф. А. Марамчиной*. Текст опубликован: ФЗС, 1982, № 36.

От этой же исполнительницы записан и текст о том, как вятские в Москву ходили. В архивном блокноте он помещен под заголовком «Вятская прибаутка».

9. «Вятская прибаутка» [Как вятские своей деревни не узнали (как в Москву ходили)]. Указатель: 13.3.

ФА ОмГПУ: ЭК-4/52, № 271. Зап. В. Мотовилов, В. Назарова в с. *Екатерининское Тарск. р-на Омск. обл. от Ф. А. Марамчиной*.

В этом тексте есть неувязка: рассказчица назвала свое повествование «вятской прибауткой», а герои сюжета здесь – пошехонцы. На наш взгляд, мы опять же имеем дело не с отождествлением этих двух этнонимов в народном сознании (о чем шла речь выше), а с заменой «вятских» «пошехонцами» при обработке записей собирателями (возможно, по подсказке руководителя экспедиции – В. А. Василенко (см. выше)). Аргумент в пользу этого предположения – текст также опубликован В. А. Василенко в сборнике «Сказки, пословицы, загадки», естественно, с пошехонцами (СПЗ, 1955, № 34, с. 143–144). В таком же виде сказка опубликована и в (РНССС, № 118, с. 244).

Версия сюжета о том, как вятские не узнали своей деревни, встретился в материалах ФА ОмГПУ в составе бытовой сказки «О дураках», зафиксированной в 1951 г. в д. Пospelово Большеуковского района.

Этот текст открывает подборку однотипных сказок, представляющих собой контаминации сюжетных эпизодов, объединенных общей сюжетной канвой, о чрезвычайно глупых людях (см. указатель). Некоторые из контаминированных эпизодов встречаются и как самостоятельные тексты, в том числе и приведенный выше сюжет.

10. Указатель: 1.1 (поиск глупцов: рамочный сюжет о дураках) + 2 (как солнечный свет ситом ловили) + 6 (куриные «титечки») + 7 (как мужик с охлупня⁵ в штаны прыгал) + 5.1 (как корову на баню тащили) + 13.1 (как вятские свою деревню не узнали).

ФА ОмГПУ: ЭК-3/51, № 8. Зап. Т. Г. Леонова в 1951 г. в д. Поспелово Большеуковск. р-на Омск. обл. от А. Д. Вишняковой. Текст опубликован: ФЗС, 1982, № 35.

Дураки в этом сюжетном эпизоде не отождествляются с вятскими. Вятские появляются в эпизоде, в котором они тащат корову на крышу бани, чтобы она ела траву. Нужно сказать, что в архивных записях ОмГПУ этот эпизод, чаще всего связанный именно с вятскими, встречается и в самостоятельной версии.

11. Как вятские корову задавили. Указатель: 5.2.

ФА ОмГПУ: ЭК-13/81, № 26. Зап. Е. Зыкова, И. Сливенко в с. Фирстово Большеуковск. р-на Омск. обл. от Г. П. Николаевича.

Приведем еще сюжетный состав текстов с чередой эпизодов о глупцах из ФА ОмГПУ.

12. [О вятских]

Указатель: 1.2 (поиск глупцов: рамочный сюжет о дураках) + 4 (как ночь из избы вычерпывали) + 5.1 (как корову на баню тащили).

ФА ОмГПУ: ЭК-4/52, № 270. Зап. В. Мотовилов, В. Назарова в с. Екатеринбургское Тарск. р-на Омск. обл. от Ф. А. Марамчиной. «Это вятские так делают. Правда, я им пособляла корову тащить», – добавила в конце исполнительница.

13. О вятских

Указатель: 1.3 (поиск глупцов: рамочный сюжет о дураках) + 4 (как ночь из избы вычерпывали) + 8 (как вятские лошадь в двое дровней запрягали) + 9 (как вятские быка запрягали) + 10 (как вятские поросенка на насест сажали) + 5.1 (как корову на баню тащили) + 11.1 (как вятские шилом жали и серп топили) + 12 (как на бревне пльили и онучи «сушили»).

ФА ОмГПУ: ЭК-8/51, № 51. Зап. Свешникова в д. Тарбажино Большеуковск. р-на Омск. обл. от Ф. С. Нефёдовой.

В этом тексте есть эпизоды, упоминаемые и в статье Д. К. Зеленина. Так, под № 6 в его статье опубликовано присловье, видимо, однотипное эпизоду о поросенке: «Вятчане поросенка на наседала сажали: “Чепись, чепись, не то падешь; курица о двух ногах, да чепичья”» (Зеленин, с. 91). У Д. К. Зеленина сюжета нет, хотя он называет приводимое присловье анекдотом. Он приводит присловье, видимо, уже возникшее на основе сюжетного эпизода.

О серпе у Зеленина упоминается только в цитате из Можаровского: «<...> как [вятские] серп топили» (Можаровский, 1882, с. 94). Зеленин связывает топление серпа с лубочной картинкой из собрания Ровинского (Зеленин, с. 89). Такая версия отдаленно связана с эпизодом нашего текста тем, что серп принимается за какое-то чудовище (в прииртышском тексте – крысу, которая хлеб на корню съела).

У Д. К. Зеленина под № 8: «Онучи на воде сушили» (Зеленин, с. 91). У Можаровского: «<...> как через реку на бревне переправлялись» (Можаровский, 1882, с. 94; Зеленин, с. 93). Возможно, это упоминание об одном и том же сюжете (см. Указатель).

⁵ Охлупень – в данном случае это не конек крыши, как у Даля (1994), а бревно, скрепляющее стойки ворот или скаты крыши над воротами.

Итак, сюжет, герой которого отправляется от глупых родственников искать людей, которые еще глупее, контаминирующий череду эпизодов его встреч с необычайными глупцами, многие рассказчики связывают с вятскими (см. № 10, 12, 13). Эту связь подтверждает и Д. К. Зеленин, приводя записанную им в с. Люке Сарапульского уезда версию начала сказки как самостоятельное присловье: «*Прошла вячская баба чугуна кипятку. Заревела, да и давай причитать: “Ой, кабы у меня был сын, да у сына-ту оишо сын, да кабы я ево заварила, да куды бы я девалась”*» (Зеленин, с. 92).

А вот в тексте, записанном в 1950-х гг. известным омским краеведом И. С. Коровкиным от замечательной сказочницы Анастасии Степановны Кожемякиной (ее сказки также представляют традицию сел Большеуковского района), связи с вятскими нет. Однако мы причисляем его к одному типу с предыдущими текстами.

14. Указатель: 1.2 (поиск глупцов: рамочный сюжет о дураках) + 2 (как солнечный свет ситом ловили) + 3.1 (как дым из избы вычерпывали) + 5.1 (как корову на баню тащили) + 7 (как мужик с охлупня (здесь – с крыши бани) в штаны прыгал).

Кожемякина, 1973, с. 168–170.

В этом тексте появляется новый эпизод: 3.1 (как дым из избы вычерпывали). Д. К. Зеленин, поясняя одно из прозвищ вятских Малмыжского уезда, ссылается на Можаровского: «“Малмыжцы – дымники, решетом дым черпали!” ([Можаровский, 1882, с. 94], который и поясняет: “удаляли решетом дым из избы”). В виду имеются, очевидно, инородцы с их курными избами» (Зеленин, с. 88). Хотя скорее всего прозвище опирается на вышеприведенный эпизод из фольклорного текста, а не на бытовую реальность.

Перечисленными текстами пока исчерпываются фольклорные записи о вятских в прииртышских архивах. Дальнейшие архивные и экспедиционные разыскания, возможно, пополнят эту небольшую, но интересную коллекцию.

Распространенность анекдотических рассказов о вятских в Сибири подтверждает высказывание одного из сибирских рассказчиков: «Про вятских всё рассказывали раньше. Были даже картинки, где показывали, как вятские затягивали корову на крышу. Они, вятские, шибко изобретательны были» (РНССС, 1981, комментарий к тексту № 121, с. 272).

Приложение 1

Указатель сюжетов анекдотических рассказов, действующими лицами в которых являются «вятские»

Принципы составления.

Указатель составлен на основе записей, сделанных в Прииртышье, содержания статьи Д. К. Зеленина и текстов о вятских, записанных в разных регионах Сибири, опубликованных в сборнике «Русские народные сатирические сказки Сибири» (РНССС, 1981).

В него вошли только сюжетные тексты о вятских (под сюжетом в данном случае понимается повествование, имеющее завязку и развязку).

Сюжет обозначен первой арабской цифрой, а его версия (если ее можно выделить) – второй. Цветовое обозначение в заголовках сюжетов использовано для того, чтобы показать, какие сюжеты являются общими (сиреневый цвет), а какие нам встретились только в сибирских материалах (зеленый) или только в статье Зеленина (голубой). Если сюжет учтен в «Сравнительном указателе сюжетов»

(СУС, 1979), приводим его индекс и формулировку. В отсылках нашего указателя приводим сначала номер текста по месту его расположения в статье и шифр архивного хранения. Паспортные данные прикреплены к каждому тексту выше, поэтому здесь мы их не дублируем. Если сюжет входит составной частью в общее контаминированное повествование, то пишем: «В № таком-то»). В отсылках к статье Зеленина указываем страницу и авторский номер текста (если он есть). Если Зеленин цитирует какого-либо автора, это не отмечаем.

Составленный указатель не претендует на характер исчерпывающего, но позволяет показать, какие «позиции» рассказов о вятских закрывают материалы Омского Прииртышья. Кроме того, он может стать основой вопросника для полевой работы.

1. Поиск глупцов

1.1. Дочь слышит от проезжающего барина слова «девица моя», считает, что он хочет взять ее замуж и плачет о том, что она бедная, и ей не во что нарядиться. К ней присоединяются отец и мать. Брат, рассердившись на их глупость, отправляется искать людей глупее их. Находит. Возвращается домой.

№ 10 (ФА ОмГПУ: ЭК-3/51, № 8).

1.2. Мать роняет полено и плачет о том, что, если бы у сына был ребенок, полено бы его зашибло. (К ней присоединяется и отец.) Сын, рассердившись на их глупость, отправляется искать людей глупее. Находит. Возвращается домой.

№ 12 (ФА ОмГПУ: ЭК-4/52, № 270)

№ 14 (Кожмякина, 1973, с. 168–170) = РНССС, 1981, № 95.

Зеленин, 1994, с. 95.

1.3. Дочь приносит в дом дрова, роняет их и кричит. Мать начинает плакать о том, что, если бы у сына был ребенок, он бы испугался. К ней присоединяются отец и дочь. Сын, рассердившись на их глупость, отправляется искать людей глупее. Находит. Возвращается домой.

№ 13 (ФА ОмГПУ: ЭК-8/51, № 51).

1.4. Мать проливает кипяток и причитает о судьбе еще не родившегося у сына ребенка, которого она могла бы обварить.

Зеленин, 1994, с. 92

СУС 1384. «Муж ищет людей глупее жены (родителей), плачущей о судьбе еще не родившегося ребенка (совершающей другие глупые поступки) и находит их».

2. Как солнечный свет ситом ловили

Человек видит, как женщина (мужчина) (вятские) ловит солнечный свет ситом и заносит в дом. На его вопрос отвечает, что таким образом пытается задержать солнце в доме. Человек прорубает в доме окна.

В № 10 (ФА ОмГПУ: ЭК-3/51, № 8 = ФЗС 1982, № 35).

В № 14 (Кожмякина, 1973, с. 168–170).

СУС 1245: «Носят солнечный свет в мешках (решетах, корытах) в дом без окон».

3. Как дым из избы вычерпывали

Человек видит, как глупец выносит дым из дома лукошком. Складывает ему трубу у печки.

В № 14 (Кожмякина, 1973, с. 168–170).

Зеленин, 1994, с. 88.

СУС 1245А* = АА *1245: «Выносят дым решетом».

4. Как ночь из избы вычерпывали

Человек видит, как вятские черпают в избе воздух и выносят на улицу. Оказываешься – ночь вычерпывают, так как нужен длинный день – урожаем собирать. Советует им лечь спать – день сам по себе настанет.

В № 12 (ФА ОмГПУ: ЭК-4/52, № 270).

СУС 1245В:* «Чтобы “избыть” ночь, ловят ее на горе мешком, а под горой вытряхивают».

5. Как корову на баню тащили

5.1. Человек видит, как вятские (глупцы) тащат корову на крышу бани – чтобы она там траву съела. «Налаживает» им косу, чтобы сбросить вниз и накормить корову (или сам скашивает траву).

В № 10 (ФА ОмГПУ: ЭК-3/51, № 8 = ФЗС, 1982, № 35).

В № 12 (ФА ОмГПУ: ЭК-4/52, № 270)

В № 13 (ФА ОмГПУ: ЭК-8/51, № 51).

В № 14 (Кожемякина, 1973, с. 168–170)

Зеленин, 1994, с. 88.

5.2. Вятские тащат корову на баню с той же целью. Пока тащили – задавили.

№ 11 (ФА ОмГПУ: ЭК-13/81, № 26).

СУС 1210: «Тащат корову на крышу пастись».

6. Куриные «титечки»

Человек видит плачущую женщину. Она плачет от того, что курица вывела цыплят, а кормить их не может – «титечек» нету. Человек показывает, как едят цыплята пшено.

В № 10 (ФА ОмГПУ: ЭК-3/51, № 8 = ФЗС, 1982, № 35).

7. Как мужик с охлупня в штаны прыгал

Человек видит, как баба вешает мужские штаны на охлупень. Баба поясняет, что муж будет надевать штаны, впрыгнув в них с охлупня (крыши) (или видит, как мужик уже прыгает с охлупня). Человек показывает, как нужно надевать штаны.

В № 10 (ФА ОмГПУ: ЭК-3/51, № 8 = ФЗС, 1982, № 35).

В № 14 (Кожемякина, 1973, с. 168–170)

РНССС, 1981, № 110, с. 240. Бурятия.

СУС 1286: «Впрыгивают в брюки (сапоги)».

8. Как вятские лошадей в двое дровней запрягали

Человек видит, как вятские запрягают одну лошадь в двое дровней. Запрягает им правильно.

В № 13 (ФА ОмГПУ: ЭК-8/51, № 51).

9. Как вятские быка запрягали

Человек видит, как вятские запрягают быка рогами назад, а хвостом вперед. Запрягает им правильно.

В № 13 (ФА ОмГПУ: ЭК-8/51, № 51).

10. Как вятские поросенка на насест сажали

Человек видит, как вятские пытаются посадить поросенка на насест, советует подстелить поросенку соломки.

В № 13 (ФА ОмГПУ: ЭК-8/51, № 51).

Зеленин, 1994, с. 91 (№ 6).

СУС 1205=АА *1205.* Видимо, эпизод из нашего текста относится к этому индексу, судя по аннотации: «Хотят посадить корову (поросенка) на насест: ведь сидит же курица о двух ногах».

11. Как вятские шилом жали и серп топили

11.1. Человек видит, как вятские шилом жнут хлеб. Серпом сжинает им суслон хлеба. Вятские видят, что хлеб сжат, начинают плакать: крыса весь хлеб съела. Человек втыкает серп рядом с суслонном. Вятские, посчитав, что это и есть та самая крыса, несут серп топить.

В № 13 (ФА ОмГПУ: ЭК-8/51, № 51).

11.2. Рабочий видит, как вятские мучаются – жнут хлеб шилом. Делает серп, сжинает несколько снопов, втыкает серп в сноп, чтобы вятские им жали, и уходит. Вятские принимают серп за горбатого червя, боятся подойти, решают утопить. Пока снимают острый серп со снопа – несколько человек калечатся. Все-таки связывают веревками, тащат к реке, привязывают к большому валуну, закатывают на баржу, всей деревней заходят на баржу – смотреть. Баржа переворачивается, тонут. Оставшиеся в живых довольны: хотя погибло и покалечилось много народу, но червя утопили!

РНССС, 1981, № 121, с. 245–246. Бурятия.

11.3. Зеленин, 1994, с. 93.

11.4. Зеленин, 1994, с. 89. Связывает топление серпа с лубочной картинкой из собрания Ровинского.

СУС: 1202: «Во время жатвы принимают серп за червя и топят его».

12. Как на бревне плыли и онучи «сушили»

(Чтобы утопить серп, привязывают его к бревну), (сами, 24 человека) садятся на бревно, связывают ноги, тонут, переворачиваясь вверх ногами. Оставшийся на берегу кричит: «Не успели отплыть, уже онучи сушат»!

В № 13 (ФА ОмГПУ: ЭК-8/51, № 51).

РНССС, 1981, № 120, с. 245. Бурятия.

Зеленин, 1994, с. 91 (№ 8); с. 93.

СУС 1293В=АА *1291 I «Привязанный к бревну переворачивается в воде; другие говорят: “Еще не переплыл, а уж онучи сушит”». Формулировка СУС подтверждает однотипность этих сюжетных эпизодов.*

13. Как вятские свою деревню не узнали (в Москву ездили)

13.1. Человек встречает вятских, поехавших за хлебом в другую деревню. Шутит над ними: ночью поворачивает их телеги оглоблями в обратную сторону. Вятские едут назад. Не узнают свою деревню, удивляются, увидев своих жен.

В № 10 (ФА ОмГПУ: ЭК-3/51, № 9 = ФЗС, 1982, № 35).

13.2. Вятские, поехавшие посмотреть Москву, останавливаются на дороге переночевать. Встречный солдат, возвращающийся из Москвы в свою Вятскую губернию, чтобы не идти пешком, ночью поворачивает их телеги оглоблями в обратную сторону. Утром едет с ними. Вятские, доехав до своих мест, удивляются: «Москва-то матка, как наша Вятка».

РНССС, 1981, 3 114, с. 243. Красноярск.

13.3. Вятские идут в Москву на заработки. На постоялом дворе ставят свои лапти носками в ту сторону, куда идти. Хозяин подшучивает над ними и поворачивает лапти носками назад. Приходят к своей деревне, видят своих жен и удивляются: как это они в Москву попали.

№ 9 (ФА ОмГПУ: ЭК-4/52, № 271 = СПЗ, 1955, № 34) = РНССС, 1981, № 118, с. 244.

Зеленин, 1994, с. 93.

СУС 1275: «Глупцы оставляют сани (телеги) оглоблями туда, куда едут (лапти ставят носками в сторону движения): ночью шутник перевертывает сани (лапти); глупцы попадают домой, но не узнают своего города».

14. Как вятские церковь покупали

14.1. Вятские решают церковь строить. Едут в Москву, посмотреть, какие там церкви. Понравился собор Ивана Великого. Горожанин предлагает им купить собор. Берет задаток, говорит, что церковь нужно обвязать веревками, веревки привязать к 12 подводам и тянуть. Но не оглядываться, иначе церковь останется на месте. Вятские так делают, едут. Горожанин веревки обрубаёт. Кони легко идут. Один вятский оглядывается и видит одни веревки. Говорит другим. Мужики оглядываются – а церкви-то нет!

№ 7 (ФА ОмГПУ: ЭК-6/51, № 280 = СПЗ, 1955, № 31, с. 141) = РНССС, 1981, № 117, с. 243–244.

14.2. Вятские задумали перетянуть к себе в деревню колокольню Ивана Великого. Обвязывают канатами и тащат. Когда лапти у них скользят по льду Москвы-реки, радуются: поддается!

Зеленин, 1994, с. 93.

СУС 1210А*: «Пытаются на канатах (веревке) перетянуть церковь».

15. Как вятские соль сеяли

Вятские решили соль посеять. Рассыпают соль по полю. Через неделю приходят смотреть – всходов нет. Мужик подшучивает над ними: мол, соль вошла да вся в землю ушла.

№ 6 (ФА ОмГПУ: ЭК-13/81, № 19)

СУС 1200: «Глупцы сеют соль».

16. Как вятские на медведя охотились

16.1. Вятские, чтобы вытащить медведя из берлоги, привязывают одного из мужиков за ногу и спускают в берлогу: мол, медведь начнет драть, он задрыгается, вместе с медведем и вытащим. Медведь откусывает спущенному мужику голову. Он дрыгается, вятские вытаскивают его без головы и начинают гадать: была голова или нет. Возвращаются в деревню, спрашивают у жены. Она отвечает, что, видимо, была: блины ел, бородой тряс.

№ 8 (ФА ОмГПУ: ЭК-4/52, № 268 = ФЗС, 1982, № 36).

Зеленин, 1994, с. 93.

16.2. В этой версии не охотятся на медведя, а просто видят пар из берлоги и обращаются к Догаде, чтобы он сказал, что это. Догада залезает в берлогу. Далее, как в 16.1.

РНССС, 1981, №123, с. 247–248. Бурятия.

СУС 1225: «Глупец (поп) без головы (откусил медведь, оторвало мельницей): другие (жена) помнят, что борода у него была, а была ли голова, не знают».

17. Как вятские толокно в проруби хлебали

Человек шел зимой по реке. Захотел поесть. Вблизи проруби вырубил ножом ямку, зачерпнул из проруби воды и насыпал толокна. Сидит хлебает. Мимо едут вятские мужики, везут толокно в мешках. Видят мужика, спрашивают, что делает. Решают сами подкрепиться. Так как их целая артель, то решают воспользоваться сразу прорубью. Высыпают два мешка толокна – никакого вкуса (толокно ушло на дно). Один из вятских ныряет. Остальные решают, что он один все толокно съест, по очереди прыгают за ним. Тонут.

Зеленин, 1994, с. 90–91, № 5; с. 93, 96.

СУС 1260: «Варят кашу (толокно) в проруби. Чтобы попробовать ее, один за другим прыгают в прорубь».

18. Как колокол из лыка сплели

Вятские сплели колокол из лыка и удивлялись, почему он не звонит.

Полнее суть этого сюжетного эпизода передать пока сложно, так как у Зеленина сказано об этом только следующее: «Колокол из лык плели». Щё это он не звонит: шлык да шлык?! – А он шит из лык». – В заключение колокол с колокольни упал да на крапиве повис». Зеленин, 1994, с. 91, № 7; с. 93.

СУС 1277*** = АА *1277 I «Делают колокол из лык».

19. Как вятские медведя за Богородицу приняли

Медвежатники вели медведя, а вятские («слепороды») думали, что иконы несут, и давай звонить во все колокола.

Зеленин, 1994, с. 80.

СУС 1312** Медведя выдают (принимают) за святого (ксендза). Аннотация СУС не позволяет определить, однотипные ли это сюжеты.

20. Как два брата новину чистили

Два брата в жаркую погоду новину чистили (деревья валили). Ель упала на одного. Он воскликнул: «Как меня охолонуло», и предложил брату испытать то же самое, чтобы и его «охолонуло». Сваливает на него дерево. Спрашивает, «охолонуло» ли его. А брата ель насмерть придавила.

Зеленин, 1994, с. 91, № 9.

СУС 1242** «Охолонуло ли тебя?» – спрашивает один брат другого, повалив на него в жаркую погоду ель.

21. Объяснили, как крест на колокольню водружали

Вятский удивляется: как на высокую колокольню крест водрузили. Другой вятский объясняет: нагнули колокольню, крест воткнули, колокольню отпустили – она выпрямилась.

Зеленин, 1994, с. 91, № 10; с. 93.

СУС 1241* «Как поставили крест на колокольню (как церковь белили): нагнули колокольню и поставили (побелили)».

22. Как мужик свечу ел вместо сахара

Мужик просит продать ему сахара. Ему продают свечи. Он жует и удивляется: мягко, есть неловко и в середине веревка.

Зеленин, 1994, с. 91–92, № 11; с. 93, 95.

СУС 1204 «Неведомое лакомство (лекарство): простак съедает и чувствует себя плохо – оно оказывается мылом (свечкой)».

23. Как вятские из ружья стреляли

23.1. Трое вятских нашли ружье. Зарядили горохом и дробью. Двое взялись за ружье, третьему – не хватило места. Стал смотреть в дуло – как ружье стрелять будет. Нажали на курок – взрыв. Двоим руки оторвало, одному глаз выбило.

РНССС, 1981, № 119, с. 244–245. Бурятия.

23.2. Мужики покупают в складчину ружье. Все вместе из него пытаются произвести выстрел. Одному не хватает места держаться за ружье во время выстрела. Он засовывает палец в дуло ружья, чтобы тоже принять участие в общем деле.

Зеленин, 1994, с. 93.

СУС 1228 «Глупцы стреляют из ружья: один заглядывает в отверстие ствола».

24. Как вятские царя поздравляли

Аннотацию составить нет возможности, так как суть сюжета неизвестна.

Зеленин, 1994, с. 93.

25. Как вятские в трех соснах заблудились

Аннотацию составить нет возможности, так как суть сюжета неизвестна.

Зеленин, 1994, с. 93.

26. Как мужик насчитал в Глазове семь соборов (вместо одного)

Мужик прошел по всем семи улицам города. Каждая улица выводила его к собору. Посчитал, что в Глазове семь соборов, хотя там всего одна церковь.

Зеленин, 1994, с. 100.

27. Как вятских холоков били

Идут из Вятской губернии двое холоков. Им встречаются ссыльные и начинают их бить: сначала одного, потом другого. Вятские радуются: хорошо, что их двое – сначала одного бьют – второй отдыхает, потом наоборот. А был бы один – до смерти бы забили.

РНССС, 1981, № 115, с. 242. Красноярск.

28. «Трусливый» разбойник

Идут семь холоков из Вятской губернии. Из лесу выскакивает мужик, требует отдать ему все деньги. Они выкладывают. Разбойник забирает и убегает. Вятские решают, что он трус: деньги забрал, а тронуть их побоялся.

РНССС, 1981, № 116, с. 243. Красноярск.

29. Как вятские коряге (мельнице) молились

29.1. Было у людей много богов, которым они поклонялись, но не знали, как они выглядели. Пришли в их край холера да чума. Одна старушка отправляется молиться «матушке Загогулихе». Встречает мужиков, спрашивает, где можно ей помолиться. Мужики подшучивают: показывают на мельницу. Старуха молится перед мельницей: «Матушка Загогулиха, отвори от наших земель болезни».

РНССС, 1981, № 122, с. 247. Бурятия.

29.2. Котеляне увидели плывущую по р. Вятке в весенний разлив лесную кору и, сочтя ее за какое-то чудовище, стали молиться: «Матушка гоголя, спаси нашу Котельничу, отнеси на попову мельничу!»

Зеленин, 1994, с. 76.

Приложение 2

Населенные пункты Омской области

Названы населенные пункты, в которых зафиксированы или бытовали приведенные в статье тексты (их номера даны в скобках). Если известно, то указан год основания (по: [Яшин, Машкарин, 1999]), а также основной состав населения.

Большеуковский район – история образования большинства поселений района связана со строительством и обслуживанием Московско-Сибирского тракта.

Вятка – основано в 1882 г. переселенцами из Вятской губернии, в настоящее время числится в списке исчезнувших деревень (№ 4).

Поспелово – основано в 1770 г., русское старожильческое население (№ 10).

Савиново – русское старожильческое население, бывшее волостное село, в настоящее время числится в списке исчезнувших деревень (№ 14).

Тарбажино – нет сведений (№ 2, 13).

Фирстово – основано около 1735 г., русское старожильческое население (№ 1, 3–6, 11).

Чебаклы – основано в 1882 г. переселенцами из Вятской губернии (№ 1, 3, 5).

Чебурлы – основано в конце XIX в., возможно, переселенцами из Вятской губернии (№ 1, 7), в настоящее время числится в списке исчезнувших деревень.

Тарский район
Екатерининское – основано в 1750-м г., русское старожильческое население (№ 8, 9, 12).

Приложение 3

Об исполнителях

Вишнякова Александра Даниловна. На момент записи (1951 г.) в д. Поспелово ей был 61 год (№ 10).

Горбачёв Петр Николаевич, 1930 г. р. Родился в с. Павловка [?] Большеуковского района. Русский, грамотный. На момент записи (1981 г.) жил в Фирстово (№ 3, 5, 6, 11).

Димитрова Антонина Ивановна. Родилась в 1926 г. в д. Чебаклы. Родители – переселенцы с Вятки. В 1953 г. переехала в Фирстово, в котором была сделана запись (2000 г.) (№ 5).

Кожемякина Анастасия Семеновна. Родилась в 1888 г. в с. Савиново. Талантливая сказочница, от которой записано свыше 40 сказок (русская старожильческая традиция) (№ 14) (Кожемякина, 1973).

Лаптева Ефросинья Александровна. Родилась в 1921 г. в д. Тайга Знаменского р-на Омской области. Родители – переселенцы из Белоруссии. В 1933 г. семья переехала в Чебаклы. В Чебаклах вышла замуж, в Фирстово, где и была произведена запись в 2000 г., переехали с мужем уже в пенсионном возрасте (№ 1, 3, 5).

Марамчина Федосья Антоновна. Родилась в с. Екатерининское Тарского р-на. Русская, неграмотная. На момент записи в этом же селе (1952 г.) ей было 57 лет (№ 8, 9, 12).

Михалев Афанас Сидорович. Родился в 1864 в д. Чебурлы. На момент записи (1951 г.) жил в Чебурлах (№ 7).

Нефедова Федосья Семеновна. Родилась и выросла в с. Тарбажино. Неграмотная. На момент записи в с. Тарбажино (1951 г.) ей был 51 год (№ 2, 13).

Первалова Ольга Николаевна. Родилась в 1930 г. в д. Вятка. На момент записи (2000 г.) жила в Фирстово (№ 3, 4).

Список литературы

Зеленин Д. К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (этнографический и историко-культурный очерк) // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913 / Отв. ред. А. Л. Топорков. М.: Индрик, 1994. С. 59–104.

Яшин В. В., Машкарин М. И. С днем рождения, родной край: к истокам основания поселений Омского Прииртышья. Омск: Наследие. Диалог-Сибирь, 1999. 231 с.

Список источников и словарей

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс; Универс, 1994.

Кожемякина, 1973 – Сибирские сказки. Записаны И. С. Коровкиным от А. С. Кожемякиной. 2 изд., доп. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973.

Можаровский В. В. Из жизни крестьянских детей Казанской губернии. Казань, 1882. Приложение: Присловья городам Вятской губернии. С. 93–94.

РНССС – Русские народные сатирические сказки Сибири / Сост. Н. В. Соболева. Новосибирск: Наука, 1981.

Соколов Н. Н. Золотая республика // Природа и люди. СПб., 1903. № 37. С. 600–602.

СПЗ, 1955 – Сказки, пословицы, загадки. Сборник устного народного творчества Омской области / Сост. В. А. Василенко. Омск: Ом. обл. кн. изд-во, 1955.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.

ФЗС, 1982 – Фольклор Западной Сибири / Сост. Т. Г. Леонова. Омск: Тип. ОмИИТа, 1982. Вып. 2: Сказки.

References

Yashin V. V., Mashkarin M. I. *S dnem rozhdeniya, rodnoy kray: k istokam osnovaniya poseleniy Omskogo Priirtysh'ya* [Happy birthday, native land: to the origins of the settlements of the Omsk Priirtyshye]. Omsk, Nasledie, Dialog-Sibir, 1999, 231 p.

Zelenin D. K. *Narodnye prislov'ya i anekdoty o russkikh zhitelyakh Vyatskoy gubernii (etnograficheskiy i istoriko-kul'turnyy ocherk)* [Folk sayings and jokes about the Russian inhabitants of the Vyatka province (Ethnographic and historical-cultural essay)]. In: Zelenin D. K. *Izbrannye trudy. Stat'i po dukhovnoy kul'ture 1901–1913* [Selected works. Articles on spiritual culture 1901–1913]. A. L. Toporkov (Ed. in Ch.). Moscow, Indrik, 1994, pp. 59–104.

List of sources and dictionaries

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t.* [Explanatory dictionary of living Great Russian language. In 4 vols.] Moscow, Progress, Univers, 1994.

Fol'klor Zapadnoy Sibiri. Vyp. 2: Skazki [Folklore of Western Siberia. Iss. 2: Tales]. T. G. Leonova (Comp.). Omsk, Tip. OmIITa, 1982.

Mozharovskiy V. V. *Iz zhizni krest'yanskikh detey Kazanskoy gubernii. Prilozhenie: Prislov'ya gorodam Vyatskoy gubernii* [From the life of peasant children in the Kazan province. Addendum: Words to the cities of the Vyatka province]. Kazan, 1882, pp. 93–94.

Russkie narodnye satiricheskie skazki Sibiri [Russian folk satirical tales of Siberia]. N. V. Soboleva (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 1981.

Sibirskie skazki. Zapisany I. S. Korovkinym ot A. S. Kozhemyakinoy [Siberian fairy tales recorded by I. S. Korovkin from A. S. Kozhemyakina]. 2nd ed. ext., Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd., 1973.

Skazki, posloviцы, zagadki. Sbornik ustnogo narodnogo tvorchestva Omskoy oblasti [Fairy tales, proverbs, riddles. Collection of oral folklore of the Omsk region]. V. A. Vasilenko (Comp.). Omsk, Om. obl. kn. izd., 1955.

Sokolov N. N. Zolotaya respublika [The Golden Republic]. *Priroda i lyudi*. 1903, no. 37, pp. 600–602.

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavlyanskaya skazka [A comparative index of plots. The East Slavic fairy tale]. L. G. Barag, I. P. Berezovskiy, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov (Comps). Leningrad, Nauka, 1979, 437 p.

Сведения об авторе

Козлова Наталья Константиновна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы и культурологии Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия)

nkf@rambler.ru
SPIN-код 6246-7240
AutorID 346667

Information about the author

Natalia K. Kozlova – Doctor of Philology, Docent, Professor of the Department of Literature and Cultural Studies of the Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation)

nkf@rambler.ru
SPIN-код 6246-7240
AutorID 346667

Литературоведение

УДК 821.161.1-21

DOI 10.17223/18137083/75/5

Тайна в поэтике жанра романтической трагедии («Испанцы» М. Ю. Лермонтова)

Е. В. Головенкина

*Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Тайна рассматривается как важный элемент поэтики романтической трагедии в связи с ее жанровыми особенностями: мелодраматизацией, способностью к жанрово-родовому синтезу. На материале драмы М. Ю. Лермонтова «Испанцы» анализируется роль мотива тайны в развитии действия, раскрытии внутреннего мира героя, возможность служить мотивировкой поступков героев и индикатором общепринятых социальных и нравственных норм. Отмечается, что в отличие от мелодрамы, где тайна выполняет сюжетобразующую функцию, стимулирует зрительский интерес и поддерживает драматическое напряжение, в «Испанцах» мотив тайны важен для реализации основного (трагедийного) конфликта. Таинственное в сюжете и в лирическом плане трагедии способствует пониманию сущности романтического конфликта, оказывает суггестивное воздействие на зрителя и углубляет психологизм трагедии.

Ключевые слова

драматургия, предромантизм, романтизм, М. Ю. Лермонтов, «Испанцы», романтическая трагедия, мелодрама, тайна

Для цитирования

Головенкина Е. В. Тайна в поэтике жанра романтической трагедии («Испанцы» М. Ю. Лермонтова) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 67–81. DOI 10.17223/18137083/75/5

Mystery in the poetics of romantic tragedy genre ("The Spaniards" by Mikhail Lermontov)

E. V. Golovenkina

*Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This paper focuses on the role of the poetics of mystery in the formation of the romantic tragedy genre. "The Spaniards" by Mikhail Lermontov is considered as a characteristic example of this genre, manifesting "melodramatization" of tragedy and tendency towards genre-generic synthesis. The action of "The Spaniards" is based on events related to the sphere of the mysterious, which are exceptional in life and common in melodrama. Central to the plot is

© Е. В. Головенкина, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

the motif of the loss of a child. The secret of Fernando's birth and "ignobility" form the conflict and organize two storylines (love and family) and two (everyday life – melodramatic, and existential – tragic) levels of conflict. Mystery also plays an important role in revealing the inner world and expressing the romantic ideal of the hero. The ability to comprehend the mysterious, to pass beyond human experience and logic is not only the motivation of his actions, but it also connects the hero with the ideal sphere. The study examines how the characters' anticipation of the "terrible" motivates their moral choices. Analyzing the interaction of lyrical motifs, the author suggests the motif of mystery as important for implementing the main (tragic) conflict, unlike melodrama, where the functions of mystery are plot-forming, stimulating the spectator's interest and maximizing the dramatic tension. Mystery in the plot and the lyrical concept of the tragedy contributes to the understanding of the essence of the romantic conflict, has a suggestive impact on the audience, and deepens the psychologism.

Keywords

drama, Pre-Romanticism, Romanticism, Mikhail Lermontov, "The Spaniards", romantic tragedy, melodrama, mystery

For citation

Golovenkina E. V. Mystery in the poetics of romantic tragedy genre ("The Spaniards" by Mikhail Lermontov). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, p. 67–81. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/5

Романтическая трагедия «Испанцы» (осень и конец 1830 г.) [Миллер, 2014, с. 532] имеет большое значение для творческой эволюции М. Ю. Лермонтова. Опыт создания редкого для русской драматургии жанра отражает специфику жанрового мышления предромантизма и романтизма и процесс формирования лермонтовского «странного человека».

Драматургические опыты Лермонтова (особенно «Маскарад» и его сценическая история) занимают особое место в русском литературном процессе, поскольку «в истории русской культуры национальная романтическая драма осталась, в сущности, нереализованной возможностью» [Журавлева, 1988, с. 15]. Лермонтовский «Маскарад» «оказался на нашей сцене произведением, представляющим весь русский романтизм» [Там же, с. 28].

Исследователи драматургии Лермонтова отмечают ее автобиографизм, тесную типологическую и текстологическую связь с традициями европейской и русской драмы [Вацууро, Мануйлов, 1980; Владимирская, 1981; Григорьян, 1982], наполненность драм общими для всего лермонтовского творчества темами, образами и мотивами, их связь между собой, а также с лирикой и прозой [Владимирская, 1981, с. 144–146]. Само обращение Лермонтова к драматургии связывается с исканиями в области литературных жанров, стремлением выйти за пределы лирики [Эйхенбаум, 1924, с. 83].

Синтетический характер драматургии романтизма исследователи связывают с художественной природой романтизма, его интересом к личности, находящейся в непреодолимом конфликте с миром, для раскрытия которого «не хватало средств драмы» [Кургинян, 1968, с. 307], а также с освоением европейским, а затем и русским романтизмом драматического опыта Шиллера и Шекспира [Кургинян, 1968; Вацууро, 1982; Луков, 2006].

Шекспировское влияние проявляется в том, что увеличивается «наполненность эмоционально окрашенными событиями, применяется "мелодраматизация", гротеск... используются эффекты, рассчитанные на потрясение ужасом» [Луков, 2006, с. 332].

Проникновение элементов мелодрамы в жанр трагедии в европейской литературе считается распространенным и закономерным явлением [Бентли, 2004, с. 223–249; Мокульский, 1934; Луков, 2006, с. 341–358, 536–559; 2013].

Причины этого явления исследователи объясняют по-разному. Одни считают «мелодраматизацию» важнейшим принципом-процессом предромантизма и становления романтической поэтики, где «исчезает разделение средств на главные и неглавные... на смену требованию чистоты жанра приходит синтез искусств» [Луков, 2006, с. 343]. Другие называют способность мелодрамы проникать в иные жанры, не превращая их в мелодраму, родовым свойством драмы: «Мировосприятие драматурга является мировосприятием мелодраматическим» [Бентли, 2004, с. 246].

Анализ русской драматургии и московской репертуарной политики 1830-х гг. позволяет считать закономерными кризис жанра трагедии и ее перерождение в драму, воздействие на творчество оригинальных русских драматургов европейской романтической драмы и мелодрамы [Вацуро, 1982, с. 352–357].

Проблема взаимодействия элементов мелодрамы и трагедии в драматургии М. Ю. Лермонтова редко привлекает внимание лермонтоведов [Ефимова, 1927; Ищук-Фадеева, 2003, с. 70–75]. Важным результатом исследования жанровой поэтики ранних драм Лермонтова становится выявление ее связи с традицией «трагедии рока» (без обращения к жанру мелодрамы) [Манн, 2001, с. 281–298].

Особую роль в художественной системе предромантизма и раннего романтизма играет поэтика таинственного. Непостижимость романтического идеала, бесконечное переживание героем своего отчуждения обуславливают интерес к тайне человеческой души и таинственной власти над человеком высших сил, рока.

В предромантизме интерес к явлениям, неподвластным разуму и противоречащим природе, выходит на первый план. «Неистовый герой в мире, полном роковых тайн» составляет «зерно предромантического произведения» [Луков, 2006, с. 310].

Важнейшими открытиями предромантизма, получившими развитие в романтической поэтике, считаются «поэтизация» культуры [Вершинин, 2003], таинственность и загадочность страстей, жанровый и стилистический «перепутаж» [Западов, 1983, с. 148], интерес к специфическим жанрам, в которых центральное место занимает поэтика таинственного: балладе, «готической повести» и мелодраме.

В мелодраме поэтизация, активное эмоциональное воздействие на зрителя и читателя проявляются особенно ярко и связаны с поэтикой таинственного. «Таинственность ситуаций, загадочность персонажей и их судеб, необычность обстановки, неожиданность сюжетных ходов» – важнейшие способы суггестивного воздействия на зрителя в предромантической мелодраме [Вершинин, 2003, с. 38]. Введение тайны в сюжет – один из сильнейших факторов, способствующих воплощению принципа динамики в сюжетно-композиционной организации мелодрамы [Балухатый, 1990, с. 71].

Нами уже было рассмотрено на материале ранней драматургии Лермонтова, каким образом в структуре драматического конфликта взаимодействуют элементы трагедии, мелодрамы и лирики [Головенкина, 2008а; 2008б; 2010].

Основная цель настоящей работы заключается в том, чтобы исследовать поэтику таинственного и функции мотива тайны в трагедии «Испанцы» в связи с жанровыми особенностями романтической драмы и традицией предромантизма. Проблема эта практически не исследована. Рассмотрение поэтики таинственного

в связи с предромантической «мелодраматизацией» и поэтизацией позволяет нам по-новому взглянуть на некоторые остро стоящие в лермонтоведении вопросы: специфику и эволюцию лермонтовского творческого метода, отношение к русскому литературному процессу, жанровый синтетизм, специфику лермонтовского «странного человека».

Тайна не только лежит в основе сюжета («внешнего» действия, развивающегося в основном по законам мелодрамы), но и выражает сущность романтического конфликта драмы М. Ю. Лермонтова. При этом обнаруживается тенденция к раздвоению уровней конфликта. Фабульное действие определяют драматический и мелодраматический конфликты, подлинный же источник развития действия трагедии составляет внутренний конфликт Фернандо, его трагический разлад с миром¹. Исключительные («роковые») события, выходя за пределы обычной человеческой логики, заставляют героя и читателя обратиться к сфере таинственного, составляют основу драматического действия «Испанцев». Действие строится на событиях предельных, исключительных в жизни, но распространенных в мелодраме. Это утрата / обретение детей; любовь между братом и сестрой, не знающими о своем родстве; изгнание; похищение; убийство; проклятие; клевета; пытки и казнь на костре по ложному обвинению.

Центральным в сюжете «Испанцев» можно назвать популярный в предромантической мелодраме мотив утраты ребенка. Тайна рождения героя не случайно, по мнению В. А. Лукова², играет ключевую роль в формировании жанра мелодрамы: «тайна никому не известна, но она определяет весь ход событий» [Луков, 2013, с. 125], в конце тайна раскрывается, «отчетливо звучит мысль: человек не знает причин того, что с ним происходит» [Там же].

Завязку конфликта «Испанцев» мы обнаруживаем в первой сцене, где многократно разными героями подчеркивается, что Фернандо – «неблагородный» (Мария), «безвестный сирота» (Эмилия), «на улице найденный человек», «бродяга» (Алварец). Изменение драматической ситуации (завязка конфликта) связано не с тем, что герои узнали, что Фернандо не сын Алварца (это давно известно всем героям), а с проникновением в тайну прошлого и тайну души героя.

В первой же сцене М. Ю. Лермонтов своеобразно разрабатывает еще один распространенный мелодраматический мотив – мотив тайной помолвки. Хотя помолвка как событие в сюжете «Испанцев» отсутствует, именно знание о намерении³ Фернандо жениться на Эмилии играет ключевую роль в развитии событий

¹ Раздвоение уровней конфликта драмы, на наш взгляд, исследовано недостаточно. Н. М. Владимирская обращает внимание прежде всего на специфику романтического конфликта «Испанцев» («высокий», трагедийный уровень конфликта), обнаруживая важные для раннего романтизма особенности «героической личности» Фернандо: «мятежную энергию сопротивления», сложную диалектику добра и зла: «Протест Фернандо, направленный на защиту справедливости и добра, несет в себе разрушительное начало» [ЛЭ, 1981, с. 201].

² Исследователь, оценивая вклад Д. Дидро в формирование новой сценичности, рассматривает изменение роли и функций мотива тайны. «Персональная модель Дидро в драматургии» – когда мотив тайны рождения создает драматическое напряжение (тайна неизвестна зрителю и раскрывается только в развязке) [Луков, 2013, с. 125] – оказала серьезное влияние на формирование жанра предромантической мелодрамы и романтической драмы. По мнению В. А. Лукова, эта модель сценичности была отвергнута русской драматургией, у истоков которой стояла драматургия А. С. Пушкина, продолжающая шекспировскую модель [Там же, с. 127]. Драматургия Лермонтова исследователем не рассматривается.

³ Все подчеркивания в тексте статьи и в текстах М. Ю. Лермонтова принадлежат автору статьи.

и судьбе героев. Донна Мария запрещает Эмили «с этих пор» видеться с Фернандо, так как догадалась (до рассказа Эмили) об их любви и намерении «соединиться супружеством» [Лермонтов, 1980, с. 10]⁴. По этой же причине изменилось отношение Алвареца к Фернандо: «...доселе содержал я / Тебя почти совсем как бы родного. / Но с этих пор переменилось все» (с. 14). Его знание намерений Фернандо основано на слухах: «...До меня доходят слухи, / Что ищешь ты войти в мое семейство» (с. 13). Сам же Фернандо воспринимает известие о том, что Алварец слышал о его любви к Эмили и намерении жениться на ней, как проникновение в тайну его сердца: «И как он мог узнать мои желанья! странно!» (с. 13). Алварец это знание побуждает открыть Фернандо тайну его появления в семье:

Я повторю тебе, как ты попал сюда:
С слугой однажды шел я из Бургоса
(Тогда еще я только что женился).
Уж смерклось, и сырой туман покрыл
Вершины гор. Иду через кладбище,
Среди которого стояла церковь
Забытая, с худыми окнами.
Мы слышим детский плач – и на крыльце
Находим бедного ребенка – то был ты;
Я взял тебя, принес домой – и воспитал
(с. 14).

Заметим, что рассказ Алвареца не содержит ответа на им же поставленный вопрос – «Узнать ты должен наконец, / Кто ты!» (с. 14), он лишь сгущает тайну, повторяя устойчивые элементы художественной структуры многих «таинственных» жанров (баллады, мелодрамы, готического романа и повести): сумерки, туман, кладбище, заброшенная церковь, детский плач, брошенный или потерянный ребенок.

Дон Алварец сообщает Фернандо, что он найденный, оставленный матерью много лет назад на кладбище, подчеркивая «неблагородство» своего воспитанника. Но для Фернандо в этом рассказе имеет значение совсем другое: давно зная о том, что он «безвестный сирота», воспитанный в семье Алвареца, он «поражен» (авторская ремарка) и воспринимает свое сиротство как универсальный закон бытия:

Так, так, совсем, совсем забытый сирота!..
В великом божьем мире ни одной
Ты не найдешь души себе родной!..
Питался я не материнской грудью
И не спал на ее коленях. Чуждый голос
Учил меня родному языку
И пел над колыбелию моей
(с. 14).

Загадка рождения и «неблагородство» Фернандо организуют обе сюжетные линии (любовную и семейную). Тайна рождения как препятствие на пути к сча-

⁴ Далее все цитаты приводятся по этому изданию. В круглых скобках указывается страница.

стью – основа и внешнего (мелодраматического), и внутреннего (трагедийного) конфликта пьесы. Как мелодраматический этот конфликт реализован в «Испанцах» на уровне фабулы. Сущность же противопоставления «благородства» – «неблагородства» раскрывается в монологах Фернандо как противопоставление различных пониманий ключевых для героя ценностей – благородства, гордости и чести:

...благодарность!..
За что? – за то ль, что каждый день
Я чувствовать был должен, что рожден
Я в низком состоянье, что обязан
Всем, всем тому, кого душою выше
(с. 13).

В лирических монологах Фернандо мотивы сиротства, утраты семьи и родины превращаются в символы его отчуждения от мира⁵ и раскрываются в целом ряде устойчивых лирических оппозиций: «благородство – неблагородство»; «неравенство – равенство» (людей); «счастье – мука»; «блаженство – страдание»; «сиротство – братство»; «родной – чуждый»; «опытность («рассудок») – сердце». В круг этих важнейших для героя понятий входит также оппозиция «знание» – «незнание» (способность / неспособность к постижению таинственного, проникновению за пределы человеческого опыта и логики).

Знание героем чего-либо, скрытого от других (неизвестного другому или недоступного его пониманию), является причиной событий, побудительным мотивом действий героев, влечет за собой роковые последствия. В мелодраматическом конфликте оно разделяет героев на высоких и низких. Если последние (донна Мария, Алварец, Соррини) основывают свое знание на житейском опыте, рассудке (Фернандо это практическое знание жизни расценивает как «предрассудки»), то для Фернандо, Эмилии и Ноэми «знание» связано с предчувствием, проникновением в тайну мироздания. Таким образом, знание / незнание само по себе связывает героя с идеальной либо бытовой сферой и может восприниматься как основа романтического конфликта.

Любопытным примером подобного противопоставления может служить отношение к «бешеному» нраву Фернандо его самого и его антагониста Соррини. Соррини при первой встрече с Фернандо в доме Алварца (в момент, когда Алварец изгнал своего «питомца» из дома) уступает ему дорогу (хотя Фернандо не поклонился ему и даже его не заметил), мотивируя это «слепотой» Фернандо:

...есть страсти, страсти, страсти
Ужасные; как тучею, они
Взор человека покрывают, их гроза
Свирепствует в душе несчастной – и она
Достойна сожаления бесспорно.
Такие люди слепы; ваш Фернандо
Из их числа
(с. 21).

⁵ Ю. В. Манн рассматривает развитие идеи рока в русском романтизме в связи двуплановостью романтического конфликта, которая обнажает его высший, субстанциальный смысл [2001, с. 281–298].

При этом описание подобного состояния «несчастной души», данное Соррини, перекликается с авторским посвящением к трагедии: ср. «страсти ужасные», «безумное волнение души», «душа несчастная», «гроза» страстей в монологах Соррини и характеристики автора по отношению к себе в посвящении: «души непобедимой жар / И дикой страсти пыл мятежной», «гроза ночная» (с. 9).

Сам Фернандо основной причиной несчастий считает свой «нрав», подчеркивая тем самым универсальную, философскую, а не социальную природу своего конфликта с миром. Неистовство страстей он рассматривает как особое зрение – способность к сверхзнанию и предвидению «ужасного», которой не обладает даже Эмилия. Отвечая на вопрос Эмилии, за что он готов проклясть себя вместе со всеми людьми, Фернандо говорит о своей способности видеть скрытую природу человека как о страшном даре:

За то... Эмилия... о! я злодей –
Я мог бы сделать счастливой тебя,
Стараться, чтобы ты меня забыла...
Но как взгляну на будущность... на жизнь,
Бесцветную, с прошедшим ядовитым...
Тогда... Эмилия... тогда я жертвовать
Готов твоим блаженством, чтоб иметь
Близ этой груди существо такое,
Которое понять меня б могло!
Желаю, чтобы вечно час такой
Не приходил... Но! – не люби меня...
Ты видишь нрав мой – позабудь меня...
(с. 32–33)

Ситуация Фернандо зеркально повторяется с Ноэми во второй сцене второго действия, где наблюдается та же последовательность: предчувствие – рассказ о конкретных событиях прошлого – рассуждение философского характера. Сначала Ноэми рассказывает сон, который «был занимателен и страшен» (с. 47), затем следует рассказ Сары о потерянном в детстве сыне Моисея – старшем брате Ноэми, который мотивирует размышление Ноэми о несовершенстве и жестокости мира. Как ранее Фернандо, Ноэми, узнав о загадочной потере брата, рассуждает об универсальной природе отношений между людьми, где дискредитированы самые основы: семья, дом, родина, где невозможны ни «братство», ни «благородство»:

Он был рожден, чтоб быть мне другом, –
О Сара! если умер он – как счастлив,
И как должна я плакать об себе!
Гонимый всеми, всеми презираем,
Наш род скитается по свету: родина,
Спокойствие, жилище наше – все не наше
(с. 50).

Когда Ноэми, желая утешить раненого Фернандо, призывает его стать ей братом («подумай / Что я твоя сестра, что тот еврей – отец твой» (с. 55)), угадав, не зная того, правду, Фернандо «своенравно» отвергает это предложение. Причина не в «различье веры», как думает Ноэми, а в знании человеческой природы,

желании защитить Ноэми от жестоких человеческих законов, исключив ее из числа «демонов» (испанцев, шире – людей):

Ты цвет пустыни, ты дитя свободы:
Без правил любишь ты, – испанцы только
Без правил ненавидят ближних!.. <...>
О боже, сохрани меня от мысли,
Что ты должна принять их предрассудки...
(с. 58–59).

Так нравственный выбор героя, мотивированный приобщением к скрытому или таинственному, и само «видение» скрытого и отношение к нему становится индикатором общепринятых социальных и нравственных норм.

Приобщение к сфере таинственного проявляется в пьесе в обилии зловещих предзнаменований, что связывает «Испанцев» с жанром не только мелодрамы, но и баллады. Предчувствия и предсказания дальнейших событий в первую очередь отличают высоких героев (Фернандо, Эмилия и Ноэми) и играют важную роль как в развитии действия, так и в разработке романтического конфликта в лирическом плане. «Неистовость» героя, «дикой страсти пыл мятежной» – это не только способность героя к чувствам, недоступным пониманию других людей и не подчиняющимся никакой логике («слепота», по оценке Соррини), но и его исключительное, провидческое, «знание» (понимание законов мироздания, роковые предчувствия «страшного»: своей судьбы и судьбы близких).

Два печальных предсказания присутствуют в сцене тайного свидания в первом действии. Во-первых, страшный сон Эмилии: «Вчера я видела во сне, что ты / Меня хотел резать» (с. 31). Слова Фернандо, адресованные Эмилии, также можно рассматривать как предсказание, но не событий, а судьбы героя и героини:

... не люби меня...
Ты видишь нрав мой – позабудь меня... <...>
Ступай ты лучше в монастырь,
Ступай в обитель – скрой себя от света,
Умри!.. предвижу много страшного!..
(с. 33).

Как предзнаменование воспринимается и своеобразный диалог (сюжетный и лирический) двух сцен второго действия. «Баллада» завершает первую («испанскую») сцену, ее исполняет один из бродяг, нанятых Соррини для похищения Эмилии и убийства Фернандо. Вторая («еврейская») сцена открывается лирическим монологом Ноэми, в котором она выражает свою любовь к незнакомцу-спасителю ее отца (она не видела Фернандо, но описанный Моисеем незнакомец «занимает все воображень»). «Ужасный» вещий сон Ноэми вступает в лирический диалог с испанской балладой через ряд перекликающихся мотивов, таких как неприятие иноверца, «рана сердца» (в прямом и метафорическом смысле), смех / глумление над лучшими чувствами, встреча с мертвецом.

В балладе христианские монахи «в сердце вонзили кинжал» (с. 45) сарацину, пожелавшему принять их веру, – Ноэми во сне «увидала рану против сердца глубокую» (с. 49) у человека, который называет себя ее братом. В балладе христиане убивают сарацина «со смехом пустым» (с. 45) – герой сна говорит Ноэми:

Перестань молиться!
Я брат твой! ныне братьев ненавидят!..
Оставь меня, прекрасная еврейка:
Я христианин – и не брат твой;
Я над тобой хотел лишь посмеяться!
(с. 49)

В конце баллады монахи бросили «кровавый труп» сарацина, и «...с тех пор каждый год <...> / В обитель приходит мертвец» (с. 46) – сон Нозми начинается с того, что «приходит человек, / Обрызганный весь кровью» (с. 49), а когда незнакомец ушел, в руках у нее вместо плаща остался его погребальный саван. Перекликающиеся мотивы предсказывают будущие события: Фернандо окажется сыном Моисея и братом Нозми, в финале его ждет смерть на костре инквизиции за то, что его объявят лютеранином. Включение в драматический текст баллады, образный ряд, ассоциативно связанный с балладной традицией, создает в трагедии своеобразный «второй план», способствующий углублению романтического конфликта. Лирический диалог раскрывает глубину конфликта Фернандо с миром, где невозможны братские отношения между людьми, где «ныне» царят зло и ненависть.

Предсказания будущих несчастий мелодраматическими антагонистами основаны на житейском опыте и представлены в пьесе на бытовом уровне, но благодаря включению в общий ряд зловещих предсказаний самими героями и читателями эти предостережения опытных людей также могут восприниматься как знание некоей важной тайны. Присутствие в системе персонажей драмы антагониста-скептика «оттеняет уязвимые... стороны позиции центрального персонажа с точки зрения жизненной реальности, одновременно философски и морально возвышая эту позицию» [Манн, 2001, с. 276]. Так, рассказ Соррини, призывающий Эмилию «бояться пламенной любви», Алварец представляет Эмилию не как совет опытного человека, а как своеобразное откровение:

...сердце
Твое запутано; не знаешь ты,
Чего ты хочешь, – он тебе откроет
Опасность страшную любви
(с. 24).

Соррини рассказывает о девушке, которая отравила возлюбленного, когда тот к ней охладел, и за это была наказана инквизицией: «Преступницу наказывали долго, / Именье в пользу церкви обратив, – / И наконец замучили до смерти!» (с. 25). Этот рассказ может восприниматься как предзнаменование дальнейших событий, которые зеркально повторятся в судьбе Фернандо: он убьёт Эмилию, пройдет через пытки и будет сожжен на костре инквизиции; выкуп, предложенный Моисеем, будет взят Соррини, но не для того, чтобы помочь Фернандо.

Мотив тайны играет важную роль в развитии действия драмы. Утаивание или обнародование важных обстоятельств служит мотивировкой таких важных событий, как похищение и смерть Эмили. Похищение Эмили тщательно подготовлено Соррини: он подкупает Марию и нанимает бродяг убить Фернандо и привезти ему «премиленькую дочь» Алварца. В монологе Соррини, обращенном к похитителям, М. Ю. Лермонтов иронически обыгрывает мотив тайны, сталкивая и смешивая разнородные понятия смерти и счастья, тайны и заговора:

Яд, страх, огонь, мольбу употребите,
Убейте мачеху, служителей, отца,
Лишь мне испанку привезите...
И всё, всё тайно доведите
До этого счастливого конца. <...>
Но слушайте! – я вверил тайну вам –
Страшиться изменить – о! если
Хоть искра заговора выскочит...
То всех под инквизицию отдам
(с. 41).

В данной ситуации «важной тайной» – обстоятельством, которое может существенно повлиять на судьбы героев, – является знание о том, что Фернандо не убит нанятыми Соррини бродягами. Убийство Фернандо было частью заговора, но он спасен Моисеем, зритель знает о спасении Фернандо из рассказа Моисея во втором действии. Таким образом, тайна заговора в момент похищения Эмилии известна зрителю и всем участникам, но, разумеется, неизвестна жертве.

Эмилия считает Фернандо погибшим (о ночном нападении ей рассказала служанка). Сообщение важной тайны (искусная ложь Марии) способствует успеху заговора: Мария рассказывает о мнимой встрече с Фернандо в саду и обещает помочь влюбленным соединиться (здесь вновь актуализируется мотив тайной помолвки). Чтобы заманить «голубку в сети», Мария (уже получившая жемчуг и алмазы от Соррини за помощь в похищении падчерицы) уговаривает Эмилию пойти на тайное свидание с Фернандо «в густую рощу»⁶.

Обнародование Марией важного секрета – ложного обстоятельства, значимого для дальнейшего развития событий, – таким образом, ведет к успеху заговора и в итоге к гибели главных героев.

По логике развития мелодраматического действия Фернандо должен выступить в функции спасителя Эмилии. Но в кульминационной сцене убийства Эмилии все несколько сложнее. С точки зрения мелодраматического конфликта Фернандо – злодей. Но определяющим в пьесе является не мелодраматический, а трагический конфликт. Убивая свою возлюбленную, он выступает не злодеем, а спасителем, но не мелодраматическим спасителем, а трагедийным героем. Ключевую роль в этой ситуации вновь играет тайна. Именно желание сохранить преступление в тайне заставляет Соррини идти до конца: он лжет Неизвестному (это укрытый плащом пилигрима Фернандо), что Эмилия – его сестра, затем лжет Доминиканцу, что Эмилия оказалась в его доме, так как он спас ее от хищников, пишет вместе с Доминиканцем донос на «еретика» Фернандо. Убийство Эмилии для Фернандо – «крайность», до которой его доводит Соррини:

... не доведи меня
До этой крайности. Я уж готов

⁶ «Важный секрет» здесь одновременно и правда, и ложь. Известие о том, что Фернандо жив, правдиво. Мария уверена, что Фернандо жив, так как, рассуждая наедине с собой о перспективах будущего «счастья» падчерицы, она предполагает, что Соррини, когда Эмилия ему наскучит, выдаст ее замуж «с приданым», возможно, за Фернандо. Либо она не знает о нападении на Фернандо, либо знает и о его спасении. Рассказ о встрече с Фернандо – безусловно, сознательная ложь, которую сама Мария высоко оценивает: «Благодаря мой ум, Соррини! Он искусен!» (с. 70).

На всё. Я с нею потерять готов
И небо, чтоб избавить от твоих когтей
(с. 100).

Отказавшись от намерения убить злодея Соррини («Я не палач» (с. 99)) и убивая Эмилию, Фернандо выступает против несправедливости мироустройства: он творит не зло, он совершает жертву во имя добра:

Пожертвовал собой, своей душой,
Пожертвовал таким созданием, чтоб
Освободить Эмилию
(с. 116).

Акцент, таким образом, переносится на внутренний конфликт Фернандо.

Как уже было отмечено, весь ход событий драмы определяется тайной рождения Фернандо. Но, если в мелодраме тайна рождения героя раскрывалась только в конце и была основой интриги, функция которой – стимулировать и поддерживать зрительский интерес, то в «Испанцах» схема развития действия усложняется, меняются функции мотива и смысл развертывания сюжета потерянного ребенка. При всем обилии намеков и роковых предзнаменований, тайна рождения Фернандо остается тайной для всех (героев и зрителя) до конца 3 действия, когда Моисей, получивший «доказательства» от раввина, сообщает, что Фернандо – его потерянный сын. Таким образом тайна становится известной Нозми, Саре и зрителю, но остается тайной для Фернандо. Для Нозми это известие – катастрофа, она понимает, что влюблена в родного брата, который к тому же находится в смертельной опасности (он ушел мстить, узнав от Моисея о похищении Эмилии). В двух следующих действиях Нозми появится на сцене лишь однажды, уже в состоянии безумия, и умрет прямо на сцене, услышав о предстоящей смерти Фернандо на костре инквизиции.

Моисей же действует по законам мелодрамы: он несет Соррини мешок денег, чтобы спасти сына. Фернандо узнает, что Моисей его отец, в конце 5 действия, когда служители инквизиции уводят его на казнь из дома Алвареца, куда он принес мертвую Эмилию. Фернандо идет на смерть сознательно: приняв решение убить Эмилию (и тем самым спасти ее от зла и несправедливости мира), он выносит смертный приговор и себе: «Не бойтесь! я не стану вырываться» (с. 125). Как подлинно трагический герой Фернандо сам выбирает свою судьбу, а не терпит ее удары. Смерть Фернандо на костре инквизиции, по мнению Н. М. Владимирской, «вносит в пьесу оттенок высокой героики» [ЛЭ, 1981, с. 201]. Раскрытие тайны рождения не ведет к благополучному финалу: Фернандо не обретает семью, раскрытие тайны лишь углубляет его конфликт с миром (Моисей не соответствует идеалу Фернандо: он унижается, предлагает за спасение сына всё богатство, упоминая и о дочери, дискредитируя тем самым в глазах Фернандо саму идею «родства»). Фернандо отвергает отца:

Что пользы мне найти отца в подобный час?
Старик... ты обманулся! я не сын твой,
Никто не требуй больше от меня любви
(с. 126).

Тайна рождения героя уже не играет первостепенной роли в сюжете, она уступает место трагедии личности. «Испанцы» – подлинная трагедия, заканчивающаяся гибелью Фернандо⁷ и катастрофой для всех положительных героев (Эмилия убита, Ноэми сходит с ума и умирает, Моисей теряет все, что для него дорого: только что обретенного сына, дочь и состояние).

Фернандо сжигает инквизиция. Но истинная причина его гибели другая. Потерпели крушение все его надежды на гармонию с миром, он теряет все, что связывало его с жизнью. Смерть – закономерный итог неразрешимого внутреннего конфликта Фернандо с миром. Фернандо приносит себя (как ранее Эмилию) в жертву тому миру, жизнь в котором представляется ему невыносимой. К лермонтовской пьесе в полной мере относится характеристика жанра романтической трагедии, сущность конфликта которой заключается «не в результате, достигнутом в борьбе, не в перипетиях этой борьбы, а в самой непримиримости противостояния, в неизбежности трагического контраста» [Кургинян, 1968, с. 313].

Таким образом, тайна в трагедии М. Ю. Лермонтова «Испанцы» имеет множество функций: она играет важную роль в развитии действия драмы, раскрытии внутреннего мира персонажей, является мотивировкой поступков героев и индикатором общепринятых социальных и нравственных норм (нравственный выбор героя мотивирован его приобщением к скрытому или таинственному). Романтическая трагедия М. Ю. Лермонтова сохраняет связь с жанром мелодрамы, которая проявляется, в том числе, в значении (сюжетном и психологическом) поэтики таинственного. Но в отличие от мелодрамы, где тайна выполняет сюжетообразующую функцию, стимулирует зрительский интерес и поддерживает драматическое напряжение, в «Испанцах» основное место занимает таинственность, загадочность человеческой души. «Неистовость» романтического героя связана с реализацией основного (внутреннего, трагедийного) конфликта. В развитии этого конфликта, который носит универсальный характер и мало связан с происходящими в драме событиями, мотив тайны создает особое лирическое напряжение (переклички таинственных предчувствий, снов, мотивов вставной лирической баллады с событиями драмы и с лирико-философскими монологами главного героя). Этот своеобразный лирический диалог важен для понимания сущности романтического конфликта, он оказывает суггестивное воздействие на зрителя и способствует углублению психологизма трагедии.

К лермонтовской драме, на наш взгляд, уместно отнести характеристику поздней лирики Лермонтова, данную А. И. Журавлевой: «...таинственность и драматичность – не некий секрет, который можно раскрыть, а сама сердцевина драмы бытия в лермонтовском ощущении, самый интимный и постоянный лирический потенциал его стихотворений» [Журавлева, 2002, с. 132–133].

Список литературы

Балухатый С. Д. Поэтика мелодрамы // Балухатый С. Д. Вопросы поэтики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 30–80.

Бентли Э. Жизнь драмы. М.: Айрис-пресс, 2004. 416 с.

Вацуро В. Э. Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х годов // История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века. Л.: Наука, 1982. С. 352–357.

⁷ Несмотря на незавершенность текста, нам представляется возможным говорить о финальных событиях, так как они намечены достаточно ясно.

- Вацуро В. Э., Мануйлов В. А.* Драматургия Лермонтова // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л.: Наука, 1980. Т. 3. С. 575–584.
- Вершинин И. В.* Предромантические тенденции в английской поэзии VIII в. и «поэтизация» культуры: Автореф. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003. 40 с.
- Владимирская Н. М.* Драматургия // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1981. С. 144–146
- Головенкина Е. В.* Жанровые особенности романтической драмы М. Ю. Лермонтова «Станный человек» // История русской литературы: Материалы XXXVII Междунар. конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008а. С. 10–21.
- Головенкина Е. В.* Формирование жанра трагедии в ранней драматургии М. Ю. Лермонтова («Испанцы») // Кафедра: проблемы, поиски, перспективы. Новосибирск, 2008б. С. 30–37.
- Головенкина Е. В.* Поэтика жанра трагедии в ранней драматургии М. Ю. Лермонтова: «Люди и страсти» // Тарханский вестник. 2010. Вып. 23. С. 117–125.
- Григорьян К. Н.* Драматургия Лермонтова // История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века. Л.: Наука, 1982. С. 368–402.
- Ефимова З. С.* Из истории русской романтической драмы. «Маскарад» М. Ю. Лермонтова // Русский романтизм: Сб. ст. / Под ред. А. И. Белецкого. Л.: Academia, 1927. С. 26–50.
- Журавлева А. И.* Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М.: Прогресс-Традиция. 2002. 288 с.
- Журавлева А. И.* Русская драма и литературный процесс XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1988. 198 с.
- Западов В. А.* Проблемы изучения и преподавания русской литературы VIII века. Статья 3-я. Сентиментализм и предромантизм в России // Проблемы изучения русской литературы VIII века: от классицизма к романтизму. Л., 1983. С. 135–151.
- Ищук-Фадеева Н. И.* Жанры русской драмы. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. 88 с.
- Кургиян М. С.* Драма // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении: В 3 т. М.: Наука, 1968. Т. 2: Роды и жанры литературы. С. 238–362.
- Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4 т. Л.: Наука, 1980. Т. 3. 623 с.
- ЛЭ – Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1981. 746 с.
- Луков Вл. А.* Дидро и истоки новой европейской сценичности // Знание, понимание, умение. 2013. № 4. С. 121–129.
- Луков Вл. А.* Предромантизм. М.: Наука, 2006. 683 с.
- Манн Ю. В.* Русская литература XIX века: эпоха романтизма. М.: Аспект Пресс, 2001. 447 с.
- Миллер О. В.* Комментарии // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. Т. 3: Драмы. С. 527–585.
- Мокульский С.* Мелодрама // Литературная энциклопедия: В 11 т. М.: Сов. энцикл., 1934. Т. 7. С. 113–129.
- Эйхенбаум Б. М.* Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. Л.: Гос. изд-во, 1924. 168 с.

References

- Balukhaty S. D. Poetika melodramy [Poetics of melodrama]. In: Balukhaty S. D. *Voprosy poetiki* [Questions of poetics]. Leningrad, LSU Publ., 1990, pp. 30–80.
- Bentley E. *Zhizn' dramy* [The life of the drama]. Moscow, Ayris-press, 2004, 416 p.

Efimova Z. S. Iz istorii russkoy romanticheskoy dramy. "Maskarad" M. Yu. Lermontova [From the history of Russian romantic drama. "Masquerade" by M. Lermontov]. In: *Russkiy romantizm: Sb. st.* [Russian romanticism: coll. of art.]. A. I. Beletsky (Ed.). Leningrad, Academia, 1927, pp. 26–50.

Eykhenbaum B. M. *Lermontov. Opyt istoriko-literaturnoy otsenki* [Lermontov. The essay of historical and literary analysis]. Leningrad, Gos. izd., 1924, 168 p.

Golovenkina E. V. Formirovanie zhanra tragedii v ranney dramaturgii M. Yu. Lermontova ("Ispantsy") [The genre of tragedy formation in the early drama by M. Yu. Lermontov ("The Spaniards")]. In: *Kafedra: Problemy, poiski, perspektivy: sb. st.* [Department: Problems, searches, prospects: coll. of art.]. Novosibirsk, 2008, pp. 30–37.

Golovenkina E. V. Poetika zhanra tragedii v ranney dramaturgii M. Yu. Lermontova: "Lyudi i strasti" [Poetics of the tragedy genre in the early Lermontov's drama: "Men and Passions"]. *Tarkhanskiy vestnik*. 2010, iss. 23, pp. 117–125.

Golovenkina E. V. Zhanrovye osobennosti romanticheskoy dramy M. Yu. Lermontova "Strannyi chelovek" [Genre features of the romantic drama of Lermontov's "Strange Man"]. In: *Istoriya russkoy literatury: Materialy 37 Mezhdunar. konf.* [History of Russian literature. Materials of the 37 Intern. Conf.]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 2008, pp. 10–21.

Grigor'yan K. N. Dramaturgiya Lermontova [Lermontov's dramaturgy]. In: *Istoriya russkoy dramaturgii. 17 – pervaya polovina 19 veka* [History of Russian drama. the 17th – the first half of the 19th century]. Leningrad, Nauka, 1982, pp. 368–402.

Ishchuk-Fadeeva N. I. *Zhanry russkoy dramy* [Russian drama genres]. Tver', TSU Publ., 2003, 88 p.

Kurginyan M. S. Drama [Drama]. In: *Teoriya literatury. Osnovnye problemy v istoricheskoy osveshchenii. V 3 t. T. 2: Rody i zhanry literatury* [Theory of literature. The main problems in historical coverage. In 3 vols. Vol. 2: Genera and genres of literature]. Moscow, Nauka, 1968, pp. 238–362.

Lermontov M. Yu. *Sobr. soch.: V 4 t. T. 3* [Collected works: In 4 vols. Vol. 3]. Leningrad, Nauka, 1980, 623 p.

Lermontovskaya entsiklopediya [Lermontov encyclopedia]. Moscow, Sov. entsikl., 1981, 746 p.

Lukov Vl. A. *Predromantizm* [Pre-Romanticism]. Moscow, Nauka, 2006, 683 p.

Lukov Vl. A. Didro i istoki novoy evropeyskoy stsenichnosti [Diderot and the origins of the new European staginess]. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2013. no. 4, pp. 121–129.

Mann Yu. V. *Russkaya literatura 19 veka: Epokha romantizma* [Russian literature of the 19th century: the era of romanticism]. Moscow, Aspekt Press, 2001, 447 p.

Miller O. V. Kommentarii [Comments] In: Lermontov M. Yu. *Sobranie sochineniy: V 4 t. T. 3 : Dramy* [Collected works: In 4 vols. Vol. 3: Dramas]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2014, pp. 527–585.

Mokul'skiy S. Melodrama [Melodrama]. In: *Literaturnaya entsiklopediya: V 11 t. T. 7* [Literary Encyclopedia: In 11 vols. Vol. 7]. Moscow, Sov. entsikl., 1934, pp. 113–129.

Vatsuro V. E. Istoricheskaya tragediya i romanticheskaya drama 1830-kh godov [Historical tragedy and romantic drama of the 1830s]. In: *Istoriya russkoy dramaturgii. 17 – pervaya polovina 19 veka* [History of Russian drama. the 17th – the first half of the 19th century]. Leningrad, Nauka, 1982, pp. 352–357.

Vatsuro V. E., Manuylov V. A. Dramaturgiya Lermontova [Lermontov's dramaturgy]. In: Lermontov M. Yu. *Sobranie sochineniy: V 4 t. T. 3.* [Collected works: In 4 vols. Vol. 3]. Leningrad, Nauka, 1980, pp. 575–584.

Vershinin I. V. *Predromanticheskie tendentsii v angliyskoy poezii 8 v. i "poetizatsiya" kul'tury* [Pre-romantic tendencies in English poetry of the 18th century and poetizing culture]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2003, 40 p.

Vladimirskaya N. M. Dramaturgiya [Dramatic art]. In: *Lermontovskaya entsiklopediya* [Lermontov Encyclopedia]. Moscow, Sov. encycl. Publ., 1981, pp. 144–146.

Zapadov V. A. Problemy izucheniya i prepodavaniya russkoy literatury 18 veka. Stat'ya 3-ya. Sentimentalizm i predromantizm v Rossii [Problems of studying and teaching Russian literature of the 18 century. 3rd art. Sentimentalism and Pre-Romanticism in Russia]. In: *Problemy izucheniya russkoy literatury 18 veka: ot klassitsizma k romantizmu* [Problems of studying Russian literature of the 18th century: From Classicism to Romanticism]. Leningrad, 1983, pp. 135–51.

Zhuravleva A. I. *Lermontov v russkoy literatury. Problemy poetiki* [Lermontov in Russian literature. Problems of poetics]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2002, 288 p.

Zhuravleva A. I. *Russkaya drama i literaturnyy protsess 19 veka* [Russian drama and literary process of the 19th century]. Moscow, MSU Publ., 1988, 198 p.

Сведения об авторе

Головенкина Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия)

elen_a@ngs.ru

ORCID 0000-0002-0870-2889

Information about the Author

Elena V. Golovenkina – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language of the Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation)

elen_a@ngs.ru

ORCID 0000-0002-0870-2889

УДК 070:93/94 (571.1)
DOI 10.17223/18137083/75/6

Цикл фельетонов «Сибирский музей» «Консерватора» (Ф. В. Волховского) в «Сибирской газете» (1884–1885)

А. Е. Мазуров

*Томский государственный университет
Томск, Россия*

Аннотация

Важное место в системе жанров дореволюционной прессы занимал фельетон. Жанр позволял изданиям открыто критиковать явления социальной жизни. Часто фельетоны подписывали псевдонимами, в руках некоторых авторов псевдонимы превращались в полноценные «литературные маски». Одним из таких авторов был негласный редактор «Сибирской газеты» (1881–1888) – Ф. В. Волховский. «Консерватор» – первая «литературная маска» Волховского, которая оказалась наиболее приближенной к автору с его демократической позицией. Цикл «Сибирский музей» наиболее концептуальный в творчестве Волховского. Идея «сбора музейных экспонатов» стала своеобразной «рамкой» для оформления содержания, позволила расширить проблемно-тематические рамки и апробировать новые методы сатиры.

Ключевые слова

«Сибирская газета», Волховский, фельетон, газета, периодика, псевдоним, литературные маски

Для цитирования

Мазуров А. Е. Цикл фельетонов «Сибирский музей» «Консерватора» (Ф. В. Волховского) в «Сибирской газете» (1884–1885) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 82–95. DOI 10.17223/18137083/75/6

The cycle of feuilletons “Siberian Museum” of the “Conservator” (F. V. Volkhovsky) in the “Sibirskaya gazeta” (1884–1885)

A. E. Mazurov

*Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation*

Abstract

Feuilleton occupied an important place in the system of genres of the pre-revolutionary press. The genre allowed the publishers to openly express their position, criticize the phenomena of social life, and point out the existing problems of society. Feuilletons were often signed with pseudonyms, and some authors transformed pseudonyms into full-fledged “literary masks” that proved to be an important part of the poetics of feuilletons and literary play. Feuilletons were incredibly influential in the provincial press due to its more difficult censorship position

© А. Е. Мазуров, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

than the capital. The leading newspaper of Siberia in 1881–1888 was the Tomsk “Sibirskaya gazeta” that fully revealed the feuilleton talent of the exiled populist and poet F. V. Volkhovsky. The purpose of the study was to identify the content and structural features of the cycle of feuilletons “Siberian Museum” by F. V. Volkhovsky, signed by his pseudonym “Conservator.” The cycle was published in 1884–1885 and comprised 14 works. The “Siberian Museum” turned out to be one of the most conceptual feuilleton cycles by Volkhovsky. The idea of “collecting museum exhibits” became a kind of “frame” for designing the feuilleton content, expanding the author’s capabilities in implementing the installation of “satire on faces,” and it is here that one can see a direct parallel with the satire of N. I. Novikov. “Conservator” was the first “literary mask” of Volkhovsky, the closest to the author himself with his democratic position. However, this allowed Volkhovsky to expand the problem-thematic framework of feuilletons and to test new satire methods that were in demand among the reader of Siberian periodicals.

Keywords

“Sibirskaya gazeta”, Volkhovsky, feuilleton, newspaper, periodicals, pseudonym, literary masks

For citation

Mazurov A. E. The cycle of feuilletons “Siberian Museum” of the “Conservator” (F. V. Volkhovsky) in the “Sibirskaya gazeta” (1884–1885). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 82–95. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/6

Важное место в системе жанров дореволюционной прессы занимал фельетон. Жанр позволял сотрудникам изданий открыто выражать свою позицию, критиковать явления социальной жизни, указывать на существующие проблемы общества. Часто фельетоны подписывали псевдонимами, а в руках некоторых авторов псевдонимы превращались в полноценные «литературные маски», становились важной частью поэтики фельетонов и литературной игры. Особенно значимыми были фельетоны для провинциальной прессы, которая находилась в более сложном цензурном положении, чем пресса столичная (см.: [Жилякова, 2019]). Это же можно было сказать и о сибирской периодической печати, где только в 1880-х гг. зародилась частная журналистика. Ведущей газетой Сибири в 1881–1888 гг. была томская «Сибирская газета», на страницах которой в полную силу развернулся фельетонный талант ссыльного народника и поэта Ф. В. Волховского (подробнее о Ф. В. Волховском см.: [Жилякова, 2002; Рощевская, 1975]).

«Сибирская газета», первая крупная частная газета Западной Сибири, издававшаяся в Томске в 1881–1888 гг., неоднократно являлась предметом исследовательского внимания (см.: [Жилякова, 2002; Любимов, 1982]). Это издание характеризуют как оппозиционное и «литературоцентричное»: за восемь лет существования в ней было опубликовано 355 художественных и художественно-публицистических материалов. Почти половина публикаций – фельетоны, из которых 89 написано Волховским.

Цель исследования – выявление содержательных и структурных особенностей цикла фельетонов «Сибирский музей» Ф. В. Волховского, подписанного его псевдонимом «Консерватор». Цикл публиковался в 1884–1885 гг., он включает в себя 14 произведений. Основными методами исследования являются жанровый, мотивный анализ, биографический и нарративный методы, контент-анализ.

Исследователи довольно часто обращались к творчеству Волховского (см.: [Доманский, 1996а; 1996б; Жилякова, 2002; 2008]). В работах вычленились преимущественно авторские идеологемы, связанные с народничеством и с противо-

стоянием сибирскому областничеству. В настоящей статье внимание сосредоточено на одном из центральных фельетонных циклов Ф. В. Волховского, в котором он в полной мере проявил свой талант фельетониста, используя вовлечение читателей в литературную игру, мастерски создавая целую галерею рассказчиков и «литературных масок» внутри единого текста. Последовательно анализируя фельетоны, составляющие этот цикл, можно проследить тесную связь между образом рассказчика – «литературной маской» Ф. В. Волховского – и содержательными, а также структурными особенностями исследуемого произведения.

«Консерватор» и другие «литературные маски» Волховского

В «Сибирской газете» все фельетоны публиковались под псевдонимами, однако в настоящее время исследователи их атрибутировали практически все. Известно, что А. В. Адрианов подписывал свои сатирические тексты псевдонимом «Проснувшийся Сибиряк», К. М. Станкович – «Н. Томский»; Клеменц – «П. Топорнин» и т. д. Точно так же поступал и Ф. В. Волховский, однако его псевдонимы были не просто вымышленными именами, используемыми для того, чтобы скрыть истинное «лицо» автора. Каждый из псевдонимов Волховского представлял своеобразную «литературную маску», наделялся автором собственной биографией и собственной позицией.

В «Сибирской газете» можно было встретить семь псевдонимов Волховского: «В тиши расцветший василек», «Фома», «Иван Брут», «Я. Ачинский», «Дядя Федул», «Консерватор» и «Простой смертный». Между ними существовала определенная связь: созданные Волховским образы фельетонистов вступали в диалог друг с другом, конфликтовали, ссылались друг на друга или опровергали высказанные ранее идеи. Это создавало «дополнительное измерение» в фельетонном пространстве, вовлекало читателя в своеобразную литературную игру, пробуждая его интерес и заставляя внимательнее вчитываться в тексты «Сибирской газеты».

Так, в фельетонах цикла «Сибирский музей» «Консерватора» (СГ. 1884. № 22, 28) можно обнаружить прямые отсылки к параллельно выходящему циклу Волховского (под псевдонимом «Я. Ачинский») «Летопись Мирного городка». Стоит отметить, что «Консерватор» по сюжету фельетонов оказывается в Мирном городе дважды во время поездки в Черноярск. Если первое упоминание Мирного городка просто отсылает к циклу и его персонажам, то второе меняет и фельетонную манеру. Так, склонный к обличительным фельетонам «Консерватор» прибегает к описанию истинно гоголевского сюжета – приезд в городок ревизора и подготовку к этому приезду. Стоит отметить, сам Мирный город – собирательный образ сибирской действительности, и в фельетонах цикла «Я. Ачинского» Волховский не столько опирался на реально произошедшие события, сколько знакомил читателя с их обобщенным образом.

Можно сказать, что первая «литературная маска» Волховского – «В тиши расцветший василек» – была самой фантастической и поэтической: «василек» активно использовал стихотворные вставки в тексте, охотно прибегал к гротеску, к мягкому юмору, а не сатире. Следующие «литературные маски» наделялись Волховским уже другими качествами: здесь образы рассказчиков – это закаленные жизнью сибиряки («Иван Брут», «Фома», «Иван Брут», «Дядя Федул», «Я. Ачинский»). Среди них выделяется особыми чертами «Консерватор», которого можно охарактеризовать как образ «декламационный», образ интеллигента в Сибири, наиболее приближенный к автору.

Самым «плодовитым» был «Простой смертный» – этим псевдонимом было подписано 33 фельетона; 22 текста принадлежало «Ивану Бруту». Фельетонный цикл «Консерватора», как было сказано выше, состоял из 14 текстов. Однако он отличался особыми чертами и свойствами, отражающими творческие установки Ф. В. Волховского, и потому заслуживает более пристального исследовательского внимания.

«Сибирский музей»: концепция и структура

Концепция фельетона в форме «музея» была обоснована автором в первом же тексте из цикла. Рассуждая о том, что в городах Сибири появляются различные музеи, Волховский сетовал на то, что они, тем не менее, «не представляют желательной полноты». И поэтому новый «владелец» музея, «Консерватор» (в значении «музейный работник, сохраняющий ценные экземпляры»), обращался к читателям: «Надеемся, что наши друзья помогут нам в собирании для сибирского музея наиболее редких экземпляров, охарактеризованных выше...» (СГ. 1884. № 12). Этот ход – обращение к читателю за поддержкой, шутливая перебранка с ним, ответы на воображаемые критические замечания, публикация читательских писем и корреспонденций – стал характерным приемом работы с аудиторией «Консерватора».

Преимущественно, рассуждая о появлении в городах Сибири «образцовых музеев», автор отсылает читателя к музею города Минусинска, который был основан Н. М. Мартьяновым в 1877 г. Руководитель минусинского музея организовал целый ряд ботанических и этнографических экспедиций, собирал экспонаты в Енисейской губернии, Урянхайском крае. В собственном импровизированном музее «Консерватор» планировал собрать аналогичную по полноте коллекцию.

О будущих «музейных экспонатах» фельетонист писал так:

Итак, в назидание современникам и в память потомству «Сиб. газ.» открывает специальный отдел, куда будут заноситься «правдивые сказания» о всех выдающихся героях грабежа, угнетения, лжи и ханжества. Здесь найдут себе место: экземпляры из породы хищников, чужаядная тля, пресмыкающиеся, хладнокровные и гады. Коллекция соберется богатая, разнообразная и поучительная! (СГ. 1884. № 12).

Всего в 1884 г. вышло шесть фельетонов цикла «Сибирский музей». Основываясь на типологии С. М. Прокопьевой и Ю. И. Никоновой [2010], можно сказать, что здесь были представлены фельетоны следующих видов:

- обличительно-публицистический фельетон (2);
- обличительный (адресный) фельетон (2);
- публицистическо-обличительный фельетон (1);
- публицистический (проблемный) фельетон (1).

Во всех фельетонах «Консерватора» в той или иной степени прослеживалась народническая и социалистическая позиция Волховского: он обличал представителей высших сословий, власти и буржуазии, при этом богатства первых всегда противопоставлялись нищенскому существованию рабочих и простых сибиряков.

Объектами сатиры в фельетонах цикла «Сибирский музей» были:

- купцы (8);
- учителя (2);
- золотопромышленники (4);
- чиновники (19);

- предприниматели (3);
- учреждения (частные) (2);
- учреждения (государственные) (2).

Эта «адресность» сатиры привела в тому, что выпуск цикла фельетонов был прерван практически на полгода в 1884 г.; по поводу временного закрытия «Сибирского музея» автор отмечал, что его вины в этом нет, а виновником закрытия «отдела» обозначал «высокосный год»: «вот он-то и положил свою тяжелую руку на многое такое, чему бы следовало расти и развиваться...» (СГ. 1885 № 3).

В рамках исследования представляется невозможным давать развернутый исторический комментарий к фельетонам. Часто фельетоны опирались на неопубликованные ранее в прессе информационные поводы, во много основанные на слухах и мнениях, которые курсировали в обществе.

Тем не менее, можно предположить, что именно послужило поводом для приостановки выпуска материалов цикла на полгода. В последнем материале «Сибирского музея» за 1884 г. (СГ. 1884 № 28) Волховский обратился к убийству в городе Мариинске, параллельно сославшись на бездействие местной полиции. Параллельно описанию деталей убийства Волховский обвиняет квартального надзирателя Мариинска в получении взятки, основываясь на слухах. Ранее в первом фельетоне цикла (СГ. 1884 № 12) автор не называл должности человека, которого обвинял в получении взятки, обозначая его как «полицейского чиновника».

При возобновлении публикации в 1885 г., пытаясь продлить циклу жизнь, Волховский стал более осторожным. Фельетоны «Сибирского музея» в 1885 г. представляют следующую картину:

- обличительно-публицистический фельетон (2);
- обличительный фельетон (1);
- публицистическо-обличительный фельетон (3);
- публицистический фельетон (2).

Деление это довольно условно, но позволяет увидеть эволюцию фельетона в сторону большей публицистичности, отхода от обличения конкретных «носителей пороков».

Структурной особенностью фельетонов цикла являлась публикация «вставных новелл» – текстов, обозначенных иной жанровой принадлежностью, нежели сами фельетоны. Это «сказания», «корреспонденции», «поэмы», «оды», «письма».

Такие вставки в рамках цикла «Сибирский музей» можно условно разделить на информационные и «игровые». Так, публикация писем, корреспонденций служила подтверждением каких-то проблемных вкраплений или же, наоборот, поводом для начала рассуждений на конкретную тему. Игровые же вкрапления уводили читателя дальше от темы, чаще всего вводя его в мир преувеличения и гротеска. Часто такие игровые вкрапления служили раскрытию конкретных персонажей цикла. Так, корреспондента Касьяна Пафнутича с его увлечением поэзией и эзоповым языком сразу же раскрывает «экспромт» – «Послание к корреспондентам», в котором Касьяна призывает описывать явление социальной жизни более «скрытным», образным языком (СГ. 1884. № 15).

Проблемно-тематическая основа фельетонного цикла

Из проблем (или метаобъектов сатиры) в цикле «Сибирский музей» автором затрагивались следующие:

- проблема гласности (4);
- «расхождение слова и дела» (1);

- социальная несправедливость (1);
- золотая лихорадка (2);
- реформы в Сибири (1);
- репутация и ее цена (1).

Рассмотрим подробнее проблемно-тематическую основу фельетонного цикла.

Ключевой проблемой для рассуждений «Консерватора» в цикле «Сибирский музей» являлась гласность. Уже во втором фельетоне Волховский подчеркивал, что реакция на «Сибирский музей» не заставила себя ждать:

...кондраты озлобились, их черствые сердца затрепетали, из уст полились потоки сквернословия по адресу обличателей, в исступлении они вырвали карты и у всех в руках оказались черви... Двадцать пять тысяч не пожелаю! кричит один, захлебываясь от бессильной злобы, – закрою!.. утку... (СГ. 1884. № 15).

В 1885 г. тема гласности приобрела в «Сибирском музее» форму спора с читателем: автор отвечал на отклик некоторых читателей, которые называли газету «слишком обличительной» (СГ. 1885. № 1). «Консерватор» подчеркивал:

...всякий литературно-публицистический орган должен служить верным отражением общественной жизни. Что же делать, если окружающая нас среда заставляет нас «изображать все бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни» (СГ. 1885. № 1).

Иллюстрировал данный посыл Волховский сообщениями о падеже скота в Томской губернии, которые стали появляться в новостной рубрике газеты к концу 1884 г.; проблемами крестьянской реформы и сельскохозяйственной сферы; потоком уголовных ссыльных (вопрос ссылки и ее влияния на жизнь в регионе являлся ключевым для публицистов газеты). Продолжая дискуссию с читателями, автор прибегал к сарказму:

...благодаря энергии и находчивости земского заседателя N, поддержанного местным населением, падеж не только прекратился, но и количество скота утроилось! (СГ. 1885. № 1).

Следующей проблемой, которую обозначил в «Сибирском музее» «Консерватор», был «страшный недуг слова и дела»: на примере чиновника и двух учителей он рассказывал, как слух может повлиять на жизнь человека (СГ. 1885. № 6).

В фельетоне в № 9 «Сибирской газеты» Волховский обозначил проблему социальной несправедливости, вводя ее через образ «вечной» масленицы для «котов» и вечного поста для простого «Сибиряка»:

...из конца в конец земли русской, с незапамятных времен, раздаются возгласы: «не все коту масленица...», а коты не только не переводятся на Руси, а напротив – плодятся и множатся... (СГ. 1885. № 9)

После этого «Консерватор» обращался к вечной проблеме запоздалых и неэффективных реформ (СГ. 1885. № 17) и к проблеме золотой лихорадки (СГ. 1885. № 21).

Адресно-проблемный фельетон в № 21 «Сибирской газеты» завершил галерею образов «приисковой жизни»: золотодобытчики как объекты сатиры и золотодобыча как проблема в конце XIX в. были актуальными. На рубеже веков возобновилась неорганизованная массовая золотодобыча первой половины XIX в., при

этом участие в ней принимали многие томские предприниматели. В фельетоне № 21 «Сибирской газеты» за 1885 г., завершая тему, автор пришел к следующим выводам:

Золотоискательный ажиотаж в том виде, в каком он практикуется, ничего еще не принес Сибири, кроме горя-злосчастья, он обогащает единицы, разоряет и развращает десятками тысяч (СГ. 1885. № 21).

Одна из проблем, которую обозначал Волховский, заключалась в том, что из-за развития добывающей отрасли в убытке оставались промышленность и земледелие. Проблема золотодобычи освещалась в рубрике «Хроника» на протяжении всех лет выпуска «Сибирской газеты». Журналисты обращали внимание на взяточничество, обращение начальство со старателями, повальное пьянство на приисках, технологическую отсталость методов золотодобычи.

В фельетоне в № 28 «Сибирской газеты» за 1884 г. обозначалась проблема «благонадежности»: рисуя портреты «благонадежных» людей (сплошь разбойников, воров, мошенников), «Консерватор» задавался вопросом: «Что же требуется для получения уважения и репутации благонадежности?». И приходил к следующему списку: «исполнение обрядов религиозности, видимая всем кротость и, еще лучше, раболепие перед сильными мира сего...». Ключевым образом, иллюстрирующим данную проблему, стал помещанец из Мариинска, который отправил сына на разбой, при этом обладая в городе хорошей репутацией (СГ. 1884. № 28).

Стоит отметить, что обозначенная проблемно-тематическая основа фельетонов служила «фоном» для постановки и решения общественных вопросов и эстетических задач фельетониста.

Корреспондент: ключевой образ «Сибирского музея»

Для фельетонов Волховского были характерны определенные повторяющиеся образы-мотивы. В цикле «Сибирский музей» ключевыми образами являлись корреспонденты и противопоставленные им «противники гласности». Это отсылало читателей и к основной проблеме цикла, поднимаемой автором, – гласности, свободе слова в сибирском обществе конца XIX в. До приостановки выпуска фельетонов «Консерватора» в 1884 г. и последующего закрытия «Сибирского музея» в 1885 г., «Сибирская газета» неоднократно сталкивалась с давлением цензуры. Ярким примером этому может служить ситуация с неопубликованным в 1881 г. первым фельетоном «Сибирской газеты».

Несмотря на то что фельетон был изначально заявлен в программе «Сибирской газеты», фактически рубрика появилась только на втором году издания. Тем не менее, в 1881 г. была сделана попытка опубликовать фельетон. Он должен был войти в состав № 11 «Сибирской газеты», однако столкновение с цензором М. А. Гиляровым привело к тому, что номер газеты не вышел (подробнее о ситуации с не вышедшим фельетоном см.: [Мазуров, Жилиякова, 2020]).

Главным персонажем цикла «Сибирский музей» был, конечно, «Консерватор», позиционирующий себя как не только как «хранителя музея», но и как сибирского корреспондента. Его «партнером» выступал корреспондент Касьян Пафнурьев – образ, который можно определить как «буффонадный». Кроме них, в фельетонах периодически возникали некие безликие журналисты, которых стремились дискредитировать недовольные их разоблачениями читатели. Так, в одном из фельетонов «Консерватор» знакомил читателей с письмом, которое отправили одному из мариинских корреспондентов «Сибирской газеты»:

М. Г.! Общество крайне возмущено всеми гадостями, которые вы творите вашими корреспонденциями... А посему предостерегаем вас, что если еще появится какое-либо сообщение из Мариинска, то вы будете вздuty в один прекрасный вечер людьми вам лично неизвестными (СГ. 1884. № 19).

Можно предположить, что данное письмо относится к корреспонденции из Мариинска, где автор критикует работу полиции в городе, отмечая, что раскрываются дела, касающиеся высокопоставленных лиц (СГ. 1884. № 16).

По уверениям «Консерватора», в редакцию к нему приходили «жалкие слова и жалкие фразы», которые пестрили бумагу, «оплаченную 60 копеечным гербовым сбором». Более того, один из «кондратов» грозился избить одного из сотрудников «Сибирской газеты»; рассказ об этом принимает форму поэмы, в фельетоне был опубликован ее пролог:

И вдруг... о ужас, о позор!
Никиту бросили пенаты!
Никите сказан приговор –
Никита наш попал в Кондраты!
(СГ. 1884. № 15).

«Консерватор» пришел к выводу о том, что в России «кулачий» суд сменился правовым, на который в итоге «нашелся рубль», и лишь литература с журналистикой свободны от рубля – но, тем не менее, на них пытаются найти воздействие «дубьем».

Образы «противников гласности» у Волховского традиционно были представлены в гротескном виде. Так, фельетон в № 25 «Сибирской газеты» за 1884 г. заканчивался сценой в рейнском погребе, где собрались «блуститель Прогонников, принципал ведомства предупреждения и убеждения Соловцев» и представитель Заглоткин:

Пьют до остервенения. Идут суждения о поимке корреспондента «Сибирской газеты» и «Восточного обозрения». Называют разные фамилии (СГ. 1884 № 25).

В финальном диалоге обсуждалось бессилие журналистов перед местными «шишками»:

– По моему – наплевать! – говорил Соловцев. – Нынче уже никто не обращает внимания на газетные сплетни... Ваш относится к газетам самым практичным образом, как в собрании, на юбилей Жуковского... помните?
– Ха, ха, ха! – загоготал Заглоткин.
– Не знаю, не слышал, – сказал Прогонников.
– Да у него, извольте видеть, желудок что-то заболел. Он вошел в соборанскую библиотеку, положил на пол газету и... (СГ. 1884. № 25).

Стоит отметить, что ситуация с пренебрежительным отношением к корреспондентам, касалась не только альтер эго Волховского. После приостановки выхода «Сибирской газеты» в 1887 г., Волховский писал о своем положении следующее, обращаясь за финансовой помощью в комитет общества для пособий нуждающимся литераторам и ученым: «...когда над “Сибирской газетой” разразился неожиданный удар в виде приостановки на последние 8 месяцев 1887 года, то я остался без хлеба и должен был лезть в долги и искать места где-нибудь “вне

литературы”, что представляет почти непреодолимые трудности, так как в глазах почти всех влиятельных лиц здесь – местный журналист есть нечто вроде “прокаженного”, первый враг, выносящий из избы сор и не дающий покоя прет в собственном соку» [«Сибирская газета»..., 2004].

«Кондраты» и «коты» как экспонаты «Сибирского музея»

Уникальными для «Сибирского музея», определяющими его направленность, являются вводимые автором собирательные образы адресных сатирических объектов: «Кондратов» (1884) и «котов» (1885). В первом фельетоне цикла «Сибирский музей» «Консерватор», обращаясь к опыту освещения «Колупаевых и Разуваевых» в прессе и литературе, выделяет особняком сибирских Кондратов, «фотографические копии которых читатели видели на страницах газеты «Сибирь» и «Восточное обозрение». Одной из заявленных целей всего цикла было также: «классифицировать сибирских Кондратов, и по имеющимся данным определить видовое различие, наклеить на рассматриваемый экземпляр ярлык и затем поставить в витрину нашего музея» (СГ. 1884. № 12).

Образ Кондрата был заявлен в первом же фельетоне цикла (СГ. 1884. № 12), при описании «маленькой экскурсии в Кур-кий округ», где люди страдают от голода. Здесь Волховский ссылался на корреспонденцию из К-на, опубликованную в этом же номере «Сибирской газеты». По словам «Консерватора», именно в такое время «выдвигается на арену общественной деятельности» Кондрат. Частью этого фельетона было «Сказание о богатом хищнике» – рассказ о «Кур-ком Кондрате» от лица кур-кого «обывателя», в котором с первых строк раскрывалась подлинная личность Кондрата:

Всем нынче плохо живется в нашем округе, всем, кого не возьми, одному только Дмитрию Сомычу Дягтереву лафа (СГ. 1884. № 12).

В № 9 «Сибирской газеты» за 1885 г. Волховский обращался к теме социальной несправедливости, которая служила лейтмотивом его творчества. Здесь раскрывался образ «кота», сначала как «героя» известной поговорки:

«Не все коту масляница...» – слышу я надорванный голос какого-то мужика, рассказывающего миру, как объегорил его кулак Пархов (СГ. 1885. № 9).

А затем давалась его развернутая характеристика:

Чем толще, жирнее становились коты, тем более тощал мир... И пошло тогда великое оскудение на земле русской. Пробовал обыватель утекать в леса дремучие, в тайгу непроглядную, чтобы укрыться от зорких глаз кота, Василия Ивановича; а тот следом за ним полегонечку пробирается (СГ. 1885. № 9).

В качестве «котов» в фельетоне выступали несколько микрообъектов сатиры: пастырь, заломивший деньги за венчание в К-ском округе; начальники на таежных приисках, где «полнейшее игнорирование интересов рабочих и крайне бесцеремонное с ними обращение». Почти в каждой сцене люди без конца повторяют фразу «не все коту масляница...», и как итог звучат слова: «из конца в конец земли русской, с незапамятных времен, раздаются возгласы: “не все коту масляница...”, а коты не только не переводятся на Руси, а напротив – плодятся и множатся...».

В следующем фельетоне в № 11 «Сибирской газеты» за 1885 г. образы «кота» и «Кондрата» сливались воедино. Автор писал:

В предыдущий раз мы восстановили тип кота Василия Ивановича, производящего озорство и сумятицу... тип кота подразделяется на виды: крестьянство выделило из своей среды кулака-миroeда; купечество и мещанство – Кондрата; дворянство – массу разновидностей до такой степени разнообразных по величине и окраске, что подвести их под одну категорию невозможно (СГ. 1885. № 11).

«Консерватор» в фельетоне заострял внимание на характерной общей черте «котов» – «страсти к хищничеству», обращаясь к грабёжам «общероссийским», приводя в пример дела скопинского банка и «благотворителя-филантропа» Рыкова. После этого взор фельетониста смещался «от крупных всероссийских хищников к нашим маленьким уездным и областным, которые хотя и озорничают на малом пространстве, но приносят много зла». Этот фельетон выступал как заключительный, подводящий итог стремлению «Консерватора» «собрать коллекцию» и повесить «ярлыки» на каждый вид «гада» (СГ. 1884. № 12).

Кроме выразительных образов «котов» и Кондратов, в фельетоне эпизодически присутствовали образы «уездного мага» Ахмаевского, местного кулака, «некоего Федота Силыча Пупкова» с его откровенным: «Какие там времена? Никаких времен нет – выпороть всегда можно» (СГ. 1885. № 11).

«Касьян» и «Консерватор» как два полюса одного образа

Одним из главных сатирических приемов Волховского в «Сибирском музее» был диалог «Консерватора» со своим другом, сибирским корреспондентом Касьяном Пафнутьевым. Этот образ был введен уже во втором фельетоне цикла (СГ. 1884. № 15) с описания разговора автора с неким «корреспондентом», встреченным в кабаке. Корреспондент, начав разговор с вопроса: «Ну, что? Доплясались со своими обличениями?», – предложил «Консерватору» «катать» оды эзоповским языком, вспоминая времена, когда квартальные надзиратели были «из кантонистов аракеевских». Чтобы доказать силу «эзопова языка», корреспондент зачитал стихотворение «Послание к корреспондентам»:

О чем шумите вы, корреспонденты?
К чему азарт в воинствующих сердцах!
Мой вам совет – пишите комплименты
И перед силой падайте во прах!
(СГ. 1884. № 15)

Кроме того, после похвалы со стороны «Консерватора» собеседник предложил «экземплярчик» в «витрину музея» – «Любопытное повествование о благодетельной Тыкве».

Несколько позже корреспондент получил имя – Касьян Пафнутьев Пифагорович (СГ. 1884. № 22) и «общественное положение» – «ко-ррре-спон-дент». Любопытно, что в № 15 «Сибирской газеты» за 1884 г. между «Консерватором» и его другом Касьяном разгорелся спор: первый выступал за прямое высказывание, а второй – за «эзопов язык». Тем не менее, главными средствами создания сатиры в цикле служили аллегория и гротеск, а также буффонада и ирония, связанные преимущественно с образом Касьяна.

Несмотря на обилие в фельетонах цикла поэтических фрагментов, в текстах мало внимания уделяется тропам, в частности метафорам. Созданию сатирического начала в фельетонах способствуют не образные средства, а непосредственно прямая, порой грубая оценка, сравнения, склонность к инструментарию аналитических форм журналистики. Образные средства, такие как эпитеты и метафоры, в рамках фельетонов «Консерватора» часто выступают в роли «усилений» в составе более крупных сатирических средств.

Стоит отметить, что образ Касьяна из цикла «Сибирский музей» своей жизнеутверждающей манерой и стилистикой напоминал читателям образ «В тиши расцветшего василька» с его склонностью к поэзии. «Консерватор» же рисовался более серьезным и сдержанным.

Важную роль Касьян Пафнютьев сыграл в «черноярской трилогии» «Сибирского музея» (СГ. 1884. № 22, 25, 28). История заключалась в том, что Касьян Пафнютьев изъявил желание ехать в Черныйярс с Консерватором: ему нужно было «повидаться с тамошним чревоуещателем, с которым вместе учился в Петербургском университете», «затем мне необходимо поздравить моего бывшего начальника Акакия Макарыча Заглоткина с вступлением в новые радости, нужно побывать в одном филантропическом собрании...». Благодаря этому персонажу в фельетон были введены сразу несколько объектов сатиры (СГ. 1884. № 22). Так, бутылка с водочного завода Сахарова, которую с собой вез Касьян, послужила обсуждению техники безопасности на заводе и причин взрыва, произошедшего в этом году. Как оказалось, Касьян еще в прошлом году был на заводе: «Печи, трубы, паровик и вся заводская посуда находятся в состоянии разрушения».

В фельетоне в № 22 «Сибирской газеты» читатель получил определенные сведения про самого «Консерватора», когда у него спросили подорожную: «дана отставному капитану артиллерии такому-то». Отсылка же к биографии Касьяна в материалах цикла нет вообще – образ Касьяна рисуется другими штрихами. Периодически Касьян вспоминает «екатерининские времена», что определяет его как человека старшего возраста, и, несмотря на всю буффонаду и смеховую традицию, он кажется большим реалистом, чем «Консерватор».

В фельетонах у них постоянно происходят споры – так, Консерватор продолжает верить, что положение сибиряков все еще можно изменить, а Касьян постоянно высмеивает такие мысли.

По прибытии в Черныйярс (СГ. 1884. № 22) в фельетоне сменяют друг друга новые «герои»: «отвратительная» гостиница; хозяин первого участка Безнравственный, который не расплатился за аренду квартиры; миллионер Гадюков; лорд-мэр города Черныйярска. Образ Касьяна приобретает черты сказочности и гротеска: в гостинице, даже когда «была угроза их жизни» из-за пьяного кутежа на первом этаже, корреспондент спал «сном младенца», при этом так и не понял, зачем его разбудил «Консерватор». Можно говорить о том, что в фельетоне появляются элементы приключенческого романа, и это становится завязкой определенных сюжетных линий: Касьян «таскает» «Консерватора» по «увеселительным местам», везет его на заседание «филантропического общества», представляет ему собственных «знакомых-жуликов» и т. д. (СГ. 1884. № 25).

В 1885 г. Касьян исчез из «Сибирского музея» как действующее лицо, однако в одном из фельетонов «Консерватор» вспомнил о нем в связи с рассуждениями о необходимости гласности. Как писал Волховский, это человек, «поэтические опыты которого нравились читательницам» и «который в такие минуты всегда старался отрезвить меня и уверить, что никаких светлых надежд возлагать на со-

временное общество не следует» (СГ. 1885. № 3). Читатели получали объяснение пропаже полубившегося героя: оказывается, он уехал из Томска: «Надоело мне здесь околачиваться... Хочу окунуться в глубины сибирской жизни и посмотреть, как живут наши соотечественники на крайнем севере... Буду писать обо всем и за вашими делами успею следить – ведь, знаете, у меня уйма своих корреспондентов...».

При этом Касьян продолжал оставаться «на связи» с «Корреспондентом» и даже сделал строгий выговор фельетонисту, который «проглядел» очередной «экспонат». Некоторое время в фельетонах появлялись «письма» Касьяна, его «баллады» (СГ. 1885. № 3), затем они пропали и вновь появились в последнем, завершающем фельетоне цикла «Сибирский музей». В этом письме Касьян Пафнутьев рассказывал читателю, что планировал ехать в Якутию, «страну золотоискателей», а «вынырнул... в городе Благополученске на берегах величественного Амура». Стоит отметить, что этот фельетон не должен был стать последним для «Сибирского музея», поскольку в конце «Консерватор» «анонсировал» содержание следующего выпуска: «Продолжение письма моего почтенного друга, где он описывает свои злоключения, оставлю до другого раза, за недостатком места».

Выводы

Таким образом, «Сибирский музей» стал одним из наиболее концептуальных фельетонных циклов Волховского. Идея «сбора музейных экспонатов» стала своеобразной «рамкой» для оформления фельетонного содержания, и это расширило возможности автора в реализации установки «сатиры на лица» – и в этом можно усмотреть прямую параллель с сатирой Н. И. Новикова.

Вторым сатирическим приемом, уже традиционным для Волховского, стало введение в фельетонный текст «партнера» – корреспондента Касьяна, что добавило возможность диалога, спора, представления разных точек зрения (этот прием использовался и в фельетонах, объединенных «литературной маской» «Ивана Брута»).

Одним из способов привлечения читательского внимания в цикле было также введение в фельетон «вставных новелл» в форме «сказаний», «баллад», корреспонденций и од. Этот прием позволял автору делать более четкие акценты, не подвергая текст цензурным вмешательствам. Тем не менее, именно «Сибирский музей» вызвал у «высокого начальства» наибольшее недовольство, что привело к его прекращению.

«Консерватор» был первой «литературной маской» Волховского, которая оказалась наиболее приближенной к самому автору с его демократической позицией. Поэтому в фельетонах почти отсутствовала литературная игра с образом рассказчика, у него нет четко обозначенной биографии, как, например, у «Ивана Брута». Однако это позволило Волховскому расширить проблемно-тематические рамки фельетонов и апробировать новые методы сатиры, востребованные у читателя сибирской периодики.

Список литературы

Доманский В. А. Ф. В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск: Водолей, 1996а. С. 147–167.

Доманский В. А. Сибирь в рецепции Ф. В. Волховского // Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории): Материалы Междунар. науч. конф. Томск, 1996б. С. 229–233.

Жилякова Н. В. «Сибирская газета» (г. Томск, 1881–1888 гг.) как явление литературного регионализма: Дис. ... канд. филол. наук. / Науч. рук. А. С. Янушкевич; Томский гос. ун-т. Томск: б. и., 2002. 270 с.

Жилякова Н. В. Злой цензор, добрый цензор: специфика цензурирования первой частной газеты в Томске («Сибирская газета», 1881–1888 гг.) // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2019. № 61. С. 256–270.

Жилякова Н. В. Между литературой и журналистикой: фельетоны Ф. В. Волховского в «Сибирской газете» // Американские идеи и концепции в гуманитарных исследованиях ученых Сибири и преподавании в средней и высшей школе: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Томск, 2008. С. 333–345.

Любимов Л. С. История сибирской печати: Учеб. пособие. Иркутск: Ирк. гос. ун-т, 1982. 79 с.

Мазуров А. Е., Жилякова Н. В. «Картинка местного настроения»: обстоятельства запрещения и содержание первого фельетона «Сибирской газеты» (1881) // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2020. № 66. С. 308–317.

Прокопьева С. М., Никонова Ю. И. Типология фельетонов в соответствии с доминирующей прагматической установкой // Филология и человек. 2010. № 3. С. 7–19.

Роцевская Л. П. Ф. В. Волховский – сотрудник «Сибирской газеты» // Вопросы истории и теории литературы. Тюмень, 1975. С. 86. (Научные труды Тюменского государственного университета. № 14)

«Сибирская газета» в воспоминаниях современников / [Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. В. Жиляковой; науч. ред. Н. М. Дмитриенко]. Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2004. 200 с.

References

Domanskiy V. A. F. V. Volkhovskiy – neglasnyy redaktor “Sibirskoy gazety” [Volkhovskiy – unofficial editor of the “Sibirskaya gazeta”]. In: *Russkie pisateli v Tomске* [Russian writers in Tomsk]. Tomsk, Vodoley, 1996a, pp. 147–167.

Domanskiy V. A. Sibir’ v retseptsii F. V. Volkhovskogo [Siberia in the reception of F. V. Volkhovskiy]. In: *Amerikanskiy i sibirskiy frontir (faktor granitsy v amerikanskoj i sibirskoy istorii): Materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [American and Siberian frontier (the factor of the border in American and Siberian history): Proc. of the Intern. sci. conf.]. Tomsk, 1996b, pp. 229–233.

Lyubimov L. S. *Istoriya sibirskoy pechati: Ucheb. posobie* [History of the Siberian press: Textbook]. Irkutsk, 1982, 79 p.

Mazurov A. E., Zhilyakova N. V. “Kartinka mestnogo nastroeniya”: obstoyatel’sstva zapreshcheniya i sodержanie pervogo fel’etona “Sibirskoy gazety” (1881) [Pictures of local moods: circumstances of interdiction and contents of the first feuilleton of “Sibirskaya gazeta” (1881)]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2020, no. 66, p. 308–317.

Prokop’eva S. M., Nikonova Yu. I. Tipologiya fel’etonov v sootvetstvii s dominiruyushchey pragmaticeskoy ustanovkoy [Typology of feuilletons according to the dominant pragmatic attitude]. *Philology and Man*. 2010, no. 3, pp. 7–19.

Roshchevskaya L. P. F. V. Volkhovskiy – sotrudnik “Sibirskoy gazety” [Volkhovskiy – employee of the “Sibirskaya gazeta”]. In: *Voprosy istorii i teorii literatury. Nauchnye trudy Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Problems of the history and theory of literature. Scientific works of Tyumen State University]. Tyumen, 1975, coll. 14, p. 86.

“*Sibirskaya gazeta*” v vospominaniyakh sovremennikov [“*Sibirskaya gazeta*” in the memoirs of contemporaries]. N. V. Zhilyakov (Intr., prep. of the text and comm.), N. M. Dmitrienko (Sci. ed.). Tomsk, Izd. nauchn.-tehn. lit., 2004, 200 p.

Zhilyakova N. V. Mezhdru literaturoy i zhurnalistikoy: fel’etony F. V. Volkhovskogo v “*Sibirskoy gazete*” [Between literature and journalism: feuilletons of F. V. Volkhovsky in “*Sibirskaya gazeta*”]. In: *Amerikanskie idei i kontseptsii v gumanitarnykh issledovaniyakh uchenykh Sibiri i prepodavanii v sredney i vysshey shkole: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [American ideas and concepts in humanitarian studies of scientists of Siberia and teaching in secondary and higher schools: Materials of All-Russian sci. and pract. conf.]. Tomsk, 2008, pp. 333–345.

Zhilyakova N. V. “*Sibirskaya gazeta*” (g. Tomsk, 1881–1888 gg.) kak yavlenie literaturnogo regionalizma [“*Sibirskaya gazeta*” (Tomsk, 1881–1888) as a phenomenon of literary regionalism]. Cand. philol. sci. diss. Tomsk, TSU, 2002, 270 p.

Zhilyakova N. V. Zloy tsenzor, dobryy tsenzor: spetsifika tsenzurovaniya pervoy chastnoy gazety v Tomske (“*Sibirskaya gazeta*”, 1881–1888 gg.) [An evil censor, a good censor: the specifics of censoring the first private newspaper in Tomsk (“*Sibirskaya gazeta*”, 1881–1888)] *Tomsk State University Journal of Philology*. 2019, no. 61, p. 256–270.

Сведения об авторе

Мазуров Александр Евгеньевич – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (Томск, Россия).
rumatamonteg@gmail.com

Information about the author

Alexandr E. Mazurov – Postgraduate Student of the Department of Russian and Foreign Literature, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)
rumatamonteg@gmail.com

УДК 82.0
DOI 10.17223/18137083/75/7

Хронотоп Сибири в материалах журнала «Настоящее» (1928–1930)

С. С. Васильев

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается новосибирский журнал «Настоящее» (1928–1930). Показано, что установка журнала на литературу факта ориентирует материалы на локальный контекст, который, однако, понимается достаточно широко – как контекст Сибири и даже всей азиатской части СССР. Подобное понимание рассматривается на примере всех типов материалов журнала: прозы, поэзии, фольклора, иллюстраций, фотографий. Указывается, что наиболее важной на страницах «Настоящего» считается литература быстрого реагирования, откликающаяся на текущие задачи пролетариата. Поэтому большинство относящихся к «литературе факта» материалов лишены этнографической составляющей, а локальное интересно не как экзотическое, а как соотносящееся со всесоюзным политическим контекстом (смычкой города и деревни, организацией коммун, борьбой с кулачеством).

Ключевые слова

журнал «Настоящее» (1928–1930, Новосибирск), литература факта, С. Третьяков, сибирский авангард

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Для цитирования

Васильев С. С. Хронотоп Сибири в материалах журнала «Настоящее» (1928–1930) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 96–105. DOI 10.17223/18137083/75/7

Chronotope of Siberia in the materials of the magazine “Nastoyashchee” (1928–1930)

S. S. Vasilyev

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper deals with the Novosibirsk magazine “Nastoyashchee” (The Present) (1928–1930). “Nastoyashchee” was oriented to the “fact literature”: the theory of new revolutionary

© С. С. Васильев, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

literature developed by the LEF (Left Art Front) group, which emphasized the importance of the reflection of the truth of life. Hence, the importance of journalism increases, with feuilleton and essay becoming the most important genres. Such an attitude to the fact literature orients materials of the magazine to the local context understood rather broadly – as the context of Siberia and even the entire Asian part of the USSR. This understanding is considered on the example of all types of magazine materials: prose, poetry, folklore, illustrations, photography. It should be noted that the magazine's attitude to the poetry was ambivalent: not only did it publish the poetry but also the articles with requests to stop writing poetry. Most significant was the literature of a quick response conforming to the current tasks of the proletariat. It is for this reason that most of the materials related to the fact literature had no ethnographic component, and the local was interesting not as exotic, but as correlating with USSR political context (the link between the city and the countryside, the organization of communes, the fight against the kulaks). The decisive role in writing is found to be inevitably assigned to sorting out the necessary facts illuminating life from the authors' side of interest, making "Nastoyashchee" similar to the LEF group with their selecting and editing "facts-friends" and criticism of "facts-enemies."

Keywords

Literary magazine "Nastoyashchee" (1928–1930, Novosibirsk), the fact literature, S. Tretyakov, Siberian avant-garde

Acknowledgments

The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences "Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language" supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract no. 075-15-2019-1884

For citation

Vasilyev S. S. Chronotope of Siberia in the materials of the magazine "Nastoyashchee" (1928–1930). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 96–105. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/7

В названии издававшегося в 1928–1930 гг. в Новосибирске журнала «Настоящее» ёмко заключены две установки, определяющие его редакционную политику и характер журнальных публикаций.

Первая – установка на *настоящее* как подлинное, в противоположность искусственному, фиктивному. Вторая – противопоставление *настоящего* прошедшему и будущему: «Мы хотим показать сегодняшний советский день в действии» (1928, № 1, с. 3)¹. При этом настоящее конкретных топосов всё равно находится в постоянном движении и устремлено в будущее, что сжато сформулировано в нередко повторяющемся на страницах журнала лозунге «От патриархальной Горной Шории – к Тельбесу!».

Журнал был привержен «литературе факта», разрабатывавшейся левовцами концепции новой революционной литературы, делавшей акцент на отражение жизненной правды:

Отвращая от литературы праздной выдумки, преподносимой под флагом заповедного и раз навсегда мистически предначертанного «художества», мы всячески обращаем внимание наших товарищей на новую, пробивающую уже себе дорогу литературу, – литературу не наивного и лживого

¹ Здесь и далее при ссылках на материалы из журнала «Настоящее» название издания опущено; в круглых скобках указываются год, номер выпуска и номер (или номера) страниц.

правдоподобия, а самой всамделишной и максимально точно высказанной правды [Литература факта..., 1929, с. 5].

Именно газетный и журнальный медиум, как пишет Сергей Третьяков в статье «Новый Лев Толстой», считается теоретиками ЛЕФа наиболее подходящим для нового подхода к литературе, приобретает ведущую роль:

Нам нечего ждать Толстых, ибо у нас есть наш эпос. Наш эпос – газета.
<...>

Вся безымянная газетная масса, от рабкора до центрального передовика – это коллективный Толстой наших дней [Литература факта..., 1929, с. 31, 33].

Неудивительно, таким образом, что журнал «Настоящее» получил хвалебный отзыв Сергея Третьякова:

Первая ценность этого журнала – установка на факт. За короткий срок журнал объединил вокруг себя группу интереснейших репортеров-фиксаторов, выворачивающих из глуши лесов и квартир груды интереснейших фактов, зачастую идущих наперекрест нашим сложившимся представлениям о том, как живет обыватель, какие процессы дифференциации происходят в его гуще, а главное, что делается в деревне. Журнал приучает своих корреспондентов писать бесстрашные статьи и заметки с упоминанием всех имён и адресов, статьи, которые бьют по движущимся мишеням нашей действительности [Третьяков, 1928, с. 43].

Настоящцы не сводят литературу к журналистике, художественная литература для них также важна, но это художественная литература особого типа, как заявлено в материале «Нужна ли художественная литература?»:

Конечно, нужна.

Но литература такая, которая смотрит на жизнь глазами строителя социализма, глазами производственника, организатора, волевика. Для этого литература должна пойти в жизнь и стать литературой факта (1928, № 11–12, с. 27).

Итак, для «Настоящего» характерна установка на литературу факта. Подобная установка ориентировала материалы журнала на повествование о локальном, однако эта локальность понималась достаточно широко: освещалась не только жизнь Новосибирска и окрестных деревень, но и, шире, Сибири и даже всей азиатской части СССР². Так, уже в первом номере журнала есть, например, этнографический очерк Н. Анова (Н. И. Иванова; 1891–1980) «Капкара» об обряде козлодрания в Таджикской советской республике, наполненный ярким колоритом³:

² В этом смысле журнал соотносится с третьяковской идеей концентрических колец нового газетного эпоса: «Своеобразными концентрическими кольцами, включёнными одно в другое, ложится материал в этом эпосе: весь мир, Союз Советов, моя республика, моя губерния, мой город, мой завод. А на эпосе фактов строится пафос ежедневного учительства, очередной директивы зова, лозунга, требования и агитационного нажима» [Литература факта..., 1929, с. 33].

³ Примечательно, что уже в этом очерке виден интерес Николая Анова к Памиру. К литературной группе «Памир» («Сибирская бригада») Анов присоединится в том же 1928 г.

Козлодрание началось речью ответсекретаря парткома. Ответсекретарь говорил о советской власти, о хороших лошадях, о коммунистической партии, правилах капкары, восточной политике и двенадцати призах, назначенных лучшим бегунцам. Потом он бросил приготовленного козла с отрезанной головой в круг всадников, и капкара началась.

<...>

Нагайки свистели в воздухе, крики, стоны, вопли неслись со всех сторон. Хрипели лошади, сбрасывая густую пену, матерно ругались европейцы, едва сдерживая коней.

Козел с оторванными ногами переходил из рук в руки; люди не чуяли боли и крови, были пьяны борьбой, горячим потом, ненавистью к противнику.

Кудрин работал нагайкой направо и налево. Вот вылетел с седла завопитпросветом. Нет, удержался. Вот он хлопнул нагайкой Магомет-Оглы.

– И-э-э-х!

Кудрин ловко перехватил козла на лету, а шпотинский конь вынес его в степь.

Кудрин получил приз. Сзади подъезжали неудачные противники (1928, № 1, с. 15).

Установка на подобное расширенное понимание локального поддерживается на протяжении всего существования журнала и иллюстрациями. В разных выпусках встречаются рисунки и линогравюры с изображением тех или иных мест, которые можно разделить на три группы.

Во-первых, это рисунки с изображением Новосибирска. К таким относятся «Ельцовка» (1928, № 10, с. 24), «Новосибирск. Красный проспект» (1928, № 10, с. 19) и «Новосибирск. Мельницы» (1928, № 10, с. 21) С. Липина, «Новосибирск» (1928, № 1, с. 30) П. Ивакина.

Во-вторых, это рисунки с изображением разных мест Сибири. К таким относятся цикл «Ойротия» (1928, № 1, с. 16, 21; 1928, № 3, с. 13, 15, 22; 1928, № 4–5, с. 21, 23; 1928, № 10, с. 4) Н. Чевалкова, «Хакасия. Шаман» (1928, № 1, с. 28) и «Хакасия. Хозяйки» (1928, № 3, с. 23) А. Заковряшина, «Чалдоны» (1928, № 2, с. 6) и цикл «Анжерские зарисовки» (1928, № 11–12, с. 4, 19) С. Липина, цикл А. Емельяновой «Бурято-Монголия» (1928, № 4–5, с. 6, 11, 23), «На Оби. В праздник» (1928, № 1, с. 9) П. Ивакина, «Байкал. В бурю» (1928, № 8, с. 17) В. Анисимова.

В-третьих, это рисунки с изображением картин природы и быта азиатских республик СССР. К таким относятся «У озера Балхаш» (1928, № 1, с. 25), «Киргизка» (1928, № 2, с. 20), «Музыка (Узбекистан)» (1928, № 3, с. 21) В. Уфимцева, «Киргиз» (1928, № 3, с. 5) А. Клементьева.

Фотоснимки в журнале встречаются нечасто, но тоже работают на вписывание локального в общесоюзное. Так, фото А. Вощакина из серии «Хакасия» в духе эйзенштейновского фильма «Старое и новое» демонстрируют нам примитивное неработающее изобретение старика-кержака и новенький трактор мелиоративного товарищества. При этом снимок с трактором мог быть сделан где угодно, этнографическая составляющая, которая, казалось бы, могла быть очень хорошо зафиксирована средствами фотографии, здесь вовсе отсутствует.

Литературная позиция журнала была прямо выражена в № 4–5 за 1928 г., где в материале «От литературной группы “Настоящее”» было заявлено о тесной связи литературы с политикой и идеологией.

1. Литература всегда была и теперь является в руках общественных классов одним из орудий производства их идеологии.

2. Враждебные пролетариату классы пытались и пытаются сохранить за собой идеологическое оружие в виде литературы, прикрываясь реакционной теорией о литературе как о самодовлеющей культурной ценности, строительство которой не допускает подчинения очередным классовым задачам.

3. Таким образом, разделение литературы на высокую и низкую, временную и вечную, противопоставление литературы журналистике – реакционно, так как это способствует отрыву работников литературы и литературной молодежи от настоящего, от текущих боевых задач пролетариата.

4. В условиях пролетарской диктатуры литература как особый, специфически общественный вид работы должна целиком подчинять свои задачи целям и задачам рабочего класса и его борьбы: строительству социализма, укреплению классовых позиций пролетариата и его союза с бедняцко-среднеклассовыми слоями крестьянства.

5. Поэтому необходимо сплочение тех работников литературы, которые с полной искренностью и безоговорочно ставят свою литературную работу на повседневную службу пролетариату. Для тех, кто искренно предан рабочему классу, сознательное подчинение литературной работы текущим задачам классовой борьбы пролетариата не только не ограничивает совершенствования литературной формы, но, наоборот, ставит перед ними требование и открывает новые возможности для достижения максимальной выразительности и силы воздействия литературных средств (1928, № 4–5, с. 3).

Следовательно, решающая роль неизбежно отводится подбору нужных фактов, освещающих жизнь с интересующей авторов стороны, что роднит настоящих с левыми с их отбором и монтажом «фактов-друзей», описанным в статье Третьякова «Продолжение следует»:

Для нас, фактофиков, не может быть фактов «как таковых». Есть факт-эффект и факт-дефект. Факт, усиливающий наши социалистические позиции, и факт, их ослабляющий. Факт-друг и факт-враг [Литература факта..., 1929, с. 268].

Единственно важной оказывается литература быстрого реагирования, откликающаяся на *настоящие*, текущие задачи пролетариата. Поэтому большинство относящихся к литературе факта материалов лишены этнографической составляющей: они посвящены актуальным политическим всесоюзным проблемам (смычке города и деревни, организации коммун, борьбе с кулачеством и т. д.), но рассматриваются на примере локальных контекстов. Такова, например, статья А. Фетисова «Среди анжерских углекопов. Записки репортера», где автора интересуют отношение рабочих Анжерка к труду, организация обучения молодежи и проблема бюрократии, а не этнографические описания:

Как ни печально, но должен я констатировать: отношение части рабочей молодежи к производству нехорошее. Я уяснил это из многих бесед с ребятами. Рваческие настроения существуют среди молодежи, и старики-шахтеры очень неодобрительно к этому относятся.

Не вся, конечно, молодежь такая.

Недавно была торжественная раздача премий 29 лучшим производственникам из молодежи. По-моему, замечательнейший день, а у нас печатают об этом мелким шрифтом, на задворках газеты. Двадцать девять человек

из 1500 – как мало! Как ничтожна эта цифра! Все же дает она большую, большую радость.

Беседовал со многими рабочими о хулиганстве. Здорово интересно. Один, Петька Андреев, был отъявленным хулиганом, в домзаке сидел за хулиганство, а теперь – примерный парень. Я с ним долго разговаривал.

Здесь проводится месячник борьбы с хулиганством. Хочу провести анкету, устную, конечно, на тему: «Почему я хулиганю?»

С комсомолом у меня так: хожу в ячейку шахты и всех убеждаю, что я беспартийный. А то чуть бюро райкома комсомола доклад на активе мне не всучило. Неловкое положение.

Со школой – скверно. Бюрократизм отвратительный и тут показал себя.

Откровенно сознаюсь – отрадное впечатление произвели на меня пионеры-школьники. Это уж новые люди. Доподлинно новые (1928, № 2, с. 19).

К статьям подобного рода можно также отнести материалы А. Фетисова «Журналист в Анжерке» (1928, № 3, с. 5), Е. Иванова «Их лучшая сказка» (1928, № 4–5, с. 10) (про Хакасию), М. Поликанова «Город Черемхово» (1928, № 9, с. 24), Т. Чуева «Близкая Тува» (1928, № 10, с. 11).

Квинтэссенцией литературы факта в сибирском изводе предстает «Интервью с коровой» (1928, № 8, с. 3). Статья посвящена попытке выяснить, почему коровы стали давать на 40 процентов меньше масла. Этот факт признается значительным⁴, так как Сибирь дает 80 процентов экспорта масла всего СССР.

Если бы корова умела говорить!.. Но за нее могут говорить факты. Дайте слово фактам! Это будет подлинное интервью с коровой (1928, № 8, с. 3).

Настоящее. 1928. № 8, с. 4
(рисунок А. Заковряшина)
Nastoyashchee. 1928, no. 8, p. 4
(illustration by A. Zakovryashin)

⁴ Тема действительно была актуальна в местной периодике. Так, схожая проблематика рассматривается в статье «Подвела ли нас корова?» [Карасенко, 1927, с. 2].

Сравнивая разнообразную статистику довоенного и настоящего времени, автор статьи приходит к выводу, что вина в сокращении количества масла лежит на кооперативных заводах. Программный характер статье придает и редчайший случай буквального иллюстрирования – как правило, текст и иллюстрация в журнале самодостаточны, мало связаны друг с другом.

Непростые отношения сложились у журнала «Настоящее» с поэзией. С одной стороны, на его страницах регулярно появляются отповеди начинающим стихотворцам и призывы писать не стихи, а прозу. Таков, например, материал «Пишите, пожалуйста, прозой»⁵.

Очень немногие знают, что поэзия – это трудное мастерство, что для того, чтобы писать стихи, надо учиться и много работать. Несомненно, эпидемии стихоплетства способствует еще бессюжетность, бестемность, которая почему-то допускается в стихах. Прозу печатают только в том случае, если она о чем-нибудь говорит, если есть содержание, а стихи можно писать «вообще».

«Сине, бело – разнообразно», щиплет в душе, щекочет пятки, и восторг, и печаль, или просто завывание на луну. Ни за чем, ни для чего, а так, без всякого повода, если не считать поводом стремление к славе.

Ужасные последствия поэтической хвори пока испытывают только редактора. Читатели по неосведомленности недооценивают, какую огромную работу оказывают им редактора, спасая их внимание и время от поэтического потока.

Но, боже мой, какая скука

Сидеть с больным и день и ночь...

Послушайте, дорогие товарищи поэты, пишите, пожалуйста, прозой (1928, № 8, с. 27)⁶.

С другой стороны, стихотворные произведения на страницы журнала проникают достаточно регулярно. В них пространство Сибири предстает как пространство специфическое, локальное и в то же самое время как вписанное во всесоюзный контекст. Характерен в этом смысле помещенный в первом номере материал «Бурятские песни о Ленине: Из собраний А. К. Бадмаева, Т. А. Бертелева и Г. А. Улаханова» (1928, № 1, с. 9). Это фольклорное произведение (или же стилизация под него) соединяет в одном ряду как элементы локального уровня («Бурятскому народу стало легче и лучше»), так и всесоюзного (постоянные упоминания комсомола). Такое соединение достигает кульминации в параллелизме последней строфы:

Если красный платок износился,

То пусть город Удинск соткет.

Если красный Ленин умер,

То пусть его заменит молодежь

(1928, № 1, с. 9).

⁵ Характерно, что в помещённом в последнем номере «Настоящего» списке всех материалов журнала за два года статья «Пишите, пожалуйста, прозой» отнесена к разделу «Редакционные и передовые статьи».

⁶ Для большего контраста на этой же странице объявлен конкурс на лучший очерк, фельетон, памфлет.

Заметим, что «сибирскость», локальность постулируется здесь лишь при помощи топонимов, тогда как, скажем, представители трудового народа ничем не выделяются: это усредненный образ хлебопашцев, освобожденных от буржуев. Коммунизм же, по сути, предстает как стихийная сила, подменяющая собой локальную, местную природу, что отчетливо видно из многочисленных параллелизмов («Упавший с севера ветер / В березках шумит. / Вступившие в комсомол друзья / В школе шумят» или «Когда перестал идти мелкий дождик / Полегче стало птенцу кроншнепа / Когда установилась власть Ульянова, / Народу стало легче и лучше»).

«Бурятские песни о Ленине» вписываются в широкий контекст «фольклора об основателях коммунизма», который, как пишет Гюнтер, создавался для формирования идеи народности, приходящей на смену идее классовости.

В тоталитарных обществах происходит фольклоризация всей культуры путем «возрождения» народных традиций. С одной стороны, оживляются народные песни и танцы, с другой – мотивы и приемы фольклора рекомендуются как образец для профессионального искусства. В то время как в Германии фольклор должен был выразить вечную суть немецкого народа, в советской России привилась сталинская формула культуры «национальной по форме и социалистической по содержанию» [Соцреалистический канон, 2000, с. 385].

При этом сложно установить, насколько тот или иной образец фольклора действительно фольклорен, а насколько он есть плод целенаправленной авторской идеологической работы [MacKay, 2006, p. 383–385].

К эксплуатирующим фольклорные мотивы материалам «Настоящего» примыкают и «Стихи о хакасской девушке» П. Юрзина (1928, № 2, с. 15). Любовь девушки Силих и председателя комсомола вдохновлена портретом Ленина, напропорочившим Силих счастье. Встреча с суженым происходит в избечитальне и заканчивается предложением вступить в комсомол. Отец Силих, вполне возможно, представитель классово чуждых элементов (что видно из угрозы «отец кулак упружит»); во всяком случае, он резко возражает против подобных отношений и в конце концов вынуждает девушку покинуть родные места. Стихотворение, таким образом, вписывается в важный в это время контекст борьбы с кулачеством. В бурятских частушках из статьи А. Гуревича «О чем поет молодая рыбацка» (1929, № 3, с. 13) местный колорит вовсе исчезает, зато полно колорита коммунистического: «Когда-то я любила / Кулака-предателя, / А в кресткоме любила / Ваню председателя». Коммунистический колорит находим и в «Поэзии, которая не отстаёт от жизни»: «Красна армия, не бойся / С Чемберленом воевать. / На подмогу из деревни / Будем смену подавать. / Ах, Саян – крутые горы, / Их верхушек не видать. / В Красну армию с охотой / Я пошел бы воевать. / Крой, милашка, я не выдам, / Только ты не выдавай. / Чемберлена стану жарить – / Ты патроны подавай» (1928, № 11–12, с. 18).

В переложениях П. Драверта «Из киргизских пословиц» (1928, № 3, с. 10) мы и вовсе не встретим ни местного колорита, ни колорита коммунистического. Это лишь рифмованные афоризмы, напоминающие скорее русские, чем киргизские пословицы: «Руками прежде десять раз отмерь, / Хотя бы хорошо глаза твои глядели. / Бери не ту, что увидал сквозь дверь, / А ту, которую ты знаешь с колыбели».

Особое место среди стихотворений занимает произведение П. Драверта «Закончим пятилетку в четыре года» с подзаголовком «Вместо стихов», в котором перечисляются достижения начала пятилетки. Автор выбирает для такого перечисления не форму обычного журналистского очерка (хотя подобный текст очень легко представить себе записанным в строчку), а форму верлибра, в котором короткие, зачастую состоящие из одного слова стихи и частые анафоры ярко подчёркивают динамику всесоюзной стройки: «Новые коксовые установки / в Днепропетровске / в Мариуполе / в Криворожьи / в Москве / в Кизеле / в Нижней Салде / на Ворошиловском и Магнитогорском заводах / в Тельбесе / в Кузбассе / Общей стоимостью 146 миллионов рублей» (1929, № 8–9, с. 10).

Всесоюзного контекста для «Настоящего», однако, оказывается мало, и авторы журнала активно соотносятся с контекстом мировым. Наиболее напряженные и амбивалентные отношения у «сибирского Чикаго» складываются с Америкой (см.: [Капинос, 2016]).

О зарубежной литературе в «Настоящем» говорится не только в отрицательном ключе. Так, в № 11–12 за 1928 г. печатается несколько материалов об Эптоне Синкере (который противопоставляется «литературно-водочному Кэрвуду»), а его портрет красуется сразу над списком редакторов журнала. Статья об американском писателе была переведена из журнала «New Masses», и это не единственный случай взаимодействия с этим изданием. В № 1 за 1929 г. был помещен переводной рассказ Майкла Голда «На свалке», а в № 1 за 1930 г. вошел рисунок, ранее публиковавшийся в «New Masses». Более того, в № 1 за 1929 г. об американском журнале сказано, что это журнал вроде «Настоящего» (1929, № 1, с. 3). Справедливости ради следует сказать, что этот журнал начал выходить в 1926 г., и генеалогия здесь должна быть обратной.

Итак, мы видим, что журнал «Настоящее» и в прозаических, и в стихотворных, и в иллюстративных материалах пытался, с одной стороны, остаться в рамках широко понимаемого локального контекста Сибири и Азии, а с другой стороны, не отказывался от участия во всесоюзном и общемировом контексте.

Список литературы

- Капинос Е. В. «Литература» и «факт» в Новосибирском журнале «Настоящее» (1928–1930) // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 138–165.
- Карасенко К. Подвела ли нас корова? // Сов. Сибирь. 1927. № 3 (2144), 5 янв. С. 2.
- Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа: Сб. ст. / Под ред. Н. Ф. Чужака. М.: Федерация, 1929. 268 с.
- Соцреалистический канон: Сб. ст. / Под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.
- Третьяков С. Настоящее «Настоящее» // Новый Леф. 1928. № 5, май. С. 43–44.
- MacKay J. Allegory and accommodation: Vertov's Three Songs of Lenin (1934) as a Stalinist Film // Film History. 2006. Vol. 18. P. 376–391.

References

- Kapinos E. V. "Literatura" i "fakt" v Novosibirskom zhurnale "Nastoyashchee" (1928–1930) ["Literature" and "fact" in the Novosibirsk literary magazine "Nastoyashchee" (1928–1930)]. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*. 2016, no. 2, pp. 138–165.

MacKay J. Allegory and accommodation: Vertov's Three Songs of Lenin (1934) as a Stalinist Film. *Film History*, 2006, vol. 18, pp. 376–391.

Karasenko K. Podvela li nas korova? [Did the cow let us down?]. *Sov. Sibir'*. 1927, no. 3 (2144), 5 January, p. 2.

Literatura fakta: Pervyy sbornik materialov rabotnikov LEFa: Sb. st. [Literature of Fact: The first collection of materials from LEF employees: coll. of art.]. N. F. Chuzhak (Ed.). Moscow, Federatsiya, 1929, 268 p.

Sotsrealisticheskiy kanon: Sb. st. [Socialist realism canon: coll of art.]. Dobrenko E., Günther H. (Eds). St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2000, 1040 p.

Tret'yakov S. Nastoyashchee "Nastoyashchee" [The real "Nastoyashchee"]. *Novyy Lef*. 1928, no. 5, May, pp. 43–44.

Сведения об авторе

Васильев Сергей Сергеевич – лаборант-исследователь лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

sergey_vasiliev@yahoo.com

Information about the author

Sergey S. Vasilyev – Laboratory Assistant of the Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

sergey_vasiliev@yahoo.com

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/75/8

**Тематическая композиция
эмигрантского автобиографического романа:
«Жизнь Арсеньева» И. Бунина**

Е. В. Капинос

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается первоначальная, четырехкнижная редакция романа Ивана Бунина «Жизнь Арсеньева». В творчестве Бунина первые четыре книги были разделены с полным вариантом, включающим в себя пять книг, паузой. Тематический ритм романа Бунина подчинен, как нередко бывает и в рассказах этого автора, элегическим законам с чередованием и контрастом семантики смерти, обрыва, провала и возрождения, связи, любви, жизни и творчества. Последняя (пятая) книга романа имеет отдельный от первых четырех книг сюжет, может прочитываться самостоятельно, ее присоединение к предыдущим четырем частям меняет ритм и композицию текста. Композиция романа соответствует формуле 4 + 1. Особое внимание обращено на финалы всех четырех книг, дающие наиболее яркие примеры взаимодействия всех тематических линий. Отмечается, что в романе доминируют весенние и южные мотивы, весной отмечены финалы 2, 3, 4, 5-й книг, причем описания финальных весен контражны: смерти, утраты, потери неотделимы от расцвета, переизбытка жизни, юности. Четырехкнижная редакция романа имеет свой финал, тоже контрастный: открытый и закрытый одновременно.

Ключевые слова

И. Бунин, «Жизнь Арсеньева», «Митина любовь», тема, тематическая композиция, пятикнижная и четырехкнижная редакции, финалы книг романа «Жизнь Арсеньева»

Для цитирования

Капинос Е. В. Тематическая композиция эмигрантского автобиографического романа: «Жизнь Арсеньева» И. Бунина // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 106–122. DOI 10.17223/18137083/75/8

**Thematic composition of the emigrant autobiographical novel:
“Life of Arseniev” by Ivan Bunin**

E. V. Kapinos

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper provides the analysis of the original, four-book edition of the novel “Life of Arseniev” by I. Bunin. The thematic rhythm of Bunin’s novel is subject, as often is the rhythm of his stories, to elegiac laws with alternating and contrasting semantics of death, failure, and rebirth, love, life, and creativity. The first four books of the novel were separated

© Е. В. Капинос, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

from the full, five-book variant by a pause. The last (fifth) book of the novel has a different plot compared to the first four ones, can be read independently, and changes the rhythm and the composition of the text, if added to the other four parts. The novel's composition formula is thus 4 + 1. Particular attention is paid to the finales of all four books offering the most striking examples of harmony of all thematic lines. Spring and south motifs are considered predominant in the novel. The finales of the second, third, fourth, and fifth books are marked with spring, with the descriptions of the final springs being quite a contrarian: deaths and losses are inseparable from the dawn, abundance of life, youth. The four-book edition has its own finale that is also contrarian: open and closed at the same time. Arseniev's meeting Lika, leaving home, adapting to new spaces, even foreign lands (the first edition includes fragments from the life in emigration) all give a broad perspective to the text while, at the same time, the ruin of the estate, the death of relatives and Grand Dukes predetermine the tragic final point of the story.

Keywords

I. Bunin, "Life of Arseniev," "Mitya's Love," subject, thematic composition, five- and four-book editions, book finales of the "Life of Arseniev"

For citation

Kapinos E. V. Thematic composition of the emigrant autobiographical novel: "Life of Arseniev" by Ivan Bunin. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 106–122. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/8

В первой статье на эту тему (см.: [Капинос, 2020]) мы уже наметили некоторые принципы ритмической организации «Жизни Арсеньева»¹, наблюдая за одной из ключевых тем романа – темой рода, которая проходит сквозь весь роман, имеет множество вариаций, исторических и литературных подтекстов, отнесена, прежде всего, к автобиографическому герою и его отцу, но захватывает множество других персонажей, широко развернута во времени. Теперь в поле нашего внимания окажутся еще две темы, также неотрывно принадлежащие топосу автобиографического «Я»: любви и творчества. Чтобы почувствовать тематический ритм текста, надо рассмотреть, как эти три темы переходят из книги в книгу, как они согласуются между собой, как вписываются в романский хронотоп и какое место занимают в композиции романа.

Известно, что роман печатался сначала поглавно (1927–1929), затем была опубликована его первая законченная редакция (издательство «Современные записки», 1930, Париж), в которую входили четыре полных книги, а последняя, пятая, часть затем публиковалась фрагментами в эмигрантской периодике вплоть до 1937 г. Новая, уже пятикнижная, редакция ЖА увидела свет в Нью-Йорке в 1952 г. (см.: [Котляр, 1966, с. 324–325]). Таким образом, первые четыре книги были разделены с пятой некоторой паузой. В данной статье мы подробно рассмотрим, для начала, первые четыре книги, т. е. первую редакцию романа, чтобы затем увидеть, как с присоединением последней части изменились тематическое звучание романа, его композиция и ритм.

В нашей предыдущей работе уже отмечалось, что одна из главных линий ритмического рисунка ЖА образована многократным возвращением героя в родительскую усадьбу. «Разлетается, душа моя, наше гнездо» [Бунин, 1966, т. 6, с. 147]², – вздыхает отец Арсеньева³, а его сын, покинув дом и начав самостоя-

¹ Далее заглавие романа будет даваться в сокращении – ЖА.

² Далее роман будет цитироваться по 6-му тому этого издания с указанием номера страниц в круглых скобках.

тельную жизнь, вновь и вновь возвращается в родную усадьбу, где он неизменно, то во время конных прогулок, то охотясь недалеко от поместья, объезжает одни и те же места. Становлянский верх, Васильевское, Писарево, Ефремов, – все эти топонимы повторяются в романе, и читатель имеет возможность погрузиться в топографию описываемой местности так, что уже узнает и «уездный», и «губернский степной город» Орел, и дорогу из города в имение.

Окрестности усадьбы, дом Арсеньевых становится важной частью романного содержания, а значение самой этой родовой темы символизирует полученный Арсеньевым при родительском благословении образок:

...темно-оливковая дощечка в серебряном грубом окладе, означающем своими выпуклостями трех сидящих за трапезой Авраама ангелов, восточно-дикие, запеченные лики которых коричнево глядят из его округлых дыр, – наследие рода моей матери, ее благословение мне на жизненный путь... (с. 261).

Речь здесь идет о редкой в России иконе «Ветхозаветная Троица» (или «Гостеприимство Авраама»), которая постепенно, после Стоглавого Московского собора 1551 г., утвердившего новый иконописный канон – «Святую Троицу» Андрея Рублева, – стала исчезать из церковного обихода. Другими словами, икона Арсеньева древняя и редкая, и на ней, кроме трех ангелов, должны быть изображены лики Сары и Авраама (Бунин об этом не говорит, но иконописный канон предполагает их наличие), и эти неназванные, «прикровенные» фигуры прародителей – подспудно, лирически – усиливают родовую и родительскую тему романа, придавая ей черты святости и незабвенности, а родная усадьба, куда неизменно на протяжении романа возвращается Арсеньев, становится своего рода «неупиваемой чашей» – той ценностью, которая не зависит от внешних обстоятельств и остается нетленной.

Сначала отец Арсеньева продает Каменку (усадьбу, где родился герой, и на этом заканчивается кн. 1). В кн. 2 столь же родным герою становится полученное семьей в наследство бабушкино Батурино, но быстро выясняется, что из-за долгов отца и это имение придется продать, и уже купец Балавин, которому Арсеньевы запродают зерно, советует, наподобие чеховского Лопухина, побыстрее это устроить: «Насчет Батурина один исход вижу: продать как ни можно скорей, пока с молотка не продали» (с. 151). Но отец все тянет с продажей, и Батурино переходит в чужие руки только тогда, когда Алексей покидает родной дом. Вместе с братом Георгием он получает от отца вырученные от продажи деньги (кн. 4, гл. XVI), и здесь, казалось бы, должна быть поставлена точка. Но тут же выясняется, что отец продал только землю, и Арсеньев может еще и еще возвращаться под родной кров, вплоть до самого конца романа.

³ Метафора птенца, покидающего гнездо, – одна из самых выразительных метафор романа, посвященного становлению героя и истории его рода. «Разорение дворянских гнезд», опустевшие и разрушенные имения, оставленные хозяевами – излюбленный лирический сюжет Бунина, унаследованный им из поэзии и прозы XIX в., он развертывается во всем тексте ЖА и даже пародируется, например:

«Вы любите Тургенева?» – спросила она. Я замялся, – потому что я родился и вырос в деревне, мне всегда задавали этот вопрос, непременно предполагая во мне любовь к Тургеневу. – «Ну, все равно, – сказала она, – это будет все-таки вам интересно. Тут недалеко есть усадьба, которая будто бы описана в “Дворянском гнезде”. Хотите посмотреть?» (с. 194).

Это торможение и какая-то смутная медлительность как раз и порождают сильное лирическое напряжение, – так же, как и своего рода лирическая недоговоренность: окончательная утрата Батурина, смерть родителей, отъезд Арсеньева из России, – все это остается за границами сюжета. Но все эти утраты, все то, что еще не произошло, но интуитивно предчувствуется, их отложенный, но подразумеваемый конец воздействуют на читателя особенно сильно.

Сновидчески медленный темп совершающихся действий вообще характерен для Бунина, и не случайно Арсеньев первых четырех книг романа подобен другому бунинскому автоперсонажу, Ивлеву («Грамматика любви», «В некотором царстве», «Зимний сон») ⁴. И для «ивлевских» текстов, и для ЖА не случайной является атмосфера некоего элегического снопоподобия: в романе вроде бы с «летописной» точностью воспроизведена биография некоего третьего лица, но она описана не вчуже, герой романа – своего рода лирический герой, и это автора, а не его героя память говорит. Отсюда столь медленный темп в развитии сюжета о гибели родного гнезда и отсюда значение картин природы в сюжете всего романа: пейзажи, окружающие героя, являются частью его собственной жизни, присутствуя в его мечтах и снах, и это и есть тот элегический язык, на котором говорит его память.

Вторая особенность композиции этого романа тоже имеет отношение к поэтике сна (а заодно и памяти, и сознания): ЖА снопоподобно «кусочна», отрывиста, новеллистична. На фоне медлительного течения времени отдельные сюжеты возникают неожиданно, чтобы тут же достигнуть финала. Таковы, например, эпизоды, рассказывающие о родственнике Арсеньевых Писареве, который появляется в конце гл. XVIII кн. 2:

Сестра была замужем за Писаревым, и мы много лет не бывали у нее в доме – старик Писарев, ее свекор, был в противоположность своему сыну человек необыкновенно серьезный, с которым наш отец, разумеется, быстро поссорился. В этом же году сношения между нашими домами возобновились, – старик умер (с. 201).

И уже следующая, XIX глава, посвящается Писареву-младшему, и единственная, кажется, цель, с которой он введен в повествование, состоит в том, чтобы он похоронил отца и умер сам (а на самом деле – стал одним из звеньев развития важнейшей в романе темы смерти).

Столь же неожиданно, в очень значимый для жизни Арсеньева момент, когда он покидает Орел, чтобы в ближайшем будущем пережить и радость вдохновения, и счастье любви, – в этот момент в повествование «вклинивается» траурный поезд, везущий в Петербург тело Вел. Кн. Николая Николаевича Старшего, умершего в Крыму (гл. XIX, кн. 4), – лишь для того, кажется, чтобы через несколько страниц появился единственный в этом романе эмигрантский эпизод, рисующий похороны Вел. Кн. Николая Николаевича Младшего – того самого гусара в красном доломане, который сопровождал поезд и которого Арсеньев навсегда запомнил. И смерть отца и сына Писаревых, и похороны Великих Князей наложены на повествование импрессионистическими сюжетными пятнами, но элегические темы любви, смерти, памяти делают их отнюдь не случайными.

Так же и последняя, пятая, часть романа, «Лика», могла бы считаться отдельной новеллой, потому что именно здесь и только здесь Лика становится главной

⁴ См. об этом: [Капинос, 2014].

героиней, и здесь вместе с ней появляется множество новых лиц, и при этом, что характерно именно для новеллистического нарратива, у Лики нет прошлого (что сильно контрастирует с богатым и детально прописанным прошлым Алексея). Заодно и Арсеньев, переживающий в этот новый этап его жизни что-то вроде инициации, становится едва ли не другим человеком.

В связи с этим стоит взглянуть на роман с точки зрения хронологии. Очевидно, что каждая из пяти книг ЖА описывает некий этап становления героя: первая – младенчество; вторая – отрочество, гимназические годы; третья – юность и первые опыты взросления; четвертая – отъезд из дома, странствия; пятая – первое взрослое испытание любовью, в которой есть все: и счастье, и измена, и смерть.

Время родовое и время эпохальное, конечно, обращено и в далекое прошлое, и в будущее. Но жизнь молодого Арсеньева протекает в некоем неопределенном и «стоящем» времени, в котором есть, однако, несколько «реперных» точек, позволяющих определить, что время его взросления – это 1880–1890-е гг., и что он является ровесником Бунина. Одна из таких точек – смерть Надсона (1887), о ней Арсеньев прочел в газетах (гл. VII, кн. 3), а шел ему тогда 16-й год (этот возраст указан в начале гл. V, кн. 3), следовательно, он, как и Бунин, родился примерно в 1870 г. К весне 1891 г. относится смерть Вел. Кн. Николая Николаевича Старшего, и тогда же Арсеньев знакомится с Ликой, и, значит, в момент его окончательного взросления ему уже минуло 20 лет.

В основном же время романа – сугубо элегическое, круговое, его движение отмечено сменой пейзажей, в соответствии со сменой времен года. К жанру элегии восходят и обе ключевые темы ЖА: Heimkehr (отдаление от родных мест и возвращение на родину), а также любовь и смерть возлюбленной. В этом нет ничего удивительного: сильный элегический подтекст свойственен всей прозе Бунина, но сквозная согласованность ключевых тем романа с «элегической» организацией времени производит сильный художественный эффект.

В роман включены все времена года. Есть несколько очень ярких зимних эпизодов: смерть сестры Арсеньева Нади, зимняя скачка (в красках Жуковского), предшествующая долгожданному свиданию Арсеньева и Лики в поезде, и др. Многократно живописуется ранняя и поздняя осень: осенние охоты, прогулки, разъезды. Но доминантными в тексте романа являются пейзажи весенние и летние. Весна, новая молодая жизнь природы – этими переживаниями завершаются четыре из пяти книг романа. Весенние финалы, предсказывающие начало чего-то нового, создают определенный ритм в композиции романа. Весенние пейзажи концентрируют в себе семантику свежести, обновления, юности, в том числе самого Арсеньева, обостренной силы его чувств, напоминая заодно о мотиве «элизийской», «несрочной» весны Боратынского – одном из важнейших у Бунина⁵ – мотиве, совмещающем в себе «противучувствия». Так и здесь: «младая жизнь» Арсеньева расцветает на фоне запустения, увядания, одряхления родовых поместий, на фоне смертей родственников и близких людей, на фоне затянувшейся разлуки с родителями и родным домом. Романное повествование высококонтрастно, особенно в финалах книг и глав: «несрочной», «нетленной» весне и вспышкам

⁵ Приведем здесь цитату из монографической статьи о биографии и поэзии Бунина Т. М. Двинятиной: «...и “Запустение”, и “Отрывки из поэмы «Воспоминания»” (1819) Баратынского открывают Бунину путь к идее родовой памяти как источнику личного бессмертия; найденный Баратынским образ *несрочной весны* – заветный образ всего бунинского творчества» [2013, с. 54].

любви и поэтического вдохновения в жизни героя всякий раз сопутствуют мотивы смерти, тления, утраты и разлуки.

У весенней темы есть еще один поворот: ей соответствует тема юга как личной прародины героя. Как открывает для себя Арсеньев, его душа любит юг, тепло, пышную южную природу, он сильно чувствует что-то родное, что-то говорящее о некоей его прародине в крымской и малороссийской природе: «все это говорило о юге и тянуло куда-то еще дальше на юг» (с. 263). Именно южное направление, Крым – место, где прошла молодость его отца, где воевал и погиб дядя, – Арсеньев выбирает для первого своего путешествия. И поэтому он увозит свою возлюбленную из среднерусского уездного города на юг, и они живут в городе, «где прошли гимназические годы Гоголя», и Лика тоже влюбляется в Малороссию: «Я теперь тебя понимаю, я бы тоже никогда не могла жить на севере, без этого обилия света» (с. 255). Юг как некая прародина – это перовое откровение 5-й книги, юг, противопоставленный природе первых четырех книг. В то же время смена географии соответствует интенциям, явленным в самом начале романа:

Почему с детства тянет человека даль, ширь, глубина, высота, неизвестное, опасное, то, где можно размахнуться жизнью, даже потерять ее за что-нибудь или кого-нибудь? Разве это было бы возможно, будь нашей долей только то, что есть, «что Бог дал», – только земля, только одна эта жизнь? Бог, очевидно, дал нам гораздо большее (с. 21).

Особенно тесно основные темы романа переплетаются, усиливая друг друга, на границах между книгами, поэтому стоит подробнее рассмотреть пограничные эпизоды.

* * *

Роман начинается, как это и положено в романах воспитания или романах-биографиях, с первых детских воспоминаний героя, сначала отрывочных, потом все более связных. К концу первой книги они становятся все более подробными, время замедляется, и в финале, когда Арсеньев держит экзамены в гимназию, очень подробно описывается весна и его прощальное перед отъездом в уездный город лето в родной Каменке. Главное замедление – в последних (XX–XXI) главах с их подробным описанием августовской охоты, куда отец берет с собой Алексея перед самым началом его новой, неведомой и, как бы то ни было, самостоятельной жизни. Для Арсеньева это прощание и с младенчеством, и с домом, в котором он родился: кажется, он предугадывает, хотя и не до конца понимает, что к тому времени, когда он приедет из гимназии на каникулы, Каменка будет уже продана. Охота на исходе лета празднично аранжирует эмоционально угаданное Арсеньевым расставание с хутором.

Охота – именно праздник, любовь к охоте вполне естественна в его семье, она уже предсказана любовью Арсеньева к оружию, тем, с каким наслаждением он прикасается к охотничьему кинжалу из кабинета отца (ребенком он со странным, но не лишенным удовольствия, чувством зарезал этим кинжалом раненого грача), как он мечтает о сказочной дедовской или прадедовской сабле, хранившейся, по преданиям, на чердаке дома в Каменке (гл. XII, кн. 1), о палашах, которыми юношей в средневековых книгах посвящают в рыцари (гл. XIV), о «дорогих мушкетах, саблях, пищалях, копьях» из «Страшной мести» Гоголя (гл. XV). Весь этот, большей частью легендарный, арсенал, конечно, выдает ностальгию Арсеньева по родовому дворянскому предназначению: воевать, быть военным, рыцарственным,

служилым – по тому самому предназначению, которое связывает его отца и дядю и с русскими царями, и с русской литературой. Его дожившему до седин отцу охота заменяет войну – естественное дело дворянина (в трудную для Арсеньева минуту купец Балавин сетует: «И ума не приложу, как вам быть далее. Отцы ваши в таких обстоятельствах на Кавказ служить скакали...» (с. 151)). Компенсация войны охотой содержит в себе и мотив истощения и увядания дворянства, к тому же и охота в связи с разорением и бедностью тоже истощается.

Арсеньев продолжает охотиться в то время, как арсеньевский дом уже разорен:

Борзых у нас уже не было, оставалась только пара гончих. Большие охоты, еще кое-где уцелевшие в уезде, травили волков, лисиц, далеко и надолго уходили в отъезжее поле, в места более прибыльные, чем наши. Мы же и одному рысаку бывали рады (с. 155).

Он охотится в тех же местах, где охотятся молодые Толстые, беглое упоминание о которых возвращает Алексея к крымской молодости отца. А в завершение этой темы Арсеньев получает от отца драгоценный подарок – бельгийскую двустволку, вручая которую, отец винится за то, что разорил родовое гнездо и пытается утешить сына, только что нечаянно погубившего любимую свою Кабардинку:

В руках его была его любимая бельгийская двустволка, единственная драгоценность, оставшаяся ему от прежней роскоши.

– Вот, – сказал он, решительно кладя ее рядом со мной. – Дарю, что могу, чем богат, тем и рад. Может быть, это тебя хоть немного утешит...

Я вскочил, схватил его руку, но не успел поцеловать – он отодвинул ее и, быстро наклонившись, неловко поцеловал меня в висок (с. 154).

Другой смысловой аспект охоты – продолжение традиции тургеневских «Записок охотника»: это чистая поэзия природы, которую охотник наблюдает в разное время года и в разное время суток, предаваясь одновременно раздумьям и воспоминаниям (у Тургенева, например, таков, в сущности, весь, целиком рассказ «Лес и степь», да и в других рассказах из «Записок охотника» охоты не так уж много⁶). В финале первой книги «Жизни Арсеньева» Алексей, пока его отец, утомившись, ложится вздремнуть на берегу пруда, любителю «желтеющим, веселым и прелестным царством» леса, одновременно печалась, что скоро предстоит покинуть родной дом и перебирая в памяти все пережитое в Каменке. И здесь он впервые предстает лирическим персонажем, погруженным в воспоминания «об утраченном времени». Здесь, конечно, в тексте Бунина отзывается и чеховская «Степь», где Егорушка, пока его везут в город, чтобы отдать в гимназию, плачет, прощаясь с детством, но и бессознательно заморожен жизнью степи. Но следует назвать и еще один подтекст.

У Бунина есть ранний, датированный 1903 г., рассказ «Сон Обломова-внука», который печатался до революции вместе с другими его произведениями. Позже, в эмиграции, Бунин переиздавал его под другими заглавиями, в том числе: «Восемь лет. “Жизнь Арсеньева”». Вариант первого наброска – и таким образом давнее, самостоятельное и завершённое произведение подавалось читателю в качест-

⁶ Любопытно, что в сборнике «Охота в русской художественной литературе» (1927) «Лес и степь» Тургенева и «Сон Обломова-внука» Бунина были напечатаны под одной обложкой. См.: [Охота..., 1927].

ве одного из черновиков романа ⁷. В этом рассказе, как и в 1-й книге ЖА, восьмилетний мальчик (Илья Обломов) вместе с отцом и собакой Джальмой охотится на чирков. Охотники едут по степи в лес, идут по болоту, и Илюша, зачарованный красотой природы, мечтает провести в лесу всю свою жизнь: поселиться на хуторе, «жить только охотой», «каждый день чистить кирпичом и промазывать свое ружье». Как и Арсеньев, он тоже как бы пытается удержать течение времени, застывая и растворяясь в пейзаже. Восклицанием «Сон, сон!» заканчивается рассказ, хотя, конечно, никто из героев рассказа не спит – в отличие от обитателей Обломовки, – а слово «сон» имеет столь характерное для жанра элегии значение мечты, сна наяву, которому предается созерцатель ⁸.

В этой связи следует заметить, что элегический дискурс в творчестве Бунина неотрывно связан со сновидческим мотивом «Некоторого царства», каковым лирическому герою почти всегда видятся и Россия, и прошлое, и лес (здесь он назван «прелестным царством», а в поэзии Бунина, к примеру, в стихотворении «Листопад» 1890 г. – сказочным «расписным теремом»), а также с его размышлениями об исчезающей, «засыпающей сказочным сном» России ⁹.

Таким образом, временем года, означающим зрелую полноту бытия, отмечен итог младенческой поры жизни Арсеньева, за время которого в его душе закрепилось навеки чувство рода и родины, родной природы, ее красоты и ее тайны. Дальше описание всей юности Арсеньева будут сопровождать весенние финалы, отмеченные смыслами обновления, роста, цветения, инициации.

* * *

Вторая книга заканчивается впервые переживаемой Арсеньевым смертью во всей ее материальной подлинности и грубости и в то же время в ее связи с жизнью, молодостью, непрерывностью бытия. Страшная ночь в доме, где стоит гроб с телом Писарева, завершается ликующим финалом:

Было темно и как-то особенно, как бывает только ранней весной, чисто, свежо, тихо. Земля подмерзла, была тугая. Какое-то тончайшее и чистейшее дыхание чуть серебрилось между землей и чистым звездным небом. В тишине, вдали, мерно и глухо шумела в долине весенняя река. Я посмот-

⁷ Об истории публикаций этого текста и разных вариантах его заглавия см.: [Морозов, 2017, с. 321].

⁸ Охота тоже принадлежит к ключевым и повторяющимся у Бунина мотивам. Об А. К. Толстом в очерке «Инония и Китеж» сказано так: «Тогда ему дали звание Императорского Егермейстера, почти ни к чему не обязывающее, и он повел жизнь, уже всецело посвященную поэзии, семье, охоте, деревне» [Бунин, 1998, с. 166], в очерке «Петр Александров» Бунин обширно цитирует охотничий рассказ «Одиночество» принца Ольденбургского, где герой-эмигрант вспоминает об охоте в России и охватившей его «сладкой дремоте» на пути с охоты домой [Там же, с. 359], а в статье «Думая о Пушкине» Бунин цитирует пушкинское «и страждут озими от бешеной забавы» с комментарием от себя – «от той самой забавы, которой с такой страстью предаюсь и я» [Там же, с. 209].

⁹ В ЖА метафора сказочного царства отнесена к предкам и древности («где-то там со всеми нашими давным-давно умершими сказочными бабушками и дедушками» (с. 109)), к прошлым эпохам истории России, вплоть до царствования Александра III («необъятное царство всяческих стран, племен, народов» (с. 64)), к сказочным веснам и зимам («Царство снежных хлопьев» (с. 160)), ночам («сказочно-давняя ночь» (с. 209)), и всякий раз этой метафоре сопутствуют мотивы призрачности, сна, мечты, безвозвратно ушедшего в небытие.

рел в темноту за долину, на противоположную гору, – там, в доме Виганда, одиноко краснел, светился поздний огонек.

– Это она не спит, – подумал я, – «Возвышают реки голос свой, возвышают реки волны свои», – подумал я, и огонек лучисто задрожал у меня в глазах от новых слез – слез счастья, любви, надежд и какой-то иступленной, ликующей нежности» (с. 107).

Цитата из 92 Псалма объединяет и вызванное смертью чувство Воскресения, вечной жизни всего одушевленного, и живой весенний пейзаж с полноводной рекой, и счастье, любовь, надежду.

Вторая книга вместила в себя около семи лет: учебу в гимназии и решение бросить ее, неудавшийся соблазн слишком рано стать «взрослым»¹⁰, счастливую жизнь в прекрасном старинном доме в Батурино, унаследованном после смерти бабушки, и страшный удар – арест в качестве «социалиста» любимого брата Георгия, и обет вечного поста, данный матерью (и строго соблюдавшей его до конца жизни), и награда ей – присужденная сыну трехлетняя ссылка: но не в Сибирь, а в Батурино, «под надзор полиции». Три эти года – самые счастливые в жизни семьи: в Батурино и в Васильевском, ставшим после смерти старика Писарева отчасти «своим».

Имение в Васильевском принадлежало молодому Писареву, мужу Веры Арсеньевой, двоюродной сестры Алексея. Совсем рядом с ними оказался и дом старшего брата Николая, женившегося на дочери управляющего казенным имением немца Виганда, в том же Васильевском, и Васильевское стало местом воочию явленных родовых связей и той усадебной жизни, какой жили когда-то предки старинных русских родов. Не случайно в гл. XVIII кн. 2 появлению Писарева и описанию его дома предшествует описание батурицкого дома с громадной елью, занимающей все центральное окно холодного, неотопливаемого зала, где:

...стынут на стенах портреты деревянного, темноликого дедушки в кудрявом парике и курносого, в мундире с красными отворотами, императора Павла, и насквозь промерзает куча каких-то других старинных портретов и шандалов... (с. 100).

И далее сделан незаметный переход к описанию дома и библиотеки, собранной стариком Писаревым, где среди книг спрятана, заметим, родственница автора романа – Анна Бунина:

Там оказалось множество чудеснейших томиков с золотыми звездочками на корешках – Сумароков, Анна Бунина, Державин, Батюшков, Жуковский, Веневитинов, Языков, Козлов, Боратынский... (с. 101).

Описания двух домов сливаются в одно, так создается непрерывная ткань повествования.

Именно в это счастливое для семьи время Алексей начинает всерьез относиться к себе как к поэту и, бросив гимназию «с аористами», получает, по счастью, то образование, которое ему действительно нужно: чудеснейшие томики библиотеки Писарева становятся для него и источником вдохновения, и школой поэзии. И очень кстати в жизни юноши, только что чуть было не набравшего от старших гимназистов скверного опыта, появляется Анхен, молоденькая родственница Ви-

¹⁰ Имеется в виду гл. XI кн. 2, где рассказывается о том, как героя чуть было не «образовали» в кружке Вадима Лопухина.

гандов, в которую Алексей мгновенно влюбляется: во все то по-немецки чистое, свежее, любовно-ласковое и простодушное, что должно, конечно, напоминать ему (впрочем, он об этом не говорит) гётовскую Гретхен, Лотту, Миньону (даже звучанием «Анхен» схоже с «Гретхен»).

Ужас – внезапная смерть молодого Писарева, «стройного, смуглого, чернородого», весело усмевающегося «своими цыганскими глазами», – случилась посреди этой деревенской идиллии, весной, когда христианскому чувству Воскресения вторит природный расцвет и возрождение. Известие о его смерти достигает Арсеньевых в момент, когда они уже выходили из дома, чтобы ехать в Васильевское праздновать первый день Пасхи. Вид мертвого тела, только что обмытого и убранного, только что бывшего живым и бодрым, а теперь – покорно бессильного, а через некоторое время, в гробу, уже и явственно изменившегося, вызывает у Алексея контрастное чувство:

Мне... показалось тогда, что в этом огромном бархатно-фиолетовом ящике с мерзкими серебряными лапками лежит нечто священное, но вместе с тем и непристойно-земное, непотребное (с. 110).

И это резко противоречивое чувство сопровождает Арсеньева во все время похорон. Главное, сильнейшее переживание достигает его в ночь после первой панихиды, когда он, едва заснув и тут же проснувшись от некоего страшного видения, слушает под дверью зала, где стоит гроб, как «негромко, деревянно и поспешно» читает дьячок: «Господь царствует, он облечен величием, облечен Господь могуществом <...> Дрожь восторженных слез охватила меня...» (с. 106) – и далее идет то, что мы уже цитировали выше.

Этот финал отсылает нас к кн. 1, в которой Арсеньев много говорит о вере в Бога:

Когда и как я приобрел веру в Бога, понятие о нем, ощущение его? Думаю, что вместе с понятием о смерти. Смерть, увы, была как-то соединена с Ним (и с лампадкой, с черными иконами в серебряных и вызолоченных ризах в спальне матери). Соединено с ними было и бессмертие <...> я уже знал и даже порой со страхом чувствовал, что на земле все должны умереть – вообще еще очень не скоро, но, в частности, в любое время, особенно же накануне Великого поста» (с. 26).

Соединением несоединимого: жизни и смерти, восторженным приятием всего, что есть в бытии, заканчивается кн. 2, а начало кн. 3 вновь продолжает описание похорон, и описываются они долго и подробно, и этот переход можно назвать прозаическим анжамбманом. Такой же анжамбман с дублированной смертью отца и сына – Великих Князей – повторяется на переходе от четвертой книги к пятой¹¹.

* * *

¹¹ Параллель между смертью Писарева и Великих Князей проводится у Е. Р. Пономарева в связи с многомерностью и вневременностью ЖА: «Арсеньев оказывается внутри временной воронки, затягивающей в себя все окружающее; а также в центре герменевтического круга, неотделимым от умершего Писарева <...>, ставшего одним из лежащих рядом бригадиров и секунд-майоров, и всего арсеньевского рода. Прашуры в этом круге легко замещаются святыми, Писарев – древним великим князем (семантически рифмуемся с умершим великим князем из четвертой книги)» [Пономарев, 2019, с. 106].

Финал 3-й книги, как и 2-й, тоже выпадает на весну, но это весна два года спустя после смерти Писарева. Вообще веснами, как пунктиром, отмечено течение романного времени, текст «прошит» формулами «весенней» временной наметки: «Через год вышел на свободу и я <...> Удивителен весенний расцвет...» (с. 92), «Опять, еще раз была весна» (с. 147) (начало кн. 4), «В те весенние дни моих первых скитаний» (с. 192) (начало кн. 5) и пр. За два года, минувших со смерти Писарева, сначала потускнели, превратились в воспоминания и переживания смерти, и нежная влюбленность в Анхен, а в беспечной жизни Арсеньева в родном доме, наступила смутная и мучающая юношу неопределенность, от которой не спасают ни первые успехи на поприще поэзии (стихи, напечатанные в хорошем журнале), ни деревенские развлечения (охота и работа в поле вместе с крестьянами), ни легкие влюбленности, ни мечты о славе (наподобие надсоновской). Это могло бы кончиться «обломовщиной», поскольку Алексей стал уже привыкать к обыденности бездельного существования, от которого его спасло то, что рано или поздно должно было случиться: любовь к простой деревенской женщине.

Тонька возникает в жизни Арсеньева неожиданно, ее появление, как и в случае с Писаревым, обосновывается чьей-то смертью и наставшими вместе с ней переменами: «Умер наш сосед Алферов, живший совсем одиноко. Брат Николай снял это опустевшее имение в аренду... И в числе его прочей прислуги была горничная Тонька» (с. 141). Новеллистический сюжет об этой любви занимает две заключительные главы (XIII, XIV) 3-й книги, и при всей своей лаконичности он чрезвычайно насыщен и сюжетно, и поэтически, и эмоционально.

Облик Тоньки – «На деревне ее звали галкой, дикой, считали (за молчаливость) совсем глупой. У нее был невысокий рост, смуглый цвет кожи, ловкое и крепкое сложенье, маленькие и сильные руки и ноги, узкий разрез черно-ореховых глаз. Она была похожа на индианку...» (с. 141) – птичий и экзотический. Молчаливостью отмечено страдательное начало героини, ее податливость и беззащитность. Та же тема бессловесной беззащитности повторится в рассказе о любимой лошади Арсеньева, Кабардинке, погибшей по недосмотру хозяина, не подумавшего выходить разгоряченную лошадь. Кабардинка гибнет в VI главе 4-й кн., а III глава той же книги посвящена случайной весточке издалека, от Тоньки, и размышлениям о любимой лошади ¹²:

Я смотрел на шею Кабардинки, на ее гриву, откинутую на сторону и ровно, в лад с ходом мотавшуюся, на всю эту поднятую конскую голову, когда-то в дни сказочные, порой говорившую вещим голосом: страшна была ее роковая бессловесность, это вовеки ничем не могущее быть расторгнутым молчание, немота существа, столь мне близкого и такого же, как я, живого, разумного, чувствующего, и еще страшней – сказочная возможность, что она вдруг нарушит свое молчание (с. 150).

Роковая захваченность Арсеньева Тонькой входит в ряд излюбленных бунинских сюжетов о трагической таинственной любви, порой соединяющей барина и крестьянку неразрывной связью, такие сюжеты у Бунина мистичны: чужой, народный, сказочный, древний мир неодолимо влечет аристократа, воспитанного

¹² Сюжет о Кабардинке тоже новеллистичен, он выстраивается двумя фрагментами (гл. III с признанием Арсеньева в любви к Кабардинке и гл. VI с ее гибелью), следующими друг за другом, через паузу двух глав (IV и V).

на книгах и идеалах платонической любви, своей непостижимой, непонятной, но в то же время родственной в своих изначальных, природных и древних основах, силой и тайной. Самый яркий пример того же сюжета – «Грамматика любви» (1915): история Арсеньева с Тонькой варьирует ивлевскую историю Лушки и Хвощинского. Даже происходит все это в одних и тех же местах: направляясь в Хвощинское, Ивлев проезжает «Писарев верх»¹³, а страсть к Тоньке названа, как и страсть Хвощинского к Лушке, «помешательством». Сближение с Тонькой полностью поработает Арсеньева: «С этого дня началось для меня ужасное время» (с. 143), «Бог спас меня неожиданно» (с. 144).

Фрагмент о Тоньке не менее контрастен, чем фрагмент о смерти Писарева, и здесь антитетична нераздельность человеческого и природного, и в то же время ее неслиянность. Сила природной, древней, дословесной страсти вызывает в Арсеньеве поэтическое вдохновение, и в финале кн. 3 приводится единственное поэтическое произведение Арсеньева, которое можно прочесть в романе. Примечательно то, что в перенасыщенном поэтическими цитатами из русской классики тексте, рассказывающем о становлении Арсеньева-поэта, только единожды цитируется его собственное стихотворение, созданное буквально за мгновение до расставания с Тонькой:

И вновь, и вновь, над вашей головой,
Меж облаков и синей тьмы древесной,
Нальется высь эдемской синевой,
Блаженной, чистою, небесной,
И вновь, круглясь, заблещут облака
Из-за деревьев горными снегами,
И шмель замрет на венчике цветка,
И загремит державными громами
Весенний бог, а я – где буду я? (с. 145)

Стихотворение написано, с одной стороны, «под маской» героя, начинающего поэта, и поэтому оно несколько пародийно, с другой стороны, в нем узнается поэтика раннего Бунина, обращенная к традициям поэзии XIX в.¹⁴ Можно сказать, в опыте Арсеньева Бунин иронично изображает свою собственную раннюю поэзию, к примеру, «тютчевское» стихотворение «Гроза прошла над лесом стороною...» или «Не пугай меня грозою...» с подтекстом из пушкинского послания Кривцову и предгрозового «В душном воздуха молчанье...» Тютчева. Стихотворение Арсеньева, будучи несовершенным и, возможно, незаконченным произведением, иконически вторит неожиданно оборвавшейся любви к Тоньке.

В отличие от раннего Бунина, его герой, Арсеньев, воспроизводит больше готовых элегических формул, не давая им поэтического развития. Однако это стихотворение все-таки не превращается в чистую пародию, скорее, это пример любимого Буниным жанра «шероховатой», неумелой, неуклюжей, но трогательной стилизации, наподобие четверостишия «Тебе сердца любивших скажут...»

¹³ «– Ты на Хвощинское, что ли, едешь? – крикнул Ивлев, высовываясь под дождь.

– На хвощинское, – невнятно отозвался сквозь шум дождя мальчик <...> На Писарев верх» [Бунин, 1966, т. 4, с. 200]. Кроме того, из рассказа графини Ивлев выясняет, что сосед Писарев был единственным, кого допускал к себе по старой дружбе влюбленный в Лушку Хвощинский.

¹⁴ О традициях классической поэзии Бунина см.: [Двинятина, 2013, с. 21–22, 47, 54 и др.].

в «Грамматике любви»: своего рода точный «перевод» языка классики на язык начитанного и эмоционально одаренного героя.

В верхнем интертекстуальном слое стихотворения Арсеньева легко угадывается «Весенняя гроза»: сами обстоятельства сочинения стихотворения – май, гроза, прилив *élan vital*, а также словосочетание «Весенний бог», напоминая о Гебе с ее «громокипящим кубком», подсказывают тютчевскую «Весеннюю грозу» – «Люблю грозу в начале мая». Стихотворение Арсеньева экфрастично: оно «запечатлевает» картину весенней грозы за окном:

...воздух медленно темнел, синел, небо казалось еще больше, еще выше, и в этой вышине, в счастливой весенней пустоте мира, начало вдруг как-то благосклонно и величественно, с постепенно возрастающей и катящейся звучностью и гулкостью, погромыхивать... (с. 145).

И стихотворение, и пейзаж, которым это стихотворение вдохновлено, образуют ансамбль стиха и прозы, такие ансамбли прозаических пейзажей, перемежающиеся подлинными поэтическими цитатами или их стилизациями, – излюбленный прием Бунина-прозаика.

В глубине стихотворения Арсеньева заложен другой тютчевский интертекстуальный фундамент: «эдемская синева», взгляд вверх, на небо над головой, чистота неба подсказывают ассоциацию со стихотворением «И гроб опущен уж в могилу...» («А небо так нетленно-чисто, // Так беспредельно над землей... // И птицы реют голосисто // В воздушной бездне голубой...»).

Кажется, влюбленный в Тоньку Арсеньев должен сочинять любовную элегию, однако у него получается что-то типа оды или гимна о Боге, смерти и времени. Слово «державный» подсказывает одическую ноту, проистекающую из торжественной лексической окраски этого прилагательного и его сходства с фамилией Державина. Прибавим к патетическим и мортальным ассоциациям этого текста еще и «Осень» Боратынского, поскольку начальное «И вновь, и вновь...» (повторенное в пятом стихе третий раз) подражает ритмически противоположному по смыслу «Прощай, прощай» из «Осени» Боратынского. Стихотворный отрывок позволяет сразу увидеть то, насколько отличается стих Тютчева, проникнутый особой поэтической энергетикой и практически «нематериальный», от стиля Бунина, исполненного любви к материи, что видно по «налившейся» синевою выси, по «круглящимся» облакам, горным снегам, по венчику цветка и, наконец, по шмелю, который отсылает к мертвому шмелю в стихотворении самого Бунина 1916 г. «Последний шмель».

Вдохновенное сочинительство Арсеньева прерывает его брат Николай, сообщая об отъезде Тоньки:

Ну, ты отлично понимаешь... Так вот, я ее нынче утром рассчитал. Иначе дело бы кончилось, вероятно, смертоубийством. Он вчера вернулся и пришел прямо ко мне: «Николай Александрович, я все давно знаю, отпустите Антонину сию же минуту, не то плохо будет...» И, понимаешь, белый, как мел, губы так пересохла, что едва говорит... Очень советую тебе опомниться и не пытаться больше ее видеть. Да, впрочем, это и бесполезно – нынче они уезжают куда-то под Ливны (с. 145–146).

Для Арсеньева это означает, что он никогда больше не увидит предмет своей страсти. За весенней грозой, служащей фоном расставания, с ее мощью, преизбытком жизни, любви, любования «материей» и природой, скрыто предчувствие

разлуки, выраженное сильным подтекстом унылых осенних элегий этого арсеньевского «И вновь, и вновь...».

В конце книги, вместо финала, как и в предыдущей части, – весенний пейзаж с весенними водами, сверканием, свежестью, символизирующий, несмотря на трагический сюжет, преизбыток жизненных сил, юность Арсеньева, и при этом не перестающий быть красочным и наполненным словесным пейзажем:

Опять величественно загремело где-то в бездонной пустой вышине, во-круг меня что-то крупно и быстро зашуршало, запахло мокрой свежестью весенней зелени... Прямой, редкий дождь длинными стеклянными нитями засверкал из нового большого облака, бесконечно высоко вставшего над самой моей головой своими снежными клубами, и по недвижной и ровной поверхности зеркально-белой воды, быстро шумя и пестря её тёмными точками, запрыгали бесчисленные гвозди... [Бунин, 1966, т. 5, с. 246].

* * *

Четвертая книга, так же как 2-я и 3-я, заканчивается очень длительной весной, даже еще более длительной, чем в предыдущих, со множеством перипетий, среди которых и поездка в Крым, и знакомство с Ликой, и смутное осознание зарождающейся любви к ней, и встреча траурного поезда с телом Вел. Кн. Николая Николаевича Старшего, которая влечет за собой забегание по времени далеко вперед и описание похорон Вел. Кн. Николая Николаевича Младшего на Антибе, о чем уже много говорилось в предыдущей части этой работы [Капинос, 2020]. Конечно, то, что встреча с Ликой совпадает по времени со встречей траурного поезда, предвещает трагический, траурный конец этой любви, которая начинается вместе с радостным весенним обновлением, но под знаком смерти.

Однако, отвлекаясь пока от 5-й книги, «Лики», еще раз подчеркнем значение родового, исторической темы в финале и этой, последней, книги в первой редакции романа. На этот раз расширим контекст похоронного фрагмента. Как и во 2-й книге, в 4-й похороны, смерть, сильная, юношеская любовь тесно соединены между собою. Комбинация сюжетов о юношеской любви и смерти с весенними мотивами, а также многофигурная отсылка похоронной темы, дублирование мотива смерти характерны для Бунина. Что-то очень близкое к ЖА обнаруживается и в «Митиной любви», повести 1924 г., главный герой которой любит и умирает. Однако умирает в «Митиной любви» не один влюбленный в Катю Митя, есть в тексте и другие смерти, укрупняющие финал с самоубийством героя, и они позволяют осмыслять гибель Мити не только как прямое следствие несчастной любви, а более обобщенно и символично.

Полного имени главного героя читатель не знает вплоть до XX главы, начиная с заглавия, его называют домашним именем «Митя», и лишь ближе к концу, от старосты, устроившем свидание Мити и Аленки, мы узнаем, что барина зовут Дмитрий Павлович: «Садитесь, Митрий Павлович, закуривайте, – сказал он дружески и небрежно» [Бунин, 1966, т. 5, с. 220]. Это имя, безусловно, не случайно: оно совпадает с именем Вел. Кн. Дмитрия Павловича (Романова), правнука Александра II, воспитанника Вел. Кн. Елизаветы Федоровны, участника убийства Распутина. Вел. Кн. Дмитрий Павлович на мгновение появляется среди персонажей «Чистого понедельника», где главный герой сталкивается с ним в воротах Марфо-Мариинской обители. Как и Алексей Арсеньев, юный помещный дворянин Дмитрий Павлович из «Митиной любви» ономастически породнен с императорской фамилией.

Отчество героя открывает имя отца Мити, о котором читателю уже известно, поскольку, едва вернувшись из города в отчий дом, Митя тут же вспоминает похороны отца, память о скорбных днях смерти отца как будто бы хранит весенняя усадьба ¹⁵:

Он помнил, что он испытал, когда умер отец, девять лет тому назад. Это было тоже весной. На другой день после этой смерти, робко, с недоумением и ужасом пройдя по залу, где с высоко поднятой грудью и сложенными на ней большими бледными руками лежал на столе, чернел своей сквозной бородой и белел носом наряженный в дворянский мундир отец, Митя вышел на крыльцо, глянул на стоявшую возле двери огромную крышку гроба, обитую золотой парчой, – и вдруг почувствовал: в мире смерть! Она была во всем: в солнечном свете, в весенней траве на дворе, в небе, в саду... Он пошел в сад, в пеструю от света липовую аллею, потом в боковые аллеи, еще более солнечные, глядел на деревья и на первых белых бабочек, слушал первых, сладко заливающихся птиц – и ничего не узнавал: во всем была смерть, страшный стол в зале и длинная парчовая крышка на крыльце! Не по-прежнему, как-то не так светило солнце, не так зеленела трава, не так замирали на весенней, только еще сверху горячей траве бабочки, – все было не так, как сутки тому назад, все преобразилось как бы от близости конца мира, и жалка, горестна стала прелесть весны, ее вечной юности! [Бунин, 1966, т. 5, с. 200].

Смерти отца в «Митиной любви» вторит смерть сына, застрелившегося на исходе весны, в начале лета, в день, когда несколько дней подряд дождь «обрушился» на свежий сад. Контрарность смерти в «Митиной любви» не уступит контрарности финалов 2-й и 4-й кн. ЖА, момент самоубийства Мити – это наслаждение смертью: «глубоко и радостно вздохнув, раскрыл рот и с силой, с наслаждением выстрелил» [Бунин, 1966, т. 5, с. 336].

Весенний пейзаж, воспоминания о похоронах отца, аристократическое имя героя, его острая реакция на свидание с молодой крестьянкой Аленкой – все это обогащает сюжет о любви с Катей и даже отвлекает от него. И в отвлечении от сюжета с Катей причиной самоубийства Мити кажется уже не разлука с возлюбленной, а общее оскудевание и смерть дворянства, предчувствие его будущей страшной судьбы, переизбыток жизни и красоты, разлитых в весенней природе и столь сильных, что юная и чуткая душа Мити не может этого вынести, и столь же невыносимая неразрывность и неслиянность в любви природного, естественного с возвышенно-платоническим.

Сравнить финал «Митиной любви» с финалом первой редакции «Жизни Арсеньева» интересно еще и потому, что в это сравнение наглядно показывает, сколь сложно соединены и как сильно и ритмично согласованы между собой романские темы: отцовская и сыновья, аристократическая, историческая, природная. Кроме того, проясняется, как все это вписывается в канон элегического жанра с его акцентами на переходных временах года и на переходных от жизни к смерти со-

¹⁵ Прощальное письмо от Кати Митя получает из рук землемера, приехавшего в усадьбу «по делам». Конечно, профессия землемера, символизирует смерть, отмеренную жизнь и кладбищенский конец, а с другой стороны, эта профессия предполагает аграрные замеры, связанные с вечно возобновляемым кругом посевных работ.

стояниях, а также насколько контрастно повествование в сильных композиционных точках, каковыми являются начала и концы всех книг романа.

* * *

Итак, при последовательном рассмотрении финалов каждой из четырех книг «Жизни Арсеньева» (т. е. первой редакции романа) можно убедиться в том, что четырехкнижье имеет собственную продуманную композицию. Главным стержнем композиции является тема рода, уходящая далеко в прошлое, к древности, и в будущее – к будущей смерти героя, его поколения, к вневременному бытию, к апокалипсису. Четыре книги очевидно согласованы между собой: финалы 1-й и 3-й книг – мотивами природы и естества, финалы 2-й и 4-й – мотивами смерти и похорон (причем и в случае с Писаревым, и в случае с Великими Князьями смерть дублируется в старшем и младшем поколениях), но в то же время текст един, на всем его протяжении в нем умножаются, конструируются одни и те же мотивы, и он производит впечатление сна, составленного из разрозненных отрывков-новелл, предчувствий и интуиций.

Финал 4-й книги создает эффект законченного произведения, и это, с одной стороны, открытый финал, как в «Онегине»: герой оставлен на пороге новой жизни, новой любви, новых весен и новых странствий (тем более, что читатель узнает, что будущее Арсеньева – это дальние от дома края, эмиграция). Такой финал оставляет возможность присоединять к уже, казалось бы, завершенной истории новые и новые сюжеты. С другой стороны, финал 4-й книги завершен, и завершен трагически: многократно умноженной темой смертей, похорон и многочисленных утрат.

В следующей части этой работы будет показано, как, присоединившись к первым четырем книгам, пятая, «Лица», изменит весь строй романа: на первое, уже гармонично сложенное композиционное членение, будет наложено еще одно, новое, что позволит по-новому увидеть соотношение всех главных тем романа.

Список литературы

- Бунин И. А.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1966.
- Бунин И. А.* Публицистика 1918–1953 годов. М.: Наследие, 1998. 640 с.
- Движатица Т. М.* Иван Бунин: жизнь и поэзия // Бунин И. Стихотворения. СПб: Изд-во Пушкинского Дома; Изд-во «Вита Нова», 2013. Т. 1. С. 5–91. (Новая Библиотека поэта)
- Капинос Е. В.* «Некто Ивлев»: возвращающийся персонаж Бунина // Капинос Е. В. Поэзия Приморских Альп: рассказы И. А. Бунина 1920-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 95–142.
- Капинос Е. В.* Тематическая композиция эмигрантского автобиографического романа: от «Жизни Арсеньева» И. Бунина к «Дару» В. Набокова. Часть 1 // Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2. С. 393–406.
- Котляр Л.* Комментарии к роману «Жизнь Арсеньева» // Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1966. Т. 6. С. 324–339.
- Морозов С. Н.* Проблема датировки прозы И. А. Бунина // Литературный факт. 2017. № 4. С. 317–325.
- Охота в русской художественной литературе. М.: Современные проблемы, 1927. 382 с.
- Пономарев Е. Р.* Преодолевший модернизм: творчество И. А. Бунина эмигрантского периода. М.: Литфакт, 2019. 340 с.

References

- Bunin I. A. *Publitsistika 1918–1953 godov* [Publicism of 1918–1953]. Moscow, Nasledie, 1998, 640 p.
- Bunin I. A. *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected works: In 9 vols]. Moscow, Khudozh. lit., 1966.
- Dvinyatina T. M. Ivan Bunin: zhizn' i poeziya [Ivan Bunin: life and poetry]. In: Bunin I. I. *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg, Pushkin House Publ. H., Vita Nova Publ. H., 2013, vol. 1, pp. 5–91. (Novaya Biblioteka poeta [New library of the poet]).
- Kapinos E. V. “Nekto Ivlev”: vozvrashchayushchiysya personazh Bunina [“Someone Ivlev”: the returning character of Bunin]. In: Kapinos E. V. *Poeziya Primorskikh Al'p: rasskazy I. A. Bunina 1920-kh godov* [Poetry of the Alpes-Maritimes: Stories of I. A. Bunin in the 1920s]. Moscow, LRC Publishing House, 2014, pp. 95–142.
- Kapinos E. V. Tematicheskaya kompozitsiya emigrantskogo avtobiograficheskogo romana: ot “Zhizni Arsen'eva” I. Bunina k “Daru” V. Nabokova. Chast' 1 [The Thematic composition of an emigrant autobiographical novel: from “The life of Arsenyev” by I. Bunin to “The gift” by V. Nabokov. Part one]. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*. 2020, no. 2, pp. 393–406.
- Kotlyar L. Kommentarii k romanu “Zhizn' Arsen'eva” [Comments to the novel “The Life of Arseniev”]. In: Bunin I. A. *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected works: In 9 vols]. Khudozh. lit., 1966, vol. 6, pp. 324–339.
- Morozov S. N. Problema datirovki prozy I. A. Bunina [The problem of dating the prose of I. A. Bunin]. *Literary Fact*. 2017, no. 4, pp. 317–325.
- Okhota v russkoy khudozhestvennoy literature* [Hunting in Russian fiction]. Moscow, Sovremennye problemy, 1927, 382 p.
- Ponomarev E. R. *Preodolevshiy modernizm: Tvorchestvo I. A. Bunina emigrantskogo perioda* [The one who overcame modernism: the work of I. A. Bunin of the emigrant period]. Moscow, Litfakt, 2019, 340 p.

Сведения об авторе

Капинос Елена Владимировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
dzerv@mail.ru
ORCID 0000-0003-4057-110X

Information about the author

Elena V. Kapinos – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
dzerv@mail.ru
ORCID 0000-0003-4057-110X

УДК 82. 01.
DOI 10.17223/18137083/75/9

Интрига слова в рассказах И. Бунина и В. Набокова («Легкое дыхание» / «Тяжелый дым»)

Г. А. Жиличева

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия*

Аннотация

На материале рассказов И. Бунина и В. Набокова исследуются теоретические и исторические особенности категории нарративной интриги. Интрига определяется как рецептивный аспект сюжета, совмещающий референтный и коммуникативный планы наррации. В результате анализа взаимодействия «интриги действия» и «интриги слова» устанавливается ряд закономерностей. В рассказе Бунина повторы слова «дыхание» и его вариантов, звуковые доминанты, актуализирующие анаграмму «“Оля” – “легкое”», трансформируют историю жизни героини в историю о «вдохновении». В рассказе Набокова интрига обретает многослойность за счет автокоммуникативного измерения (отсылки к «Защите Лужина», «Незнакомке из Сены»), соотношения поэтической интенции с метафорикой «легкости» – «тяжести».

Ключевые слова

интрига, рецепция, нарратив, герой, читатель, Бунин, Набоков

Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00417)

Для цитирования

Жиличева Г. А. Интрига слова в рассказах И. Бунина и В. Набокова («Легкое дыхание» / «Тяжелый дым») // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 123–136. DOI 10.17223/18137083/75/9

Intrigue of word in I. Bunin and V. Nabokov's short stories (“Light Breathing” / “Torpid Smoke”)

G. A. Zhilicheva

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The paper discusses the category of narrative intrigue in the stories of I. Bunin and V. Nabokov. Theoretical and historical aspects of the term “intrigue” and its place in Russian and Western practice are reviewed. Following the concepts by Paul Ricoeur, Raphaël Baroni,

© Г. А. Жиличева, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

and Valerij Tjupa, *intrigue* is defined as a receptive aspect of the plot combining referential and communicative levels of narration. The analysis of interactions between the “intrigue of action” and the “intrigue of the word” allows establishing several consistent patterns in the composition of two narrative fields – that of event and that of discourse. In Bunin’s “Light Breathing,” the repetition of the word “dykhanie” (breath) and its variants changes the story of Olya’s life into a story of “vdokhnovenie” (inspiration). The second layer of the story is formed by anagrams and arranged sequences of sound and structure, enhancing the reader’s artistic impression. In Nabokov’s “Torpid Smoke,” the narration becomes multi-layered due to its metapoetical qualities, including the correlation of the poetic intention and the metaphor of “legkosti/tyazhesti” (lightness/heaviness). The “crisis event” (constitutive for the genre of short story) is transformed into the event of text-making. In addition to Bunin’s concept of “legkogo dykhaniya” (light breathing), the story’s “intrigue of the word” also includes the reflection on Nabokov’s signature concepts (references to L’Inconnue de la Seine and The Defence). Moreover, the narrator unites the protagonist and the lyrical persona, interchanging the first- and third-person pronouns.

Keywords

intrigue, reception, narrative, protagonist, reader, Bunin, Nabokov

Acknowledgements

The research is sponsored by a grant of the Russian Science Foundation (project no. 20-18-00417)

For citation

Zhilicheva G. A. Intrigue of word in I. Bunin and V. Nabokov’s short stories (“Light Breathing” / “Torpid Smoke”). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 123–136. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/9

«Легкое дыхание» и «Тяжелый дым» в буниноведении и набокоевении интерпретируются как «сильные тексты», представляющие особенности поэтики авторов в концентрированном виде. Их сопоставление может стать своеобразным ключом к обнаружению оригинальных черт авторских поэтик.

Сходство и различие малой прозы И. Бунина и В. Набокова рефлексировалось самими авторами, их современниками, а также изучалось в литературоведении [Шраер, 2014]. Однако сравнительное исследование не исчерпало свой потенциал: сопоставление текстов писателей представляется перспективным и для прояснения общих особенностей строения «постчеховских» нарративов русской литературы.

Обозначим несколько проблем в изучении нарративной интриги.

В современной нарратологии идет активный поиск категорий, призванных описывать взаимодействие событийного опыта, транслируемого нарративом, и кругозора читателя. После работы П. Рикёра «Время и рассказ» [1998] базовым понятием теории нарративной коммуникации становится интрига (подробнее см. [Жиличева, 2020]).

В традиционном толковании термин «интрига» имел два основных значения. Во-первых, особое построение драматургического произведения, «демонстрирующее искусство заговора» и основанное на действиях героя-интригана [Ищук-Фадеева, 2008, с. 83]. Во-вторых, расположение элементов действия (в драме) или последовательность событий истории (в эпосе). Данное определение восходит к «Поэтике» Аристотеля, который теоретизирует «целое» трагедии как «то, что имеет начало, середину и конец» [Аристотель, 1983, с. 653], и намечает два возможных пути следования событий: одно после другого или одно вследствие другого («или по необходимости, или по вероятности») [Аристотель 1983, с. 657].

При этом в отечественной теории литературы существовали подходы, объединяющие узкий (действия героев) и широкий (событийная структура) аспекты интриги. Так, Б. В. Томашевский описывал интригу как некую активность персонажей, продвигающих историю от завязки к развязке: «Фабулярное развитие можно в общем характеризовать как переход от одной ситуации к другой, причем каждая ситуация характеризуется противоречием интересов <...> борьба между персонажами сопровождается группировкой персонажей и своеобразной тактикой. Это ведение борьбы именуется интригой. <...> Развитие интриги ведет или к устранению противоречий, или к созданию новых противоречий» [Томашевский 1996, с. 180–181]. В то же время, согласно данной концепции, интрига – один из ведущих факторов, преобразующих «совокупность событий» – фабулу – в «художественно построенное распределение событий» – сюжет [Там же, с. 181–182].

Структуралистская нарратология изменяет ракурс рассмотрения событийности. Если формалисты трактовали фабулу как материал, а сюжет как прием, выражающий активность автора, то нарратологи, напротив, постулируют, что события истории – отнюдь не пассивные объекты, они обладают смысловыми валентностями, даются через призму сознания говорящего [Шмид, 2003, с. 180–181], воздействуют на реципиента. Более того, для когнитивных интерпретаций событийности основополагающим является тезис о том, что «аффекты» читателя (ожидание, любопытство и удивление) определяют эстетическое завершение изображенной в нарративе последовательности событий [Sternberg, 2012].

Постструктуралистский этап развития теории интриги базируется, как уже было сказано, на концепции П. Рикёра, использующего данный термин для осмысления способов организации «событийного ожидания», связывающего начало и конец истории. Интрига в данном случае обозначает уже не активность автора или персонажей (как в традиционных определениях), а рецептивный план сюжетосложения, воспринимаемый читателем результат ментальных операций (отбора событий, наррации, эпизодизации, фокализации). По мысли Рикёра, «в случае рассказа семантическая инновация заключается в придумывании интриги, которая также является результатом синтеза: посредством интриги цели, причины, случайности сопрягаются во временном единстве целостного, завершенного действия» [1998, с. 7].

Исследователь понимает интригу как структуру, формирующую рецептивные ожидания, смысловую длительность, связывающую начало истории с концом, т. е. медиацию особого рода. «Интрига выполняет свою посредническую роль, по крайней мере, в трех смыслах: во-первых, она осуществляет опосредование между отдельными происшествиями и историей в целом <...> построение интриги является операцией, которая извлекает конфигурацию из простой последовательности событий. Кроме того, построение интриги объединяет такие разнородные факторы, как агенты, цели, средства, взаимодействия, обстоятельства, неожиданные результаты и т. д. <...> Интрига является посредницей и в третьем смысле, по отношению к собственным временным характеристикам <...> акт построения интриги комбинирует в различных пропорциях два временных измерения: хронологическое и нехронологическое. Первое представляет собой эпизодическое измерение рассказа: оно характеризует историю как состоящую из событий. Второе – это измерение собственно конфигурации, благодаря которой интрига преобразует события в историю. <...> Акт интриги <...> извлекает конфигурацию из последовательности» [Рикёр, 1998, с. 80–81].

Согласно данному рассуждению, интрига является посредником между интенцией автора и воображением читателя, интрига представляет собой организацию рецептивного плана нарративного дискурса.

Отметим, что в работах современных последователей Рикёра возникает интерес не только к синхроническому, но и к диахроническому изучению интриги. Р. Барони, определяя интригу как «последовательность, которая развивается внутри повествовательного означающего на основе дисгармонии, ощущения неожиданности, любопытства и ожидания» (цит. по: [Галатенко, 2012, с. 64]), обнаруживает новые формы интриги в современной культуре, отличающиеся от классических моделей. И. Вильнёв исследует трансформации отдельных параметров интриги, сопоставляя литературу Нового времени и нарративы XX в. [Villeneuve, 2004].

В отечественной нарратологии исторические аспекты категории разрабатываются в трудах В. И. Тюпы. Он полагает, что интрига – это последовательность изложения истории относительно воспринимающего сознания, адресованный читателю «интерес наррации», «сюжет в его обращенности не к фабуле <...> а к читателю, то есть сюжет, взятый в аспекте события самого рассказывания» [2016, с. 62]. Исследователь разделяет мысль Рикёра о том, что наррация базируется на рецептивном опыте, т. е. узнавании читателем «закрепленных в культуре конфигураций» [Рикёр, 2000, с. 30], и предлагает выявить типы интриг, формирующиеся на протяжении истории культуры.

Интрига манифестируется в нарративе с помощью конфигурации эпизодов (разделения событийных сегментов и связывания их в последовательность), а типы связей между эпизодами определяются одной из универсальных схем сюжетосложения: циклической, кумулятивной [Тамарченко, 1997; Бройтман, 2001], лиминальной [Тюпа, 2016]. Однако помимо референтного плана (событийность) интрига содержит и коммуникативный план – установку на позиционирование читателя (дискурсивность). Для программирования рецептивных ожиданий важна вербализация наррации. В процессе литературной эволюции появляются произведения, в которых интрига слова заменяет традиционную интригу действия, а интерес к речевому строению преобладает над интересом к событийному ряду. Тюпа отмечает, что в литературе Новейшего времени «...интрига слова актуальна бывает в той мере, в какой читателю важно не только (а то и не столько), чем дело кончится, а как об этом будет рассказано, в какой тональности и стилистике история будет завершена» [Там же, с. 70].

В художественных нарративах XX в. баланс событийной и дискурсивной интриг часто смещается в сторону акцентирования приемов вербализации. В. Шмид полагает, например, что орнаментальная проза тяготеет к парадигматичности, оформлению наррации по законам поэзии: «Поэтическое предусматривает господство парадигматического порядка, т. е. вневременной и внепричинной связи мотивов, над синтагматической упорядоченностью, т. е. над смежностью слов и временно-причинной связью мотивов» [Шмид, 1998, с. 22]. Отметим, что данная тенденция присуща не только орнаментальной прозе. Отношения эквивалентности (контраста и подобия) элементов наррации, актуализирующие значимость как «события рассказывания» в целом, так и отдельных слов, звуков и тематических взаимосвязей в частности, встречаются в текстах, ориентированных на разные эстетические принципы, но в зависимости от принадлежности нарратива к классической или модернистской парадигме художественности принципы функционирования интриги слова будут различными.

Нарративная организация «Легкого дыхания» и «Тяжелого дыма» неоднократно привлекала внимание исследователей, теоретизирующих эпическую событийность. Например, А. Жолковский, рефлексируя знаменитую концепцию Выготского [Выготский, 1998], обнаруживает в тексте Бунина смещение «с фабульных отношений между отдельными персонажами» на «...атмосферу игры со словесной фактурой и вторичными смысловыми признаками, (характерную, согласно Тынянову, для стихотворного языка)» [Жолковский, 1994, с. 115–116]. В. Шмид на материале рассказа В. Набокова демонстрирует особенности взаимодействия рассказа от первого лица и объективированного повествования. Он полагает, что в «Тяжелом дыме», «поначалу создающем видимость недиегетического рассказа, отдельные немотивированные, как бы нечаянные вкрапления форм первого лица вдруг указывают на то, что описываемый “плоский юноша в пенсне” является не кем иным, как самим нарратором» [Шмид, 2003, с. 85]. Характерно, что и в работе Жолковского, и в книге Шмида подчеркивается значимость внефабульных элементов событийного ряда.

Если рассматривать данную тенденцию в аспекте строения интриги слова, то можно констатировать, что типологическое сходство рассказов заключается в гибридизации эпической и лирической смысловых сфер, выражающейся в парадигматизации «линейного» нарратива, усложнении нарративных мотивировок с помощью стихоподобной композиции, внедрения лирического «я» в диегетический мир. Различие же коренится в нарративной картине мира, авторском мифе, философском контексте и других генерализующих художественные особенности факторах.

В рассказе Бунина «лирическая трансгрессия» осуществляется несколькими способами¹. Во-первых, субституция референтной интриги интригой слова выражается через включение в нарратив эпизодов-медитаций. Повествовательные фрагменты, данные в эпическом прошедшем, обрамляются фрагментами, содержащими глаголы настоящего времени несовершенного вида, которые создают эффект соприсутствия читателя («...стоит новый крест», «...далеко видны памятники»). «Кладбищенские» эпизоды включают и другие маркеры медитативности. Первые абзацы, например, ритмизованы особым образом – большинство синтагм (т. е. ритмических отрезков между паузами) являются так называемыми малыми синтагмами, содержат от 2 до 6 слогов («на кладбище», «крепкий», «тяжелый», «гладкий», «апрель», «дни серые»). Завершается рассказ многократным повтором дейксисов: «это» – «в этом» – «в этом» – «в этом». Тем самым создается эффект «отмены» эпического, т. е. изображаемого времени временем лирической вечности («и теперь это дыхание» – «снова рассеялось»).

Во-вторых, переключение интриги из синтагматического в парадигматический план происходит благодаря серии словесных и звуковых маркеров, связанных с названием рассказа.

Фоника построена таким образом, что аллитерации, основанные на звуках *л* и *д*, становятся семантическим курсивом, воздействующим на читателя. Таким образом, метонимическое обозначение с помощью словосочетания «легкое дыхание» того феномена, сущность которого, по мысли нарратора, «человеческое слово» выразить не может, дополняется звуковыми повторами, также выполняющими роль «микрометонимий», замещающих целое.

¹ О лиризме прозы Бунина см. [Капинос, 2014].

Так, на 50 полнозначных слов первого эпизода приходится 15 слов с повторами сочетаний со звуком *л*, 13 – с повторами сочетаний со звуком *д*. Среди них есть и слова, содержащие обе звуковых доминанты: «кладбище», «гладкий», «далеко», «холодный», «вделан», «медальон». Завершается звукоряд именем Оля («Это Оля Мещерская»), т. е. появление героини связано с «собираанием» ее имени из начальных звуков текста.

Отметим, что сформированная началом текста анаграмма («Оля» – «легкое») повторяется в разных вариациях вплоть до последнего эпизода. Так, эпизод, содержащий повествование о последней в жизни героини зиме, сопровождается звуковым курсивом, акцентирующим *л*: «Оля» – «веселье» – «солнечное» – «ельник» – «скользящую» – «глазами». Повтор аллитераций настолько интенсивен, что звучание «маскирует», отодвигает на второй план фабульное напряжение в центральном эпизоде рассказа – эпизоде встречи Оли с начальницей. Фокализация эпизода построена так, что начальница в какой-то степени уподоблена Парке (Мойре): внимание реципиента привлекается к вязанью и клубку.

– Слушать вы меня будете плохо, я, к сожалению, убедилась в этом, – сказала начальница и, потянув нитку и завертев на лакированном полу клубок, на который с любопытством посмотрела Мещерская, подняла глаза (Бунин, 2006, с. 276).

Если следовать логике В. Проппа, то подобные лиминальные эпизоды (например, встреча с Ягой и получение путевого клубка) следует признать ключевыми элементами событийной интриги. Однако Оля нарушает «правила» поведения в «загробном мире» (на суде Ананке), бросая вызов судьбе, провоцируя ее своим неожиданным признанием. Более того, в рассказе Бунина единое звучание всего речевого потока редуцирует и возможность конфликта, восходящего к сюжету волшебной сказки («старуха» и «мертвая царевна»), и разницу голосов нарратора и персонажей, акцентируя авторскую мифологему – существование надличного, всеобщего бытия.

Если обратить внимание на звуковую «партитуру» упомянутого эпизода, можно обнаружить повторы слогов из доминантной анаграммы «Оля» – «легкое» у всех субъектов речи.

Голос начальницы: «– Слушать вы меня будете плохо, я, к сожалению, убедилась в этом» (Бунин, 2006, с. 276).

Голос нарратора: «– сказала начальница и, потянув нитку и завертев на лакированном полу клубок, на который с любопытством посмотрела Мещерская» (Бунин, 2006, с. 276).

Голос Оли: «...Друг и сосед папы, а ваш брат Алексей Михайлович Малютин» (Бунин, 2006, с. 277).

Смерть героини, т. е. главное событие фабульной интриги (композиционно оформленное так, что предстает результатом разговора с начальницей-«Паркой»), не меняет звукоряд: «...застрелил её на платформе вокзала, среди большой толпы народа» (Бунин, 2006, с. 277). В свою очередь, событийная кульминация дневника Оли звучит сходным образом: «Я закрыла лицо шёлковым платком, и он несколько раз поцеловал меня в губы через платок» (Бунин, 2006, с. 278). Энигматичность эпизода подчеркнута не только своеобразным использованием метафоры «истина под покровом», но и акцентированием звукового и лексического единства голосов нарратора и персонажа, разгадывающим тайну жизни (во встав-

ном тексте, как и в обрамляющем, упоминается солнце, блеск, дейксисы, встречается выражение «сошла с ума» и т. д.).

Необходимо отметить, что и в эпизоде с начальницей, и в эпизоде с классной дамой на кладбище ключевое слово рассказа – «легкий» / «легкое» (и близкие ему варианты) презентуется уже целиком, а не отдельными звуками. В первом случае слово «легко» подчеркивает отличие Оли от других учениц: «и присела так **легко** и грациозно, как только она одна умела». Во втором случае слова «легкое» и «легких» относятся к классной даме и посещению кладбища, где она как бы «приобщается» к легкому дыханию: «Город за эти апрельские дни стал чист, сух, камни его побелели, и по ним **легко** и приятно идти <...> она сидит на ветру и на весеннем холоде час, два, пока совсем не зазябнут её ноги в **лёгких** ботинках и рука в узкой лайке» (Бунин, 2006, с. 278).

Более того, финальные аккорды интриги слова – вопрос героини и «ответ» нарратора – содержат оба слова из заглавия рассказа:

«Лёгкое дыхание! А ведь оно у меня есть, – ты послушай, как я вздыхаю, – ведь правда, есть?»

Теперь это лёгкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре (Бунин, 2006, с. 279).

Шмид, анализируя звуковые повторы в прозе Чехова, приходит к выводу, что «фонический порядок дискурса» может образовывать «сцепление действий, которое в самой истории не осуществлено» [Шмид, 1998, с. 260]. Но в случае Бунина рождение концепта «легкого дыхания» буквально осуществляется в интриге, а момент произнесения слова-интерпретанты занимает место событийного пунта: «...но главное, знаешь ли что? – Лёгкое дыхание!» (Бунин, 2006, с. 279).

Вербальная презентация и событийный слой интриги не противоречат друг другу, а «просвечивают» друг через друга. Если конфигурация фабульной интриги основана на принципе хронологического монтажа событий, заключенного в рамку кладбищенских эпизодов, то этапы интриги слова образуют циклическую последовательность. Название рождает звукоряд, из него появляется героиня, из анаграммы «Оля» – «легкое» складывается повествование о жизни и смерти, постепенно из звукоряда как бы собираются слова «легко» и «легкость». Лирическое звучание (внутренняя речь автора) преобразуется в эпическое событие, зафиксированное извне (с помощью нарратора): слова «легко», «легкость» в повествуемом мире относятся к действиям персонажа («присела легко») или называют атрибуты («легко идти», «легкие ботинки»). Однако во всех случаях они характеризуют движения, что может истолковываться как указание на образ музы (ср. строчку «Хотя у музы легкие шаги...» из стихотворения Н. Гумилева). Дважды повторенное в финале рассказа словосочетание «легкое дыхание» переключает внимание читателя от диегетической сферы к метауровню – авторской интенции, выраженной в заглавии. Таким образом, интрига основывается на структурированной лирического начала нарративным (отсюда ряд деталей, содержащих семантику «рамки», ограничивающей дыхание: крест, венок, медальон, тело, старинная книга).

Анафорический способ введения лирических элементов коррелирует с образом героини-музы, «дыхание» которой присваивает и рассеивает эпический нарратор. Диалог лирики и нарратива втягивает в свою сферу и принципы взаимодействия письменного-звучащего слова. Происходит гибридизация устных свидетельств («пошли толки», «как говорили в гимназии») и письменных текстов

(дневник Оли). Более того, финальная фраза героини демонстрирует, что сведения из «папиной книги» должны быть озвучены, а дыхание услышано: «А ведь оно у меня есть, – ты послушай, как я вздыхаю, – ведь правда, есть?». В данном фрагменте звуковые повторы концентрируются вокруг свистящих и шипящих согласных, звукоподражание выходит на первый план. Но фраза нарратора, завершающая текст, возвращает к доминированию опорных «л», иконическое изображение «дыхания» сменяется символическим.

Внутренний слух и дыхание читателя структурируются речевыми, ритмическими и звуковыми «эквивалентностями». Разрешение ожиданий реципиента происходит в момент обретения героиней и нарратором слов для обозначения «неуловимого». «Легкое дыхание» осознается как элемент узора единой жизни, часть бессубъектного, всеобщего начала, поэтому различие между отдельными кругозорами снимается.

Диалог лирического «легкого дыхания» и нарративной упорядоченности радикально преобразуется в интриге рассказа Набокова, реализуя конфликтный потенциал. Источником поэтического вдохновения, например, оказывается «тяжесть» материального мира (внимание привлекается к «низкой» составляющей творчества: мясо, застрявшее в зубах, перхоть на куртке отца).

В тексте Набокова, как и в рассказе Бунина, используется принцип разворачивания парадигматического элемента (названия) в событийный ряд. Однако вместо звукового кода, маркирующего концепт, заданный заглавием, применяется прием «буквализации» метафорического образа «тяжелого дыма». В повествуемом мире появляется ряд объектов, воплощающих данную тематику, при этом упоминаются не только символические знаки (туман, дым, завывающийся столб), но и вещественные (папиросы, пепел). Нарративная тяжесть воплощается и в синтаксических структурах: предложения осложняются скобками, в которых нарратор дает своеобразные комментарии к изложению истории, тем самым создается эффект двойной наррации.

У Бунина материализация героини в повествуемом мире начинается с собирания имени из звуков, воплощении апрельского ветра в «ветреном» характере. У Набокова большую часть текста (вплоть до эпизода с зеркалом) герой не овнешнен, он является фокализатором повествования и раскрывается как носитель ментального события. В начале рассказа происходит концентрация общих кинематографических планов (видений берлинской улицы) в точку сознания безымянного субъекта мысли и действия.

Тяжесть тела и невозможность движения подчеркивается сходством героя с египетской мумией и одновременно с макрокосмом. Поскольку граница между внешним и внутренним миром оказывается проницаемой, то «внутри» хронотопа героя помещается и «тяжелый дым».

Он спохватился, лежа мумией в темноте, что получается неловко: сестра, может быть, думает, что его нет дома. Но двинуться было невероятно трудно. Трудно, – ибо сейчас форма его существа совершенно лишилась отличительных примет и устойчивых границ; его рукой мог быть, например, переулочек по ту сторону дома, а позвоночником – хребтообразная туча через все небо с холодком звезд на востоке (Набоков, 2002а, с. 553).

Мифологические коннотации поддерживаются и в следующих фрагментах: появление сестры актуализирует сюжет Изиды и Озириса (герой встает с дивана только на зов сестры), на полке в его комнате среди прочих изданий стоит «Сест-

ра моя – жизнь» Б. Пастернака. Если в рассказе Бунина братья героинь не принимают участие в действии (выступают в функции упоминаемых персонажей), то у Набокова, напротив, сестра героя – актант сюжета. Именно она формулирует импульс к «воскресению» мумии и «путешествию» героя по квартире в поисках папирос. Кроме того, к образу сестры-русалки («Вдруг, сквозь зыбкое стекло дверей, появилась, приложенная извне, русалочья рука; затем половины судорожно раздвинулись, и просунулась кудлатая голова сестры» (Набоков, 2002а, с. 554)), воображение героя добавляет еще и образ «утопленницы» (в описании берлинской улицы упоминается восковая маска в витрине магазина, так называемая «Незнакомка из Сены»). Таким образом формируется семантика мертвой музыки. Акцентирование женского начала указывает на своеобразную «андрогинность» поэтического сознания. Гибридизация братско-сестринского, отсылающая и к культурному коду символизма, и к поэтике Пастернака, проявляется в сочетании эротических аллюзий, сопровождающих описание творческого акта, и метафоры беременности («тяжести») и родов, соотносимых с созданием стихотворения.

Он почувствовал, уже не первый, – нежный, таинственный толчок в душе и замер, прислушиваясь – не повторится ли? (Набоков, 2002а, с. 555)

Кроме того, тема мертвой музыки приобретает автокоммуникативное звучание: упоминание утопленницы является отсылкой к одноименному стихотворению Набокова «L'Inconnue de la Seine». Характерно, что и в стихотворении, и в рассказе проблематизируется разделение субъекта речи на «я» и «он».

Торопя этой жизни развязку,
не любя на земле ничего,
всё **гляжу я** на белую маску
неживого лица твоего....

Кто **он** был, умоляю, поведай,
соблазнитель таинственный твой?
Кудреватый племянник соседа –
пёстрый галстучек, зуб золотой?

Или звёздных небес завсегдатай,
друг бутылки, костей и кия,
вот такой же гуляка проклятый,
прогоревший мечтатель, как я?

И теперь, сотрясаясь всем телом,
он, как я, на кровати сидит
в чёрном мире, давно опустелом,
и на белую маску глядит
(Набоков, 2002б, с. 203–204)

Для лирического текста характерен субъектный синкретизм, но для нарратива нормой является различение изображенной и изображающей речи. Однако протагонист рассказа – юноша-поэт – близок нарратору. Показательно, что в пародийном предисловии к англоязычному изданию рассказа Набоков отмечал: герой и автор не похожи ничем, кроме того, что автор жил в похожей берлинской квартире и тоже «писал русские стихи» [Nabokov, 1973, p. 26].

Умножение образов «я» показывает, что, в отличие от произведений Бунина, доминантой нарративной картины мира Набокова является не Всеобщее, а чреватый кризисными состояниями поиск личной идентичности.

На акратическую тональность наррации указывает и пародийная замена «легкости» «тяжестью», и автоцитирование: помимо стихотворения «Незнакомка из Сень» в тексте упоминается и роман Набокова «Защита Лужина», стоящий на полке в комнате героя.

Отметим, что слово «я» или его варианты в рассказе используются в каждом эпизоде. Первый раз оно возникает в медитации о двух атрибутах творчества – дыме (источнике вдохновения) и тетради стихов (материальной рамке вдохновения).

Какой образ примет, наконец, мучительная сила, раздражающая душу? Откуда оно взялось, это растущее во мне? Мой день был такой как всегда, университет, библиотека, – но по мокрой крыше трактира на краю пустыря, когда с поручением отца пришлось переть к Осиповым, стлался отяжелевший от сырости, сытый, сонный дым из трубы, не хотел подняться, не хотел отделиться от милого тлена, и тогда-то именно екнуло в груди, тогда-то...

На столе лоснилась клеенчатая тетрадь... (Набоков, 2002а, с. 554)

Личное местоимение присутствует и в ключевом для интриги слова моменте – перечне книг, присутствующих в комнате героя.

Тут был и случайный хлам (больше всего), и учебники по политической экономии (я хотел совсем другое, но отец настоял на своем); были и любимые, в разное время потрафившие душе, книги, «Шатер» и «Сестра моя жизнь», «Вечер у Клэр» и «*Bal du compte d'Orgel*», «Защита Лужина» и «Двенадцать стульев», Гофман и Гёльдерлин, Боратынский и старый русский Бэдекер (Набоков, 2002а, с. 555).

Основной сюжет европейского нарратива – путешествие в царство мертвых – в данном случае заменяется путешествием по интерпретационным системам. При этом в эпизоде с книжной полкой наррация превращается в фиксацию списка объектов, актуализируя архаический вариант повествования. Герой-читатель становится своеобразным «эхом» адресата рассказа, наличие в вымышленном мире книг из мира реального провоцирует резонанс рецептивного опыта.

Упоминание книг направляет читательское понимание в определенное русло. Например, «Бал у графа д'Оржеля» маркирует тему маскарада и маски, важную для кругозоров героя и автора (восковая маска «Незнакомки из Сень»). Более того, фигура писателя Р. Радиге, умершего в юности, отзывается в повествовании ощущениями «сутуловатого юноши», переживающего лиминальный опыт «выпадения» из внешней жизни во внутреннее пространство творчества. Таким образом, интрига отвечает на ключевой вопрос («Откуда оно взялось, это растущее во мне?») двояко: в событийном плане творческий импульс объясняется впечатлением от тяжелого дыма, в коммуникативном плане – диалогом с культурой.

Творческое состояние отменяет разделенность внешнего и внутреннего восприятия. Главное референтное событие – получение искомым папирос – осложняется очередной манифестацией интриги слова: «он», актанта события, и «я», субъекта речи, соединяются в одной точке.

Выходя из столовой, он еще заметил, как отец всем корпусом повернулся на стуле к стенным часам с таким видом, будто они сказали что-то, а потом начал поворачиваться обратно, но тут дверь закрылась, я не досмотрел (Набоков, 2002а, с. 556).

Примечательно появление я-наррации и в финальном эпизоде рассказа.

Пьяные от итальянской музыки аллитераций, от желания жить, от нового соблазна старых слов – «хлад», «брег», «ветр», – ничтожные, бранные стихи, которые к сроку появления следующих неизбежно зачахнут, как зачахли одни за другими все прежние, записанные в черную тетрадь; но все равно: сейчас я верю восхитительным обещаниям еще не застывшего, еще вращающегося стиха, лицо мокро от слез, душа разрывается от счастья, и я знаю, что это счастье – лучшее, что есть на земле (Набоков, 2002а, с. 557).

Рождение стихотворных строк показано в медитативной манере, в настоящем времени, субъект наррации обнаруживает свою многосоставность (местоимение «я» можно отнести и к герою, и к нарратору, и к имплицитному автору).

Метафора «тяжелого дыма» становится знаком «оплотнения» поэтической интенции. В отличие от текста Бунина, где стихотворение как бы рассеяно в прозе, «хлад» и «ветр» здесь объективированы нарративом, даются как нарочитые поэтизмы, «старые» слова. Акцент переносится со всеобщего, рассеянного в мире, на индивидуальное, субъективное: творческий акт, превращающий «чужие» рифмы в «свои», становится главным событием интриги слова. Вокруг него выстраивается несколько композиционных рамок, образуемых кругозорами героя-поэта, нарратора и имплицитного автора в соответствии с логикой текста-матрешки [Давыдов, 2004].

Изоморфизм жизни и текста служит характерной особенностью модернизма. Поэтому «папина старинная книга» – источник образа дыхания в рассказе Бунина – в случае Набокова заменяется целым рядом книг, объединяющих пространства героя и читателя. Важную роль играет и потенциальная книга героя – «черная тетрадь», требующая новых стихов. Образ «дыхания», выпаривающего за пределы текста [Жолковский, 1994], заменяется образом книги, вбирающей в себя все, в том числе живой «вращающийся» стих. Нарратив Набокова инкорпорирует лирику, которая, оставаясь «своим другим» прозы, преодолевается длительностью эпического рассказа, потенциально включающего в себя всю последующую биографию героя-поэта, модель существования которого представима как чередование отчаяния и откровения.

Таким образом, в анализируемых текстах интрига предстает не столько как манифестация фабулы, сколько как последовательность парадигматических связей между фрагментами, организующих коммуникативное событие. Можно сказать, что в нарративах XX в. интрига слова извлекается из своего рода «слепого пятна» (читатель перестает концентрироваться только на событии, замечает оригинальность речевой сферы). Отказ от универсальных фабульных схем, их замена авторскими конфигурациями эпизодов приводят к созданию различных вариантов баланса референции и вербализации. Нарративный «интерес» читателя основывается не только на постижении событийного опыта автора и героя, но и на интерпретационном потенциале интриги дискурсии.

Список литературы

- Аристотель*. Поэтика / Пер. М. Гаспарова // Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 645–681.
- Бройтман С. Н.* Историческая поэтика. М.: РГГУ, 2001. 420 с.
- Выготский Л. С.* Психология искусства. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
- Галатенко Ю. Н.* Барони Р. Напряжение и разрешение: музыкальность интриги или музыкальная интрига? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение: Реферативный журнал. 2012. № 3. С. 61–67.
- Давыдов С.* «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. СПб.: Кирцидели, 2004.
- Жиличева Г. А.* Интрига как категория исторической нарратологии // Narratorium. 2020. № 14. URL: <http://narratorium.ru/2020/11/29/448/> (дата обращения 27.02.2021).
- Жолковский А.* «Легкое дыхание» Бунина – Выготского семьдесят лет спустя // Жолковский А. Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука; Восточная литература, 1994. С. 103–120.
- Ицук-Фадеева Н. И.* Интрига // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 83.
- Капинос Е. В.* Формы и функции лиризма в рассказах И. А. Бунина 1920-х годов: Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2014. 331 с.
- Рикёр П.* Время и рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. 313 с.; 2000. Т. 2. 224 с.
- Тамарченко Н. Д.* Русский классический роман XX века. Проблемы поэтики и типологии жанра. М.: Изд. центр РГГУ, 1997. 203 с.
- Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1996. 334 с.
- Тюпа В. И.* Введение в сравнительную нарратологию. М.: Intrada, 2016. 145 с.
- Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
- Шмид В.* Проза как поэзия: Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. 352 с.
- Шраер М.* Бунин и Набоков: история соперничества. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 222 с.
- Nabokov V.* Torpid smoke // Nabokov V. A Russian beauty and other stories. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 25–33.
- Sternberg M.* Mimesis and Motivation: The Two Faces of Fictional Coherence // Poetics Today. 2012. № 33. P. 329–483.
- Villeneuve J.* Le sens de l'intrigue ou la narrativité, le jeu et l'invention du diable. Québec: Les Presses de l'Université Laval, 2004.

Список источников

- Бунин И. А.* Легкое дыхание // Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 4. С. 275–279.
- Набоков В.* Тяжелый дым // Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 2002а. Т. 4. С. 552–557.
- Набоков В.* L'Inconnue de la Seine // Набоков В. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2002б. С. 203–204.

References

- Aristotle. *Poetika* [Poetics]. Transl. by M. Gasparov. In: Aristotle. *Soch.: V 4 t. T. 4* [Works: In 4 vols. Vol. 4]. Moscow, Mysl', 1983, pp. 645–681.
- Broytman S. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, RSHU, 2001, 420 p.
- Davydov S. “*Teksty-matreshki*” *Vladimira Nabokova* [“Matryoshka Texts” by Vladimir Nabokov]. St. Petersburg, Kirtsideli, 2004.
- Galatenko Yu. N. Baroni R. Napryazhenie i razreshenie: muzykal'nost' intrigi ili muzykal'naya intriga? [Baroni R. Tensions et resolutions: musicalité ou intrigue musicale?]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: Literaturovedenie: Referativnyy zhurnal*. 2012, no. 3, pp. 61–67.
- Ishchuk-Fadeeva N. I. Intriga [Intrigue]. In: *Poetika. Slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics. The glossary of actual terms and notions]. Moscow, Kulagina Publ., Intrada, 2008, p. 83.
- Kapinos E. V. *Formy i funktsii lirizma v rasskazakh I. A. Bunina 1920-kh godov* [Forms and functions of lyricism in Ivan A. Bunin's stories of the 1920s]. Dr. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2014, 331 p.
- Nabokov V. Torpid smoke. In: Nabokov V. *A Russian beauty and other stories*. New York, McGraw-Hill, 1973. P. 25–33.
- Ricoeur P. *Vremya i rasskaz* [Time and Narrative]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga, 1998, vol. 1, 313 p.; 2000, vol. 2, 224 p.
- Shmid W. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, LRC Publishing House, 2003, 312 p.
- Shmid W. *Proza kak poeziya: Pushkin, Dostoevskiy, Chekhov, avangard* [Prose as poetry. Pushkin, Dostoevsky, Chekhov, Avant-Garde]. St. Petersburg, INAPRESS, 1998, 352 p.
- Shrayer M. *Bunin i Nabokov: Istoriya Sopernichestva* [Bunin and Nabokov: the history of rivalry]. Moscow, Alpina non-fiction, 2014, 222 p.
- Sternberg M. Mimesis and Motivation: The Two Faces of Fictional Coherence. *Poetics Today*. 2012, no. 33, pp. 329–483.
- Tamarchenko N. D. *Russkiy klassicheskiy roman 20 veka. Problemy poetiki i tipologii zhanra* [The Russian classical novel of the 20th century. Problems of poetics and typology of the genre]. Moscow, RSHU Publ., 1997, 203 p.
- Tyupa V. I. *Vvedenie v sravnitel'nyu narratologiyu* [Introduction to comparative narratology]. Moscow, Intrada, 2016, 145 p.
- Tomashevskiy B. V. *Teoriya literatury. Poetika* [Theory of literature. Poetics]. Moscow, Aspekt Press, 1996, 334 p.
- Villeneuve J. *Le sens de l'intrigue ou la narrativité, le jeu et l'invention du diable*. Québec, Les Presses de l'Université Laval, 2004 p.
- Vygotsky L. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art]. Rostov-na-Donu, Feniks, 1998.
- Zhilicheva G. A. Intriga kak kategoriya istoricheskoy narratologii [Intrigue as a Category of Historical Narratology]. *Narratorium*, 2020, no. 4. URL: <http://narratorium.ru/2020/11/29/448/> (accessed: 27.02.2021).
- Zholkovskiy A. “Legkoe dykhanie” Bunina – Vygotskogo sem'desyat let spustya [“Light breathing” of Bunin – Vygotsky seventy years later]. In: Zholkovskiy A. *Bluzhdayushchie sny i drugie raboty* [Wandering Dreams and Other Works]. Moscow, Nauka, Vost. lit., 1994, pp. 103–120.

List of sources

Bunin I. A. Legkoe dykhanie [Light Breathing]. In: Bunin I. A. *Polnoye sobranie sochinenii: v 13 t. T. 4* [Collected Works in 13 volumes. Vol. 4]. Moscow, Voskresenie, 2006, pp. 275–279.

Nabokov V. L’Inconnue de la Seine. In: Nabokov V. *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2002b, pp. 203–204.

Nabokov V. Tyazhelyy dym [Torpid Smoke]. In: Nabokov V. *Sobr. soch. russkogo perioda: v 5 t. T. 4* [Coll. works of the Russian period: in 5 vols. Vol. 4]. St. Petersburg, Simpozium, 2002a, pp. 552–557.

Сведения об авторе

Жиличева Галина Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия), профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)

gali-zhilich@yandex.ru

ORCID 0000-0001-5048-0426

Information about the author

Galina A. Zhilicheva – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methodics of Literature Teaching of the Institute of Philology, Mass Media and Psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation), Professor at the Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation)

gali-zhilich@yandex.ru

ORCID 0000-0001-5048-0426

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/75/10

**«Якутия» А. Е. Строганова.
Художественная деконструкция мифологической идиллии**

И. В. Силантьев, Ю. В. Шатин

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Проблема идиллического пространства занимает важное место в мифопоэтике сибирского текста и по праву может считаться одной из доминирующих мифологем в культуре и литературе народов Сибири. Реализацией этой мифологемы часто служит мифопоэтический топос Беловодья. Беловодье привлекало внимание писателей двух прошедших столетий, в том числе сибирских авторов – А. Е. Новосёлова, М. Плотникова и др. Смена парадигмы реалистического письма письмом постмодернистским, произошедшая на рубеже XX–XXI вв., позволяет по-иному взглянуть на мифологическую идиллию, обнаружить иные пути её художественной деконструкции. В качестве примера деконструкции идиллического мифа эпохи постмодерна рассмотрена пьеса алтайского драматурга А. Е. Строганова «Якутия». Заданная как идиллия безлюдья, холода и аскезы, Якутия в финале чудесным образом превращается в страну радости, света и тепла, т. е. становится противоположной идиллией, более соответствующей традиционной форме типизации. Обращение к идиллии в контексте постмодерна показывает, что она обладает чертами, противоположными реалистической трактовке. Идея коллективного счастья отчётливо заменяется идеей индивидуальной свободы отдельно взятого человека, его экзистенции. Вместе с тем основные, архетипические черты трансформированного мира оказываются весьма близкими к исходному прототипу: оставленный героям мир зла открывает дорогу не идиллии, но новому опыту постижения универсума.

Ключевые слова

мифопоэтика, миф о Беловодье, сибирская литература, А. Е. Строганов, пьеса «Якутия»

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884)

Для цитирования

Силантьев И. В., Шатин Ю. В. «Якутия» А. Е. Строганова. Художественная деконструкция мифологической идиллии // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 137–147. DOI 10.17223/18137083/75/10

© И. В. Силантьев, Ю. В. Шатин, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

“Yakutia” by A. E. Stroganov. Artistic deconstruction of the mythological idyll

I. V. Silantev, Yu. V. Shatin

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The problem of idyllic space occupies an important place in the mythopoetics of the Siberian text and can rightfully be considered as one of the dominant mythologemes in the culture and literature of the peoples of Siberia. The implementation of this mythologeme is often the mythopoetic topos of Belovodye. Belovodye attracted the attention of writers of the past two centuries, including Siberian authors A. E. Novoselov, M. Plotnikov, and others. The change in the paradigm of realistic writing with postmodern writing, which took place at the turn of the 20th – 21st centuries, allows taking a different look at the mythological idyll to discover other ways of its artistic deconstruction. The play “Yakutia” by Altai playwright A. E. Stroganov is considered as an example of deconstruction of the idyllic myth of the postmodern era. Intended as an idyll of desolation, cold, and asceticism, finally, Yakutia miraculously turns into a country of joy, light and, warmth, i.e., it becomes the opposite of the idyll, more consistent with the traditional form of typification. In the context of postmodernism, an appeal to the idyll shows that it has the features opposite to the realistic interpretation. The idea of collective happiness is clearly replaced by the idea of individual freedom of a single person, his existence. At the same time, the main, archetypal features of the transformed world turn out to be very similar to the original prototype: the world of evil left by the heroes opens the way not for an idyll but for a new experience of comprehending the universe.

Keywords

mythopoetics, the myth of Belovodye, Siberian literature, A. E. Stroganov, the play “Yakutia”

Acknowledgments

This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884

For citation

Silantev I. V., Shatin Yu. V. “Yakutia” by A. E. Stroganov. Artistic deconstruction of the mythological idyll. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 137–147. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/10

Беловодье. Мифопоэтика идиллии в сибирском тексте

Проблема идиллического пространства занимает важное место в мифопоэтике сибирского текста и по праву может считаться одной из доминирующих мифологем в культуре и литературе народов Сибири. Реализацией такой мифологемы часто служит мифопоэтический тоpos Беловодья. Вместе с тем по своим основным параметрам конструкция этого топоса отличается от ряда других хронотопических образований. Прежде всего это проявляется в отсутствии чёткой прикреплённости Беловодья к какому-то определённом жанру. Как отметил около полувека назад известный этнолог К. В. Чистов, «легенда о Беловодье по принятой у нас классификации не подходит как будто ни под одно из жанровых определений. Это не просто религиозная легенда, в которой действующими лицами яв-

ляются святые или персонажи из Ветхого или Нового Завета; это не предание в обычном смысле слова, так как речь идёт не об исторических лицах и событиях. Более того, в ней вообще нет ни сюжета, ни действующих лиц» [Чистов, 1962, с. 116].

Сходной точки зрения придерживается и современная исследовательница Т. А. Богумил, отмечающая, что «“мерцающий” характер текста легенды проявляется в отсутствии устойчивого текста при сохранении узнаваемых деталей Беловодья – удалённость и труднодоступность локуса, праведность его насельников» [Богумил, 2018. С. 90]. Естественно, при такой размытости жанра можно ожидать проникновения в тот или иной текст, связанный с Беловодьем, разнообразных, порой взаимоисключающих мотивов. Тем не менее при всех различиях условием развития оказывается устойчивая схема, «включающая три элемента: исход – путь – обретение» [Дутчак, 2007. С.25], где исход является точкой начала повествования, а обретение либо гибель персонажа – конечной.

Беловодье привлекало внимание писателей двух прошедших столетий, в числе которых нельзя не упомянуть Н. В. Гоголя, мечтавшего отправить основных персонажей своей поэмы в Беловодье для обретения духовного преображения. «Тема беглецов, бежавших в Сибирь в поисках своего Беловодья, своего рода крестьянского рая на земле “поддерживает” план духовного просветления и преображения героев в продолжении второго тома “Мёртвых душ”, известных нам по мемуарной литературе и по высказываниям самого Гоголя» [Дмитриева, 2018, с. 135].

Разумеется, проблема Беловодья волновала не только писателей-классиков, но и вызвала пристальный интерес к ней сибирских авторов. Одним из примеров реалистической прозы, связанной с Беловодьем, справедливо считается повесть А. Е. Новосёлова, вышедшая под одноимённым заглавием в 1917 г. «Беловодье» воспроизводит основную сюжетную схему, обогащая её новыми мотивами. Завязка фабулы связана со смертью лучшего алтайского кузнеца Панкрата и его предсмертными словами о Беловодье, идиллическом месте, где «вдоволь воды, земли и леса, и птицы, и злаков всяческих» и где можно обрести духовное преображение. «Не должно там быть власти, от людей поставленной... Тем и свято оно, Беловодье. Ни пашпорта тебе там, ни печати антихристовой... Ничего... Правой вере простор... Живи, как хочешь» [Новосёлов, 1957, с. 52].

Сын Панкрата Панфил, давший отцу клятву найти Беловодье, посвящает этому подвигу всю оставшуюся жизнь. Обладая способностями проповедника, он убеждает староверов совершить несколько путешествий. Во время последнего происходит столкновение крестьян с калмыками, закончившееся гибелью многих участников. «Всё было залито жарким золотом. Но не жизнь и радость, не смех и песни были в знойном молчании – то было великое молчание смерти. Она была близко, была разлита повсюду и спокойно, открыто смотрела беловодцам в глаза. К ней подошли вплотную» [Там же].

В финале брошенный староверами, одинокий Панфил гибнет. И прежде чем оставить этот мир, видит великолепную идиллию Беловодья. «Но, верно, только того и ждало море – озеро святое. Подступило к самому холму и открылось Панфилу в красоте своей великой – с островами, скитальцами и храмами. Ликующим, радостным звоном зазвенели невидимые по лесам и под водой колокола. Подошла к холму лодка. Панфил, ясный и спокойный, поплыл к тихой обители» [Там же]. В реалистической прозе А. Е. Новосёлова исследователи справедливо обнаруживают демистификацию ветхозаветного сюжета о земле обетованной. В «Беловодье» «повествователь переиначивает ветхозаветный сюжет: исход из пустыни

обеспечивает не преданность догмату, но рационалистический анализ ситуации, место смиренного Панфила занимает деятельный Хриносиф, единственный, способный свободно принимать решения» [Ковтун, 2010, с. 141].

Многие десятилетия пролежала неопубликованной другая повесть о Беловоде – произведение талантливого русского писателя первой трети XX в. Михаила Плотникова, о которой пишет Е. А. Папкина [2011] в исследовательском предисловии к ее изданию в журнале «Сибирские огни». «Выдержанный в высокой эмоциональной тональности финал повести М. Плотникова, имеющий ярко выраженный религиозный смысл, несмотря на слова о “наивной вере”, без сомнения, не давал никаких оснований для ее публикации в советской печати в 1925 г.», – пишет исследовательница [Там же, с. 139].

Смена парадигмы реалистического письма письмом постмодернистским, произошедшая на рубеже XX–XXI вв., позволяет по-иному взглянуть на мифологическую идиллию, обнаружить иные пути её художественной деконструкции. «В эпоху модерна происходит переход от собственно локальных мифов к мифам транслокальным, или панлокальным, то есть к таким устойчивым нарративам и образам, которые как бы заранее воспринимаются и воображаются в качестве необходимой и неотъемлемой онтологии пространства, фиксируемого не только и не столько конкретными психофизиологическими местами, сколько интенсивными коммуникативными стратегиями проникновения, выхода в пространства смежные, пограничные или метагеографические» [Замятин, 2009, с. 14]. В качестве примера деконструкции идиллического мифа эпохи постмодерна мы попытаемся рассмотреть пьесу земляка А. Е. Новосёлова алтайского драматурга А. Е. Строганова «Якутия».

Художественный феномен «Якутии»

Пьеса известного барнаульского писателя и психотерапевта А. Е. Строганова отчётливо вписывается в систему поэтики сибирского текста, поскольку, как справедливо заметил исследователь, «Сибирь с её каторгами, пересыльными тюрьмами, принудительными поселениями и одновременно искателями счастья (переселенцами) в национальном сознании мифологизировалась, стала достоянием “доксы”, общепонятным хронотопическим образом некоторого присутствия человека в мире» [Тюпа, 2002, с. 27]. При этом Якутия с её удалённостью, малонаселённостью и экстремальным климатом заняла в сибирском тексте важное место как особая сакральная зона, попадая в которую персонажи оказываются в ситуации смещённой реальности, когда их поступки не подчиняются стандартным правилам, но требуют изобретения новых, отвечающих на открывающиеся вызовы. Вот почему Якутия как определённый мифопоэтический хронотоп не только привлекала внимание писателей реалистического направления, но и хорошо вписывалась в художественные принципы модернистов и постмодернистов.

А. Е. Строганов обозначил жанр своей пьесы как идиллию, хотя уже первые строки авторских ремарок заставляют усомниться в наличии идиллического начала. Известно, что в традиционной идиллии «жизнь и её события не отделимы от конкретного пространственного уголка, где жили отцы и деды, будут жить дети и внуки. Пространственный мирок этот ограничен и довлеет себе, не связан существенно с другими местами, с остальным миром, но локализованный в этом ограниченном пространственном мирке ряд жизни поколений может быть неограниченно длительным» [Бахтин, 1975, с. 374].

В пьесе алтайского драматурга Якутия – райское место, где живут два героя, муж и жена – Мура и Якут. Они на склоне лет умудрились построить для себя идиллию, потому что «в нашей, точнее, в их Якутии нет людей. Никого. Ни одного путника. Ни одного отшельника. Никого из тех, кто мог бы причинить нашим персонажам хоть какое-либо, пусть даже пустяковое или невольное зло» (Строганов. Якутия)¹. Таким образом, Якутия, в отличие от Беловодья, противопоставлена остальному миру не как утопическое торжество всеобщего блага, но как отсутствие зла, неизбежно присутствующего в покинутом героями мире. Благодаря тому, что с первых строк основным мотивом становится мотив не коллективной утопии, но мотив эскапизма, бегства от мира, само строение идиллической конструкции оказывается под большим вопросом. Другим важным минус-мотивом становится мотив отказа от прошлого, связанный с потерей памяти нашими героями.

«МУРА. Видишь ли, Якут, я просила тебя не вспоминать прошлое, просила не вспоминать прошлое, не говорить о прошлом, но к будущему это не относится. О будущем-то я, напротив, прошу тебя рассказать. ЯКУТ. Но там ничего нет, говорю же (Пауза). МУРА. Что, там нет снега? ЯКУТ. Ну почему же, снег там есть. МУРА. Значит, там что-то есть? ЯКУТ. Да, конечно, снег, много снега... Много снега... Сперва, Мура, мне показалось, что там, в будущем, и нет ничего. Но зато, когда я присмотрелся, я увидел. И знаешь, что я увидел, Мура?.. Снег, много снега» (Строганов. Якутия).

На месте обозначенной идиллии в пьесе возникает драма сознания, в круг проблематики которой «входит проблема памяти как отражение прошлого, отодвинутого во времени (механизм вспоминания, искажения памятью данного реального ощущения). Отсюда в пьесах Строганова вариативность событий, изображённых с разных точек зрения» [Купцова, 2013, с. 156]. И так, в создаваемой автором мифопоэтике Якутии прошлое нестабильно и допускает наряду с забвением ряд произвольных интерпретаций, а будущее представляется бесконечно длящимся пространством, заполненным снегом, и полностью лишённым событийности временем.

Вместе с тем полифонизм словесной партитуры в драме «Якутия» отчётливо указывает на перевод трансляции мифа в иную плоскость – плоскость эпического театра Брехта. Любой миф, как мы знаем, исключает критическое отношение. «Миф основан на внушении, он должен производить непосредственный эффект, неважно, что потом миф будет разрушен, ибо предполагается, что его воздействие окажется сильнее рациональных объяснений, которые могут опровергнуть его позже» [Барт, 1989, с. 97]. Эпический театр и эпическая драма, напротив, предполагают рациональное объяснение ситуаций и вытекающих из них действий актёров.

В пьесе Строганова такая рационализация достигается двумя способами. Во-первых, расширенными ремарками, составляющими едва ли не половину текстового объёма «Якутии», в которых создатель пьесы пытается объяснить поступки персонажей и те средства, которыми они осуществляют диалог. Уже во введении присутствует большое число объясняемых автором мотивов. «Перед нами то, вполне вероятно, единственное место на Земле, где два человека на склоне лет умудрились построить идиллию» (Строганов. Якутия); или попытка объяснить

¹ Здесь и далее пьеса цитируется по: *Строганов А. Е. Якутия*. URL: http://lit.lib.ru/s/stroganow_a_e/text_0550.shtm/.

происхождение имени главного героя: «Допустим, Якут – фамилия, нередко жёны называют до самой смерти своих мужей по фамилии, как бы не позволяя им окончательно раствориться в себе» (Строганов. Якутия). Точно так же объясняется место действия. «Закономерен вопрос, отчего Якутия, а не какая-нибудь Мурия с олеандрами и кипарисами выбрана персонажами для идиллии? Ответ прост. В нашей, точнее, в их идиллии нет людей. Никого» (Строганов. Якутия).

Другой важной отсылкой к принципам эпического театра становятся авторские указания актёрам, как играть ту или иную сцену. Так, в ремарке ко второму эпизоду первого действия «Иголка в подушке» указывается, что «данная сцена представляется автору весьма пластичной. Сцена – игра, баловство, этакое просоночное дуракаваляние» (Строганов. Якутия). Как заметил в своё время создатель эпического театра, «предпосылкой для применения “эффекта отчуждения”... является освобождение сцены и зрительного зала от всего магического, уничтожение всяких “магнитных полей”» [Брехт, 1960, с. 143]. Таким образом, Строганов одновременно задаёт основные координаты мифопоэтического действия, реализуемых в процессе диалога двух действующих лиц, и тут же разрушает их посредством авторских ремарок.

Особое место занимает в структуре «Якутии» сюжет, точнее его соотношение с фабулой пьесы. В теоретической статье «Парареализм» Строганов отводит сюжету в драматическом тексте своеобразную роль. «В свете обретенных в начале прошлого века психоаналитических знаний сюжет теряет привлекательность, жмёт. Но до конца избавиться от него означает прийти к театру абсурда. Велик соблазн. Но от этого я удерживаюсь, балансирую, берегу независимость»².

В «Якутии» существует некое подобие фабулы, которое и оказывается последним бастионом, удерживающим текст от драмы абсурда. Вместе с тем спорадические попытки автора, которому всячески сопротивляются персонажи, приводит к усилению описания, вступающего в борьбу с элементами действия и ослабляющего собственно сюжет. «Ибо сюжет – это всегда назидание, убеждение, ткань жёсткая, порой мёртвая, и финал всякого сюжета печален. Счастливый финал, happy-end, также печален и назидателен. Крепкий сюжет развращает и разрушает души. Китайская казнь, газовая камера, вакуум рано или поздно вызывают отторжение, как великие писатели после школьного урока литературы»³.

Различные способы защиты от превращения фабулы в развёрнутый сюжет, представленные в «Якутии», вызывают отчётливый эффект ретардации, или того, что сам писатель называет синкопированием, обуславливающим, кроме всего прочего, разрыв между отдельными сценами, превращая их в завершённые фрагменты. Действительно, обилие повторов, пауз, рифмующихся ситуаций и отдельных высказываний, пожалуй, единственное, что сближает реплики героев с авторскими высказываниями. Так, Якут, рассказывая Муре о добыче алмазов, замечает, как те прячутся в его следах. «Не по середине шага, не на виду, а как-то в уголке... в носочке или пяточке... нужно присмотреться, чтобы их разглядеть... не кричат на солнце (...) Выглядывая из-под снега, смотрят на тебя... во взгляде робость... живые» (Строганов. Якутия).

Впрочем, словесное изобилие на фоне медленного течения действия – не единственный способ предотвратить искушение развёртывания сюжета. Гораздо большее значение, на наш взгляд, имеет тотальная семиотизация текста «Якутии»,

² См.: *Строганов А. Е.* Парареализм. URL: <http://www.stroganow.ru/pararealism/>.

³ Там же.

выражающаяся в смещении акцента со словесных знаков на знаки индексальные и иконические. Например, в четвёртом эпизоде первого действия – «Встреча» – реплики состоят из двух слов-имён, которыми обмениваются персонажи, обращаясь друг к другу. Благодаря этому денотативный слой диалога стремится к нулевому значению, но происходит усиление коннотативного эффекта: с каждой повторяющейся репликой, сопровождающей разглядывание горки льдинок, возрастает накал волнения Якута и Муры.

В следующем эпизоде – «Узор» – слов нет вообще, а всё действие развёртывается как партитура жестов, обозначенных в ремарке. «Якут и Мура складывают из льдинок узор на столе. При этом они то и дело перемещаются вокруг стола, помогают друг другу руками и руками же спорят. Оттого, что льдинки быстро тают, они очень и очень спешат» (Строганов. Якутия).

В поэтической системе текста «Якутии» фабула как бы проступает сквозь узоры деталей и различного рода знаковых образований. Собственно фабула – это единственное, благодаря чему заявленная мифологическая идиллия обнаруживает себя. Толчком, приводящим механизм фабулы в движение, является эпизод, в котором герой нарушает запрет на упоминание прошлого. Якут, говоря о блаженном состоянии случившегося инсульта, неожиданно вспоминает имя умершего сына – Бибигона. Прорыв в область сознания лишает персонажа прежнего состояния, где «инсульт – это очень интимное (...) Почти что, как смерть... Да, так оно и есть, то же блаженство» (Строганов. Якутия). Конец беспамятства оказывается концом Якутии и связывается с разрушением идиллии и приходом Бибигона. «У нас в Раю, гость из Ада, Бибигон», – говорит Мура (Строганов. Якутия).

Далее Якут душист Бибигона, убивая его во второй раз, бальзамирует его тело. Затем в финале Бибигон снова оживает. В седьмом эпизоде – «Едоки земляники» – оживший Бибигон «неотразим и элегантен. На нём крахмально белая сорочка, иссиня чёрный костюм с бабочкой. Кажется, что он стал моложе. Мура и Якут не сводят глаз со своего сына. Все с аппетитом едят землянику» (Строганов. Якутия). В конце Якут и Бибигон катают Муру на велосипеде.

Как видим, фабула «Якутии» складывается из наложения двух мифологем: разрушаемой идиллии и мифологемы мёртвой и живой воды, благодаря которой осуществляется трансфигурация Бибигона, а вместе с этим и изменение основных пространственных координат. «Бибигон со скрипом открывает дверь. В комнату устремляется нестерпимо яркий свет» (Строганов. Якутия). Если так можно выразиться, «недосюжетность» фабулы приводит к новому измерению в пьесе, где, по словам О. Купцовой, «конфликт, заложенный в разрыве между ощущениями и возможностью / способностью описать эти ощущения для себя и для других, между фрагментарностью переживаний и необходимостью выстраивать фабулу при саморефлексии и тем более при “рассказе”, подразумевающим адрес, собеседника, слушателя, становится универсальным в драматургии Строганова и Клима. Именно этот конфликт обусловливается непониманием персонажем самого себя (сложность самоидентификации) и взаимоотношением между персонажами (проблема коммуникации)» [Купцова, 2013, с. 155].

Наконец, говоря о принципе разрыва, используемого для деконструкции мифологической идиллии, нельзя не вернуться к вопросу об антитезе ремарки и реплики как основных элементов драматического текста. Начиная с Бернарда Шоу, ремарка качественно изменяет свою функцию, перестаёт быть техническим руководством к передвижению актёра на сцене. Теперь её роль сводится к усилению эпического начала в качестве контрапункта к действию. Сто лет спустя после от-

крытия Бернарда Шоу, в последние десятилетия прошлого века, ремарка как единица драматического текста переживает второй этап трансформации. Теперь эпос отчётливо вытесняется лирикой, а сами ремарки начинают всё больше напоминать нечто среднее между свободным стихом и лирической прозой. Такая тенденция достигает пика у современных молодых драматургов, например, в некоторых пьесах Оли Мухиной ремарки вообще представлены классическим стихом с рифмами, тогда как реплики сохраняют характер обыденной речи.

У Строганова в «Якутии» ремарки тяготеют к лирической прозе, фиксируя разнообразие оттенков чувств и ощущений героев, которые по аналогии переносятся на мир вещей – предметы театральной декорации. «Несколько перекошенный, растрёпанный, а потому живой абажур под потолком»; «подушки, пуфики, думки волнуются, шевелятся, расступаются»; «врата шумно и тяжело разверзаются»; а над героями, поедающими картофель, «гримасничают клубы пара». Количество подобных примеров легко увеличить.

Совершенно иначе строятся реплики героев. В их основе лежит принцип особой ритмической организации. Этот принцип можно определить как эффект резонанса, когда высказывания одного из персонажей тут же подхватываются и дублируются другим героем. Создаётся впечатление, что общий речевой поток как бы переливается из одного сосуда в другой. Как показали исследования Ж. Лакана, основная функция бессознательного заключается не в том, чтобы информировать, но в том, чтобы вызывать в сознании другого адекватные самому себе представления. «В языке я идентифицирую себя, но лишь для того, чтобы затеряться в нём как объект. В моей истории реализуется не прошедшее время, выражающее то, что было, ибо его уже нет, и даже не перфект, выражающий присутствие того, что я был, в том, что я есть сейчас, а скорее предшествующее будущее: то, чем я буду в прошедшем для того, чем я теперь становлюсь» [Лакан, 1995, с. 63]. Трудно сказать, насколько осознанно Строганов конструирует речь своих персонажей по лекалам лакановских исследований, однако аналогия здесь налицо.

Другой важной особенностью речи героев «Якутии» становится их рефлексия над звуковой составляющей дискурса и желание переименовывать предметы, дать им новые имена. Во втором действии Якут признаётся, что земляника на самом деле «лизия. Так я назвал землянику... Название для Якутии (...) “эль” на кончике языка. Это когда ты только что положил ягоду в рот. Прохладную. Всегда прохладную. Всегда льдинку. “Эль”. И тотчас фейерверк (...). Что за чудо эта лизия!.. В голове кружится “зея”; “лизея”, но в “е” кроется опасность. Чувствуешь опасность? Змеиное нечто... Нет, только лизия, и никак больше (Строганов. Якутия). Как известно, на ранних этапах развития языка отношения между означающим и означаемым были иными, нежели сейчас, более иконическими, ориентированными на сходство звука и смысла, поэтому нет ничего удивительного, что изобретая специальный язык для Якутии, Якут реализует указанный принцип.

Таким образом, в системе современной драматургии приёмы работы с мифопоэтическим пространством характеризуются рядом особенностей, которые мы и стремились показать. Заданная как идиллия безлюдья, холода и аскезы, Якутия в финале чудесным образом превращается в страну радости, света и тепла, т. е. становится противоположной идиллией, более соответствующей традиционной форме типизации. Однако вопрос остаётся. Трудно сказать, насколько герои оказались вписанными в новое пространство. Мура, похоже, увидела чеховское небо

в алмазах. Но его свет ослепил Якута. Последняя его фраза: «Ничего не вижу», – завершает драму Строганова.

Заключение

Обращение к мифологической идиллии в контексте постмодерна показывает, что она обладает чертами, противоположными реалистической трактовке. Идея коллективного счастья отчётливо заменяется идеей индивидуальной свободы отдельно взятого человека, его экзистенции. Вместе с тем основные, архетипические черты трансформированного мира оказываются весьма близкими к исходному прототипу: оставленный героями мир зла открывает дорогу не идиллии, но новому опыту постижения универсума.

Список литературы

- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
- Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 234–407.
- Богумил Т. А.* Беловодье: легенда, миф, бренд // Культура и текст. 2018. № 3. С. 89–102.
- Брехт Б.* О театре. М., 1960.
- Дмитриева Е. Е.* Миф о Беловодье, опоньское царство староверов-бегунов и загадка второго тома «Мёртвых душ» // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 3. С. 116–143.
- Дутчак Е. Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таёжных общин староверов-странников. Томск, 2007.
- Замятин Д.* Локальные мифы: модерн и географическое воображение // Обсерватория культуры. 2009. № 2. С. 14–23.
- Ковтун Н. В.* Идея земного рая в повести А. Е. Новосёлова «Беловодье» // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск, 2010. С. 133–143.
- Купцова О.* «Драма сознания» Александра Строганова и Клима // Acta universitatis Lodzianensis. Folia litteraria rossica. 2013. С. 151–163.
- Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.
- Панкова Е. А.* «Беловодье» Михаила Плотникова: русская литература 1-й трети XX в. в поисках крестьянского рая // Сибирские огни. 2011. № 4. С. 133–139.
- Строганов А. Е.* Парареализм. URL: <http://www.stroganow.ru/pararealism/>.
- Тюпа В. И.* Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 28–35.
- Чистов К. В.* Легенда о Беловодье // Тр. Карельского филиала Академии наук СССР. Петрозаводск, 1962. Вып. 35. С. 116–181.

Список источников

- Новосёлов А. Е.* Беловодье. Барнаул, 1957.
- Строганов А. Е.* Якутия. URL: http://lit.lib.ru/s/stroganow_a_e/text_0550.shtm/.

References

- Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow, 1989.
- Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in the novel]. In: Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let*.

nykh let [Questions of literature and aesthetics. Studies of different years]. Moscow, 1975, pp. 234–407.

Bogumil T. A. Belovod'e: legenda, mif, brend [Belovodie: legend, myth, brand]. *Culture and text*. 2018, no. 3, pp. 89–102.

Brekht B. *O teatre* [About the theater]. Moscow, 1960.

Chistov K. V. Legenda o Belovod'e [Legend of Belovodiye]. *Tr. Kare'skogo filiala Akademii nauk SSSR*. 1962, iss. 35, pp. 116–181.

Dmitrieva E. E. Mif o Belovod'e, opon'skoe tsarstvo staroverov-begunov i zagadka vtorogo toma "Mertvykh dush" [The myth of Belovodie, the opan kingdom of the old believers-runners and the riddle of the second volume of Dead Souls]. *Studia Litterarum*. 2018, vol. 3, no. 3, pp. 116–143.

Dutchak E. E. *Iz "Vavilona" v "Belovod'e": adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov* [From "Babylon" to "Belovodye": adaptation possibilities of taiga communities of old believers-strangers]. Tomsk, 2007.

Kovtun N. V. Ideya zemnogo raya v povesti A. E. Novoselova "Belovod'e" [The idea of the earthly paradise in the story of A. E. Novoselov "Belovodye"]. In: *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [Siberian text in the national narrative space]. Krasnoyarsk, 2010, pp. 133–143.

Kuptsova O. "Drama soznaniya" Aleksandra Stroganov i Klima ["Drama of consciousness" of Alexander Stroganov and Klima]. *Acta universitatis Lodziensis. Folia litteraria rossica*. 2013, no. 8, pp. 151–163.

Lakan J. *Funktsiya i pole rechi i yazyka v psikhoanalize* [The function and field of speech and language in psychoanalysis]. Moscow, 1995.

Papkova E. A. "Belovod'e" Mikhaila Plotnikova: russkaya literatura 1-y treti 20 v. v poiskakh krest'yanskogo raya [Mikhail Plotnikov's Belovodye: Russian literature of the 1st third of the 20th century in search of a peasant paradise]. *Sibirskie ogni*. 2011, no. 4, pp. 133–139.

Stroganov A. E. *Pararealizm* [Pararealism]. URL: <http://www.stroganow.ru/pararealism/>.

Tyupa V. I. Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoy literatury [Mythologem of Siberia: to the question of the "Siberian text" of Russian literature]. *Siberian Journal of Philology*. 2002, no. 1, pp. 28–35.

Zamyatin D. Lokal'nye mify: modern i geograficheskoe voobrazhenie [Local myths: modernity and geographical imagination]. *Observatory of Culture*. 2009, no. 2, pp. 14–23.

List of sources

Novoselov A. E. *Belovod'e* [Belovodye]. Barnaul, 1957.

Stroganov A. E. *Yakutiya* [Yakutia]. URL: http://lit.lib.ru/s/stroganow_a_e/text_0550.shtm/.

Сведения об авторах

Силантьев Игорь Витальевич – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

silantev@philology.nsc.ru

ORCID 0000-0002-1399-8960

WoS Researcher ID S-7121-2016

Шатин Юрий Васильевич – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

i.shatin@g.nsu.ru

ORCID 0000-0002-2725-2836

Information about the authors

Igor V. Silantev – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher at the Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

silantev@philology.nsc.ru

ORCID 0000-0002-1399-8960

WoS Researcher ID S-7121-2016

Yuri V. Shatin – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher at the Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

i.shatin@g.nsu.ru

ORCID 0000-0002-2725-2836

УДК 821.161.1; 82-312.7
DOI 10.17223/18137083/75/11

Андрогинные мотивы в романе Лены Элтанг «Побег куманики»

Е. А. Полева

*Томский государственный педагогический университет
Томск, Россия*

Аннотация

Роман Лены Элтанг «Побег куманики» вписывается в традиции модернизма, где образы андрогина связаны с проблемой поиска и обретения «умопостигаемой целостности» (И. А. Ерошина). В статье анализируются приёмы воплощения андрогинных мотивов (автоассоциативная интертекстуальность, вариативность восприятия реальности, репрезентация себя как женщины, гомосексуальная интенция героя; отношения двойничества с разнополюми персонажами), варианты реинтеграции в себе и своём тексте противоположных свойств и сущностей. Андрогинные мотивы в романе связаны с темами творчества и любви, антонимичные им – мотивы осколков, распада, отсутствия любви. В сюжетных линиях персонажей проверяются разные способы преодоления разъединения, энтропии достижения целостности: Оскар Тео Форж обращается к алхимии, а Морас – к созданию текста, фиксирующего жизнь сознания. Но все способы лишь проявляют ограниченность человеческих возможностей. Андрогинность остаётся невоплотимым идеалом, что и обусловило «побег» (уход в трансцендентное изменение и сохранение / «прорастание» в своём тексте) центрального героя в финале романа.

Ключевые слова

Лена Элтанг, модернизм, литература русской эмиграции, мотив, андрогин, самоидентификация

Для цитирования

Полева Е. А. Андрогинные мотивы в романе Лены Элтанг «Побег куманики» // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 148–160. DOI 10.17223/18137083/75/11

Androgynous motives in the novel “Pobeg Kumaniki” (“Bramble Sprout”) by Lena Eltang

E. A. Poleva

*Tomsk State Pedagogical University
Tomsk, Russian Federation*

Abstract

The novel “Pobeg Kumaniki” (“Bramble Sprout”) by Lena Eltang fits in with traditions of modernism, where the images of the androgyny are related to the problem of finding and ob-

© Е. А. Полева, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

taining “intelligible integrity.” The paper analyzes the methods of embodying androgynous motives (auto-associative intertextuality, temporal and gender variability of perception of reality, Moras’ representation of himself as a woman, the homosexual intention of the hero, the relationship of duality with different-sex characters, etc.). The novel reveals the androgyny semantics in the context of the split Self and the search for the fundamental basis that would unite the parts into a whole. Androgynous motives correlate with the themes of creativity and love. It is due to the desire to compensate for the brother’s dislike and parting with him that Moras creates the text. The absence of love is one of the novel’s central manifestations of the splinter motif (disintegration, separation) that is antonymous to androgyny. The storylines of the two characters (Forge and Moras) test different ways of achieving integrity. Two vectors of movement towards wholeness are revealed: one towards complexity, multidimensionality (combining the diversity of the world and the Self in consciousness and text) and one towards simplification (the disappearance of fragmentation in the state of the embryo, representing pure potency). However, all the methods only manifest the limitations of human capabilities. Androgyny is still an ideal not to be realized during earthly existence. Therefore, the Central character disappears in the finale.

Keywords

Lena Eltang, modernism, literature of Russian emigration, motif, androgynous, self-identification

For citation

Poleva E. A. Androgynous motives in the novel “Pobeg Kumaniki” (“Bramble Sprout”) by Lena Eltang. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 148–160. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/11

Лена Элтанг уехала из России в 1980-е гг., живёт в Литве, пишет на русском языке. Её первый роман «Побег куманики» (2006, вторая редакция – 2009) отчетливо вписывается в традиции модернизма: лейтмотивное построение повествования, неомифологизм, субъективное проживание времени персонажами, поэтика потока сознания, характерная тематика [Фролова, 2012; Михайлова, Самойленко, 2013; Коврижных, 2015]. Наряду с темами памяти, времени, творчества сквозными в романе являются андрогинные мотивы.

В пока малочисленной критике и исследованиях указывается на неопределённость «гендерной принадлежности» центрального персонажа романа Мораса (Мозеса / Мо). Однако этот факт констатируется без интерпретации: «...Морас носит женскую одежду, называет себя женщиной, другие персонажи не могут определить сразу его пол» [Улюра, 2010, с. 267]. Е. В. Чупракова считает, что «женственность» Мораса подтверждает тенденцию изображать современными «авторами-женщинами» (Элтанг ставится в один ряд с Л. Улицкой, Л. Петрушевской и др.) «“слабых” мужчин, не соответствующих стереотипам доминантности» [Чупракова, 2019]. На наш взгляд, андрогинность Мораса, прямо обозначенная в повествовании («абрикос – это цветок андрогинов, ... мы тут гадали – девушка вы или парень»¹ [Элтанг, 2009, с. 169]²), имеет не социальное, а мировоззренческое значение и может быть рассмотрена в контексте романтико-модернистских традиций толкования андрогина.

И. А. Едошина, автор диссертации о модернизме начала XX в., отмечала, что тема андрогина связана с проблемой раздробленности бытия [Едошина, 2002,

¹ Здесь и далее сохранена авторская орфография, отражающая специфику наррации персонажа.

² В дальнейшем ссылки на это издание делаются в круглых скобках с указанием страниц.

с. 52–159; 2017]. «Андрогин есть образ умопостигаемой целостности, коей жаждали деятели модернизма...», это «идеальная форма будущепрошлого времени», символ гармоничного соединения разрозненного, распавшегося [Едошина, 2017, с. 62, 63]. Интерес к образу андрогина литература модернизма наследует от романтиков (а те – из античной мифологии и «Пира» Платона³), для которых вопросы поиска второй своей половины, обретения цельности Я были первостепенными. Кроме этого, романтики усматривали в андрогинности проявление демургических возможностей человека, соединяющего в акте созидания мужское (оплодотворяющее) и женское (рождающее) начала [Абдуллаев, 2011].

Представление о вариантах проявления семантики андрогина даёт исследование М. Элиаде «Андрогин и Мефистофель, или Тайна целостности». Учёный приходит к выводу, что семантикой андрогинности обладают и ритуалы жертвоприношения («жертва оказывается... средством восстановления первичного единства» [Элиаде, 1998, с. 16]), и «гомосексуальная практика... коль скоро во время инициации неопиты объединяют в себе оба пола», и «интерсексуальные переодевания» [Там же, с. 27–28]. М. Элиаде резюмирует: «...мы отмечаем ритуальное “воссоединение”, реинтеграцию противоположностей... По сути, речь идет о символической реставрации Хаоса, недифференцированного единства, предшествующего Творению, и этот возврат к хаотическому претворяется... в мощнейшее возрождение» [Там же, с. 28–29]. Так достигается – «как в космическом, так и в антропологическом плане – ...полнота, таившая в себе все возможности» [Там же, с. 28].

Названные М. Элиаде варианты андрогинности проявляются в романе «Побег куманики» лейтмотивно. «Смысловые пятна» [Гаспаров, Паперно, 1979] с этой семантикой репродуцируются в тексте, «накапливая смысл». В особенности значима семантика единения «всех возможностей», соотносимая с центральной в творчестве Элтанг темой «других возможностей». Работа М. Элиаде об андрогине входит в сознание не только автора романа, но и центрального персонажа: Морас признаётся, что писал по «*Méphistophélès et l'Androgyne*» курсовую работу в университете (с. 298).

Центральные герои романа – бывший студент университета, пациент клиники для душевнобольных Морас; бывший профессор, работник архива Оскар Тео Форж; археолог Фиона (между ними устанавливаются отношения двойничества, вероятно, они представляют «другие возможности» одного Я) – полилингвы, знатоки древних культур, как и ещё один значимый персонаж Джоан Фелис, чей голос служит выражением внешней по отношению к Морасу позиции читателя и интерпретатора его личности. Их широкий кругозор объясняет поливариативность образов, отсылающих в романе к семантике андрогинности (как, впрочем, и других сквозных мотивов и тем в романе).

Соотнесение центральным персонажем себя с героями античной мифологии (Тиресием, который изведает «свойства обоих полов» [Мифы народов мира, 1978], а также богинями войны Афиной и любви Афродитой) (с. 13, 16, 272) проявляет

³ Платоновский интертекстуальный код задан уже в названии первой части романа: «Ангел на песке. Шога». В диалоге «Тимей», по утверждению А. Ф. Лосева, «хора» обозначает «круговое движение вечного бытия в самом себе, движения, не знающего пространственных перемен и не зависящего от перемены» [Лосев, 1971, с. 673]. Такое понимание «хоры» соотносится с выстраиваемым Элтанг «мифом» центрального персонажа, его мировоззрением. Отсылкой к Платону семантика заглавия не ограничивается, однако постструктуралистское переосмысление термина Ю. Кристевой не входит в задачи этой статьи.

специфику процесса самоидентификации персонажа: он обнаруживает в себе проявление разнонаправленных и даже противоположных свойств (эроса и танатоса, феминности и маскулинности)⁴.

И. А. Едошина отметила, что «в элевсинских мистериях мужчина “утрачивал” пол в специальном соотношении себя с богиней, а не с богом» [Едошина, 2017, с. 62], и через такой ритуал реконструировалась андрогинность, наделённая значением антропологической полноты. В романе же попытка такой реконструкции отнесена в область воображения и желаний персонажа, который периодически заявляет: «я сам женщина» (с. 75), однако видение себя в женских образах выражено в сослагательном наклонении, в вопросительной интонации, т. е. отражает *внутреннюю интенцию, но не социальную и физиологическую действительность*.

Это формирует в контексте темы андрогина романтико-модернистские по своему генезису мотивы, во-первых, невоплотимости идеала в эмпирической реальности, во-вторых, непонятости героя другими. Окружающие странную для них психокогнитивную идентичность Мораса переводят в социальный и физиологический дискурс и воспринимают агрессивно: называют «педиком», по прибытии на Мальту над ним зло шутят, забрав одежду, и он вынужден сойти с корабля на берег в красном женском платье (с. 82). Так соотносённость с пенорождённой Афродитой травестийно снижается.

Базовое противоречие в сознании Мораса – ему «хочется любить их (людей, мужчин и женщин. – Е. П.), но страшно с ними соединиться» (с. 11). Морас девственен и не может определиться, с кем бы хотел иметь близость: «мне нравятся разные люди, я даже *не сразу понимаю, мальчики они или девочки*» (курсив мой. – Е. П.) (с. 11). В анкете на сайте знакомств он приписывает «девушкам можно не беспокоиться», отвечает на письмо Лукаса и отправляется к нему на Мальту, тем самым обозначая гомосексуальную ориентацию. Однако, когда Морасу предлагают проверить, действительно ли его влечёт к мужчинам, он, во-первых, проявляет неготовность сблизиться с ними, во-вторых, воспринимает «барселонских *мучачос*» одновременно как женщин и как мужчин, что выражено в его тексте грамматически: «...четыре лучника каждую (каждого) охраняют, хотя какие там лучники, ...и ляжки опять же, и пальчики, ну всем бы хороши, прекраснощекие, а вот мне не хороши» (с. 21). Недифференцированное по полу восприятие людей (хотя философствование о различиях мужчин и женщин, внутренней сущности тех и других занимает значимое место в дневнике героя) проявляется многократно: описание Морасом тех, к кому он чувствует симпатию, соединяет черты маскулинности и феминности. Например, женственность Лукаса обрисована далёкими ассоциациями со словом «касатик» – так называла Мо в детстве няня: «...наверное, мальчики с густыми косами в старину считались красивыми <...>. У Лукаса есть коса <...> Лукас – касатик» (с. 22). Профессор Джоан Фелис «была похожа на двенадцатилетнего мальчика с гравюры густава доре» (с. 312), у нее «губы африканского мальчика» (с. 364), а последний выдуманный друг Мораса «бэбэ», по мысли Джоан Фелис, «девушка, переодетая мальчиком, чтобы казаться еще женственнее» (с. 360). Мораса привлекают именно те, кто соединяет в себе

⁴ Во внешнем облике Афины есть атрибуты мужского одеяния, Афродита – мать двуполого Гермафродита; известна традиция её скульптурного изображения с признаками одновременно женской (общий облик, грудь) и мужской (борода, мужские половые органы) телесности (см.: Краткая энциклопедия символов, 2012. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/>).

феминность и маскулинность, но эти качества человека связываются им не с половой и гендерной принадлежностью, а с эстетическими (живописный интертекст здесь показателен) и психокогнитивными проявлениями – способность воспринимать, мыслить как мужчина и как женщина.

Кроме того, стремление героя сблизиться с мужчинами обусловлено не сексуальным влечением, а желанием компенсировать отсутствие общения со старшим братом, отношение к которому латентно фокусирует тему гомосексуальности Мораса. Воспоминания о брате явно свидетельствуют о его пренебрежении Морасом, а Мо утрату общения воспринимает как распад целого. Метафорически это передано в описании статуэтки двух ангелочков из отцовского дома в Литве: «соединенные стеклянной осью, *второй мальчик давно откололся*» (курсив мой. – *Е. П.*) (с. 182). Нереализованная любовь к мужчине – тщетная попытка восстановления утраченной цельности. Мотив гомосексуальности наряду с желанием быть женщиной, ощущение себя ею, как и попытка восприятия людей вне половой и гендерной идентичности, – проявление андрогинности мышления героя, стремящегося оцельнить бытие и восполнить собою, в себе самом отсутствие любви⁵.

Нарративный приём утверждения противоположного, констатации нескольких вариантов одновременно (женщины – мужчины, хороши – не хороши) используется в наррации героя и для описания восприятия им временной многомерности состояний, отношений: «фиона любит (*любила*) всякие вещи»⁶, «когда я говорю – говорил... она смеялась – *смеется? будет смеяться?*» (с. 253); «когда я смотрю – смотрел? – на ее волосы, я думаю – думал?..» (с. 258); «когда мой брат смеется (смеялся?), у него становилось (становится?) прежнее лицо, а я так чертовски скучал (скучаю?) по его прежнему лицу» (курсив Элтанг. – *Е. П.*) (с. 353). Соположение глаголов прошедшего, настоящего и будущего времени, сочетание утвердительной и вопросительной интонаций фиксируют сомнение, но и возможность, вероятность. Так упраздняется линейность и выстраивается мифологическая модель времени – цикличность или даже наложение разных временных пластов и вариантов существования, движущихся по кругу: «я, будто застряв в крутящихся дверях, проживаю несколько редакторских версий в одном и том же времени» (с. 386). В сознании Мораса возникает взаимодействие будущее-прошедше-настоящего, из которого рождается текст его дневника. Погружение в первородный хаос, «первичный бульон жизни» (с. 299) упраздняет идею того, что есть какая-то одна логика взаимосвязи событий и явлений. Об этом Морас размышляет многократно: «*связи между вещами* не сразу ощутимы...» (с. 96); «за что я люблю овидия – его, как и меня, *не волнует порядок метаморфоз*» (курсив мой. – *Е. П.*) (с. 244). Ему вторит альтер эго Форж, занимающийся переводом и интерпретацией письма мальтийского монаха, отвергающего теорию причинности «зануды Аристотеля»: «Смысл мира, по Иоанну, возникает вследствие случайного сочетания элементарных событий. <...> Никаких тебе связей и закономерностей» (с. 197). Равно как не существует монолитного, единственного образа Я или образа Другого, человек для Мораса не сводим к одному определению.

⁵ Губительность отсутствия / недостатка любви – сквозной мотив в романах Элтанг. В «Куманике» он проявляется в сюжетных линиях практически всех персонажей.

⁶ В изначальной версии романа этот фрагмент выглядит иначе, при повторной редакции Элтанг усилила приём.

В этой логике прочитывается сквозной в романе мотив несовпадения с собой – он проявляет сущностное свойство человека быть другим, разным. Объясняют восприятие Мораса слова из стихотворения А. Введенского «Мне жалко, что я не зверь»⁷ (1934), данные эпиграфом к одной из дневниковых записей: «еще есть у меня претензия, что я не ковер, не гортензия» (с. 358) (присущий Элтанг приём введения цитат в повествование – выделение их курсивом без указания авторства). Основной пафос лирического субъекта – желание быть всем, соединяя в себе разные сущности и проявления. Морас пишет о ценности идентификации не просто с другим, а с противоположным: «если кошка ведет себя как собака, а женщина – как мужчина, они всегда могут рассчитывать на место в моем доме» (с. 292).

Смысл приведённых цитат не сводится к андрогинности в узком смысле, но вписывается в широкое понимание андрогинии как реинтеграции противоположного (мужского и женского, прошлого и будущего, себя и другого), как высшего проявления любви – принятия Другого как самого себя: «если близко к человеку встаешь... то... просто становишься им и любишь его как себя» (курсив мой. – Е. П.) (с. 153).

Но готовность быть разным и противоположным имеет оборотную сторону – осложняет самоидентификацию: «фелипе пишет, что я пришел в себя, но я, кажется, пришел в кого-то другого»; «но нет – я что-то другое, неведомое даже фионе...» (с. 236, 254). Бахтинская идея о невозможности сказать о себе завершающего слова, «безумие принципиального несовпадения с самим собою» [Бахтин, 1986, с. 119] абсолютизируется.

Антонимичным андрогинности как слиянности противоположностей в поэтике романа выступает мотив осколков, распада.

«Целостность» и «единство противоположностей» наделяются значениями желанного и в разных вариантах проявляются в текстах персонажей, являющихся носителями речи в романе (vs проявлениям голосов Мораса): озабоченный разлукой со своей женой француз Эжен Лева подписывает свои письма ей «Целую вечность целую»; профессор Форж сконцентрирован на цели поиска и достижения «высшей целостности», «восстановления целостности первоматерии» (с. 285, 94); Фиона пишет о найденных артефактах: «...предметы из кладовой Иоанна должны оказаться вместе. Иначе что-то пойдет не так» (с. 270).

Трагичность, губительность разрушения целого мотивно подчёркивается в наррации. В памяти Мораса всплывают мучительные воспоминания о вине за разбитую цаплю в квартире хозяйки, у которой он снимал комнату (с. 26), за смерть девочки Пии в психиатрической клинике, сделавшей орудием самоубийства подаренный Мо осколок термометра (с. 37, 103). То же касается распада времени, которое центральный герой ощущает ближе к финалу: «...люди моего времени теперь живут в другом времени, потому что в моем времени едва хватает места для меня самого» (с. 362).

В сюжетных линиях Тео Форжа и Мораса представлены две версии поиска целостности – обращение к алхимии и создание образов других Я в дневнике, фиксирующем жизнь фантомов сознания как реальных людей.

Нарративная практика Мораса направлена на соединение в целое разрозненное. На первый взгляд, его записи фрагментарны, некоторые оборваны на полусло-

⁷ Это стихотворение важно, так как Элтанг использует схожий нарративный принцип: возвращение к уже сказанному, вариативное выражение ключевых идей – «барочное» сплетение образов в единое «полотно».

ве, они воплощают расколотое сознание. Однако поэтика фрагмента имеет значение «воздуха» свободы. Морас фиксирует поток сознания, не используя прописные буквы и точки, т. е. графические маркёры границ высказывания. Основной характеристикой письма является не фрагментарность, а процессуальность: текст связывает прошлое, настоящее, будущее, реальность и сознание, себя и другого.

Но все попытки восстановить гармонию в общении с кем-то другим (и в социальной реальности, и в собственном тексте, фиксирующем поток сознания) обречены на неудачу, заканчиваются расставанием, которое ближе к финалу воспринимается героем всё болезненнее: «мне страшно, что он («бэбэ». – *Е. П.*) уйдет, кажется, так уже было, только тогда он был <...> кем-то ещё, может быть – моим вильнюсским братом?» (с. 340). Создаваемый в тексте мир даёт альтернативу, возникают образы и отношения, подобные братским (с «фелипе», «барнардом», «бэбэ»), однако ощущение общения кратко.

Форж отправляется на Мальту в поисках артефактов, соединение которых «со свободной волей» призвано открыть алхимический секрет вечной жизни, возродить первоматерию, в которой всё ещё не расчленено (с. 94). Катализатором экспедиции служат обрывки («не хватает нескольких страниц» (с. 106)) писем монаха Иоанна «на шести рассыпающихся страницах» (с. 121). Отсутствие части информации рефреном подчёркивается в записях Форжа. И то, что «какие-то смыслы в тексте Иоанна... ускользают» (с. 121), формирует детективную интригу расследования истины о бытии. Но попытки Форжа доказывают неуловимость всё объясняющего знания: «Смыслы разбегаются. Информационная энтропия. И чем больше мы стараемся понять, тем быстрее убегает то, что должно быть понято» (с. 60).

В сюжетной линии «археологов» проявляется разрушительность частей, «отпавших» от целого. Изъятые артефакты из мальтийского Гипогеума убивают разделивших их. И сами «археологи» – случайное собрание ненужных людей, оказавшихся на Мальте по причине личных драм. Форж – невостребованный ценитель древностей, посланный работать в архив, судя по переписке, переживающий кризис в семейной жизни; Йонатана Йорка уволили с позором с работы; Эжена Лева бросила жена; Густоп Земерож – студент из «какой-то балтийской страны», пытающийся закрепиться в «Старой» Европе, прячась «от войны». Они объединены общностью обстоятельств (ненужность возлюбленным, невостребованность в профессии), но не целью пребывания на Мальте (о воссоздании первоматерии грезит только Форж, другие даже не осведомлены).

Сами артефакты оказываются нецелыми: «осколок трубки»; «от ручки осталась только часть» (с. 184, 281). Фрагментарность затрудняет идентификацию найденных вещей со стихиями и назначением, да и само соотношение с первоэлементами (землёй, водой, огнём и т. д.) – домысел Форжа, основанный на его знании священных текстов (Библии, Упанишад). Его мнение корректируется версиями Фионы, в сознании которой – другие священные тексты (руны, скандинавская, греко-римская мифология, Кефалайа).

Дробность человеческого знания, любая разделённость когда-то целого вводит гносеологическую проблему: поиск истины, стремление к воплощению своего идеала, поиск себя (самоидентификация) – процессы, которые не могут быть завершены до самой смерти. Существующие религиозные и философские системы, объясняющие мир, поливариативны, тексты культуры прошлых эпох манят приближением к раскрытию тайны, но всё объясняющее знание недоступно. Форж

пишет: «Вот здесь у братца Иоанна и начинается самое интересное, но последних, до смерти нужных мне страниц нет» (с. 198). В логике завершения сюжетной линии профессора Форжа фраза «до смерти нужных мне» прочитывается многозначно – и как ‘очень нужных’, и как ‘нужных только до момента смерти’.

Непостижимость конечных истин делает более значимым и самоценным не результат, а *процесс поиска* (себя, другого, смысла). Полнота знания, как и достижение самого желанного, интерпретируется в романе как то, что невозможно вынести в границах земного существования, что влечёт смерть. Это открытие делает следователь Петра Грофф, а за ней и Фиона, прослеживая закономерность: заветные мечты археологов сбылись сразу после их смерти. Произошедшее с «археологами» подтверждает восточную мудрость, пересказанную Морасом: «*когда говорят, то не знают, когда знают – молчат...*» (с. 98) (курсив Элтанг. – Е. П.). Получается, полнота бытия недостижима в границах земного существования, а веземное имеет рубеж, который при жизни перейти невозможно.

Единственная не умершая из мальтийской группы – Фиона, у которой «острый глаз археолога, живущего в мире поломанных и разбитых вещей» (с. 335). Она способна восстанавливать смысл вещей по их обломкам, поэтому она даёт иную, чем Форж, трактовку артефактов, согласующуюся с обстоятельствами смерти их владельцев: хранитель артефакта «воды» Густоп утонул в ванне и т. д. Фиона интуитивно спасается от гибели, подменив себя тотемным животным: улетая с острова, оставляет в номере Форжа вместо себя живую белку, а также избавляется от артефакта, передавая его Морасу. В её поведении проявляется природно-женская охранительная способность постигать изнанку действительности, «уловить смысл события» (с. 343).

Смерти членов экспедиции имеют признаки ритуальных убийств. Морас говорит о Петре Грофф: «это же... девственная жрица, силком удержавшая всех пятерых на мальте и приносящая их в жертву одного за другим» (с. 257). В ритуале жертвоприношения, по М. Элиаде, проявляется семантика андрогинности, так как «приносящий жертву... старается восстановить целостность своего истинного “Я”» [Элиаде, 1998, с. 16]; через «реставрацию Хаоса, недифференцированного единства» рождается Творение [Там же, с. 29]. О первородном хаосе, об «обновлении космоса» через погружение в хаос пишут и Форж, и Фиона, и Морас, последний – в прямой связи с работой М. Элиаде «*Méhistophélès et l'Androgyne*» (с. 298).

Благодаря использованию «принципа сюжетной неопределенности» (Н. Д. Тармарченко) возникает и двойное толкование жертвоприношения как относящегося либо к социальной жизни, либо к творчеству, созданию своего мира в сознании и тексте. Но в том и другом случае с принесением жертв связано обретение альтернатив, «других возможностей» – этот рефрен звучит в текстах разных персонажей, озабоченных борьбой со смертью, болезнями, незнанием, нелюбовью. Доктор Йонатан Йорк незаконно занимался поиском лекарства от старения и смерти («Что-то связанное с геронтологией. Стволовые клетки» (с. 226)). Он пишет своему возлюбленному: «Не станешь же ты говорить мне о невинных жертвах спешки и небрежности...» (с. 25). Форж читает у брата Иоанна «*по числу жертв*» (курсив Элтанг. – Е. П.) и пытается понять, «о какой такой жертве он здесь говорит?» (с. 52, 121). Однако ни один член археологической экспедиции, готовый приносить в жертву других для достижения своей цели, не достиг её: мечта каждого воплощается, когда оказывается принесена главная жертва – умирает сам субъект желания.

В этом контексте отличается Морас, который занимает двойную позицию: жертвы в реальном мире и приносящего в жертвы других в тексте. Рефлексируя отношение к нему других, Морас сравнивает себя с «уродом», которого приносят в жертву для достижения общественного благополучия: «...во время чумы... человека... кого не жалко, <...> принимались колотить... прутьями... пока не забивали до смерти, а после бросали в костер...» (с. 98–99). Вместе с тем он пишет о судьбе «мальтийских археологов»: «есть люди, которые становятся жертвами ещё до того, как сюжет сам себя раскрутит» (с. 319), интерпретируя описываемую им в дневнике жизнь как художественный сюжет и понимая, что создание авторского мира предполагает принесение в жертву персонажей.

Морас занимает одновременно две позиции – персонажа и автора, что открывает особые возможности – «жить одновременно двумя жизнями... крепко спать и видеть себя живущим в этом сне» (курсив Элтанг. – Е. П.) (с. 115). Его последний друг «бэбэ», отличающийся несравнимой с другими образами мудростью, способностью утешить Мораса объяснениями происходящего с ним, говорит: «ты и там и здесь, ты вот-вот увидишь, как врезаешься в крепостную стену... и твое тело ломается пополам... отчего же ты радуешься? <...> оттого, что ты и там и здесь – и увидишь всё своими глазами, вот отчего!» (с. 352). Позиция автора и соглядатая за создаваемым миром, в том числе за другим своим Я, позволяет увидеть даже собственную гибель, т. е. реинтегрировать в себе и жреца, и жертву для созидания авторского мира.

В дневнике Морас создаёт свой образ, вкуче характеризующийся слиянием противоположностей: мужского и женского, распутного (работает сутенёром) и невинного (тридцатилетний девственник, отвергающий даже возможность интимной близости с кем-либо), жреца и жертвы, взрослого и ребёнка, забывающего и вспоминающего, наивного и всё знающего, безумного и мудрого одновременно. Однако в его наррации мотивно проявляются разного рода недовольства / недовольства андрогинности: Тиресий-Морас во сне не может вернуться в законное «мужское» тело; внешне мистериальное переодевание Мораса в женщину не приводит к андрогинности, желание быть Лукасом, Фионой недостижимо. Дело не только в неадекватном восприятии интенций героя окружающими, он и в сознании, и в тексте не способен гармонично соединить и удержать разные проявления своего Я. Недостижимость андрогинности связана с ограниченностью онтологических и гносеологических возможностей человека, что объяснимо через притчу монаха Нагасены о том, что такое Я – о «повозке, которой нет» // то есть оси, колеса, верх деревянный есть, а повозки нет» (с. 168). Суть притчи сводится к тому, что любое целое человек может познавать только опосредованно, через отдельные части, но, даже добываясь детальности и точности их описания, никогда не определяет целое. Так и с достижением андрогинности – приближение к ней возможно как процесс, но не как результат.

Альтернативами андрогинности выступают другие способы достижения целостности: возвращение «в зародышевое состояние», в чистую потенцию, стадию целостности до дробления, гастрюляции, органогенеза (этого опасаются доктора) либо движение к трансцендентной реальности и сущности ангела, с которым Морас прямо ассоциируется, особенно ближе к финалу романа.

Образ ангела и связан с семантикой андрогина как существа, воплощающего цельность, утраченную человеком, и отличается от него, так как он бесполой, не связанный с проявлением мужского и женского. Значимость его образа в романе

подтверждается заглавиями всех трёх частей: «Ангел на песке. Chora», «Стеклянный ангел. Упразднение случая», «Каменный ангел. Apokatastasis».

В романе образ ангела дан в контексте учений «евангельского типа». Фиона считает, что текст Иоанна XVII в. поможет расшифровать «Кефалайя» (с. 295–296, 299). Два письма Фионы Форжу об этом обрамляют запись Морас с упоминанием работы М. Элиаде об андрогине (с. 298). В «Кефалайе» большое место уделено вариантам спасения⁸, и отдельная глава посвящена девственникам, которые интерпретируются как святые или ангелы: «...девственники святые – ... [не смешиваются с Мраком, не] ведают вкуса смерти»; «это Свет, который очистился в образе Посланца» [Кефалайя, 1998]. Фиона не проводит прямых параллелей с Морасом, но они аллюзивно возникают: погружённый в грешную жизнь, он сохранил невинность.

Образ ангела в романе проявляется в зримых, пространственных образах: 1-я часть – отпечаток крыла на песке, 2-я – миниатюрная статуэтка двух отколовшихся амурчиков, 3-я – уличная статуя. Параллельно ‘оплотнению’ образа ангела во внешней реальности происходят одновременные процессы вспоминания всех языков и упрощения многоликого Я Мораса: «персонажи» его дневника умирают, уходят; пространство сужается до клиники, из которой он в финале исчезает. Его последние слова содержат сомнения в том, что «в следующей версии» его существования будет Джоан Фелис (с. 386), которой он завещал продолжить свой дневник, но он уверен, что «новая версия» будет, а способность не увязать в словах, памяти, тексте, а «начинать заново» Морас приписывает именно ангелам, видя в этом их отличие от писателей: «ангелы не пишут... но могут возвращаться в точку необратимости и начинать заново» (с. 386).

Его «побег» в финале прочитывается двояко. Как уход из физической реальности больницы, исчезновение из земного бытия. Элтанг не даёт прямых указаний на перевоплощение Мораса в ангела, но в своей записке-завещании он пишет: «я знаю, что ты, фелис, на стороне ангелов» (с. 386). В примечаниях к роману (за авторством профессора Тео Форжа) отмечено, что «имеются в виду слова лорда Дизраэли (1804–1881), сказанные по поводу учения Чарлза Дарвина: “Вопрос стоит так: человек – обезьяна или ангел? Я на стороне ангелов”» (с. 404). Поэтому образ ангела и соотнесение с ним героя можно интерпретировать как веру в наличие альтернативы жизни за границами земного существования. Другой способ инобытия связан с семантикой самоименования: Морас – то же, что куманика, сорт ежевики. Побег в этом случае ассоциируется с ростком растения, означает не исчезновение, а прорастание и сохранение Я в тексте благодаря интеграции автора и читателя (конгениальный ему читатель Фелис продолжит его сетевой дневник).

Анализ романа позволяет утверждать, что Л. Элтанг в целом продолжает романтическо-модернистскую традицию толкования образа андрогина как выражения подлинной любви, антропологической полноты, умопостигаемой целостности бытия и личности, демиургической сущности творца-писателя. Знаков выбор Элтанг образа андрогина, а не гермафродита, что, на наш взгляд, указывает на сознательное дистанцирование от постмодернистских трактовок дуплоности как

⁸ Название последней части романа содержит отсылку к другому неканоническому варианту «спасения всех». Apokatastasis «[греч. ἀποκατάστασις – восстановление, возвращение, завершение], в христианстве наименование учения о всеобщем спасении (букв. – восстановлении) грешников (людей и даже демонов), не принятого Церковью» [Иванов, 2001].

«удвоения» телесности, эротизма («Палисандрия» С. Соколова⁹, «Быть Босхом» А. Королёва).

Думается, значимым контекстом осмысления феномена андрогинности для Элтанг были тексты и жизнетворчество З. Гиппиус, а также творчество В. Вулф которая, «используя образ андрогина... трактует идею множественности сознания», интерпретирует «андрогинное сознание» как «свободно<е> от любых условностей, предрассудков и ограничений» [Коврижина, 2017]. Нельзя говорить о прямом следовании Элтанг символистско-религиозной версии Вл. Соловьёва, но ей, вероятно, близка его трактовка андрогинности как метафоры духовного совершенства человека.

Андрогинные мотивы в «Побеге куманики» выводят к проблеме поиска цельности бытия и самого себя, осмысления возможностей интеграции противоположностей в индивиде, потенции творчества и писательства в воплощении интуиции скрытых сторон целого бытия и компенсации отсутствия любви. Но андрогинность – не достижимый в полной мере идеал, что и обусловило финальный «побег» героя.

Список литературы

Абдуллаев Е. Гений и андрогин. Об одном сюжете из платоновского «Пира» у Пушкина // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2011. Т. 5, № 1. С. 24–41.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.

Гаспаров Б., Паперно И. К описанию мотивной структуры лирики Пушкина // Russian Romanticism: Studies in the Poetic Codes. Stockholm, 1979. С. 9–44.

Едошина И. А. «Андрогин» в контексте «конкретной метафизики» (Д. С. Межрежковский) // Соловьёвские исследования. 2017. № 4 (56). С. 58–71.

Едошина И. А. Художественное сознание модернизма: истоки и мифологемы: Дис. ... д-ра культурологии РГГУ; КГУ им. Н. А. Некрасова / Москва; Кострома, 2002. 350 с.

Иванов М. С. Апокатастасис // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. Т. 3. С. 39–46.

Кефалайа («Главы»): Коптский манихейский трактат / Пер. с коптского, коммент., глоссарий и указатель Е. Б. Смагиной. М., 1998. URL: <https://nordxp.3dn.ru/gnosis/kephalaia.htm> (дата обращения 13.02.2020).

Коврижина Я. С. Проза Вирджинии Вулф: интермедийный аспект: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. URL: <http://konf.x-pdf.ru/18pedagogika/172365-1-proza-virdzhinii-vulf-intermedialnyi-aspekt.php> (дата обращения 12.08.2019).

Коврижных А. Ю. Поэтика романов Лены Элтанг // Язык. Культура. Коммуникации. 2015. № 1 (3). URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/184/387> (дата обращения 12.08.2019).

Лосев А. Ф. Комментарии // Платон. Соч.: В 3 т. / [Пер. с древнегреч.]; под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1971. Т. 3, ч. 1. 685, [2] с.

Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. М.: Сов. Энциклопедия, 1987.

⁹ При нескрываемой симпатии Л. Элтанг к способу художественного мышления С. Соколова, «Побег куманики», думается, больше связан с образностью не «Палисандрии» (что не исключает отдельных аллюзивных связей), а «Школы для дураков».

Михайлова Г., Самойленко А. Художественная картина мира в романе Лены Элтанг «Каменные клёны» // *Literatūra*. 2013. № 55 (2). С. 91–106. DOI 10.15388/Litera.2013.2.2725

Люра А. А. Блогосфера и / как литература: случай «Побега куманики» Лены Элтанг // *Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций*. 2010. № 2. С. 260–269.

Фролова Т. Г. Эволюция метафорического стиля на рубеже XX–XXI вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 21 с.

Чупракова Е. В. Особенности языковой концептуализации понятий «женственность» и «мужественность» // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2019. Т. 10, № 4. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42566575_21259286.pdf (дата обращения 02.04.2020).

Элиаде М. Мефистофель и Андрогин, или Тайна целостности / Пер. с фр., науч. ред. С. С. Тавашерния. СПб.: Алетейя: Университетская книга, 1998. URL: <http://askrsvarte.org/pub/downloads/mefisto.pdf> (дата обращения 13.02.2020).

Элтанг Л. Побег куманики. М.: АСТ, Астрель, 2009. 416 с.

References

Abdullaev E. *Genij i androgin. Ob odnom syuzhete iz platonovskogo “Pira” u Pushkina* [Genius and androgynous. About a story from Plato’s “Feast” in Pushkin]. *Scholae. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 2011, vol. 5, no. 1, pp. 24–41.

Bahtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of verbal creativity]. 2nd ed. Moscow, 1986, 445 p.

Chuprakova E. V. Osobennosti yazykovoy kontseptualizatsii ponyatii “zhenstvennost” i “muzhestvennost” [Features of language conceptualization of the concepts “femininity” and “masculinity”]. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2019, vol. 10, no. 4. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42566575_21259286.pdf (accessed: 02.04.2020).

Frolova T. G. *Evoljutsiya metaforicheskogo stilya na rubezhe rubezhe 20 – 21 vv.* [Evolution of metaphorical style at the turn of the 20th–21st centuries]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2012, 21 p.

Gasparov B., Paperno I. K opisaniyu motivnoy struktury liriki Pushkina [To the description of the motivic structure of Pushkin’s lyrics]. In: *Russian Romanticism: Studies in the Poetic Codes*. Stockholm. 1979, pp. 9–44.

Edoshina I. A. “Androgin” v kontekste “konkretnoy metafiziki” (D. S. Merezhkovskiy) [“Androgynous” in the context of “concrete metaphysics” (D. S. Merezhkovsky)]. *Solov’evskie issledovaniya*. 2017. no. 4 (56), pp. 58–71.

Edoshina I. A. *Khudozhestvennoe soznanie modernizma: istoki i mifologemy* [Art consciousness of modernism: origins and mythologems]. Dr. cultural studies diss. RSHU, N. A. Nekrasov KSU, Moscow, Kostroma, 2002, 350 p.

Eliade M. *Mefistofel’ i Androgin, ili Tayna tselostnosti* [Mephistopheles and the Androgyne, or the mystery of integrity]. S. Tavashernia (Transl. from French, sci. ed.). St. Petersburg, Aletheia, Universitetskaya kniga, 1998. URL: <http://askrsvarte.org/pub/downloads/mefisto.pdf> (accessed: 13.02.2020).

Eltang L. *Pobeg kumaniki* [Sprout of the Brambles]. Moscow, AST, Astrel’, 2009, 416 p.

Ivanov M. S. *Apokatastasis* [Apocatastasis]. In: *Pravoslavnyaya enciklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr “Pravoslavnyaya entsikl.”, 2001, vol. 3, pp. 39–46.

Kefalaya (“*Glavy*”): *Koptskiy manikheyskiy traktat* [Kephalaia. The Coptic Manichean Treatise]. E. B. Smagina (Transl. from Coptic, comm., glossary and index). Moscow, 1998. URL: <https://nordxp.3dn.ru/gnosis/kephalaia.htm> (accessed: 13.02.2020).

Kovrizhina Ya. S. *Proza Virdzhinii Vulf: intermedial'nyy aspekt* [Virginia Woolf's prose: an intermediate aspect]. Cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2017. URL: <http://konf.x-pdf.ru/18pedagogika/172365-1-proza-virdzhinii-vulf-intermedialniy-aspekt.php> (accessed: 12.08.2019).

Kovrizhnykh A. Yu. Poetika romanov Leny Eltang [Poetics of novels by Lena Eltang]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsii*. 2015, no. 1(3). URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/184/387> (accessed: 12.08.2019).

Losev A. F. Kommentarii [Comments]. In: *Platon. Soch.: V 3 t. Per. s drevnegrech.* [Plato. Opus: In 3 vols. Transl. from Ancient Greek]. A. F. Losev, V. F. Asmus (Eds). Moscow, Mysl', 1971, vol. 3, pt. 1, 685, [2] p.

Mify narodov mira: Entsiklopediya: V 2 t. [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia: In 2 vols]. S. A. Tokarev (Ed. in Ch.). Moscow, Sov. entsikl., 1987.

Mikhaylova G., Samoilenko A. Khudozhestvennaya kartina mira v romane Leny Eltang “Kamennye kleny” [Artistic picture of the world in the novel by Lena Eltang “Stone maples”]. *Literatūra*. 2013, no. 55 (2), pp. 91–106. DOI 10.15388/Litera.2013.2.2725

Ulyura A. A. Blogosfera i / kak literatura: sluchay “Pobega kumaniki” Leny Eltang [Blogsphere and / as literature: the case of Lena Eltang's “Pobeg kumaniki”]. *Mirovaya literatura na perekrest'e kul'tur i tsivilizatsiy*. 2010, no. 2, pp. 260–269.

Сведения об авторе

Полева Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русской литературы Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия)

polewaea@rambler.ru

ORCID 0000-0002-4224-8456

Information about the author

Elena A. Poleva – Candidate of Philology, Assistant Professor, Head of the Department of Russian Literature, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

polewaea@rambler.ru

ORCID 0000-0002-4224-8456

Языкознание

УДК 8134:811-52.2:371.4
DOI 10.17223/18137083/75/12

Вероятностно-дистрибуционные характеристики гласных фонем в языке ороочонов КНР: сопоставительный аспект

О. Н. Морозова

*Амурский государственный университет
Благовещенск, Россия*

Аннотация

Представлены результаты анализа вероятностно-дистрибуционных характеристик гласных фонем в ороочонском языке, входящем в северную ветвь тунгусо-маньчжурских языков. Для анализа были выбраны шесть параметров частотности: 1) тип слога; 2) длина словоформы; 3) коэффициент консонантной и вокалической насыщенности; 4) долгие vs краткие гласные; 5) твёрдорядные vs мягкорядные vs нейтральные гласные; 6) огубленные vs неогубленные гласные. Полученные в ходе экспериментов данные сопоставляются с аналогичными по одному из тунгусских языков (эвенкийскому) и некоторым тюркским (языку кумандинцев, качинскому диалекту хакасского языка) и обско-угорским (мансийскому, хантыйскому) языкам.

Ключевые слова

экспериментальная фонетика, вокализм, вероятностно-дистрибуционные характеристики, тунгусо-маньчжурские языки

Для цитирования

Морозова О. Н. Вероятностно-дистрибуционные характеристики гласных фонем в языке ороочонов КНР: сопоставительный аспект // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 161–176. DOI 10.17223/18137083/75/12

Probability and distribution patterns of vowel phonemes in the Oroqen language of the PRC: comparative study

O. N. Morozova

*Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation*

Abstract

The paper analyzes the probability and distribution patterns of vowels in the Oroqen language of the PRC. Six frequency parameters were taken for analysis: 1) syllable types, 2) word form length, 3) consonant and vowel load, 4) long vs short vowels, 5) hard vs soft vowels, 6) labial vs non-labial vowels. Studying syllable type (V, VC, CV, CVC) and the word form length re-

© О. Н. Морозова, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

vealed the following discoveries. First, CV-type turned out the most frequent in Oroqen, accounting for 47,64 % of all syllables found in the material. Second, disyllabic and trisyllabic words prevailed, accounting for 75,7 % compared to 64,8 % in Evenki and 85,5 % in Kumandin. Additionally, the consonant load vs vowel load was calculated. It was found that in Oroqen, the consonant-vowel proportion (1,5/1) was similar to Evenki and Mansi, a little higher than in Turkic languages, and a little lower than in Khanty. However, this difference proved statistically insignificant. Another finding was that short vowels significantly prevailed over long ones, accounting for 68,52–93,11 % of all vowels used. The hard vowels accounted for 24,52–46,41 %, neutral ones – 26,8–44,86 %, only slightly exceeding soft vowels in frequency load (17,13–43,51%) of all vowels used. Non-labial vowels proved to be more frequent (65,76–91,78 %) than labial ones (8,22–34,24 %). In general, the results show a high similarity of Oroqen to the Turkic and Ob-Ugric languages with regard to parameters 4 and 6. At the same time, the difference was found with regard to parameters 1–3 and 5.

Keywords

experimental phonetics, vocalism, probability and distribution patterns, Tungus-Manchu languages

For citation

Morozova O. N. Probability and distribution patterns of vowel phonemes in the Oroqen language of the PRC: comparative study. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 161–176. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/12

Введение

Орочоны – одна из тунгусских этнических групп, проживающих на севере провинции Хэйлунцзян и во Внутренней Монголии, не отождествляют себя с эвенками Китая. На государственном уровне самоидентификация орочонов признается правительством КНР; для компактного проживания выделена административно-территориальная единица – Орочонский автономный хошун на востоке Внутренней Монголии. В провинции же Хэйлунцзян большинство орочонов компактно проживают в национальных деревнях и уездах; хэйлунцзянские орочоны называют себя кумарчены (к северу от г. Хэйхэ) и бирарчены (южнее г. Хэйхэ). Поскольку среди тунгусоведов имеются расхождения во взглядах на самостоятельность статуса орочонского языка [Doerfer, 1978; Janhunen, 1991; Решетов, 1998; Whaley et al., 1999; Ян, 2016; Певнов, 2019], в данной работе термин «язык» используется в значении «язык как средство общения» без указания на его иерархический статус (язык – диалект – говор) [Николина и др., 2003, с. 3; Шалданова, 2007, с. 45].

Цель настоящей статьи заключалась в сопоставлении парадигматического и синтагматического видов частотности гласных фонем в языке орочонов с имеющимися данными по эвенкийскому языку и некоторым тюркским (языку кумандинцев, качинскому диалекту хакасского языка) и обско-угорским (мансийскому, хантыйскому) языкам. Подобное сопоставление частотных метрик звуковых систем данных языков выполняется впервые.

Вероятностными характеристиками разных языковых единиц, в том числе фонологических, в последние десятилетия активно занимается вся мировая лингвистика. О важности квантитативных исследований лингвистических фактов применительно к сопоставительному языкознанию, типологии вокалических и консонантных языков писал Й. Крамски [Krámský, 1959]. Связь между функциональной нагруженностью фонем и их дистрибуционными характеристиками в словаре и связанном тексте обнаружил Дж. Хердан [Herdan, 1958]. Зависимость от частотности единиц процессов порождения и восприятия речи продемонстриро-

вали Д. Хаус и Р. Соломон [Howes, Solomon, 1951]. В результате в речевых механизмах человека установлена определенная иерархическая организация элементов речи, коррелирующая с частотой их встречаемости; при этом зафиксирована зависимость «индекса частоты» слова от способа его хранения и поиска в памяти [Залевская, 1990; Чугаева и др., 2019]. В лингвистике (как теоретической, так и прикладной) Японии, Кореи, Китая имеются работы, посвященные частотности звуковых сегментов на материале доминирующих и исчезающих языков этих стран [Yun, 1994; Tamaoka, Mikioka, 2004; Kang et al., 2013; Yizhou, 2014]. На материале русского языка в сравнении с английским вероятностными характеристиками занимается пермская школа Т. Н. Чугаевой; анализ работ которой показал наличие классификации частотных перцептивных типов, полезных для исследования процессов восприятия речи [Чугаева, 2009; Вахотин, 2014; Мякотникова, 2016].

Очень многое сделали для исследования вероятностно-дистрибуционных характеристик звуковых единиц языков малочисленных народов России учёные новосибирской школы. Об относительной частотности звуковых сегментов тюркских языков, частотности моно- и полисиллаб, средней длине словоформы в слогах и фонемах, коэффициентах консонантной насыщенности в тюркских языках см. [Куркина, 1980; Селютина, 1982; Кыштымова, 1987]. Методы фонологической статистики позволили выявить феномен «лингвистической компактности», показывающей типологическую близость языков и диалектов [Тамбовцев, 2012, с. 146]. Эвфония (благозвучность, мелодичность) типологических моделей была изучена на материале некоторых языков финно-угорской, тюркской, индоевропейской, палеоазиатской и тунгусо-маньчжурской языковых семей. Для них были вычислены величины консонантных коэффициентов, доверительных интервалов и вариации, что позволило классифицировать языки консонантного и вокалического типов [Тамбовцев, 1986]. Эвенкийский язык отнесён в ряд языков с максимальной величиной благозвучности [Тамбовцев, 2010, с. 114], что также было подтверждено нашими подсчётами [Морозова и др., 2019, с. 117]. Из тунгусских языков исследования по частотности проведены в отношении нанайских гласных (/i/, /a/, /ɛ/) и согласных (двух носовых сонантов и плавного среднеязычного сонорного) [Радченко, 1988, с. 17]. Некоторые данные по фонотактике, частотности и структуре эвенского слога см. [Aralova, 2015, с. 35–37]. Начало изучения парадигматической и синтагматической частотности гласных и согласных на материале говоров амурских эвенков было положено в [Морозова и др., 2019]. По языку ороchonов, проживающих в Китайской Народной Республике (далее КНР), такое исследование выполняется впервые.

Для достижения цели следовало решить ряд задач: 1) найти относительную частотность гласных в ороchonской парадигматике и синтагматике и сравнить полученные данные с имеющимися по эвенкийскому языку; 2) установить вероятностно-дистрибуционные характеристики гласных в разных типах слога ороchonских одно- и многосложных словоформ. В ходе статистического анализа относительной частотности гласных следовало дополнительно зафиксировать: 1) частоту встречаемости ороchonских одно- и многосложных словоформ; 2) частотную нагрузку ороchonских слоготипов; 3) среднюю длину ороchonской словоформы. Согласно нашей гипотезе, данные по парадигматическому и синтагматическому видам частотности гласных ороchonского языка будут в определённой степени близки к аналогичным данным по эвенкийскому языку, поскольку ороchonский

и эвенкийский входят в одну ветвь (северную) тунгусо-маньчжурских языков. Для проверки данной гипотезы были проведены соответствующие подсчёты.

Материал и методика исследования

Материалом для нашего исследования послужили образцы сказочного фольклора орононов говора деревни Синьэ юго-восточного (бирарченского) диалекта, проживающих в провинции Хэйлунцзян, КНР [韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 1993, с. 354–384]. Образцы сказочных текстов в приведённом источнике изложены в транскрипционной записи (орочонский язык не имеет письменности) и переданы китайскими исследователями посредством Международного фонетического алфавита [Там же]. В отношении интерпретации транскрипционных знаков для гласных трудностей не возникало. Долгота гласных в ороchonских текстах передана удвоением гласного. Следует заметить, что мы не в полной мере разделяем взгляды Ю. Хань, Ш. Мэн [Там же, с. 2] на систему ороchonских гласных фонем. Выделенные авторами в качестве фонем гласные <oo>, <ou>, <yu> мы считаем аллофонами фонем /o:/, /o/, /u/ соответственно. Для удобства при сопоставлении мы пользовались следующей таблицей соответствий (табл. 1).

Соответствия гласных, принятые в эксперименте
Experimental vowel matches

Таблица 1
Table 1

№ п/п	Гласные		№ п/п	Гласные	
	韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 1993	Данная работа		韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 1993	Данная работа
1	ii	i:	7	a	a
2	i	i	8	oo (oo) *	o:
3	ee	e:	9	o (o)	o
4	ээ	z:	10	uu	u:
5	э	z	11	u (y)	u
6	aa	a:			

* Гласные в круглых скобках мы считаем аллофонами соответствующих фонем.

Результаты наших предшествующих исследований показали отнесённость ороchonских гласных к таким признакам, как: 1) ряд: передний /i, i:, e:/, центральный /z:, z, a:, a/, задний /u, u:, o, o:/; 2) подъём: верхний /i, i:, u, u:/, средний /e:, z:, z, o, o:/, нижний /a, a:/; 3) долгота: гласные долгие /i:, u:, z:, o:, a:, e:/ и краткие /i, u, z, o, a/. В соответствии с законами сингармонизма, действующими в ороchonском языке, гласные делятся на твёрдорядные /a, a:, o, o:, e:/, мягкорядные /z, z:/, нейтральные /i, i:, u, u:/.

Всего в материале было реализовано 15 558 фонемоупотреблений (далее ф/у). Проведён статистический анализ относительной частоты (далее ОЧ) реализации

гласных в различных комбинаторно-позиционных условиях. Учёту подверглись позиции абсолютного начала слова V-, VC-; начала слова CV-, CVC-; абсолютно-го конца слова -CV, конца слова -CVC.

В ходе работы нами применялись методы количественных подсчётов и сравнительно-сопоставительного анализа. Подсчёты значений проводились по группам фонем, например, вокалические сегменты (гласные + сонорные) vs шумные согласные, долгие гласные vs краткие гласные и т. п. Внутри экспериментального материала сравнение и сопоставление велись по группам и некоторым парам фонем; кроме этого по литературным данным осуществлены сравнение и сопоставление с аналогичными подсчётами по языку эвенков, кумандинцев, хакасов, казым-хантыйцев. Использована методика статистической обработки данных частоты употребления сегментов, разработанная в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Института филологии СО РАН [Куркина, 1980; Селютина, 1982; Кыштымова, 1987; Радченко, 1988].

Обсуждение результатов

Эксперимент 1

Типы ороchonских слогов и их частотная нагрузка

Приступая к детальному анализу частотности фонемных групп гласных в различных комбинаторно-позиционных условиях, следовало иметь сведения о фонетической структуре ороchonского слога, которых мы не обнаружили в имеющейся по ороchonскому языку литературе. За основу были приняты положения О. А. Константиновой, разработанные по слоговой структуре для эвенкийского языка [1964, с. 27]. В ходе эксперимента 1 были выявлены такие параметры, как: 1) типы слогов в ороchonском языке; 2) частота встречаемости ороchonских одно- и многосложных словоформ; 3) частотная нагрузка ороchonских слоготипов; 4) средняя длина ороchonской словоформы.

Результаты эксперимента 1 показали, что в языке ороchonов говора деревни Синьэ юго-восточного (бирарченского) диалекта встречаются такие типы слогов, как (в примерах сохранена транскрипция [韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 1993]): 1) приоткрыто-открытый V, например: первые слоги в *a-jaa* 'хорошо', *ə-tuu* 'здесь, тут'; 2) приоткрыто-закрытый VC, например: первый слог в *ər-təə* 'утром'; 3) приоткрыто-открытый CV, например: в *k'u-ma-xaa* 'олень', *pəjə* 'человек'; 4) приоткрыто-закрытый CVC, например: в *ɬaan* 'опять, снова, ещё раз', в первом слоге *təl-ti-ŋ'a* 'согласился'. Наши данные по слоговой структуре речи ороchonов-бирарченоев полностью совпадают со структурами, полученными для говоров эвенков Полигуса и Томмота [Константинова, 1964; Андреева, 1988]. Кроме того, аналогичные типы слоговых структур V, VC, CV, CVC характерны для тюркских (кумандинского) и обско-угорских языков (хакасского, казымско-хантыйского) [Куркина, 1980; Селютина, 1982; Кыштымова, 1987].

Результаты подсчётов словоформ различной слоговой структуры в говоре ороchonов Синьэ свидетельствуют о несущественном преобладании двусложных слов над трехсложными (38,5 и 37,2 % соответственно). Частотность же моно- и полислоговых словоформ составляет чуть меньше четверти текстов (24,3 %). Средняя длина словоформы в ороchonском языке – 2,77 слога, 5,9 фонемы.

Синтагматические отношения фонетических единиц в речи ороchonов юго-восточного (бирарченского) диалекта также демонстрируют преобладание согласных над гласными (100 гласных на 150 согласных). Коэффициент консонантной насыщенности в ороchonском языке, так же как и в эвенкийском (по нашим данным),

составляет 1,5 согласных на 1 гласную. В относительных единицах это соотношение выглядит как 1,2 к 0,8.

В ороchonских текстах процентное соотношение всех фонем составило 33 % гласных, 50 % сонорных и 17 % шумных согласных. Данные значения говорят о преобладании в звуковой системе ороchonского языка вокалических элементов над шумными, что также верно для эвенкийского языка [Тамбовцев, 2010, с. 114; Морозова и др., 2019, с. 117].

Рассмотрим вероятностно-дистрибуционные характеристики слоговых типов в ороchonском языке более детально. Частотная нагрузка слоготипов в одно-, дву-, трёх- и четырёхсложных словоформах ороchonского языка даёт интересную картину. В ороchonских односложных наиболее употребительны слоги CV и CVC, составляющие в сумме 97,92 % всех односложных словоформ. Самой низкой относительной частотностью отличаются слоги типа VC (2,08 %), приоткрыто-открытый слог V в анализируемых эвенкийских и ороchonских текстах отсутствует. Таблица 2 демонстрирует преобладание в односложных ороchonских словоформах приоткрыто-открытого слога (CV), составляющего 61,73 % всей выборки.

Таблица 2

Частотность слоготипов в одно-, дву-, трех- и четырёхсложных словах по отношению ко всем одно-, дву-, трех- и четырёхсложным слоготипам в ороchonских текстах, %

Table 2

Frequency of syllables in mono-, bi-, tri- and four-syllabic words in relation to all mono-, bi-, tri- and four-syllables in Oroqen texts, %

№ п/п	Тип слога	Значение
В односложных словах по отношению ко всем односложным слоготипам		
1	V	0,00
2	VC	2,08
3	CV	61,73
4	CVC	36,19
В двусложных словах по отношению ко всем двусложным слоготипам		
1	V-CV	15,79
2	VC-CV	2,11
3	V-CVC	23,16
4	VC-CVC	2,11
5	CV-CV	16,84
6	CV-CVC	25,26
7	CVC-CV	9,47
8	CVC-CVC	5,26
В трехсложных словах по отношению ко всем трехсложным слоготипам		
1	V-CV-CV	11,65
2	V-CVC-CV	13,59

№ п/п	Тип слога	Значение
3	V-CV-CVC	7,77
4	V-CVC-CVC	3,88
5	VC-CV-CV	1,94
6	VC-CVC-CVC	0,97
7	CV-CV-CV	26,21
8	CV-CVC-CV	3,88
9	CV-CVC-CVC	1,94
10	CV-CV-CVC	14,56
11	CVC-CVC-CV	0,97
12	CVC-CV-CVC	4,85
13	CVC-CV-CV	7,77

В четырёхсложных словах
по отношению ко всем четырёхсложным слоготипам

1	V-CV-CV-CV	3,57
2	V-CV-CV-CVC	16,07
3	V-CV-CVC-CV	3,57
4	V-CV-CVC-CVC	1,78
5	V-CVC-CV-CV	8,92
6	V-CVC-CV-CVC	5,35
7	VC-CV-CV-CV	8,90
8	VC-CV-CV-CVC	10,71
9	VC-CV-CVC-CVC	1,78
10	CV-CV-CV-CV	14,28
11	CV-CV-CV-CVC	8,92
12	CV-CV-CVC-CV	1,78
13	CV-CVC-CV-CV	5,35
14	CVC-CV-CV-CVC	5,35
15	CVC-CVC-CV-CVC	1,78
16	CVC-CVC-CVC-CV	1,78

В двусложных словоформах (см. табл. 2) в оронском языке преобладают структурные разновидности типа CV-CVC, V-CVC, CV-CV, V-CV. Невысокой частотностью характеризуются словоформы со стечением двух согласных на стыке слогов CVC-CV, CVC-CVC, VC-CV, VC-CVC, составляющие в сумме 18,95 % всех двуслоговых оронских словоформ. Первый слог в двусложных словоформах преимущественно открытый – V-, CV- (суммарная частотность составляет 81,05 %), второй закрытый – CVC (55,79 %). Сопоставление данных по слоговой структуре бисиллаб с аналогичными по кумандинскому языку демонстрируют прямо противоположные результаты, где доминирующим первым слогом является закрытый (75,7 %), второй же слог кумандинских бисиллаб открытый (57,6 %) [Селютина, 1982, с. 82].

В трёхсложных словоформах максимально употребительны структурные разновидности типа CV-CV-CV – 26,21 % (см. табл. 2). Средней частотностью обла-

дают слоготипы CV-CV-CVC (14,56 %), V-CVC-CV (13,59 %), V-CV-CV (11,65 %). В качестве первого, второго и последнего звеньев слоговой цепочки в словоформе доминируют открытые слоги типа CV (46,59 % в первом слоге, 74,75 % во втором и 66,01% в третьем).

В четырёхсложных словоформах максимально частотны структурные разновидности типа V-CV-CV-CVC – 16,07 %, CV-CV-CV-CV – 14,28 % (см. табл. 2). Средней частотностью обладают слоготипы VC-CV-CV-CVC (10,71 %), V-CVC-CV-CV (8,92 %), CV-CV-CV-CVC (8,92 %), VC-CV-CV-CV (8,90 %). В качестве первого, второго и третьего звеньев слоговой цепочки в словоформе доминируют открытые слоги типа V, CV (69,59 % в первом слоге, 76,71 % во втором, 89,20 % в третьем). В конечном слоге четырёхсложного слова открытый слог несущественно уступает закрытому (CV – 48,15 %, CVC – 51,85 %).

Эксперимент 2

Вероятностно-дистрибуционные характеристики гласных в начальной и конечной позициях слова

Статистический анализ относительной частоты реализации гласных в различных комбинаторно-позиционных условиях был проведен в ходе эксперимента 2. Учёту подверглись позиции абсолютного начала слова V-, VC-; начала слова CV-, CVC-; абсолютного конца слова -CV; конца слова -CVC. Результаты эксперимента отражены в табл. 3.

Так, в абсолютном начале слова в слогах типа V-, VC- (см. табл. 3) максимальной относительной частотностью характеризуется гласный /з/ (28,41 %), минимальной – /е:/ (0,47 %). По убывающей относительной частотности гласные в этой позиции можно расположить в следующий ряд: /з, и, у, а, о, э:, и:, у:, а:, о:, е:/ . Краткие гласные в абсолютном начале слова составляют 93,11 %, на долю долгих приходится всего лишь 6,89 % выборки. Удельный вес неогубленных (75,1 %) выше, чем огубленных (24,9 %). Твёрдорядные – 24,52 %, мягкорядные – 30,62 %, нейтральные – 44,86 %.

В начальном слоге CV-, CVC- (см. табл. 3) встречаются все гласные орочонского языка. По убывающей относительной частотности в этой позиции их можно расположить в следующем порядке /а, у, э, и, о:, а:, и:, о, е:, у:, э:/ . Как и в абсолютном начале слова, преобладают краткие гласные – 68,52 %, относительная частотность неогубленных – 65,76 %, огубленных – 34,24 % выборки. Твёрдорядные – 46,41 %, мягкорядные – 17,13 %, нейтральные – 36,46 %.

В абсолютном конце слова в слоге -CV (см. табл. 3) реализуются все гласные, за исключением огубленного краткого гласного заднего ряда среднего подъёма /о/. Гласные располагаются по убывающей степени встречаемости в следующий ряд: /и, а, э, у, е:, и:, э:, а:, о:, у:/ . Краткие гласные составляют 80,38 %; неогубленные (91,78 %) превалируют над огубленными (8,22 %), нейтральные (41,77 %) – над твёрдорядными (34,81 %) и мягкорядными (23,42 %).

В конечном слоге -CVC (см. табл. 3) гласные по относительной частотности можно расположить следующим образом: /з, а, и, э:, а:, и:, у, о:, е:, о:, у:/ . Краткие гласные составляют 65,24 % выборки, неогубленные – 90,6 %, твёрдорядные – 29,69 %, мягкорядные – 43,51 %, нейтральные – 26,8 %.

Таблица 3

Частотность гласных в начале и конце слова, %

Table 3

The frequency of vowels at the beginning and at the end of the word, %

Позиция в слове	Гласный										
	і:	і	е:	э:	з	а:	а	о	о:	и	и:
В абсолютном начале слова V-, VC- по отношению ко всем гласным приоткрытого первого слога	2,21	21,32	0,47	2,21	28,41	0,63	19,85	2,94	0,63	20,59	0,74
В начале слова CV-, SVC- по отношению ко всем гласным прикрытого первого слога	4,97	12,71	3,31	2,21	14,92	6,63	21,01	3,86	11,60	16,02	2,76
В абсолютном конце слова -CV по отношению ко всем гласным открытого конечного слога	5,70	28,48	6,33	4,43	18,99	1,90	25,95	0	0,63	6,96	0,63
В конце слова -CVC по отношению ко всем гласным закрытого конечного слога	5,07	15,94	0,72	15,94	27,57	9,42	15,94	0,72	2,89	5,07	0,72

Эксперимент 3
Сравнение парадигматического и синтагматического видов
частотности гласных в ороchonском языке

Анализ частотности фонемных групп и пар в ороchonском языке был проведен с целью зафиксировать сходство и отличие частотных характеристик ороchonских гласных в парадигматике и синтагматике. Количественные данные по частотности каждой гласной фонемы в речи и ранги их частотности представлены в табл. 4.

Лидирующие позиции по частотности занимают мягкорядный краткий неогубленный гласный /з/ и твёрдорядный краткий неогубленный гласный /а/. В целом по признаку ряда самыми частотными оказались гласные центрального ряда (3 874 ф/у), затем переднего (1 695 ф/у) и заднего (1 590 ф/у) рядов. По признаку подъёма в сказках преобладали гласные среднего (2 904 ф/у), затем высоко-го (2 478 ф/у) и низкого (1 777 ф/у) подъёмов.

Таблица 4

Частотность ороchonских гласных в речи

Table 4

Frequency of Oroqen vowels in speech

№ п/п	Фонема	Абсолютное количество реализаций	Ранг частотности
1	i:	215	10
2	i	1231	3
3	e:	249	9
4	a:	310	7
5	a	1467	2
6	з:	326	6
7	з	1771	1
8	o:	187	11
9	o	371	5
10	u:	269	8
11	u	763	4

Обращает на себя внимание существенная разница парадигматической и синтагматической видов частотности долгих и кратких ороchonских гласных. Если в системе долгих гласных на 1 больше, чем кратких (в связи с долгим непарным /e:/), то в материале отмечается явное преобладание кратких над долгими как в целом в группе, так и по парам гласных. Закономерность доминирования в ороchonском языке кратких гласных над долгими подтверждается количественной обработкой данных подсчёта гласных в слогах открытого (V, CV) и закрытого (VC, CVC) типов. Оказалось, что преобладающее количество употреблений выпадает на долю открытых слогов с кратким гласным (54 %). Краткие гласные в закрытых слогах составили почти четверть от числа всех употреблений (24 %). Малочастотными в ороchonском языке оказались открытые и закрытые слоги с долгим гласным (13 и 9 % соответственно). Основным выводом является констатация факта о высокой частотности кратких гласных в слогах как открытого, так и закрытого типов в ороchonском языке.

Заключение

В целом категория частотности в лингвистике признается одним из важных и влиятельных факторов, поскольку речь, в том числе, понимается как вероятностный процесс, основные закономерности которого определяются статистическими характеристиками – распределением вероятностей элементов сообщения (фонем, слогов, слов и т. д.) и их комбинаций [Фрумкина, 1971]. В настоящей работе на материале ороchonского языка изучены некоторые вероятностно-дистрибуционные признаки слова, полезные для исследования восприятия речи. Обобщая полученные в ходе экспериментов фоностатистические данные, можно сделать следующие выводы.

1. В словарном фонде ороchonского языка преобладают двусложные и трёхсложные словоформы, составляющие в сумме 75,7 % выборки из 2219 словоформ (15 558 ф/у). Для сравнения в эвенкийском языке, по нашим данным, двухсложных и трёхсложных словоформ в сумме меньше (64,8 %), но в кумандинском больше – 85,5 % [Селютина, 1982]. Средняя длина словоформы в ороchonском языке 5,9 фонемы (2,7 слога), в эвенкийском – 6,2 фонемы (2,7 слога).

2. В языке ороchonов функционируют четыре основных типа слогов: V, VC, CV, CVC. Открытый слог типа CV несёт на себе большую частотную нагрузку (47,64 %). Эта вероятностно-дистрибуционная характеристика не типична для языков обско-угорских и тюркских народов Сибири – казымских ханты и кумандинцев (соответственно), где преобладающим типом слога является закрытый слог [Куркина, 1980; Селютина, 1982].

3. По коэффициенту консонантной насыщенности (1,5) язык ороchonов аналогичен эвенкийскому и мансийскому языкам. Он имеет немного более высокий коэффициент, чем тюркские языки (например, язык кумандинцев (1,46), качинский диалект хакасского языка (1,44)), но чуть менее высокий, чем хантыйский (один из обско-угорских языков наряду с мансийским) (1,53), по подсчётам В. А. Никонова (цит. по: [Шеворошкин, 1969; Селютина, 1982]). Между тем указанная разница не является статистически значимой, следовательно, о ней можно говорить только на уровне тенденции.

4. Во всех типах слогов краткие гласные значительно преобладают над долгими, составляя 68,52–93,11 % от всего количества гласных. Максимальную относительную частотную нагрузку несёт на себе мягкорядный краткий неогубленный гласный /з/ – 14,92–28,41 %. Немногим в значениях по частотности ему уступает твёрдорядный краткий неогубленный гласный /а/ – 15,94–25,95 %.

5. Неогубленные гласные характеризуются большей ОЧ (65,76–91,78 %) по сравнению с огубленными (8,22–34,24 %).

6. Твёрдорядные гласные составляют 24,52–46,41 %, нейтральные – 26,8–44,86 %, незначительно превосходя по частотной нагрузке гласные мягкого ряда (17,13–43,51 %) от общего количества гласных во всех слоготипах.

Основным выводом настоящего исследования будет признание максимальной близости вероятностно-дистрибуционных характеристик гласных ороchonского и эвенкийского языков. Имеется сходство и различие частотных характеристик языка ороchonов с некоторыми тюркскими и обско-угорскими языками. При этом зафиксирована разница по нескольким параметрам: ведущей слоговой структурой в ороchonском языке является открытый слог; коэффициент консонантной насыщенности в ороchonском языке выше, чем в тюркских языках; частотное распределение твёрдорядных, нейтральных и мягкорядных в ороchonских текстах примерно одинаковое; длина словоформы в фонемах в ороchonском больше, чем в куман-

динском, но меньше, чем в эвенкийском. Перспективу исследования составит увеличение объёма материала для достижения большей точности в расчётах за счёт его балансировки и сопоставление с вероятностно-дистрибутивными характеристиками фонем в других урало-алтайских языках.

Список литературы

- Андреева Т. Е.* Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 1988. 142 с.
- Вахотин А. А.* Классификация перцептивных типов русского слова // Вестник ВятГУ. 2014. № 10. С. 133–142.
- Залевская А. А.* Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990. 205 с.
- Константинова О. А.* Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.; Л.: Наука, 1964. 274 с.
- Куркина Г. Г.* Относительная частотность гласных в языке казымских ханты // Звуковой строй сибирских языков. Новосибирск, 1980. С. 66–71.
- Кыштымова Г. В.* Относительная частотность гласных хакасского литературного языка // Языки Сибири и Монголии. Новосибирск, 1987. С. 109–118.
- Морозова О. Н., Андросова С. В., Булатова Н. Я.* Частотные характеристики фонем эвенкийского языка: данные пилотного эксперимента // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5 (3). С. 117–126.
- Мякотникова С. Ю.* Перцептивные особенности звукового строя американского варианта английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Пермь: Вятский гос. гум. ун-т, 2016. 216 с.
- Николина Е. В., Озонова А. А., Кокошников О. Ю., Тазранова А. Р.* Социоллингвистическая ситуация у тубаларов и чалканцев // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 7: Экспедиционные материалы. Ч. 1. Образцы текстов на тубаларском и чалканском языках. С. 3–9.
- Певнов А. М.* Работа над рукописью С. М. Широкогорова «Ороченско-русский словарь (1912–1913)» // Третья международная междисциплинарная тунгусская конференция «Социальные взаимодействия, языки и ландшафты в Сибири и Китае (эвенки, эвены, орочоны и другие группы)»: Сб. тр. Благовещенск, 2019. С. 187–196.
- Радченко Г. Л.* О фонетическом типе нанайского языка // Грамматическая и семантическая структура слова в языках народов Сибири. Новосибирск, 1988. С. 15–18.
- Решетов Б. В.* Орочоны // Народы и религии мира. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 401.
- Селютина И. Я.* Относительная частотность гласных в языке кумандинцев // Экспериментальная фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1982. С. 81–86.
- Тамбовцев Ю. А.* Консонантный коэффициент в языках разных семей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1986. 16 с.
- Тамбовцев Ю. А.* Эвфония звуковой цепочки языка // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 108–115.
- Тамбовцев Ю. А.* Распределение групп фонем в звуковых цепочках языков и диалектов // Сибирский филологический журнал. 2012. № 3. С. 146–152.
- Фрумкина Р. М.* Вероятность элементов текста и речевое поведение. М., 1971. 168 с.

Чугаева Т. Н. Звуковой строй языка в перцептивном аспекте (экспериментальное исследование на материале английского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009. 46 с.

Чугаева Т. Н., Байбурова О. В., Вахотин А. А., Дмитриева С. Ю. Сопоставление результатов лингвостатистического анализа перцептивных типов русского и английского слова (на материале НКРЯ, БНК, АНК) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5 (3). С. 273–291.

Шалданова А. А. Вокализм диалекта алтай-кижи в сопоставительном аспекте. Новосибирск, 2007. 280 с.

Шеворошкин В. В. Звуковые цепи в языках мира. М., 1969. 187 с.

Ян Л. Исследование современного применения ороchonского языка в провинции Хейлуцзян (КНР) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 8, ч. 2. С. 189–194.

Aralova N. Vowel harmony in two Even dialects: production and perception. The Netherlands: LOT, 2015. 230 p.

Doerfer G. Classification problems of Tungus // Tungusica. 1978. Vol. 1. P. 1–26.

Herdan G. The Relation Between the Functional Burdening of Phonemes and the Frequency of Occurrence // Language and Speech. 1958. Vol. 1, iss. 1. P. 8–13.

Howes D. H., Solomon R. L. Word frequency, personal values, and visual duration thresholds // Psychological Review. 1951. Vol. 58 (4). P. 256–270.

Janhunen J. A. Material on Manchurian Khamnigan Evenki. Helsinki: Finno-Ugrian Society, 1991. 120 p.

Kang H., You H., Choi W. Avoidance of Identical and Similar Consonants in Manchu Syllables: Its Domain and Motivation // Current Trends in Altaic Linguistics: A Festschrift for Professor Emeritus Seong Baeg-in on his 80th Birthday. – The Altaic Society of Korea. Seoul National University, Korea, 2013. P. 61–89.

Krámský J. A Quantitative Typology of Languages // Language and Speech. 1959. Vol. 2. P. 72–85.

Tamaoka K., Mikioka Sh. Frequency of occurrence for units of phonemes, morae, and syllables appearing in a lexical corpus of a Japanese newspaper // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers. 2004. Vol. 36 (3). P. 531–547.

Whaley L. J., Grenoble L. A., Li F. Revisiting Tungusic classification from the Bottom up: A Comparison of Evenki and Oroqen // Language. 1999. Vol. 75, no. 2. P. 286–321.

Yizhou L. Frequency-influenced choice of L2 sound realization and perception: evidence from two Chinese dialects // Proc. of the 28th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation, 12–14 December 2014. Phuket, Thailand, 2014. P. 292–298.

Yurn G. Manjueoui gyeryangeoneohakjeok yeongu [A statistic study of Manchu] // Altai hakpo. 1994. Vol. 4. P. 67–96.

韩有峰 (卡基尔, 孟淑贤) 鄂伦春语汉对照词典 北京 中央民族学院出版社 出版 1993年 385页 [Хань Ю., Мэн Ш. Сопоставительная хрестоматия ороchonского и китайского языков. Пекин: Ин-т национальных меньшинств, 1993. 385 с.]

References

Andreeva T. E. *Zvukovoy stroy tommotskogo govora evenkiyskogo yazyika* [The sound system of the Tommot dialect of the Evenki language]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 142 p.

Aralova N. *Vowel harmony in two Even dialects: production and perception*. The Netherlands, LOT, 2015, 230 p.

Chugaeva T. N. *Zvukovoy stroy yazyika v pertseptivnom aspekte (eksperimentalnoe issledovanie na materiale angliyskogo yazyika)* [The sound structure of the language in the perceptual aspect (experimental study on the material of the English language)]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2009, 46 p.

Chugaeva T. N., Baiburova O. V., Vakhotin A. A., Dmitrieva S. Yu. Sopotavlenie rezul'tatov lingvostaticheskogo analiza perceptivnyh tipov russkogo i angliyskogo slova (na materiale NKRYA, BNK, ANK) [Statisticlinguistic comparative analysis of the perceptual types of a Russian and an English word (Based on NCRL, BNC, ANC)]. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2019, vol. 5(3), pp. 273–291.

Doerfer G. Classification problems of Tungus. *Tungusica*, 1978, vol. 1, pp. 1–26.

Frumkina R. M. *Veroyatnost' elementov teksta i rechevoe povedenie* [Probability of text elements and speech behavior]. Moscow, Nauka, 1971, 168 p.

Han Yu., Meng Sh. *Comparative Reader of the Oroqen and Chinese Languages*. Beijing, Institute of National Minorities, 1993, 385 p.

Herdan G. The relation between the functional burdening of phonemes and the frequency of occurrence. *Language and Speech*. 1958, vol. 1, iss. 1, pp. 8–13.

Howes D. H., Solomon R. L. Word frequency, personal values, and visual duration thresholds. *Psychological Review*. 1951, vol. 58(4), pp. 256–270.

Janhunen J. A. *Material on Manchurian Khamnigan Evenki*. Helsinki, Finno-Ugrian Society, 1991, 120 p.

Kang H., You H., Choi W. Avoidance of identical and similar consonants in Manchu syllables: its domain and motivation. *Current Trends in Altaic Linguistics: A Festschrift for Professor Emeritus Seong Baegin on his 80th Birthday*. The Altaic Society of Korea, Seoul National University, 2013, pp. 61–89.

Konstantinova O. A. *Evenkiyskiy yazyik. Fonetika. Morfologiya* [Evenki language. Phonetics. Morphology]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1964, 274 p.

Krámský, J. A Quantitative typology of languages. *Language and Speech*. 1959, vol. 2, pp. 72–85.

Kurkina G. G. Otnositel'naya chastotnost' glasnykh v yazyke kazymskikh khanty [Relative frequency of vowels in the Kazym Khanty language]. In: *Zvukovoy stroy sibirskikh yazykov* [Sound system of the Siberian languages]. Novosibirsk, 1980, pp. 66–71.

Kyishtyimova G. V. Otnositel'naya chastotnost' glasnykh khakasskogo literaturnogo yazyka [Relative frequency of vowels in the Khakass literary language]. In: *Yazyki Sibiri i Mongolii* [Languages of Siberia and Mongolia]. Novosibirsk, 1987, pp. 109–118.

Morozova O. N., Androsova S. V., Bulatova N. Ya. Chastotnye kharakteristiki fonem evenkiyskogo yazyka: dannye pilotnogo eksperimenta [Frequency characteristics of the phonemes of the Evenki language: data of a pilot experiment]. *Theoretical and Applied Linguistics*. vol. 5(3), 2019, pp. 117–126.

Myakotnikova S. Yu. *Pertseptivnye osobennosti zvukovogo stroya amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka* [Perceptual features of the sound system of American English]. Cand. philol. sci. diss. Perm', VSHU, 2016, 216 p.

Nikolina E. V., Ozonova A. A., Kokoshnikova O. Yu., Tazranova A. R. Sotsiolingvisticheskaya situatsiya u tubalarov i chalkantsev [Sociolinguistic situation among the Tubalars and Chalkans]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri. Vyp. 7: Ekspeditsionnye materialy. Ch. 1. Obraztsy tekstov na tubalarskom i chalkanskom yazykakh*

[Languages of indigenous peoples of Siberia. Iss. 7: Expedition materials. Pt. 1. Samples of texts in Tubalar and Chalkan languages]. Novosibirsk, 2003, pp. 3–9.

Pevnov A. M. Rabota nad rukopisyu S. M. Shirokogorova “Orochensko-russkiy slovar (1912–1913)” [Work on the manuscript of S. M. Shirokogorov “Orochen-Russian Dictionary (1912–1913)”]. In: *Sotsial’nyye vzaimodeystviya, yazyki i landshafty v Sibiri i Kitaye (evenki, eveny, orochony i drugiye gruppy): trudy 3 Mezhdunar. mezhdistsipl. tungus. konf.* [The Third International Interdisciplinary Tungus Conference “Social Interactions, Languages and Landscapes in Siberia and China (Evenks, Eveny, Orochon and Other Groups)”]: Coll. works]. Blagoveshchensk, 2019, pp. 187–196.

Radchenko G. L. O foneticheskom tipe nanayskogo yazyka [About the phonetic type of the Nanai language]. In: *Grammaticheskaya i semanticheskaya struktura slova v yazykakh narodov Sibiri* [Grammatical and semantic structure of the word in the languages of the peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1988, pp. 15–18.

Reshetov B. V. Orochony [Orochens]. In: *Narody i religii mira* [Peoples and religions of the world]. Moscow, Bol’shaya Rossiyskaya Entsikl., 1998, p. 401.

Selyutina I. Ya. Otnositel’naya chastotnost’ glasnykh v yazyke kumandintsev [The relative frequency of vowels in the Kumandy language]. In: *Ekspertmental’naya fonetika sibirskikh yazykov* [Experimental phonetics of Siberian languages]. Novosibirsk, 1982, pp. 81–86.

Shaldanova A. A. *Vokalizm dialekta altay-kizhi v sopostavitel’nom aspekte* [Vocalism of the Altai-Kizhi dialect in a comparative aspect]. Novosibirsk, 2007, 280 p.

Shevoroshkin V. V. *Zvukovye tsepi v yazykakh mira* [Sound chains in the languages of the world]. Moscow, 1969, 187 p.

Tamaoka K., Mikioka Sh. Frequency of occurrence for units of phonemes, morae, and syllables appearing in a lexical corpus of a Japanese newspaper. *Behavior Research Methods, Instruments & Computers*. 2004, vol. 36 (3), pp. 531–547.

Tambovtsev Yu. A. Evfoniya zvukovoy tsePOCHki yazyka [Euphony of the sound chain of the language]. *Siberian Journal of Philology*. 2010, no. 1, pp. 108–115.

Tambovtsev Yu. A. *Konsonantnyy koeffitsient v yazykakh raznykh semey* [Consonant coefficient in languages of different families]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 1986, 16 p.

Tambovtsev Yu. A. Raspredelenie grupp fonem v zvukovykh tsePOCHkakh yazykov i dialektov [Distribution of phoneme groups in the sound chains of languages and dialects]. *Siberian Journal of Philology*. 2012, no. 3, pp. 146–152.

Vahotin A. A. Klassifikatsiya pertseptivnykh tipov russkogo slova [Classification of perceptual types of the Russian word]. *Herald of Vyatka State University*. 2014, no. 10, pp. 133–142.

Whaley L. J., Grenoble L. A., Li F. Revisiting Tungusic classification from the Bottom up: A comparison of Evenki and Oroqen. *Language*. 1999, vol. 75, no. 2, pp. 286–321.

Yan L. Issledovanie sovremennogo primeneniya orochonskogo yazyka v provintsii Heyluntszyan (KNR) [Research on the modern use of the Orochon language in Heilongjiang province (PRC)]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016, no. 8, pt. 2, pp. 189–194.

Yizhou L. Frequency-influenced choice of L2 sound realization and perception: evidence from two Chinese dialects. *Proc. of the 28th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation, 12–14 December 2014*. Phuket, Thailand, 2014, pp. 292–298.

Yurn G. Manjueoui gyeryangeoneohakjeok yeongu [A statistic study of Manchu]. *Altai hakpo*. 1994, vol. 4, pp. 67–96.

Zalevskaya A. A. *Slovo v leksikone cheloveka: psiholingvisticheskoe issledovanie* [A word in the human lexicon: a psycholinguistic study]. Voronezh, 1990, 205 p.

Сведения об авторе

Морозова Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Амурского государственного университета (Благовещенск, Россия)

morozova_olga06@mail.ru

Researcher ID ABF-6977-2020

ORCID 0000-0002-0950-1886

Information about the author

Olga N. Morozova – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Foreign Languages Department, Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation)

morozova_olga06@mail.ru

Researcher ID ABF-6977-2020

ORCID 0000-0002-0950-1886

УДК 81'373.45
DOI 10.17223/18137083/75/13

Лексические заимствования второй половины XIX века в письмах И. С. Тургенева

Ю. Г. Захарова

*Тихоокеанский государственный университет
Хабаровск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются письма И. С. Тургенева как источник изучения лексических заимствований из западноевропейских языков в русском языке второй половины XIX в. На материале писем и других источников уточняется датировка вхождения иноязычных слов в русский язык; анализируются процессы семантической адаптации заимствований в русском языке XIX в.: сужение, расширение значения и сферы употребления слова, усложнение семантической структуры, появление значений, которые были свойственны разговорной речи или имели индивидуально-авторский характер, смена коннотации.

Ключевые слова

неология русского языка XIX в., иноязычное заимствование, семантическая адаптация, историческая лексикология

Для цитирования

Захарова Ю. Г. Лексические заимствования второй половины XIX века в письмах И. С. Тургенева // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 177–191. DOI 10.17223/18137083/75/13

Lexical borrowing of the second half of the 19th century in the letters of I. S. Turgenev

Yu. G. Zakharova

*Pacific State University
Khabarovsk, Russian Federation*

Annotation

The paper discusses lexical borrowings from the Western European languages in Russian in the second half of the 19th century in the letters of I. S. Turgenev. The definition of the term “borrowing” is given. The criteria determining the entry of a foreign language unit into the lexical system of the Russian language are specified. The word’s being widely represented in various dictionaries is considered as one of the important criteria to determine the foreign language word’s common usage. The entry dating of foreign words in the Russian language is specified in letters and other sources. The processes of semantic adaptation of borrowings in the Russian language of the 19th century are analyzed: narrowing, expansion of the meaning

© Ю. Г. Захарова, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

and scope of the word usage, complication of the semantic structure, appearance of meanings typical of colloquial speech or having individual authorial character, connotation change. This study allowed considering the letters of I. S. Turgenev as a valuable source for compiling etymological dictionaries of the Russian language since the borrowed vocabulary is not fully reflected in them. The author believes that the material of the letters of I. S. Turgenev should be reflected in the Dictionary of the Russian language of the 19th century. With instability and the dynamics of units being the principle of word selection in the dictionary, borrowed vocabulary will take an important place as an significant part of the neology of this era.

Keywords

Russian neology of the 19th century, foreign language borrowing, semantic adaptation, historical lexicology

For citation

Zakharova Yu. G. Lexical borrowing of the second half of the 19th century in the letters of I. S. Turgenev. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 177–191. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/13

Эпистолярные тексты деятелей мировой культуры играют большую роль в культурно-историческом отношении, поскольку представляют собой своеобразные «документы эпохи». Деятельность XIX века называют временем расцвета эпистолярного жанра во всех его стилевых разновидностях [Курьянович, 2008, с. 216].

Изменения в социально-политической, экономической, культурной жизни России второй половины XIX в. находили живой отклик писателей в переписке с друзьями, коллегами, родственниками, поэтому в письмах ярко отражаются и те перемены, которые происходили в языке и речи: вхождение новых единиц в лексическую систему (русских и заимствованных), сдвиги в семантике слов, архаизация слов или значений, возникновение потенциальных слов и окказионализмов и др.

Неологизмы эпохи нередко подвергаются в письмах метаязыковой рефлексии: осмысливается значение лексем, сфера их употребления, возможность или невозможность адекватной замены русским словом, соответствие системе принимающего языка, происхождение и др. [Захарова, 2017]. По замечанию Э. А. Китаниной, «авторские рефлексии представляют собой объективацию мыслей адресанта, связанных с “качествами” иноязычного слова, и поэтому чрезвычайно важны для характеристики прагматических свойств “чужих” элементов» [2005, с. 10].

В последние годы иноязычная лексика в письмах русских писателей привлекала внимание лингвистов.

Иноязычные языковые единицы в письмах изучались в аспекте переключения языковых кодов и межязыкового перекодирования, билингвизма [Проценко, 2002, 2006; Блинохватова, 2005; Ломакина, 2014]. Е. А. Проценко рассматривала иносистемные и интерсистемные языковые единицы в творчестве Ф. М. Достоевского, в том числе в письмах. Объектом анализа были иноязычные вкрапления – беспереvodные слова и выражения, переданные иноязычной графикой, а также единицы, перекодированные с иностранного языка на русский, но не вошедшие в узус. В. М. Блинохватова анализировала дворянское эпистолярное наследие первой половины XIX в. в аспекте билингвизма (культурные, стилистические, гендерные особенности переключения языкового кода в письмах А. С. Пушкина, П. А. Вяземского и их корреспондентов). Иноязычные фразеологизмы и паремии в художественных произведениях и письмах Л. Н. Толстого рассматривались О. В. Ломакиной.

Иноязычные вкрапления из разных европейских языков на материале писем В. А. Жуковского, А. И. Герцена, А. П. Чехова изучались также в прагматическом и стилистическом аспектах: с точки зрения коммуникативных целей автора, как важная специфическая черта эпистолярного дискурса [Вишнякова, 2017; Доровских, 2010; Сасимович, Лешутина, 2012].

Заемствованная лексика русского языка XIX в. в историко-лексикологическом аспекте рассматривалась в основном на материале критики, публицистики [Сорокин, 1965] и словарей иностранных слов [Барышникова, 2010]. Письма русских писателей – важный и практически не исследованный источник изучения заимствованной лексики в русском языке XIX в.

Материалом для исследования послужили 2 696 писем И. С. Тургенева за 1850–1875 гг., опубликованных в 13 томах (Тургенев, 1982–2003). Иноязычная лексика занимает в письмах И. С. Тургенева большое место, поскольку он владел несколькими европейскими языками, был русско-французским билингом, много лет жил в европейских странах. Период с 1864 по 1871 г. писатель большей частью прожил в Германии, а 1872–1883 гг. – во Франции.

Из 129 лексем, которые стали употребляться в русском языке со второй половины XIX в. и нашли отражение в письмах И. С. Тургенева, 109 (84,7 %) относятся к иноязычным. В письмах И. С. Тургенева, написанных на русском языке, используются слова из французского, немецкого, английского, итальянского языков. Больше всего галлицизмов (84,4 %), поскольку в XIX в. Россия имела тесные культурные связи с Францией.

Среди новых западноевропейских слов в письмах И. С. Тургенева 54,1 % составляют иноязычные вкрапления (например, *protégé, demi-monde, arrière-goût, pruderie, brutalité, régime, nonsense, tricot, écorché, revue*), 17,4 % – интерсистемная лексика – слова, перекодированные по правилам русского языка, но не принадлежавшие его системе (*инсталляция, локомотия, фризёр, нихтзейн, преокупация, дементировать, резорбироваться, резиньяция, морбидный*), и 28,4 % – заимствования (*легальный, социалист, медиум, абсурд, франкировать, претенциозный, дисгармонизировать* и др.).

Фиксация иноязычного слова в словаре является завершающим этапом его освоения [Крысин, 2004, с. 44]. Для дифференциации интерсистемной и заимствованной лексики второй половины XIX в., определения времени заимствования привлекались материалы энциклопедических словарей, толковых словарей иностранных слов, академического толкового словаря русского языка и словаря В. И. Даля. Третье издание словаря Академии наук стало выходить в конце века (с 1895 г.) и не было завершено. В. И. Даль, несмотря на пуристические взгляды, включал освоенную русским языком иноязычную лексику в словарь, поэтому данный лексикографический источник является надежным показателем вхождения иноязычного слова в русский язык. Третье издание словаря В. И. Даля существенно пополнил заимствованиями конца XIX в. И. А. Бодуэн де Куртенэ.

Письма И. С. Тургенева послужили отправной точкой исследования, но для полного и объективного анализа истории заимствованного слова необходимо привлечение и других текстов: художественных, публицистических, эпистолярных. Сравнительный анализ писем русских писателей, материалов словарей XIX в. и других источников позволяет реконструировать ход семантической эволюции иноязычного слова во второй половине XIX в., включая звенья, появившиеся в результате индивидуальных ассоциаций и знаний автора письма (эти звенья анализировались, например, М. Н. Приемышевой [2003]).

Ю. С. Сорокин отмечал, что для русского языка 60–70 гг. XIX в. были характерны окончательная ассимиляция слов, заимствованных в предшествующий период, и появление круга новых слов, связанных с общественно-политической, экономической, научной сферами [1965, с. 139–140].

В письмах используется ряд слов с корнем *эмансип-* (*эманцип-*): *эманципация*, *эманципированная*, *эманципе* (*эмансипе*), заимствованных из французского языка и прошедших в русском фонетико-графическую, морфологическую и семантическую адаптацию. Вариант с *-с-* представляет собой транскрипцию, а с *-ц-* – транслитерацию французского корня. Начало употребления этих слов в русском языке отмечается в 30-е гг. XIX в., но значительное распространение они получают с 60-х гг. [Там же, с. 116]. С этого времени их можно считать заимствованными русским языком.

Существительное *эманципация* (фр. *émancipation*) И. С. Тургенев употреблял, во-первых, в общем значении, отраженном в энциклопедическом словаре Ф. Толля (1864) и толковом словаре В. И. Даля (1-е изд.), – ‘освобождение от зависимости или ограничения’ (НССТ, 1864, т. 3, с. 1106), ‘полная воля, свобода’ (Даль, 1866, т. 4, с. 608): «<...> он, говорят, ратоборствует, как лев, в деле *эманципации* против дворянской партии» (А. И. Герцену, 1860) (Тургенев, 1987, т. 4, с. 274). Кроме того, письма отражают характерное для русского языка сужение значения слова и его терминологизацию: в 60-е гг. XIX в. *эманципацией* стали называть реформу 1861 г. по отмене крепостного права в России: «Имею также сообщить тебе – самым достоверным образом – что указ об *эманципации* выйдет скоро: никаким другим слухам не верь; главные противники указа – кто бы ты думал? – <...> Муравьев, Княжевич и ... кн. А. М. Горчаков!» (А. И. Герцену, 1861) (Тургенев, 1987, т. 4, с. 293).

Глагол *эмансипировать* (фр. *émanciper*) и словосочетание *эмансипированная женщина* впервые фиксируются в словаре Ф. Толля в 1864 г.: ‘Женщина, освободившаяся из-под власти отцовской и мужниной и живущая на началах равноправности полов’ (НССТ, 1864, т. 3, с. 1106). Одно из писем И. С. Тургенева показывает, что прилагательное в составе словосочетания употреблялось также с транслитерированным вариантом корня: «Все наши убеждения ни к чему не повели, и дрянная *эманципированная* баба осталась с чужими деньгами» (Е. Я. Колбасину, 1860) (Тургенев, 1987, т. 4, с. 270).

Слово *эмансипе* (*эманципе*) во французской и русской графике впервые фиксируется в словаре иностранных слов 1861 г. в качестве прилагательного: «*émancipé* (*эмансипе*) фр. Свободный от предрассудков» (ПСИС, 1861, с. 564). Для русского языка была характерна субстантивация этого слова, в результате чего оно стало именовать сам объект эмансипации [Березовский, 2013, с. 123]. Судя по материалу словаря иностранных слов А. Н. Чудинова (1-е изд.), это слово как номинация человека первоначально не обладало гендерной маркированностью: «*émancipé* (фр.) Человек, чуждый предрассудков» (Чудинов, 1894, с. 974). Так, герой рассказа А. П. Чехова «Святая простота» (1885) употребляет это слово по отношению к сыну: «Университант, гуманный, *эмансипе*, а не устыдился старика посетить. Забыл отца и вдруг вспомнил»¹.

Письма И. С. Тургенева 60-х гг. показывают, что уже в это время наметилась специализация значения слова. Оно используется писателем только в значении

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 25.03.2019).

‘эмансипированная женщина’: «Женщина, не *эмансипе*, просто сказала бы: “деньги мои, бумаг нет – я ничего не дам”; но г-жа Шеншина, как *эмансипе́*, – объявила, что она никаких супружеских обязанностей не признает – и отдала бы все ребенку, осталась бы нищею, если бы только этот ребенок был ее мужа» (Е. Я. Колбасину, 1860) (Тургенев, 1987, т. 4, с. 263); «Где Вы нашли *эмансипе* в Карташевской? Она просто кусок женского мяса, некогда казавшийся мне красивым» (Е. Я. Колбасину, 1860) (Тургенев, 1987, т. 4, с. 361).

В том же значении слово *эмансипе* употребил И. С. Тургенев и в романе «Отцы и дети» (1862): «Кто бы она ни была – просто ли губернская львица, или “*эмансипе*” вроде Кукшиной, только у нее такие плечи, каких я не видывал давно» (НКРЯ). Это значение впервые получает словарную фиксацию гораздо позже – в третьем издании словаря В. И. Даля (1909): «*Эмансипэ*, женщина-эмансипантка, стремящаяся к равноправию с мужчинами и старающаяся его осуществлять» (Даль, 1909, т. 4, с. 1535), хотя в качестве иллюстрации И. А. Бодуэн де Куртене, дополнивший словарь этим существительным, взял приведенный выше пример из романа «Отцы и дети».

В одном из писем И. С. Тургенев использует глагол *аннектировать*: «Теперь немцы являются завоевателями, а к завоевателям у меня сердце особенно не лежит. Притом они сделали непростительную ошибку: безо всякой пользы и цели разрушили Страсбург и тем на долгое время восстановили против себя эльзасцев, тех самых эльзасцев, которых собираются *аннектировать*» (П. В. Анненкову, 1870) (Тургенев, 1994, т. 10, с. 236).

Глагол *аннектировать*, заимствованный из немецкого (*annektieren*) или латинского (*annectere*) языка, впервые фиксируется в словаре иностранных слов А. Н. Чудинова (1-е изд.): «(лат.) Присоединять» (Чудинов, 1894, с. 84). Существительные *аннексия*, *аннектирование* и *аннексация* – в 1890 г. в энциклопедическом словаре Брокгауза – Ефрона, существительное *аннексия* регистрируется также в академическом Словаре русского языка (1895) в качестве политического термина: «Полит. Присоединение (одной страны к другой)» (САР-3, т. 1, с. 48).

В словаре Брокгауза – Ефрона подчеркивается, что сфера функционирования слов с корнем *аннект-* (*аннекс-*) в конце XIX в. была ограниченной, они применялись, как правило, для именования военных действий Пруссии относительно других государств (ЭСБЕ, 1890, т. 1, с. 608). Глагол *аннектировать* употреблен И. С. Тургеневым в том же значении, по отношению к политике Пруссии.

Судя по материалам Национального корпуса русского языка, в начале XX в. глагол *аннексировать* (*аннектировать*) стал широко употребляться как политический термин по отношению к захватнической политике любой страны.

Похожую со словами *аннектировать*, *аннексия* историю в русском языке имело существительное *абсентеизм*, заимствованное из английского языка. Во второй половине XIX в. наметилось расширение его значения и сферы функционирования. Это существительное впервые фиксируется в Справочном энциклопедическом словаре 1847 г. (издание К. Крайя) в качестве номинации понятия, специфического для Ирландии и Англии: «Слово, означающее обычай ирландской аристократии проживать вне родины. Впоследствии этот обычай перешел и к самим англичанам, которые уезжают из отечества и проживают свои доходы в Германии, Франции, Италии» (СЭС Крайя, 1847, т. 1, с. 24).

Письма И. С. Тургенева конца 60-х – начала 70-х гг. свидетельствуют о том, что в это время слово *абсентеизм* стало употребляться и по отношению к дворянскому сословию России. Писатель характеризует существительным *абсентеизм*

свое отсутствие в России и длительное проживание в Германии: «Живя за границей, в отдалении от русской почвы – я точно так же больших повестей сочинять уже не в силах <...>. Браните меня за мою лень, за мой *абсентеизм*, но не сомневайтесь в моей искренней готовности быть Вам полезным» (М. В. Авдееву, Баден-Баден, 1869) (Тургенев, 1994, т. 10, с. 50); «Ваши слова о моем участии в <альтер> скоттовском юбилее и о моем *абсентеизме* – золотые по своей справедливости слова; но одно уже давно прошло – а другого исправить нельзя» (П. В. Анненкову, Баден-Баден, 1871) (Тургенев, 1999, т. 11, с. 130).

В академическом Словаре русского языка под редакцией Я. К. Грота (1895) уже отмечается это изменение в значении слова, расширение его семантического объема: «Постоянное пребывание вне своего отечества или своего поместья; также отчуждение себя от его интересов. Первоначально это слово употреблялось только в отношении к английским и ирландским землевладельцам, жившим вдали от своих поместьев» (САР-3, 1895, т. 1, с. 5).

Примеры из Национального корпуса русского языка показывают, что слово *абсентеизм* в XIX в. под влиянием прилагательного *absent* ('отсутствующий') в разговорной речи могло утрачивать дифференцирующие компоненты значения 'отечество', 'поместье' и употребляться в качестве синонима к русскому существительному *отсутствие*: «<...> это гадко на месте *абсентеизма* веснь» (П. В. Анненков. Письма И. С. Тургеневу. 1852–1874); «Жалуются, что русская деревня страдает от культурного *абсентеизма*, но разве может быть иначе?» (М. Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом. 1880–1881).

В начале XX в. стало формироваться значение, связанное с политической сферой и свойственное современному русскому языку, – 'уклонение избирателей от участия в голосовании': «Напрасны все убеждения агитаторов. Избиратели проявляют огромный *абсентеизм*» (1907) (НКРЯ).

Для слова *легитимация* во второй половине XIX в. также было характерно расширение значения и, кроме того, усложнение семантической структуры. Существительное *легитимация* впервые фиксируется в словаре иностранных слов Н. Кириллова (1845) в качестве термина римского права, означавшего узаконивание незаконнорожденных детей (КСИС, 1845, с. 160). Это же значение отражено в энциклопедическом словаре Ф. Толля (1863): 'узаконение, признание законным, усыновление дитяти, рожденного вне брака' (НССТ, 1863, т. 1, с. 670). Судя по материалу энциклопедического словаря И. Н. Березина (1874), к 70-м гг. значение расширилось: «*легитимация* – признание чего-либо законным», хотя автор подчеркивает, что в России в это время оно чаще употреблялось в значении 'усыновление детей' (РЭС, 1874, т. 1, с. 247).

Одно из писем И. С. Тургенева показывает, что на основе широкого значения слова путем метонимического переноса в тот же период сформировалось еще одно – 'документ, подтверждающий какое-либо право': «Остается одно, а именно – взять у нашего новоявленного исповедника перед его отъездом нужные на то деньги и подписаться на "С.-Петербургские ведомости" и на "Голос" с 1 апреля, с высылкой сюда. Прилагаемая записочка послужит Вам *легитимацией*» (П. В. Анненкову, 1867) (Тургенев, 1990, т. 7, с. 188). Это значение свойственно слову и в современном русском языке (БАС, 1957, т. 6, с. 103).

В 60-х гг. XIX в. русским языком из французского были заимствованы два глагола, производные от существительного *rang* – 'порядок': *арранжировать* (*аранжировать*) и *деранжировать*. О глаголе *аранжировать* (фр. *arranger* – 'устроить') в словарях этой эпохи дается разная информация. В первом (1863)

и третьем (1903) изданиях словаря В. И. Даля слово фиксируется в общем значении: ‘устроить, учредить, завести; прибрать, привести в порядок, расположить, подобрать’ (Даль, 1903, т. 1, с. 53). В словаре иностранных слов А. Д. Михельсона (1861) отражено не только общее, но и терминологическое музыкальное значение: ‘а) Положить что-нибудь на музыку или на пение б) Устроить что-либо’ (Михельсон, 1861, с. 21).

Письма И. С. Тургенева показывают, что уже в 60–70 гг. XIX в. глагол *аранжировать* и причастие *аранжированный* употреблялись в обоих значениях, свойственных французскому языку того времени: «Мы здесь “Демона” получили (*аранжированного* для фортепьяно) – прочли его со вниманием – и убедились, что это вещь хотя и почтенная, но скучная и неоригинальная» (А. В. Топорову, 1875) (Тургенев, 2003, т. 14, с. 58); «когда ты приедешь в Лондон, – или уж не пожалуешь ли ты в Париж, <...> это бы крайне меня обрадовало и *аранжировало*, говоря по-русски» (А. И. Герцену, 1861) (Тургенев, 1987, т. 4, с. 368). В последнем примере метаязыковое замечание *говоря по-русски* подчеркивает новизну глагола *аранжировать* в русском языке и самоиронию автора по поводу употребления модных иноязычных слов.

Глагол *деранжировать* (фр. *deranger*) впервые фиксируется в словаре иностранных слов А. Д. Михельсона (1866) со значением ‘приводить в расстройство, разорить’ (Михельсон, 1866, с. 214), ср. также ‘уничтожить, привести в беспорядок’ (Бурдон, Михельсон, 1871, с. 195).

В одном из писем И. С. Тургенева глагол *деранжировать* употреблен в переносном значении ‘огорчить, привести в плохое душевное состояние’: «Являюсь к Вам с просьбой: нельзя ли нам переменить день обеда с пятницы на понедельник <...> Надеюсь, что это Вас не слишком “*деранжирует*” – а во всяком случае прошу у Вас извинения» (Б. Н. Чичерину, 1860) (Тургенев, 1987, т. 4, с. 315). Кавычки в данном примере играют роль метаоператора: они свидетельствуют о том, что переносное значение глагола имеет индивидуально-авторский характер. Такую же функцию выполняют кавычки в случае употребления экономического термина *дотация* в более широком значении ‘материальная помощь’: «Никаких “*дотаций*” я не намерен никому больше делать – и дочь моя знает, что она от меня не получит ни копейки больше» (Тургенев, 1989, т. 6, с. 89).

В письмах встречаются глагол *реабилитироваться* и отглагольное существительное *реабилитирование*, отражающие транслитерацию и транскрипцию корня французского *r habilitier* (глагол мог быть заимствован и из немецкого языка). Глагол отмечается в словарях достаточно поздно, с 1904 г., в широком значении ‘восстанавливать, примирять, возвращать в прежнее положение’ (Попов, 1904, с. 329). Однако первые примеры его употребления, причем в двух более узких значениях, составляющих семантическую структуру этого слова и в современном русском языке, датируются сороковыми годами XIX в.

Первое значение – ‘восстановить честное имя; возвращать, -тить уважение’, непосредственно восходит к французскому глаголу *r habilitier* (Макаров, 2004, с. 1040). В таком значении употребляет это слово Н. П. Огарев в одном из писем к А. И. Герцену (1849): «Впрочем, я должен *rehabilitировать* А<лексея> А<лексеевича>. После трех месяцев тяжелой борьбы, в которой он не мог быть и не был хорош, он уступил благородно не столько из убеждения в истине, сколько из любви к людям, и тут я открыл в нем более нежные струны, нежели какие вы могли слышать» (Литературное наследство, 1953, т. 61, с. 788).

Второе значение было связано с юридической сферой – ‘оправдывать, восстанавливать в прежних правах’. В таком значении слово встречается в «Дневнике 1842–1845 гг.» А. И. Герцена (запись от 29 июля 1842 г.): «Ригоризм не может дать абсолюцию, да я и сам далек от того, чтоб дать ее себе, но человеческий суд должен молчать, снисходить, *реабилитировать*» (Герцен, 1954)².

Возвратный глагол *реабилитироваться* появляется в словарях только в XX в. со значением юридического термина: ‘добиться своей реабилитации, получить реабилитацию’. Письмо И. С. Тургенева показывает, что уже в 70-е гг. XIX в. это слово употреблялось еще в одном значении – ‘реабилитировать себя, исправиться’: «Обрадовали теми похвалами, которые Вы расточаете моим “Водам” – а зарезали неотразимой верностью Вашего упрека насчет развязки! <...> Этой беде теперь уже помочь нельзя – но, конечно, при отдельном печатании Санин до некоторой степени *регабilitируется*» (П. В. Анненкову, 1871) (Тургенев, 1999, т. 11, с. 186).

Существительное *реабилитация*, заимствованное из латинского (*rehabilitatio*) или французского (*rehabilitation*) языка, впервые получает словарную фиксацию в 1866 г. (НДПТ, 1866, с. 427). Одно из писем И. С. Тургенева говорит о том, что первоначально наряду с ним употреблялось потенциальное существительное *реабилитирование*, образованное на русской почве при помощи суффикса -ниј- от глагола *реабилитировать*: «То, что сказано об Аркадии, о *реабилитировании* отцов и т. д., показывает только – виноват! – что меня не поняли. Вся моя повесть направлена против дворянства как передового класса» (К. К. Случевскому, 1862) (Тургенев, 1988, т. 5, с. 58).

Материал писем И. С. Тургенева позволяет уточнить данные словарей и в отношении слова *ректификация*. Это существительное, заимствованное из позднелатинского (*rectificatio*) или французского (*rectification*) языка, впервые фиксируется в словаре иностранных слов 1861 г. (издание Е. П. Печаткина) со значением термина химии и математики: ‘1) мат. Спрявление кривых линий или определение их длины; 2) хим. Очищение жидкостей перегонкою’ (ПСИС, 1861, с. 443). Только в качестве научного термина это слово зафиксировано во втором и третьем изданиях словаря В. И. Даля, в словарях иностранных слов А. Д. Михельсона (1866), И. Ф. Бурдона и А. Д. Михельсона (1871) и др. Терминологические значения характерны для этого слова и в современном русском языке (БАС, 1961, т. 12, с. 1196).

Письма И. С. Тургенева показывают, что в 60–70 гг. XIX в. слово *ректификация* употреблялось не только в терминологическом, но и в общем значении – ‘поправка, исправление, уточнение’. Слово используется в контекстах, связанных с внесением поправок в ранее опубликованные тексты: «Он долго путешествовал в Японии и занят теперь сочинением, в котором опишет свои странствования. Между прочим, он тебе в прошлом году прислал *ректификацию* рассказа об убийстве одного японца русским офицером <...>» (А. И. Герцену, 1863) (Тургенев, 1988, т. 5, с. 151); «Любезнейший Михаил Матвеевич, семейство Н. И. Тургенева, благодаря Вас за помещение в “В<естнике> Е<вропы>” моей некрологической статейки, желало бы, чтобы Вы в следующем № сделали небольшую *ректификацию*» (М. М. Стасюлевичу, 1871) (Тургенев, 1999, т. 11, с. 180).

² URL: <http://gertsen.litinfo.ru/gertsen/dnevnik/dnevnik-1842-1845/index.htm> (дата обращения 25.03.2019).

Примеры употребления слова в таком значении во второй половине XIX в. встречаются и у других авторов: «Он любил также и приговорительную агитацию, <...> жизнь конспираций, консультаций, неспяных ночей, переговоров, договоров, *ректификаций*, шифров, химических чернил и условных знаков» (А. И. Герцен, 1865); «*Ректификация* в “Петербургских ведомостях” очень важна» (Т. Пасек, 1886) (Епишкин, 2010) ³.

Это значение было первичным (лат. *rectus* – ‘прямой, простой’ и *facere* – ‘делать’) (Михельсон, 1866, с. 637)), а терминологические – производными, возникшими в результате его сужения и закрепления за определенными научными областями. Например, в «Полном французско-русском словаре» Н. П. Макарова (1884) общее значение дается сначала, а терминологические – после, в качестве вторичных: «*Rectification* проверка, поправка; || Хим. двоение, очищение; || Геом. выправление» (Макаров, 2004, с. 1030). Первичное значение получило отражение в словарях только в конце XIX – начале XX в. (Чудинов, 1894, с. 751; Ефремов, 1912, с. 411), для современного русского языка оно является архаичным.

Письма позволяют увидеть смену коннотации слова *элукубрация* во второй половине XIX в. Это существительное встречается в разных источниках 70–80 гг. XIX в. (Епишкин, 2010), но в словарях фиксируется только с начала XX в. Слово могло быть заимствовано непосредственно из латинского языка или из французского. В словарях, в соответствии с его этимологией, отражается положительно окрашенное значение: ‘сочинение, плод усиленного и кропотливого труда, труженическая работа’ (Дубровский, 1905, с. 750); ‘плод усиленного и кропотливого труда; ученое сочинение, стоившее усиленных трудов и бессонных ночей’ (Чудинов, 1910) ⁴. Ср. латинский глагол *elucubrare* – ‘работать при свете лампы (поздно ночью), *перен.* ценой упорного труда изучать или создавать’ (Дворецкий, 2003, с. 280), французское существительное *élucubration* – ‘плод труженичества’ (Макаров, 2004, с. 467).

Письма русских писателей и другие источники XIX в. показывают, что на базе сем ‘усиленный’, ‘вымученный’ в значении этого существительного появились отрицательно-оценочные семы ‘лишенный естественности, надуманный’. Отсутствие в словарных дефинициях указания на негативную коннотацию может свидетельствовать о том, что она была свойственна слову только в разговорной речи.

И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой *элукубрациями* в своих письмах называют сочинения славянофилов, расценивая их как искусственные, бездарные и бесполезные труды: «Ну а вот уж Вашего Страхова – несмотря на Вашу рекомендацию – читать я не стану. С меня довольно того, что я прочел из *элукубраций* этого смертного. Ко всему славянофильствующему я чувствую положительное физическое отвращение – как к дурному запаху, дурному вкусу, как к Брюллову или Г. Доре» (И. С. Тургенев А. А. Фету, 1873) (Тургенев, 2000, т. 12, с. 209); «Я изменил приемы своего писания и язык, но, повторяю, не потому, что рассудил, что так надобно. А потому, что даже Пушкин мне смешон, не говоря уж о наших *элукубрациях*, а язык, которым говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что только может желать сказать поэт, – мне мил. <...> Народность славянофилов и народность настоящая две вещи столь же разные, как эфир

³ URL: <http://gallicismes.academic.ru/> (дата обращения 06.02.2019).

⁴ URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/ (дата обращения 25.03.2019).

серный и эфир всемирный, источник тепла и света» (Л. Н. Толстой Н. Н. Страхову, 1872)⁵.

Подобные примеры употребления слова *элукубрация* встречаются в текстах конца XIX в.: «Какими *элукубрациями* притупляют в нынешней школе здоровый ум юношества» (Б. Маркевич, 1881); «Повесть моя вышла... нелепейшею из нелепых <...>. Нечего и говорить, что не суждено было моей бесцветной *элукубрации* увидеть свет» (М. Д. Бутурлин, 1898) (Епишкин, 2010).

Проведенное исследование позволяет сделать следующее заключение.

1. Письма И. С. Тургенева являются ценным историко-лексикологическим источником, который не включен в состав Национального корпуса русского языка и не использован в крупных исследованиях, посвященных заимствованной лексике в русском языке XIX в.

Сравнительный анализ писем и других источников позволяет увидеть процессы графико-фонетической, морфологической и семантической адаптации заимствованных слов в русском языке. Рассмотренные слова пережили на русской почве транскрипцию или транслитерацию корня. Транслитерированный вариант не всегда дает возможность определить конкретный источник заимствования, в некоторых случаях можно предположить как латинский, так и французский или немецкий язык, тем более что к середине XIX в. сложились стандартные морфологические способы оформления заимствованных слов: латинские и французские слова на *-tio* и *-tion* передавались при помощи конечного согласного основы *-ц* и суффикса *-ij(a)*- (*элукубрация*, *ректификация*, *легитимация*), немецкие и французские глаголы на *-ieren* и *-er* – при помощи суффикса *-ирова-*, восходящего к немецкому *-ieren* (*регабilitировать*).

Письма отражают различные семантические процессы в области заимствованной лексики, позволяют уточнить данные словарей XIX в. в отношении круга значений заимствований и выявить значения, которые были свойственны разговорной речи или имели индивидуально-авторский характер, обнаружить смену коннотации (типа оценочности) в слове.

2. Письма И. С. Тургенева могут послужить важным источником для этимологических словарей русского языка, поскольку в существующих заимствованная лексика отражена не в полной мере, в них практически не представлены семантические эволюционные процессы в данной группе слов, в некоторых случаях требуется уточнение времени вхождения слова в русский язык.

3. Материал писем И. С. Тургенева, на наш взгляд, должен найти отражение в Словаре русского языка XIX в., который составляется в Институте лингвистических исследований РАН. Материал в полной мере отвечает задачам словаря дифференциального типа, предмет описания в котором – «динамика лексико-семантической системы в ходе эволюции нормы в направлении к современности»⁶. Принципом отбора слов в нем является нестабильность, динамика единиц, и заимствованная лексика займет в словаре важное место как значимая часть неологии этой эпохи.

⁵ Письмо Л. Н. Толстого Н. Н. Страхову (22, 25 марта 1872 г.) URL: <https://rvb.ru/tolstoy> (дата обращения 25.03.2019).

⁶ См.: Словарь русского языка XIX века. Проект / Отв. ред. З. М. Петрова. СПб.: Наука, 2002. С. 13.

Список литературы

Барышникова С. В. Словари иностранных слов XIX века и отражение в них семантической адаптации иноязычной лексики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Южно-Сахалинск, 2010. 23 с.

Березовский К. С. Эмансипе // Русская речь. 2013. № 5. С. 122–127.

Блиноватова В. М. Русско-французский билингвизм российского дворянства первой половины XIX века (на материале писем): Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 179 с.

Вишнякова Е. А. Иноязычные вкрапления в эпистолярной прозе В. А. Жуковского // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. 2017. № 4 (77). С. 60–65.

Доровских Л. В. Латинские вкрапления в переписке А. П. Чехова // Филологический класс. 2010. № 24. С. 60–66.

Захарова Ю. Г. Метаязыковая рефлексия в письмах русских писателей XIX в. // Русский язык в школе. 2017. № 7. С. 54–58.

Китанина Э. А. Прагматика иноязычного слова в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2005. 40 с.

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

Курьянович А. В. Эпистолярный дискурс как средство современной межличностной и социальной коммуникации // Сибирский филологический журнал. 2008. № 4. С. 215–224.

Ломакина О. В. Иноязычная фразеология и паремиология в текстах Л. Н. Толстого: особенности переключения языкового кода // Вестник Череповец. гос. ун-та. 2014. № 7. С. 93–96.

Приемышева М. Н. Проблема семантической адаптации заимствованного слова в русском языке XIX в. // Словарь русского языка XIX в. Проблемы, исследования, перспективы. СПб.: Наука, 2003. С. 51–58.

Проценко Е. А. К проблеме классификации лексики иноязычного происхождения // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 2. С. 92–99.

Проценко Е. А. Межязыковое перекодирование в творчестве Ф. М. Достоевского: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 230 с.

Сасимович Е. Р., Лешутина И. А. Иноязычные вкрапления в эпистолярном дискурсе А. И. Герцена // Вестник Брян. гос. ун-та. 2012. № 2. С. 314–318.

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е – 90-е годы XIX в. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.

Список источников и словарей

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Наука, 1950–1965.

Бурдон И. Ф., Михельсон А. Д. Словотолкователь 30000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с объяснением их корней. 3-е изд., испр. М.: Тип. Бахметева, 1871. 608 с.

Герцен А. И. Дневник 1842–1845 // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М.: АН СССР, 1954. Т. 2.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 1-е изд. М.: Тип. А. Семена, 1863–1866.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, 1903–1909.

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. 846 с.

Дубровский Н. Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием их корней / Изд. А. А. Ступина. 21-е изд. М., 1905. 768 с.

Етшикин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010. 5140 с.

Ефремов Е. Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. 2-е изд. М.: Т-во А. А. Левенсон, 1912. 605 с.

КСИС – Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Изд. Н. Кириллов. СПб.: Тип. Губ. правления, 1845. 324 с.

Литературное наследство. М.: АН СССР, 1953. Т. 61: Герцен и Огарев. 952 с.

Макаров Н. П. Полный французско-русский словарь / Подгот. по изд. 1884 г. М.: АСТ-Астрель, 2004. 1309 с.

Михельсон А. Д. Объяснение 7000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М.: Тип. Лазаревского ин-та, 1861. 398 с.

Михельсон А. Д. 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. М.: Тип. П. Бахметева, 1866. 771 с.

НДПТ – Необходимое дополнительное приложение к Настольному словарю Ф. Толля / Изд. Ф. Толля. 1866. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1866. 569 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 25.03.2019).

НССТ – Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон): В 3 т. / Изд. Ф. Толля. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1863–1866.

Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1904. 458 с.

ПСИС – Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Изд. Е. П. Печаткина. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1861. 574 с.

РЭС – Русский энциклопедический словарь / Изд. И. Н. Березина. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1873–1880.

САР-3 – Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб.: Тип. Имп. АН, 1891–1916.

СЭС Крайя – Справочный энциклопедический словарь / Изд. К. Крайя. СПб.: Тип. К. Крайя, 1847–1855.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1982–2003.

Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Изд. В. И. Губинского. 1-е изд. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1894. 989 с.

Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Изд. В. И. Губинского. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1910. 676 с.

ЭСБЕ – Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Тип. Акц. общ. Брокгауз – Ефрон, 1890–1907.

References

- Baryshnikova S. V. *Slovari inostrannykh slov 19 veka i otrazhenie v nikh semanticheskoy adaptatsii inoyazychnoy leksiki* [Dictionaries of foreign words of the 19th century and their reflection of semantic adaptation of foreign vocabulary]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Yuzhno-Sahalinsk, 2010, 23 p.
- Blinokhvatova V. M. *Russko-frantsuzskiy bilingvizm rossiyskogo dvoryanstva pervoy poloviny 19 veka (na materiale pisem)* [Russian-French bilingualism of the Russian nobility of the first half of the 19th century (in letters)]. Cand. philol. sci. diss. Stavropol, 2005, 179 p.
- Dorovskikh L. V. Latinskie vkrapleniya v perepiske A. P. Chekhova [Latin inclusions in the correspondence of A. P. Chekhov]. *Philological class.* 2010, no. 24, pp. 60–66.
- Kitanina E. A. *Pragmatika inoyazychnogo slova v russkom yazyke* [Pragmatics of a foreign language word in Russian]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Krasnodar, 2005, 40 p.
- Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sociolingvistike* [The Russian word, own and alien: Studies on the modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 888 p.
- Kur'yanovich A. V. Epistolarnyy diskurs kak sredstvo sovremennoy mezhlichnostnoy i sotsial'noy kommunikatsii [Epistolary discourse as a means of modern interpersonal and social communication]. *Siberian Journal of Philology.* 2008, no. 4, pp. 215–224.
- Lomakina O. V. Inoyazychnaya frazeologiya i paremiologiya v tekstakh L. N. Tolstogo: osobennosti pereklyucheniya yazykovogo koda [Foreign phraseology and paremiology in the texts of L. N. Tolstoy: features of language code switching]. *Cherepovets State University Bulletin.* 2014, no. 7, pp. 93–96.
- Priemysheva M. N. Problema semanticheskoy adaptatsii zaimstvovannogo slova v russkom yazyke 19 v. [The problem of semantic adaptation of the borrowed word in the 19th century Russian language]. In: *Slovar' russkogo yazyka 19 v. Problemy, issledovaniya, perspektivy* [Dictionary of the 19th century Russian language. Problems, research, prospects]. St. Petersburg, Nauka, 2003, pp. 51–58.
- Prochenko E. A. K probleme klassifikatsii leksiki inoyazychnogo proiskhozhdeniya [To the problem of classification of foreign origin vocabulary]. *Vestnik VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication.* 2006, no. 2, pp. 92–99.
- Protsenko E. A. *Mezh'yazykovoje perekodirovanie v tvorchestve F. M. Dostoevskogo* [Interlanguage Recoding in the works of F. M. Dostoevsky]. Cand. philol. sci. diss. Voronezh, 2002, 230 p.
- Sasimovich E. R., Leshutina I. A. Inoyazychnye vkrapleniya v epistolarnom diskurse A. I. Gercena [Foreign language inclusions in the epistolary discourse of A. I. Herzen]. *The Bryansk State University Herald.* 2012, no. 2, pp. 314–318.
- Sorokin Yu. S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka: 30-e–90-e gody 19 v.* [The development of the vocabulary of Russian literary language: the 30-90th years of the 19th century]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1965, 565 p.
- Vishnyakova E. A. Inoyazychnye vkrapleniya v epistolarnoy proze V. A. Zhukovskogo [Foreign inclusions in epistolary prose by V. A. Zhukovsky]. *Scientific notes of Orel State University.* 2017, no. 4 (77), pp. 60–65.
- Zakharova Yu. G. Metazykovaya refleksiya v pis'makh russkikh pisateley 19 v. [Metalinguistic reflection in the letters of Russian writers of the 19th century]. *Russian language at school.* 2017, no. 7, pp. 54–58.

List of sources and dictionaries

- Burdon I. F., Mikhel'son A. D. *Slovotolkovatel' 30000 inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka, s ob'yasneniem ikh korney* [Interpreter of 30000 foreign words included in the Russian language, with an explanation of their roots]. 3rd ed., cor. Moscow, Tip. Bakhmeteva, 1871, 608 p.
- Chudinov A. N. *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [Dictionary of foreign words included in the Russian language]. V. I. Gubinsky (Ed.). 1st ed. St. Petersburg, 1894, 989 p.
- Chudinov A. N. *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [Dictionary of foreign words included in the Russian language]. V. I. Gubinsky (Ed.). 3rd ed., cor. and sup. St. Petersburg, 1910, 676 p.
- Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [The explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 vols]. 1st ed. Moscow, Tip. A. Semena, 1863–1866.
- Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [The explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 vols]. I. A. Boduen de Kurtene (Ed.). 3rd ed. Moscow, Tip. tov. M. O. Vol'f, 1903–1909.
- Dvoretzkiy I. Kh. *Latinsko-russkiy slovar'* [Latin-Russian dictionary]. Moscow, Rus. yaz.-Media, 2003, 846 p.
- Dubrovskiy N. *Polnyy tolkovyy slovar' vsekh obshchepotrebitel'nykh inostrannykh slov, voshedshikh v russkiy yazyk, s ukazaniem ikh korney* [A comprehensive dictionary of all commonly used foreign words included in the Russian language, with an indication of their roots]. A. A. Stupin (Ed.). 21st ed. Moscow, 1905, 768 p.
- Efremov E. *Novyy polnyy slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v russkiy yazyk* [New complete dictionary of foreign words included in the Russian language]. I. A. Boduen de Kurtene (Ed.). 2nd ed. Moscow, Tov. A. A. Levenson, 1912, 605 p.
- Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic dictionary]. F. A. Brokgauz, I. A. Efron (Eds.). St. Petersburg, Tip. Akc. obshch. Brokgauz-Efron, 1890–1907.
- Epishkin N. I. *Istoricheskiy slovar' gallitsizmov russkogo yazyka* [The Historical dictionary of Russian gallicisms]. Moscow, ETS, 2010.
- Gertsen A. I. *Dnevnik 1842–1845* [Diary]. In: Gertsen A. I. *Sobr. soch.: V 30 t. T. 2* [Collected Works: In 30 vols. Vol. 2]. Moscow, AN SSSR, 1954.
- Karmannyi slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [Pocket dictionary of foreign words included in the Russian language]. N. Kirillov (Ed.). St. Petersburg, Tip. Gubernskogo pravleniya, 1845, 324 p.
- Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage. Vol. 61. Herzen and Ogarev]. Moscow, AN SSSR, 1953, 952 p.
- Makarov N. P. *Polnyy frantsuzsko-russkiy slovar'. Podgotovlen po izdaniyu 1884 g.* [Complete French-Russian Dictionary. Prepared from the edition of 1884]. Moscow, AST-Astrel', 2004, 1309 p.
- Mikhel'son A. D. *Ob'yasnenie 7000 inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkiy yazyk* [Explanation of 7000 foreign words that came into use in the Russian language]. Moscow, Tip. Lazarevsky institute, 1861, 398 p.
- Mikhel'son A. D. *30000 inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkiy yazyk, s ob'yasneniem ikh korney* [30000 foreign words that came into use in the Russian language, with an explanation of their roots]. Moscow, Tip. P. Bahmeteva, 1866, 771 p.
- Nastol'nyy slovar' dlya spravok po vsem otraslyam znaniya (spravochnyy entsiklopedicheskiy leksikon): V 3 t.* [Desktop dictionary for references in all branches of

knowledge (reference encyclopedic lexicon): In 3 vols]. F. Toll' (Ed.). St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova, 1863–1866.

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National Corpus of Russian language]. URL: <http://ruscorpora.ru> (accessed: 25.03.2019).

Neobkhodimoe dopolnitel'noe prilozhenie k Nastol'nomu slovaryu F. Tollya [Necessary additional supplement to the F. Toll's Dictionary]. F. Toll' (Ed.). St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova, 1866, 569 p.

Popov M. *Polnyy slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkom yazyke* [Complete dictionary of foreign words used in Russian]. Moscow, Tip. tov. I. D. Sytina, 1904, 458 p.

Polnyy slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka [Complete dictionary of foreign words that are part of the Russian language]. E. P. Pechatkin (Ed.). St. Petersburg, Tip. K. Vul'fa, 1861, 574 p.

Russkiy entsiklopedicheskiy slovar' [Russian encyclopedic dictionary]. I. N. Berezin (Ed.). St. Petersburg, Tip. tov. "Obshchestvennaya pol'za", 1873–1880.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. [The dictionary of contemporary Russian literary language: in 17 vols]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1950–1965.

Slovar' russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym otdeleniem Imperatorskoy akademii nauk [The dictionary of the Russian language, compiled by the Second division of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, Tip. Imp. AN, 1891–1916.

Spravochnyy entsiklopedicheskiy slovar' [Reference encyclopedic dictionary]. K. Krayya (Ed.). St. Petersburg, Tip. K. Krayya, 1847–1855.

Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t.* [Complete works and letters in 30 vols. Letters in 18 vols]. 2nd ed., cor. and sup. Moscow, Nauka, 1982–2003.

Сведения об авторе

Захарова Юлия Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия)

zug1977@inbox.ru
SPIN-код 9118-3175
Author ID 325797

Information about the author

Yuliya G. Zakharova – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian language and publishing business of the Pedagogical Institute of Pacific State University (Khabarovsk, Russian Federation)

zug1977@inbox.ru
SPIN-код 9118-3175
Author ID 325797

УДК 81'42 + 81'37
DOI 10.17223/18137083/75/14

К вопросу о синонимах в законодательных текстах (на материале российских законов)

М. В. Батюшкина

*Законодательное Собрание Омской области
Омск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются вопросы употребления, соотношения и замещения синонимов в законодательных текстах. Обращается внимание на факторы выбора того или иного синонима: семантический, жанрово-стилистический, дистрибутивный, ассоциативный, фактор частотности. Анализируются функции синонимов (информативная, прагматическая, текстообразующая и др.), степень синонимичности и взаимозаменяемости сопоставляемых слов в контексте. Отмечаются примеры употребления паронимов в качестве синонимов. Делается вывод об отсутствии определенности в различии синонимичных и родо-видовых понятий. В качестве основного материала исследования выступают тексты федеральных и региональных законов. Некоторые теоретические выводы иллюстрируются результатами экспертной практики. Методы и принципы анализа: дискурсивный, жанрово-стилистический, семантический, сравнительный, статистический, текстуальный, интертекстуальный.

Ключевые слова

синоним, семантика, термин, текст закона, юридический дискурс

Для цитирования

Батюшкина М. В. К вопросу о синонимах в законодательных текстах (на материале российских законов) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 192–206. DOI 10.17223/18137083/75/14

Synonyms in the texts of laws (based on Russian laws)

M. V. Batyushkina

*Legislative Assembly of Omsk Region
Omsk, Russian Federation*

Abstract

The paper considers the issues of the use of synonyms in the texts of Russian laws. The research materials are the texts of federal and regional laws, expert practice. It is noted that synonymy, despite the requirement for the unification of legal terminology, is also characteristic of legislative texts. At the same time, synonyms are used not to exclude repetitions of the same words but for the sake of completeness, accuracy, clarity of the transfer of legal meaning. Legal synonyms are an integral genre and stylistic feature of the legislative text. Syno-

© М. В. Батюшкина, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

nymy perform informative, pragmatic, text-forming, and other functions. There are some trends in the use of synonyms in the laws. Preference is given to one or another word from the synonymous series. The choice depends on the subject of the law, aspects of legal regulation, with the chosen synonym not always being stylistically neutral, devoid of evaluative semantics. Some terms are used not as synonyms but exclusively in terms of generic relationship. Paronyms may be used as synonyms. Frequent joint (contact) use of synonyms occurs when an additional (qualifying) term is given in brackets after the main term. Such synonyms are characterized by semantic and stylistic differences, the ratio of meanings, and integrated content. A special clause on the equivalence of terms may be made in the law. However, the context always reveals the semantic difference of “equivalent” terms, their semantic shades. The methods and principles of analysis are traditional for Russian studies and legal linguistics: discursive, genre-stylistic, lexical-semantic, comparative, statistical, etc.

Keywords

synonym, semantics, term, text of the law, legal discourse

For citation

Batyushkina M. V. Synonyms in the texts of laws (based on Russian laws). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 192–206. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/14

Вводные замечания

Одним из базовых юридико-технических требований к созданию юридических текстов является соблюдение единообразия употребления понятий и терминов: одному понятию должен соответствовать один термин. С учетом данного требования учеными, исследующими вопросы языка права, высказываются положения о недопустимости либо минимизации употребления в юридических текстах синонимов, которые в силу различия в оттенках значений могут привести к двусмысленности или неопределенности текста.

Например, В. П. Реутов [2016], ссылаясь на свои наблюдения, подчеркивает, что требования к владению литературным языком и стандарты качества юридического текста в какой-то степени противоречат друг другу: для современного русского литературного языка характерна синонимия, а для законодательных текстов – единообразие терминологии. О. А. Хазова [2015] необходимость единообразия терминологии связывает с объединенностью разных законов общими целями. С точки зрения Н. Н. Ивакиной, ограничение на синонимические замены обусловлено требованием предельной точности [2008, с. 155]. Хотя последнее нередко достигается сопоставлением слов-синонимов или последующей синонимической заменой, которые автору помогают выразить правовую мысль в правовой норме, а адресату – ее осмыслить.

Требование «одно понятие – один термин» в виде юридико-технического правила отражено в региональных законах. Например, согласно закону Орловской области о правотворчестве «не допускается обозначение в правовых актах разных понятий одним термином или одного понятия разными терминами, если это специально не оговаривается в правовом акте»¹.

Синонимия может быть одной из официальных причин «не поддержки» законопроекта. Например, основным предметом Проекта Федерального закона № 87189-7 была замена слова *вносит* словом *включает* в формулировке «вносит при принятии решения о государственной регистрации лекарственного препарата данные о зарегистрированном лекарственном препарате... в реестр». Правовое

¹ Ст. 8 закона Орловской обл. № 319-ОЗ.

управление Госдумы посчитало данное изменение и законопроект в целом «излишним», так как «слова “вносит” и “включает” являются синонимами»².

Поскольку воля законодателя объективируется прежде всего в законе, а федеральные и региональные законы являются базовыми правовыми текстами, на основе которых формируется современный российский юридический дискурс, представляют интерес такие недостаточно освещенные в лингвистической научной литературе вопросы, как:

- насколько характерна для текстов федеральных и региональных законов синонимия, несмотря на юридико-технический постулат единообразия употребления терминов и понятий;
- какие понятия употребляются в качестве юридических синонимов, какова степень их синонимичности, являются ли они (несмотря на оттенки значений) полностью взаимозаменяемыми;
- какими факторами определяется выбор того или иного синонима (семантическим, жанрово-стилистическим, дистрибутивным, ассоциативным, фактором частотности);
- какие функции выполняют синонимы в законодательных текстах, кроме уточнения и пояснения информации;
- можно ли выделить какие-либо тенденции в употреблении правовых синонимов и развитии правовой синонимии в целом?

Для того чтобы получить ответы на эти и другие вопросы, мы обратились к текстам федеральных и региональных законов, принятых в период с начала 1990-х по 2019 г., а также к экспертным заключениям на проекты федеральных законов³.

В основе методологии работы – комплексный подход к системе российских законов как гипертекстовому пространству, позволяющий исследовать данное пространство в единстве и целостности составляющих его компонентов и применить принципы дискурсивного, жанрово-стилистического, семантического, сравнительного, статистического, текстуального и интертекстуального анализа.

Общие результаты исследования

Традиционно в качестве синонимов рассматриваются слова, обладающие сходными, но не полностью совпадающими значениями, а при выделении синонимов в качестве основных критериев называются денотативная общность [Звегинцев, 1962, с. 286]; тождество лексического значения, принадлежность «к одной и той же (глубинной) части речи» [Апресян, 1995, с. 223]; «совпадение по основному значению (при сохранении различий в оттенках и стилистической характеристике)» [Ахманова, 2004, с. 407].

На первый взгляд с учетом обозначенных подходов синонимичными являются многие юридические понятия, которые используются как в одном, так и в разных законодательных текстах для выражения значений предмета, признака или дейст-

² См.: Проект Федерального закона № 87189-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обращении лекарственных средств”» и заключение правового управления по данному законопроекту в Системе обеспечения законодательной деятельности (СОЗД). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/87189-7> (дата обращения 01.07.2019).

³ Экземпляры законов находятся в открытом доступе на официальном интернет-портале правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>) и в системах «Консультант Плюс», «Консультант Плюс Регион» (далее КП, КПП), экспертные заключения – в СОЗД (<https://sozd.duma.gov.ru>), а также системе КП.

вия: *договор / соглашение; ассоциация / союз; компетенция / полномочие; цена / стоимость; профилактика / предупреждение; посредничество / медиация; гражданство / подданство; кража / хищение; вред / ущерб; юридический / правовой* и др.

С учетом широкого понимания синонимии (см. [Фаворин, 1953; Голованова, 1972; Виноградов, 1975; Акимова, 2002; Гришина, 2012; Черняк, 2018] и др.) в качестве сходных по смыслу могут быть рассмотрены словообразовательные варианты, различные словосочетания и разноструктурные синтаксические конструкции: *опечатываются печатью / пломбируются; вымышленное имя / псевдоним; несовершеннолетний / ребенок в возрасте до 18 лет; родственник по происхождению / кровный родственник; согласно закону / в соответствии с законом / на основании закона; в случае когда / в случае если; по предъявлении / при предъявлении; надлежаще / надлежащим образом; если гражданин имеет право / при наличии у гражданина права* и др.

Проведенный анализ текстов законов показал не только высокую продуктивность, но и определенные тенденции употребления синонимов.

Предпочтение отдается какому-то одному слову из существующего синонимического ряда, при этом не всегда это слово является «семантически бедным» (понятие используется вслед за [Лысякова, 2004, с. 145]) или стилистически нейтральным, общим для данного ряда. Сравните, например, сочетания *длительный отпуск*⁴, *длительное время*⁵, *длительное свидание*⁶ с более употребительными в разговорной речи *большой отпуск*, *долгое время*, *долгое (большое) свидание*.

Явление предпочтительности синонима, актуальности его значения для моделируемой ситуации может быть проиллюстрировано на примере частотности наречий, например⁷:

единовременно (58 / 638): *лотерея проводится одновременно после распространения лотерейных билетов*⁸ – **однократно** (53 / 976): *могут однократно использоваться для внутренней перевозки по территории РФ*⁹ – **единожды** (0 / 15): *социальная помощь... в виде ежемесячной денежной выплаты назначается единожды*¹⁰ – **разово** (0 / 4): *социальная поддержка предоставляется в течение календарного года разово*¹¹;

вновь (382 / 9603): *по новым или вновь открывшимся обстоятельствам*¹² – **снова** (11 / 1177): *по истечении указанного срока лицо, занимавшее должность мирового судьи, вправе снова выдвинуть свою кандидатуру*¹³;

⁴ Ст. 335 ТК РФ.

⁵ Ст. 5 Федерального закона № 382-ФЗ.

⁶ Ст. 121 УИК РФ.

⁷ Частотность наречий анализировалась на основе количества законов (разных субжанровых типов), в которых хотя бы раз употребляется то или иное наречие. Анализ проведен на основе текстов законов, действующих на 1 января 2019 г. и размещенных в системах КП, КПП. Далее в скобках указывается количество федеральных законов / количество региональных законов, в которых встречается то или иное наречие.

⁸ Ст. 3 Федерального закона № 138-ФЗ.

⁹ Ст. 197 Федерального закона № 289-ФЗ.

¹⁰ Ст. 39-4 Закона Владимирской обл. № 120-ОЗ.

¹¹ Раздел 4 прилож. к Закону Сахалинской обл. № 11-ЗО.

¹² Гл. 37 КАС РФ.

¹³ Федеральный закон № 188-ФЗ.

затем (42 / 3366): *затем председательствующий выясняет, поддерживается ли административный иск административным истцом*¹⁴ – *потом* (0 / 344): *граница... поворачивает на юго-запад, потом идет на юго-восток*¹⁵.

В некоторых законах сделана специальная оговорка о том, какие понятия в пределах того или иного текста закона либо системы законодательных текстов, а значит, в пределах регулируемой сферы общественных отношений, «применяются в одном значении» и являются взаимозаменяемыми, выражающими одно и то же содержание объективной действительности.

В частности, такая оговорка сделана по отношению к понятиям: *местный / муниципальный*¹⁶; *объект индивидуального жилищного строительства / жилой дом / индивидуальный жилой дом*¹⁷; *исполнительные органы государственной власти субъекта РФ / органы исполнительной власти государственной власти субъекта РФ*¹⁸ (хотя в предпоследнем примере речь идет скорее об усечении понятия, а в последнем – о перестановке слов, не вносящей в общее значение каких-либо дополнительных оттенков).

Признак взаимозаменяемости в контексте свидетельствует о смысловом отождествлении, нейтрализации оттенков значений разных слов. Но происходит ли такое отождествление на самом деле? Как справедливо отмечает В. А. Белов, в силу закона дифференциации (Clark 1987) или принципа контраста (Ullmann, 1957) абсолютные синонимы неизбежно расходятся по значению [Белов, 2018, с. 97].

Приблизиться к ответу на поставленный вопрос можно, проанализировав сочетания, в которых употребляется то или иное понятие, а также частотность словоупотреблений. Например, в законе о местном самоуправлении¹⁹ понятие *местный* употребляется 1 076 раз (в сочетаниях *вопросы местного значения, местные традиции, местное самоуправление, местный бюджет, местный референдум, местная администрация*), понятие *муниципальный* – 1 665 (со словами *район, округ, образование, правовой акт, собственность, выборы, служба, должность, милиция (!), пожарная охрана*)²⁰. Полагаем, что неизбежное контекстуальное и, соответственно, функциональное разграничение понятий *местный / муниципальный*, несмотря на оговорку о равнозначности, свидетельствует об их семантическом различии.

Продуктивным является совместное употребление синонимичных понятий: когда сначала указывается первое, центральное, после него в скобках – дополнительное. Нередко такие слова различаются и по семантическим оттенкам, и по стилиевой окраске (без учета стилиевой градации), сравните: *старинное (антикварное) оружие*²¹, *несостоятельность (банкротство)*²², *случайная выборка (жре-*

¹⁴ Ст. 156 КАС РФ.

¹⁵ Закон Приморского края № 215-КЗ.

¹⁶ Ст. 2 Федерального закона № 131-ФЗ.

¹⁷ Ст. 1 ГрадК РФ.

¹⁸ Преамбула к Федеральному закону № 184-ФЗ.

¹⁹ Федеральный закон № 131-ФЗ.

²⁰ Исходя из актуальной редакции закона, размещенной в системе КП (дата обращения 01.07.2019).

²¹ Ст. 1 Федерального закона № 150-ФЗ.

²² Федеральный закон № 127-ФЗ.

бий)²³, замораживание (блокирование) безналичных денежных средств, легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем²⁴ и др.

Полагаем, что такие синонимы вводятся не только для большей информативности (взаимодополнения, уточнения, упрощения введенного понятия для адресата), но и для вариативного употребления в тексте. Однако в связи с отсутствием в законодательных текстах явно выраженной оговорки о равнозначности данных понятий не совсем ясно, в качестве каких синонимов – тождественных или близких по семантике – они рассматриваются в тексте закона и пространстве законодательных текстов в целом. А при регулярном воспроизводстве в одном или нескольких текстах данных понятий «в паре», отсутствии перестановки синонимов-компонентов и их разделения союзом²⁵, возникает вопрос о семантической «спаянности» синонимов-компонентов внутри одного сочетания, образовании своего рода «совокупного» содержания.

Для того чтобы ответить на данные вопросы необходимо проведение дистрибутивного анализа, который показывает, в каких функциях – разграничения или отождествления – выступают понятия по отношению друг к другу.

Например, исходя из определения под *аквакультурой (рыбоводством)* понимается *деятельность, связанная с разведением и (или) содержанием, выращиванием объектов аквакультуры*²⁶. Проведя анализ 109 текстовых фрагментов, мы отметили, что, несмотря на позиционируемую в определении равнозначность, в тексте закона чаще используются понятия со словом *аквакультура*, например: *продукция аквакультуры, морская аквакультура (марикультура), прудовая аквакультура*. Определения в большей степени соотносятся со словом *рыбоводство*, например: *рыбоводные участки, рыбоводная инфраструктура, рыбоводное хозяйство*. Совместно понятия употребляются со словами «область», «значение», «развитие», «цели», например: *область аквакультуры (рыбоводства)*. Такое разграничение свидетельствует об отраслевой специализации соотносимых в синонимической паре понятий, о степени их самостоятельности и разной роли в моделировании ситуаций, которые автор-адресант транслирует с помощью текста закона.

Заметим, что прием уточняющей синонимии используется при описании государственной символики, когда с помощью общеупотребительной лексики поясняются значения устаревших слов (значений слов), воспринимаемых в качестве экспрессивно окрашенных. Синонимы такого рода могут быть рассмотрены в качестве понятийно-стилистических.

Так, в ходе анализа текстов-описаний гербов (которые являются составной частью законодательных текстов) мы отметили, что поясняющие синонимы приводятся в скобках после поясняемых слов, при этом в некоторых случаях с помощью близких по значению слов по-разному интерпретируется восприятие цвета: *голубой, синий / лазурный, лазоревый, лазурь; красный / червлёный, червлень*. Сравните: *щит обрамляют листья дуба золотого (желтого) цвета, перевитые*

²³ Ст. 48 Федерального закона № 20-ФЗ.

²⁴ Ст. 3 Федерального закона № 115-ФЗ.

²⁵ Например: *Подписные листы для проверки отбираются посредством случайной выборки (жеребья). Процедура проведения случайной выборки (жеребья) определяется комиссией местного референдума. Случайная выборка (жеребий) проводится непосредственно после выдачи письменного подтверждения о приеме подписных листов (см.: ст. 11 Закона Республики Адыгея № 216).*

²⁶ Федеральный закон № 148-ФЗ.

голубой (лазурной лентой)... в серебряной главе щита – бегущая лазоревая (синяя, голубая) куница²⁷.

Отмечаются примеры употребления в качестве однокорневых синонимов паронимов *туристский – туристический*, *представить – предоставить*, *консультативный – консультационный* и др.

Так, в разных текстах²⁸ можно встретить варианты *туристский маршрут* (38)²⁹ / *туристический маршрут* (22), *туристский потенциал* (27) / *туристический потенциал* (20) и др., которые не имеют на первый взгляд каких-либо различий, кроме большей частотности употребления, а значит предпочтительности, варианта «туристский». Косвенным подтверждением тому является и замена сочетаний *туристический маршрут*, *туристический показ* сочетаниями *туристский маршрут*, *туристский показ*, которая была сделана в законе о туристской деятельности Краснодарского края в 2012 г.³⁰

При передаче значения «предъявить, сообщить, подать что-либо куда-либо» используются и вариант *представить* (2128), и вариант *предоставить* (692), сравните: *Должник обязан представить в арбитражный суд документы своей бухгалтерской отчетности*³¹ – *Должник обязан предоставить документы, подтверждающие наличие у него наличных денежных средств*³². Взаимозаменяемость данных слов, по-видимому, является результатом возникшего синонимического соответствия, в результате которого формируется представление о данных вариантах как полностью равноценных, различающихся лишь большей или меньшей частотностью.

Со ссылкой на «Словарь трудностей русского языка» [Снетова, 2008, с. 3–6] отметим, что ошибочное ассоциативное сближение паронимов обусловлено их отнесенностью к одной части речи, общностью корневой морфемы, многозначностью, а также отсутствием анализа смысловых оттенков, которые привносят аффиксы, и контекстуального окружения. Поэтому вопрос о разграничении синонимами / паронимии тесно связан не только с усвоением языковых норм, но и с повышением культуры речи.

В одном тексте, рядом расположенных нормах, в целом в пространстве законодательных текстов слова, являющиеся, по сути, синонимами, могут употребляться по отношению к разным явлениям, отличаться по содержанию и, соответственно, не рассматриваться в качестве синонимичных.

Слова, утрачивающие в юридическом дискурсе признак синонимичности, могут употребляться как в составе взаимодополняющей пары (*государственный контроль (надзор)*, *государственный надзор и общественный контроль в области обращения с животными*), так и отдельно: каждое слово в таком окружении, в котором другое исключается (*налоговый контроль*, *профсоюзный контроль*,

²⁷ Ст. 2 закона Оренбургской обл. от 23.12.1996 (нет номера).

²⁸ См., в качестве примеров: Федеральный закон № 132-ФЗ, Закон Республики Алтай № 121-РЗ, Закон Новгородской обл. № 342-ОЗ.

²⁹ Далее цифрами обозначена частотность употребления паронимов, которая анализировалась на основе количества законов, в которых хотя бы раз употребляется тот или иной пароним. Анализ проведен на основе текстов законов, действующих на 1 января 2019 г., размещенных в системах КП, КПП.

³⁰ Закон Краснодарского края № 2475-КЗ.

³¹ Ст. 42 Федерального закона № 382-ФЗ.

³² Ст. 1 Федерального закона № 12-ФЗ.

жилищный контроль, финансовый надзор, надзор за осужденным, надзор за несовершеннолетними).

Особое внимание обратим на понятия, которые на первый взгляд кажутся синонимами, но в рамках определенного текста связаны родо-видовыми отношениями.

Например, в Гражданском кодексе понятия *право авторства, право автора на имя* являются видовыми по отношению к родовому понятию *авторские права*. Сравните: *право авторства – право признаваться автором произведения / исполнения; право автора на имя – право использовать или разрешать использование произведения под своим именем* (ст. 1265, 1315 ГК РФ)³³ // *авторские права – интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства* (ст. 1255 ГК РФ)³⁴.

Исходя из заключения комитета Госдумы по жилищной политике на Проект Федерального закона № 185240-7³⁵, не являются синонимами понятия *жилище* и *жилое помещение*, употребляемые в разных правовых отраслях, поскольку конституционное понятие «жилище», а также производные от него уголовно-правовое понятие «жилище» и гражданско-правовое понятие «жилое помещение» представляют собой самостоятельные категории, а «жилое помещение» – разновидность «жилища».

Следует добавить, что вопрос о синонимии особенно актуален при создании «переводных» версий терминов (понятий) и текстов законов. Безусловно, синонимы позволяют избежать нежелательных заимствований, неологизмов, сделать текст понятнее для адресата, однако от варианта перевода могут зависеть смысловые различия терминов (понятий) и текстов: переводимых и переведенных.

Например, при проведении анализа Проекта Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в главу 54 ГК РФ»³⁶ эксперты обратили внимание на то, что вводимый в кодекс вместо термина «договор коммерческой концессии» составной термин *договор коммерческой концессии (франчайзинга)* противоречит тому смыслу, которое имеет термин «франчайзинг» на языке оригинала, поскольку английское *franchising* означает не вид договора, а определенный способ организации предпринимательской деятельности и правовой институт, а соответствующий ему договор обозначается в английском языке терминами *franchise agreement* и *franchise contract*.

В 2016 г. не было поддержано принятие закона «О франчайзинге» (законопроект № 503845-6³⁷) и введение в правовое пространство терминов «франчайзинг», «франшиза», «франшизные предприятия», «франчайзор» «франчайзи», «ассоциация франчайзи сети франчайзора» и др., поскольку, по мнению экспертов, данные

³³ ГК РФ (часть четвертая).

³⁴ Там же.

³⁵ См. Проект Федерального закона № 185240-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О содействии развитию жилищного строительства” и отдельные законодательные акты РФ» и заключение комитета в СОЗД. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/185240-7> (дата обращения 01.07.2019).

³⁶ См.: экспертное заключение на Проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в главу 54 ГК РФ» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 02.06. 2000, прокол № 3) // Система КП (дата обращения 01.07.2019).

³⁷ См. Проект Федерального закона № 503845-6 «О франчайзинге» и документы к нему в СОЗД. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/503845-6> (дата обращения 01.07.2019).

понятия не соответствовали уже используемой в российском законодательстве терминологии.

Выводы и перспективы исследования

Несмотря на общую тенденцию к унификации законодательных тестов, их терминологическому единообразию, для законодательных текстов характерна синонимия как общее языковое продуктивное явление. При этом синонимия целенаправленно используется не столько для устранения неоправданных повторов одинаковых слов, сколько для информативности, полноты, точности и емкости передачи правовой мысли. В этой связи подчеркнем, что синонимы влияют на процесс понимания закона в целом, обеспечивают его функциональность и действенность, и согласимся с В. Д. Черняк в том, что «коммуникативная ценность синонимов определяется различием между ними» [2018, с. 10].

Синонимы в текстах законов употребляются в специальных юридических значениях, обусловленных их логико-предметным содержанием, и являются одним из жанрово-стилистических признаков законодательного текста. Незнание и непонимание особенностей правовых синонимов, способов выражения синонимических отношений может привести к нарушению сложившихся традиций лексической сочетаемости при образовании юридических терминов и понятий и неправильному, неуместному использованию их в том или ином контексте.

В числе основных тенденций употребления синонимов в законодательных текстах мы отметили следующие:

- предпочтительность того или иного слова из существующего синонимического ряда в зависимости от предмета закона, его информативной и регулятивной функций (не всегда это слово стилистически нейтрально, лишено оценочной семантики);
- некоторые синонимичные в общепотребительном смысле понятия в законодательных текстах не употребляются в качестве синонимов, и, наоборот, в качестве синонимов рассматриваются слова, не являющиеся таковыми (например, паронимы);
- отсутствует четкая грань, определенность в различии синонимичных и родо-видовых понятий;
- частотно совместное (контактное) употребление синонимов, при котором второй приводится в скобках после первого для большей информативности, уточнения, пояснения; такие синонимы характеризуются не только семантико-стилевым оттеночным различием между ними, но и взаимосвязанностью значений, степенью совокупного содержания;
- в законе может быть сделана специальная оговорка о равнозначности понятий, однако в контексте проявляются их дифференцирующие признаки (смысловые оттенки).

Дальнейшее исследование обозначенных в статье вопросов актуально не только для развития лингвистического и правового научных знаний, но и для законодательной, в том числе лингвоэкспертной, а также судебной практик.

Заслуживает особого внимания вопрос о том, какой фактор является определяющим при выборе того или иного слова из синонимического ряда (синонимической пары), той или иной синонимической конструкции:

- семантико-субъективный (правотворческий замысел и его воплощение в тех или иных оттенках значения, модальность высказывания, авторские предпочтения);

• дискурсивный статус текста, дистрибутивность и фактор частотности (чем выше статус закона в иерархии законодательных текстов и больше количество употреблений того или иного варианта в определенном контекстуальном окружении (сложившиеся правотворческие традиции сочетания слов), тем больше вероятность воспроизводства, востребованности такого варианта в создаваемых законах).

Представляют научный интерес процессы заимствования межотраслевых и отраслевых юридических терминов и понятий, переводческих трансформаций и синонимического замещения.

В частности, в связи с тем что в республиках, входящих в состав РФ, постулируется и осуществляется законотворчество на утвержденных государственных языках (например, в Татарстане – на русском и татарском), необходимо исследование вопроса об использовании синонимов юридических терминов и понятий в переводных версиях законов.

В силу специфики, глубины и многогранности исследуемого вопроса, значимости для теории и практики полагаем востребованным создание на основе анализа законодательных текстов словаря юридических синонимов.

Список литературы

Акимова А. И. Лексическая и словообразовательная синонимия (на материале суффиксальных отсубстантивных глаголов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002. 23 с.

Апресян Ю. Д. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 1: Лексическая семантика. 768 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. 569 с.

Белов В. А. Реализация теоретических подходов к синонимии в методике русского языка // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Языкознание. 2018. № 1 (170). С. 96–101. DOI 10.15393/uchz.art.2018.16

Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 166–220.

Голованова Г. П. К вопросу о роли взаимозаменяемости при выделении и определении синонимов // Синонимы русского языка и их особенности. Л.: Наука, 1972. С. 112–113.

Гришина Н. В. О некоторых особенностях синонимии производных слов // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2012. № 4 (52). С. 211–215.

Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. М.: Изд-во МГУ, 1962. 384 с.

Ивакина Н. Н. Профессиональная речь юриста. М.: Норма, 2008. 448 с.

Лысякова М. В. Синтагматический потенциал русских синонимов и гипонимов // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия «Лингвистика». 2004. № 6. С. 143–150.

Реутов В. П. Единство терминологии как проявление культуры юридического языка // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов. Избранные материалы. М.: Статут, 2016. 120–129.

Снетова Г. П. Словарь трудностей русского языка. Паронимы. М.: Эксмо, 2008. 416 с.

Фаворин В. К. Синонимы в русском языке. Свердловск: Свердлов. кн. изд-во, 1953. 71 с.

Хазова О. А. Искусство юридического письма. М.: Юрайт, 2015 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 01.07.2019).

Черняк В. Д. Лексикология. Синонимы в русском языке. М.: Юрайт, 2018. 155 с.

Список источников

Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Рос. газета. 2006. № 289. 22 дек.

Градостроительный кодекс РФ от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Рос. газета. 2004. № 290. 30 дек.

Закон Владимирской обл. от 02.10.2007 № 120-ОЗ «О социальной поддержке и социальном обслуживании отдельных категорий граждан во Владимирской области» // Владимирские ведомости. 2007. № 193. 3 окт.

Закон Краснодарского края от 26.03.2012 № 2475-КЗ «О внесении изменений в Закон Краснодарского края “О туристской деятельности в Краснодарском крае” и признании утратившими силу отдельных положений Закона Краснодарского края “О государственной поддержке санаторно-курортного и туристского комплекса Краснодарского края”» // Кубанские новости. 2012. № 64. 9 апр.

Закон Новгородской обл. от 10.12.2018 № 342-ОЗ «Об областном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» // Новгородские ведомости (официальный выпуск). 2018. № 26. 14 дек.

Закон Оренбургской обл. от 23.12.1996 «О гербе Оренбургской области» // Южный Урал. 1997. 24 янв. С. 3.

Закон Орловской обл. от 15.04.2003 № 319-ОЗ «О правотворчестве и нормативных правовых актах Орловской области» // Орловская правда. 2003. № 69. 18 апр.

Закон Приморского края от 29.12.2004 № 215-КЗ «О Кировском муниципальном районе» // Утро России. 2004. № 201 (3245). 31 дек.

Закон Республики Адыгея от 19.04.2004 № 216 «О местном референдуме в Республике Адыгея» // Советская Адыгея. 2004. № 80–82. 27 апр.

Закон Республики Алтай от 05.12.2008 № 121-РЗ «О туризме в Республике Алтай» // Сборник законодательства Республики Алтай. 2008. № 55 (61). С. 316.

Закон Сахалинской обл. от 25.02.2005 № 11-ЗО «Об областной Целевой программе “Социальная поддержка малоимущих граждан в Сахалинской области на 2005–2007 годы”» // Губернские ведомости. 2005. № 33 (2258). 1 марта.

Кодекс административного судопроизводства РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Рос. газета. 2015. № 49. 11 марта.

Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Рос. газета. 2001. № 256. 31 дек.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Рос. газета. 1997. № 9. 16 янв.

Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Рос. газета. 1996. № 231. 3 дек.

Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» // Рос. газета. 1996. № 241. 18 дек.

Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» // Рос. газета. 1998. № 242. 22 дек.

Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государствен-

венной власти субъектов Российской Федерации» // Рос. газета. 1999. № 206. 19 окт.

Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Рос. газета. 2001. № 151–152. 9 авг.

Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Рос. газета. 2002. № 209–210. 2 нояб.

Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Рос. газета. 2003. № 202. 8 окт.

Федеральный закон от 11.11.2003 № 138-ФЗ «О лотереях» // Рос. газета. 2003. № 234. 18 нояб.

Федеральный закон от 02.07.2013 № 148-ФЗ «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Рос. газета. 2013. № 145. 5 июля.

Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Рос. газета. 2014. № 45. 26 февр.

Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Рос. газета. 2015. № 297. 31 дек.

Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Офиц. интернет-портал правовой информации. 2018. № 0001201808040005. 4 авг.

Федеральный закон от 21.02.2019 № 12-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об исполнительном производстве”» // Рос. газета. 2019. № 40. 22 февр.

References

Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [A dictionary of linguistic terms]. Moscow, URSS, 2004, 569 p.

Akimova A. I. *Leksicheskaya i slovoobrazovatel'naya sinonimiya (na materiale sufiksals'nykh otsubstantivnykh glagolov)* [Lexical and word-formation synonymy (a case study of suffixal verbs derived from nouns)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Kemerovo, 2002, 23 p.

Apresyan Yu. D. *Izbrannyye trudy. T. 1: Leksicheskaya semantika* [Selected Works. Vol. 1: Lexical semantics]. Moscow, LRC Publishing House, 1995, 768 p.

Belov V. A. Realizatsiya teoreticheskikh podkhodov k sinonimii v metodike russkogo yazyka [The implementation of theoretical approaches to synonymy in the methodology of the Russian language]. *Proceedings of Petrozavodsk state university*. 2018, no. 1(170), pp. 96–101. DOI 10.15393/uchz.art.2018.16

Chernyak V. D. *Leksikologiya. Sinonimy v russkom yazyke* [Lexicology. Synonyms in the Russian language]. Moscow, Yurayt, 2018, 155 p.

Favorin V. K. *Sinonimy v russkom yazyke* [Synonyms in the Russian language]. Sverdlovsk, Sverdlovsk Book Publ. H., 1953, 71 p.

Golovanova G. P. K voprosu o roli vzaimozamenyayemosti pri vydelenii i opredelenii sinonimov [Revisiting the role of interchangeability in detection and definition of synonyms]. In: *Sinonimy russkogo yazyka i ikh osobennosti* [Synonyms of the Russian language and their peculiarities]. Leningrad, Nauka, 1972, pp. 112–113.

Grishina N. V. O nekotorykh osobennostyakh sinonimii proizvodnykh slov [On some aspects of synonymy of derivatives]. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2012, no. 4(52), vol. 1, pp. 211–215.

Ivakina N. N. *Professional'naya rech' yurista* [Professional speech of a lawyer]. Moscow, Norma, 2008, 448 p.

Khazova O. A. *Iskusstvo yuridicheskogo pis'ma* [The art of legal writing]. Moscow, Yurayt, 2015. Electronic resource. Reference legal system "Consultant Plus" (accessed: 01.07.2019).

Lysyakova M. V. Sintagmicheskiy potentsial russkikh sinonimov i giponimov [Syntagmatic potential of Russian synonyms and hyponyms]. *The Russian Journal of Linguistics*. 2004, no. 6, pp. 143–150.

Reutov V. P. Yedinstvo terminologii kak proyavleniye kul'tury yuridicheskogo yazyka [Unity of terminology as display of legal culture of legal language]. In: *Shestoy Permskiy kongress uchenykh-yuristov. Izbrannye materialy* [The 6th Perm Congress of legal scholars. Selected materials. Moscow, Statut, 2016, pp. 120–129.

Snetova G. P. *Slovar' trudnostey russkogo yazyka. Paronimy* [Dictionary of the difficulties of the Russian language. Paronyms]. Moscow, Eksmo, 2008, 416 p.

Vinogradov V. V. Slovoobrazovaniye v yego otnoshenii k grammatike i leksikologii [Word-formation in its relation to grammar and lexicology]. In: *Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected works. Researches on Russian grammar]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 166–220.

Zvegintsev V. A. *Ocherki po obshchemu yazykoznaniyu* [Essays on general linguistics]. Moscow, MSU Publ., 1962, 384 p.

List of sources

Federal'nyy zakon ot 24.11.1996 № 132-FZ "Ob osnovakh turistskoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law № 132-FZ dated 24.11.1996 "About foundations of tourist activity in Russian Federation"]. *Rossiyskaya Gazeta*. 1996, no. 231, 3 Dec.

Federal'nyy zakon ot 13.12.1996 № 150-FZ "Ob oruzhii" [Federal Law dated 13.12.1996 № 150-FZ "On Weapons"]. *Rossiyskaya Gazeta*. 1996, no. 241, 18 Dec.

Federal'nyy zakon ot 17.12.1998 № 188-FZ "O mirovykh sud'yakh v Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law dated 17.12.1998 № 188-FZ "On magistrates in Russian Federation"]. *Rossiyskaya Gazeta*. 1998, no. 242, 22 Dec.

Federal'nyy zakon ot 06.10.1999 № 184-FZ "Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub'ektov Rossiyskoy Federatsii" [Federal law dated 06.10.1999. № 184-FZ "On the general principles of the organization of the legislative (representative) and executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation"]. *Rossiyskaya Gazeta*. 1999, no. 206, 19 Oct.

Federal'nyy zakon ot 07.08.2001 № 115-FZ "O protivodeystvii legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma" [Federal Law № 115-FZ dated 07.08.2001 "On counteraction to legalization (laundering) of income by criminal means and terrorism financing"]. *Rossiyskaya Gazeta*. 2001, no. 151–152, 9 Aug.

Federal'nyy zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ "O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)" [Federal Law № 127-FZ dated 26.10.2002 "About Insolvency (Bankruptcy)"]. *Rossiyskaya Gazeta*. 2002, no. 209–210, 2 Nov.

Federal'nyy zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii" [Federal law dated 06.10.2003

№ 131-FZ “On general principles of organization of local self-government in Russian Federation”]. *Rossiyskaya Gazeta*. 2003, no. 202, 8 Oct.

Federal’nyy zakon ot 11.11.2003 № 138-FZ “O lotereyakh” [Federal Law № 138-FZ dated 11.11.2003 “About lotteries”]. *Rossiyskaya Gazeta*. 2003, no. 234, 18 Nov.

Federal’nyy zakon ot 02.07.2013 № 148-FZ “Ob akvakul’ture (rybovodstve) i o vnesenii izmeneniy v otdel’nye zakonodatel’nye akty Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law dated 02.07.2013 № 148-FZ “On aquaculture (fish farming) and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. *Rossiyskaya Gazeta*. 2013, no. 145, 5 July.

Federal’nyy zakon ot 22.02.2014 № 20-FZ “O vyborakh deputatov Gosudarstvennoy Dumy Federal’nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law dated 22.02.2014 No. 20-FZ “On Elections of Deputies to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation”]. *Rossiyskaya Gazeta*. 2014, no. 45, 26 Feb.

Federal’nyy zakon ot 29.12.2015 № 382-FZ “Ob arbitrazhe (treteyskom razbiratel’stve) v Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law dated 29.12.2015 № 382-FZ “On arbitration (arbitration proceedings) in the Russian Federation”]. *Rossiyskaya Gazeta*. 2015, no. 297, 31 Dec.

Federal’nyy zakon ot 03.08.2018 № 289-FZ “O tamozhennom regulirovanii v Rossiyskoy Federatsii i o vnesenii izmeneniy v otdel’nye zakonodatel’nye akty Rossiyskoy Federatsii” [Federal law dated 03.08.2018 № 289-FZ “On customs regulation in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”]. *Ofits. internet-portal pravovoy informatsii*. 2018, no. 0001201808040005, 4 Aug.

Federal’nyy zakon ot 21.02.2019 № 12-FZ O vnesenii izmeneniy v Federal’nyy zakon “Ob ispolnitel’nom proizvodstve” [Federal law dated 21.02.2019 № 12-FZ On amendments to the Federal law “On enforcement proceedings”]. *Rossiyskaya Gazeta*. 2019, no. 40, 22 Feb.

Grazhdanskiy kodeks RF (chast’ chetvertaya) ot 18.12.2006 № 230-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part Four) from 18.12.2006 № 230-FZ]. *Rossiyskaya Gazeta*. 2006, no. 289, 22 Dec.

Gradostroitel’nyy kodeks RF ot 29.12.2004 № 190-FZ [Town-planning Code of RF dated 29.12.2004 № 190-FZ]. *Rossiyskaya Gazeta*. 2004, no. 290, 30 Dec.

Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva RF ot 08.03.2015 № 21-FZ [Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation date 08.03.2015 No. 21-FZ]. *Rossiyskaya Gazeta*. 2015, no. 49, 11 March.

Trudovoy kodeks RF ot 30.12.2001 № 197-FZ [Labor Code of the Russian Federation dated 30.12.2001 № 197-FZ]. *Rossiyskaya Gazeta*. 2001, no. 256, 31 Dec.

Ugolovno-ispolnitel’nyy kodeks RF ot 08.01.1997 № 1-FZ [Criminal Execution Code of the Russian Federation dated 08.01.1997 № 1-FZ]. *Rossiyskaya Gazeta*. 1997, no. 9, 16 Jan.

Zakon Krasnodarskogo kraya ot 26.03.2012 № 2475-KZ “O vnesenii izmeneniy v Zakon Krasnodarskogo kraya “O turistskoy deyatel’nosti v Krasnodarskom krae” i priznanii utrativshimi silu otdel’nykh polozheniy Zakona Krasnodarskogo kraya “O gosudarstvennoy podderzhke sanatorno-kurortnogo i turistskogo kompleksa Krasnodarskogo kraya”” [Law of Krasnodar Krai dated 26.03.2012 № 2475-KZ “On Amending the Law of Krasnodar Krai “On Tourist Activity in Krasnodar Krai” and the recognition of the void of certain provisions of the Law of Krasnodar Krai “On State Support of Health Resorts and Tourist Complex of Krasnodar Krai”]. *Kubanskiye novosti*. 2012, no. 64, 9 Apr.

Zakon Novgorodskoy obl. ot 10.12.2018 № 342-OZ “Ob oblastnom byudzhete na 2019 god i na planovyy period 2020 i 2021 godov” [Law of the Novgorod region. dated 10.12.2018 № 342-OZ “On the regional budget for 2019 and for the planning period of 2020 and 2021”]. *Novgorodskie vedomosti* (off. iss.). 2018, no. 26, 14 Dec.

Zakon Orenburgskoy obl. ot 23.12.1996 “O gerbe Orenburgskoy oblasti” [Law of the Orenburg Oblast dated 23.12.1996 “On the coat of arms of the Orenburg Oblast”]. *Yuzhnyy Ural*. 1997, 24 Jan., p. 3.

Zakon Primorskogo kraya ot 29.12.2004 № 215-KZ “O Kirovskom munitsipal’nom rayone” [Law of Primorsky Krai № 215-KZ “About Kirov Municipal District” dated 29.12.2004]. *Utro Rossii*. 2004, no. 201 (3245) 31 Dec.

Zakon Respubliki Adygeya ot 19.04.2004 № 216 “O mestnom referendume v Respublike Adygeya” [Law of the Republic of Adygeya dated 19.04.2004 № 216 “On the local referendum in the Republic of Adygeya”]. *Sovetskaya Adygeya*. 2004, no. 80–82, 27 Apr.

Zakon Respubliki Altay ot 05.12.2008 № 121-RZ “O turizme v Respublike Altay” [Law of the Republic of Altai dated 05.12.2008 № 121-RZ “On tourism in the Republic of Altai”]. *Sbornik zakonodatel’sstva Respubliki Altai*. 2008, no. 55 (61), p. 316.

Zakon Sakhalinskoy obl. ot 25.02.2005 № 11-ZO “Ob oblastnoy Tselevoy programme “Sotsial’naya podderzhka maloimushchikh grazhdan v Sakhalinskoy oblasti na 2005–2007 gody”” [Law of the Sakhalin Region dated 25.02.2005 № 11-ZO “About the Regional Target Program “Social Support of Needy Citizens in the Sakhalin Region in 2005-2007”]. *Gubernskie vedomosti*. 2005, no. 33 (2258), 1 March.

Zakon Vladimirskoy obl. ot 02.10.2007 № 120-OZ “O sotsial’noy podderzhke i sotsial’nom obsluzhivanii otdel’nykh kategoriy grazhdan vo Vladimirskoy oblasti” [Law of Vladimir region dated 02.10.2007 № 120-OZ “About social support and social service of some categories of citizens in Vladimir region”]. *Vladimirskie vedomosti*. 2007, no. 193, 3 Oct.

Сведения об авторе

Батюшкина Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, старший консультант отдела лингвистической экспертизы и систематизации законодательства правового управления Законодательного Собрания Омской области (Омск, Россия)

soulangeana@mail.ru

ORCID 0000-0003-1471-5953

Information about the author

Marina V. Batyushkina – Candidate of Pedagogy, Senior Consultant of the Department for Linguistic Expertise and Systematization of Legislation of the Legislative Assembly of the Omsk Region (Omsk, Russian Federation)

soulangeana@mail.ru

ORCID 0000-0003-1471-5953

УДК 811.112.2'28
DOI 10.17223/18137083/75/15

Фразеологизмы с временным компонентом в речи российских немцев

Л. И. Москалюк

*Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия*

Аннотация

Представлены результаты исследования структуры и семантики фразеологических единиц с временным компонентом в речи российских немцев. Фразеологический фонд российских немцев включает многочисленные фразеологические сочетания, которые содержат временные компоненты. Подобные фразеологизмы представлены в российско-немецких говорах как общенемецкие, а также и как фразеологические выражения, которые характеризуются особенностями диалектной структуры и семантики. Они отражают результаты сохранения исконных традиций развития по законам, которые были получены от диалектов исходного языкового коллектива, а также результаты влияния иноязычного окружения.

Ключевые слова

российско-немецкие говоры, фразеологизмы с временным компонентом, грамматическая структура, семантика, заимствования

Для цитирования

Москалюк Л. И. Фразеологизмы с временным компонентом в речи российских немцев // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 207–221. DOI 10.17223/18137083/75/15

Idioms with a time component in the speech of Russian Germans

L. I. Moskalyuk

*Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation*

Abstract

The phraseological fund of German island dialects of the Altai Territory in Russia is significantly distinctive, containing many phraseological units differing from standard and original dialect variants. These features are revealed when analyzing the Russian-German dialect phraseological system fragment, i. e., phraseological units with time components. The development of the phraseological fund of the island dialects concerned is defined by the presence of common German phraseological units represented in standard German and modern German dialects, the preservation of old elements of the phraseological system, out of use in the

© Л. И. Москалюк, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

territory of the original language group, and a certain permeability caused by the influence of a foreign language environment. Taken together, these facts explain the phraseological variability and emergence of some distinctive features in the researched fragment of the phraseological system of the dialects under consideration, resulting from originally related dialects being mixed and influenced by the Russian language. Most of the phraseological units of island Russian-German dialects under consideration are represented by dialect idioms with time components that differ in their structure and/or semantics from phraseological units of the German literary language. The differences in structure are associated with the presence of dialectic phonetic and grammatical features of dialects, which are superimposed by the lexical-semantic features that appeared in the process of the dialect existence in a foreign language environment for a long time. Idioms with time components belong to the active phraseological fund of the language, with their active usage indicating a particular significance in the Russian-German cultural space.

Keywords

Russian German dialects, idioms with time components, grammar structure, semantics, borrowings

For citation

Moskalyuk L. I. Idioms with a time component in the speech of Russian Germans. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 207–221. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/15

1. Российско-немецкие говоры в Алтайском крае

Анализ современного состояния немецких говоров Алтайского края показал, что островные говоры сохранились в России как одна из форм существования немецкого языка, являясь одним из средств коммуникации российских немцев [Москалюк, 2010; Москвина, 2013; Трубавина, 2013; Смирнова, 2016; Смоля, 2017]. Результаты исследования немецких говоров в России показывают, что в местах компактного проживания немецкого населения они до настоящего времени сохраняют свою самостоятельность и самобытность, так как литературный немецкий язык оказал на их развитие лишь незначительное влияние, они развивались по нормам дописанных традиций. Островные немецкие говоры, бытующие на Алтае, представляют основной спектр немецких диалектов. Здесь можно выделить смешанные говоры переселенцев из Украины, ориентированные на южнонемецкий диалектный ареал, смешанные говоры переселенцев из Поволжья, ориентированные на западносреднегерманский, и нижнегерманский переселенцев из Украины, которые говорили на языке меннонитов Западной Пруссии. Верхне- и нижнегерманские говоры настолько значительно отличаются, что их носители с трудом понимают друг друга.

Немецкие говоры российских немцев, которые находились в изоляции от исходного языкового коллектива, с одной стороны, долгое время имели все условия для сохранения исконных традиций и закономерностей в функционировании языковых единиц и в их эволюции, продолжая развиваться по законам, которые были получены от многовекового прошлого. С другой стороны, на их развитие оказывало значительное влияние иноязычное окружение, непрерывно протекающие процессы языкового контактирования, ведущие к значительным изменениям диалектных систем. Анализ диалектного материала показывает, что за время существования в России немецкие говоры приобрели новые черты, которые существенно отличают их сегодня от базовых «внутринемецких» диалектов, вместе с тем сохраняя с ними много общего [Verend, 1997; Москалюк, 2002].

Иллюстративным материалом данной статьи послужили фразеологизмы, отобранные методом сплошной выборки из корпуса диалектных текстов российских немцев [Москалюк и др., 2014]. Основу данного корпуса образует фонотека текстов, которые включают зафиксированные на электронных носителях монологи и диалоги на бытовые темы, фольклорные произведения (шванки, сказки, детские стишки, обрядовые песни), которые представляют все три основные группы говоров, распространенных на Алтае. Диалектные тексты были собраны автором и его студентами в течение последних 20 лет (1998–2018 гг.) во время полевых экспедиций в немецкие села Алтайского края. Общий список фразеологизмов был проверен, уточнен и расширен в 2018 г. в селах Шумановке (нижненемецкий и южнонемецкий говоры) и Подсосново (западнореднемецкий говор). В качестве примеров в статье использовались преимущественно фразеологические выражения верхненемецких говоров, нижненемецкий привлекался только в отдельных случаях, чтобы показать, что и этот говор служит источником для пополнения общего фразеологического фонда островных говоров, либо для демонстрации фразеологизмов, характерных только для этого говора.

2. Фразеологизмы с временным компонентом в речи носителей немецких говоров на Алтае. Анализ материала

В речи российских немцев широко распространены фразеологические выражения разного типа. Эти фразеологизмы являются носителями культурных ценностей российских немцев, которые отражаются в их родном языке. Выявление способов воплощения культуры в содержании фразеологизмов интенсивно исследуется в последние годы российскими и зарубежными учеными [Телия, 2004; Мокленко, 2009; Ковшова, 2013; Piirainen, 2003].

Фразеологизмы, содержащие временные компоненты, представлены в речи российских немцев общенемецкими устойчивыми фразеологическими выражениями, которые почти тождественны литературным и могут отличаться от них только диалектным фонетическим оформлением. Так, в следующих далее примерах лит. нем. /g/ после /r/ отражается в диалекте как /ç/, в конце слова *-en* редуцируется в /ə/, а конечное /ə/ отпадает, в глаголе-связке *ist* в результате ассимиляции /t/ полностью уподобляется /s/, лит. нем. *ist* > диал. *is*. Например: *Morchestund hat Gold im Mund* (лит. нем. *Morgenstunde hat Gold im Munde*) ‘Der Morgen ist die beste Zeit, um eine Arbeit zu beginnen; wer frühmorgens mit dem Arbeiten beginnt, schafft mehr’¹ ‘Утро – лучшее время для начала работы; кто начинает работу рано утром, тот много сделает’ (букв.: утренний час имеет золото во рту); *Aller Anfang ist schwer* (лит. нем. *Aller Anfang ist schwer*) ‘es ist schwer, etwas zu beginnen’, ‘начинать всегда трудно’ (букв.: всякое начало тяжело).

Фразеологические выражения с временным компонентом могут отличаться и диалектными грамматическими структурами: *Je älter das er wird, je dümmmer das er is* (лит. нем. *Alt genug und doch nicht klug*), ‘auch im hohen Alter kann der Mensch dumm bleiben’; ‘и в преклонном возрасте человек может оставаться глупым’ (букв. чем старше он становится, тем он становится глупее). Устойчивое фразеологическое выражение оформлено в языке российских немцев как сложноподчиненное

¹ Значения фразеологизмов здесь и далее взяты из: URL: <http://www.redensarten-index.de/suche.php>; Röhricht L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten in 5 Bänden (Röhricht, 2001); DUDEN. Das große Buch der Zitate und Redewendungen (DZR, 2002).

предложение с придаточным сравнения, которое вводится диалектным союзом *je dass ... je dass*, а прилагательные стоят в сравнительной степени.

Mide Hand wird niemals net leer – это постбиблейский фразеологизм (лит. нем. Müde Hand wird niemals leer), ‘не оскудеет рука дающего’ (букв.: усталая рука никогда не будет пустой). Диалектный фразеологизм кроме диалектного фонетического оформления, делабиализации /y:/ > /i:/, выпадения /ç/ в середине слова nicht > net, включает двойное отрицание *net* и *niamals*, которое отсутствует в литературном немецком языке.

Диалектные фразеологизмы могут иметь ту же или подобную форму, но отличаться содержанием. Например: *Mr soll sich net auszieche, vor mr sich schlofe geht* ‘sein Vermögen nicht vor seinem Tod aus den Händen geben’, ‘не выпускать из рук свое богатство, пока жив’ (букв. нельзя раздеваться, пока не ложишься спать). Фразеологическое выражение имеет более узкое значение по сравнению с фразеологизмом разговорного немецкого языка *sich nicht eher ausziehen, als man sich schlafen legt, bis/bevor man schlafen geht*; ‘man soll nicht verfrüht urteilen; man soll sich einer Sache nicht sicher sein’; ‘нельзя что-либо делать преждевременно, пока не будешь в этом уверен’.

Des is s End vum Lied ‘die Sache hat ein glückliches Ende’, ‘дело закончилось счастливо’. Разговорное немецкое выражение *das Ende vom Lied* имеет противоположное значение ‘trauriger, reinlicher Abschluss; unerfreuliches Ende’, ‘печальный конец’. Это выражение является окончанием немецких преданий, сказаний, народных песен, которые, как правило, заканчивались печально. Российские немцы переосмыслили это фразеологическое выражение.

Фразеологическое выражение *Ehre Taghe sin gezählt* ‘jemand muss bald sterben’, ‘кто-то должен скоро умереть’ (букв. ее дни сочтены) не используется в первом значении, но сохранило второе значение выражения литературного немецкого языка *j-s Stunden / Tage sind gezählt*: 1. jemand wird seines Postens enthoben, 2. jemand muss bald sterben.

Диалектные фразеологизмы с временным компонентом могут быть расширены дополнительными словосочетаниями или предложениями, уточняющими высказывание и / или усиливающими его экспрессивность.

Alles uf dr Welt is vergänglich, des seh ich an mam Krilitz (лит. нем. Es ist alles vergänglich) ‘alles muss einmal aufhören!’; ‘всё имеет свой конец’ (букв.: всё на свете преходяще, я вижу это по моему крыльцу). Значение выражения уточняется расширением, имеющим шуточный смысл: *des seh ich an mam Krilitz*.

Mr kann doch net in aner Stun uf zwei Hochzeite tanze (разг. нем. nicht auf zwei Hochzeiten tanzen können) ‘zwei sich gegenseitig ausschließende Dinge gleichzeitig tun wollen; viele Dinge auf einmal bewältigen können’; ‘делать одновременно исключаящие друг друга вещи; делать одновременно множество дел’ (букв.: нельзя в один и тот же час танцевать на двух свадьбах). Диалектный фразеологизм расширен за счет временного обстоятельства *in einer Stunde*. Существительное *Hochzeit* первоначально имело значение ‘hohe Zeit’, т. е. праздник вообще. Постепенно произошло сужение значения, закрепившееся в языке как ‘праздник, посвященный бракосочетанию’. Фразеологическое выражение основывалось на том, что человек не может одновременно заключить несколько брачных союзов, а значит, и не может одновременно праздновать несколько таких праздников.

Naie Besa kehra gut, alta Storra kratze (лит. нем. Neue Besen kehren gut) ‘Ein neuer Bediensteter ist besonders eifrig und fleißig; Eine Neuerung kann viel bewirken; Eine Neuerung bringt Vorteile’, ‘новые работники особенно усердны’ (букв.: новые

веники хорошо метут, старые голики царапают). Расширение *alta Storra kratze* содержит временной компонент *alt* 'старый', усиливающий противопоставление: положительное новое – отрицательное старое.

Фразеологизмы российских немцев часто содержат диалектные лексические варианты, подобные модификации могут иметь культурно-специфическую окраску:

Des is net Hü un net Hottj (разг. нем. mal hü, mal hott sagen, heute Hü, morgen Hott (sagen) 'widersprüchliche Anweisungen geben; eine häufig schwankende Meinung haben, gegensätzliche Anweisungen erhalten'; 'давать противоречивые указания; не иметь твердого мнения' (букв.: ни направо, ни налево). *Hü* и *Hott* – это команды возчика, которые он отдает лошади, *Hü* обозначает 'направо', а *Hott* – 'налево'. У российских немцев *hü* обозначает команду начала движения вперед, а *hottj* они соотносят с заимствованием из русского языка *хоть* 'хотя бы'.

Das geht so grabbig net (разг. нем. das geht so schnell nicht) 'eine Arbeit ist für jemanden nicht einfach, mühelos, schnell durchführbar'; 'работа не легкая, не делается быстро' (букв.: это не выполняется так быстро). Диалектное *grabbig* (ннем. grabben 'schnell greifen') соответствует лит. нем. schnell durchführbar.

Следующая группа представлена фразеологизмами, имеющими региональную окраску. Среди них можно выделить, с одной стороны, фразеологизмы, восходящие к базисным диалектам, принесенным российскими немцами из Германии:

Kumme, wann de Markt velaafe is (ср.: югесс. kummen, wann de Marht verläufen is)², 'kommen, wenn der Markt verlaufen ist; zu spät kommen', 'приходить слишком поздно' (букв.: прийти, когда базар уже закончился). Когда посетители разошлись, на базаре уже все продано. Кто в это время придет, ничего уже на базаре не найдет.

Korze fufzehn mache (ср.: ннем. 'ne korze Fuffzehn machen) (Küpper, 1993, S. 261; DUDEN, 2002, S. 240; Duden, 1992, S. 223) 'wieder Luft haben, eine Pause einlegen', 'прекратить работу, сделать короткий перерыв' (букв.: сделать короткие пятнадцать).

В эту же группу входят собственно немецкие фразеологизмы, развившиеся уже на новой родине. Например:

Wer net kommt zur rechte Zeit, muss essa, was em Groppa bleibt 'der Letzte hat alle Nachteile', 'предупреждение от несвоевременных действий, от слишком медленной реакции на происходящее (букв.: кто не приходит вовремя, должен будет есть то, что осталось в котле).

Do is leicht „Hü“ greischa, wann mr net mitziecha brauch 'so einfach ist das nicht; Befehle sind leichter gegeben, als ausgerichtet', 'легче сказать, чем выполнить' (букв.: легко кричать «Ho!», когда не нужно тянуть).

Klein, hurtig und keck schmeißt n manche Große in Dreck 'wer sich etwas traut, kann auch etwas erreichen; wer Erfolg haben will, muss auch ein Risiko eingehen', 'кто в себя верит, может многого достигнуть' (букв.: маленький, быстрый и смелый бросает в грязь некоторых больших). Прилагательное *hurtig* устарело в современном немецком языке, но еще используется в некоторых диалектных областях в Германии, оно сохранилось и в диалектах российских немцев в значении 'schnell, zügig, rapide'.

С другой стороны, это кальки и фразеологизмы, содержащие заимствования из языка окружения. Например: *Zum Lernen ist keiner zu alt*, рус. яз. учиться никогда

² Ср.: <https://www.heinrich-tischner.de/22-sp/6mda/sh/texte/ra/m/markt/verlaufe.htm/>.

не поздно. Ср.: лит. нем. *Man lernt, solange man lebt. Sage nicht hopp, bevor du nicht über den Graben gesprungen bist*, рус. яз. не говори «гоп», пока не перепрыгнешь, 'совет: не хвались слишком рано, не делай чего-либо преждевременно'.

Подобное значение имеет и пословица-калька, переведенная дословно с русского языка *Die Hinkelcher wern dr Herbst gzahl't* 'Man sollte nicht voreilig etwas bewerten, denn am Ende kann sich vieles ändern', 'нельзя судить о чем-либо преждевременно', рус. яз. цыплят по осени считают.

Калькой является фразеологическое выражение *dr gestriche Tach suche* 'искать то, чего уже нет', рус. яз. искать вчерашний день. Прилагательное *gestrich* 'вчерашний' имеет значение 'прошлое вообще'.

3. Временные компоненты, представленные во фразеологических выражениях в российско-немецких говорах

Чтобы получить более точное представление о фразеологизмах с временным компонентом в островных российско-немецких говорах, представляется целесообразным рассмотреть, к каким тематическим группам относятся эти компоненты.

Это существительные, обозначающие фазы, временные отрезки: минуты и часы; части суток, дни недели и неделю; праздничные даты, месяцы, времена года и год, начало и конец, изменения в возрасте. Кроме того имеется множество фразеологизмов, содержащих компоненты *Zeit* и *Weile*. Так, в качестве фактического материала отбирались фразеологизмы, содержащие компоненты-существительные со следующими значениями.

- Срок, момент (*Stunde*) – *Sei Stun is kekomme* (лит. нем. *j-s Stunde ist gekommen*). Фразеологическое выражение имеет два значения: 1. 'jemand bekommt die Gelegenheit, auf die er schon lange gewartet hat; jetzt ist die rechte Zeit zum Eingreifen', 'кто-то наконец получает возможность начать действовать', 2. 'jemand muss sterben'; 'кто-то должен умереть' (букв.: его час пришел); *e bees Stun* 'Tod', 'смертный час' (букв.: злой час).

- Время суток (*Nacht, Tag, Abend, Morgen*) – *Na, dann gut Nacht* (разг. нем. *dann gute Nacht*) 'wenn das so ist, dann ist alles zu spät; das klappt bestimmt nicht mehr, das wäre schlimm', 'если так, то уже поздно что-либо менять' (букв.: ну тогда спокойной ночи). Это выражение пожелания спокойной ночи перед сном получает негативное значение 'дело плохо', появление которого можно объяснить тем, что в старые времена работать можно было только при свете дня, и ничего нельзя было делать, когда становилось темно.

- *S is net alle Tach Ouwent* 'es ist noch nicht zu spät', 'еще не поздно' (букв.: еще не вечер всех дней).

- *Wie Tach un Nacht* 'ganz verschieden', 'очень сильно различаться' (букв.: как день и ночь).

- Дни недели (*Wochentage*) – *S is net alle Tach Sunntach* 'man muss tüchtig arbeiten, nicht jeden Tag ist ein Feiertag', 'нужно усердно трудиться' (букв.: не каждый день воскресенье).

- Праздничные дни (*Feiertage*) – *Do ises ahm net wie m Paff am erste Ostertag* 'jmdm geht es nicht so gut', 'у кого-то дела не так уж хороши' (букв.: тут ему не так, как священнику на пасху).

- *S is so, als ob Weinachte un Oschtra uf en Tach falle* 'etwas ist höchst überraschend, ein besonderes Geschenk, eine übergroße Freude', 'большая неожидан-

ность, огромная радость' (букв.: это так, как будто Рождество и Пасха выпали на один день).

- Времена года (Frühjahr / Herbst / Sommer / Winter) – *Wamr im Frihjahr kann Pelz vrhert, kamr im Herbst aach kann kaafe* 'man sollte notwendige Arbeiten gleich erledigen und nicht alles verschieben', 'нужно всё делать своевременно, не откладывая на потом' (букв.: если весной не постараться обзавестись шубой, то осенью будешь напрасно ее ожидать). Устаревший глагол *erharren* имеет значение 'ждать с надеждой'.

- *Wie Summa un Winta* 'ganz unterschiedlich', 'очень сильно отличаться' (букв.: как лето и зима).

- Фаза (Anfang, Ende) – *Wie der Anfang, so das En* 'Wenn jemand gut beginnt, so nimmt die Sache auch ein gutes Ende', 'от начала зависит и окончание дела' (букв.: каково начало, таков и конец).

- *Des is vo saan En* 'das hat man nicht von ihm erwartet', 'от него чего-либо не ожидают' (букв.: это его конец).

- *S dicke End kummt noch* 'das Schlimmste kommt zuletzt', 'под конец случается самое плохое' (букв.: толстый конец еще придет).

- Возраст (Alter) – *in biblische Alter sei* 'sehr alt sein', 'быть очень старым' (букв.: быть в библейском возрасте).

- Время (Zeit, Weile) – *die Zeit stehle* 'j-n unnötig aufhalten'; j-n stören, unterbrechen, beschäftigen; jemandes Zeit in Anspruch nehmen', 'занимать чье-либо время' (букв.: воровать время).

- *Dem liebe Gott die Zeit stehle* 'nichts tun, faulenzten', 'лентяйничать' (букв.: воровать время у любимого бога). Шутливое выражение основывается на представлении о том, что бог распоряжается временем, которое он дает человеку для работы, а не для безделья.

- *Mei Zeit is aus* 'ich habe keine Chance mehr', 'у меня больше нет шансов' (букв.: мое время вышло).

- *Mei Zeit kummt nouch* 'Die Chance, Gelegenheit für mich wird noch kommen; Der Erfolg wird sich noch einstellen', 'у меня еще есть шанс, я еще добьюсь успеха' (букв.: мое время еще придет).

- *Zeit valiere* 'aufgehalten werden; eine Arbeit wird verzögert', 'медлить' (букв.: терять время);

- *Weile – Eil mit Weil* 'Eilen tut kein Gut; Auch Eiliges sollte man nicht überhastet tun; Hektik bringt nichts', 'о необходимости не торопиться при исполнении важных дел' (букв.: спешу с промедлением). Пословица выражает народную мудрость: то что делается в спешке, не всегда делается хорошо, поэтому не надо торопиться, чтобы не пришлось переделывать.

- *Gut Ding braucht Weil; Gut Ding will Weil habe* 'Was gut werden soll, braucht seine Zeit', 'о необходимости не торопиться при исполнении важных дел' (букв.: хорошая вещь требует времени).

Группа прилагательных и наречий представлена лексемами, обозначающими возрастные признаки, долготу и краткость действия, раннее или позднее его начало, скорость совершающегося действия, его повторяемость, непрерывность, внезапность или постепенность, временную соотнесенность с моментом речи.

- Возрастные признаки (alt, jung) – *jung gwohnt, alt geta* 'durch Gewöhnung fester Bestandteil des Charakters werden', 'воспитание начинается с детства; привычка – вторая натура; чему учился, на то и пригодился' (букв.: молодым привыкнув, делаешь и в старости).

- Преждевременно (*früh*) – *A früh Eh, früh Weh* ‘Man sollte mit Bedacht und Umsicht vorgehen und nicht zu schnell und unüberlegt handeln’, ‘важные решения, принятые в раннем возрасте, могут быть необдуманними’ (букв.: ранняя женитьба, ранние мучения).

- Признаки временного протекания действия (*schnell, hurdig, langsam, lang* и др.) – *Was so lang geht, geht net schee, oder nehmt e dreckiges En* (лит. нем. ein böses Ende nehmen) ‘etwas wirkt sich negativ aus; etwas führt zu Nachteilen’, ‘плохо заканчиваться’ (букв.: что долго длится, не заканчивается хорошо, или имеет дрянной конец). Благодаря расширению *Was so lang geht, geht net schee*, замене прилагательного *böse* на *dreckig* фразеологизм приобретает рифмованную структуру и усиливает значение исходного выражения. Прилагательное *lang* обозначает в данном случае чрезмерную временную длительность действия, которая приводит к отрицательному результату.

- *S Krigelje geht so lang zum Brunne, bis es vebriecht* ‘jedes Unrecht wird einmal bestraft; etwas geht nicht auf Dauer gut’, ‘все когда-то заканчивается; несправедливость будет наказана’ (букв.: кувшин так долго ходит к колодцу, пока он не разобьется). Наречие *lang*, усиленное наречием *so*, и придаточное времени, вводимое временным союзом *bis*, ограничивают продолжение действия, выраженного глаголом *geht*.

- *Wer langsam fährt, kommt aach zu Markt* ‘ohne Eile kommt man auch ans Ziel’, ‘неспешность служит гарантией успеха’ (букв.: кто медленно едет, тоже добирается до базара).

- *Dea wea stot' foat, dea saet dot nich, en dea wea langsam foat, dea jleeft, dot sou sene* ‘Wie Eilen so auch Verzögerung tut kein Gut’, ‘о необходимости не торопиться и не медлить при исполнении важных дел’ (букв.: кто едет мимо быстро, ничего там не увидит, кто едет медленно, тот будет думать, что всё так и есть). Быстрота совершаемых действий (*stot'*), так же как и промедление (*langsam*), не позволяет всё внимательно разглядеть, не приводят к удовлетворительным результатам.

- *Ehe wir noch rufe, lalle, lasst er schon Antwort schalle* ‘eher als man denkt’, ‘что-то происходит, прежде чем ожидаешь, прежде чем успеешь оглянуться’ (букв.: еще прежде чем мы крикнем, пробормочем, уже раздается его ответ). Наречия *noch, schon* и временной союз *ehe* показывают, что одно действие следует непосредственно за другим почти без интервала.

Признак повторяемости действия (*wieder, oft*) – *Fresste – kriest re, fresste nix, krieste widder* ‘was du auch tust, alles ist umsonst’, ‘что бы ты ни делал, результат будет один’ (букв.: если ты жрешь, то ты получишь, если ты не жрешь, то ты опять получишь).

- *Unverhofft kommt oft* ‘Oft passiert etwas, womit man nicht gerechnet hat; Überraschendes, Unerwartetes geschieht oft’, ‘часто случается то, чего не ожидаешь’ (букв.: неожиданное приходит часто).

- Фазовые признаки (*heute, morgen, gestern*) – *heit so, morje so* ‘Ausdruck von Verdrossenheit’, ‘выражение недовольства’ (букв.: сегодня так, завтра так). Так недовольно восклицают, когда кто-то не отличается постоянством, часто меняет свои намерения.

- *Vun heit bis morje* ‘innerhalb kurzer Zeit, schnell’, ‘в короткий промежуток времени, скоро’ (букв.: с сегодня на завтра).

- *Liwer heit wie morje* ‘am liebsten sofort; möglichst schnell’, ‘как можно быстрее’ (букв.: лучше сегодня, чем завтра).

• S is Schnee vun geschtre ‘es is vergangen, überholt, nichts Neues’, ‘это уже прошлое’ (букв.: это вчерашний снег). Вчерашний снег – это давно известное обозначение быстротечности, непостоянства, бренности, оно используется для обозначения чего-то старого, устаревшего, скучного.

Современное *heute* восходит к древневерхненемецкому выражению *hiu tagu*, образованному от существительного *Tag*, выступая в оппозиции к *gestern* и *morgen*, оно передает значение непосредственного настоящего времени. Во многих выражениях *heute* и *morgen* противопоставляются друг другу как контрастивная пара, чтобы передать преходящее значение жизни человека.

4. Семантические характеристики фразеологизмов с временным компонентом в речи российских немцев

Фразеологизмы с временным компонентом относятся к активно употребляемому фразеологическому запасу российских немцев. Передавая абстрактные понятия, обозначения времени могут выступать как в прямом, так и в переносном значении в качестве символов, актуализируя свой оценочный потенциал. Входя в состав фразеологизмов, они характеризуют человека и его окружение, служат для оценки его поведения и оценки определенных жизненных ситуаций.

Метафорические значения и оценочные характеристики, которые свойственны фразеологизмам с временным компонентом, находят свое выражение в следующих случаях.

1. Название персон: *Nachteil sei* (лит. нем. *Nachteule sein*). *Nachteule* ‘ein Mensch, der sich spät schlafen geht und lange am Morgen schläft’, ‘человек, который поздно засыпает и поздно встает’ (букв.: ночная сова). Временной компонент фразеологизма *Nachteil* служит для обозначения человека, который поздно ложится спать и поздно просыпается, при этом проводится его сравнение с ночной птицей, совой.

Der is n Sontagsbruder (kind) ‘glücklich sein’, ‘быть счастливым’. *Sontagsbruder* ‘счастливчик’ (букв.: воскресный брат). Временной компонент фразеологизма служит для обозначения человека, которому всегда везет.

Подобные наименования содержат дополнительные оценочные характеристики называемой персоны.

2. Характеристика человека:

описание его внешности, например:

Wamr alt wert, werd mr kurz ‘Wenn man alt wird, wird man kleiner, bucklig’; ‘с возрастом, в старости человек становится меньше ростом, горбится’;

die hun s Brot net iwer Nacht ‘der Mangel und die Sorgen haben das Aussehen der Hungrigen verändert; sie sehen schlecht, ungesund aus’, ‘человек выглядит так, как будто у него не хватит еды, чтобы пережить ночь’ (букв.: у них нет хлеба даже на одну ночь);

описание настроения, например:

der macht e Gsicht, do kennt in Krug siße Milch ufm Platz sauer were ‘ein unfreundlicher, verdrießlicher Mensch’, ‘описание вечно недовольного человека’ (букв.: он делает такое лицо, тут может сладкое молоко в кувшине на месте скиснуть). Временной компонент *ufm Platz* ‘тут же’ служит для уточнения значения фразеологизма, описывающего недовольного, сердитого человека, выражение лица которого сравнивается с таким, от которого молоко тут же скиснется;

описание характера, например:

Langsam wie n Schillkrot 'schwerfälliger Mensch', 'медлительный человек' (букв.: медлительный как черепаха). Временной компонент *langsam*, усиленный во фразеологическом выражении сравнением с черепахой, передает такую черту характера человека как медлительность.

Die Faule werre ouwents fleißig 'wer zu spät mit einer Arbeit beginnt, muss sich später mehr anstrengen, um rechtzeitig fertig zu werden', т. е. так говорят, когда кто-то постоянно отодвигает срок выполнения необходимой работы (букв.: ленивые становятся вечером прилежными). Поговорка подвергает критике тех, кто начинает усердно, активно работать только тогда, когда это становится крайне необходимым, когда этого уже не избежать. При этом вынужденное действие в прямом значении может относиться к вечеру одного дня, а также пониматься в переносном смысле, подразумевая длительный, но ограниченный промежуток времени.

Der muss mrs hortig uff dr Gawel reiche 'j-m sofort Hilfe anbieten, j-s Wünsche schnell erfüllen', 'что-либо желания должны быть исполнены сразу' (букв.: ей должно быть это подано тут же на вилах). Прилагательное *hortig* 'быстро, тут же, сразу' способствует передаче требования быстрого исполнения желаемого, что может свидетельствовать о высокомерии человека.

3. Оценка поведения человека, например:

Noch m Essa is mr gscheiter wie vorm Essa 'man sollte zur Lösung eines Problems erst mal abwarten, sich Zeit nehmen', т. е. для решения проблемы нужно дать себе время, немного подождать. Временные предлоги *nach* и *vor* указывают при этом на порядок действия в выражении, употребляемом в прямом значении, когда делать что-либо после еды лучше, чем до еды. Оценочная характеристика выражают иронию.

Erst wäche, dann wache (erst wägen, dann wagen) 'Man sollte erst nachdenken, bevor man etwas tut', 'сначала подумать, потом действовать' (букв. сначала взвесить, потом отважиться).

4. Характеристика и оценка человеческих действий, например:

Wer sai Sau em Sommer schlacht, der fressst ka Flaasch em Winter 'Ereignisse sind frühzeitig, gegen alle Ordnung', 'о преждевременности каких-либо действий' (букв.: кто забивает свою свинью летом, тот не ест мяса зимой).

Ehrlich wehrt am Längste 'seine Ehre bis zum letzten verteidigen', 'защищать свою честь до конца' (букв.: честность остается дольше всего). Развитию переносного значения фразеологизма способствует значение глагола с временным значением *währen* 'dauern, Zeit in Anspruch nehmen, bestehen (bleiben)', 'длиться, оставаться';

Ba dene wird dr Waaz vorm Korn gmäht 'die Reihenfolge der Handlungen; Ereignisse sind gegen alle Ordnung', 'события происходят не по порядку, важно выполнять одно действие за другим' (букв.: у них жнут пшеницу перед рожью), временной предлог *vor* показывает большую важность одного действия по сравнению с другим.

5. Оценка ситуаций, например:

Wann s Herschbrei regnet, hot mr ka Leffel 'Unwägbarkeit des Lebens', 'непредсказуемость происходящего' (букв.: когда идет дождь из пшенной каши, нет ложки). Литературному немецкому союзу *wenn* с временным значением соответствует диалектный временной союз *wann*, а обороту *man hat* с неопределенно-личным местоимением *man* соответствует диалектное выражение *hot mr*, где личное местоимение *mr* 'wir' выступает в роли неопределенно-личного;

s Böse kommt gritta, geht ewer fort en Schritta ‘der Mangel und die Sorgen kommen unerwartet’, ‘беда приходит неожиданно и надолго’ (букв.: зло приходит, прискакав, а уходит медленными шагами).

Wie s kommt, so fress ich mit ‘Das Leben so nehmen wie es kommt’, ‘воспринимать жизнь такой, какая она есть’ (букв.: как придет, так я и съем со всеми вместе). Значение глагола *kommen* включает временной компонент завершенности действия;

Strenge Herrn regiere net lang ‘schwere Zeit dauert nicht lange’, ‘суровые времена длятся не долго, нельзя добиться чего-либо силой, строгостью’ (букв.: строгие господя долго не правят).

Благодаря подобным аналогиям более ярко и наглядно передаются понятия, ситуации, действия из повседневной жизни человека. Временные компоненты способствуют передаче другого содержания. При этом, когда реализуется значение временных компонентов, привлекаются культурно связанные ассоциации, отражающие культуру российских немцев. Сохраняя свое прямое значение, временные компоненты способствуют образной презентации времени во фразеологизмах, выражая следующие понятия.

НИКОГДА – т. е, до тех пор пока будешь дожидаться события, которое вообще не может произойти. Диалект находит множество возможностей для образного выражения значения ‘никогда’. Очень популярны в этом случае упоминания праздников, существующих и не существующих, событий, которые противоречат нашей реальности. Например:

wann / bis Oschtra und Pingschta uf en Tach falle (букв.: когда Пасха и Троица выпадают на один день; пока Пасха и Троица не выпадут на один день);

bis Sankt-Nimmerleins-Tach (букв.: до дня никакого святого);

Das krie ich wahrscheinlich, wann die Eile bocke (букв.: когда совы отелятся);

Wann die Sei dr Schritt hamgehe, krie die Schnerche Aaig (букв.: снохи получают костюмы, когда свиный строем будут ходить домой);

Des wird fertig bis die Antoner Kerb (букв.: до месячных Антона). В южнонемецких диалектах выражение *Kirmes* (юнем. Kirchweihe) имеет значение ‘Periode der Frauen’, ‘месячные у женщин’: *se hat de Kirb, s’isch in de Kirb kumme*, бав. *d’Jungfe is i’n Kirte keme, se hat den Kirte*³. ‘Никогда ничего не дождешься, пока будешь ждать, когда у сов родятся козлята, свиный начнут ходить строем, а у мужчин начнутся месячные’.

ОТСУТСТВИЕ ВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦ –

Und wamr so alt wird wie e Kuh, lernt mr immer meh drzu (разг. нем. *Man wird alt wie eine Kuh und lernt immer noch dazu*) ‘zum Lernen ist keiner zu alt’, рус. яз. век живи, век учишь (букв.: и даже когда становишься старым, как корова, еще продолжаешь учиться).

ЗАВЕРШЕНИЕ СОБЫТИЯ –

Die Hochzeit is rum, die Kuche sein ins Klane getraje (лит. нем. *Die Hochzeit ist um*) ‘Alles muss einmal aufhören! es ist Schluss; es ist die Grenze erreicht; es geht nicht mehr weiter, eine Sache ist erledigt, vorbei, abgeschlossen’; ‘все когда-то заканчивается; дело закончено, конец’ (букв.: свадьба закончена, пироги отнесли в кладовку).

Ende gut, alles gut ‘alles ist gut, was gut endet’, ‘все хорошо, что хорошо заканчивается’ (букв.: конец хорош, все хорошо).

³ Ср.: <http://woerterbuchnetz.de/LothWB> "woerterbuchnetz.de/LothWB".

Временные компоненты *Ende* ‘конец’, *rum sein* ‘окончание чего-либо’ передают преходящий характер событий, действий.

ПОРЯДОК, следование событий друг за другом / нарушение порядка следования (*erst – dann, heute – morgen*) –

s muss sich erscht setze ‘es braucht Zeit, bis die Wirkung eintritt’, ‘нужно время, для того чтобы увидеть результат действия’ (букв.: сначала что-то должно усесться). Переносное значение выражения обозначает время, которое нужно, чтобы осознать что-то, переработать, переварить что-то эмоционально или духовно.

Man muss erscht den Bären fange und dann die Haut verkaufe (букв.: Сначала нужно поймать медведя, а потом продавать шкуру). Не убив медведя, шкуры не продашь, нарушение порядка не приводит к добру. Уклад жизни человека предполагает последовательность действий, которая не должна нарушаться, нарушение этой последовательности приведет к плохим последствиям.

Wer ein Herr sei will, muss erscht Knecht sei ‘Wer etwas erreichen will, muss etwas dafür tun; Wer etwas bekommen will, muss die Voraussetzungen dafür schaffen’, ‘чтобы чего-то достичь, нужно для этого что-то сделать, приложить усилия’ (букв.: чтобы стать господином, нужно сначала побыть слугой).

Благодаря противопоставлению временных наречий *heute – morgen, erst – dann*, временных предлогов *nach – vor* фразеологические выражения передают необходимый порядок следования событий.

НЕОТВРАТИМОСТЬ СОБЫТИЙ, которые должны наступить или закончиться – *Was n Dernje were will, spitzt sich in dr Zeit* ‘so bleiben, wie man ist’, ‘чему суждено быть, того не миновать’ (букв.: кто хочет стать шипом, тот заострится со временем); *Däs kommt so sicher wie die Pingschta nouch dr Oschter* ‘das ist sicher’, ‘это так же верно, как то, что после пасхи придет троица’ (букв.: это придет так же точно, как Троица после Пасхи).

Глаголы фразеологических выражений имеют в своем значении временной компонент, благодаря чему фразеологизмы передают значение неизбежности наступления или окончания событий.

СКОРОСТЬ, ускорение происходящего: *ka lange Federlesa macha* ‘Das geht nun mal schneller; Die zur Verfügung stehenden Mittel lassen eine Beschleunigung zu’, ‘не канителиться, что-то можно сделать быстро, не затягивая надолго’ (букв.: не делать долгого собирания пера).

ПУНКТУАЛЬНОСТЬ: *Wer net kommt zur rechte Zeit, muss essa, was em Groppe bleibt* ‘Pünktlichkeit ist eine Tugend’, ‘нужно быть пунктуальным’ (букв.: кто не приходит вовремя, должен будет есть то, что осталось в котле).

5. Выводы

Фразеологизмы с временным компонентом, используемые в речи российских немцев, разнообразны по форме и семантике, они отражают диалектные особенности островных немецких говоров в области фонетики и грамматики, доказывают сохранение богатого диалектного лексического и фразеологического запаса. Фразеологизмы, содержащие временные компоненты, относятся к активному фразеологическому составу языка, их активное употребление показывает особую значимость в российско-немецком культурном пространстве. При этом наряду с сохранившимися фразеологизмами, принесенными с прародины, в островных диалектах появились и продолжают параллельно существовать фразеологизмы, характерные только для российских немцев, появившиеся уже на новой родине. Благодаря частому использованию и значимости временные компоненты иссле-

двумя фразеологическими выражениями способствуют образной презентации времени, они могут выступать в роли символов, проводя ассоциации времени с другими областями. При этом передаются чувства и оценки, которые связаны с отдельными временными компонентами в культуре российских немцев. Исследование особенностей фразеологизмов с временными компонентами позволяет реконструировать языковую картину мира российских немцев.

Список сокращений

бав. – баварский (диалект); букв. – буквально; диал. – диалект; лит. нем. – литературный немецкий (язык); ннем. – нижненемецкий (диалект); разг. нем. – разговорный немецкий (язык); рус. яз. – русский язык; югесс. – южногессенский (диалект); юнем. – южнонемецкий (диалект)

Список литературы

- Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. 3-е изд. М.: Либроком, 2013. 456 р.
- Мокиенко В. М.* Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. М.: Флинта: Наука, 2009. 461 р.
- Москалюк Л. И.* Современное состояние островных немецких диалектов. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. 292 с.
- Москалюк Л. И.* Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае. Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2010. 197 с.
- Москалюк Л. И., Москвина Т. Н., Трубавина Н. В.* Текстовый корпус островных немецких говоров Алтайского края: основные направления и результаты исследований. Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2014. 198 с.
- Москвина Т. Н.* Лексическая система островных верхненемецких говоров в диахронии. Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2013. 160 с.
- Смирнова Т. Б.* Мониторинг общественных организаций российских немцев // Материалы Междунар. науч.-практ. языковой конф., 30 марта – 2 апреля 2015 г. М.: МСНК-пресс, 2016. С. 75–81.
- Смоля М. С.* Реализация грамматических категорий имени прилагательного в островном немецком говоре. Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2017. 168 с.
- Телия В. Н.* Культурные слои во фразеологии и дискурсивных практиках. М.: Языки славянских культур, 2004. 339 с.
- Трубавина Н. В.* Особенности развития придаточных предложений в островных верхненемецких говорах Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2013. 158 с.
- Berend N.* Wolgadeutscher Sprachatlas (WDSA) / Hrsg. von N. Berend. Tübingen: A. Francke, 1997.
- Piirainen E.* Areale Aspekte der Phraseologie: Zur Bekanntheit von Idiomen in den regionalen Umgangssprachen // Flut von Texten – Vielfalt von Kulturen: Ascona 2001 zur Methodologie und Kulturspezifik der Phraseologie / Hrsg. von Harald Burger, Annelies Häckle Buhofer, Gertrud Gréciano. Baltmannsweiler, 2003. S. 117–128.

Список источников

Duden. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Bearb. v. G. Drosdowski und W. Scholze-Stubenrecht. Bd. 11. Mannheim, Leipzig u.a.: Dudenverlag, 1992.

DUDEN. Das große Buch der Zitate und Redewendungen / Hrsg. v. d. Dudenredaktion. Mannheim: Dudenverlag, 2002.

Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 1. Aufl. 5. Nachdr. Stuttgart; Dresden: Ernst Klett Verlag, 1993.

Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten: In 5 Bd. Freiburg; Basel; Wien: Verlag Herder, 2001.

References

Berend N. *Wolgadeutscher Sprachatlas (WDSA)* [Volga-German language atlas]. N. Berend (Ed.), Tübingen, A. Francke, 1997.

Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii. Kody kul'tury* [Linguoculturological method in phraseology. Crop Codes]. 3rd ed. Moscow, Librokom, 2013, 456 p.

Mokienko V. M. *Obrazy russkoy rechi: istoriko-etimologicheskie ocherki frazeologii* [Images of Russian speech: historical and etymological essays of phraseology]. Moscow, Flinta, Nauka, 2009, 461 p.

Moskalyuk L. I. *Sovremennoe sostoyanie ostrovnykh nemetskikh dialektov* [Current state of German Insular dialects]. Barnaul, BSPU Publ., 2002, 292p.

Moskalyuk L. I. *Lingvisticheskiy atlas nemetskikh dialektov na Altae* [Linguistic atlas of German dialects in Altai]. Barnaul: AltSPA, 2010, 197 p.

Moskalyuk L. I., Moskvina T. N., Trubavina N. V. *Tekstovyy korpus ostrovnykh nemetskikh govorov Altayskogo kraya: osnovnye napravleniya i rezul'taty issledovaniy* [Text case of island German dialects of the Altai Territory]. Barnaul, AltSPU, 2014, 198 p.

Moskvina T. N. *Leksicheskaya sistema ostrovnykh verkhnenemetskikh govorov v diakhronii* [The lexical system of island High German dialects in diachrony]. Barnaul, AltSPU, 2013, 160 p.

Piirainen E. Areale Aspekte der Phraseologie: Zur Bekanntheit von Idiomen in den regionalen Umgangssprachen. In: *Flut von Texten – Vielfalt von Kulturen: Ascona 2001 zur Methodologie und Kulturspezifität der Phraseologie*. Hrsg. Harald Burger, Annelies Häckle Buhöfer, Gertrud Gréciano (Eds). Baltmannsweiler, 2003, pp. 117–128.

Smirnova T. B. Monitoring obshchestvennykh organizatsiy rossiyskikh nemtsev [Monitoring of public organizations of Russian Germans]. In: *Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. yazykovoy konf., 30 marta – 2 aprelya 2015 g.* [Proceedings of the International Scientific-Practical Language Conference, March 30 – April 2, 2015]. Moscow, 2016, pp. 75–81.

Smolya M. S. *Realizatsiya grammaticheskikh kategoriy imeni prilagatel'nogo v ostrovnom nemetskom govore* [Realization of grammatical categories of the name of the adjective in island German dialect]. Barnaul, AltSPU, 2017, 168 p.

Teliya V. N. *Kul'turnye sloi vo frazeologii i diskursivnykh praktikakh* [Cultural strata in phraseology and discursive practices]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 339 p.

Trubavina N. V. *Osobennosti razvitiya pridatochnykh predlozheniy v ostrovnykh verkhnenemetskikh govorakh Altaya* [Features of development of subordinate clauses in the island dialects of Altai]. Barnaul, AltSPU, 2013, 158 p.

List of sources

DUDEN. *Das große Buch der Zitate und Redewendungen*. Dudenredaktion (Ed.). Mannheim, Dudenverlag, 2002.

Duden. *Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Idiomatik*. Bearb. v. G. Drosdowski und W. Scholze-Stubenrecht. Bd. 11. Mannheim, Leipzig u.a.: Dudenverlag, 1992.

Küpper H. *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache*. 1. Aufl. 5. Nachdr. Stuttgart, Dresden, Ernst Klett Verlag, 1993.

Röhrich L. *Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten: In 5 vols*. Freiburg, Basel, Wien, Verlag Herder, 2001.

Сведения об авторе

Москалюк Лариса Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия)

l.moskalyuk@yandex.ru

ID 388433

Information about the author

Larisa I. Moskalyuk – Doctor of Philology, Professor of the Department of German Language of the Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation)

l.moskalyuk@yandex.ru

ID 388433

УДК 81.2.2
DOI 10.17223/18137083/75/16

Аффиксальное словообразование прилагательных в улчском языке в сопоставлении с нанайским и орокским

В. А. Горбунова

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются представленные в улчской словообразовательной системе модели адъективного производства при помощи деривационных суффиксов. В общей сложности выделяется и описывается более двадцати пяти моделей, по которым осуществляется образование прилагательных от мотивирующих слов шести различных частей речи. Для каждой модели определяются значения формантов, специфика их сочетаемости с мотивирующими основами и границы семантического варьирования дериватов; выявляются аналоги в близкородственных языках с последующим анализом различий в особенностях компонентов и смысловом наполнении. Отмечаются парадигматические отношения синонимии и омонимии, складывающиеся между словообразовательными единицами в крупнейших (отсубстантивном и отглагольном) блоках.

Ключевые слова

улчский язык, словообразование прилагательных, словообразовательные суффиксы, словообразовательные модели

Для цитирования

Горбунова В. А. Аффиксальное словообразование прилагательных в улчском языке в сопоставлении с нанайским и орокским // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 222–234. DOI 10.17223/18137083/75/16

Adjective derivation through affixation in the Ulch language in comparison with Nanai and Orok languages

V. A. Gorbunova

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper studies morphological derivation in the Ulch language, presenting an overview of adjective derivation by means of suffixes. Over twenty patterns are listed and described in detail, including the data on the affixes used, the semantic alteration they inform to the base, the specifics of their compatibility with core words from different lexical categories and various semantic groups within specific parts of speech. In the Ulch language, adjectives can be formed from the words of various lexical categories: nouns, verbs, adverbs, pronouns, numer-

© В. А. Горбунова, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

als, and other adjectives. However, nouns and verbs are most actively featured in derivation patterns of adjectives, with the rest represented by a few models with medium to low productivity. Noun-to-adjective and verb-to-adjective derivations display a wide range of semantic modification through affixes, establishing different types of relationships between derivatives and core words, indicated by special suffixes. Some of the most widely used are defined by: 'presence of the object indicated by core noun,' 'presence of the quality indicated by core noun,' 'origin indicated by core noun,' 'result of action indicated by core verb,' 'affinity to the action indicated by core verb,' 'inability to perform the action indicated by core verb,' etc. The comparison with Nanai and Orok derivation systems has revealed a significant overlap between the patterns used for adjective production. At the same time, some of the suffixes typical for the Ulch language proved not to be present in Nanai and Orok at all, while the others show distinct differences in the meaning they communicate or the types of stems they can be connected to.

Keywords

adjective derivation, derivational suffixes, derivational patterns, Ulch language

For citation

Gorbunova V. A. Adjective derivation through affixation in the Ulch language in comparison with Nanai and Orok languages. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 222–234. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/16

Данная статья продолжает серию исследований, направленных на подробное освещение ульчской словообразовательной системы. Малая степень изученности языка делает актуальной задачу определения полного круга моделей, использующихся для аффиксального производства лексем различной категориальной принадлежности, а также выявлению общих закономерностей, характеризующих систему в целом. Адъективное морфемное словообразование до настоящего времени получило лишь краткий обзор с выделением нескольких продуктивных моделей в работах первых исследователей ульчского языка – Т. И. Петровой и О. П. Суника. Настоящее исследование ставит своей целью дополнить и углубить сведения об адъективном словопроизводстве: составить список формантов, применяющихся при образовании прилагательных, установить границы их сочетаемости с основами, сформулировать словообразовательные значения для соответствующих моделей. Привлечение материалов близкородственных языков, входящих в нанайскую группу, осуществляется с целью выявления своеобразных черт ульчской словообразовательной системы и уточнения сведений о словообразовательных единицах путем сопоставления с аналогами, представленными в других системах.

Производные прилагательные в ульчском языке могут быть мотивированы словами из различных лексико-грамматических классов: существительными, наречиями, числительными, местоимениями, другими прилагательными или же глагольными основами.

Образование имен прилагательных от имен **существительных** производится по семи различным моделям; три из них выделяются высокой по сравнению с прочими продуктивностью. Наиболее широко распространены в выборке прилагательные с компонентом *-чу* в морфемной структуре. Существенная семантическая дифференциация внутри данной группы лексем свидетельствует о том, что они представляют собой дериваты двух разных моделей с омонимичными формантами.

Первая из этих моделей имеет следующий вид: 'основа существительного (наименование материального объекта или вещества) + суффикс *-чу I* = относитель-

ное прилагательное, характеризующее референта по наличию / содержанию объекта / субстанции'. В зависимости от того, к какой тематической группе относится мотивирующее существительное, деривационное значение может приобретать различные смысловые оттенки.

Среди реализаций модели частотны примеры, в которых производящее слово обозначает неавтономный материальный объект, элемент более крупного предмета либо наименование той или иной особенности конструкции последнего. В семантике производных прилагательных центральным является признак наличия соответствующих компонентов в структуре определяемого объекта:

алдан 'промежуток, щель' > *алданчу* 'с промежутками, с трещинами, с щелью'; *алчуан* 'предплюсна' > *алчуанчу* 'костлявый, суковатый'; *гуйчэ* 'крыша' > *гуйчэчу* 'покрытый крышей'; *ирга* 'орнамент, рисунок, узор' > *иргачу* 'с узором, орнаментом, вышивкой'; *мокчун* 'извилина, изгиб' > *мокчочу* 'с кривизной'; *намуча* 'складка' > *намучачу* 'со складкой'¹.

Другую крупную группу составляют прилагательные, образованные от существительных, которые называют разные типы субстанций – присоединение суффикса *-чу I* представляет содержание соответствующего материала или вещества как определяющую характеристику:

симсэ 'жир, масло, сало' > *симсэчу* 'жирный'; *симата* 'снег' > *симатачу* 'заснеженный'; *даусун* 'соль' > *даусунчу* 'соленый, с солью'; *енукса* 'сопли' > *енуксачу* 'сопливый'; *зорин* 'галька, речные камушки' > *зоринчу* 'каменистый'.

В случаях когда производящие слова называют вещи, относящиеся к личной сфере человека (предметы одежды, украшения), или же объекты, обладающие высокой ценностью, общее значение определения через наличие может дополняться семантикой обладания:

айсин 'золото' > *айсинчу* 'с золотом, имеющий золото'; *ан'ан* 'ожерелье' > *ан'анчу* 'с бусами, имеющий бусы'; *мурин* 'лошадь' > *муринчу* 'имеющий лошадь'; *ута* 'обувь' > *утачу* 'с обувью'.

Наконец, следует отметить, что при образовании прилагательных от существительных с конкретной семантикой возможна трансформация в качественное значение. Как правило, она происходит за счет разнообразных процессов смыслового переноса (метафорического, метонимического, по ассоциативной связи) внутри производной основы. Подобные примеры немногочисленны в выборке и, по всей видимости, носят окказиональный характер:

улсэ 'мясо' > *улсэчу* 'имеющий мясо, плоть – полный'; *мёван* 'сердце' – *мёванчу* 'имеющий сердце – сердечный, великодушный'; *изэһ* 'мозг' > *изэһчу* 'имеющий мозг – умный'; *пивсун* 'порыв урагана' > *пивсучу* 'содержащий в себе ураган – шумный'; *бочо* 'цвет, окраска' > *бочочу* 'имеющий цвет – румяный'.

В близкородственных языках наиболее близким суффиксу *-чу I* по смысловому наполнению представляется орокский суффикс *-лу* со значением 'обладающий тем, что названо основой; имеющий то, что названо основой', хотя на первый план в нём выступает семантический компонент 'обладание', а не 'наличие'. Кроме того, ульчская и орокская модели обнаруживают различия и в типах производящих слов: для орокской в наибольшей степени характерны наименования живых существ, лиц, частей тела [Озолина, 2013, с. 52].

¹ Толкования лексем формулируются на базе статей Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков, а также словарных материалов, представленных в работах Т. И. Петровой и О. П. Суника.

Функционирующий в ульчской словообразовательной системе суффикс *-чу II* в противоположность *-чу I* способен присоединяться только к существительным с абстрактной семантикой². Дериваты представляют собой качественные прилагательные со значением ‘обладающий качеством, названным мотивирующим словом’, как правило, референтные наименованиям лиц, в редких случаях – предметов:

арган ‘хитрость, обман’ > *арганчу* ‘хитрый’; *аксан* ‘обида’ > *аксанчу* ‘обиженный’; *байта* ‘поступок, преступление, судебное дело’ > *байтачу* ‘виновный, виноватый’; *таман* ‘цена’ > *таманчу* ‘ценный’; *кусун* ‘сила’ > *кусунчу* ‘сильный’; *кэси* ‘счастье’ > *кэсичу* ‘счастливый’.

В словообразовательных парах этого типа деривация также может сопровождаться образным переосмыслением значения отсубстантивного прилагательного, усложняющим соотношение семантики производящей и производной лексем:

амбан ‘злой дух’ > *амбачу* ‘содержащий в себе злого духа – сумасшедший’; *мурун* ‘мысль’ > *мурунчу* ‘имеющий мысли – умный’; *гүни* ‘направление’ > *гүнчу* ‘имеющий направление – целеустремленный’.

В орокском языке выделяется модель с суффиксом *-ту (ттү) / -тэ (ттэ)*, соответствующая ульчской модели с суффиксом *-чу II* по всем признакам, кроме фонологической идентичности формантов: в качестве производящих основ используются существительные с абстрактной семантикой, деривационное значение формулируется как ‘обладающий признаком, названным основой’, дериватами являются качественные прилагательные [Озолиня, 2013, с. 51].

Третья продуктивная отсубстантивная модель словопроизводства в ульчском языке имеет общий вид ‘существительное со значением субстанции + суффикс *-ма / -мо / -мэ I*’. Она регулярно используется для образования прилагательных, обозначающих характеристику по материалу. Группа лексем, образованных данным способом, обширна, но при этом семантически однородна – развития деривационного значения путем расширения круга производящих основ или метафоризации в ней не наблюдается:

гирамса ‘кость’ > *гирамсама* ‘костяной’, *мб* ‘дерево’ > *мбма* ‘деревянный’, *хуйэ* ‘рог’ > *хуйэмэ* ‘роговой’; *бусу* ‘материя, ткань’ > *бусума* ‘матерчатый, из ткани’; *геон* ‘медь’ > *геома* ‘медный’; *запу* ‘войлок’ > *запума* ‘войлочный’; *зувэ* ‘лед’ > *зувэмэ* ‘ледяной’; *колдон* ‘кедр’ > *колдомо* ‘кедровый’; *талу* ‘береста’ > *талума* ‘берестяной’.

Следует отметить, что степень представленности материала или вещества в предмете является в ульчской лексической системе значимым признаком. Градация такого рода получает выражение благодаря наличию двух моделей с близким, но не совпадающим словообразовательным значением. Модель с суффиксом *-чу I* указывает на присутствие в описываемом объекте материала, обозначенного основой, в относительно небольшой мере, в то время как модель с суффиксом *-ма / -мо / -мэ I* определяет его как основную составляющую часть. О релевантности этой оппозиции свидетельствует большое количество словообразовательных гнезд, где представлены оба деривата:

² Для суффиксов *-чу I* и *-чу II* отмечаются единичные случаи присоединения к основам других частей речи, например: *оркин* ‘плохой’ > *оркинчу* ‘с виной, с грехом, виноватый’, *лаикти-* ‘вывихиваться’ > *лаикчу* ‘с вывихом, повреждением’, которые, однако, не носят системного характера.

золо ‘камень’ > *золомо* ‘каменный’ и *золочу* ‘с камнем, каменистый’; *улултэ* ‘перья, пух’ > *улултэмэ* ‘пуховый, сделанный из пуха’ и *улултэчу* ‘пуховый, содержащий пух, перья’; *нүтэ* ‘смола’ > *нүтэмэ* ‘смоляной’ и *нүтэчу* ‘смолистый’; *сийан* ‘песок’ > *сийама* ‘песчаный, из песка’ и *сийанчу* ‘с песком’.

Модель с суффиксом *-ма / -мо / -мэ* и значением ‘признак по материалу’ имеет широкое хождение в нанайской группе языков: она активно используется в нанайской и орокской словообразовательных системах и обнаруживает во всех трех языках полное структурно-семантическое единообразие, без выраженной специфики [Аврорин, 1955, с. 220; Озолиня, 2013, с. 51].

Достаточно регулярное представление в ульчской языковой системе получает словообразовательная модель с суффиксом *-вли / -ули*. Присущее ей деривационное значение можно обозначить как ‘характеризующийся качеством, названным производящей основой’. При этом в роли производящих слов могут выступать только существительные, называющие признаки, которые доступны для осязательного восприятия:

н’ама ‘тепло’ > *н’амавли* ‘теплый’; *нуңди* ‘холод, мороз’ > *нуңдули* ‘холодный’; *пэку* ‘жара, зной’ > *пэкувли* ‘жаркий’; *амта* ‘вкус, сладость’ > *амтаули* ‘вкусный, сладкий’.

Подобная же закономерность в выборе производящих основ для суффикса *-вли / -ули / -ли* наблюдается и в орокском языке, однако образование при этом происходит от прилагательных – исходное категориальное значение признака уточняется за счет дополнительного семантического компонента ‘воспринимаемый органами чувств’ [Озолиня, 2013, с. 53]. Вместе с тем в исходном описании ульчской словообразовательной системы прилагательные с суффиксом *-вли / -ули* рассматривались одновременно как отсубстантивные, отглагольные и отнаречные дериваты [Суник, 1985, с. 37]³. Требуется более глубокий анализ синтагматических особенностей производящих слов, чтобы установить, происходит ли деривация непосредственно от основ других частей речи или же присоединению суффикса предшествует адъективация.

Суффикс *-ңи* встречается в ограниченном круге лексем, но обнаруживает широкую сочетаемость – в роли мотивирующих слов в соответствующей модели могут выступать существительные различных тематических групп. Производные прилагательные такой структуры выражают неконкретизированное значение ‘имеющий отношение к соответствующему предмету, существу или явлению’. Исследователи не выделяют в рассматриваемых тунгусских языках моделей, идентичных по типу семантической трансформации и словообразовательному показателю:

буйу(н) ‘зверь’ > *буйуңи* ‘звериный’; *алба(н)* ‘налог’ > *албаңи* ‘налоговый’.

Суффикс *-пти II* присоединяется к ограниченному кругу субстантивных основ с выраженной темпоральной семантикой. Дериваты, образующиеся по этой модели, выражают общее значение ‘присущий обозначенному периоду’:

боло ‘осень’ > *болопти* ‘осенний’; *тимай* ‘утро’ > *тимайпти* ‘утренний’; *сиксэ* ‘вечер’ > *сиксэпти* ‘вечерний’; *долбо* ‘ночь’ > *долбопти* ‘ночной’.

Наряду с данной схемой словопроизводства в ульчском языке представлена также отсубстантивная модель с суффиксом *-ри*, область применения которой

³ В выборке отмечаются немногочисленные случаи употребления суффикса *-вли / -ули / -ли* с наречными основами *пакти* ‘темно, черно’ > *пактувли* ‘темный’; *анана* ‘завидно’ > *ананавли* ‘хороший, редкий (достойный зависти)’; отглагольная деривация по аналогичной модели представлена единичными примерами.

оказывается *ўже*: в качестве производящих слов в ней выступают только наименования времен года. Образованные по такой схеме прилагательные передают семантику ‘присущий сезону, названному основой’:

зува ‘лето, летом’ > *зувари* ‘летний’; *туэ* ‘зима’ > *туэри* ‘зимний’.

Аналогичным образом в нанайском языке прилагательные, выражающие признак соотнесенности со временем года, образуются по двум разным моделям с суффиксами, идентичными ульчским. В. А. Аврорин подчеркивает, что это не является свидетельством избыточности словообразовательной системы, но объясняется различным характером деривационного значения. Нанайские производные прилагательные с суффиксом *-ри* определяют материальный объект как соответствующий сезону, предназначенный для употребления на его протяженности. Напротив, производные прилагательные с суффиксом *-нти* отличаются более диффузной семантикой (‘присущий времени года, названному основой’) и свободной сочетаемостью [Аврорин, 1955, с. 201]. Представляется возможным допустить, что подобная оппозиция характерна и для ульчской системы, хотя словарные материалы не фиксируют случаев образования разноструктурных дериватов от одной субстантивной основы.

В орокском языке также известны случаи образования прилагательных с темпоральной семантикой путем присоединения суффикса *-нти* к существительным. Представлена и модель производства прилагательных от существительных при помощи суффикса *-ри*, однако она отличается широким смысловым диапазоном по сравнению с родственными языками: наименования временных отрезков составляют здесь только одну из групп производящих слов [Озолина, 2013, с. 52]. Различия в смысловой наполненности не позволяют с уверенностью экстраполировать наличие смысловой оппозиции в моделях *-нти* и *-ри*, выявленной в нанайской словообразовательной системе, на всю группу языков.

Основы **глаголов** являются основным источником ульчского адъективного словопроизводства наряду с существительными: система моделей с их участием отличается многокомпонентностью и многочисленными парадигматическими связями между единицами. В общей сложности насчитывается более десяти схем образования прилагательных от глаголов.

Наиболее активно в ульчской словообразовательной системе реализуется модель отглагольного производства прилагательных с суффиксом *-қту I*. Как и употребительная отсубстантивная модель с суффиксом *-чу I*, она характеризуется обширным кругом дериватов и разнообразием в типах мотивирующих основ.

Модель представлена в двух основных разновидностях. Первая характеризуется использованием основ переходных глаголов, обозначающих различные виды действия, направленные на объект. В сочетании с суффиксом *-қту I* они образуют прилагательные с семантикой ‘подвергшийся действию, названному производящей основой’:

боки- ‘связать’ > *бокиқту* ‘связанный’; *букталу-* ‘переломить’ > *букталуқту* ‘переломанный’; *дахала-* ‘победить, подчинить, покорить’ > *дахалақту* ‘подчиненный, покоренный’; *луктучи-* ‘протыкать, пробивать насквозь’ > *луктучуқту* ‘пробитый, продырявленный’.

Во второй, несколько менее распространенной вариации модели в качестве мотивирующей единицы выступает основа непереходного глагола, обозначающего физический процесс:

сэпту- ‘ржаветь’ > *сэптуқту* ‘ржавый’; *мада-* ‘увеличиться, разбухнуть, распухнуть’ > *мадақту* ‘разбухший, распухший, увеличенный’; *қата-* ‘линять, обле-

зять' > *қатақту* 'облинявший, облезлый'; *бучу-* 'коробиться, морщиться' > *бучуқту* 'покоробившийся'.

Модели с суффиксом *-қту* и его фонологическими вариациями отмечаются также в нанайской и орокской словообразовательных системах; для обеих характерно аналогичное деривационное значение признака по результату действия [Аврорин, 1955, с. 202; Озолия, 2013, с. 54–55].

Схема словопроизводства, использующая суффикс *-ку I*, обнаруживает явное сходство с моделью с суффиксом *-қту I* по смысловому наполнению, при этом отличаясь более узким кругом производящих основ и несколько меньшей частотностью употребления. Она имеет общий вид 'основа переходного глагола, обозначающая действие, направленное на объект + суффикс *-ку I* = прилагательное, определяющее лицо или предмет как несущий следы воздействия, названного мотивирующим словом':

гудэчи- 'рвать, разрывать' > *гудэчэку* 'рваный, дырявый'; *моркола-* 'скручивать' > *морколаку* 'витой, извитый'; *қапсача-* 'перевязывать, забинтовывать' > *қапсачаку* 'с повязкой, перевязанный бинтом'.

В близкородственных языках прямых соответствий модели с суффиксом *-ку I* не отмечается. Нанайская модель, использующая суффикс *-ка / -кэ* и содержащая смысловый компонент признака по результату воздействия, не может считаться таковым из-за специфического критерия отбора производящих слов: в качестве мотивирующих здесь выступают только основы глаголов деструктивной семантики [Аврорин, 1955, с. 202].

Помимо моделей с суффиксами *-қту I* и *-ку I* в ульчском аффиктивном словообразовании представлены еще две малопродуктивные схемы производства, формирующие то же значение признака с оттенком результативности ('несущий на себе следы действия, названного производящей основой'), не осложненное никакими дополнительными оттенками. Модель с суффиксом *-қпин* применяется для производства прилагательных от непереходных глаголов, модель с суффиксом *-нту(н)* – для переходных:

-қпин: *холо-* 'испачкаться' > *холоқпин* 'испачканный'; *лаиқпи-* 'вывихиваться' > *лаиқпин* 'вывихнутый, поврежденный'.

-нту(н): *уричи-* 'загибать' > *уриптин* 'изогнутый'; *қаралу-* 'оторвать' > *қаралутту* 'оторванный'.

У образованных от глагольных основ прилагательных с суффиксом *-ма / -мо / -мэ II* то же ядерное значение признака по результату воздействия дополняется смысловым компонентом 'способ производства' за счет семантики производящей основы, которая всегда обозначает некоторый тип созидательного действия:

анзу- 'строить, делать' > *анзума* 'искусственный, сделанный'; *н'уру-* 'писать' > *н'урумэ* 'написанный от руки'; *урпу-* 'шить' > *урпумэ* 'сшитый'.

В. А. Аврорин, описывая функционирование соответствующей модели в нанайском языке, указывает на ее органическое сходство с отсубстантивной моделью с омонимичным суффиксом (она представлена и в ульчском): в обоих случаях в роли определяющего признака выступает материальное происхождение предмета [Аврорин, 1955, с. 221]. Таким образом, возникновение отглагольной модели с суффиксом *-ма / -мо / -мэ II*, вероятно, следует рассматривать как результат переноса продуктивной схемы отсубстантивного образования на другой тип основ. Подобная тенденция ранее отмечалась и в словообразовании существительных [Горбунова, 2020, с. 19].

Представляют интерес отдельные примеры, где глагольная основа дополняется суффиксом *-ха(н)*. В дериватах такой структуры реализуется базовое деривационное значение признака по результату действия, но семантический сдвиг оказывается особенно сильным и часто сопровождается метафоризацией:

амбаптизу- ‘помешаться, сойти с ума’ > *амбаптизухан* ‘пропащий, опустившийся’; *гвāду-* ‘стать тощим, изможденным (о кете-зубатке после икромета)’ > *гвāдуха* ‘истощившийся, ничего не имеющий’.

Наряду с моделями, смысловое ядро которых составляет семантический компонент ‘результат действия’, в ульчском языке отмечаются также схемы словопроизводства, где соотношение производной основы с производящей строится на базе причинной связи. К таковым относятся модели с суффиксами *-пси* и *-қта / -қтэ*, имеющие схожее словообразовательное значение ‘обладающий способностью провоцировать действие, названное мотивирующей основой’:

-пси: *ңэлэ-* ‘испугаться’ > *ңэлэпси* ‘страшный, опасный’; *пэскэ-* ‘удивляться, интересоваться’ > *пэскэпси* ‘удивительный, интересный’.

-қта / -қтэ: *булбу-* ‘умереть, погибнуть’ > *булбуқтэ* ‘смертоносный’; *вāлчу-* ‘спорить’ > *вāлчуқта* ‘спорный, сомнительный, несуразный’; *дблди-* ‘слышать’ > *дблдиқта* ‘чуткий, бдительный’.

Модель с суффиксом *-пси* отличается более обширным ареалом распространения, находя прямые соответствия в нанайском [Аврорин, 1955, с. 203] и орокском [Озолина, 2013, с. 55] языках.

Крупную группу образуют модели с целым рядом различных формантов, несущие общее словообразовательное значение ‘склонный к состоянию, названному мотивирующей основой’. Доминирующее положение среди них занимает схема словопроизводства с суффиксом *-қту II*. Ее дериваты относятся к разряду качественных прилагательных, описывающих характеристики лица, а мотивирующие глагольные основы называют физиологические процессы, эмоциональные состояния или типы поведения:

али- ‘уставать’ > *алиқту* ‘неможный, слабый, усталый’; *амасу-* ‘хотеть спать’ > *амакту* ‘сонливый’; *йэсэңги-* ‘вспотеть’ > *йэсэңгиқту* ‘потливый’; *йада-* ‘устать, утомиться’ > *йадақту* ‘легко утомляющийся, слабый’;

агда- ‘поверить, увериться’ > *агдақту* ‘доверчивый, наивный’; *тихала-* ‘согласиться’ > *тихалақту* ‘покорный, послушный, уступчивый’; *сумэчу-* ‘скрывать, таить, секретничать’ > *сумэчуқту* ‘скрытный’; *илазу-* ‘смущаться, стесняться’ > *илазиқту* ‘стеснительный, стыдливый’.

В реализациях данной модели также отмечаются единичные примеры, в которых семантика производящей основы в результате ассоциативного переосмысления видоизменяется сильнее, чем предполагает прибавление смыслового компонента, выражаемого суффиксом, например: *дэнсуву* ‘трудиться’ > *дэнсуқту* ‘озабоченный’.

Активно функционирующая в ульчской словообразовательной системе модель с суффиксом *-ку II* вступает с рассмотренной выше моделью *-қту II* в отношения полной синонимии. Оба суффикса выражают идентичное значение ‘признак по склонности к состоянию или виду деятельности’ и присоединяются к глагольным основам трёх смысловых разновидностей – называющим физиологический процесс, тип поведения или эмоциональное состояние. Следует отметить, что модель с суффиксом *-ку II* наиболее регулярно использует основы из последней группы:

завансу- ‘зевать’ > *завансуку* ‘много зевающий, сонный’;

упура- ‘упустить рыбу, зверя’ > *упураку* ‘неудачливый, упускающий случай’;

бэңсэ- ‘робеть, трусить, нервничать’ > *бэңсэку* ‘пугливый, робкий, нервный’;
гэвхэдэ- ‘бормотать, нервничать, психовать’ > *гэвхэдэку* ‘ворчливый, сердитый,
неуравновешенный’; *лайда*- ‘надоедать, выпрашивать, навязываться’ > *лайдаку*
‘надоедливый’; *мора*- ‘кричать, реветь’ > *мораку* ‘вспыльчивый; беспокойный’.

Отличительной чертой модели с суффиксом *-псу(в)ли* является избирательная сочетаемость форманта: мотивирующие основы в подобных парах называют различные типы поведения, чаще всего с оценочной окраской. Дериваты, соответственно, несут в себе значение характеристики по образу действия:

начизусу- ‘капризничать’ > *начизусули* ‘капризный’; *ургусу*- ‘надоедать’ > *ургусули* ‘надоедливый’.

Данная модель, вероятно, имеет общее происхождение с орокской, оперирующей суффиксом *-псиули / -псули / -ули / -вли / -(у)ли*, однако спектр их значений обнаруживает существенные различия. В орокской словообразовательной системе данный суффикс употребляется значительно шире, присоединяясь к основам глаголов деятельности, проявления признака и т. д. [Озолия, 2013, с. 55].

Мало распространенный суффикс *-ңга* также употребляется для выражения семантики характеристики лица через соотнесение с определенной манерой поведения:

имдала- ‘изловчиться, быть искусным, умелым’ > *имдаңга* ‘ловкий, искусный’.

Суффикс *-си* в исходной функции является формантом, несущим грамматическое значение отрицания. Тем не менее, закрепление ряда отрицательных форм как самостоятельных единиц в ульчской лексике указывает на то, что на данном этапе в языковой системе функционирует омонимичный аффикс с полноценным словообразовательным значением. Суффикс *-си* фигурирует в модели производства прилагательных, представленной двумя вариациями. Первая предполагает присоединение аффикса к глагольным основам, обозначающим физические процессы, реже – направленные на объект действия, и образует лексемы с семантикой ‘неспособный подвергаться действию, названному производящей основой’:

хблү- ‘объехать, обойти’ > *хблүваси* ‘необъезжаемый’; *сэпту*- ‘ржаветь’ > *сэптуси* ‘нержавеющий’; *суру*- ‘промокнуть до нитки’ > *сурэси* ‘непромокаемый’.

Во второй вариации в качестве производящих слов выступают глаголы эмоциональных состояний. Введение суффикса *-си* формирует деривационное значение ‘характеризующийся отсутствием склонности к действию, названному производящей основой’:

булдазу- ‘впасть в тоску, в уныние’ > *булдазиси* ‘решительный, неунывающий’; *илазу*- ‘смущаться, стесняться’ > *илазиси* ‘бессовестный’; *кичэ*- ‘стараться, быть прилежным’ > *кичэси* ‘небрежный’; *қайраси*- ‘жалеть’ > *қайрасиси* ‘безжалостный’.

Случаи когда основы **прилагательных** усложняются за счет добавления деривационных суффиксов, немногочисленны. Как правило, словообразовательное значение в этих парах сводится к уточнению степени проявления признака, называемого мотивирующим словом. Единичность примеров такого рода в выборке затрудняет точное определение смыслового компонента, который привносит каждый из суффиксов.

Исходя из словарных толкований суффикс *-қту III* сообщает признаку, названному производящим прилагательным, оттенок слабой выраженности, малой интенсивности:

готули ‘горький’ > *готулиқта* ‘горьковатый’; *довли* ‘хромой’ > *довлеқту* ‘хроменький’.

Семантическая наполненность модели с суффиксом *-ку / -кэ* может быть описана только с опорой на материалы близкородственных языков. По всей видимости, она сближается с нанайскими моделями, оперирующими суффиксами *-ко / -ку* и *-кан / -кэн*, которые выражают значение ‘предельная степень отрицательного признака’ [Аврорин, 1955, с. 209]. Сходство прослеживается также и в том, какие лексемы способны соединяться с суффиксами этого типа, – в обоих языках это прилагательные, описывающие габариты предмета и характеризующие их как небольшие или недостаточные:

нэктэку ‘низкий’ > *нэктэкукэ* ‘низенький’; *нэмдэ* ‘узкий’ > *нэмдэку* ‘тоненький, узенький’.

Производство прилагательных от **наречий** по большей части происходит смешанным лексико-синтаксическим способом, где в качестве словообразовательного показателя выступает десемантизированная глагольная форма *би*; аффиксальная деривация развита значительно слабее. В выборке она представлена небольшой группой одноструктурных дериватов с суффиксом *-пти I*. Производящие наречные основы в этих парах делятся на два типа: одни обладают темпоральным значением, другие – пространственным:

балана ‘давно, прежде, раньше’ > *балапти* ‘старый, древний’; *тисэ* ‘вчера’ > *тисэпти* ‘вчерашний’; *тэли* ‘тогда, давно’ > *тэлипти* ‘давнишний, прежний’;

горо ‘далеко, долго’ > *горопти* ‘отдаленный, давний, поношенный’; *зули* ‘перед’ > *зулупти* ‘передний, прежний, предшествующий’.

Как отмечалось выше, модель с омонимичным суффиксом применяется и в отсубстантивном производстве. Ее деривационное значение оказывается уже, ограничиваясь темпоральной семантикой. Наличие связи между двумя моделями разного типа очевидно, однако однозначно определить какую-либо из них как первичную представляется затруднительным – они обнаруживают сопоставимую регулярность применения и степень закреплённости в языковой системе. В словообразовательных системах тунгусских языков модели с суффиксом *-пти* также последовательно отличаются широкой дистрибуцией: в орокском формант употребляется с основами существительных, прилагательных и наречий [Озолиня, 2013, с. 53, 59], в нанайском – с основами наречий и существительных [Аврорин, 1955, с. 221]. Тем не менее, близость семантики производящих лексем категориальному значению наречия, а также большая семантическая вариативность отнаречных дериватов по сравнению с отсубстантивными может говорить о том, что в ульчском языке первичным является производство прилагательных подобной структуры от наречий, тогда как отсубстантивная модель с омонимичным суффиксом *-пти II* возникает на его базе по принципу аналогии.

Числительные выступают в роли производящих слов для особого разряда прилагательных с количественной семантикой. Большую часть данной группы составляют порядковые прилагательные-числительные, образующиеся путем присоединения суффикса *-й* к названиям чисел первого десятка. В нанайском и орокском языках словопроизводство данной категории прилагательных-числительных происходит таким же способом с небольшими фонологическими различиями в аффиксальном оформлении [Аврорин, 1955, с. 239; Озолиня, 2013, с. 59]:

умун ‘один’ > *умуй* ‘первый’; *дуин* ‘четыре’ > *дуйи* ‘четвертый’; *зақпун* ‘восемь’ > *зақпуй* ‘восьмой’; *илан* ‘три’ > *илий* ‘третий’; *надан* ‘семь’ > *надай* ‘седьмой’.

Модель вида ‘количественное числительное + суффикс *-сун* = прилагательное, определяющее референт по признаку количества рядов, названного основой’, яв-

ляется универсальной для нанайской группы языков. В ульчской словообразовательной системе она, по всей видимости, применяется наименее регулярно; дериваты с подобной структурой находят слабое отражение в словарных материалах:

умун 'один' > *умусун* 'одинарный, однорядный; однозначный'.

Производство прилагательных от **местоимений** представлено отдельными непродуктивными схемами, по которым образуются закрытые ряды лексем со смешанной референтно-признаковой семантикой. К данному классу относятся две близкие по структуре и словообразовательному значению модели, образующие местоимения-прилагательные с семантикой принадлежности.

Модель вида 'личное местоимение + суффикс *-н* = прилагательное-местоимение, выражающее идею принадлежности лицу, названному основой':

си 'ты' > *син* 'твой'; *сү* 'вы' > *сун* 'ваш'.

Модель вида 'вопросительное местоимение + суффикс *-ңи* = прилагательное-местоимение, выражающее идею принадлежности лицу, названному основой':

ңуй 'кто' > *ңуиңи* 'чей'.

Помимо этого отмечаются отдельные примеры производства прилагательных-местоимений от основ местоимений путем присоединения суффикса *-ачи*, выражающего семантику идентичности: *ти* 'тот' > *ти-ачи* 'такой же'. Все ульчские словообразовательные модели, использующие местоимения в качестве мотивирующего слова, имеют прямые соответствия в рассматриваемых тунгусских языках [Аврорин, 1955, с. 250; Озолиня, 2013, с. 57–58].

Характеризуя ульчское адъективное словообразование в целом, следует отметить относительное многообразие источников и используемых формантов: производство осуществляется от основ всех представленных в языке самостоятельных частей речи при помощи более чем двадцати пяти словообразовательных суффиксов. Набор использующихся формантов в значительной степени совпадает с теми, которые представлены в других языках нанайской группы, однако соответствующие модели нередко обнаруживают различия в критериях сочетаемости аффиксов с мотивирующими основами и семантическом диапазоне производных прилагательных.

У ряда моделей, относящихся к отсубстантивному и отглагольному классам, проявляется тенденция к расширению семантического спектра дериватов за счет производства от лексем нескольких тематических групп, а также процессов семантического переноса в производных основах. Случаи употребления словообразовательных формантов в сочетании с основами, относящимися к другому лексико-грамматическому классу, чем в исходной модели, также встречаются в выборке, хотя отличаются несколько меньшей частотностью по сравнению с субстантивным словообразованием.

Приложение

Список суффиксов, использующихся
при словообразовании прилагательных
в ульчском языке

Addendum

A list of suffixes
used for adjective derivation in the Ulch language

-ачи 'признак по идентичности'

-вли / *-ули* 'признак по качеству (доступному для осязания)'

- й ‘признак по количеству’
- ку I ‘признак по результату действия / воздействия’
- ку II ‘признак по склонности к действию’
- ку/-кэ ‘отрицательный признак в предельной степени’
- қтин ‘признак по результату действия’
- қта/-қтэ ‘признак по способности провоцировать действие’
- қту I ‘признак по результату действия / воздействия’
- қту II ‘признак по склонности к действию’
- қту III ‘слабо выраженный признак’
- ма/-мо/-мэ I ‘признак по материалу’
- ма/-мо/-мэ II ‘признак по способу производства’
- н ‘признак по принадлежности’
- ңга ‘признак по склонности к действию’
- ңги ‘признак по соотнесенности с предметом / лицом / явлением’
- пси ‘признак по способности провоцировать действие’
- псу(в)ли ‘признак по склонности к действию’
- пти I ‘признак по соотнесенности с временным / пространственным отрезком’
- пти II ‘признак по соотнесенности с сезоном’
- пту(н) ‘признак по результату воздействия’
- ри ‘признак по предназначённости для сезона’
- си ‘признак по неспособности осуществлять действие / подвергаться действию’
- сун ‘признак по числу рядов’
- ха(н) ‘признак по результату действия’
- чу I ‘признак по наличию объекта / субстанции’
- чу II ‘признак по наличию абстрактного качества’

Список литературы

- Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Л.: Академия наук, 1959. 283 с.
- Горбунова В. А. Словообразование имени существительного в ульчском языке (в сопоставлении с нанайским и орокским) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 9–19.
- Озолина Л. В. Грамматика орокского языка. Новосибирск: Гео, 2013. 373 с.
- Суник О. П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л., 1985.

References

- Avrorin V. A. *Grammatika nanayskogo yazyka* [Grammar of the Nanai language]. Leningrad, Akademiya nauk, 1959, 282 p.
- Gorbunova V. A. Slovoobrazovanie imeni sushchestvitel'nogo v ul'chskom yazyke (v sopostavlenii s nanayskim i orokskim) [Noun derivation in the Ulch language (in comparison with Nanai and Orok languages)]. *Siberian Journal of Philology*. 2020, no. 2, pp. 9–19.
- Ozolinya L. V. *Grammatika orokskogo yazyka* [The grammar of the Orok language]. Novosibirsk, Geo, 2013, 373 p.
- Sunik O. P. *Ul'chskiy yazyk: issledovaniya i materialy* [The Ulch language: studies and materials]. Leningrad, 1985.

Сведения об авторе

Горбунова Виктория Александровна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

vicgor89@mail.ru

Author ID 697568

Information about the author

Viktoriya A. Gorbunova – Candidate of Philology, Researcher at the Department of Siberian Languages, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

vicgor89@mail.ru

Author ID 697568

УДК 811.311.24
DOI 10.17223/18137083/75/17

Способы выражения атрибутивной посессивности: посессивные синтаксические конструкции

С. С. Буторин

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Проанализированы структурные модели кетских посессивных конструкций. Рассмотрены способы выражения компонентов посессивной конструкции и средств маркировки посессивных отношений между первым компонентом посессивной конструкции, обозначающим субъект обладания (посессор) и вторым компонентом, указывающим на объект обладания. Работа основана на концепции, предложенной Э. Вайдой, согласно которой посессивные маркеры представляют собой посессивные прономинальные энклитики и проклитики. Выделены двухкомпонентные и многокомпонентные посессивные конструкции. Установлено, что как первый, так и второй субстантивный компонент двухкомпонентной конструкции может иметь атрибут. Препозитивный атрибут имени обладаемого отделяет обладаемое от посессора, нарушая монолитность конструкции.

Ключевые слова

кетский язык, посессивность, посессивные маркеры, структура посессивных конструкций, двухкомпонентные и многокомпонентные структуры, распространенные посессивные структуры, синтаксическая деривация

Для цитирования

Буторин С. С. Способы выражения атрибутивной посессивности: посессивные синтаксические конструкции // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 235–251. DOI 10.17223/18137083/75/17

The ways of expressing attributive possession in Ket: possessive syntactic constructions

S. S. Butorin

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper analyzes the structural models of Ket possessive constructions. The means of expressing possessive construction components and the ways of marking possessive relations between the first possessive construction component denoting the subject of possession (a possessor) and the second component indicating the object of possession (a possessum) are

© С. С. Буторин, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

considered. The study is based on the conception proposed by E. Vajda, according to which the possessive markers are possessive pronominal clitics, used as either clitics or proclitics, depending on the context. Two-component and multiple-component constructions are identified. The two-component constructions contain a possessor, a possessum, and a linking marker, the semantic scope of which is a possessum. The non-expanded and expanded possessive constructions are analyzed. Both the first and the second substantive component of the two-component construction may be expanded by an attribute. The two-component constructions having a possessor expanded by an attribute are characterized by a distant ordering of a possessor noun and a possessum noun, including distant positions of a possessive proclitic and a possessum noun. The derivative processes of transforming possessive constructions are considered. The rising derivation process consists of embedding one more possessor into the construction with an original possessor. Both possessors are marked by appropriate possessive pronominal clitics. It is found that in Ket, the recessive derivation of omitting a possessor noun expressed by a personal pronoun stem is available as well, resulting in a construction with a non-expressed (omitted) possessor. The corresponding possessive pronominal clitic attaching proclitically to possessum noun is overtly retained at the surface morphosyntactic level.

Keywords

Ket language, possession, possessive markers, possessive construction structure, two-component and multiple-component constructions, expanded possessive constructions, syntactic derivation

For citation

Butorin S. S. The ways of expressing attributive possession in Ket: possessive syntactic constructions. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 235–251. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/17

Целью статьи является анализ языковых средств выражения атрибутивной посессивности в кетском языке.

Посессивность является универсальной семантической категорией, и каждый язык располагает механизмом выражения посессивности в пределах именной фразы и предложения.

С точки зрения функциональной грамматики функционально-семантическое поле посессивности имеет два центра, что определяется противопоставлением предикативной и атрибутивной функций, связанных с соответствующими типами посессивных конструкций: атрибутивных (*мое время, дом брата* и т. п.) и предикативных (*У меня есть время*) [Бондарко, 1996, с. 99].

В данной работе рассматриваются атрибутивные посессивные конструкции. Предикативные посессивные конструкции рассмотрены в специальной работе Е. А. Крюковой [2016]. Посессивные маркеры в составе послеложных конструкций остаются за рамками данного исследования.

В кетском языке атрибутивные посессивные отношения могут выражаться субстантивными и местоименными посессивными (притяжательными) конструкциями.

Семантические отношения между компонентами субстантивной притяжательной (посессивной) конструкции следующие: первый компонент – посессор, второй компонент – обладаемое; их связывает посессивный маркер – релятор.

Рассмотрению способов выражения посессивных отношений в кетском языке посвящен ряд работ, предлагающих различные подходы к трактовке посессивных конструкций и их состава [Крейнович, 1968б, с. 457, 461; Дульзон, 1968, с. 62–63, 74–75, 107–111; Werner, 1997, S. 110–111, 117–119, 134–136; Которова, Нефёдов, 2006, с. 46; Georg, 2007, p. 119–120; 107–108; 165–166; Vajda, 2004, p. 20–21, 23;

2013а, р. 81–84; Vajda, 2013b, р. 16; Крюкова, 2015; 2016; Крюкова, Нефёдов, 2017].

Сложность описания средств выражения посессивных отношений в кетском языке заключается в том, что в нем, по мнению некоторых исследователей, имеются ряды формально совпадающих показателей, которые используются как посессивные префиксы, показатели генитивного (посессивного) падежа существительных и личных местоимений, притяжательных местоимений, которые возводятся к родительному падежу соответствующих личных местоимений, а более того, входят в состав показателей некоторых падежей, выделяемых в ряде работ. Существуют различные точки зрения на статус этих показателей и на структуру посессивных конструкций.

Некоторые авторы считают, что существуют два отдельных ряда омонимичных посессивных показателей: притяжательные префиксы (клитики) и суффиксальные показатели генитивного падежа. Отдельно выделяется разряд притяжательных местоимений, которые, как считают Г. К. Вернер [Werner, 1997, S. 134–136] и Ш. Георг [Georg, 2007, р. 165], возникли на базе генитивных форм личных местоимений. Такая точка зрения высказывается в работах [Дульзон, 1968, с. 62–63, 74–75, 107–111; Werner, 1997, S. 118, 134–136; Которова, Нефёдов, 2006, с. 46; Georg, 2007, р. 119–120, 107–108, 165–166]. Приведем примеры: ²*hi'p* ‘сын’; *da-²hi'p* ‘его сын’ – посессивный префикс; *hi'p-da bəgdəm* ‘сына ружье’ – генитивный формант; *da-hi'p-da bəgdəm* ‘его сына ружье’ – посессивный префикс + генитивный формант [Werner, 1997, S. 118]. Ср. также *bu-da ²hi'p* ‘мой сын’ – притяжательное местоимение.

Е. А. Крейнович выделяет категорию притяжательности, выражаемую притяжательными префиксами [Крейнович, 1968б, с. 457], и отрицает существование в кетском родительного падежа [Крейнович, 1968а, с. 130] и соответственно генитивных притяжательных суффиксов, однако признает наличие притяжательных местоимений [Крейнович, 1968б, с. 457].

Категорию посессивности и генитивный падеж выделял также и Э. Вайда, отмечая, что категория посессивности выражается клитиками, которые являются производными от форм генитивного падежа личных местоимений: *āp āt* -> *b-āt* ‘моя мать’ и т. д. [Vajda, 2004, р. 20–21], а особой чертой генитивных формантов является то, что они, скорее всего, представляют собой энклитики, а не суффиксы [Ibid., р. 23].

Посессивные маркеры, во многих работах трактуемые либо как суффиксальные генитивные падежные показатели, либо как притяжательные префиксы, Э. Вайда относит к посессивным прономинальным клитикам, которые могут выступать либо в качестве клитик, либо в качестве проклитик [Vajda, 2008, р. 189–191; 2013а, р. 81–82; 2013b, р. 16]. Вслед за Э. Вайдой аналогичный подход к описанию способов выражения посессивных отношений в кетском языке был использован Е. А. Крюковой и А. В. Нефёдовым [Крюкова, Нефёдов, 2017, с. 43–44].

В данной работе используются принципы анализа посессивных конструкций, обоснованные Э. Вайдой.

Посессивные прономинальные клитики

В качестве маркеров-реляторов в составе посессивных конструкций используются посессивные прономинальные клитики, которые согласуются с именем possessора по категориям лица, числа, рода и одушевленности.

Посессивные прономинальные клитики
Possessive pronominal clitics

Ед. ч.		Мн. ч.	
<i>b</i>	1-е л.	<i>na</i>	Клитики имен одушевленного рода мужск., женск. кл.; присоединяются к именам / местоимениям 1, 2 и 3-го л. мужск. или женск. кл.
<i>k</i>	2-е л.	<i>na</i>	
<i>da</i>	3-е л. мужск. кл.	<i>na</i>	
<i>di*</i>	3-е л. женск. или неодуш. кл.	<i>di</i>	Клитики неодуш. рода; присоединяются к именам вещного класса, а также к финитным формам глагола

* Заметим, что в качестве клитики 3-го л. женск. кл. встречается клитика *d / t*.

В зависимости от контекста эти маркеры могут быть реализованы либо как проклитики, либо как энклитики [Vajda, 2008, p. 188].

Прономинальные посессивные клитики *da* (мужск. класс), *di* (женск. класс), *na* (одушевленный – мужск. и женск. кл.) входят в качестве *посессивных* прономинальных приращений – коннекторов – в состав следующих реляционных маркеров: датив, аблатив и адессив (традиционно относимые к «падежным показателям»), ряд постпозиционных клитик («послелогов»), некоторые реляционные энклитики, присоединяемые к спрягаемым финитным формам глагола и образующие конвербы [Vajda, 2008, p. 190–191; 191–194; 196–197]. Приведем некоторые примеры реляционных клитик с приращением: датив *da-ŋa / di-ŋa / na-ŋa*; аблатив *da-ŋal' / di-ŋal' / na-ŋal'*; адессив *da-ŋta / di-ŋta / na-ŋta* [Ibid., p. 190–191].

Модели атрибутивных посессивных конструкций

В зависимости от языкового способа выражения первого компонента конструкции (имени посессора) выделяются субстантивные и прономинальные конструкции. Второй компонент, обозначающий объект обладаемого, всегда выражается именем существительным.

Отличие этих конструкций состоит в том, что в прономинальной конструкции посессивный маркер указывает на лицо (1, 2 и 3-е), число, а в 3-м л. ед. ч. и класс посессора, в то время как в субстантивной конструкции используются маркеры, отражающие лишь 3-е л. ед. и мн. ч., а в 3-м л. ед. ч. дифференцированно выражающие мужской, женский и неодушевленный (вещный) классы. Что же касается множественного числа, то лицо посессора не дифференцируется; противопоставляется лишь категория одушевленности (клитика *na*) и неодушевленности (вещный класс – клитика *di*). Категория числа посессора вещного класса не выражается: как в единственном, так и во множественном числе используется одна и та же клитика *di*, общая в единственном числе для женского и вещного классов.

Заслуживает внимания мнение относительно того, что посессивные конструкции могут содержать либо эксплицитно выраженный, либо невыраженный (можно сказать, имплицитный, или имплицитируемый. – С. Б.) посессор. При выраженном посессоре посессивный маркер энклитически присоединяется к имени

посессора, а в конструкциях с невыраженным посессором маркеры проклитически присоединяются к имени обладаемого [Крюкова, Нефёдов, 2017, с. 44–46].

Притяжательные местоимения, по мнению авторов приведенной выше работы, представляют собой формы личных местоимений, оформленных соответствующими притяжательными клитиками [Там же, с. 44–45]. При опущении основы личного местоимения маркеры проклитически примыкают к имени обладаемого, но имплицитно указывают на посессор.

На наш взгляд, опущение имени посессора, выраженного, как правило, основой личного местоимения, обусловлено необходимостью введения посессора в прагматический фон с целью помещения имени обладаемого в прагматический фокус.

Двухкомпонентные модели

Наиболее частотными являются двухкомпонентные модели, содержащие два компонента: имя посессора (первый компонент) и объект обладания (второй компонент), связанные посессивным маркером.

В ранее опубликованных работах приводятся три базовые двухкомпонентные модели, идентичные по своей формальной структуре, но отличающиеся с точки зрения интерпретации авторами морфосинтаксического статуса их компонентов (см. [Werner, 1997, S. 118; Которова, Нефёдов, 2006, с. 49; Georg, 2007, p. 119–120; Крюкова, 2015, с. 60; Крюкова, Нефёдов, 2017, с. 50–51]). Применяя унифицированную методику описания структуры посессивных конструкций, предложенную Э. Вайдой, можно представить эти модели следующим образом (морфологическое членение, глоссирование и перевод далее приводимых примеров мои. – С. Б.):

(1) *bìseb-da* *doʔn*
брат-POSS.CL.3.SG.M нож
'брата нож' [Georg, 2007, p. 120]

(2) *bú-da* *doʔn*
он.PR-POSS.CL.3.SG.M нож
'его нож' [Ibid., p. 119]

(3) *da-doʔn*
POSS.CL.3.SG.M-нож
'его нож' [Ibid., p. 120]

Конструкции с притяжательной проклитикой и притяжательным местоимением взаимозаменяемы:

(4) *b-ōb* ⇔ *ā-b ōb* 'мой отец'
da-huʔn ⇔ *bú-da huʔn* 'его дочь'
na-hiʔb ⇔ *búŋ-na hiʔb* 'их сын' [Ibid., p. 120]

Отмечается, что использование проклитической (префиксальной) стратегии применительно к неодушевленным именам обладаемого не является в полной мере характерной, но иногда эта стратегия все же используется [Ibid., p. 120].

Во избежание возникновения недопустимых консонантных сочетаний (кластеров) в начале фразы вместо проклитической стратегии кодирования посессивных отношений используются полные притяжательные местоимения (в нашей терминологии – личные местоимения, оформленные посессивными энклитиками). Данное ограничение касается тех случаев, когда посессивная проклитика представле-

на одним согласным (*b* – 1-е л. ед. ч. и *k* – 2-е л. ед. ч.), а имя обладаемого представлено существительным, имеющим консонантный анлаут. Ш. Георг отмечает, что вместо того, чтобы сказать **b-bókdom* ‘мое ружье’ или **k-bókdom* ‘твое ружье’, говорят *āb bókdom*, *īk bókdom* [Georg, 2007, p. 120].

Таким образом, можно заключить, что наиболее функционально нагруженными являются клитики *da / di* и *na*, имеющие вокалический ауслат.

В вышеприведенных двухкомпонентных моделях, имеющих семантическую структуру ‘посессор + обладаемое’, посессор представлен субстантивным компонентом: именем существительным или личным местоимением-существительным, которые являются либо эксплицитно выраженными (примеры (1) и (2)), либо невыраженными, имплицитными (3), но репрезентированными посессивными клитиками.

В ходе исследования выявлена еще одна модель, в которой в качестве посессора используется субстантивированное порядковое числительное:

Модель: **POSSER_{CARD} + POSS.CL – POSSUM_{SUBST}**

- (5) *doɫi:n ɣl:ne kɣl:mɪn. kɔgde =m* ^{?u?} *hɣ[?]n.*
kɔgde-m ^{?u?} *hɣ[?]n.*
 вторая.F-POSS.CL.3.SG.F имя Хонь
 ‘Жили две женщины. Имя первой – Хонь.’ [Дульзон, 1962, с. 155]

Распространенные двухкомпонентные модели

Как первый, так и второй субстантивный компонент двухкомпонентной конструкции может иметь распространение, выраженное атрибутом.

(а) Модель **ATTR_{ADJ} – POSSER_{SUBST.DEP} + POSS.CL – POSSUM_{SUBST.HEAD}**

Распространение имени посессора адъективным атрибутом:

- (6) *кыл’* *хэj-дэ дй’-вэс* *ýлов*
 наклоненный кедр.POSS.3.SG.M-PROS прорубь
этэвиj
 образовалась
 ‘Сквозь комель наклоненного кедра прорубь образовалась.’ (загадка)
 [Крейнович, 1969, с. 230]

(б) Модель **ATTR_{PROND} – POSSER_{SUBST.DEP} + POSS.CL – POSSUM_{SUBST.HEAD}**

Распространение имени посессора прономинальным атрибутом:

- (7) ... ‘*киде ул’че-д ул’* был’де *то:jунки:бити.*
‘киде ул’че-д ул’
 эта река-POSS.3.SG.N вода
 ‘... я *воду этой речки* всю высушу.’ [Дульзон, 1964, с. 158]

(в) Модель **POSSER_{SUBST.DEP} + POSS.CL – ATTR_{ADJ} – POSSUM_{SUBST.HEAD}**

Распространение имени обладаемого адъективным атрибутом:

- (8) *se^l-da* *ki[?]* *qɔ[?]-ŋ*
 олень-POSS.CL.3.SG.M новый рог-PL
 ‘новые рога оленя’ [Которова, Нефёдов, 2006, с. 45]

(г) Модель \emptyset -**POSSER**_{DEP} – **POSS.CL** – **ATTR**_{ADJ} – **POSSUM**_{SUBST.HEAD}
 Распространенная конструкция с невыраженным посессором:

(9) *de* *hane* *bi'siep*
 POSS.CL.3.SG.M *маленький* *брат*
 ‘его младший брат’ [Крюкова, 2015, с. 58]

(д) Модель **POSSER**_{SUBST.DEP} + **POSS.CL** – **ATTR**_{ORD} – **POSSUM**_{SUBST.HEAD}
 Распространение имени обладаемого количественным числительным в конструкции с выраженным посессором:

(10) *kul'aen daekuc'kuk (un')*
kul'aen-da *kuc'* *kuk (un')*
 горностай-POSS.CL3.SG.M *один* *дыра*
 ‘одна дыра горностая’ (‘ножны’) [Крейнович, 1969, с. 229]

(е) Модель \emptyset -**POSSER**_{DEP} **POSS.CL** **ATTR**_{ORD} – **POSSUM**_{SUBST.HEAD}
 Распространение имени обладаемого количественным числительным в конструкции с невыраженным именем посессором:

(11) *hiris ba:pe aktã danãringolvet dъ kok hун-дингтйн.*
дъ *kok hун-дингтйн*
 POSS.CL.3.SG.F *одна дочь-ADES*
 ‘Старик Ирис сильно и долго плакал *о своей единственной дочери.*’
 [Дульзон, 1969, с. 192]

В конструкциях с распространением имени обладания атрибутом наблюдается дистантное расположение имени посессора и имени обладаемого, в том числе притяжательной проклитики и имени обладаемого при опущенном посессоре.

Многокомпонентные посессивные конструкции

В литературе отмечено наличие конструкций, содержащих два посессивных маркера, соотносящихся с разными референтами-посессорами. На наличие подобных конструкций обращалось внимание, и они трактовались как «сложные посессивные конструкции», в которых посессор одновременно является обладаемым по отношению к другому посессору» [Крюкова, Нефёдов, 2017, с. 46]. Например:

(12) ... *bo:b`da ki't deqaj deqajbo`γos*
b=ōb=da *ki'd*
POSS.1.SG-отец-POSS.3.SG.M. *цена*
di-kaj-b-o-γos
 1SG.SBJ-конечность-INAN.OBJ-(EP)-взять
 ‘...отцовскую [моего отца] цену возьму’ [Там же]

Авторы цитируемой работы отмечают, что существительное *ōb* ‘отец’ является обладаемым по отношению к невыраженному посессору, представленному проклитикой *=b=* ‘мой’ (< *ab*), и одновременно посессором по отношению к обладаемому, выраженному существительным *ki'd* ‘цена’ [Там же].

В настоящей работе такие конструкции трактуются как многокомпонентные. Рассмотрим формальную и семантическую структуру многокомпонентной посессивной конструкции.

этом посессор *sé-n-nà* ‘олений’ обладаемого *iyòlta-ŋ* ‘шкуры’ исходной конструкции становится одновременно обладаемым посессора *ób-dà* ‘отца’.

Деривационная история:

sé-n-nà iyòlta-ŋ ⇒ *ób-dà sé-n-nà iyòlta-ŋ*

олень-PL-POSS.PL.AN шкура-PL ⇒ отец-POSS.3.SG.M олень-PL-POSS.PL.AN шкура-PL

‘шкуры оленей’ (букв. ‘олений шкуры’) ⇒ ‘шкуры оленей отца’ (букв. ‘отца олений шкуры’).

Семантико-синтаксическое представление деривации:

$POSSER.I_{SUBST.DEP} + POSS.CL.I + POSSUM.I_{SUBST.HEAD} \Rightarrow POSSER.II_{SUBST.DEP} + POSS.CL.II - [POSSUM.II_{SUBST.HEAD} \Leftrightarrow POSSER.I_{SUBST.DEP}] + POSS.CL.I - POSSUM.I_{SUBST.HEAD}$

Вариант Б. Посессор.П выражен личным местоимением, оформленным притяжательной энклитикой.

Исходная конструкция:

(17) *biseb-da* doʔn.
брат POSS.CL.SG.3.M нож
‘брата нож’

Производная конструкция:

(18) *ā-b* *biseb-da* doʔn
PRON.SG.1-POSS.CL.SG.1 брат POSS.CL.SG.3.M нож
‘нож моего брата (букв. моего брата нож)’ [Georg, 2007, p. 107]

Деривационная история:

biseb-da doʔn ⇒ *ā-b biseb-da doʔn*

брат POSS.CL.SG.3.M нож ⇒ PRON.SG.1-POSS.CL.SG.1 брат POSS.CL.SG.3.M нож

‘брата нож’ ⇒ ‘моего брата нож’

Семантико-синтаксическое представление деривации:

$POSSER.I_{SUBST.DEP} + POSS.CL.I + POSSUM.I_{SUBST.HEAD} \Rightarrow POSSER.II_{PRON.DEP} + POSS.CL.II - [POSSUM.II_{SUBST.HEAD} \Leftrightarrow POSSER.I_{SUBST.DEP}] + POSS.CL.I - POSSUM.I_{SUBST.HEAD}$

Вариант В. Посессор.П в исходной конструкции является личным местоимением, оформленным притяжательной энклитикой; в производной редуцированной конструкции Посессор.П является невыраженным (опущенным) и репрезентируется притяжательной проклитикой. Данный деривационный процесс относится к рецессивной деривации. Исходная нередуцированная и производная редуцированная конструкции имеют следующий вид.

Исходная конструкция:

(19) *bu-da hiʔp-da* *bɔgdɔm*
PRON.3-POSS.CL.3.SG.M ружье
‘его сына ружье’

Производная редуцированная конструкция:

(20) *da-hiʔp-da* *bəgdəm*
POSS.CL.II.3.SG.M-сын-POSS.CL.I.3.SG.M ружье
'его сына ружье' [Werner, 1997, S. 118]

Деривационная история:

bu-da hiʔp-da bəgdəm ⇒ *da-hiʔp-da bəgdəm*

PRON.3-POSS.CL.3.SG.M ⇒ Ø-POSSER – POSS.CL.II.3.SG.M-сын-POSS.CL.I.3.SG.M

Перевод один и тот же.

Семантико-синтаксическое представление деривации:

POSSER.II_{PRON,DEP} + POSS.CL.II – [POSSUM.II_{SUBST,HEAD} ⇔ POSSER.I_{SUBST,DEP}]
+ POSS.CL.II – POSSUM.I_{SUBST,HEAD} ⇒ Ø-POSSER.II_{PRON,DEP} – POSS.CL.II + [POSSUM.II_{SUBST,HEAD} ⇔ POSSER.I_{SUBST,HEAD}.] + POSS.CL.I – POSSUM.I_{SUBST,HEAD}

При опущении имени посессора к существительному, являющемуся именем обладаемого, на формально-синтаксическом уровне проклитически примыкает посессивный маркер. В таком случае в формальном плане имя обладаемого предстает как дважды маркированное клитиками: референтом проклитики является опущенное имя посессора, а референтом энклитики – имя обладаемого. Таким образом, сферой действия посессивных маркеров-проклитик является имя выраженного (21) или невыраженного (эллиптически опущенного) (22) посессора:

(21) *ab əb-da* *kiʔd*
PRON.1.SG-POSS.1.SG-отец-POSS.3.SG.M цена
'цена моего отца [моего отца цена]'

(22) *b-əb-da* *kiʔd*
POSS.1.SG-отец-POSS.3.SG.M цена
'цена моего отца [моего отца цена]' [Крюкова, Нефёдов, 2017, с. 46]

Деривационная цепочка представляет собой следующую трансформацию:

ab əb-da kiʔd [PRON.1.SG-POSS.1.SG-отец-POSS.3.SG.M цена] ⇒ *b-əb-da kiʔd* [POSS.1.SG-POSS – отец-POSS.3.SG.M цена].

Деривационными отношениями редукции могут быть связаны также и двух-компонентные конструкции с выраженным и невыраженным посессором.

Модель с выраженным личным местоимением посессором:

POSSER.I_{PRON} + POSS.CL.I + POSSUM.I_{SUBST}

(23) *bu-da* *ob*
он.PRON-POSS.CL.3.SG.M отец
'его отец'

Модель с невыраженным (опущенным) посессором, представленным проклитикой: Ø-POSSER.I + POSS.CL.I + POSSUM.I_{SUBST}

(24) *da-op*
POSS.3.SG.M-отец
'его отец'

Вариант Г. Многокомпонентная модель имеет распространение, выраженное адъективным атрибутом, в том случае, когда она образована на базе двухкомпонентной распространенной модели:

Исходная конструкция:

(25) *ыдат ба:д-да* *һъ^она* *һы[?]н*
старик Ыдат.-POSS.3.SG.M младший.ATTR_{ADJ} сын.
‘Старика Ыдата младший сын’

Производная конструкция:

(26) *ыда:т ба:т-да* *һъ^оне*
старик Ыдат.-POSS.3.SG.M младший.ATTR_{ADJ}
һын-да *ки:м*
сын.-POSS.3.SG.M жена
‘старика Ыдата младшего сына жена’ [Дульзон, 1966, с. 94]

Деривационная цепочка:

ыдат ба:д-да һъ^она һы[?]н ⇒ *ыда:т ба:т-да һъ^оне һын-да ки:м*
старик Ыдат.-POSS.3.SG.M младший.ATTR_{ADJ} сын старик Ыдат.-POSS.3.SG.M
младший.ATTR_{ADJ} сын.-POSS.3.SG.M *ки:м*

Семантико-синтаксическое представление:

POSSER.I_{SUBST.DEP} + POSS.CL.I – ATTR_{ADJ} – POSSUM_{SUBST.HEAD} ⇒
POSSER.II_{SUBST.DEP}] + POSS.CL.II – ATR_{ADJ} – [POSSUM.II_{SUBST.HEAD} ⇔
POSSER.I_{SUBST.DEP}] + POSS.CL.I POSSUM.I

Сфера действия прономинальных посессивных клитик

Сферой действия прономинальных клитик является имя посессора. В случае распространения имени обладаемого атрибутом, выраженным прилагательным, имена посессора и обладаемого отделяются друг от друга атрибутом и располагаются дистантно. При этом посессивный маркер энклитически присоединяется к имени посессора.

(27) *se^l-da* *ki[?]* *qə[?]-ŋ*
олень-M.GEN новый рог-PL
‘новые рога оленя’ [Которова, Нефёдов, 2006, с. 45]

Наблюдается также дистантное расположение прономинальных клитик при невыраженном посессоре. Посессивные проклитики 3-го л. *da~de* (M), *di* (F), *d* (N), *na* (PL.AN) анафорически указывают на посессора, а имя посессора вводится в фон. Ситуация аналогична ситуации с реляционными маркерами Датива, Адессива и Аблатива, способными использоваться в качестве самостоятельных слов (ср. [Vajda, 2008, p. 192]). Например:

(28) *de hane bi'sep*
POSS.CL.3.SG.M маленький брат
‘его младший брат’ [Крюкова, 2015, с. 58]

Дейктическое и анафорическое использование клитик

При невыраженном посессоре проклитические маркеры 1-го (*b*) и 2-го (*k*) л. ед. ч. являются дейктическими, т. е. содержат отсылку к посессору, который явля-

ется участником данного акта речи или речевой ситуации, и отсылают к говорящему или слушающему (см. [ЛЭС, 1990, с. 294–295]).

Клитики 3-го л. ед. ч мужск. (*da*), женск. (*di*) и неодушевленного (вещного) рода (класса) (*d/t*), являются анафорическими и указывают на лицо, число и класс possessора, а анафорическая клитика множественного числа одушевленного рода (*na*) отображает лишь число и одушевленность possessора, не указывая на лицо possessора; множественное число possessора неодушевленного класса не отражается: используется клитика единственного числа (*d/t*). При опущенном possessоре анафорические клитики содержат отсылку к possessору, упомянутому в данном высказывании или тексте.

Дейктическое использование possessивных клитик:

(29) *Bal'na ... di'ŋa bara :... p-qoŋq us'ka iRunes i p-qi't.*

<i>Bal'na</i>	<i>di'ŋa</i>	<i>bara</i>	<i>p-qoŋq</i>
Бальна	3.SG.F.DAT	3.SG.M.say\PST	POSS.CL.1.SG-панцирь
<i>us'ka</i>	<i>iRunes</i>	<i>i</i>	<i>p-qi't</i>
назад	2SG.нести\IMP	и	POSS.CL.1SG-лук

‘Бальна ... ей сказал: ... мой панцирь принеси и лук.’ (пример из [Крюкова, Глазунов, 2010, с. 199])

Анафорическое использование possessивных клитик:

(30) *Bal'na doldaŋq d bis'niminas'.*

<i>Bal'na</i>	<i>d-ol-dəŋq</i>	<i>d-bis'nimin-as'</i>
Бальна	SUBJ.3SG.M-PST-жить	3SG.POSS-брат.PL-COM

‘Бальна жил со своими братьями.’ (пример из [Крюкова, Глазунов, 2010, с. 199])

Оформление обладаемого падежным показателем

Вершинный характер обладаемого в possessивной конструкции подтверждает еще и тем, что к имени обладаемого присоединяются так называемые «падежные реляционные маркеры» (см. [Vajda, 2008, p. 190–196]), в составе которых выделяются в качестве соединительных элементов прономинальные possessивные клитики.

(31) *do'lin, do'lin i de hane bi's'ep t-qiminem, hantgam qim t-kas'titnem, o'yon de qi'bba:taŋnaŋa dɔ'q de hane bi's'ep ... o'yon*

<i>de</i>	<i>hane</i>	<i>bi's'ep</i>
POSS.CL.3.SG	маленький	брат
<i>o'yon</i>	<i>de</i>	<i>qi'bba:t-aŋ-naŋa</i>
идти.SUBJ.3.SG.M.PST	POSS.CL.3.SG.M.	тесть-PL-DAT.PL
<i>dɔ'q</i>		
жить		

‘Жили, жили, и его младший брат женился, эвенкийскую жену взял, пошел к тестям жить.’ [Крюкова, Глазунов, 2010, с. 188]

Типологическая характеристика

В отличие от многих языков, которым свойственна категория possessивности, в кетском языке отсутствует противопоставление неотторжимой и отторжимой принадлежности [Werner, 1997, S. 119].

Посессивные суффиксы, присоединяемые к имени обладаемого, в кетском не отмечены [Vajda, 2013a, p. 81].

Рассмотрим данные кетского языка с позиций типологии вершинного и зависимостного кодирования, предложенной Дж. Николс [Nichols, 1986, p. 59–60]. Автор выделяет две схемы маркирования компонентов посессивных фраз: зависимостное и вершинное кодирование; верхний латинский символ ^H обозначает вершину, а символ ^M – маркер зависимости:

Зависимостное маркирование: Noun₁ + ^MGEN ^HNOUN₂.

Вершинное маркирование: Noun₁ ^HNoun₂ + ^MPronominal affix_{N1}.

С точки зрения вершинно-зависимостного кодирования посессивная фраза в кетском языке с позиций подхода, используемого в этой работе, преимущественно характеризуется зависимостным кодированием, в качестве зависимостного маркера используются клитики. Воспроизведем пример (1):

(32) *biseb-^Mda* ^H*doʔn*
 брат-POSS.CL.3.SG.M нож
 ‘нож брата’

В частном случае зависимостные маркеры проклитически могут примыкать к имени обладаемого, но это происходит лишь в случае невыраженного посессора (Ø-POSSER). К тому же отнести проклитики к вершинному кодированию не представляется возможным, так как посессор может быть легко восстановлен, и проклитика уже предстает как зависимостный маркер, примыкающий к имени посессора:

(33) ^M*da-^Hdoʔn* [Ø-POSSER POSS.CL.3.SG.M-нож] ‘его нож’ ⇒ *bú-^Mda* ^H*doʔn*
 [он.PR.POSSER-POSS.CL.3.SG.M нож] ‘его нож’

Кроме того, проклитика может отделяться от имени обладаемого атрибутом (ср. точку зрения Е. Г. Которовой и А В Нефёдова [Которова, Нефёдов, 2006, с. 49]).

Порядок следования показателей множественного числа и посессивных клитик: показатели множественного числа предшествуют посессивным энклитикам, при этом число выражается избыточно – как при имени обладаемого, так и посредством использования посессивных клитик множественного числа одушевленного класса.

(34) *ób-dà* *sé-n-nà* *inòlta-ŋ*
 отец-POSS.3.SG.M олень-PL-POSS.PL.AN шкура-PL
 ‘Отца оленей шкуры’ [Vajda, 2004, p. 23]

Заключение

В статье развивается подход к анализу способов выражения посессивности, выдвинутый Э. Вайдой и заключающийся в том, что посессивные маркеры являются не падежными показателями генитива существительных и личных местоимений (к которым, как считают некоторые исследователи, восходят притяжательные местоимения) и не посессивными префиксами, а посессивными прономинальными клитиками, примыкающими к именам посессора, выраженным именем существительным или личным местоимением.

Имя посессора может быть опущено, и к существительному, являющемуся именем обладаемого, на формально-синтаксическом уровне проклитически примыкает посессивный маркер. Таким образом, сферой действия посессивных мар-

коров является имя выраженного или невыраженного (опущенного) посессора. Предположительно, имя посессора опускается в целях его введения в прагматический фон.

При невыраженном посессоре проклитические маркеры 1-го (*b*) и 2-го (*k*) л. ед. ч. являются дейктическими, т. е. содержат отсылку к посессору, который является участником данного акта речи или речевой ситуации, и отсылают к говорящему или слушающему.

Клитики 3-го л. ед. ч мужск. (*da*), женск. (*di*) и неодушевленного (вещного) рода (класса) (*d / t*) являются анафорическими и указывают на лицо, число и класс посессора, а анафорическая клитика множественного числа одушевленного рода (*na*) отображает лишь множественное число и одушевленность посессора, не указывая на лицо посессора; множественное число посессора неодушевленного класса не отражается: используется клитика единственного числа (*di / d / t*). При опущенном имени посессора анафорические клитики содержат отсылку к посессору, упомянутому в данном высказывании или тексте.

В кетском языке выделены двухкомпонентные и многокомпонентные посессивные конструкции, связанные деривационными отношениями восходящей и нисходящей деривации.

Условные обозначения

↔ – одновременно является; [POSSUM.I ↔ POSSER.II] – в квадратные скобки помещается синтаксический компонент, который одновременно имеет семантическую интерпретацию и обладаемого, и посессора; Ø – опущенное имя посессора; Ø-POSSER – невыраженный (опущенный) посессор; ADES – адессив; ATTR – атрибут; CL – клитика; COM – комитатив; DAT – датив; DEP – зависимый компонент; EP – эпендетический сегмент; F – женский класс; GEN – генитив; HEAD – вершинный компонент; HEAD ⇒ DEP – преобразование вершинного компонента в зависимый; INAN – неодушевленный род); M или m – мужской класс (род); N – показатель неодушевленного (вещного) класса; ORD – порядковое числительное; PL – множественное число; PM – посессивный маркер; POSS / POSS.CL – посессивный маркер / посессивная клитика; POSSER – посессор; POSSUM – имя обладаемого; PROND – указательное местоимение; PROS – продолжный падеж; PST – прошедшее время; SBJ – субъект; SG – единственное число; SUBST – существительное.

Список литературы

Бондарко А. В. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. С. 99–100.

Дульзон А. П. Кетские сказки и другие тексты // Учен. зап. Том. гос. пед. ин-та. 1962. Т. 20, вып. 2. С. 144–180.

Дульзон А. П. Кетские сказки // Очерки по грамматике кетского языка. Томск: Изд-во ТГУ, 1964. С. 140–217.

Дульзон А. П. Кетские сказки. Томск: Изд-во ТГУ, 1966. 167 с.

Дульзон А. П. Кетский язык. Томск: Изд-во ТГУ, 1968. 635 с.

Дульзон А. П. Кетские сказки и другие тексты // Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М.: Наука, 1969. С. 167–212.

Которова Е. Г., Нефёдов А. В. Типологические характеристики кетского языка: вершинное или зависимостное кодирование? // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 43–56.

Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. Л.: Наука, 1968а. 283 с.

Крейнович Е. А. Кетский язык // Языки народов СССР. Л.: Наука, 1968б. Т. 5: Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. С. 453–473.

Крейнович Е. А. Загадки // Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М.: Наука, 1969. С. 231–235.

Крюкова Е. А. Именные посессивные конструкции в кетском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 4 (10). С. 55–61.

Крюкова Е. А. Предикативные посессивные конструкции в кетском языке (корпусное исследование) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 4 (14). С. 22–36.

Крюкова Е. А., Глазунов П. Ю. Кетские тексты // Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала. Томск: Ветер, 2010. С. 185–211.

Крюкова Е. А., Нефёдов А. В. Выражение посессивных отношений в кетском языке: прототипичные конструкции и периферия // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 4 (18). С. 42–55.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

Georg S. A Descriptive Grammar of Ket (Yenisei-Ostyak). Part 1: Introduction, Phonology, Morphology. Global Oriental Ltd, 2007, 328 p.

Nichols J. Head-Marking and Dependent-Marking Grammar // Language. 1986. Vol. 62, no. 1. P. 56–119.

Vajda E. J. Ket // Languages of the World / Materials. 204. Lincom Europa, 2004. 99 p.

Vajda E. J. Head-negating enclitics in Ket // Subordination and coordination strategies in North Asian languages / Ed. by Edward J. Vajda. Amsterdam, 2008. P. 179–201. (Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. Series IV, Current issues in linguistic theory, ISSN 0304-0763; vol. 300)

Vajda E. J. Vestigial possessive morphology in Na-Dene and Yeniseian. // Working Papers in Athabaskan (Dene) Languages 2012. Alaska Native Language Center Working Papers / Eds. Sharon Hargus, Edward Vajda, Daniel Hieber. Fairbanks, AK: ANLC, 2013a. No. 11. P. 79–91. URL: https://www.uaf.edu/anlc/docs/Vajda_2013_Vestigial.pdf (accessed: 21.03.2021).

Vajda E. J. Metathesis and reanalysis in Ket // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2013b. № 1 (1). P. 14–26.

Werner H. Die ketische Sprache. Wiesbaden, 1997. 407 S.

References

Bondarko A. V. Vstupitel'nye zamechaniya [Introductory remarks]. In: *Teoriya funkcional'noy grammatiki. Lokativnost'. Bytiynost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'* [Theory of functional grammar. Space localization. Beingness. Possession. Causality]. St. Petersburg, Nauka, 1996, pp. 99–100.

Dul'zon A. P. Ketskie skazki i drugie teksty [Ket tales and other texts]. *Uchen. zap. Tom. gos. ped. in-ta*. 1962, vol. 20, iss. 2, pp. 144–180.

Dul'zon A. P. Ketskie skazki [Ket tales]. In: *Ocherki po grammatike ketskogoazyka* [Sketches on Ket grammar]. Tomsk, TSU Publ., 1964, pp. 140–217.

- Dul'zon A. P. *Ketskie skazki* [Ket tales]. Tomsk, TSU Publ., 1966, 167 p.
- Dul'zon A. P. *Ketskiy yazyk* [Ket language]. Tomsk, TSU Publ., 1968, 635 p.
- Dul'zon A. P. Ketskie skazki i drugie teksty [Ket tales and other texts]. In: *Ketskiy sbornik. Mifologiya, etnografiya, teksty* [Studia Ketica. Mythology, ethnology, texts]. Moscow, Nauka, 1969, pp. 167–212.
- Georg S. *A descriptive grammar of Ket (Yenisei-Ostyak)*. Part 1: Introduction, Phonology, Morphology. Global Oriental Ltd, 2007, 328 p.
- Kotorova E. G., Nefedov A. V. Tipologicheskie kharakteristiki ketskogo yazyka: verшинnoe ili zavisimostnoe kodirovanie? [Typological features of the Ket language: the head or dependancy marking?]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2006, no. 5, pp. 43–56.
- Kreynovich E. A. *Glagol ketskogo yazyka* [The verb in the Ket language]. Leningrad, Nauka, 1968a, 283 p.
- Kreynovich E. A. Ketskiy yazyk [The Ket language]. In: *Yazyki narodov SSSR. T. 5: Mongol'skie, tunguso-man'chzhurskie i paleoaziatskie yazyki* [USSR peoples languages. Vol. 5: Mongolian, Manchu-Tungis and Paleo-Siberian languages]. Leningrad, Nauka, 1968b, pp. 53–473.
- Kreynovich E. A. Zagadki [Puzzles]. In: *Ketskiy sbornik. Mifologiya, etnografiya, teksty* [Studia Ketica. Mythology, ethnology, texts]. Moscow, Nauka, 1969, pp. 231–235.
- Kryukova E. A. Imennye possessivnye konstruksii v ketskom yazyke [Possessive noun constructions in Ket]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2015, 4 (10), pp. 55–61.
- Kryukova E. A. Predikativnye possessivnye konstruksii v ketskom yazyke (korpusnoe issledovanie) [Possessive predicative constructions in Ket (corpus-driven research)]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2016, no. 4 (14), pp. 22–36.
- Kryukova E. A., Glazunov P. Yu. Ket texts. In: *Annotirovannye fol'klornye teksty obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Annotated folklore prose texts of the Ob-Yenisei language area]. Tomsk, Veter, 2010, pp. 185–211.
- Kryukova E. A., Nefedov A. V. Vyrazhenie possessivnykh otnosheniy v ketskom yazyke: prototipichnye konstruksii i periferiya [Possessive relations in Ket: prototypical constructions and peripheral cases]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2017, no. 4 (18), pp. 42–55.
- Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. V. N. Yartseva (Ed. in Ch.). Moscow, Sov. entsikl., 1990, 685 p.
- Nichols J. Head-marking and dependent-marking grammar. *Language*. 1986, vol. 62, no. 1, pp. 56–119.
- Vajda E. J. Ket. In: *Languages of the World / Materials*. 204. Lincom Europa, 2004, 99 p.
- Vajda E. J. Head-negating enclitics in Ket. In: *Subordination and coordination strategies in North Asian languages*. E. J. Vajda (Ed.). Amsterdam, 2008, pp. 179–201. (Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. Series IV, Current issues in linguistic theory, ISSN 0304-0763; vol. 300)
- Vajda E. J. Vestigial possessive morphology in Na-Dene and Yeniseian. In: *Working papers in Athabaskan (Dene) languages 2012. Alaska native language center working papers*. Sharon Hargus, Edward Vajda, Daniel Hieber (Eds). Fairbanks, AK: ANLC, 2013a, no. 11, pp. 79–91. URL: https://www.uaf.edu/anlc/docs/Vajda_2013_Vestigial.pdf (accessed: 21.03.2021).

Vajda E. J. Metathesis and reanalysis in Ket. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2013b, no. 1 (1), pp. 14–26.

Werner H. *Die ketische Sprache*. Wiesbaden, 1997, 407 S.

Сведения об авторе

Буторин Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

butorin_ss@mail.ru

Researcher ID M-4932-2018

Information about the author

Sergey S. Butorin – Candidate of Philology, Assistant Professor, Senior Researcher at the Department of Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

butorin_ss@mail.ru

Researcher ID M-4932-2018

УДК 81'36 (Грамматика), 81'44 (Типологическая лингвистика)
DOI 10.17223/18137083/75/18

**Глагольная парадигма в языке томо-кан:
о взаимосвязи полипредикатных конструкций,
грамматикализации и тонологии**

В. В. Дьячков

*Институт языкознания РАН
Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена проблемам грамматикализации в языке томо-кан (семья догон, нигер-конго), в частности диахронической связи между полипредикатными конструкциями и видо-временными показателями. В языках догон видо-временные показатели, как правило, диахронически нестабильны и восходят к разным лексическим глаголам, при этом видо-временные формы сохраняют некоторые морфологические и тонологические свойства полипредикатных конструкций. На основе анализа тонологических свойств в томо-кан выделяется как минимум два класса видовременных форм, что позволяет высказать гипотезу о разных источниках грамматикализации соответствующих показателей. С методологической точки зрения статья демонстрирует важную роль тонологии при анализе морфосинтаксических явлений в тоновых языках.

Ключевые слова

типология, тонология, теория грамматикализации, языки догон, глагольный аспект

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 17-78-20071

Для цитирования

Дьячков В. В. Глагольная парадигма в языке томо-кан: о взаимосвязи полипредикатных конструкций, грамматикализации и тонологии // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 252–268. DOI 10.17223/18137083/75/18

**Verb paradigm in Tomo Kan Dogon:
interconnections of polypredicative constructions,
grammaticalization, and tonology**

V. V. Dyachkov

*Institute of Linguistics RAS
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The paper deals with the grammaticalization problems in Tomo Kan (Dogon family, Niger-Congo) and, in particular, with the diachronic relationship of polypredicative constructions and TAM markers. Dogon languages are characterized by TAM systems that seem to be diachronically unstable since markers with a similar range of meanings go back to different lexical sources in different languages of the family. TAM markers are apparently associated with polypredicative constructions, which are very common in Dogon and preserve some of their

© В. В. Дьячков, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

morphosyntactic properties. At the same time, Dogon languages are characterized by complex tonal changes triggered not only by phonological context but also by the syntactic position of constituents. These tonal changes, frequently referred to as tonosyntax, accompany the formation of polypredicative constructions and other syntactic phenomena. A thorough investigation of Tomo Kan TAM markers shows their tonosyntactic properties to resemble those of polypredicative constructions. Moreover, assuming that tonosyntax of polypredicative constructions triggers certain tonal contour overlays, one can account for tonal alternations observed in TAM forms which would have been left otherwise unexplained. However, the analysis also reveals that at least two classes of TAM forms must be distinguished in Tomo Kan: one of them inherits the tonosyntax of polypredicative constructions while the other does not. A hypothesis is put forward that the latter class has a different source of grammaticalization and is probably associated with verb stem incorporation rather than with polypredication. Methodologically, the paper shows a critical role of tonology in the analysis of grammaticalization processes in tonal languages.

Keywords

typology, tonology, theory of grammaticalization, Dogon languages, verbal aspect

Acknowledgments

The research was supported by the Russian Science Foundation (project no. 17-78-20071)

For citation

Dyachkov V. V. Verb paradigm in Tomo Kan Dogon: interconnections of polypredicative constructions, grammaticalization, and tonology. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 252–268. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/18

Введение

Настоящая работа посвящена в первую очередь тонологическим аспектам процесса, известного как грамматикализация (см. [Heine et al., 1991; Heine, Kuteva, 2002; 2007; Норрег, Трауготт, 2003] среди многих других). Под грамматикализацией обычно понимается процесс, сопровождаемый превращением языковых элементов (как правило, лексических) в грамматические показатели. Несмотря на огромное количество сведений, которыми на сегодняшний момент располагает теория грамматикализации, существуют целые языковые семьи, материал которых до сих пор почти не введен в оборот лингвистической науки. К таким языковым семьям относится интенсивно исследованная за последнее время семья догон.

Одной из отличительных черт языков догон является чрезвычайно сложная и многоуровневая система тонологических изменений, которые пронизывают практически всю языковую структуру. В языковых описаниях (см., к примеру, самую подробную в этом отношении работу [Heath, 2008]) такие тонологические изменения именуется тоносинтаксисом. Его особенностью является то, что большинство тоновых чередований оперирует не фонологическими единицами (т. е. не зависит от фонетического контекста), а синтаксическими (т. е. зависит от синтаксического класса той или иной единицы и ее грамматического контекста). С методологической точки зрения настоящая работа показывает роль тоносинтаксиса при анализе такого явления, как глагольная морфология, на примере анализа системы видо-временных показателей. Большинство этих показателей в языке томोकан восходит к полноценным лексическим глаголам, что видно даже на поверхностном уровне, и с этой точки зрения не представляет ничего необычного. Вместе с тем анализ тоносинтаксиса этих показателей позволяет выявить различия между различными показателями и сделать предположения о природе их происхождения.

Материалом исследования послужили данные, полученные в рамках многолетней полевой работы автора в Республиках Мали и Буркина-Фасо в 2011–2018 гг.

Общие сведения о языке томо-кан

Томо-кан является одним из наиболее крупных языков, относящихся к семье догон. На данный момент существует два систематизированных грамматических описания языка: J. Léger “Grammaire dogon: Tomo-kan” [1971] и V. V. Dyachkov “A Grammar of Tomo Kan Dogon (ms.)”¹.

Для томо-кан, как и для других языков семьи догон, характерны агглютинативная именная морфология и синтетическая глагольная. Это проявляется в том, что показатели именных категорий, как правило, не являются частью именной словоформы, а глагольная словоформа имеет несколько слотов, которые могут занимать деривационные показатели. Обобщенная схема глагольной словоформы выглядит следующим образом:

- (1) основа – контактный каузатив / реверсив – дистантный каузатив – показатели ТАМ – отрицание.

В томо-кан, в отличие от большинства языков догон, отсутствует характерное для многих языков семьи согласование в именной группе по категории личности. Также значительно редуцирована система глагольного согласования – согласовательные показатели характерны только для форм 3 лица множественного числа.

Для глагольной системы характерны также два типа основ, которые различаются вокалической структурой. В описании В. В. Дьчкова² было предложено называть их А- и Е-основами. А-основа совпадает по своим тоновым и фонологическим характеристикам с одним из двух типов номинализаций, которую мы будем называть бессуффиксной номинализацией. Е-основа совпадает с формой перфектива и может быть предсказана по А-форме. Примеры таких основ:

(2) sá	‘отвечать’	sé
jànà	‘искать’	jènè
gùŋgó	‘снять’	gùŋgí
jùgámá	‘объяснить’	jùgámí

В томо-кан различаются два уровня тонов – высокий (H) и низкий (L). Примечательной особенностью томо-кан на фоне остальных языков догон является сложная тоносинтаксическая система, в которой тоновые характеристики словоформы могут зависеть, во-первых, от ее синтаксического статуса, а во-вторых, от ритмических правил. Важен тот факт, что во многих случаях тоновые мелодии могут сигнализировать об определенном синтаксическом отношении между словоформами и поэтому не могут не приниматься во внимание при синтаксическом парсинге высказывания, см., в частности, [Heath, McPherson, 2013; McPherson, 2014]. Такое тоновое наложение можно проиллюстрировать следующим простым примером, где тон имени предопределяется самим фактом его синтаксической

¹ См.: Dyachkov V. V. A Grammar of Tomo Kan Dogon (ms.). URL: https://www.academia.edu/39719090/A_Grammar_of_Tomo_Kan_Dogon/.

² Там же.

покажем далее, показатели ТАМ (время, аспект и модальность) значительно варьируют по языкам догон, и даже для близкородственных языков не удастся найти большое количество когнатных друг другу морфем. Во-вторых, многие из форм ТАМ (время, аспект и модальность) имеют вполне прозрачный источник происхождения и восходят часто к грамматикализирующимся глаголам со значением ‘быть’, ‘иметь’ и др. В-третьих, именно тоносинтаксические особенности позволяют выявить природу исходных отношений между основами и суффиксальными показателями. При этом тоновые наложения, которые сопровождают образование ТАМ-форм, позволяют различить даже на синхронном уровне классы показателей и высказать определенные гипотезы об их происхождении.

Полипредикатные конструкции в томо-кан

Как мы предполагаем, в томо-кан видо-временные показатели восходят к полипредикатным конструкциям, содержащим два глагола. Прежде чем описывать систему полипредикации в целом, мы кратко обозначим термины, которыми мы будем пользоваться. При анализе материала разных языков (особенно языков Африки) нередко смешиваются такие термины, как «серийная конструкция», «полипредикатная конструкция», «конструкция с глаголом-связкой» и др. Как это замечено в [Creissels, 2000, p. 240], во многих описаниях африканских языков любые последовательности глагольных единиц объявляются «серийными конструкциями», тогда как тот феномен, который изначально именовался таким образом, встречается в основном в языках ква и бенуэ-конго. Серийные конструкции могут быть определены как «последовательности глаголов, которые функционируют вместе как единый предикат, без какого-либо маркера сочинения, подчинения или синтаксической зависимости любого рода» [Serial Verb Constructions..., 2006]⁴ (см. также более позднюю попытку определения сравнительного концепта серийной конструкции в [Haspelmath, 2016]). В работе [Serial Verb Constructions..., 2006] также говорится о частой грамматикализации серийных конструкций в том случае, если семантические отношения между ними несимметричны.

Другой возможный способ анализировать глагольные последовательности – это считать, что в их составе имеется глагол-связка (см. [Heine, 1993; Kuteva, 2001] о типологии феномена, а также [Andersen, 2006, p. 11–15] о сходстве между серийными конструкциями и связками). Считается, что связки очень часто выражают значения из зоны ТАМ, однако в некоторых языках они могут выражать и другие категории, например полярность (см. [Ibid., p. 33–34]). Среди важных свойств, выделяющих связки из ряда других единиц, называются способность выступать в качестве полноценных глаголов, десемантизированность, способность присоединять нефинитную форму и др. Представляет также особый интерес наблюдение Гринберга о взаимосвязи порядка слов SOV (который наблюдается также в томо-кан) и наличия в нем глагольных связок [Greenberg, 1963]. Ниже мы вернемся к этой проблеме в связи с материалом томо-кан. В то же время для обозначения обычных последовательностей глагольных предикаций, в которых оба глагола лексически полноценны, мы будем использовать нейтральный термин «полипредикатные конструкции».

⁴ “A serial verb construction (SVC) is a sequence of verbs which act together as a single predicate, without any overt marker of coordination, subordination, or syntactic dependency of any other sort [Serial Verb Constructions..., 2006, p. 1]”.

(11)	^L jà	hú:	kò	^H hóʔnó	^{HL} gúngò=:
	день	все	DEM	фолио	поднять.NMLZ
	réjé	^L mè		jè=:	mé
	толочь.PFV	CNS		есть.PFV	CNS
	‘Каждый день он [= Заяц] берет немного фолио, толчет и ест...’				

Как и в предыдущем случае, форма, совпадающая с номинализацией, фиксируется с разными тоновыми контурами, а также с удлинением гласного, как в (11). К сожалению, на данный момент не удается достоверно установить, какую роль в таких тоновых наложениях играет интонация, поэтому мы оставим решение данного вопроса для будущих исследований. Главные свойства полипредикатных конструкций обоих типов, однако, состоят в том, что, во-первых, они всегда сопровождаются удлинением гласного, а во-вторых, могут включать в себя как А-, так и Е-формы глагола.

В следующем разделе мы кратко охарактеризуем образование аспектуально-временных форм в томо-кан.

Образование форм ТАМ

Для характеристики видовременных форм мы рассмотрим прежде всего словоформы, которые будем называть результативом, имперфективом и футурумом-хабитуалисом. Ниже мы кратко опишем образование каждой из названных форм.

Показатель результата *sá* может вызывать наложение на основы глаголов, к которым присоединяется, двух видов тоновых контуров в зависимости от полярности. В положительной степени таким тоновым наложением является низкотоновое наложение (L). В свою очередь, сам показатель результата *sá* несет высокий тон. В отрицательных формах тоновое наложение происходит по-другому: показатель результата получает низкий тоновый контур, а основа глагола – восходящий тоновый контур L(L...)H. Это правило не распространяется на глагольные единицы, которые в форме зависимой основы имеют один слог – они получают характеристику H. Пример образования форм результата от нескольких глагольных основ представлен ниже.

(12)	основа	RES	RES-NEG	RES-NEG.PL
	<i>á</i> ‘поймать’	^L è:-sá	^H hè:-sà-là	^H é:-sè-lè
	<i>lú</i> ‘войти’	^L lwiyé:-sá	^{LH} lwiyé:-sà-là	^{LH} lwi-yé:-sè-lè
	<i>bìrà</i> ‘делать’	^L bìrè:-sá	^{LH} bìrè:-sà-là	^{LH} bìrè:-sè-lè
	<i>dàlà</i> ‘убить’	^L dèlè:-sá	^{LH} dèlè:-sà-là	^{LH} dèlè:-sè-lè

В отличие от словоформ результата, формы имперфектива демонстрируют значительную неоднородность в своем тонологическом поведении. В односложных основах происходит компенсаторное удлинение гласного, однако сами основы могут различаться по своему тоновому поведению. Часть основ, как в (13), сохраняет высокий тон, а другая часть претерпевает тоновое наложение вида LH, т. е. приобретает восходящий тоновый контур. Система имперфектива состоит из отдельных словоформ для личных и неличных субъектов (с показателями *-wó* и *-kó* соответственно). Для простоты здесь и далее приводятся только словоформы с личным согласованием.

(13)	основа	FUT	FUT.PL
	<i>sá</i> ‘ответить’	sá=-wó	sá=-wò-lò
	<i>á</i> ‘поймать’	á=-wó	á=-wò-lò

(14)	<i>yá</i> ‘уйти’	^{LH} yǎ=-wò	^{LH} yǎ=-wò-lò
	<i>nó</i> ‘пить’	^{LH} nǒ=-wò	^{LH} nǒ=-wò-lò
	<i>súnjóró</i> ‘спуститься’	^{LH} súnjóró-wó	^{LH} súnjóró-wò-lò

Образование форм футурума-хабитуалиса происходит более единообразным способом. При деривации этих форм происходит наложение низкотонного контура (L) на исходную основу. Как можно увидеть в (15), у односложных основ в формах футурума-хабитуалиса происходит удлинение гласного:

(15)	a.	основа	FUT	FUT.PL
		<i>sá</i> ‘ответить’	^L sà=-só	^L sà=-sé
		<i>lú</i> ‘войти’	^L lù=-só	^L lù=-sé
	b.	<i>kámhá</i> ‘бросать’	^L kámhá-só	^L kámhá-sé
		<i>núnjá</i> ‘петь’	^L núnjá-só	^L núnjá-sé
		<i>dàlá</i> ‘убивать’	^L dál-ló	^L dál-lé

Исключением из правила являются некоторые высокотонные основы, которые могут сохранять свои высокие тоны в форме Футурума-Хабитуалиса. Все основы этого типа претерпевают усечение:

(16)	основа	FUT	FUT.PL
	<i>kóbó</i> ‘черпать’	kó ⁿ -só	kó ⁿ -sé
	<i>sálá</i> ‘растереть’	sá:-ló	sá:-lé
	<i>dóló</i> ‘продавать’	dól-ló	dól-lé

Все три рассмотренных показателя восходят к этимологически вполне прозрачным источникам – *sá* ‘иметь’, *wó* ‘быть’ и *só* ‘быть внутри’, которые хорошо известны как частотные источники грамматикализации (см. [Heine, Kuteva, 2002], а также [Heine et al., 1991; Kuteva, 2001, p. 23–24] о частой грамматикализации в языках Африки глаголов со значением пространственного положения).

Стоит отметить, что в работах предшественников неоднократно отмечался тот факт, что показатели ТАМ в различных языках догон крайне нестабильны диахронически, и в разных языках семьи восходят к разным лексическим глаголам, см. в первую очередь [Плунгян, 1992]. Это можно видеть даже при поверхностном анализе наиболее близких генеалогически к томо-кан языков. К примеру, показатель *jè*, который мы назвали комплетивом, имеет когнаты в дьямсай (*jè*) и в того-кан (*jè*) (см. [Heath, 2008, p. 353–355; 2015, p. 195–197]). Крайне продуктивный в томо-кан показатель результата *sá* имеет когнаты также в дьямсай [Heath, 2008, p. 350–352], однако отмечен лишь в качестве единичных вхождений в того-кан [Heath, 2015, p. 197]. Вместе с тем некоторые показатели аспекта в того-кан и дьямсай не имеют никаких прямых соответствий в томо-кан. К примеру, в того-кан зафиксированы показатели имперфектива *jú* и *tánà*, а в дьямсай – *tógò* и *á:rà*. Только последний из них теоретически можно связать с не до конца грамматикализованным показателем *ánjá* в томо-кан, напоминающим один из этих показателей фонетически⁵, однако такая связь не кажется ни очевидной, ни тем более доказанной.

Кроме того, анализ перечисленных показателей сталкивается с проблемой определения их морфологического статуса. К примеру, в того-кан есть показатель экспириенциального перфекта *-tè-jè-*. По поводу этого показателя было отмечено следующее: «Есть свидетельство синтаксического характера, которое говорит

⁵ См.: Dyachkov V. V. A Grammar of Tomo Kan Dogon (ms.), p. 291–292.

о том, что он (= показатель. – В. Д.) является глаголом-связкой и может быть отделен от предшествующего глагола... Однако это входит в противоречие с морфофонологическим обобщением о том, что этот показатель является суффиксом, а не отдельным словом; в частности, основы вида CvCv с интервокальным *r* претерпевают удаление последовательности *rv...* перед показателем *-té-jè-*, но не в глагольных последовательностях (verb-chains): *biré* ‘делать’, отрицательный экспериентив *bí-té-jè* ‘когда-либо делал’. Это противоречие может быть разрешено, если предположить, что единица изначально является отдельным словом (связкой), но затем сливается с глаголом как суффикс» [Heath, 2015, p. 194] ⁶.

Постулирование деривационных процессов подобного рода должно получить детализированное объяснение, поскольку из процитированного фрагмента не до конца ясно, как именно полноценный лексический глагол становится суффиксом. Вместе с тем морфологический статус показателей в томо-кан заслуживает отдельного освещения в связи с проблемой связочных единиц, кратко обсуждавшейся выше. Действительно, как минимум некоторые из рассмотренных показателей можно трактовать как связки, поскольку они отвечают типологическим критериям, предлагаемых в [Heine, 1993] для выделения этого класса. Так, все три показателя *-sá*, *-wó* и *-só* могут выступать в качестве самостоятельных глаголов. Когда они выступают в качестве видо-временных показателей, то присоединяют формы, совпадающие сегментно с номинализацией. Кроме того, они, как и типичные связки, несут на себе числовое согласование.

Однако стоит также отметить, что в системе томо-кан имеются и другие единицы, у которых морфосинтаксическое оформление варьирует. Наиболее ярким примером является форма, которую мы называем комплетивом и которая, по видимому, восходит к лексическому глаголу *ijé* ‘взять’. Обычно она, как и показатель результата, сочетается с особыми формами глагола, употребляемыми в полипредикатных конструкциях, как в (17). Однако в зафиксированных нами устных текстах она сочетается также и с номинализациями.

- (17) èlè ^{HL}lwé̃b-è: jè
 дождь идти.дождь.PFV-CH COMPL
 ‘Дождь закончился’.
- (18) ^Líwnù ^Lsigè ná
 ребенок остаться.PFV.L ANM
^Lh-è ^Lbòʔò ló
 REFL-PL бубу DAT
 á-li làjá=: jè
 2SG-ACC бить.NMLZ COMPL
 ‘Другие дети побьют тебя своими бубу ⁷’.

⁶ “There is syntactic evidence that this is an auxiliary verb that can be separated from the preceding verb (by a preverbal subject pronominal in a nonsubject relative); see § 10.1.1. However, this conflicts with morphophonological evidence that it is suffixal rather than a separate word; namely, rhotic-medial CvCv stems undergo rv-Deletion (§3.5.3.2) before *-té-jè*, but not in verb-chains: *biré* ‘do’, experiential negative *bí-té-jè* ‘has (ever) done’. One can reconcile the two findings by suggesting that it starts out as a separate word (auxiliary) but then merges with the verb as a suffix (complex)”.

⁷ В данном примере присутствие комплетива обусловлено тем, что такие формы (как и перфективы) могут употребляться по отношению к завершённому действию, в том числе,

Можно констатировать, что, таким образом, внутри глагольной системы томо-кан сосуществуют показатели, которые представляют собой несколько отличные друг от друга морфосинтаксические феномены. Некоторые из грамматикализованных видо-временных показателей, как и полипредикатные конструкции, оказываются способны включать в себя как номинализации, так и формы на *-ε:* / *-уε:*. Другие же показатели такой вариативности не демонстрируют.

Анализ

В предыдущем разделе мы установили взаимосвязь видо-временных показателей в томо-кан с лексическими глаголами. В данной главе мы покажем, что тоно-синтаксис форм, содержащих эти показатели, определяется разными правилами, и сформулируем эти правила, а также предложим некоторые теоретические обобщения на этот счет.

Самый простой случай представляют собой формы результата, которые с точки зрения тоносинтаксиса и морфологии представляют собой полипредикатные конструкции. В этих полипредикатных конструкциях показатель *sá* явно восходит к омонимичному стативному глаголу со значением 'иметь', а основа глагола совпадает с полипредикатной основой. Тоновое наложение же устроено следующим образом. В положительных формах результата накладывается низкий тоновый контур (L), а в отрицательных – тоновый контур, который реализуется как высокий на односложной основе и как восходящий – на неодносложной. Сказанное иллюстрируется в (19) на примере двух глаголов.

(19)	<i>á</i>	‘поймать’	^L è:-sá	^H é:-sà-là
	<i>lí</i>	‘войти’	^L l ^w iyè:-sá	^{LH} l ^w iyé:-sà-là

Поскольку сегментно словоформы результата явно представляют собой грамматикализованные полипредикатные конструкции и содержат формы на *-ε:* / *-уε:*, мы далее не будем ставить под сомнение вопрос об их происхождении. Главный вопрос, который возникает при анализе результата, состоит в том, как именно распределяются тоновые контуры на положительных и отрицательных формах результата и почему показатели различаются тоном. Предположить, что тоновый контур определяется показателем результата, не представляется возможным, поскольку в таком случае требуется объяснить, почему основа, которая и в утвердительной, и в отрицательной форме находится ближе к показателю результата, но не к показателю отрицания, претерпевает разные тоновые изменения.

Вместе с тем анализ в терминах ритмических изменений позволяет предложить правдоподобное объяснение. Основа на *-ε:* / *-уε:* в полипредикатных конструкциях часто реализуется как с тоновым контуром L, так и с тоновым контуром LH. Тон показателя результата в таком случае может зависеть от ритмических изменений: он остается высоким после низкотоновой основы (^Lè:-sá) и расподобляется с высоким тоном основы вида LH.

Заметим, что логика анализа в таком случае предопределена тем, что формы результата формально явно связаны с полипредикатными конструкциями. Мы исходим из предположения, что тонология форм результата должна быть каким-либо образом похожа на тонологию полипредикатных конструкций, хотя,

в текстах инструктивного характера. Текст, из которого взят данный пример, относится к инструктивам.

строго говоря, это совсем необязательно так. Однако если это не так, объяснение того, почему утвердительная и отрицательная формы имеют разные тонологические контуры, должно базироваться на нескольких допущениях. Во-первых, требуется признать, что в отрицательной форме происходит изменение тоновых характеристик исходного стативного глагола (с высокого на низкий), во-вторых, что суффиксальные показатели накладывают разные тоновые контуры, и т. д. Всего этого удастся избежать, если принять во внимание ритмические тоновые правила, действующие в томо-кан, в том числе в пределах полипредикатных конструкций.

Итак, если обобщение по поводу словоформ результата верно, оно выглядит следующим образом:

Обобщение 1

При образовании словоформ результата задействуются тоновые контуры, характерные для полипредикатных конструкций. Тоны составляющих этой словоформы могут претерпевать ритмически обусловленные изменения.

Таким образом, при образовании словоформ результата требуется постулировать только один факт: основа такой словоформы, которая сегментно определена восходит к форме на *-ε:* / *-уε:*, принимает допустимый для такой конструкции тоновый контур. Суффикс результата (*-sá* / *-sàlà*) может подвергаться воздействию правого контекста и принимать тон в соответствии с ритмическими тоновыми правилами. Обобщение 1 имеет недостаток, который заключается в том, что в нем четко не определено, какой именно допустимый тоновый контур должна иметь основа, а также как именно должно происходить ритмическое тоновое изменение. Впрочем, в случае результата выполняется главное правило ритмических тоновых изменений – они зависят от левого контекста. Это означает, что тон на показателе результата является высоким или низким в зависимости от тона на основе.

Если сформулированное нами обобщение верно, то мы ожидаем от других словоформ глаголов томо-кан как минимум некоторых свойств, характерных для полипредикатных конструкций. Это предсказание выполняется для форм имперфектива. В зафиксированных нами двусложных основах (утвердительной полярности) сохраняются тоновые характеристики, в то время как в отрицательных формах наблюдается понижение тона. Этот факт иллюстрируется для нескольких основ в (20).

(20)	<i>kúló</i>	‘класть’	<i>kúló-wó</i>	<i>kúló-wò-lò</i>
	<i>kómó</i>	‘плакать’	<i>kómó-wó</i>	<i>kómó-wò-lò</i>
	<i>pá:rá</i>	‘привязать’	<i>pá:rá-wó</i>	<i>pá:rá-wò-lò</i>
	<i>ùjá</i>	‘строить’	<i>ùjá-wó</i>	<i>ùjá-wò-lò</i>

Для словоформ имперфектива выполняется та часть обобщения, которая касается ритмических тоновых изменений. Из примеров в (20) видно, что основа сохраняет свой исходный тон, однако не оказывает никакого влияния на суффикс в утвердительных формах. В отрицательных формах происходит диссимилятивный процесс понижения тона⁸. Вместе с тем такое диссимилятивное понижение

⁸ Данный процесс, по-видимому, нельзя представить как влияние отрицательного показателя, который теоретически может оказывать воздействие, приводящее к понижению тона. Показатель *-wó* восходит к глаголу ‘быть’, который принадлежит к классу стативов.

тона происходит и у части глаголов в утвердительной форме – в них показатель имперфектива претерпеваает не объяснимое иным образом понижение тона:

- (21) *tèʔé* ‘обуться’ ^{LH}*tèʔé-wò* ^{LH}*tèʔé-wò-lò*
ijá ‘взять’ ^{LH}*ijá-wò* ^{LH}*ijá-wò-lò*

Наконец, в некоторых случаях исходная основа глагола не сохраняет свои тоновые характеристики – такие глаголы зафиксированы нами с наложением вида LLN и представлены в основном трехсложными основами:

- (22) *mèʔémá* ‘высушить’ ^{LH}*mèʔémá-wó* ^{LH}*mèʔémá-wò-lò*
pàʔàlá ‘оторвать’ ^{LH}*pàʔàlá-wó* ^{LH}*pàʔàlá-wò-lò*
jùgámá ‘объяснить’ ^{LH}*jùgámá-wó* ^{LH}*jùgámá-wò-lò*

Однако вместе с тем можно предположить, что наложение такого вида может быть частью тоносинтаксиса имперфектива, а не отклонением от нормы. Выше в примерах мы видели, что двухсложные основы, в отличие от трехсложных, обычно не теряют в имперфективе свои тоновые характеристики. Исключение составляют некоторые двусложные основы, которые приобретают восходящий тоновый контур (LLN или LH) как в положительных, так и в отрицательных формах:

- (23) *birà* ‘делать’ ^{LH}*birà=-wó* ^{LH}*birà-wò-lò*
gàlá ‘пройти’ ^{LH}*gàlá=-wò* ^{LH}*gàlá-wò-lò*
dàlá ‘убить’ ^{LH}*dàlá=-wò* ^{LH}*dàlá-wò-lò*

Это явление легко объяснимо, если учесть, что основы этих глаголов содержат плавающие тоны. Прояснение плавающих тонов происходит, к примеру, в словоформах императива. Если исходная основа несет высокий или (как минимум в некоторых случаях, восходящий) тон на всех слогах, императивная форма не отличается от нее ни сегментно, ни тонологически, как это показано в (24). Однако у некоторых основ, как в (25), наблюдается повышение тона на последнем слоге, что может быть только следствием наложения плавающего тона и не предсказывается по исходной основе:

- (24) **основа** **IMP**
sá ‘ответить’ *sá*
kómó ‘плакать’ *kómó*

- (25) *ijá* ‘взять’ ^{LH}*ijá*
gàlá ‘пройти’ ^{LH}*gàlá*
dàlá ‘убить’ ^{LH}*dàlá*
birà ‘делать’ ^{LH}*birà*

Таким образом, словоформы имперфектива имеют следующие свойства: 1) в них так же, как и в словоформах результата, имеются явления, которые легко объясняются с помощью понятия ритмических тоновых изменений; 2) они состоят из основы, совпадающей с номинализацией, и суффикса, восходящего к лексическому глаголу ‘быть’; 3) их тоновое поведение не совпадает полностью

При отрицании стативных глаголов происходит простое копирование гласного и тона на суффикс: *ùbá* ‘любить, нравиться’ – *ùbá-lá* ‘любить-NEG’, *dàʔà* ‘сидеть’ – *dàʔà-nà* ‘сидеть-NEG’ и т. д.

с тоновым поведением полипредикатных конструкций, однако и не противоречит его общим принципам.

Наконец, рассмотрение словоформ футурума-хабитуалиса позволяет увидеть, что ни один из принципов, сформулированных в обобщении 1, не выполняется. В формах футурума-хабитуалиса, повторяемых ниже в (26) и (27), тон суффиксального показателя никаким образом не зависит от тона основы, но сам накладывается на основу определенный тоновый контур (а именно низкий L). Как мы видели выше, такое тоновое наложение возможно также в словоформах результата. Безусловно, главное отличие футурума-хабитуалиса состоит в том, что он диахронически определенно не связан с полипредикатными конструкциями, содержащими формы на *-ε:* / *-уε:*.

(26)	основа	FUT	FUT.PL
	<i>sá</i> ‘ответить’	^L sà=-só	^L sà=-sé
	<i>lú</i> ‘войти’	^L lù=-só	^L lù=-sé
	<i>kámhá</i> ‘бросать’	^L kámhá-só	^L kámhá-sé
	<i>nùŋà</i> ‘петь’	^L nùŋà-só	^L nùŋà-sé
	<i>dàlà</i> ‘убивать’	^L dàl-ló	^L dàl-lé
(27)	основа	FUT	FUT.PL
	<i>kóbá</i> ‘черпать’	kó ⁿ -só	kó ⁿ -sé
	<i>sálá</i> ‘растереть’	sá:-ló	sá:-lé
	<i>dóló</i> ‘продавать’	dól-ló	dól-lé

Единственное исключение, которое стоит объяснить при построении модели образования футурума, – это основы из (27), в которых сохраняется высокий тон при усечении. Не имея на данный момент возможности предложить объяснение, укажем лишь, что, вероятно, такое сохранение тона обусловлено именно фонологией и всегда сопровождается усечением основы.

Заключение

Таким образом, мы увидели, что с точки зрения морфологии и тоносинтаксиса основные видо-временные суффиксальные показатели в томо-кан представляют собой разные феномены. Некоторые показатели (такие как результатив или комплетив) даже с сегментной точки зрения практически не отличаются от полипредикатных конструкций. В то же время имперфектив и футурум-хабитуалис образуются от номинализованных (исходных) форм глагола, однако демонстрируют разное тоносинтаксическое поведение. Принимая во внимание особенности ритмических тоновых изменений в томо-кан, становится возможным объяснить поведение имперфективных форм и увидеть их сходство с полипредикатными конструкциями. Напротив, известные сведения о конструкциях этого типа не позволяют объяснить тоновое поведение форм футурума-хабитуалиса, поскольку в них тоновое поведение контролируется аспектуальным суффиксом (за некоторыми исключениями).

Дальнейший анализ такого рода фактов должен базироваться на понимании природы тоновых изменений. К сожалению, на данный момент гораздо больше известно о формальных аспектах тоносинтаксиса, чем об их обусловленности теми или иными языковыми процессами. Система языков догон, как представляется, не является типичной для языков Африки, и поэтому поиск межъязыковых параллелей здесь представляется осложненным. Проведенная нами внутриязыко-

ности, COMPL – комплетив, FUT – Футурум – Хабитуалис, H – наложение высокого тонового контура, HL – наложение нисходящего тонового контура, HUM – согласование по личности, L – наложение низкого тонового контура, LOC – локатив, NEG – отрицание, NMLZ – номинализация, POSS – посессор, PFV – перфектив, PL – множественное число, RDP – редупликация, REFL – рефлексив, RES – результатив, SG – единственное число, TOP – топикальная форма

Список литературы

- Дьячков В. В.* Принципы тоновых наложений в именной группе: особенности языка томо-кан // Исследования по языкам Африки. М.: Ключ-С, 2016. Вып. 6. С. 51–65.
- Плунгян В. А.* Глагол в агглютинативном языке (на материале догон). М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. 167 с.
- Aikhenvald A. Y.* Serial constructions and verb compounding: evidence from Tariana // *Studies in Language*. 1999. Vol. 23 (3). P. 469–498.
- Andersen G.* Auxiliary Verb Constructions. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Bowern C.* Inter-theoretical approaches to complex verb constructions: position paper // The Eleventh Biennial Rice University Linguistics Symposium. Rice University, 2006. 16th–18th March.
- Creissels D.* Typology // *African languages: An Introduction* / Eds. B. Heine, D. Nurse. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 231–258.
- Dyachkov V. V.* A Grammar of Tomo Kan Dogon (ms.). URL: https://www.academia.edu/39719090/A_Grammar_of_Tomo_Kan_Dogon (дата обращения 22.04.2020)
- Greenberg J.* Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // *Universals of language* / Ed. by J. Greenberg. Cambridge: MIT Press, 1963. P. 73–113.
- Haspelmath M.* The serial verb construction: Comparative concept and cross-linguistic generalizations // *Language and Linguistic*. 2016. Vol. 17 (3). P. 291–319.
- Heath J.* A Grammar of Jamsay. Berlin; New York: Mouton De Gruyter, 2008. 735 p.
- Heath J.* A Grammar of Togo Kan (Dogon language family, Mali). University of Michigan, 2015. 445 p.
- Heath J., McPherson L.* Tonosyntax and reference restriction in Dogon NPs // *Language*. 2013. Vol. 89 (2). P. 265–296.
- Heine B.* Auxiliaries: Cognitive Forces and Grammaticalization. Oxford: Oxford University Press, 1993. 176 p.
- Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F.* Grammaticalization: A Conceptual Framework. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 328 p.
- Heine B., Kuteva T.* World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 387 p.
- Heine B., Kuteva T.* The Genesis of Grammar. Oxford: Oxford University Press, 2007. 440 p.
- Hopper P. J., Traugott E.* Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 300 p.
- Kuteva T.* Auxiliation. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Léger J.* Grammaire dogon: Tomo-kan. Bandiagara, 1971. 183 p.
- McPherson L.* Replacive grammatical tone in the Dogon languages. PhD thesis. Los Angeles: University of California, 2014.

Nishiyama K. V-v compounds as serialization // *Journal of East Asian Linguistics*. 1998. Vol. 7 (3). P. 175–217.

Serial Verb Constructions: A Cross-linguistic Typology / Ed. by A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. Oxford, Oxford University Press, 2006. 394 p.

References

Aikhenvald A. Y. Serial constructions and verb compounding: evidence from Tariana. *Studies in Language*. 1999, vol. 23 (3), pp. 469–498.

Andersen G. *Auxiliary Verb Constructions*. Oxford, Oxford University Press, 2006.

Bowern C. Intertheoretical approaches to complex verb constructions: position paper. *The Eleventh Biennial Rice University Linguistics Symposium*. Rice University. 2006, 16th–18th March.

Creissels D. Typology. In: *African languages: an Introduction*. B. Heine, D. Nurse (Eds). Cambridge, Cambridge University Press, 2000, pp. 231–258.

Dyachkov V. V. *A Grammar of Tomo Kan Dogon (ms.)*. URL: https://www.academia.edu/39719090/A_Grammar_of_Tomo_Kan_Dogon (accessed: 22.04.2020)

Dyachkov V. V. *Printsipy tonovykh nalozheniy v imennoy gruppe: osobennosti yazyka tomo-kan* [Principles of tonal contour overlays in NP: particular features of Tomo Kan Dogon]. In: *Issledovaniya po yazykam Afriki* [Studies on the languages of Africa]. Moscow, Klyuch-S, 2016, iss. 6, pp. 51–65.

Greenberg J. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements. In: *Universals of language*. J. Greenberg (Ed.). Cambridge, MIT Press, 1963, pp. 73–113.

Haspelmath M. The serial verb construction: Comparative concept and cross-linguistic generalizations. *Language and Linguistics*. 2016, vol. 17, (3), pp. 291–319.

Heath J. *A Grammar of Jamsay*. Berlin, New York, Mouton De Gruyter, 2008, 735 p.

Heath J. *A Grammar of Togo Kan (Dogon language family, Mali)*. University of Michigan, 2015, 445 p.

Heath J., McPherson L. Tonosyntax and reference restriction in Dogon NPs. *Language*. 2014, vol. 89 (2), pp. 265–296.

Heine B. *Auxiliaries: Cognitive Forces and Grammaticalization*. Oxford, Oxford University Press, 1993, 176 p.

Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F. *Grammaticalization: A Conceptual Framework*. Chicago, University of Chicago Press, 1991, 328 p.

Heine B., Kuteva T. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002, 387 p.

Heine B., Kuteva T. *The Genesis of Grammar*. Oxford, Oxford University Press, 2007, 440 p.

Hopper P. J., Traugott E. *Grammaticalization*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, 300 p.

Kuteva T. *Auxiliation*. Oxford, Oxford University Press, 2001.

Léger J. *Grammaire dogon: Tomo-kan*. Bandiagara, 1971, 183 p.

McPherson L. *Replacive grammatical tone in the Dogon languages*. Ph. D. thesis, University of California, Los Angeles, 2014.

Nishiyama K. V-v compounds as serialization. *Journal of East Asian Linguistics*. 1998, vol. 7 (3), pp. 175–217.

Plungyan V. A. *Glagol v agglyutinativnom yazyke (na materiale dogon)* [The verb in an agglutinative language (the case of Dogon)]. Moscow, Institute of Linguistics RAS, 1992, 167 p.

Serial Verb Constructions: A Cross-linguistic Typology. A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (Eds). Oxford, Oxford University Press, 2006, 394 p.

Сведения об авторе

Дьячков Вадим Викторович – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН (Москва, Россия)

vadim.dyachkov@iling-ran.ru
ORCID 0000-0002-8798-2582

Information about the author

Vadim V. Dyachkov – Candidate of Philology, Researcher at the Department of Applied Linguistics of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

vadim.dyachkov@iling-ran.ru
ORCID 0000-0002-8798-2582

Предложения с несогласованными определениями, их восприятие и понимание

Б. Ю. Норман

*Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь*

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

Аннотация

Описывается фрагмент «динамического синтаксиса» русского языка, а именно положение наречия и падежной формы с предлогом в структуре высказывания. Они часто выполняют роль несогласованного определения, и при этом возникают как результат передвижения словоформы из сферы непосредственного глагольного подчинения в именную группу. Анализируются примеры высказываний, которые содержат в себе ситуацию синтаксической омонимии – возможность двоякого (альтернативного) синтаксического членения. От выбора слушающим одного из вариантов зависит и общая смысловая трактовка высказывания. Показано, что на выбор одного из вариантов синтаксического анализа влияют: а) «здоровый смысл», заключающийся в когнитивном и вербальном опыте слушающего, б) собственно языковые факторы, в том числе правила комбинаторики, порядка слов и др. Устанавливается связь внутренних структурных преобразований, которые происходят в сознании говорящего и слушающего, с общими тенденциями развития синтаксиса русского языка. Среди них рассматриваются стремление к ослаблению синтаксических связей, активизация конструкций, основанных на лексико-семантических ассоциациях, центростремительная и центробежная тенденции в синтаксисе и др.

Ключевые слова

несогласованное определение, синтаксическая структура, семантизация, наречие, двоякая связь, принцип приоритета

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.А03.21.0006

Для цитирования

Норман Б. Ю. Предложения с несогласованными определениями, их восприятие и понимание // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 269–282. DOI 10.17223/18137083/75/19

Sentences with uncoordinated attributes: their perception and understanding

B. Ju. Norman

*Belorussian State University
Minsk, Belarus*

*Ural Federal University
Ekaterinburg, Russian Federation*

Abstract

This paper aims at describing a fragment of the “dynamic syntax” of the Russian language, namely the function of the adverb and the case form with a preposition in the structure of the utterance. They often function as uncoordinated attributes resulting from the word form passing from the sphere of direct verb submission to the noun phrase. Constructions of the type “*okno naprotiv*” (window opposite something) are differently evaluated by linguists and provoke discussion. However, in terms of cognitive linguistics and psycholinguistics, it is more important that utterances appear with a syntactic homonymy – the possibility of a double (alternative) syntactic division. The general semantic interpretation of the utterance depends on the listener’s choice of one of the options. For example, the phrase “*On ne nashel brauninga v rukave*” (He did not find the browning in the sleeve) can be interpreted by establishing the connections “*ne nashel – v rukave*” (did not find – in the sleeve) or “*brauninga – v rukave*” (browning – in the sleeve). The author provides the actual examples from Russian fiction and journalism. The prerequisites affecting the perception and understanding of such patterns are investigated. It is shown that the choice of one of the variants of analysis is influenced by: a) common sense, that is, the cognitive and verbal experience of the listener, b) linguistic factors, including the rules of combinatorics, word order, etc. A connection is established between the internal structural transformations taking place in the speaker’s and the listener’s consciousness and general trends in the development of Russian syntax. Among these, consideration is given to the tendency to weaken syntactic relations, the activation of constructions based on lexical-semantic associations, centripetal and centrifugal tendencies in syntax, etc.

Keywords

uncoordinated attribute, syntactic structure, semantization, adverb, alternative connection, priority principle

Acknowledgments

The research is supported by Act 211 of the Government of the Russian Federation, contract no. 02.A03.21.0006

For citation

Norman B. Yu. Sentences with uncoordinated attributes: their perception and understanding. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 269–282. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/19

Введение

Самонаблюдение как эксперимент

С тех пор, как возникла такая отрасль языкознания, как психолингвистика, самонаблюдения лингвиста становятся важным источником для размышлений и выводов. Психолингвистика, правда, любит основываться на данных экспериментов. Но эксперименты бывают не только массовые, с десятками или сотнями испытуемых. В качестве объекта эксперимента может выступать и отдельный носитель языка, в том числе и сам ученый, и учащийся. Более века назад И. А. Бо-

дуэн де Куртенэ в «Сборнике задач» [1912] задавал читателям вопросы, рассчитанные на активное самонаблюдение и рефлексию, например:

Почему я написал в данную минуту то, что написал? (Задача № 45).

Чем объясняются ослышки при восприятии и неразличение русских слов...? (Задача № 78).

Если в первой фонеме слова *дам* и в первой и третьей фонеме слова *дядя* представить себе другую работу мягкого нёба, т. е. его опущение, а не поднятие, то какие получатся слова? (Задача № 91).

А чуть позже идею самонаблюдения в языкознании развил Л. В. Щерба. Он даже вынес слово *эксперимент* в название своего доклада в 1927 г. Придавая самонаблюдению именно такой статус, ученый подчеркивал его «громкие преимущества», особенно в сфере синтаксиса и лексикографии [Щерба, 1974, с. 32].

Понятно, что эти идеи были связаны с пристальным вниманием к процессам живой речи, а также с различением активной и пассивной грамматики, с поворотом к углубленному семасиологическому анализу и т. п.

Понимание речевой деятельности как сложного многоканального процесса означает взгляд на высказывание как на динамическую структуру, в ходе построения которой говорящий реализует свою коммуникативную интенцию, а слушающий (адресат) должен прийти к адекватному пониманию заложенного в высказывании смысла.

Двойные связи или двоякая трактовка?

В данном случае нас интересует именно то, какое место в формировании смысла воспринимаемого высказывания играет его синтаксическая организация. Мы сосредоточим свое внимание на поведении некоторых морфологически неизменяемых форм в составе русского предложения. И напомним тезис Ч. Хоккетта: «Для того чтобы понять, что он слышит, слушающий иногда должен произвести синтаксический анализ предложения, то есть вскрыть его грамматическую организацию почти тем же самым образом, как это делает грамматист» [1965, с. 141]. Не отрицая роли грамматического анализа, мы попытаемся показать, что слушающий (в частном случае – читатель) в процессе восприятия соотносит формирующуюся у него в голове семантическую гипотезу со своим когнитивным и коммуникативным опытом и при необходимости ее корректирует. При этом оформление окончательного смысла обусловлено рядом внутриязыковых факторов.

В 60–70-е гг. прошлого века в русском языкознании была весьма популярна тема двойных (двусторонних) связей в синтаксической структуре. Интерес к этой проблеме подогревался нуждами автоматического анализа текста (см.: [Дрейзин, 1966; Иорданская, 1967; Куно, Эттингер, 1971] и др.). Суть проблемы в том, что у словоформы в рамках одного и того же высказывания могли обнаруживаться два разных синтаксических «хозяина», т. е. фраза допускала два (а иногда и больше) варианта синтаксического членения. Причем лингвисты подчеркивали динамическую природу данного явления, его связь с процессами, происходящими в сознании носителя языка: «Возьмем, например, предложение: *Сейчас прибежал Юсуф из кишлака* (Вокруг света. 1968. № 3). Пространственное глагольное словосочетание *прибежать (прибежал) из кишлака* в таком употреблении и при таком словорасположении “почти” распалось, так как словоформа *из кишлака*, контактируя с существительным *Юсуф*, как бы высвобождается из-под влияния глагола

и начинает тяготеть к существительному. В результате обнаруживается двусторонняя связь: *Прибежал → из кишлака* и *Юсуф ← из кишлака*. Новая синтаксическая зависимость выдвигает на первый план и новую функцию – определительную...» [Валгина, 1972, с. 99].

Действительно, это вполне реальная ситуация для собеседника: выбор одного из вариантов синтаксического членения и, соответственно, одного из реконструируемых смыслов. Приведем в качестве свидетельства литературную цитату (словоформу, фокусирующую в себе явление синтаксической омонимии, мы будем выделять в составе примеров полужирным шрифтом):

(1) – Маша в кого влюбилась? – напомнил Дюк.

– А... в Витальку Резникова. Дура, **по самые пятки**.

Дюк не разобрал: дура по пятки или влюбилась по пятки. Чем она полна – любовью или глупостью (В. Токарева. Ни сыну, ни жене, ни брату).

Из комментария писательницы следует: одна отнесенность словоформы *по пятки* символизирует степень влюбленности героини, а другая – степень ее глупости. Смысл, очевидно, разный.

Приведем также пример из газетной публикации:

(2) Шведские охотники надевают на голову вместо меховых шапок **красного цвета** шапочки или кепки. Это предосторожность избежать несчастного случая – в меховую шапку другой охотник сгоряча может выстрелить, приняв ее за зверька («Комсомольская правда». 6–12.08. 2009).

Как оказывается, несогласованное определение *красного цвета* относится здесь не к препозитивному *меховых шапок*, а к постпозитивному *шапочки или кепки*. В противном случае смысл фразы был бы совершенно искажен. Но читатель без труда обходит расставленную ловушку: меховые шапки редко бывают красного цвета, а вот «шапочки или кепки» – вполне могут быть. Здравый смысл помогает правильно расставить в высказывании синтаксические связи.

В. А. Ицкович в книге о синтаксической норме отводил целый раздел «конструкциям, создающим возможность двоякого понимания текста» [1982, с. 168–183]. Автор предлагал типологию ситуаций, среди которых выделялись и «конструкции с альтернативной зависимостью одного из компонентов»: *Работа по-новому всколыхнула коллектив (Работа по-новому или по-новому всколыхнула?)* и т. п. Особое внимание при этом уделялось порядку слов: препозиции или постпозиции словоформы с альтернативной зависимостью.

Аналогичные примеры анализируются и в богатой фактическим материалом монографии О. А. Лаптевой. Здесь они находят себе место среди разновидностей широко понимаемой текстовой омонимии. В том числе автора интересуют и случаи, когда принципиальная возможность двоякого членения никаких коммуникативных затруднений не создает, типа *Воры из посольства украли ваш бесценный подарок*: вряд ли работников посольства можно заподозрить в воровстве. Иными словами, читатель устанавливает связь *из посольства ← украли*, а не *воры → из посольства* [Лаптева, 2009, с. 245 и др.].

Вместе с тем в поле зрения исследовательницы попадают и те высказывания, анализ которых представляет интерес скорее для синтаксиста, чем для обычного носителя языка. Так, при восприятии цитаты из газетного текста *Индейцы муче обладали фантастической техникой изготовления украшений из золотых пластин* словосочетание *из золотых пластин* может попасть в зависимость или от

словоформы *изготовления*, или от словоформы *украшений* [Там же, с. 244]. Но – скажет читатель – какая разница? Золотые пластины служили ресурсом для ювелирной работы или же были признаком уже готовых изделий? Это, фигурально выражаясь, – что в лоб, что по лбу. Иными словами, контекст может приглушать, замазывать остроту ситуации синтаксической омонимии.

В качестве результирующей этих активных дискуссий можно принять следующий вывод: перед нами не «двойная синтаксическая связь», а возможность двоякого (альтернативного) синтаксического анализа. Носитель языка должен сделать выбор в пользу одного из вариантов членения, и иногда этот выбор принципиально важен для понимания целого.

И даже когда смысловые варианты не расходятся так уж значительно, один из них все равно количественно доминирует над другим. Несложный психолингвистический эксперимент, проведенный нами над цитатами, выбранными из художественной литературы, показал, что одна из синтаксических связей в ответах испытуемых всегда статистически превосходила другую [Норман, 1980, с. 86].

Практика восприятия, анализа и понимания

Естественно возникает вопрос: как обычный носитель языка, без специальной лингвистической подготовки и заинтересованности в ней, решает подобные семантико-синтаксические проблемы? По-видимому, первое, на что он опирается в таких ситуациях, – это свое понимание отражаемой в высказывании ситуации, соотносимое с предыдущим опытом. Говоря короче, это уже упомянутый **здравый смысл**. Приведем несколько литературных примеров, демонстрирующих участие здравого смысла (и соответствующего прагматического компонента) в ходе грамматического анализа, ср.: [Норман, 2016, с. 160–162].

(3) И вот семья **из Сан-Франциско** решила отправиться со всеми своими сундуками на Капри (И. Бунин. Господин из Сан-Франциско).

Скорее всего, данная цитата содержит в себе такой смысл: ‘семья, постоянно проживавшая в Сан-Франциско, решила отправиться на Капри’. Альтернативный вариант (‘семья, которая постоянно проживала где-то (в не названном месте), решила из Сан-Франциско отправиться на Капри’) мы отмечаем по практическим соображениям. А именно: то место, где семья проживала раньше, возможно, важно для дальнейшей ткани повествования (Сан-Франциско – крупнейший американский город. Это некоторым образом характеризует семью). Конкретная же точка, с которой началось это путешествие, вряд ли представляет интерес для читателя. Если бы это было не так, писатель мог бы использовать иной порядок слов: *Из Сан-Франциско семья, со всеми своими чемоданами, решила отправиться на Капри*. Следовательно, *из Сан-Франциско* в цитате из И. Бунина – несогласованное определение к *семья*.

(4) Коля встал, поднял руки. Хвылин профессионально и быстро ощупал его, но браунинга **в рукаве** не нашел (А. Нагорный, Г. Рябов. Повесть об уголовном розыске).

От чего зависит здесь словоформа *в рукаве*? *Не нашел* где? – *в рукаве* или *браунинга* какого? – *в рукаве*? Очевидно, что Хвылин, обыскивая Колю, искал на его теле или в одежде просто любые опасные предметы. Он не мог знать о браунинге в рукаве. И естественно было бы о результатах этого досмотра сказать так: *Хвылин оружия на теле не нашел*. Но мы-то, читатели, соотнесим данную фразу

с предыдущим контекстом, и о спрятанном в рукаве браунинге знаем (об этом было сказано ранее). Соответственно «браунинг в рукаве» – это пресуппозиция, известная и подразумеваемая часть смысла. А для следующей фразы это целиком **тема**, которая разрешается **ремой**: *не нашел*. Общий же смысл приведенной цитаты выстраивается такой: ‘Хвылин того браунинга, что был спрятан в рукаве, не нашел’. Понимание словоформы *в рукаве* как несогласованного определения (а не как обстоятельства места) обусловлено, во-первых, наличием у читателя предшествующей информации, а, во-вторых, принципиальной возможностью трактовки предложно-падежной формы имени как несогласованного определения.

(5) На четвертый день **на пляже** познакомился он с Раухой и предложил ей сплавить до буйка... (А. Арканов. Персики).

Словоформу *на пляже* можно понять просто как обстоятельство места (*познакомился где? – на пляже*), а можно – как несогласованное определение к существительному *день* (смысл: ‘четвертый день, проведенный на пляже’). Для читателя разницы между этими вариантами практически нет, однако как порядок слов (ср. альтернативный словоупотребление, при котором *на пляже* – явное обстоятельство: *На четвертый день познакомился он на пляже...*), так и реконструируемая референтная ситуация (отдыхающий все дни проводит на пляже; местонахождение на пляже становится признаком этих дней) заставят его, скорее всего, выбрать второй вариант.

Может возникнуть вопрос: не слишком ли сложную работу мысли мы отводим читателю? Отнюдь нет: это интуитивная и автоматическая деятельность. Мы видим, что синтаксическая структура высказывания осваивается носителем языка с опорой на его **реальный и вербальный опыт**. В глубине выбора варианта грамматического анализа лежит соотнесение формирующегося смысла конкретной фразы с когнитивным универсумом, уже заложенным в голове человека. «Какой смысловой вариант важнее (выгоднее, перспективнее)?» – вот вопрос, неосознанно присутствующий в сознании реципиента. Прочитаем по сему поводу авторов принципа приоритета: «Большинство синтаксических процессов, связанных как с выделением тех или иных составляющих (выдвижение в престижную синтаксическую позицию, трансформация подъема, расщепление валентности), так и с их частичной или полной редукцией (всевозможные понижения, опущения, совмещения), есть не просто формальная игра в синтаксическую синонимию, а механизм, специально предназначенный для приоритетного выражения прагматической значимости тех или иных элементов сообщения» [Бергельсон, Кибрик, 1987, с. 61]. И возможность двоякого синтаксического членения фразы – лишь частный случай развития у языка дополнительных функций, обеспечивающих человеку богатство взаимодействия со средой.

А. М. Пешковский в статье 1923 года [Пешковский, 1959, с. 58] показал, что многозначность фразы как структурной единицы обусловлена тенденцией языка к экономии, а адекватный смысл достигается с учетом общности обстановки и предыдущего опыта. Фраза «А вы карандашом!» (пример А. М. Пешковского) может иметь «огромное количество значений», но в условиях конкретного речевого акта ее многозначность снимается. Тот же вывод применим к ситуации синтаксической омонимии – возможности двоякой трактовки синтаксических связей. Слушающий борется с коммуникативной энтропией с помощью доступных ему средств.

Внутренние предпосылки, влияющие на место несогласованного определения в синтаксической структуре

Но следует заметить, что в комплексе предпосылок, обуславливающих действие принципа приоритета, входят и внутриязыковые факторы. Это – мощность лексико-семантического класса слов, функциональный диапазон словоформы, роль словопорядка в данном языке, как более частный случай – статус и возможности несогласованного определения и т. д.

Причем данная проблема имеет определенную предысторию не только в языке, но и в метаязыке – в лингвистических описаниях. А. М. Пешковский, рассматривая пределы комбинаторики разных частей речи, характеризовал в своем «Русском синтаксисе в научном освещении» (1-е издание – 1914 г.) среди прочих такой тип: «Существительное + примыкающее к нему наречие. <...> Сочетания эти всецело обуславливаются глагольностью существительного. Такие сочетания, как *из окна напротив высунулась голова*, считаем совершенно исключительными» [Пешковский, 1956, с. 339].

Сегодня ничего исключительного мы в таких сочетаниях не находим. Это – узус, закрепленный литературной нормой. Словосочетания типа *дом напротив* или *яйца всмятку*, без всякого условия «глагольности» существительного, фигурируют в вузовских пособиях как типичные примеры определительных отношений [Белошопкова, 1977, с. 55–58; Федосюк, 2012, с. 52 и др.]. Впрочем, в других случаях определительная роль наречия при существительном признается с оговорками. В учебнике под редакцией Л. Л. Касаткина о наречии в роли определения при существительном говорится: «малопродуктивное средство» [Русский язык, 2001, с. 691]. А С. Г. Ильенко пишет применительно к сочетаниям типа *яйца всмятку* как о «крайне редком употреблении при стержневом слове, которое не является отглагольным существительным» [2009, с. 76].

Естественней и чаще выступают сегодня в роли несогласованных (неморфологизованных) определений предложно-падежные формы существительных. В Академической грамматике читаем о выражениях типа *бумага из города, дверь в сад*: «Эти словосочетания – более позднего образования, чем другие именные словосочетания. Первоначально выражаемые ими отношения были свойственны только глагольным словосочетаниям. Предложно-именные сочетания, сначала употреблявшиеся только для распространения глагола (*присланная из города бумага, дверь ведет в сад*), позднее, с развитием и усложнением грамматического строя языка, стали употребляться непосредственно при существительном, в именных словосочетаниях» [Грамматика..., 1954, с. 245].

Таким образом, отмечаются определенные диахронические сдвиги в синтаксическом поведении наречных и предложно-падежных форм. Во всяком случае, современные тексты дают множество примеров несогласованных определений, которые требуют от реципиента определенной «восстановительной» работы и заставляют думать, что говорящий предварительно проделал в уме ту же работу, только в обратной последовательности. Очень часто это касается речевой реализации локативных (пространственных) признаков.

Так, известный писатель Е. Гришковец рассказывает о том, что его детские представления о медведе были связаны исключительно с зоопарком. И добавляет:

(6) Медведя **не в зоопарке** я повстречал позже («Реки»).

Перед нами словосочетание *медведь не в зоопарке*, несомненно атрибутивное, но довольно непривычное для носителя языка. Оно нуждается в сильной дискурсивной и когнитивной поддержке – в виде примерно такой пресуппозиции: «медведи для городского мальчика бывают только в зоопарке». Соответственно, читатель должен или отослать себя к предыдущему контексту, или самостоятельно реконструировать полную исходную конструкцию, например такую: *Медведя* [который живет на свободе, а] *не в зоопарке я повстречал позже*.

(7) Я ежусь. Под ее пристальным, изучающим взглядом я чувствую себя жучком или мухой **под микроскопом** – очень неудобно (И. Одоевцева. На берегах Сены).

В воспоминаниях поэтессы-эмигрантки сочетание *муха под микроскопом* представляет собой составную номинацию, в которой словоформа *под микроскопом* играет роль определения (пространственного признака). Связь *чувствую себя – под микроскопом* в голову читателю, очевидно, даже не приходит. Причем, вообще говоря, мух не помещают под микроскоп – эти приборы имеют дело со значительно меньшими объектами. Но *муха под микроскопом* (пусть даже метафорически) – для языковой картины мира значительно более допустимое сочетание, чем *чувствовать себя под микроскопом*.

(8) – Вы меня напугали, – продолжала она, пытаясь унять дрожь в голове. В этот миг она узнала его: мужчина **на мосту**. – Как вы сюда попали? (Р. Элли. Последнее танго в Париже. Пер. В. Скороденко).

Любопытно, что если употребленное здесь выражение *дрожь в голове* совершенно не задерживает на себе внимания читателя (это уже устойчивая коллокация), то сочетание *мужчина на мосту* содержит в себе отдельную пропозицию, отсылающую к иному временному плану. По сценарию, женщина предварительно видела этого мужчину, и это случилось на мосту. Значит, мы можем восстановить недостающее смысловое звено таким образом: это '*мужчина* [которого она перед тем видела стоящим] *на мосту*'. И не стоит думать, что перед нами – речевая небрежность или результат неудачного перевода: для русской разговорной речи подобная компрессия вполне естественна.

(9) Конечно, ни один из героев сборника Сдвижкова не Андрей Болконский **под дубом**, но именно принципиально иной метод переживания экзистенциального напряжения у людей XVIII века и делает это чтение интересным (еженедельник «Коммерсантъ Weekend». 05.04.2019).

Слегка ироническая отсылка читателя к тексту романа «Война и мир» объяснима: герой Толстого именно под вековым деревом предавался судьбоносным размышлениям. Обстоятельство места *под дубом* превратилось в идентифицирующий признак ситуации – определение; а все выражение *Андрей Болконский под дубом* стало символом состояния рефлексии, раздумья. Альтернативный вариант толкования, со связью *ни один из героев – под дубом* никому в голову не приходит.

Комбинаторика лексико-грамматических классов и фразеологизация сочетаний

Понятно, что в нашем случае речь идет не о возможности сочетания в речи тех или иных конкретных слов, но о комбинаторике целых лексико-грамматических

классов – таких, как существительные и наречия. На эти ограничения давно указывали лингвисты, говоря о «высокой избирательности главного и зависимого компонентов, каждый из которых своей грамматической и лексической семантикой предопределяет круг словоформ, с которыми он может сочетаться» [Белашапкина, 1977, с. 58]. Действительно, можно попытаться очертить наиболее «предпочтительные» лексико-семантические группы слов, склонные к функции несогласованного определения (среди них, скажем, уже упоминавшиеся названия места). Так, *печка в доме* или *печка в сенях* – стандартные атрибутивные сочетания «локативного» происхождения с зависимым членом – предложно-падежной формой. Но если мы встречаем, допустим, выражение *печка в изразцах*, то понятно, что природа этого несогласованного определения – другая (это внешний признак предмета, тот же случай, что *штаны в заплатках* или *покрывало в цветах*), ср.:

- (10) Может, эта песня – без конца,
А может – без идеи...
А я строю печку **в изразцах**
Или просто сею
(В. Высоцкий. То ли в избу – и запеть...).

И вариант связи *строю в изразцах* даже не подлежит рассмотрению: лексико-семантические классы, к которым принадлежат глагол *строить* и существительное *изразцы*, не допускают такой сочетаемости.

Еще пример.

- (11) Сначала берет оторопь, сопровождаемая негативной реакцией **внизу организма** (М. Веллер. Легенды Арбата).

Предпочтение варианта связи *реакция – внизу организма* перед вариантом *сопровождается – внизу организма* может также объясняться разной степенью узуральности соответствующих конструкций. Для существительного *реакция* совершенно естественным является распространитель со значением признака (а мы уже сталкивались с рядом примеров, в которых словоформа с первоначальным значением «где» принимает на себя функцию «какой»). Для глагола *сопровождаться* частотной является валентность «чем», но не «где».

М. В. Панов подробно разъяснял механизм лексико-грамматических ограничений, налагаемых на зависимое слово, на примере наречий: «В предложении *Лужи быстро везде замерзали* (М. М. Пришвин) – слово *быстро* связано примыканием с глаголом *замерзали*, потому что сочетание “лужи быстро” невозможно в качестве названия, в виде грамматического единства: отприлагательные наречия на *-о* не сочетаются с существительными (невозможны выражения типа: “Езда быстро здесь запрещена”» [Панов, 1966, с. 103].

Сказанное совершенно справедливо, но требует одной оговорки. Речевой материал демонстрирует постепенное смягчение этих комбинаторных ограничений и расширение функциональных возможностей лексических классов. Этим и объясняется неоднозначная оценка выражений типа *окно напротив*. Кто-то их приемлет, а кому-то они режут глаз или слух. Кстати, и сочетаемость наречий на *-о* с существительными тоже не столь уж безоговорочно запрещена, ср. какое-нибудь *папирсы поштучно* или *билет обратно* (например, «Дорога обратно» – название повести А. Дмитриева, «Чемпионы досрочно» – газетный заголовок и т. п.).

Это повод к тому, чтобы заметить, как быстро меняется синтаксическая норма русского языка. Связано это, конечно, с изменением дискурсивных условий (смешением стилей, влиянием рекламы, распространением компьютерного общения, сдвигами в социальной стратификации общества, ускорением темпа жизни и т. п.).

Среди других предпосылок, формирующих сегодня положение несогласованного определения в синтаксической структуре высказывания, упомянем еще относительную свободу словопорядка и тенденцию к фразеологизации словосочетаний.

Порядок слов во многих случаях играет решающую роль. Как уже отмечалось, если фраза *Семья из Сан-Франциско решила отправиться на Капри* потенциально двузначна, то вариант *Семья решила из Сан-Франциско отправиться на Капри* снимает какие бы то ни было сомнения. И если автор все же выбирает первый вариант, то это значит, что он оставляет слушающему (читателю) не свободу выбора, а лишь некоторую ее иллюзию, а по сути, лишает его такой альтернативы. Двузначный вариант в противопоставлении возможному однозначному сам утрачивает свою амбивалентность. И это касается многих подобных контекстов. Порядок слов – сильное подспорье для «здорового смысла». Добавим, что в устной речи такую же важную роль играет интонационное членение высказывания.

Что же касается фразеологизации атрибутивных словосочетаний с зависимой неизменяемой формой, то под этим процессом следует понимать приобретение словосочетанием некоторой степени речевой устойчивости. Мы могли это наблюдать в случаях типа *дрожь в голосе* или *Андрей Болконский под дубом*. Конечно, нельзя сказать, что при этом образуются идиомы в строгом смысле слова. Но определенная «узуализация» этих выражений происходит – они обкатываются в речевой практике, становятся привычными, узнаваемыми. Еще более очевидно это в случаях вроде *яйца всмятку*, *грудь нараспашку*, *картина маслом*, *дама с собачкой*, *хоккей с мячом*, *платье от Кардена* и т. п. Во всех приведенных примерах зависимая форма, несомненно, играет роль несогласованного определения.

Тенденции в развитии синтаксиса русского языка

В принципе, в рассмотренном материале мы имеем дело с перераспределением структурных связей в высказывании: происходит некоторая «разгрузка» центрального глагольного узла и дополнительная нагрузка периферийных именных узлов. В связи с этим можно вспомнить одну давнюю идею (укладывавшуюся в рамки «динамического синтаксиса») о том, что словоформа в сознании носителя языка стремится к предикатной вершине, т. е. предпочитает более центральную позицию в структуре фразы. Это так называемая «центростремительная тенденция» [Норман, 1994, с. 203], обнаруживающая себя во многих случаях. Разумеется, речь идет о тех ситуациях, когда для словоформы вообще возможен выбор одной из нескольких потенциальных связей. Так вот в данном случае мы наблюдаем ситуацию как раз противоположную (что неудивительно, вспомним внутреннюю противоречивость принципа приоритета). Центробежная тенденция заключается в том, что существительное «перетягивает» на себя словоформу, изначально зависевшую от глагола, и опускает ее в общей структуре фразы.

Возможно, это связано с внутренним стремлением к автономизации именных групп, со склонностью к «рассыпчатости» синтаксической структуры, присущей русскому языку начиная с XX в. Г. Н. Акимов говорит о фактах вытеснения классического «синтагматического» типа прозы новым – «актуализирующим»,

для которого характерны «ослабленность синтаксических связей, сжатие и опрощение синтаксических конструкций» [Акимова, 1990, с. 13]. Особенно наглядны эти процессы в разговорной речи: для нее характерны ассоциативные построения, слабо подкрепляемые формальными показателями связи. Отсюда они проникают и в художественные тексты, ср. две цитаты:

(12) Ночью я строил планы, как Ольга в Москву устраиваться поедет и Мишу уговорю, **договор о зиме на каникулы само собой** (Е. Харитонов. Духовка).

Для читателя понимание этой фразы не составляет большого труда, хотя последняя ее часть – *договор о зиме на каникулы само собой* – синтаксически бессвязна. Можно предположить, что этому предшествовал эллипсис значительной части фразы, а исходный ее вариант в сознании говорящего выглядел примерно так: *договор о том, чтобы зимой на каникулы пригласить к себе ребенка, остается в силе; это разумеется само собой*. Читатель же не обязан восстанавливать весь этот развернутый вариант, он довольствуется некоей семантической «вытяжкой»: ‘договор’ + ‘зима’ + ‘каникулы’ + ‘само собой’. Каждый компонент этого сжатого гештальта налаживает семантические мостики с соседними, а эксплицитный синтаксис при этом оказывается избыточным.

(13) И если днем бытие освещается оловянным сиянием свыше, то вечером – озари все событие сам: чиркни спичкой, зажги фитиль, и **лицо художника в юности на портрете в раме окна** станет сразу божественно желтым (Саша Соколов. Открыв – распахнув – окрылив).

Выделенный фрагмент цитаты допускает многообразную синтаксическую трактовку. Например, здесь можно выделить связи *лицо* какое? – *в юности* или *художника* какого? – *в юности*, *лицо* какое? – *на портрете* или *лицо* какое? – *в раме* и т. д. Причем для осведомленного читателя этот словесный ряд проецируется на какие-то устойчивые коллокации, например: «Портрет художника в юности» (название романа Дж. Джойса), «Семейный портрет в интерьере» (название фильма Лукино Висконти), «Лицо в окне» (название английской пьесы) и т. п. По сути же, перед нами набор несогласованных определений, связанных между собой порядком слов и лексико-семантическими переходами: ‘художник’ – ‘юность’ – ‘лицо’ – ‘портрет’ – ‘рама’ – ‘окно’. Причем если смежные члены этой цепочки воплощают в себе более или менее устойчивые ассоциации, то крайние члены трудно предсказуемы. Синтаксис же данного фрагмента вообще «рассыпчат» и необязателен.

Несомненно, отмеченные факты перестройки внутренней структуры высказывания находятся в связи со сдвигами в системе функционально-стилистических пластов языка, с упомянутым изменением дискурсивных условий: влиянием текстов торговой рекламы, оперативной информации и технической документации и т. п. Появляющиеся в речевом обиходе конструкции вроде *сапоги Италия* или *котел дрова* [Норман, 2013] говорят не только о расширении сферы номинативных конструкций и укреплении функции порядка слов в русском языке, но и о повышении роли пресуппозитивного знания, а также об изменении способов языковой упаковки информации.

Заключение

Основные положения данной статьи сводятся к следующему.

1. Место несогласованного определения в синтаксической структуре русского высказывания не остается неизменным. В течение последнего столетия данная функция, обслуживаемая наречиями и падежными формами существительного (в том числе с предлогами), активизируется за счет переразложения структурных связей глагола с дополнениями и обстоятельствами.

2. Среди факторов, обуславливающих данный процесс, выделяются лексико-грамматические ограничения, налагаемые на сочетаемость главного и зависимого компонентов словосочетания, возможности варьирования порядка слов, узуализация сочетаний.

3. Носитель языка, оказывающийся в ситуации, допускающей двоякую трактовку синтаксической структуры высказывания, соотносит формирующиеся семантические гипотезы со своим когнитивным и коммуникативным опытом, стараясь выбрать оптимальный вариант (наиболее выгодный для дальнейшего развития коммуникации).

Список литературы

Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высш. шк., 1990. 168 с.

Белошапкина В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высш. шк., 1977. 248 с.

Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е. Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А. Е. Кибрика, А. С. Нариньяни. М.: Наука, 1987. С. 52–63.

Бодуэн де Куртенэ И. Сборник задач по «Введению в языковедение», по преимуществу применительно к русскому языку. СПб., 1912. 96 с.

Валгина Н. С. О двусторонней синтаксической связи в современном русском языке // Русский язык в школе. 1972. № 5. С. 99–104.

Грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2: Синтаксис. Часть первая. 703 с.

Дрейзин Ф. А. Частота появления основных видов синтаксической омонимии в русских текстах // Научно-техническая информация. 1966. № 12. С. 55–59.

Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб.: Изд-во РГПУ, 2009. 398 с.

Иорданская Л. Н. Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза) // Научно-техническая информация. Серия 2. 1967. № 5. С. 9–17.

Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. М.: Наука, 1982. 199 с.

Куно С., Эттингер А. Синтаксические структуры фраз и синтаксическая неоднозначность в английском языке // Автоматический перевод. М.: Прогресс, 1971. С. 121–181.

Лаптева О. А. Речевые возможности текстовой омонимии. 3-е изд. М.: УРСС, 2009. 413 с.

Норман Б. Ю. К вопросу о двусторонней синтаксической связи // Русский язык в школе. 1980. № 4. С. 84–87.

Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 229 с.

Норман Б. Сапоги Италия, ванна Новокузнецк, крыша черепица... О дискурсивной обусловленности грамматики // Slavica Nitriensia. 2013. № 1. С. 5–17.

Норман Б. Ю. Жизнь словоформы. М.: Флинта – Наука, 2016. 216 с.

Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР: В 5 т. М.: Наука, 1966. Т. 1: Индоевропейские языки. С. 55–122.

Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А. М. Избр. тр. М.: Учпедгиз, 1959. С. 50–62.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.

Русский язык / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АCADEMIA, 2001. 768 с.

Федосюк М. Ю. Синтаксис современного русского языка. М.: ИНФРА-М, 2012. 245 с.

Хоккетт Ч. Грамматика для слушающего // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1965. Вып. 4. С. 139–166.

Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24–39.

References

Akimova G. N. *Novoye v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka* [New in the syntax of modern Russian]. Moscow, Vyssh. shk., 1990, 168 p.

Beloshapkova V. A. *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis* [Modern Russian language. Syntax]. Moscow, Vyssh. shk., 1977, 248 p.

Bergel'son M. B., Kibrik A. E. *Pragmaticheskiy printsip prioriteta i ego otrazheniye v grammatike yazyka* [The pragmatic principle of priority and its reflection in language grammar]. In: *Modelirovaniye yazykovoy deyatel'nosti v intellektual'nykh sistemakh* [Modeling linguistic activity in intelligent systems]. A. E. Kibrik, A. S. Narin'yani (Eds). Moscow, Nauka, 1987, pp. 52–63.

Boduen de Kurtene I. *Sbornik zadach po "Vvedeniyu v yazykovedeniye", po preimushchestvu primenitel'no k russkomu yazyku* [Book of problems on the "Introductory linguistics", mainly in relation to the Russian language]. St. Petersburg, 1912, 96 p.

Dreyzin F. A. *Chastota poyavleniya osnovnykh vidov sintaksicheskoy omonimii v russkikh tekstakh* [Frequency of occurrence of the main types of syntactic homonymy in Russian texts]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya*. 1966, no. 12, pp. 55–59.

Fedosyuk M. Yu. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Syntax of the modern Russian language]. Moscow, INFRA-M., 2012, 245 p.

Grammatika russkogo yazyka. T. 2: Sintaksis. Chast' pervaya [Grammar of Russian language. Vol. 2: Syntax. Part One]. Moscow, AN SSSR Publ., 1954, 703 p.

Hockett Ch. *Grammatika dlya slushayushchego* [Grammar for the Hearer]. In: *Novoye v lingvistike* [New in Linguistics]. Moscow, Progress, 1965, iss. 4, pp. 139–166.

Il'yenko S. G. *Kommunikativno-strukturnyy sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Communicative and structural syntax of the modern Russian]. St. Petersburg, RSPU Publ., 2009, 398 p.

Iordanskaya L. N. *Sintaksicheskaya omonimiya v russkom yazyke (s tochki zreniya avtomaticheskogo analiza i sinteza)* [Syntactic homonymy in Russian (from the point of view of automatic analysis and synthesis)]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2*. 1967, no. 5, pp. 9–17.

Itskovich V. A. *Ocherki sintaksicheskoy normy* [Essays on the syntactic norm]. Moscow, Nauka, 1982, 199 p.

Kuno S., Ettinger A. *Sintaksicheskiye struktury fraz i sintaksicheskaya neodnoznachnost' v angliyskom yazyke* [Syntactic structures of phrases and syntactic ambiguity in English].

ty in English]. In: *Avtomatičeskij perevod* [Automatic translation]. Moscow, Progress, 1971, pp. 121–181.

Lapteva O. A. *Rečevyye vozmožnosti tekstovoy omonimii* [The speech resources of text homonymy]. 3rd ed. Moscow, URSS, 2009, 413 p.

Norman B. Yu. *Grammatika govoryashčego* [The Grammar of a speaker]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 1994, 229 p.

Norman B. Yu. К вопросу о двусторонней синтаксической связи [On the issue of two-way syntactic connection]. *Russian language at school*. 1980, no. 4, pp. 84–87.

Norman B. *Sapogi Italiya, vanna Novokuznetsk, krysha cherepitsa...* O diskursivnoy obuslovlennosti grammatiki [Sapogi Italiya, vanna Novokuznetsk, krysha cherepitsa... about the discursive conditionality of grammar]. *Slavica Nitriensia*. 2013, no. 1, pp. 5–17.

Norman B. Yu. *Zhizn' slovoformy* [Life of the word-form]. Moscow, Flinta – Nauka, 2016, 216 p.

Panov M. V. Russkiy yazyk [The Russian Language]. In: *Yazyki narodov SSSR: V 5 t. T. 1. Indoevropeyskiye yazyki* [Languages of the peoples of the USSR: In 5 vols. Vol. 1: Indo-European languages]. Moscow, Nauka, 1966, pp. 55–122.

Peshkovskiy A. M. Ob'ektivnaya i normativnaya tochka zreniya na yazyk [Objective and normative view of language]. In: Peshkovskiy A. M. *Izbr. tr.* [Selected works]. Moscow, Uchpedgiz, 1959, pp. 50–62.

Peshkovskiy A. M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. 7th ed. Moscow, Uchpedgiz, 1956, 511 p.

Russkiy yazyk [Russian language]. L. L. Kasatkin (Ed.). Moscow, ACADEMIA, 2001, 768 p.

Shcherba L. V. O troyakom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperimente v yazykoznanii [On the threefold aspect of language phenomena and on the experiment in linguistics]. In: Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rečevaya deyatel'nost'* [Linguistic system and speech activity]. Leningrad, Nauka, 1974, pp. 24–39.

Valgina N.S. O dvustoronney sintaksicheskoj svyazi v sovremennom ruskom yazyke [On two-way syntactic connection in modern Russian]. *Russian language at school*. 1972, no. 5, pp. 99–104.

Сведения об авторе

Норман Борис Юстинович – профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь); ведущий научный сотрудник Проблемной лаборатории компьютерной лексикографии Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия).

boris.norman@gmail.com

ORCID 0000-0001-8520-5387

Information about the Author

Boris Ju. Norman – Professor of the Department of Theoretical and Slavonic Linguistics, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus); Leading Researcher of Special Laboratory of Computer Lexicography, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation)

boris.norman@gmail.com

ORCID 0000-0001-8520-5387

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2021. № 2

Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

Сверхфразовая организация риторического текста

Л. А. Гольшкينا

*Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Исследуются механизмы сверхфразовой организации особого типа текста – риторического, базовым свойством которого является персуазивность. В свете специфики данного текстотипа обосновывается двухэтапная процедура анализа, синтезирующая методологические основания лингвистики текста и теории аргументации. В качестве единицы текстообразования рассматривается коммуникативный регистр, или тип, речи. На первом этапе анализа описывается селекция коммуникативных регистров, производимая субъектом речи из парадигмы соответствующих текстовых единиц. При этом определяется функционал типов речи в построении аргументации как персуазивного процесса. На втором этапе изучается комбинаторика регистров речи, в рамках которой осуществляется реконструкция аргументации, что позволяет проследить как за текстообразованием, так и за формированием воздействующего эффекта текста, связанного со смыслообразованием. Результатом исследования становятся выявленные на материале текстов, актуализованных в различных дискурсивных практиках, принципы селекции и комбинации текстовых компонентов, а также типы аргументации, демонстрирующие своеобразие сверхфразовой организации риторического текста.

Ключевые слова

лингвистика текста, теория аргументации, риторический текст, персуазивность, сверхфразовая организация текста, коммуникативный регистр речи, тип аргументации

Для цитирования

Гольшкينا Л. А. Сверхфразовая организация риторического текста // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 283–296. DOI 10.17223/18137083/75/20

Supra-phrasal structure of the rhetorical text

L. A. Golyshkina

*Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Annotation

The study deals with the mechanisms of the supra-phrasal structure of a specific text type – a rhetorical one, with persuasion as the basic property. Given this text type specifics, a two-stage procedure of analysis, a synthesis of methodological principles of text linguistics and theory of argumentation, is suggested. The study considers a communicative register or a type of speech, proposed by G. A. Zolotova in the concept of communicative syntax, as a unit of

text formation. Speech registers are the certain ways of mental and sensory fixation of the world picture fragments manifesting the different degrees of the speaker's abstraction from reality. The first stage of the analysis describes the selection of communicative registers produced by the subject of speech from the paradigm of the corresponding text units. Simultaneously, the functionality of the speech types in constructing argumentation as a persuasive process is determined. The second stage studies the combinations of speech registers involving an argument reconstruction, allowing us to observe both text formation and text impact effect formation related to semantics formation. Analysis of the texts actualized in various discursive practices (presentation and aesthetic, political, religious, scientific, and educational) has identified the principles of selection and combination of text components as well as argumentation types (evidential and narrative) demonstrating the originality of supra-phrasal structure and typological uniqueness of the rhetorical text.

Keywords

text linguistics, argumentation theory, rhetorical text, persuasion, supra-phrasal text structure, communicative speech register, argumentation type

For citation

Golyshkina L. A. Supra-phrasal structure of the rhetorical text. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 283–296. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/20

Концепция риторической коммуникации Б. Франц-Берингер, провозгласив персуазивность в качестве доминанты речекоммуникативной деятельности, направленной на изменение внешнего мира [Franz-Boeringer, 1963], активизировала исследовательский интерес к такому феномену, как риторический текст.

Риторический текст мы трактуем как особый текстотип, система типологических свойств которого программируется структурой коммуникативного акта и включает: диалогичность; публичность; актуальность; осознанность, которая понимается как целенаправленное следование определенной технологии текстообразования – риторическому канону; акциональность [Гольшккина, 2020, с. 14]; а также бесспорно признаваемую исследователями и имеющую статус приоритетной **персуазивность**, основанную на аргументированности [Kopperschmidt, 1976; Земская и др., 2000; Голоднов, 2010]. Персуазивность текста обуславливается коммуникативной целью адресанта, а именно потребностью воздействия на реципиента.

Декларируемая в качестве базового типологического параметра персуазивность риторического текста обозначила проблему изучения его особой сверхфразовой организации, создаваемой определенными текстовыми единицами, выполняющими как текстообразующую, так и воздействующую функцию.

Соответственно, цель настоящей статьи заключается в описании механизмов сверхфразового построения риторического текста, создающих его персуазивный эффект.

Известно, что сверхфразовая организация текстов разных типов выступает объектом изучения грамматики текста – специфической области лингвистики текста, направленной, во-первых, на поиск, описание и систематизацию единиц выше уровня предложения, моделирующих текстовую структуру, а во-вторых, на выявление принципов и путей текстообразования, где единицей конструирования выступают соответствующие сверхфразовые составляющие.

Охарактеризовать сверхфразовую организацию текста, согласно М. Я. Дымарскому, – значит ответить в первую очередь на вопрос: «каков преобладающий тип

сверхфразовых компонентов текста, какие единицы текстообразования лежат в их основе» [Дымарский, 1999, с. 191].

Отметим, что в XX в. оказывается чрезвычайно продуктивной идея создания парадигм единиц сверхфразовой организации, получающих свою синтагматическую реализацию в пространстве текста и формирующих его композиционно-смысловую структуру. Такими единицами могут выступать: функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение) [Нечаева, 1974]; композиционно-смысловые типы речи (демонстрационный, информационный, сентенционный) [Ильенко, 1985]; сложное синтаксическое целое [Бурвикова, 1981; Дымарский, 1999]; коммуникативные типы, или регистры, речи [Золотова, 1982] и другие выделяемые исследователями составляющие [Гальперин, 1981; Москальская, 1981], большие, чем предложение, и обладающие достаточно устойчивыми когнитивными, коммуникативными и языковыми характеристиками. Единицы сверхфразовой организации в той или иной степени представляют собой своеобразные модели отражения действительности, являющиеся следствием концептуализации и вербализации мира человеком.

Казалось бы, разработанные аналитические процедуры лингвистики текста уже решили поставленные задачи реконструкции линейного текстового построения. Однако отметим, что техника сверхфразового анализа хорошо апробирована на материале текстов художественных (см. указанные выше исследования). Другие же типы текста требуют своего детализированного описания.

Более того, очевидно, что типологическая уникальность любого текста не может быть исследована вне учета параметров эксплуатирующего его коммуникативного акта. Так, Е. Ф. Тарасов, трактуя текст как превращенную форму реальной действительности, отмечает, что в тексте, кроме собственно передаваемого сообщения, есть «информация, которая закодирована в языковых знаках... и которая позволяет косвенным образом на основе анализа текста получить сведения о самом коммуникативном акте и его элементах» [2009, с. 104].

Декодирование такой косвенной информации, способной пролить свет и на формируемую текстом персуазивность, требует усложнения аналитических процедур за счет привлечения формирующегося сегодня коммуникатологического методологического арсенала. Неслучайно К. А. Филиппов уже в курсе лекций по лингвистике текста акцентирует внимание на междисциплинарной природе этой области знания, включая в сферу ее интересов теорию аргументации, являющуюся неперенным компонентом современной риторики [2007, с. 271–292].

О направленности риторики на изучение структуры текста, о тесной связи риторики с лингвистикой текста размышлял и С. И. Гиндин. Отмечая, что риторика в широком ее понимании изучает лишь тексты, способные к эффективному функционированию, он указывает, что «специфически текстовые “сверхфразовые” уровни и явления, являющиеся предметом изучения лингвистики текста, составляют лишь часть (хотя, быть может, и самую важную) тех языковых феноменов, которые должна принимать во внимание риторика» [1986, с. 364].

Отмеченная общность интересов двух научных направлений позволяет обобщенно синтезировать их методологические достижения.

Методология лингвистики / грамматики текста опирается на представления о двойственной природе языка. Так, согласно Р. Якобсону, «в каждом языковом знаке обнаруживается два вида операций» – селекция и комбинация [1990, с. 114]. Эту мысль развивает и И. А. Мельчук в концепции «Смысл-Текст», отмечая два основных параметра описания естественных языков: парадигматическую ось, на

которой говорящий выбирает одну из альтернативных языковых единиц, и синтагматическую ось, на которой говорящий соединяет выбранные единицы по правилам данного языка [Мельчук, 2012, с. 31–32]. Экстраполяция операций селекции и комбинации на текст обуславливает два соответствующих аналитических этапа – дискретизацию текста на соответствующие сверхфразовые единицы и осмысление его континуальности.

Методология реконструкции аргументации [Emergen et al., 1993; Pees van, 2006], привлекаемая нами для обоснования типологической специфики риторического текста, имеет своей целью «ясное описание элементов, которые вносят вклад в убеждающий эффект дискурса» [Pees van, 2006, с. 222].

Таким образом, **первый этап анализа** связан с установлением задаваемых субъектом речи принципов селекции конкретных сверхфразовых единиц из соответствующего парадигматического ряда. При этом определяется функционал этих текстовых составляющих в построении аргументации как процесса, обеспечивающего персуазивность текста.

Второй этап анализа требует изучения комбинаторики сверхфразовых единиц, что позволяет наблюдать как за синтагматическим конструированием линейной структуры текста, так и за формированием и последовательностью смысловых компонентов, создающих воздействующий эффект. Здесь подключение риторической реконструкции необходимо для выявления аргументационной устроенности текста, определяющей его смысловую структуру.

В качестве операциональной сверхфразовой единицы анализа риторического текста примем предложенный в концепции функционально-коммуникативного синтаксиса Г. А. Золотовой **коммуникативный регистр речи**.

Выбор техники регистрового анализа определяется, согласно М. Ю. Сидоровой, следующими факторами: обусловленной языковой системой способностью типов речи вступать как в парадигматические, так и в синтагматические отношения; соотношением формы, значения и функции в регистре речи как единице текста; возможностью установления связи между регистровым составом текста и его жанровой принадлежностью [2016, с. 487–488].

Коммуникативные регистры – отвлеченные от конкретных текстов «однородные структурно-композиционные формы речи, объединенные внутри и противопоставленные друг другу по способу восприятия и познания мира (и соответственно по типу ментального процесса), по категориальному характеру воспринимаемых явлений и по коммуникативным интенциям говорящего» [Золотова и др., 2004, с. 29].

Процедура выделения в структуре текста монологических коммуникативных регистров речи (репродуктивного, информативного, их подвидов и генеритивного) коррелирует с известными способами ментальной и сенсорной фиксации фрагментов картины мира. В том или ином типе речи проявляются разные степени участия сознания индивида в процессе отражения действительности, разные уровни абстрагирования говорящего от действительности.

Рассмотрим поэтапно механизмы текстообразования и формирования персуазивного потенциала на материале текстов риторического типа, актуализованных в таких дискурсивных практиках, как политическая, религиозная, презентационно-эстетическая, научно-просветительская.

1. Этап селекции

Риторический текст является полирегистровым. На этом этапе мы отмечаем разную степень участия регистров в формировании исследуемого текстотипа и определяем функции типов речи в конструировании аргументации, а именно роль каждого коммуникативного регистра во введении в структуру текста базовых аргументационных составляющих – тезиса, его подтезисов и аргументов.

Ведущую роль в построении риторического текста играет **информативный регистр речи**. Этот коммуникативный регистр связан со сферой знаний говорящего: он содержит сообщение об известных говорящему явлениях действительности в отвлечении от их конкретно-временной длительности и от пространственной отнесенности к субъекту речи. В информативных блоках могут фиксироваться как узуальные, повторяющиеся события и признаки, так и познавательные, квалификативные сведения о свойствах и связях предметов, явлений, абстрактных понятий [Золотова и др., 2004, с. 403]:

Издревле на Руси соиздание монастырей и храмов считалось делом богоугодным и святым. На щедрые пожертвования купцов Тюменева, Сибирякова и многих других благоукарасителей святой обители в XIX веке на Валааме были возведены архитектурные ансамбли скитов, церквей и главная святыня монастыря – величественный Спасо-Преображенский собор. Все, кто посещал обитель, стремился внести свою посильную лепту в благоукарашение Валаамского монастыря (Святейший Патриарх Алексий, 2005).

...В сегодняшнем письменном языке, прежде всего в Интернете, в SMS, появилось много сокращений. Это обусловлено тем, что, во-первых, просто ограничен объем знаков для SMS, во-вторых, скорость набора на телефоне или клавиатуре компьютера медленнее, чем речь (Кронгауз, 2009).

В этом году на флот уже поступило четыре надводных корабля, один противодиверсионный катер и три судна обеспечения. Всего же за 2018 год флот должен получить 26 новых кораблей, катеров и судов, в том числе четыре корабля с ракетным комплексом «Калибр» (Путин, 2018).

Информативный регистр реализует функцию предъявления аргументов. Именно этот тип речи часто связан с планом актуального прошлого либо настоящего, содержит фактуальную информацию, проверенную временем, нередко и информацию оценочного характера, опирающуюся на авторитетный опыт говорящего, что создает, как правило, условия для формирования кредита доверия аудитории как фактора текстовой эффективности.

Частотным для композиционной структуры риторического текста является и **генеритивный регистр речи**. Он представляет собой достигаемое посредством высокой степени абстрагирования от событийного времени и места «обобщение, осмысление информации, соотносящее ее с жизненным опытом, с универсальными законами мироустройства, с фондом знаний...» [Золотова и др., 2004, с. 404]. Неоспоримое знание, обладающее вневременностью, наделяет такие текстовые компоненты аксиоматичностью, нередко – афористичностью, что способствует актуализации персуазивности:

Человек извечно устроен так, что его мировоззрение, когда оно не внушено гипнозом, его мотивировки и шкала оценок, его действия и намерения определяются его личным и групповым жизненным опытом. Как го-

ворит русская пословица: «Не верь брату родному, верь своему глазу кривому». И это – самая здоровая основа для понимания окружающего и поведения в нем (Солженицын, 1972).

Язык и, думается, литература – вещи более древние, неизбежные, долговечные, чем любая форма общественной организации. Негодование, ирония или безразличие, выражаемое литературой по отношению к государству, есть, по существу, реакция постоянного, лучше сказать – бесконечного, по отношению к временному, ограниченному. По крайней мере, до тех пор пока государство позволяет себе вмешиваться в дела литературы, литература имеет право вмешиваться в дела государства. <...> (Бродский, 1987).

Любая человеческая культура живет не только и, может быть, даже не столько знаниями, сколько ценностями – теми представлениями о должном и о постыдном, о праведном и о беззаконии, которые отличают достойного члена общества от человека морально погибшего. В любой культуре эти ценности укоренены в определенной картине мира, в том, как люди видят свое предназначение и свое место в мироздании. В любой культуре работают определенные механизмы передачи этих ценностей, воспитания чувства принадлежности к обществу и обязательств по отношению к другим людям (Святейший Патриарх Кирилл, 2010).

Очевидная линейная протяженность генеритивных блоков, их объемность в структуре риторических текстов демонстрируют выраженную авторскую рефлексию, ориентированную на осмысление универсальной общечеловеческой проблематики. При этом генерализованная семантика генеритивного регистра речи реализует функцию введения в структуру текста тезиса / подтезиса, который выступает смысловым стержнем текста и выполняет функцию сохранения его цельности, а также позволяет в случае необходимости эксплицировать вывод.

Репродуктивный план в текстах риторического типа минимизирован. Канонический **репродуктивный регистр речи**, ориентированный на изображение «событий действительности как непосредственно воспринимаемых органами чувств говорящего, наблюдателя, локализованных в едином с ним хронотопе» [Золотова и др., 2004, с. 402–403], представлен в риторических текстах в тех редких случаях, когда субъект речи непосредственно воспроизводит текущую коммуникативную ситуацию.

Так, например, А. Солженицын в Нобелевской лекции апеллирует к процедуре церемонии, пытаясь воспроизвести свое эмоционально-рефлексивное проживание текущей ситуации:

И мне сегодня, сопровождаемому тенью павших, и со склоненной головой пропуская вперед себя на это место других, достойных ранее, мне сегодня – как угадать и выразить, что хотели бы сказать о н и? (разрядка оригинала. – Л. Г.) (Солженицын, 1972).

При этом даже в репродуктивном регистре, ориентированном на ситуацию «здесь и сейчас», отчетливо прослеживается тенденция к генерализации референциального плана.

2. Этап комбинации

Основным принципом формирования риторического текста является **комбинаторика генеритивного регистра речи с информативным**. Такая регистровая сочетаемость обусловлена персуазивной природой риторического текста, основанной на аргументированности: генеритивный регистр речи вводит тезис / подтезис, а информативный тип речи представляет поддерживающие аргументы (либо аргумент – в случае единичной аргументации). Комбинация генеритивного регистра речи с информативным есть отражение авторского рассуждения, логической основой которого выступает доказательство, состоящее из тезиса / подтезиса и связанных с ним отношениями демонстрации аргументов.

Воплощение представленной формулы комбинаторики наглядно прослеживается в политическом дискурсе:

Важно сохранить устойчивость международно-правовой разоруженческой базы, при этом обеспечить преемственность процесса сокращения ядерных вооружений (*генеритивный регистр речи (далее в комментариях РР) – Л. Г.) = подтезис*).

Мы договорились с Соединенными Штатами Америки о сокращении наших ядерных потенциалов на стратегических носителях до 1700–2200 ядерных боезарядов к 31 декабря 2012 года (*информативный РР = аргумент 1*). Россия намерена строго выполнять взятые на себя обязательства (*информативный РР = аргумент 2*) (Путин, 2007).

...Модель глобализации... всё меньше соответствует стремительно формирующейся новой экономической реальности (*генеритивный РР = подтезис*).

За последние три десятилетия доля развитых стран в глобальном ВВП по паритету покупательной способности снизилась с 58 до 40 процентов. В том числе доля государств «Группы семи» сократилась с 46 до 30 процентов (*информативный РР = аргумент 1*), и, напротив, вес стран с развивающимися рынками растёт (*информативный РР = аргумент 2*) (Путин, 2019).

Рассмотренный принцип текстообразования актуален и для религиозного дискурса, культивирующего традиции и каноны гомилетики:

Педагогика – это область аскетики. Каждый человек, который вступает на путь преподавания знаний другим, должен это ясно понимать. Эта работа связана с подвигом, с самоистощением (*генеритивный РР = подтезис*), подобно тому, как Христос истощил Себя во имя спасения рода человеческого (*информативный РР = аргумент-аналогия*) (Святейший Патриарх Кирилл, 2010).

...Слово – это «лакмусовая бумажка» (*генеритивный РР = тезис*). У шахтеров на каске всегда есть лампочка, которая освещает темный путь в шахте (*информативный РР = аргумент-аналогия*). Так же и наше слово детектор, некая локационная система: слыша слово своего собеседника и анализируя все, что оно в себе несет, мы тотчас умозаключаем, что сокрыто «за пазухой» (*генеритивный РР = подтезис*). Например, девушка думает: «Любит он меня или не любит, довериться или нет человеку, в глазах которого написан неподдельный интерес к моей личности?». Пооб-

щавшись с ним, сделайте вывод сами (*информативный PP = аргумент-иллюстрация*) <...> (Протоиерей Артемий Владимиров, 2015).

Презентационно-эстетический дискурс также обнаруживает выявленную тенденцию текстообразования: генеритивный регистр речи актуализует тезис / подтезис, а информативный блок предъявляет аргументы. При этом источником последних нередко выступает мировой историко-культурный опыт:

...Кажется нам крупней, больней и невыносимей, не то, что на самом деле крупней, больней и невыносимей, а то, что ближе к нам. Все же дальше, не грозящее прямо сегодня докатиться до порога нашего дома, признается нами, со всеми его стонами, задушенными криками, погубленными жизнями, хотя б и миллионами жертв, – в общем вполне терпимым и сносных размеров (*генеритивный PP = подтезис*). В одной стороне под гоненьями, не уступающими древнеримским, не так давно отдали жизнь за веру в Бога сотни тысяч беззвучных христиан (*информативный PP = аргумент 1*). В другом полушарии некий безумец (и наверно, он не одинок) мчится через океан, чтоб ударом стали в первосвященника освободить нас от религии (*информативный PP = аргумент 2*) (Солженицын, 1972).

Грамотный-то, образованный-то человек вполне может, тот или иной политический трактат прочтя, убить себе подобного и даже испытать при этом восторг убеждения (*генеритивный PP = подтезис*). Ленин был грамотен, Сталин был грамотен, Гитлер тоже; Мао Цзедун, так тот даже стихи писал; список их жертв, тем не менее, далеко превышает список ими прочитанного (*информативный PP = аргумент*) (Бродский, 1987).

Таким образом, представленные наблюдения свидетельствуют об устойчивости комбинаторики генеритивного регистра речи с информативным в риторическом тексте и демонстрируют регулярное воспроизведение в различных дискурсивных практиках традиционной **аргументации доказательного типа**.

В ряде риторических текстов обнаруживаем осложнение монологической регистровой комбинаторики диалогическим компонентом. Так, в открытой лекции «Как научить мозг учиться?» нейролингвиста Т. В. Черниговской отмечаем расширение генеритивных типов речи, вводящих подтезисы, вопросными блоками. Они конкретизируют генерализованную семантику генеритивных единиц, уменьшают дистанцию абстрагирования говорящего от действительности, а сама диалогическая природа вопроса так или иначе демонстрирует реакцию говорящего на заявленную проблему. Здесь можно говорить о реализации информативно-реактивного регистрового варианта – контаминированного типа речи, возникшего вследствие взаимодействия дифференциальных признаков монологического информативного регистра речи и диалогического реактивного:

...Очень важный пункт – это воспитание элит – не стоит недооценивать (*генеритивный PP = подтезис*). <...> Кто эти люди, которые управляют? Они умеют? Они подготовлены? У них чувство ответственности есть? Они знают, как принимать решения? (*информативно-реактивный регистровый вариант*) <...> Кстати, во всех серьезных странах вот эти элитарные школы... – специальные школы, из которых дети потом поступают в очень серьезные университеты... там какая муштра... там абсолютно никакой свободы близко даже не лежало. Очень жесткая дисциплина и за малейшее

нарушение – вон. И там муштруют (*информативный PP = аргумент*) <...> (Черниговская, 2015).

Усложнение формулы традиционного рассуждения информативно-реактивным регистровым вариантом повышает диалогичность текста, активизирует слушателя, презентует авторскую модальность, следствием чего становится усиление воздействующего эффекта текста. Такая **трехкомпонентная регистровая комбинаторика** свидетельствует о вариативности аргументации доказательного типа, о возможности существования ее доказательно-диалогического подтипа.

В ходе выявления специфики сверхфразовой организации риторических текстов мы обнаружили в ряде публичных медиалекций и явление так называемой регистровой амбивалентности. Оно создается, как правило, путем нарушения оппозиции репродуктивности / информативности, сформированной такими критериями, как разная степень детализации, временная локализованность и семантика предиката (наблюдаемость / ненаблюдаемость, констатация / интерпретация), а также характер пространственно-временных локализаторов (эгоцентрические, ситуативные / географически-хронологические, объективные). Регистровая амбивалентность характеризуется размыванием границ конкретности / обобщенности сообщаемого, неясностью репродуктивного и информативного представления событий, что влечет неопределенность регистровой квалификации [Сидорова, 2016, с. 489–493].

Так, в открытой лекции «Музей моей мечты» И. А. Антоновой, президента ГМИИ им. А. С. Пушкина, тезис представлен генеритивным регистром речи:

Музеи в первую очередь выступают хранителями. Первая и основная задача музеев – собрать и сохранить (Антонова, 2014).

Однако далее тезис трансформируется в подтезис, который эксплицирован информативным регистром речи:

Новый этап наступил с развитием интереса к собиранию искусства в США (Антонова, 2014).

И затем наблюдаем обширное повествование, отражающее личный опыт и восприятие действительности искусствоведом:

В 1963 году, когда я первый раз приехала в Америку, я была потрясена контрастом между тем, что я видела в самих американских городах, и музеями. <...> Огромные поразительные коллекции были куплены и перевезены через океан.

В США я провела месяц по приглашению Американской ассоциации музеев. Формат моего визита был таков, что я не имела права жить в отелях – только в семьях руководителей музеев. Первый американский музей, в который я попала, был Музей Изабеллы Стюарт Гарднер в Бостоне. Меня привезли туда глубокой ночью... Ко мне вышел очень пожилой человек с фонариком в руке и повел меня на последний этаж через залы музея. Это был довольно старомодный музей, с гобеленной развеской... Время от времени луч его фонарика освещал какие-то произведения. Тут я смотрю: божья моя, «Похищение Европы» Тициана – великая картина. <...> Утром, когда я уже проснулась и вышла посмотреть на музей в свете дня, я обнаружила, что музей имел большой внутренний дворик и все фасады внут-

ренного дворика – это фасады венецианских палаццо. <...> (Антонова, 2014).

В данном фрагменте нет ожидаемого рассуждения – слушателя лекции увлекает именно авторское повествование. Мы констатируем снижение степени абстракции, высокий уровень детализации, актуальное время предиката с семантикой наблюдаемого действия или состояния, привязанные к ситуации пространственно-временные локализаторы, что актуально как раз для репродуктивного регистра. Использование прошедшего нарративное время позволяет квалифицировать субъекта речи как диегетического повествователя, принадлежащего миру текста и помещенного в хронотоп происходящего. Здесь аргументация, основанная на апелляции к личному опыту, оформлена в виде динамического повествования, что нехарактерно для риторического текста. При этом конкретность воспроизводимого, наблюдаемая включенность говорящего в репрезентируемое, повышает уровень доверия аудитории, усиливая тем самым персуазивные характеристики текста. Подобные случаи трансформации информативного плана в репродуктивный свидетельствуют о воплощении **аргументации нарративного типа**.

Таким образом, регистровая техника анализа, выявляющая принципы текстообразования и сопровождаемая реконструкцией аргументации, позволяет сделать заключение о существовании следующих типов аргументационной устроенности риторического текста: 1) доминантного доказательного типа, актуализирующего рассуждение, в том числе и в его доказательно-диалогическом варианте; и 2) нарративного типа, демонстрирующего персонафицированное повествование.

Реализованная синтетическая методология анализа текста иллюстрирует мысль А. Е. Кибрика о переходе от таксономической, сосредоточенной на вопросе *КАК?*, к объяснительной *ПОЧЕМУ?*-лингвистике [1995, с. 219]. Иначе говоря, исследуя механизмы сверхфразовой организации, мы параллельно выявляем и пути формирования аргументационного потенциала, позволяющего риторическому тексту выступать в качестве инструмента целенаправленного моделирования той реальности, которая необходима говорящему.

Список литературы

- Бурвикова (Зарубина) Н. Д.* Закономерности линейной структуры монологического текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1981. 44 с.
- Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
- Гиндин С. И.* Риторика и проблемы структуры текста // *Общая риторика*. Благовещенск, 1998. С. 355–366.
- Голоднов А. В.* Аргументативная структура риторического (персуазивного) текста // *Вестник Иркут. гос. ун-та*, 2010. № 1 (9). С. 109–114.
- Гольшикина Л. А.* Риторика декодирования: теоретико-методологическое обоснование научного направления // *Научный диалог*. 2020. № 5. С. 9–24. DOI 10.24224/2227-1295-2020-5-9-24
- Дымарский М. Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 284 с.
- Земская Ю. Н., Качесова И. Ю., Панченко Н. В., Чувакин А. А.* Основы общей риторики. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000. 110 с.
- Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.

- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.
- Ильенко С. Г.* Предложение в текстовом аспекте // Предложение в текстовом аспекте: Сб. ст. / Отв. ред. С. Г. Ильенко. Вологда, 1985. С. 3–13.
- Кибрик А. Е.* Куда идет современная лингвистика // Лингвистика на исходе XX века: Тез. Междунар. конф. М., 1995. Т. 1. С. 217–219.
- Мельчук И. А.* Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2012. 176 с.
- Москальская О. И.* Грамматика текста. М.: Высш. шк., 1981. 183 с.
- Нечаева О. А.* Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ, 1974. 261 с.
- Реес М. А. ван.* Интерпретация и реконструкция аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 198–238.
- Сидорова М. Ю.* Регистровая техника и ее возможности // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Сб. ст., посвящ. юбилею Г. А. Золотовой. М.: Едиториал УРСС, 2016. С. 487–497.
- Тарасов Е. Ф.* К построению теории речевой коммуникации // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Либроком, 2009. С. 15–147.
- Филиппов К. А.* Лингвистика текста: Курс лекций. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 331 с.
- Якобсон Р.* Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990. С. 110–132.
- Emeren F. H. van, Grootendorst R., Jackson S., Jacobs S.* Reconstructing Argumentative Discourse. Tuscaloosa, AL.: University of Alabama Press, 1993. 197 p.
- Franz-Boeringer B.* Rhetorische Kommunikation. Quickborn b. Hamburg: Schnelle, 1963. 99 p.
- Kopperschmidt J.* Allgemeine Rhetorik. Einfuehrung in die Theorie der Persuasiven Kommunikation. Stuttgart, Berlin, Koeln, Mainz: Kohlhammer, 1976. 216 S.

Список источников

- Антонова И. А.* Музей моей мечты: Открытая лекция. 02.04.2014. URL: <http://openlecture.webflow.io/lectures/antonova> (дата обращения 21.07.2019).
- Бродский И.* Нобелевская лекция. The Nobel Foundation. 1987. URL: <http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt> (дата обращения 20.07.2019).
- Кронгауз М. А.* Язык и коммуникация: новые тенденции. 19.02.2009. URL: <http://polit.ru/article/2009/03/19/communication/> (дата обращения 20.07.2019).
- Протоиерей Артемий Владимиров.* Устное и письменное слово в просветительской деятельности. 20.01.2015. URL: <http://tv-soyuz.ru/peredachi/ustnoye-i-pismennoye-slovo-v-prosvetitelnoy-deyatelnosti> (дата обращения 25.07.2019).
- Путин В. В.* Выступление на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10.02.2007. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения 21.07.2019).
- Путин В. В.* Выступление на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума. 07.06.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60707> (дата обращения 21.07.2019).
- Путин В. В.* Выступление по случаю празднования Дня Военно-Морского Флота. 28.07.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58131> (дата обращения 20.07.2019).

Святейший Патриарх Алексий. Речь на заседании Попечительского Совета по восстановлению Спасо-Преображенского Валаамского монастыря в храме Христа Спасителя. 30.05.2005. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/19432.html> (дата обращения 22.07.2019).

Святейший Патриарх Кирилл. Выступление на открытии XIV Всемирного русского народного собора «Национальное образование: формирование целостной личности и ответственного общества». 25.05.2010. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1166562.html> (дата обращения 22.07.2019).

Солженицын А. Нобелевская лекция по литературе. 1972. URL: http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/s_nobel.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 20.07.2019).

Черниговская Т. В. Как научить мозг учиться? 30.05.2015. URL: <http://otkrytoe-prostranstvo.ru/passed-lecture/tatyana-chernigovskaya-kak-nauchit-mozg-uchitsya/> (дата обращения 24.07.2019).

References

Burvikova (Zarubina) N. D. *Zakonomernosti lineynoy struktury monologicheskogo teksta* [Patterns of linear structure monologic text]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Moscow, 1981, 44 p.

Dymarskiy M. Ya. *Problemy tekstoobrazovaniya i khudozhestvennyy tekst (na materiale russkoy prozy 19–20 vv.)* [Problems of text formation and the literary text (on the base of Russian prose of 19–20th centuries)]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 1999, 284 p.

Emeren F. H. van, Grootendorst R., Jackson S., Jacobs S. *Reconstructing Argumentative Discourse*. Tuscaloosa, AL., Alabama Univ. Press, 1993, 197 p.

Filippov K. A. *Lingvistika teksta: Kurs lektsiy* [Text Linguistics: Lecture course]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 2007, 331 p.

Franz-Boeringer B. *Rhetorische Kommunikation*. Quickborn b. Hamburg, Schnelle, 1963, 99 p.

Gal'perin I. R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, Nauka, 1981, 139 p.

Gindin S. I. Ritorika i problemy struktury teksta [Rhetoric and problems of text structure]. In: *Obshchaya ritorika* [General rhetoric]. Blagoveshchensk, 1998, pp. 355–366.

Golodnov A. V. Argumentativnaya struktura ritoricheskogo (persuazivnogo) teksta [Argumentative structure of rhetorical (persuasive) text]. *ISLU Philological Review*. 2010, no. 1 (9), pp. 109–114.

Golyshkina L. A. Ritorika dekodirovaniya: teoretiko-metodologicheskoe obosnovanie nauchnogo napravleniya [Rhetoric of decoding: theoretical and methodological substantiation of the scientific direction]. *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*. 2020, no. 5, pp. 9–24. DOI 10.24224/2227-1295-2020-5-9-24

Il'enko S. G. Predlozhenie v tekstovom aspekte [The sentence in text aspect]. In: *Predlozhenie v tekstovom aspekte: Sb. st.* [The sentence in text aspect: coll. of art.]. Volgda, 1985, pp. 3–13.

Kibrik A. E. Kuda idet sovremennaya lingvistika [Where goes modern linguistics]. In: *Lingvistika na iskhode 20 veka: Tez. Mezhdunar. konf.* [Linguistics at the end of the 20th century: Theses of the Intern. Conf.]. Moscow, 1995, vol. 1, pp. 217–219.

Kopperschmidt J. *Allgemeine Rhetorik. Einfuehrung in die Theorie der Persuasiven Kommunikation*. Stuttgart, Berlin, Koeln, Mainz, Kohlhammer, 1976, 216 p.

Mel'chuk I. A. *Yazyk: ot smysla k tekstu* [Language: from meaning to text]. Moscow, LRC Publishing House, 2012, 176 p.

Moskal'skaya O. I. *Grammatika teksta* [Text grammar]. Moscow, Vyssh. shk., 1981, 183 p.

Nechaeva O. A. *Funktsional'no-smyslovyye tipy rechi (opisanie, povestvovanie, rassuzhdenie)* [Functional and meaning types of speech (description, narration, reasoning)]. Ulan-Ude, 1974, 261 p.

Rees M. A. van. Interpretatsiya i rekonstruktsiya argumentatsii [Interpretation and reconstruction of argumentation]. In: *Vazhneyshie kontseptsii teorii argumentatsii* [The most important concepts of the theory of argumentation]. St. Petersburg, Philological Faculty of SPbSU, 2006, pp. 198–238.

Sidorova M. Yu. Registrovaya tekhnika i ee vozmozhnosti [Register technology and its possibilities]. In: *Kommunikativno-smyslovyye parametry grammatiki i teksta: Sb. st., posvyashchennyy yubileyu G. A. Zolotovoy* [Communicative and semantic parameters of grammar and text: coll. of art. dedicated to the anniversary of G. A. Zolotova]. Moscow, Editorial URSS, 2016, pp. 487–497.

Tarasov E. F. K postroeniyu teorii rechevoy kommunikatsii [On the construction of the theory of speech communication]. In: *Teoreticheskie i prikladnye problemy rechevogo obshcheniya* [Theoretical and applied problems of speech communication]. Moscow, Librokom, 2009, pp. 15–147.

Yakobson R. Dva aspekta yazyka i dva tipa afaticheskikh narusheniy [Two aspects of language and two types of aphasic disorders]. In: *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow, 1990, pp. 110–132.

Zemskaya Yu. N., Kachesova I. Yu., Panchenko N. V., Chuvakin A. A. *Osnovy obshchey ritoriki* [Basics of general rhetoric]. Barnaul, Altai University Publ., 2000, 110 p.

Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow, Nauka, 1982, 368 p.

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, 2004, 544 p.

List of sources

Antonova I. A. *Muzey moey mechty: Otkrytaya lektsiya* [Museum of my dream: Open lecture]. 21.04.2014. URL: <http://openlecture.webflow.io/lectures/antonova> (accessed: 21.07.2019).

Brodskiy I. *Nobelevskaya lektsiya* [Nobel lecture]. The Nobel Foundation, 1987. URL: <http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt> (accessed: 20.07.2019).

Chernigovskaya T. V. *Kak nauchit' mozg uchit'sya?* [How to teach the brain to learn?]. 30.05.2015. URL: <http://otkrytoe-prostranstvo.ru/passed-lecture/tatyana-chernigovskaya-kak-nauchit-mozg-uchitsya/> (accessed: 24.07.2019).

Krongauz M. A. *Yazyk i kommunikatsiya: novyye tendentsii* [Language and communication: new trends]. 19.02.2009. URL: <http://polit.ru/article/2009/03/19/communication/> (accessed: 20.07.2019).

Protoierey Artemiy Vladimirov. *Ustnoe i pis'mennoe slovo v prosvetitel'skoy deyatel'nosti* [Oral and written word in educational activities.]. 20.01.2015. URL: <http://tv-soyuz.ru/peredachi/ustnoye-i-pismennoye-slovo-v-prosvetitelnoy-deyatelnosti> (accessed: 25.07.2019).

Putin V. V. *Vystuplenie na Myunkhenskoj konferentsii po voprosam politiki bezopasnosti* [Speech at the Munich conference on security policy]. 10.02.2007. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (accessed: 21.07.2019).

Putin V. V. *Vystuplenie na plenarnom zasedanii Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma* [Speech at the plenary session of the St. Petersburg international economic forum]. 07.06.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60707> (accessed: 21.07.2019).

Putin V. V. *Vystuplenie po sluchayu prazdnovaniya Dnya Voенno-Morskogo Flota* [Speech on the occasion of the celebration of Navy Day]. 28.07.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58131> (accessed: 20.07.2019).

Solzhenitsyn A. *Nobelevskaya leksiya po literature* [Nobel lecture on literature]. 1972. URL: http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/s_nobel.txt_with-big-pictures.html (accessed: 20.07.2019).

Svyateyshiy Patriarkh Aleksiy. *Rech' na zasedanii Popechitel'skogo Soveta po vosstanovleniyu Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya v khrame Khrista Spasitelya* [Speech at a meeting of the Board of Trustees for the restoration of the Transfiguration of Valaam Monastery in the Cathedral of Christ the Savior]. 30.05.2005. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/19432.html> (accessed: 22.07.2019).

Svyateyshiy Patriarkh Kirill. *Vystuplenie na otkrytii 14 Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora "Natsional'noe obrazovanie: formirovanie tselostnoy lichnosti i otvetstvennogo obshchestva"* [Speech at the opening of the 14th World Russian National Council "National education: the formation of a holistic personality and responsible society"]. 25.05.2010. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1166562.html> (accessed: 22.07.2019).

Сведения об авторе

Гольшикина Людмила Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии факультета гуманитарного образования, декан факультета повышения квалификации Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия)

Ludmila200273@mail.ru

ORCID 0000-0003-1016-6103

Information about the author

Ludmila A. Golyshkina – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology, Faculty of Humanities, Dean of the Faculty of Advanced Studies at the Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation)

Ludmila200273@mail.ru

ORCID 0000-0003-1016-6103

**ДОБРО, ЗЛО, ПРАВДА, ЛОЖЬ в русской, украинской,
британской и американской лингвокультурах:
опыт психолингвистического эксперимента**

А. П. Чудинов¹, Н. А. Сергиенко², В. М. Глушак³

¹ *Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия*

² *Сургутский государственный университет
Сургут, Россия*

³ *Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Москва, Россия*

Аннотация

Представлены результаты психолингвистического эксперимента по выявлению общих характеристик и национально-культурных особенностей лингвокогнитивной категоризации и концептуализации лингвоментальных аксиологических сфер *ДОБРО, ЗЛО, ПРАВДА, ЛОЖЬ* в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах. В эксперименте приняли участие 830 респондентов обоих полов, разного социального статуса и уровня образования из России, Украины, Великобритании и США. Психолингвистический эксперимент выполнялся поэтапно: на подготовительном этапе были разработаны анкеты для их последующего заполнения, на следующем этапе проводилось аналитическое обобщение полученных ассоциативных реакций и формулировались выводы. Установлено, что лингвоментальные аксиологические сферы *ДОБРО, ЗЛО, ПРАВДА, ЛОЖЬ* в структуре лингвоментальной сферы *ЧЕЛОВЕК* носят универсальный характер в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах, при этом определенные отличия лингвокогнитивной категоризации и концептуализации связаны с особенностями культурного, исторического, социально-экономического развития, политического устройства разных стран. Этим объясняются незначительные отличия в языковом представлении внешнего мира носителями русской, украинской, британской и американской лингвокультур.

Ключевые слова

лингвокогнитивная категоризация и концептуализация, *ДОБРО, ЗЛО, ПРАВДА, ЛОЖЬ*, психолингвистический эксперимент, лингвокультура

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00465

Для цитирования

Чудинов А. П., Сергиенко Н. А., Глушак В. М. *ДОБРО, ЗЛО, ПРАВДА, ЛОЖЬ* в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах: опыт психолингвистического эксперимента // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 297–311. DOI 10.17223/18137083/75/21

***GOOD, EVIL, TRUTH, LIE* in Russian, Ukrainian, British, and American linguo-cultures: results of a psycholinguistic experiment**

A. P. Chudinov¹, N. A. Sergienko², V. M. Glushak³

¹ *Ural State Pedagogical University
Ekaterinburg, Russian Federation*

² *Surgut State University
Surgut, Russian Federation*

³ *Moscow State Institute of International Relations
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The paper presents the results of a psycholinguistic experiment aimed to identify the general characteristics and national-cultural characteristics of linguo-cognitive categorization and conceptualization of the linguistic axiological spheres *GOOD, EVIL, TRUTH, LIE* in Russian, Ukrainian, British, and American linguistic cultures. A total of 830 respondents of both genders, different social status, and education levels from Russia, Ukraine, Great Britain, and the USA participated in the experiment. The psycholinguistic experiment involved the following stages: setting the goal and objectives of the experiment, determining the timing of its implementation, formulating the expected results, compiling the task, interviewing the respondents, and analyzing the results, with tasks, deadlines, and expected results specified for each stage. At the preparatory stage, the questionnaires were developed in Russian, Ukrainian, and English to be completed by the respondents. At the next stage, the associative reactions obtained were processed, and conclusions were formulated. The linguistic axiological spheres of *GOOD, EVIL, TRUTH, LIE* in the structure of the linguistic sphere of *MAN* were found to be universal in Russian, Ukrainian, British, and American linguistic cultures, with specific differences in linguo-cognitive categorization and conceptualization being associated with the cultural, historical, socio-economic development, the political structure of different countries. This fact explains the slight differences in the language representation of the outside world by the representatives of Russian, Ukrainian, British, and American linguo-cultures.

Keywords

linguo-cognitive categorization and conceptualization, *GOOD, EVIL, TRUTH, LIE*, psycholinguistic experiment, linguo-culture

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR, project number 19-012-00465

For citation

Chudinov A. P., Sergienko N. A., Glushak V. M. *GOOD, EVIL, TRUTH, LIE* in Russian, Ukrainian, British, and American linguo-cultures: results of a psycholinguistic experiment. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 297–311. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/21

Введение

Одна из актуальных задач современной когнитивной лингвистики заключается в изучении особенностей лингвокогнитивной категоризации и концептуализации лингвоментальной антропосферы, под которой следует понимать «многомерную и многоуровневую лингвокогнитивную сущность, в которой отражены ментальные и психические процессы сознания человека, его философские взгляды и установки, концептуальные и информационные структуры, отражающие его профес-

сиональные знания и социальный опыт, оценки, чувства, эмоции, национально-культурные традиции и история, индивидуальная и коллективная память, личный и общенациональный лексикон, персональные, этнонациональные и конвенциональные представления о научной и наивной картине мире» [Сергиенко, 2019, с. 6].

Цель данной статьи заключается в описании результатов проведенного нами психолингвистического эксперимента, задача которого состояла в выявлении общих закономерностей и национальных особенностей лингвокогнитивной категоризации и концептуализации лингвоментальных аксиологических субсфер *ДОБРО, ЗЛО, ПРАВДА, ЛОЖЬ* в структуре общей лингвоментальной сферы *ЧЕЛОВЕК* в наивных языковых картинах мира представителей русской, украинской, британской и американской лингвокультур.

1. Ценности как объект лингвокогнитивного и лингвокультурологического анализа

Ценность в самом общем плане можно определить как нечто значимое вообще либо в положительном, либо в отрицательном аспекте. Ценности несут субъективно-объективный характер, однако выступают как единство объективного и субъективного, духовного и материального, личностного и общечеловеческого (см. [Арутюнова, 2004; Вешинский, 2005; Вольф, 2009; Земскова, 2006; Ивин, 2006; Карасик, 2004; Морозова, 2008; Никитин, 2000; Сергеева, 2003] и др.).

Система ценностей и отношений к ним определяет общественное развитие на основе активизации фактора человека. Будучи инструментом межличностного взаимодействия, они выступают тем посредником, который связывает поведение индивида с социальными потребностями и интересами его жизнедеятельности. Ценности выполняют сложные и разносторонние регулятивные функции по отношению к обществу и личности. Вопрос ценностей – это извечная проблема, которая существует с того времени, как появился человек, и сегодня к ней обращаются многие отечественные и зарубежные исследователи (см., например, работы С. Ш. Авалиани, Е. Р. Боринштейна, Т. В. Бутковской, Л. Г. Викуловой, Е. М. Вольф, А. А. Кавалерова, В. И. Карасика, Ю. М. Малиновича, Е. Н. Причепия, С. Л. Сахно, Л. А. Сергеевой, Е. Ф. Серебрянниковой и др.).

В современной науке существуют различные подходы к определению сущности ценностей. С одной стороны, очевидно взаимоотношение ценностей и объектов внешнего мира, с другой стороны, зависимость ценностей от объективной реальности не является очевидной, и ее сложно выявить как опытным путем, так и путем логических рассуждений. Иначе говоря, ценности преимущественно не обладают реальностью и субъективностью [Дробницкий, 1967, с. 305–306]. Существует другое мнение: «ценности... происходят от человека, в противном случае они не были бы таковыми и являлись бы частью объективной реальности» [Searle, 1976, с. 175]. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, ценности приписываются «миру как ему присущие» и вместе с тем находятся «словно вне него» [Арутюнова, 1999, с. 131]. Такой промежуточный статус ценностей дает основания думать, что с учетом своей природы они созданы для исполнения различных функций человеческой жизнедеятельности: координационной (между человеком и миром объектов), дидактической, регулирующей и направляющей [Арутюнова, 1988 с. 60; Маслова, 2001, с. 50].

Важность аксиологических изысканий для культурологически ориентированной лингвистики является бесспорным. Ценности функционируют как базовые

принципы культуры, «определяя отношения человека с социумом, окружающим миром и самим собой» [Сахно, 1991, с. 97]. Особенность любой лингвокультуры определяется определенным составом ценностей данного общества. Ценностная направленность «пронизывает ткань повседневной коммуникативной практики», встраиваясь «в тот или иной индивидуальный или коллективный образ жизни». Делая возможной «тождественность действующих субъектов», ценности, концентрируясь, «образовывают исторические и биографические узлы ценностных ориентаций», в то время как «групповая и индивидуальная тождественность выражается в них настолько, что они образуют интегральную составную часть той или иной культуры или личности» [Хабермас, 2000, с. 170, 268–269].

К разряду культурных ценностей причисляются такие феномены человеческого бытия, как обычаи, стереотипы, нормы поведения, оценки, идеалы. С их учетом строятся определенные правила поведения человека в социуме. Следовательно, по большей части ценности обусловлены идеологией, институтами, верованиями и потребностями социума. В то же время отторжение ценностей и противоречащих им действий осуждается общественным мнением [Стернин, 2000, с. 108].

Весь инвентарь культурных ценностей выстроен определенным образом в нашем сознании, образуя доминанты и периферию, при этом каждая лингвокультура обладает специфическим набором, что определяет основные черты этой культуры, ее особенности и оказывает влияние на поведение человека и его деятельность [Kluckhohn, Strodtbeck, 1961].

Говоря о системе ценностей в лингвокультурологическом аспекте, следует отметить, что не может быть единой, похожей во всех деталях иерархии духовных ценностей для всех людей, которые говорят на определенном языке [Караулов, 1987, с. 36].

Можно говорить о доминирующих ценностных ориентирах, которые, в свою очередь, определяются «национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией» [Там же, с. 37]. В то же время в каждом сообществе имеются ценности, которые независимо от национальной принадлежности апеллируют к истине, добру, состраданию, красоте, взаимопомощи, справедливости и т. п.

Сказанное позволяет считать, что ценностная картина мира является составной частью более обширной языковой картины мира. Ценностные ориентации лингвокультурного сообщества манифестируются в оценочных высказываниях, и в них наиболее ярко выражена национальная специфика социума, к которому принадлежат носители соответствующего языка [Трипольская, 1999, с. 13–14], так как ценности – это тот фундамент, на котором основывается национальная культура [Стернин, 2000, с. 108]. Ценностный фундамент аксиологической системы строится, в свою очередь, на принципах, реализуемых в основных социальных нормах и правилах [Касьянова, 2003, с. 398, 416–417].

Мы считаем, что оценка как семантическое понятие, под которым понимают ценностный аспект значения языковых выражений, вероятно, является универсальной категорией, поскольку едва ли существует хотя бы один язык, в котором не было бы представления о «хорошем – плохом». Однако в способах выражения оценочных значений языки проявляют специфичность. Особенности в языках объясняются не столько собственно семантическими расхождениями, сколько размытым характером шкалы оценочных обозначений и размытостью оценочных стереотипов [Вольф, 2009, с. 9–10].

Таким образом, на данном этапе развития науки концепты, отражающие ценностные ориентиры, по-прежнему остаются объектом исследования философии, логики, культурологии, социологии, психологии и других наук. Однако наиболее плодотворным оказывается применение аксиологического подхода в лингвокультурологии, одной из задач которой является изучение способов отображения ценностной картины мира в языке. В результате лингвокультурологического анализа можно получить информацию о том, каким образом ценности той или иной лингвокультуры объективируются в языке.

2. Методика проведения экспериментального исследования

Психолингвистический эксперимент проводился согласно разработанному нами плану, который включал следующие этапы: подготовительный, непосредственно экспериментальный и аналитико-обобщающий. Для каждого из этих этапов были определены задачи, сроки выполнения, ожидаемые результаты. Так, на подготовительном этапе эксперимента были сформулированы его цель и задачи, обеспечивающие ее достижение, разработаны анкеты для участников на русском, украинском и английском языках. В процессе непосредственно экспериментального этапа респонденты заполняли предложенные им анкеты. В ходе аналитико-обобщающего этапа мы обрабатывали полученные данные, заносили их в соответствующие таблицы, формулировали выводы.

Анкетирование проводилось на условиях анонимности. Единственным ограничением для респондентов для участия в нашем психолингвистическом эксперименте был возраст – не менее 18 лет. Считается, что к этому возрасту в основном завершается формирование языковой способности личности [Горошко, 2001, с. 28], при этом, по мнению исследователей, языковая способность личности, ее комбинаторные возможности, как правило, остаются неизменными на протяжении всей жизни [Там же]. Какие-либо другие ограничения (например, по полу, уровню и профилю образования, социальному статусу и материальному положению, вероисповеданию и проч.) отсутствовали.

Разработанные нами анкеты были подготовлены в печатном и электронном виде и отправлены в различные высшие учебные заведения России, Украины, Великобритании и США, а также размещены на наших персональных страницах в социальных сетях и разнообразных тематических группах. Респонденты имели возможность заполнить анкеты в печатном виде и отослать их нам по почте или их сканированные версии по электронной почте, а также, в качестве альтернативы, заполнить электронные анкеты и отправить их на адрес нашей электронной почты.

Для анализа результатов анкетирования нами были отобраны только те анкеты, в которых респонденты дали ответы более чем на 50 % вопросов. Это было сделано по причине того, что собственно экспериментальный этап исследования проходил без непосредственного участия экспериментатора: мы не могли знать причины того, почему наши респонденты не смогли (не захотели) отвечать на большую часть вопросов, заданных в анкете (было ли это следствием невнимательности, недостатка времени, отсутствия желания, затруднения в предоставлении ответов и т. д.). Учет подобных анкет в эксперименте мог бы существенным образом сказаться на достоверности полученных данных и их статистической значимости.

Всего в нашем экспериментальном исследовании приняло участие 830 человек, из них 272 представителя русской лингвокультуры, 216 – украинской, 168 – британской, 174 – американской.

Анализ анкет проводился с помощью компьютерных средств обработки данных, включая использование автоматического расчета критерия Пирсона χ^2 (критерия согласия Хи-квадрат) с целью подтверждения наличия или отсутствия статистически значимых различий особенностей категоризации и концептуализации лингвоментальных сфер *ДОБРО*, *ЗЛО*, *ПРАВДА*, *ЛОЖЬ* между представителями близкородственных и неблизкородственных лингвокультур.

В качестве основных методов исследования были выбраны *свободный ассоциативный эксперимент* и *метод рефлексивного анализа концептов*: респонденты исследуемых лингвокультур должны были указать, какие ассоциации вызывают у них слова «добро», «зло», «правда», «ложь» (их лексические эквиваленты в украинском и английском языках), объяснить, что, по их мнению, является добром, злом, правдой, ложью, перечислить качества хороших и плохих людей, назвать известных (публичных) людей, которых они считают хорошими и плохими, и объяснить свою точку зрения.

Отметим, что необходимость рефлексии носителя языка для выявления многих концептуальных признаков различных лингвоментальных сфер признается многими ведущими когнитивными лингвистами. Так, например, З. Д. Попова и И. А. Стернин подчеркивают, что «в содержание концепта входят не только актуально осознаваемые и используемые в общении смысловые компоненты, связанные со словом, но и признаки, которые отражают общую информационную базу человека, его энциклопедические знания о предмете или явлении, они могут и не обнаруживаться в его речи и не осознаваться немедленно при предъявлении соответствующего слова, но являются достоянием личного или коллективного опыта» [Попова, Стернин, 2007, с. 69]. Комбинация свободного ассоциативного эксперимента и метода рефлексивного анализа концептов представлена в психолингвистических исследованиях Е. В. Дзюбы, А. Д. Палкина, Т. Ю. Передриенко и Е. С. Баландиной, В. А. Пищальниковой, Е. А. Попковой и В. Д. Попкова и др.

3. Результаты экспериментального исследования

Ответы участников нашего психолингвистического эксперимента на вопрос анкеты «Какие ассоциации вызывают у вас следующие слова: добро, зло, правда, ложь?» представлены в таблице.

Видно, что *добро* у представителей всех четырех изучаемых нами лингвокультур оценивается положительно и ассоциируется с позитивными понятиями доброты, милосердия, блага, добродетели. Несмотря на очевидное семантическое сходство ассоциаций *добра* в наивных языковых картинах мира представителей русской, украинской, британской и американской лингвокультур, нельзя не обратить внимание и на некоторые лингвокультурологические отличия в лингвокогнитивной концептуализации данной универсально-аксиологической субсферы.

Согласно результатам, представленным в таблице, для 7,72 % русских *добро* ассоциируется с *помощью*, что, скорее всего, обусловлено исторической традицией русского народа жить в мире со своими родственниками, друзьями, соседями, оказывая друг другу помощь и приходя друг другу на выручку.

Для каждого десятого украинца *добро* ассоциируется с *Богом*, что является следствием многовекового развития религиозной традиции украинского народа, особенно в западных и центральных областях Украины. Справедливости ради

отметим, что данная ассоциация (*добро* – это *Бог*) присутствует и в ответах носителей русской, британской и американской лингвокультур практически в таком же количественном воплощении, однако она не вошла в тройку основных в данных лингвокультурах.

Ассоциации со словами *добро, зло, правда, ложь*
по данным психолингвистического эксперимента у носителей русской,
украинской, британской и американской лингвокультур
Associations to the words *good, evil, truth, lie* collected from the Russian, Ukrainian,
British English, and American English speakers
in a psycholinguistic experiment

Русская лингвокультура	Украинская лингвокультура	Британская лингвокультура	Американская лингвокультура
<i>Добро</i> (укр. <i>добро</i> , англ. <i>good, goodness</i>)			
хорошо (нечто хорошее) 61,03 %	доброта 62,04 %	kindness 49,40 %	kindness 51,15 %
благо 24,63 %	милосердя 19,91 %	graciousness 21,43 %	honesty 19,54 %
помощь 7,72 %	Бог 11,11 %	selflessness 8,93 %	virtue 12,64 %
<i>Зло</i> (укр. <i>зло</i> , англ. <i>evil</i>)			
плохо 58,82 %	погане 56,48 %	cruelty 44,64 %	dishonesty 43,10 %
ярость 22,05 %	байдужість 18,52 %	badness 17,86 %	Satan / Devil 25,29 %
безразличие 11,40 %	неправда 10,65 %	heinous 10,71 %	wickedness 15,52 %
<i>Правда</i> (укр. <i>правда</i> , англ. <i>truth</i>)			
честность 48,53 %	чесність 44,44 %	honesty 45,24 %	honesty 47,70 %
справедливость 23,16 %	справедливість 20,83 %	genuineness 20,24 %	authenticity 20,69 %
истина 12,13 %	сміливість 10,19 %	good 13,10 %	uprightness 13,22 %
<i>Ложь</i> (укр. <i>неправда</i> , англ. <i>lie</i>)			
обман 49,26 %	брехня 41,20 %	dishonesty 38,69 %	dishonesty 41,38 %
неправда 29,41 %	зло 33,33 %	deceit 22,02 %	falsehood 20,11 %
подлость 8,46 %	ворог 11,57 %	untrustworthy 14,29 %	deception 13,79 %

Для довольно большого количества американцев (19,54 %) *добро* ассоциируется с *честностью* (*honesty*), а для 8,93 % британцев – с *бескорытием* (*selflessness*). Разумеется, данные ответы являются ярким свидетельством особенностей

британского и американского менталитета, в котором *добро* воспринимается как моральное качество человека, характеризующее его положительные нравственные ценности. Об этом чуть подробнее будет сказано в ходе дальнейшего анализа результатов нашего экспериментального исследования.

Представленные в таблице данные свидетельствуют о том, что *зло* также является универсальной категорией в языковом сознании представителей родственных и неродственных лингвокультур, ассоциирующейся с чем-то негативным, плохим, отвратительным: неправдой, нечестностью, безразличием, безнравственностью. Некоторые лингвокультурологические особенности лингвокогнитивной категоризации и концептуализации данной аксиологической субсферы в изучаемых нами наивных языковых картинах мира выражаются не столько в качественном (семантическом) отношении, сколько в количественной репрезентации ассоциаций.

Из представленных в таблице данных видно, что носители британской лингвокультуры ассоциируют *зло* в первую очередь с *жестокостью* (*cruelty*) – 44,64 % всех ответов. Данная ассоциация в других лингвокультурах представлена менее выражено (5–7 %). В русском языковом сознании *зло* часто ассоциируется с *яростью* (22,05 % ответов респондентов), в то время как эта же ассоциация не входит в пятерку первых у носителей украинской, британской и американской лингвокультур. Для многих украинцев (18,52 %) *зло* ассоциируется с *безразличием* (*байдужістю*). Для сравнения: такую же ассоциацию мы находим в анкетах носителей русского языка, но только в 11,40 % случаев, а среди респондентов англоязычных лингвокультур она встречается еще реже – менее 8 % анкет. Практически каждый четвертый американец, участвовавший в нашем психолингвистическом эксперименте, связывает *зло* с *дьяволом* (*Satan / Devil*). Подобная ассоциация *зла* у представителей других изучаемых нами лингвокультур менее выражена (в среднем около 5 %).

Данные таблицы однозначно показывают, что почти половина всех участников эксперимента, вне зависимости от лингвокультур, носителями которых они являются, ассоциируют *правду* с *честностью* (укр. *чесність*, англ. *honesty*). Для многих представителей русской и украинской лингвокультур *правда* ассоциируется со *справедливостью* (23,16 и 20,83 % соответственно). В то же время более 20 % носителей английского языка ассоциируют *правду* с *истиной*, *подлинностью*, *достоверностью* (*genuineness, authenticity*).

Говоря об отличительных особенностях лингвокогнитивной категоризации и концептуализации *добра* в языковом сознании носителей изучаемых лингвокультур, представленных в таблице, следует обратить внимание на то, что данная субсфера у украинцев часто (10,19 %) ассоциируется со *смелостью* (*смiлівiстю*), а у американцев (13,22 %) – с *честностью* (*uprightness*).

В целом можно говорить об универсальности данной аксиологической субсферы в изучаемых лингвокультурах, семантические ассоциации которой в наивных языковых картинах мира русских, украинцев, британцев и американцев имеют тождественный характер.

Как видно из таблицы, основными ассоциациями *лжи* в наивных языковых картинах мира являются семантические синонимы: русс. *обман, неправда*, укр. *брехня*, англ. *dishonesty, deceit, deception, falsehood*. У 8,46 % русских *ложь* ассоциируется с *подлостью*, а у 14,29 % британцев она вызывает ассоциацию *недоверия* (*untrustworthy*).

Результаты, систематизированные в таблице, убеждают в том, что довольно большое количество респондентов – носителей украинской лингвокультуры

(11,57 %) ассоциирует *ложь* с *врагом (ворогом)*. Можно предположить, что здесь имеет место так называемая историческая (лингвокультурологическая) память народа. Не секрет, что за все время своего существования Украина как государство и украинцы как народ неоднократно становились разменной монетой в закулисных договоренностях между их более сильными в политическом, экономическом и военном отношении соседями, в результате чего часто теряли свой суверенитет и территории. Надеясь на помощь со стороны влиятельных и могущественных государств, украинцы часто сталкивались с предательством и обманом с их стороны. Скорее всего, именно поэтому для многих украинцев *ложь* до сих пор ассоциируется с образом *врага*.

Тем не менее, полученные данные в целом свидетельствуют о том, что эта аксиологическая субсфера в изучаемых нами наивных языковых картинах мира имеет универсальный характер и ярко выраженную схожесть лингвокогнитивных ассоциаций по родственным и неродственным лингвокультурам.

На вопросы нашей анкеты «Что такое, на Ваш взгляд, добро (зло, правда, ложь)?» мы получили от респондентов разнообразные ответы, которые сгруппированы далее отдельно по каждой универсально-аксиологической субсфере и по каждой изучаемой нами лингвокультуре.

Так, респонденты определяют *добро* следующим образом:

- в русской лингвокультуре: *добрые поступки* – 65,07 %; *приносить пользу (радость) другим* – 45,59 %; *бескорыстие (альтруизм)* – 26,47 %; *человеколюбие* – 12,50 %; *уважение к другим людям, любовь* – 8,09 %;
- в украинской лингвокультуре: *корисні справи* – 63,43 %; *людяність* – 52,31 %; *допомога іншим* – 31,48 %;
- в британской лингвокультуре: *virtue* – 68,45 %; *kindness* – 44,05 %; *generosity* – 36,90 %; *helpfulness* – 30,36 %;
- в американской лингвокультуре: *bringing happiness to others* – 64,02 %; *decency* – 38,51 %; *virtue* – 22,99 %; *kindness* – 17,82 %.

Участники нашего психолингвистического эксперимента определяют *зло* следующим образом:

- в русской лингвокультуре: *умышленное нанесение вреда другим людям* – 59,56 %; *недобрые поступки* – 48,16 %; *ненависть* – 30,51 %;
- в украинской лингвокультуре: *шкода іншим людям* – 77,78 %; *недобра поведінка* – 40,28 %; *ненависть* – 33,33 %;
- в британской лингвокультуре: *doing something bad* – 63,10 %; *pitilessness* – 41,07 %; *injustice* – 22,02 %; *harmfulness* – 17,86 %;
- в американской лингвокультуре: *lack of honesty* – 66,67 %; *maliciousness* – 47,70 %; *selfishness* – 37,93 %; *uncaring* – 20,11 %.

Респонденты изучаемых нами лингвокультур определяют *правду* следующим образом:

- в русской лингвокультуре: *честность* – 67,65 %; *истина* – 49,26 %; *прямолинейность* – 27,57 %; *собственные убеждения* – 10,29 %;
- в украинской лингвокультуре: *істина* – 75,46 %; *неупереджене твердження* – 52,78 %; *чесність* – 40,28 %;
- в британской лингвокультуре: *correctness* – 70,83 %; *fact* – 45,24 %; *honesty* – 40,48 %; *integrity* – 17,26 %;
- в американской лингвокультуре: *legitimacy and correctness* – 73,56 %; *directness* – 46,55 %; *honesty* – 39,08 %.

Определение *лжи* выглядит следующим образом:

- в русской лингвокультуре: *неправда (искажение правды)* – 77,21 %; *откровенное вранье* – 58,82 %; *подлость* – 30,51 %;
- в украинской лингвокультуре: *спотворена істина* – 61,57 %; *відверта брехня* – 53,24 %; *нечесність* – 39,35 %;
- в британской лингвокультуре: *not saying truth* – 75,00 %; *deliberate attempt to contradict what is true* – 48,81 %; *incorrectness* – 21,43 %; *something misleading or wrong* – 15,48 %;
- в американской лингвокультуре: *dishonesty* – 68,39 %; *falsehood* – 50,57 %; *fabrication* – 22,99 %; *hiding (perverting) truth* – 16,67 %.

Представленные данные позволяют говорить о том, что русские, украинцы, британцы и американцы в целом одинаково определяют такие понятия, как *добро*, *зло*, *правда*, *ложь*, причем схожесть определений в изучаемых нами наивных языковых картинах мира проявляется как в семантическом (качественном), так и в репрезентативном (количественном) плане.

В следующих вопросах нашей анкеты мы просили участников психолингвистического эксперимента перечислить качества, характерные, на их взгляд, для хорошего и плохого человека.

Носители русской лингвокультуры выделили следующие качества *хорошего человека*: *доброта* (80,15 %), *порядочность* (65,44 %), *честность* (49,26 %), *преданность* (41,91 %), *ответственность* (30,88 %), *трудолюбие* (22,06 %), *щедрость* (16,18 %), *смелость* (9,93 %).

Характерными чертами *плохого человека*, по мнению носителей русской лингвокультуры, являются *зависть* (63,24 %), *высокомерие* (45,59 %), *лицемерие* (34,93 %), *злость* (30,88 %), *алчность* (26,47 %), *подлость* (16,91 %), *лень* (11,03 %).

Представители украинской лингвокультуры считают, что *хорошему человеку* присущи такие качества, как *чесність* (60,19 %), *доброта* (56,48 %), *справедливість* (43,52 %), *відповідальність* (34,72 %), *ввічливість* (23,15 %), *чуйність* (19,44 %), *розумність* (15,74 %).

По мнению украинцев, *плохой человек* характеризуется тем, что он *нечесний* (67,13 %), *злий* (60,65 %), *несправедливий* (52,31 %), *підлий* (46,30 %), *жорстокий* (37,50 %), *тихатий* (23,15 %), *агресивний* (16,67 %).

Британцы определили качества *хорошего человека* следующим образом: *kindness* (69,64 %), *honesty* (56,55 %), *generosity* (47,62 %), *helpfulness* (42,86 %), *trustworthiness* (30,36 %), *readiness to defend justice* (24,40 %).

Для этих же участников эксперимента *плохой человек* выделяется следующими качествами: *deceitfulness* (74,40 %), *hatred* (59,52 %), *wickedness* (42,26 %), *selfishness* (36,90 %), *cruelty* (20,17 %).

Американцы считают, что *хороший человек* обладает такими качествами, как *kindness* (77,01 %), *truthfulness* (57,47 %), *honesty* (51,72 %), *loyalty* (44,83 %), *sincerity* (39,08 %), *concern and support for other people* (22,99 %).

В то же время носители американской лингвокультуры полагают, что у *плохого человека* проявляются такие качества, как *lack of love or caring* (74,14 %), *aggressiveness* (52,87 %), *cruelty* (43,68 %), *indifference* (39,66 %), *greediness* (24,71 %), *egoism* (20,69 %).

Очевидно, что нечестность является ярко выраженным качеством плохого человека для носителей украинской, британской и американской лингвокультур. Представители этих же лингвокультур практически солидарны и в отношении

ненависти как одного из проявлений плохого человека. Жестокость как негативное качество человека является релевантной для украинцев и американцев (более 50 и около 45 % ответов соответственно), в то время как представители русской и британской лингвокультур проявляют, если можно так выразиться, чуть большую толерантность по отношению к жестокости как безусловному негативному качеству плохого человека (диапазон ответов от 10 до 20 % соответственно).

Заключение

Результаты проведенного нами психолингвистического эксперимента позволяют сделать вывод об универсальности особенностей лингвокогнитивной категоризации и концептуализации аксиологических субсфер *ДОБРО*, *ЗЛО*, *ПРАВДА*, *ЛОЖЬ* в структуре лингвоментальной сферы *ЧЕЛОВЕК* в наивных языковых картинах мира представителей русской, украинской, британской и американской лингвокультур.

Так, например, *добро* у представителей всех четырех изучаемых нами лингвокультур оценивается положительно и ассоциируется с позитивными понятиями доброты, милосердия, блага, добродетели. Данные психолингвистического эксперимента свидетельствуют о том, что *зло* также является универсальной категорией в языковом сознании представителей родственных и неродственных лингвокультур, ассоциирующейся с чем-то негативным, плохим, отвратительным: неправдой, нечестностью, безразличием, безнравственностью.

Эмпирические данные показали, что почти половина всех участников эксперимента вне зависимости от лингвокультуры, носителями которой они являются, ассоциируют *правду* с *честностью* (укр. *чесність*, англ. *honesty*), а основными ассоциациями *лжи* в наивных языковых картинах мира являются семантические синонимы: русс. *обман*, *неправда*, укр. *брехня*, англ. *dishonesty*, *deceit*, *deception*, *falsehood*.

Русские, украинцы, британцы и американцы практически одинаково определяют такие понятия, как *добро*, *зло*, *правда*, *ложь*, причем схожесть определений в изучаемых нами наивных языковых картинах мира проявляется как в семантическом (качественном), так и в репрезентативном (количественном) плане.

Доброта как важнейшее качество хорошего человека стоит на первом месте у носителей русской, британской и американской лингвокультур, принимавших участие в нашем эксперименте, и на втором месте у украинцев, которые отдают предпочтение честности как наиболее приоритетному качеству хорошего человека.

Нечестность является ярко выраженным качеством плохого человека для носителей украинской, британской и американской лингвокультур. Представители этих же лингвокультур практически солидарны и в отношении ненависти как одного из ярких проявлений плохого человека.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что объективный мир разных народов, разумеется, отличается, поскольку отображается реальностью по-разному в силу особенностей культурно-исторического и социально-экономического развития, политического устройства и т. д., и именно этим объясняются незначительные отличия в языковом представлении внешнего мира разными национальными языками. В сознании носителей языка *добро* и *зло*, *правда* и *ложь* возникают как универсальные и вместе с тем уникальные аксиологические явления, которые могут предоставить существенную информацию о национальной специфике и менталитете русских, украинцев, британцев и американцев.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 388 с.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Арутюнова Н. Д.* Истина. Добро. Красота: взаимодействие концептов // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 5–29.
- Вешинский Ю. Г.* Аксиология культурного пространства-времени (в границах постсоветского культурного пространства) // Мир психологии. 2005. № 4. С. 226–235.
- Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М.: Либроком, 2009. 260 с.
- Горошко Е. И.* Языковое сознание (ассоциативная парадигма): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 287 с.
- Дробницкий О. Г.* Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. М.: Изд-во полит. лит., 1967. 351 с.
- Земскова Н. А.* Концепты «истина», «правда», «ложь» как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект: на материале русского и английского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 23 с.
- Ивин А. А.* Аксиология. М.: Высш. шк., 2006. 390 с.
- Карасик В. И.* Аксиологическая лингвистика: концепты и дискурс // Германистика в России. Традиции и перспективы. Новосибирск, 2004. С. 28–32.
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
- Касьянова К.* О русском национальном характере. Екатеринбург: Академический проект, 2003. 558 с.
- Маслова В. А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
- Морозова О. І.* Лінгвальні аспекти неправди як когнітивно-комунікативного утворення (на матеріалі сучасної англійської мови): Дис. ... д-ра філол. наук. Київ, 2008.
- Никитин М. В.* Заметки об оценке и оценочных значениях // Studia Linguistica (Когнитивно-прагматические и художественные функции языка). 2000. № 9. С. 12–22.
- Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.
- Сахно С. Л.* «Свое – чужое» в концептуальных структурах // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 95–101.
- Сергеева Л. А.* Проблемы оценочной семантики. М.: МГОУ, 2003. 136 с.
- Сергиенко Н. А.* Лингвоментальная сфера «человек» в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах: Монография. Сургут: ИЦ СурГУ, 2019. 187 с.
- Стернин И. А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 97–113.
- Трипольская Т. А.* Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. Новосибирск, 1999. 165 с.
- Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 377 с.

Kluckhohn F. R., Strodtbeck F. L. Variation in Value Orientations. Illinois: Row, Peterson and Company, 1961. 437 p.

Searle J. Speech acts. An essay in philosophy of language. Cambridge: At the University Press, 1976.

References

Arutyunova N. D. Istina. Dobro. Krasota: vzaimodeistvie kontseptov [Truth. Good. Beauty: interaction of concepts]. In: *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki estetiki: kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical analysis of language. Languages of aesthetics: conceptual fields of the beautiful and the ugly]. Moscow, Indrik, 2004, pp. 5–29.

Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka, sobytie, fakt* [Types of linguistic meanings. Evaluation, event, fact]. Moscow, Nauka, 1988, 388 p.

Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, LRC Publishing House, 1999, 896 p.

Drobnitskii O. G. *Mir ozhivshikh predmetov. Problema tsennosti i marksistskaya filosofiya* [The world of animate objects. The problem of the value and the Marxist philosophy]. Moscow, Izd. polit. lit., 1967, 351 p.

Goroshko Ye. I. *Yazykovoye soznaniye (assotsiativnaya paradigma)* [Linguistic Consciousness (associative paradigm)]. Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2001, 287 p.

Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie* [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg, Nauka, 2000.

Ivin A. A. *Aksiologiya* [Axiology]. Moscow, yssh. shk., 2006, 390 p.

Karasik V. I. Aksiologicheskaya lingvistika: kontsepty i diskurs [Axiological linguistics: concepts and discourse]. In: *Germanistika v Rossii. Traditsii i perspektivy* [German studies in Russia. Traditions and perspectives]. Novosibirsk, 2004, pp. 28–32.

Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Language Personality]. Moscow, Nauka, 1987, 261 p.

Kas'yanova K. *O russkom natsional'nom kharaktere* [On the Russian national character]. Ekaterinburg, Akademicheskii proekt, 2003, 558 p.

Kluckhohn F. R., Strodtbeck F. L. *Variation in value orientations*. Illinois, Row, Peterson and Company, 1961, 437 p.

Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Linguoculturology: Textbook for students of higher educational institutions]. Moscow, Akademiya, 2001, 208 p.

Morozova O. I. *Lingval'ni aspekti nepravdi yak kognitivno-komunikativnogo utvorennya (na materialy suchasnoï angliis'koï movi)*. [Linguistic aspects of untruth as a cognitive-communal assertion (on materials of the modern English language)]. Dr. philol. sci. diss. Kiev, 2008.

Nikitin M. V. Zаметki ob otsenke i otsenochnykh znacheniyakh [Notes on evaluation and evaluative meanings]. In: *Studia Linguistica: Kognitivno-pragmaticheskie i khudozhestvennye funktsii yazyka: Sb. statey* [Studia Linguistica: Kognitivno-pragmaticheskie i khudozhestvennye funktsii yazyka: Coll. of art.]. St. Petersburg, Trigon, 2000, iss. 9, pp. 12–22.

Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST, Vostok – Zapad, 2007, 314 p.

Sakhno S. L. “Svoe – chuzhoe” v kontseptual'nykh strukturakh [“The familiar - the alien” in conceptual structures]. In: *Logicheskii analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty* [Logical language analysis. Cultural concepts]. Moscow, Nauka, 1991, pp. 95–101.

Searle J. *Speech acts. An essay in philosophy of language*. Cambridge, Cambridge University Press, 1976.

Sergeeva L. A. *Problemy otsenochnoi semantiki* [Problems of semantics of evaluation]. Moscow, MSRU, 2003.

Sergienko N. A. *Lingvomental'naya sfera "chelovek" v russkoy, ukrainskoy, britanskoy i amerikanskoy lingvokul'turakh: Monografiya* [Linguistic sphere "man" in Russian, Ukrainian, British and American linguocultures: Monograph]. Surgut, SC SSU, 2019, 187 p.

Sternin I. A. Kommunikativnoe povedenie v strukture natsional'noi kul'tury [Communicative behavior in the structure of national culture]. In: *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya* [Ethnocultural Specificity of Linguistic Consciousness]. N. V. Ufimtseva (Ed.). Institute of Linguistics of the RAS, 2000, 2000, pp. 97–113.

Tripol'skaya T. A. *Emotivno-otsenochnyi diskurs: kognitivnyi i pragmaticeskii aspekty* [Emotional and evaluative discourse: cognitive and pragmatic aspects]. Novosibirsk, 1999, 165 p.

Veshninskii Yu. G. Aksiologiya kul'turnogo prostranstva-vremeni (v granitsakh postsovetskogo kul'turnogo prostranstva) [Axiology of cultural space-time (in the boundaries of post-Soviet cultural space)]. *Mir psikhologii*. 2005, no. 4, pp. 226–235.

Vol'f E. M. *Funktional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, Librokom, 2009, 260 p.

Zemskova N. A. *Kontsepty "istina", "pravda", "lozh'", kak faktory verbalizatsii deistvitel'nosti: kognitivno-pragmaticeskii aspekt* [The concepts "truth", "truth", "lie" as the factors of the reality verbalization: cognitive and pragmatic aspect: on the material of the Russian and the English languages]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Krasnodar, KSU Publ., 2006, 23 p.

Сведения об авторах

Чудинов Анатолий Прокопьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург, Россия)

ap_chudinov@mail.ru
ORCID 0000-0001-5436-5273

Сергиенко Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Сургутского государственного университета (Сургут, Россия)

nas_surgut@mail.ru
ORCID 0000-0001-6884-5315

Глушак Василий Михайлович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (университета) (Москва, Россия)

glushakvm@mail.ru
ORCID 0000-0002-0193-8071

Information about the authors

Anatoly P. Chudinov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language of the Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russian Federation)

ap_chudinov@mail.ru
ORCID 0000-0001-5436-5273

Natalia A. Sergienko – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages of the Surgut State University (Surgut, Russian Federation)

nas_surgut@mail.ru
ORCID 0000-0001-6884-5315

Vasiliy M. Glushak – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the German Language Department of the Moscow State Institute of International Relations (University) (Moscow, Russian Federation)

glushakvm@mail.ru
ORCID 0000-0002-0193-8071

УДК 81'23
DOI 10.17223/18137083/75/22

**Ассоциативная связь «война – победа»
в русском языковом сознании студентов и курсантов
(психолингвистический аспект)**

Р. А. Кафтанов

*Новосибирский военный институт
им. генерала армии И. К. Яковлева ВНГ РФ
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена исследованию ассоциативной связи «война – победа», представленной в различных русских ассоциативных базах данных. Исследование показывает, что ассоциативная связь «война – победа» имеет низкую степень актуальности в обыденном языковом сознании. Это явление носит универсальный характер (что подтверждают исследования американской, британской, французской и испанской ассоциативных баз данных) и не зависит от географического региона, поколения или национальности. Актуальность ассоциативной связи «война – победа» возрастает в языковом сознании военных, которые относят слово *победа* не к историческому событию, а к продукту профессиональной деятельности. Таким образом, профессиональная идентификация испытуемых влияет на семантические и статистические характеристики ассоциатов.

Ключевые слова

ассоциативное поле, ассоциативно-вербальная сеть, языковое сознание военных, русские ассоциативные базы данных и словари, война, победа

Для цитирования

Кафтанов Р. А. Ассоциативная связь «война – победа» в русском языковом сознании студентов и курсантов (психолингвистический аспект) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 312–324. DOI 10.17223/18137083/75/22

**Associative connection “war – victory”
in the Russian language consciousness of students
and military cadets (psycholinguistic aspect)**

R. A. Kaftanov

*Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I. K. Yakovlev
of Federal Guard Service of the Russian Federation
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper focuses on studying the associative connection “war – victory,” as represented in various Russian associative databases. The databases under examination include two all-Russian associative dictionaries of the end of the last century, two modern Russian regional associative bases combining verbal reactions of students who live in the European part

© Р. А. Кафтанов, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

of Russia and Siberia, respectively, and the sub-corpus of associations obtained in the psycholinguistic experiment with the military cadets of one of the Russian military academies. The study shows that the associative connection “war – victory” has a low degree of relevance in the ordinary linguistic consciousness. This phenomenon, also found in American, British, French, and Spanish associative databases, turns out to be universal and does not depend on geographical area, generation, or nationality. The most frequent reactions to stimulus “war” obtained from Russian civilian students in different years and different geographical regions may be grouped into approximately four semantic zones: the war as the opposite of peace, Lev Tolstoy’s novel “War and Peace,” death, the Great Patriotic war (1941–1945). The relevance of the associative connection “war – victory” is stronger in the linguistic consciousness of the military servicemen. The reactions to stimulus “war” in the military cadets’ associative base show that the cadets refer the word *war* not to a historical event but a professional activity, with *victory* being its product and desirable result. Thus, the professional identification of experiment subjects is found to affect the semantic and statistical characteristics of the associates.

Keywords

associative field, associative-verbal network, linguistic consciousness of the military, Russian associative databases and dictionaries, war, victory

For citation

Kaftanov R. A. Associative connection “war – victory” in the Russian language consciousness of students and military cadets (psycholinguistic aspect). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, p. 312–324. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/22

Недавно в нашей стране отмечалось 75-летие победы советского народа в Великой Отечественной войне. Эта юбилейная дата актуализировала в обществе размышления о празднуемом историческом событии, о его значении для жизни страны и человеческой цивилизации в целом. Государство продемонстрировало стойкую приверженность идеалам победы, несмотря на сложную эпидемиологическую ситуацию в стране и мире, а также на фоне участвовавших в разных концах мира попыток ревизии исторических событий, связанных со Второй мировой войной. Попытки некоторых западных политиков и публицистов «реанимировать право-консервативные или ревизионистские направления историографии, чтобы обосновать превентивный характер войны гитлеровской Германии против СССР» [Акаев, 2015, с. 71] и контрмеры, предпринимаемые политическим руководством России, вплоть до введения в конституцию поправки о защите исторической правды¹, – все это приобрело вид полномасштабной информационной межцивилизационной войны.

Немаловажно исследовать степень актуальности великой победы в языковом сознании рядового носителя русского языка, выявить смыслы, которыми обрастает это историческое событие, с каждым годом отдаляющееся от нас вглубь истории.

Великую Отечественную войну можно охарактеризовать как *место памяти*. Под этим термином Ю. Н. Караулов подразумевает «крупные явления национальной истории и культуры, известные большинству носителей данного языка и культуры» [Караулов, 1999, с. 154]. Защитникам исторической правды было бы немаловажно понять, насколько устойчиво в национальной культуре место памя-

¹ См. Новый текст Конституции с поправками 2020, Статья 67.1, пункт 3: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается».

ти, связанное с Великой Отечественной войной. Официальная поддержка идеалов победы, конечно же, способствует живучести исторических образов, но, как показали недавние исторические события (распад СССР, рост агрессивного национализма и др.), годами насаждаемые ценности могут в одночасье быть преданы забвению большими группами населения, а прежде преследуемые идеи расцвести буйным цветом.

Анализ мест памяти может оказаться полезным при формировании положительного имиджа вооруженных сил. Конечно, при этом необходимо прежде всего транслировать через средства массовой информации «новые представления об армии, ее военном потенциале и положительных сторонах службы в армии, что, вне всякого сомнения, повышает престиж военнослужащих, авторитет армии и вызывает у простого народа чувство патриотизма и гордости за отечество» [Калинин, 2018, с. 55]. Однако эти чувства могут быть многократно усилены при помощи исторических примеров великих побед.

Для выявления и исследования мест памяти психолингвистика предлагает свой инструментарий в виде ассоциативно-вербальной сети (далее по тексту – АВС), созданной на основе материала ассоциативного психолингвистического эксперимента. Данный тип эксперимента подробно описан в трудах зарубежных и российских исследователей [Залевская, 1971; 2011; Караулов, 1999; 2002; 2010; Anderson, Bower, 1973; Jenkins, 1970; Kiss, 1968; 1973; Marshall, Cofer, 1963; Nelson et al., 2000].

В динамической смысловой структуре АВС отражается психически актуальное словообразование, характерное для идентификационных этнических процессов [Шапошникова, 2015, с. 120–121]. Связи, которые образует слово *война* в АВС, могут раскрыть смыслы, которые в это слово вкладывают носители данного языка и культуры, выявить типичные образы, оценочные эпитеты, связанные с этим явлением в этническом языковом сознании.

Исследование смысловых связей слова *война* не теряет своей актуальности, поскольку «тема конфликтов, войн, противостояния всегда занимала важное место в сознании человека, и можно без преувеличения сказать, что история человечества в целом и история каждой отдельной цивилизации – это история войн. В связи с этим концепт “война” является универсальным и представляет собой важный компонент культурного знания, он включает в себе опыт познания этого сложного и неоднозначного феномена» [Потапчук, 2011, с. 48]. Универсальность концепта *ВОЙНА* подкрепляется исследованием В. Е. Крышталева, которая приходит к выводу, что «военная метафора является архетипичной для человеческого сознания, она имеет своим истоком животный мир и отражает естественную потребность людей в выражении агрессии» [Крышталева, 2019, с. 80].

Для психолингвистического исследования слова *война* мы использовали ряд ассоциативных баз, эталонных для анализа общерусского языкового сознания в синхронно-диахронном аспекте [Шапошникова, 2017]. Ассоциативные базы (САНРЯ, РАС, ЕВРАС, СИБАС) можно рассматривать как *студенческие*, поскольку участниками экспериментов выступали студенты различных, преимущественно гражданских вузов. Во всех этих ассоциативных базах слово *война* было использовано в качестве одного из стимулов.

Особый интерес представляет выявление смысловых связей исследуемого слова в сознании курсантов военных вузов – тех, для кого война является профессиональным делом. Такое исследование могло бы способствовать выявлению смысловых акцентуаций молодого поколения, которое формирует костяк воору-

женных сил, что рассматривается нами как актуальная задача, отвечающая потребностям общества.

Для исследования курсантов мы выбрали подкорпус военных ассоциаций СИБАС (ПВАС), созданный на материале психолингвистического ассоциативного эксперимента, проведенного в 2015 г. с курсантами одного из высших военных учебных заведений, расположенных в Сибири.

Поскольку целью эксперимента было построение модели профессиональной идентификации военного, в качестве одного из стимулов испытуемым курсантам было предложено слово *война*, как один из слотов фрейма профессиональной деятельности военного.

В использовании терминов *фрейм* и *слоты* проявляется междисциплинарный характер психолингвистики. Теория фреймов была разработана исследователем искусственного интеллекта М. Минским. Согласно этой теории, фрейм – это структура данных для представления стереотипной ситуации, которую человек извлекает из памяти, когда пытается познать новую для себя ситуацию или переосмыслить привычные вещи. При этом изменяются или конкретизируются отдельные элементы фрейма – слоты [Минский, 1979; Minsky, 1988, p. 245].

Неслучайно эту концепцию фреймов переняли психолингвисты. Как фрейм образно имеет вид сети, которая состоит из узлов и связей между ними, так и значение слова можно представить в виде структуры, состоящей из определенных связей [Красных, 2001, с. 39].

А. А. Леонтьев разработал концепцию деятельностного фрейма как характеристику события по определенному набору параметров, или слотов: субъект, потребность, объект, мотив, действие, цель, операция, орудие и др. [Леонтьев А. А., 1997, с. 9]. Основные слоты деятельностного фрейма соответствуют компонентам деятельности, выделенным А. Н. Леонтьевым [2001, с. 82–90].

Фрейм профессиональной деятельности военных, составленный нами на основе концепций А. Н. Леонтьева и А. А. Леонтьева, представлен в табл. 1. Война в этом фрейме рассматривается как определенным образом организованная совокупность действий; победа – как цель.

АВС, выявленная на эмпирическом материале ассоциативного эксперимента, структурно состоит из ассоциативных полей (далее по тексту – АП). Каждое АП формируется вокруг слова-стимула и всех слов-реакций, которыми ответили испытуемые на данный стимул. Анализ этого массива позволяет раскрыть устойчивые концентрации связей, образуемых словом-стимулом. В структуре АП можно выделить устойчивую часть или ядро (ассоциаты, многократно повторяющиеся в ходе эксперимента) и периферию (одиночные реакции).

В табл. 2 приведены основные характеристики АП ВОЙНА в САНРЯ, РАС, ЕВРАС, СИБАС и ПВАС. В табл. 3 даны самые устойчивые ассоциаты АП ВОЙНА в этих же источниках. В списках реакций цифра полужирного начертания после каждой реакции обозначает количество испытуемых, которые ответили на стимул ВОЙНА данным словом. Несколько разных реакций с одинаковым индексом частотности расположены в алфавитном порядке и отделяются друг от друга точкой с запятой.

При сравнительно-сопоставительном синхронно-диахронном анализе АП ВОЙНА в САНРЯ, РАС, ЕВРАС, СИБАС и ПВАС нами был выявлен ряд системных особенностей в плане семантики и интенсивности высокочастотных реакций.

Фрейм деятельности военного
The activity frame of a military serviceman

Таблица 1

Table 1

Имя слота	Значение слота
Субъект	Военный профессионал, он же языковая личность, носитель профессионального языкового сознания (офицер, солдат, курсант).
Объект	<ul style="list-style-type: none"> • Подчиненные (солдаты, подразделение); • Находящиеся под охраной и защитой (государство, правительство, народ, конкретный объект); • Противоборствующий субъект (враг, противник).
Орудия	Вооружение и оснащение.
Мотивы и цели	<ul style="list-style-type: none"> • На социальном уровне: свобода и независимость государства, победа над врагом; • На бытовом уровне: денежное довольствие, карьера.
Совокупности действий, направленные на достижение целей и реализацию мотивов	<ul style="list-style-type: none"> • Служба (в мирное время) – комплекс действий по обеспечению обороноспособности и национальной безопасности государства (учебно-боевая подготовка, поддержание готовности войск, охрана и т. д.); • Война (в военное время) – применение военной силы (наступление, оборона, разведка и т. д.).
Операции, осуществляемые в рамках деятельности	Конкретные действия (охранять, оборонять, наступать, вести огонь и т. д.).

Характеристики ассоциативного поля ВОЙНА

Таблица 2

Table 2

Specifications of the associative field WAR

	САНРЯ	РАС	ЕВРАС	СИБАС	ПВАС
Всего реакций	205	631	535	498	666
Различных реакций	82	211	160	159	222
Единичных реакций	57	146	105	116	150
Устойчивых реакций	148	485	430	382	516

Stable reactions of the associative field WAR

	Устойчивые ассоциаты (свыше 1 %)
САНРЯ	мир 56 ; ужас 11 ; Отечественная 9 ; страшная 7 ; не нужна; ужасная 6 ; жестокая; народная; разруха; разрушительная; смерть 4 ; горе; захватническая; кровь; ненужная; страшно 3
РАС	мир 92 ; миров 51 ; и мир 41 ; смерть 28 ; Отечественная 18 ; страшная 17 ; ужас 14 ; мировая 13 ; жестокая 12 ; горе; народная 9 ; кровь; страх 7
ЕВРАС	смерть 83 ; мир 62 ; миров 38 ; и мир 33 ; кровь 21 ; ужас 13 ; плохо 12 ; оружие 11 ; боль; зло 10 ; страх 9 ; мировая 8 ; жестокая; разруха; убийство 6
СИБАС	смерть 77 ; мир 53 ; миров 37 ; и мир 35 ; кровь 26 ; зло 15 ; страх 11 ; горе 10 ; боль; оружие; убийство 8 ; плохо 7 ; жестокая; ужас 6
ПАВАС	смерть 83 ; мир 65 ; миров 52 ; зло 30 ; и мир; плохо 23 ; победа 19 ; страх 14 ; мировая 12 ; скоро 8 ; кровь 7

1. В ассоциативных базах 2010-х гг. (ЕВРАС, СИБАС и ПАВАС) ассоциат *смерть* становится самым частотным, вместо ассоциата *мир*, который являлся преобладающим в САНРЯ и РАС.

2. В ассоциативных базах 2010-х гг. отсылки к Великой Отечественной войне приобретают более экстенсивный характер, т. е. проявляются чаще всего в виде единичных реакций или повторяющихся реакций с невысоким частотным показателем. Для сравнения: в САНРЯ и РАС прямое указание на исследуемое нами историческое событие входит в число самых частотных ассоциатов (*Отечественная*), демонстрируя интенсивный способ представления смыслов. Поскольку «измерение интенсивности показывает устойчивость выявленных <...> смысловых акцентов» [Шапошникова 2019, с. 165], можно констатировать общее ослабление укорененности образа Великой Отечественной войны в сознании испытуемых 2010-х гг. Возросшая экстенсивность прямых отсылок к данному историческому событию показывает «как специфическую укорененность смысловых акцентов в разнообразии связей, так и их недостаточную сформированность» [Там же, с. 167].

3. В ассоциативных базах 2010-х гг. снижается частотность эпитетов, характеризующих войну. Если в САНРЯ и РАС разнообразные оценочные эпитеты выражены высокочастотными ассоциатами (*страшная, ужасная, жестокая, разрушительная, ненужная*), то в СИБАС и ЕВРАС война преимущественно только *жестокая*, а среди ассоциатов ПАВАС с высоким индексом частотности вообще отсутствуют оценочные эпитеты.

4. В ассоциативных базах САНРЯ, РАС, ЕВРАС, СИБАС ассоциат *победа* находится на периферии АП ВОЙНА, тогда как в ПАВАС он обладает высокой частотностью (индекс частотности – 19).

Мы уже рассматривали первое из этих двух явлений – смену рангов реакций *мир* и *смерть* и ослабление интенсивности прямой отсылки к Великой Отечест-

венной войне – в [Кафтанов, 2019] и [Кафтанов, 2020] соответственно. Настала очередь проанализировать смысловую ассоциацию «война – победа» в языковом сознании российских студентов и курсантов.

АП слова-стимула объединяет в своем составе множество ответов группы испытуемых. При внимательном рассмотрении этого множества «мы обнаруживаем, что ответы (реакции) испытуемых тяготеют по своей семантике к определенным характеристикам стимула, группируясь естественным образом вокруг нескольких (как правило, частотных в статье) реакций-концептов» [Караулов, 2015, с. 19]. Таким образом, «в структуре АП можно выделить несколько зон, в которых концентрируются вербальные единицы, способные представлять (акцентировать) те или иные смыслы. Каждая из зон отражает, как правило, какую-то одну смысловую грань образа, стоящего за словом. Распределение ассоциатов по разным зонам может осуществляться на основе представленных ими смыслов» [Шапошникова, 2019, с. 164]. Исходя из этого принципа, мы выделили в АП ВОЙНА семантическую зону «Цель войны», представленную в табл. 4.

Семантическая зона «Цель войны»

Таблица 4

Semantic zone “Purpose of war”

Table 4

	САНРЯ	РАС	ЕВРАС	СИБАС	ПВАС
Ядро	–	победа 2	победа 2	жизнь; победа 2	победа 19 ; за свободу 3 ; до победы 2
	–	0,4 % ядра АП	0,5 % ядра АП	1 % ядра АП	4,7 % ядра АП
Периферия	освобождение	борьба за жизнь; жизнь; за независимость	День Победы; за жизнь; за мир	до победного конца; за жизнь; за независимость; отечество; родина; семья	за жизнь; за отечество; за родину; до конца; жизни; жизнь; независимость; свобода
		1,8 % периф. АП	2,9 % периф. АП	5,2 % периф. АП	5,3 % периф. АП
		0,5 % АП	0,8 % АП	0,9 % АП	2 % АП
		0,8 % АП	0,9 % АП	2 % АП	4,8 % АП

В исследуемых нами ассоциативных базах словоформы, указывающие на цели и смыслы войны, являются с точки зрения грамматики:

- именными словосочетаниями с предлогами *за* (*за жизнь; за отечество*) или *до* (*до победы; до конца*);
- существительными в именительном падеже (*победа; жизнь*).

В последнем случае для грамматикализации пары стимул-реакция необходимо изменить падеж либо стимула, либо реакции: *война до победы, победа в войне, цель войны – победа*.

Общий смысл всех вербальных единиц рассматриваемой семантической зоны АП ВОЙНА можно выразить примерно следующим образом: самая главная цель войны – *победа* над врагом – является условием достижения сопутствующих целей, выраженных словами: *жизнь, свобода, независимость* (отечества или родины).

Количественный анализ ассоциатов показывает, что ассоциативная пара «война – победа», по всей видимости, не является доминантной для обыденного сознания. Даже обзор высокочастотных реакций (см. табл. 3) показывает, что слово *война* в сознании испытуемых студентов вызывает чаще всего:

- антоним *мир*, как член универсальной дихотомии «война – мир»;
- отсылку к прецедентному тексту – произведению Л. Н. Толстого «Война и мир»;
- отрицательные эпитеты, связанные со смертью;
- отсылку к месту памяти – Великой Отечественной войне (характерно для САНРЯ и РАС).

Победа и другие цели войны довольно редко актуализируются в сознании испытуемых. Исследования ассоциативных баз ряда европейских языков – английского (Kiss et al., 1972; Nelson et al., 1999), испанского [Санчес Пуиг М. и др., 2001] и французского (DAF, 2008–2010) – свидетельствует в пользу универсальности этого явления: в иноязычных ассоциативных базах отсутствуют эквиваленты русским словам *победа, свобода, независимость* в АП, объединяющих реакции вокруг стимула, эквивалентного русскому слову *война*.

Для испытуемых ПВАС, наоборот, цель деятельности является более значимым аспектом, о чем свидетельствует довольно большое количество ассоциатов в семантической зоне «Цель войны» (4,8 % от общего количества реакций АП). Актуализация цели деятельности рассматривается нами как одно из ярких проявлений профессиональной идентификации.

В статье [Кафтанов, 2020] показано, что если гражданские испытуемые при слове *война* чаще всего вспоминали исторические события (в основном Великую Отечественную войну), то испытуемые курсанты чаще всего называли будущие конфликты с вероятным противником – преимущественно, государствами западной цивилизации. В ассоциатах ПВАС проявлялась профессиональная идентификация военных. Война будущего – это война, к которой они готовятся в своей повседневной деятельности.

Исходя из этого мы можем с уверенностью предполагать, что в курсантской ассоциативной базе *победа* – это не та историческая победа, о которой мы вспоминаем каждый год 9 мая и на которую прямо указал один из испытуемых ЕВРАС (одиночный ассоциат *День Победы*). Для курсантов *победа* – это цель деятельности, важный компонент деятельностного фрейма. Неслучайно ассоциаты, семантической зоны «Цели войны» составляют в АП ВОЙНА в ПВАС 4,8 % всех реакций поля, что намного превышает аналогичные показатели в других ассоциативных базах. При этом большинство «целевых» ассоциатов сосредоточено в ядре АП (в студенческих базах – на периферии). Если говорить конкретно о слове *победа*, то мы видим его среди высокочастотных ассоциатов ПВАС. Слово употреблено испытуемыми 19 раз, что составило приблизительно 2,85 % от всех ассоциа-

тов АП. Это довольно высокий показатель, учитывая, что в студенческих базах он меньше 1 %, а в САНРЯ вообще нет реакции *победа* на стимул *война*.

Можно сделать вывод, что в обыденном языковом сознании сохраняется память о Великой Отечественной войне, как крупном явлении национальной истории и культуры. Отсылка к победе в войне имеет место в единичных случаях, даже в словарях САНРЯ и РАС, где образ Великой Отечественной войны характеризовался более высокой интенсивностью, чем в последующие годы. Слабую степень актуализации победы можно объяснить тем, что для обыденного сознания, как показали данные ассоциативных баз русских и ряда европейских языков, нехарактерна ассоциативная пара «война – победа». По всей видимости, более глубокий след в народной памяти оставляет именно сама война, как долгий, напряженный и трагический период. На фоне многодневных тяжелых испытаний победа как явление позитивное, но моментальное, отходит на второй план. В сознании испытуемого в условиях ассоциативного эксперимента оно не успевает актуализироваться.

Наше исследование демонстрирует влияние профессиональной идентификации на семантический и количественный состав реакций, полученных в ходе ассоциативного эксперимента. Испытуемые курсанты видят в войне прежде всего свою профессиональную деятельность и самое ценное и важное в этой деятельности – ее продукт, завершение. Поэтому победа как цель деятельности обладает высокой степенью актуальности.

Список литературы

Акаев В. Х. Вторая мировая война в интерпретации западных и российских «исследователей»: попытки ревизии // Вестник Калм. ин-та гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 71–75.

Залевская А. А. Некоторые проблемы подготовки ассоциативного эксперимента и обработки его результатов // Экспериментальные исследования в области лексики и фонетики: Учен. зап. Калнин. гос. пед. ин-та. 1971. Т. 98, ч. 2. С. 3–62.

Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.

Калинин О. И. Метафорический образ НОАК в СМИ КНР // Политическая лингвистика, 2018. Вып. 6, № 72. С. 55–59.

Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.

Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь. М.: Астрель: АСТ, 2002. Т. 1. С. 749–782.

Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: ЛКИ, 2010. 328 с.

Караулов Ю. Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста // Вопросы психолингвистики. 2015. № 3 (25). С. 14–35.

Кафтанов Р. А. Динамика образа войны в русском языковом сознании (психолингвистический аспект) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 149–160.

Кафтанов Р. А. Война в русском языковом сознании студентов и курсантов (психолингвистический аспект) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 154–165.

- Красных В. В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М.: Гнозис, 2001. 270 с.
- Крышталева В. Е.* Милитарные метафоры в дискурсе президентов России и Франции в начале XXI века // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 77–90.
- Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
- Леонтьев А. Н.* Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.
- Минский М.* Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.
- Потапчук М. А.* Концепт «Война» в русском языке и культуре // Челябинский гуманитарий. 2011. Т. 4, № 17. С. 48–52.
- Санчес Пуиг М., Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А.* Ассоциативные нормы испанского и русского языков = Normas asociativas del español y del ruso / РАН. Отделение лит. и яз., Мадрид. гос. ун-т Комплутенсе. Москва; Мадрид, 2001. 496 с.
- Шапошникова И. В.* «Государственность большого стиля» и «государственный минимализм»: актуальные смыслы в структуре русского языкового сознания? // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2 (24). С. 120–133.
- Шапошникова И. В.* Мотивационная база реформы образования и профессиональная идентификация русской языковой личности // Вопросы психолингвистики. 2017. № 4 (34). С. 124–145.
- Шапошникова И. В.* Теория актуальна, пока она работает // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3 (41). С. 156–173.
- Anderson J. R., Bower G. H.* Human associative memory. Washington, DC: Winston & Sons, 1973. 524 p.
- Jenkins J.* The 1952 Minnesota word association norms // Norms of Word Association / Ed. by L. Postman, G. Keppel. New York; London: Academic Press, 1970. P. 1–38.
- Kiss G. R.* Words, Associations, and Networks // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1968. No. 7. P. 707–713.
- Kiss G. R.* Grammatical word classes: a learning process and its simulation // The Psychology of Learning and Motivation. 1973. Vol. 7. P. 1–41.
- Marshall G. R., Cofer Ch. N.* Associative indices as measures of word relatedness: a summary and comparison of ten methods // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1963. Vol. 1. P. 408–421.
- Minsky M.* The Society of Mind. New York: Simon & Schuster, 1988. 336 p.
- Nelson D. L., McEvoy C. L., Dennis S.* What is free association and what does it measure? // Memory & Cognition. 2000. No. 28 (6). P. 887–899.

Список источников

- ЕВРАС – *Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А.* Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (дата обращения 06.07.2020).
- ПВАС – Подкорпус ассоциаций военных / Сост. Р. А. Кафтанов, А. А. Романенко. URL: <http://adictu.nsu.ru> (дата обращения 06.07.2020).
- РАС – Русский ассоциативный словарь / Сост. Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М., 2002. Т. 1–2. URL: <http://tesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения 06.07.2020).
- САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. М.: МГУ, 1977. 192 с.

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2015) // Сост. И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения 06.07.2020).

DAF – Dictionnaire associative du français (2008–2010) / Сост. М. Дебрэнн, Н. В. Уфимцева, А. А. Романенко. URL: <http://dictaverf.nsu.ru/> (дата обращения 06.07.2020).

Kiss G., Armstrong C., Milroy R. The associative thesaurus of English. Edinburgh: Uni. of Edinb., MRC Speech and Communication Unit, 1972. URL: <http://rali.iro.umontreal.ca/rali/?q=en/Textual%20Resources/EAT> (дата обращения 06.07.2020).

Nelson D. L., McEvoy C. L., Schreiber T. A. Word Association, Rhyme and Fragment Norms. The University of South Florida, 1999. URL: <http://luna.cas.usf.edu/~nelson/> (дата обращения 06.07.2020).

References

Akaev V. Kh. Vtoraya mirovaya voyna v interpretatsii zapadnykh i rossiyskikh “isledovately”: popytkirevizii [The Second World War in the interpretation of the Western and Russian “researchers”: attempts of revision]. *Oriental Studies*. 2015, no. 2, pp. 71–75.

Anderson J. R., Bower G. H. *Human associative memory*. Washington, DC, Winston & Sons, 1973, 524 p.

Jenkins J. The 1952 Minnesota word association norms. In: *Norms of word association*. L. Postman, G. Keppel (Eds). New York, London, Academic Press, 1970, pp. 1–38.

Kaftanov R. A. Dinamika obraza voyny v russkom yazykovom soznanii (psikholingvisticheskiy aspekt) [Dynamics of the image of war in the Russian language consciousness (psycholinguistic aspect)]. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2019, vol. 17, no. 1, pp. 149–160.

Kaftanov R. A. Voyna v russkom yazykovom soznanii studentov i kursantov (psikholingvisticheskiy aspekt) [Wars in Russian language consciousness of students and military cadets (psycholinguistic aspect)]. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020, vol. 18, no. 3, pp. 154–165.

Kalinin O. I. Metaforicheskiy obraz NOAK v SMI KNR [Metaphorical image of Chinese People’s Liberation Army in Chinese mass media]. *Political Linguistics*. 2018, iss. 6, no. 72, pp. 55–59.

Karaulov Yu. N. *Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set'* [Active grammar and associative-verbal net]. Moscow, The V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, 1999, 180 p.

Karaulov Yu. N. Russkiy assotsiativnyy slovar' kak novyy lingvisticheskiy istochnik i instrument analiza yazykovoy sposobnosti [Russian associative dictionary as a new linguistic source and tool for analyzing language ability]. In Yu. N. Karaulov, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov, N. V. Ufimtseva, G. A. Cherkasova. *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian associative dictionary]. Moscow, Astrel', AST, 2002, vol. 1, pp. 749–782.

Karaulov Yu. N. *Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka* [Associative grammar of the Russian language]. Moscow, LKI, 2010, 328 p.

Karaulov Yu. N. Assotsiativnyy yanaliz: novyy podkhod k interpretatsii khudozhestvennogo teksta [Association analysis: the new approach to the literary text interpretation]. *Journal of Psycholinguistics*. 2015, no. 3 (25), pp. 14–35.

Kiss G. R. Words, associations, and networks. *Journal of verbal learning and verbal behavior*. 1968, no. 7, pp. 707–713.

Kiss G. R. Grammatical word classes: a learning process and its simulation. *The psychology of learning and motivation*. 1973, vol. 7, pp. 1–41.

Krasnykh V. V. *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii: Kurs lektsiy* [Fundamentals of psycholinguistics and communication theory: A course of lectures]. Moscow, Gnozis, 2001, 270 p.

Kryshchaleva V. E. Military metaphors in the discourse of the presidents of Russia and France in the beginning of the 21st century. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2019, vol. 17, no 2, pp. 77–90.

Leont'ev A. A. *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow, Smysl, 1997, 287 p.

Leont'ev A. N. *Lektsii po obshchey psikhologii* [Lectures on general psychology]. Moscow, Smysl, 2001, 511 p.

Marshall G. R., Cofer Ch. N. Associative indices as measures of word relatedness: a summary and comparison of methods. *Journal of verbal learning and verbal behavior*. 1963, vol. 1, pp. 408–421.

Minskiy M. *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for representing knowledge]. Moscow, Energiya, 1979, 151 p.

Minsky M. *The society of mind*. New York, Simon & Schuster, 1988, 336 p.

Nelson D. L., McEvoy C. L., Dennis S. What is free association and what does it measure? *Memory & Cognition*. 2000, no. 28 (6), pp. 887–899.

Potapchuk M. A. Kontsept “Voyna” v russkom yazyke i kul'ture [Concept “War” in the Russian language and culture]. *Chelyabinskiy gumanitarniy*. 2011, vol. 4, no. 17, pp. 48–52.

Sanches Puig M., Karaulov Yu. N., Cherkasova G. A. *Assotsiativnye normy ispanского i russkogo yazykov* [Associative norms of Spanish and Russian languages]. Moscow, RAS, Complutense University of Madrid, Department of Literature and Philology, Moscow, Madrid, 2001, 496 p.

Shaposhnikova I. V. “Gosudarstvennost' bol'shogo stilya” i “gosudarstvennyy minimalizm”: aktual'nye smysly v structure russkogo yazykovogo soznaniya? [“The statehood of great style” and “state minimalism”: actual meanings in the structure of Russian language consciousness?]. *Journal of Psycholinguistics*. 2015, no. 2 (24), pp. 120–133.

Shaposhnikova I. V. Motivatsionnaya baza reformy obrazovaniya i professional'naya identifikatsiya russkoy yazykovoy lichnosti [Motivational basis of the education reform and professional identification of the Russian language personality]. *Journal of Psycholinguistics*. 2017, no. 4 (34), p. 124–145.

Shaposhnikova I. V. Teoriya aktual'na, poka ona rabotaet [Theory is valid as long as it works]. *Journal of Psycholinguistics*. 2019, no. 3 (41), pp. 156–173.

Zalevskaya A. A. Nekotorye problem podgotovki assotsiativnogo eksperimenta i obrabotki ego rezul'tatov [Some problems of preparing an associative experiment and processing its results]. In: *Eksperimental'nye issledovaniya v oblasti leksiki i fonetiki: uchen. zap. Kalinin. gos. ped. in-ta* [Experimental research in the field of vocabulary and phonetics: scientific notes of the Kalinin State Pedagogical Institute]. 1971, vol. 98, pt. 2, pp. 3–62.

Zalevskaya A. A. *Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta: monografiya* [The meaning of the word through the prism of the experiment: monograph]. Tver', TSU, 2011, 240 p.

List of sources

Dictionnaire associative du français (2008–2010) [Associative dictionary of French language]. By M. Debrenn, N. V. Ufimtseva, A. A. Romanenko. URL: <http://dictaverf.nsu.ru/> (accessed: 06.07.2020).

Kiss G., Armstrong C., Milroy R. *The associative thesaurus of English*. Univ. of Edinburgh, MRC Speech and Communication Unit, 1972. URL: <http://rali.iro.umontreal.ca/rali/?q=en/Textual%20Resources/EAT> (accessed: 06.07.2020).

Nelson D. L., McEvoy C. L., Schreiber T. A. *Word association, rhyme and fragment norms*. The University of South Florida, 1999. URL: <http://luna.cas.usf.edu/~nelson/> (accessed: 06.07.2020).

Podkorpuz assotsiatsiy voennykh [Sub-corpus of associations of military servicemen]. R. A. Kaftanov, A. A. Romanenko (Comps). URL: <http://adictru.nsu.ru> (accessed: 06.07.2020).

Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannykh (2008 – 2015) [Russian regional associative database (2008–2015)]. By I. V. Shaposhnikova, A. A. Romanenko. URL: <http://adictru.nsu.ru> (accessed: 06.07.2020).

Russkiy assotsiativnyy slovar' [Russian associative dictionary]. Yu. N. Karaulov, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov, N. V. Ufimtseva, G. A. Cherkasova (Comps). Moscow, 2002, vol. 1–2. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed: 06.07.2020).

Slovar' assotsiativnykh norm russkogoyazyka [Dictionary of associative norms of the Russian language]. A. A. Leont'ev (Ed.). Moscow, Moscow State University, 1977, 192 p.

Ufimtseva N. V., Cherkasova G. A. *Russkiy regional'nyy assotsiativnyy slovar'-tezaurus EVRAS* [Russian regional associative dictionary-thesaurus EVRAS]. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (accessed: 06.07.2020).

Сведения об авторе

Кафтанов Роман Анатольевич – доцент кафедры перевода и переводоведения Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации» (Новосибирск, Россия)

rk76@ngs.ru

Information about the author

Roman A. Kaftanov – Assistant Professor, Department of Translation and Translation Studies, Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I. K. Yakovlev of Federal Guard Service of the Russian Federation (Novosibirsk, Russian Federation)

rk76@ngs.ru

Распознавание эмоций по характеристикам речевого сигнала (лингвистический, клинический, информационный аспекты)

Л. П. Прокофьева¹, И. Л. Пластун², Н. В. Филиппова¹
Л. Ю. Матвеева¹, Н. С. Пластун³

¹ *Саратовский государственный медицинский университет
им. В. И. Разумовского
Саратов, Россия*

² *Саратовский государственный технический университет
им. Ю. А. Гагарина
Саратов, Россия*

³ *Высшая школа экономики
Москва, Россия*

Аннотация

Представлен экспериментальный проект лингвистов, медиков, юристов, специалистов в области компьютерной безопасности по распознаванию эмоций в речи на базе основных характеристик речевого сигнала. Разработана компьютерная программа, проведена ее первичная апробация в социальной сети ВКонтакте. Собранные записи речевых фрагментов живой спонтанной непосредственно-опосредованной диалогической речи проанализированы на нескольких уровнях: в ходе комплексного лингвистического анализа выявлены лексико-семантические и просодические признаки эмоциональности, произведено сравнение с результатами работы программы, полученные данные систематизированы, сделаны выводы о ведущей роли просодики при выявлении скрытых типов эмоционального стресса. Обнаружены частотные совпадения числовых значений просодических элементов в речевых отрезках, демонстрирующих эмоции, не фиксируемые на лексико-семантическом уровне, предложена рабочая классификация внешних и внутренних способов проявления эмоциональности в живой речи.

Ключевые слова

эмоции, просодика, распознавание речи, эксперимент, компьютерная программа

Для цитирования

Прокофьева Л. П., Пластун И. Л., Филиппова Н. В., Матвеева Л. Ю., Пластун Н. С. Распознавание эмоций по характеристикам речевого сигнала (лингвистический, клинический, информационный аспекты) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 325–336. DOI 10.17223/18137083/75/23

Emotion recognition by speech signal characteristics (linguistic, clinical, informative aspects)

L. P. Prokofyeva¹, I. L. Plastun², N. V. Filippova¹
L. Yu. Matveeva¹, Na. S. Plastun³

¹ *Saratov State Medical University
Saratov, Russian Federation*

² *Saratov State Technical University
Saratov, Russian Federation*

³ *Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The paper presents an experimental project of linguists, medical professionals, lawyers, computer security specialists dealing with emotions discernment by basic speech signal characteristics. The software has been created, and its first testing has been carried out in the social network VKontakte. The collected recordings of speech fragments of live spontaneous proximate-intermediated dialogical speech were analyzed at several levels. First, a complex linguistic analysis revealed lexico-semantic and prosodic features of emotionality. Then, a comparison with the software results was carried out, and the data obtained were systematized. Also, conclusions on the leading role of prosody in revealing hidden types of emotional stress were made. Frequent agreements of digital meanings of prosodic elements in speech segments were found demonstrating emotions not fixed at the lexico-semantic level. Finally, the working formulation for external and internal ways of emotionality expression in the live speech was offered.

Keywords

emotions, prosodics, speech recognition, experiment, computer program

For citation

Prokofyeva L. P., Plastun I. L., Filippova N. V., Matveeva L. Yu., Plastun Na. S. Emotion recognition by speech signal characteristics (linguistic, clinical, informative aspects). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 325–336. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/23

Эмоции – важная часть нашего ежедневного общения. Это и отражение чувств по отношению к себе, и явная или скрытая демонстрация отношения к окружающим. По эмоциям идет опознание многих параметров внешнего мира, в том числе и идентификация в системе «свой / чужой», «истинный / ложный». В современной науке это одна из самых дискуссионных проблем, так как ее многоаспектность и многофакторность не дает возможности применять единый подход, единую методологию. Для приближения к ответу на вопрос о принципиальной возможности распознавания эмоций для прагматических целей необходимо как минимум объединение знаний из разных отраслей науки, создание инструмента и длительная проверка результатов, интерпретируемых методами разных наук. Настоящее исследование – начальный этап совместного долговременного проекта деятельности лингвистов, юристов, медиков и специалистов по компьютерной безопасности г. Саратова.

Хорошо известно, как эмоции влияют на физиологическое состояние человека: меняются такие жизненные показатели, как частота дыхания, тон голоса, темп речи, тембр, высота звука, особенности артикуляции. На уровне тела человеческие чувства отражает мимика, осанка, движения, позы и даже походка. Врачи-пси-

хиатры, клинические психологи, наркологи, как и представители любой другой медицинской специальности, настроенные на высокую комплаентность пациентов (т. е. приверженность лечению), лингвисты, занимающиеся юридической экспертизой речи, сотрудники сферы безопасности, медиа-, авто-, игровой индустрии, сотовые операторы – все они и многие другие профессионалы используют различные приемы, рутинные в их повседневной работе и частично автоматизированные инструментально, что позволяет в кратчайшие сроки решать поставленные задачи. Тем не менее, осознание тонкой грани между истинной и ложной информацией, считываемой как с помощью профессиональных навыков [Киселев, 2012], так и с помощью специальных программ [Yang, 2015], в настоящее время не дает возможности их полноценного использования и требует многоступенчатой верификации [Hopkins et al., 2005]. Так, например, авторы широко известной программы Praat (GNU General Public License), разработанной в 1991 г., бесплатной для использования, постоянно вносят дополнения и изменения на основе поступающих от пользователей замечаний и предложений. Применяется программный пакет в области профессионального фонетического анализа речи для самых разных целей, в том числе и экспертных [Матвеева, Прокофьева, 2016].

Разработка возможности автоматизированного исследования эмоций является ответом на реальную необходимость ускорения и усложнения информационных процессов во всех областях жизни. Распознавание эмоций применяется в различных программах, работающих на анализе физиологических показателей, мимики, телодвижений, голоса, хотя получение и анализ звука могут быть затруднены зашумленностью места, в котором производится запись (вокзалы, аэропорты, открытое пространство площадей, улиц и т. д.), при больших скоплениях людей получение четкого представления о жестах и телодвижениях человека, сопровождающих его речь, также затруднено.

Довольно часто юристы отсеивают предоставляемые на криминалистическую экспертизу фонограммы, содержащие излишне, по их мнению, эмоциональную речь. На наш взгляд, пригодность фонограммы для проведения исследования звукозаписей определяется задачами, поставленными перед экспертом [Там же]. Так, в случае установления дословного содержания разговора, зафиксированного на исследуемой звукозаписи, или установления пригодности фонограммы для идентификации человека по голосу и речи излишне эмоциональная речь не является препятствием для экспертного исследования. При проведении же идентификационного анализа голоса и речи диктора, который требует сопоставления речи, зафиксированной на исследуемой фонограмме, с речью, зафиксированной на фонограмме-образце, разница в эмоциональном, психофизиологическом состоянии говорящего может затруднить выявление части индивидуализирующих признаков фонетического, лексического и синтаксического уровней.

В современной психолингвистике активно обсуждается вопрос о возможностях измерения эмоций специальными методами, сочетающими данные разных наук – лингвистики и клинической психологии. Так, в нашей речи существуют универсальные маркеры эмоций, которые могут быть отмечены в устной и письменной речи, как в подготовленной, так и спонтанной, – эмоционально окрашенная лексика (оставляем за рамками статьи дискуссионный вопрос о широком и узком понимании термина). Однако рассмотрение спонтанной устной речи, реализующейся в реальном общении, показывает, что любая лексема может нести в себе яркую эмоциональную окраску. Темп речи, ее ритмическая организация, паузация, особенности логического ударения имеют большое выразительное зна-

чение и также отражают эмоции человека. Известно, например, что в актерских школах фраза *Кушать подано* используется для тренировок подачи разной информации, в том числе эмоциональной.

Испытываемые человеком эмоции в клинической психологии условно делятся на две большие группы: первичные и вторичные. Первичные эмоции, будучи основными, являются неотъемлемой частью нашей психики, согласно теоретической модели описания отношений между уровнем нейромедиаторов при возникновении эмоций, названной кубом Лёвхейма [Lövhelm, 2012], не зависят от условий, в которых они возникают. Это стыд, тоска, страх, гнев, отвращение, удивление, радость, возбуждение. Вторичные эмоции являются продуктом социального взаимодействия человека с обществом, мы испытываем их по отношению к кому-то или чему-то. Это чувство вины, зависти, облегчения и сходные с ними эмоции [Damasio, 1994].

Наиболее показательным является описание эмоций первой группы и их инструментальное измерение, однако уже существуют работы, отражающие опыт измерения таких вторичных эмоций, как уверенность, растерянность, разочарование и сочувствие: точкой отсчета эмоциональности, по мнению Л. В. Величковой, должны служить не лексемы, которые называют собой различные эмоциональные состояния, а речь в психолингвистическом аспекте, т. е. «процессы ее порождения и восприятия с позиций говорящего и слушающего, воспринимающего речевое сообщение субъекта» [Величкова, 2007, с. 22]. Рассматривая маркеры отрицательно эмоционально окрашенной речи, автор выделяет некоторые особенности, к числу которых относятся: «повышенная четкость артикуляционных движений, уменьшение ударных слогов, усиление признаков согласных фонем, «сужение» звучности гласных в ударных слогах важных по смыслу слов» [Там же, с. 27]. Кроме того, для русской экспрессивной речи характерно увеличение темпа произнесения как отдельных синтагм, так и высказывания в целом.

Приведенные признаки легко выделяются на слух, т. е. инструментальное измерение указанных параметров не является обязательным. Однако существуют критерии, определить которые с точностью путем применения только аудитивно-перцептивного метода невозможно. Измерение, описание и визуализация таких характеристик речевого потока, как высота, уровень вибрации, интенсивность, частота, требуют специального измерения и расшифровки.

Клиницисты выявили основные характеристики речи, релевантные для изучения медицинского аспекта эмоций: 1) звуковые (тембр, высота, интенсивность, интонация, темп, характер и длительность пауз, степень фонетической редукции, акцент и др.); 2) семантико-грамматические (выбор слов, правильность, текстовая организация и др.); 3) социально-биологические (возраст, пол, социальный статус, состояние речевого аппарата и др.) [Ганзин, 2012]. Сравнение содержания понимания некоторых звуковых характеристик речи в медицине и лингвистике обнаруживает значительные отличия: для врачей значимо совпадение / несовпадение наблюдаемого у конкретного пациента интонирования речи с клиническим описанием аффективных патологий (акцентные, мало модулированные, стереотипные, беспорядочно чередующиеся без связи с содержанием речи и т. п.). К сожалению, значимых результатов совместной работы медиков и филологов в литературе не обнаружено – исследование типов интонационных конструкций (ИК) на материале речи пациентов с патологиями только начинается. Перед программистами поставлена задача разработки программного модуля, позволяющего автоматически фиксировать изменения использованных в речи ИК.

Имеющиеся данные предоставляют гипотетическую возможность технологического моделирования процессов речепорождения с точки зрения продуцирования эмоций и прогнозирования способов их выражения в речи. Безусловно, глобальные задачи не могут быть решены созданием одной утилитарной программы. Но проверка гипотезы в различных условиях функционирования – от свободного общения в закрытых группах социальных сетей до школы, вуза, клиники (после получения разрешения этического комитета на проведение экспериментов в медицинском учреждении и Министерства просвещения для работы в учебных заведениях города и области) – позволила бы практически подтвердить или опровергнуть теоретические положения, а также оценить потенциал использования автоматизированных систем, в том числе, для целей лингвистической экспертизы.

Для решения поставленных задач была создана автоматизированная система определения психоэмоционального состояния человека по характеристикам речевого сигнала (2016–2018 гг.; подана документация на патент). Первичная задача – использование компьютерной программы при проведении фоноскопической лингвистической экспертизы – в процессе работы была расширена до определения психоэмоционального состояния человека в момент тестирования. Программа не является аналогом детектора лжи или подобных устройств, не отвечает на вопросы о правдивости / лживости ответов. Автор-программист – А. А. Захаров (аспирант; научный руководитель д-р физ.-мат. наук, проф. И. Л. Пластун, СГТУ им. Ю. А. Гагарина). Предполагаемая область применения – психология, юриспруденция, психолингвистика: анализ психологического типа и эмоционального состояния человека при приёме на работу, при возникновении конфликтных ситуаций, разрешаемых юридическим путём. Преимуществом предлагаемой системы оценки речи является существенное сокращение времени, а также возможность исключения субъективизма и влияния человеческого фактора при проведении экспертизы.

Система на основе анализа физических показателей звукового (голосового) сигнала и фонологического анализа речи (голоса) человека выделяет характерные признаки конкретных эмоций, а на их основе даёт оценку психологического типа и эмоционального состояния человека. На данный момент внесено 20 психотипов, которые оцениваются по 6 показателям: темп, мелодика, громкость, интонационная составляющая, паузы и модуляция голоса. Программное решение оценивает исключительно звуковые особенности речи, а не лексическую семантику. Внесены числовые параметры с речевыми характеристиками конкретных психических состояний человека, таких как астения, депрессия, агрессия, мания и др., в зависимости от симптомов проявлений эмоциональности в норме и патологии [Филиппова и др., 2016].

Автоматизированная система определения эмоционального состояния человека по характеристикам речевого сигнала представляет собой программный комплекс, работающий под ОС Windows 7 и выше при поддержке технологии .netframework 4.5 и наличии периферийных устройств: звуковой карты, звукозаписывающего устройства, микрофона.

Программа создана на основе двух методик: основная представляет собой систему экспертной оценки фонологических параметров устной речи по нескольким показателям, характерным для определённых психических состояний и преобразованных в конкретные физические характеристики речевого сигнала. Вторая методика является дополнительной и строится на основе четырехмерной сфериче-

ской модели эмоций, предложенной Е. Н. Соколовым [2001], и принципах кодирования информации в нервной системе; численная модель разработана А. В. Варгановым [2013]. В соответствии с ней все эмоции в речи можно разделить на основе нескольких параметров, или факторов, каждый из которых характеризуется определённым спектральным диапазоном. У каждого есть свои максимумы. Первый фактор охватывает достаточно широкий спектральный диапазон (от 500 до 3 000 Гц) и определяет эмоцию приятия в речи (чем больше вклад этого фактора, тем лучше оценивается объект высказывания). Второй фактор лежит в диапазоне от 1 000 до 1 750 Гц. Он говорит о степени информационной неопределённости – от полной уверенности до удивления и недоумения. Фактор 3 лежит в диапазоне от 150 до 3 500 Гц и характеризует степень эмоциональной привязанности к объекту, причём независимо от того, каков «знак» эмоции – резкое неприятие или горячая любовь. Последний фактор имеет диапазон от 600 до 1 500 Гц и соответствует характеру отвержения: активная (агрессия) или пассивная (страх, апатия) реакция. Сферическая модель позволяет выявить преобладающую эмоцию в речи говорящего, например радость, тревогу, задумчивость, напряжение, апатию или возбуждение.

Порядок работы с программой включает контактный и бесконтактный варианты, т. е. живую запись с микрофона, а также исследование аудиозаписи. Контактный вариант представляет собой диалог: интервьюер задает вопрос в свободной форме, тематика актуализируется для конкретного информанта (круг чтения, работа, общие принципы организации жизни, свободное время и т. п.). Категорически не рекомендуется задавать вопросы, прогнозируемо вызывающие эмоциональную реакцию. Интервьюируемый отвечает на вопрос в микрофон, программа ведет сбор фонетической информации в течение 10 секунд (минимальное время для анализа), затем выводит на экран результат [Пластун и др., 2018]. Первичная апробация проходила с привлечением посетителей выставки научно-технических достижений вузов Саратова, участников Всероссийской конференции «Математика и математическое моделирование» (Саров, 2018 г.). На данный момент погрешность выявления психологического состояния человека составляет около 5–10 %. Дальнейшие испытания позволят скорректировать этот показатель на основе статистических данных, а также доработать его за счет расширения базы знаний и уточнения характеристик речи. Все данные, получаемые в результате анализа, попадают под действие федерального закона «О персональных данных» (от 27.07.2006 № 152-ФЗ), т. е. не могут находиться в общем доступе, так же как амбулаторные карты и другая личная информация.

Для продолжения апробации разработан и осуществлен эксперимент по определению роли элементов просодической информации в неподготовленной живой речи при формировании эмоций говорящего, включающий следующие этапы: 1) сбор звуковых файлов спонтанной речи; 2) систематизация и статистический анализ материала с точки зрения возрастного и гендерного факторов; 3) создание скриптов каждого файла; 4) распределение на группы в зависимости от наличия / отсутствия лексических единиц с явно выраженной эмоциональностью, отраженной в пометах толкового словаря, лексико-семантический анализ вербального материала; 5) анализ каждой группы с помощью компьютерной программы с фиксацией преобладающей эмоции; 6) сравнение и сопоставление данных собственно лингвистического и автоматизированного анализа; 6) первичные выводы по возможностям использования программы и ее дальнейшей апробации.

Методом свободной выборки собрано 80 единиц записей речевых сообщений объемом от 10 секунд до 2 минут (общая длительность более 60 минут) из социальной сети ВКонтакте от 24 информантов разного пола (9 мужчин – 37,5 %, 15 женщин – 62,5 %) и возраста (от 15 до 22 лет). Тематика сообщений не имела значения. Все аудиофайлы собраны в публичных лентах нескольких закрытых групп абитуриентов и студентов вузов, по большей части Москвы и Саратова.

Из скриптов 80 сообщений только в 28 не обнаружена эмоциональность на уровне лексики (35 %), в 35 (44 %) присутствуют лексемы с ярко выраженной положительной или (чаще!) отрицательной семантикой. Это слова, маркируемые толковым словарем как *бран.*, *груб.*, *неодобр.*, *ирон.*, *шутл.*, *презр.*, а также имеющие стилистические пометы *разг.*, *прост.* (*олух*, *сволочь*, *уродский*, *общага* и т. д.). Инвективная лексика, чрезвычайно широко представленная в скриптах исследуемого материала, встречается одинаково как в речи мужчин, так и в речи женщин, но у девушек является явным маркером высокой степени эмоциональности (раздражение, злость, неудовольствие и т. п., часто сопровождается словами-маркерами эмоций *обидно*, *досада*, *печалька*), тогда как у юношей зачастую используется в качестве заполнителей пауз. Нельзя не отметить явную социальную однородность участников дискуссий, отмечаемую в записях, – «дети из благополучных семей» используют табуированную лексику единично, изолированно, она не является необходимой частью речи, а, скорее, знаком независимости. Эмоцию, выражаемую междометиями: *ooo*, *фу-фу*, *оххх*, *ёлы-палы*, *дык*, *кранты*, демонстрируют 17 скриптов (11 %). Большое количество непервообразных междометий, употребляемых в речи девушек в качестве эвфемизмов (*блин*), как и обратный процесс дисфемизации, использование вместо эмоционально нейтрального слова грубого (*копец* вместо *конец*), является сигналом общего эмоционально «приподнятого» уровня неформального общения.

Анализ с помощью компьютерной программы дал возможность выделить три группы речевых произведений, которые условно можно обозначить как эмоционально нейтральные, эмоционально маркированные (реже положительно, чаще отрицательно) и эмоционально неопределенные (в которых обнаружено значительное расхождение между вербальной и просодической информацией). В первой группе (15 %) основные показатели – темп, громкость, мелодичность, прерывистость, паузация, интонация – не выходят за пределы средних и демонстрируют состояние спокойствия с возможными модуляциями в виде слабого волнения и раздражительность при незначительном снижении темпа и повышении громкости. Лексико-сематический анализ скриптов записей позволяет выделить в трех фрагментах мужской речи отрицательные эмоции (инвективы, разговорные *выносить мозг*, *фу-фу-фу*, *oooo*, литературное *чудовищный*) в разговоре о текущих учебных буднях, тогда как просодически информативно только несущественное повышение громкости (до 61 дБ) и экспрессивная интонация. В целом речевые произведения оцениваются как эмоционально нейтральные. Речь данных информантов демонстрирует **внешнее** эмоциональное отношение к предмету речи, но истинные чувства при этом не затронуты: – *Блин, Наташ, ты не похожа на римское право, не выноси мне мозг, умоляю тебя, ради бога, у меня и так уже нихера там нет*; – *Я, как дурак, сейчас чё-то играл, думал: «блин, чё за песня, такая знакомая, такая классная», а потом вспомнил, что это моя песняoooo*; – *Фу-фу-фу. Как бы... Такая чудовищно уродская инкорпорация меня пугает. Зачем так делать? Пряма фу.*

Во второй группе (56 %) меняются основные показатели громкости и темпа, и программой на основании анализа физических показателей выявляются эмоции тревоги и раздражительности. При этом прямая связь между данными просодическими параметрами и наличием лексико-семантических связей с эмоциями обнаружилась в половине исследуемых фрагментов, в остальных случаях именно просодика определяла положительную или отрицательную оценку. Так, например, единственный случай нарушения мелодики в сочетании со значительным ускорением темпа речи до 156 с/мин, повышением громкости до 82 дБ, выраженной прерывистостью и экспрессивной интонацией позволил программе выявить у говорящего состояние «мании с преобладанием эмоции страха», повышенной тревожности: – *У меня, ха-ха, у меня истерика, ах-ха-ха-ха...* Пристальное внимание к аккаунту информанта и его активности в сети обнаружило реальные эмоциональные проблемы, связанные с последним годом школьного образования. Безусловно, это не является основанием для работы социального психолога, но может стать исходной точкой для продолжения исследований в данной социальной группе и создания прикладных методов коррекции тревожного состояния.

Третья группа (29 %) представила программный разброс в оценках выраженных эмоций от холодности и задумчивости (– *Я вот вышла, да, вот, ну, без десяти восемь. Е..ть, у меня бабки, короче, прям на лавках возле падика продают тина сметану, там, молоко, ряженку, все такое. Я вот подумала, без десяти восемь, давайте продавать ряженку!*) до обсессии с депрессией и раздражительности (– *Кто-нибудь, заберите меня из дома, б..ть, я сейчас разревусь, я умираю, не хочу здесь сидеть весь день...*) при нейтральности или, наоборот, яркой стилистической маркированности лексики (*пивасик, шампусик, параша, сдохну*). Этой вербальной активности противопоставлены частотные повторы слов, звуков при понижении темпа речи, прерывистости и нарушении мелодики речи: – *Пин, мы Тик-токи! – Короче, скажи, видитесь-не видитесь, нужны-не нужны. Вот.*

Объяснение этому находим в исследованиях врача-психиатра: «Порождение лингвистической и экстралингвистической информации связано с разными мозговыми структурами, и, следовательно, существуют обособленные мозговые механизмы кодирования двух видов речевой информации. В то же время существует сложная система взаимосвязей между ними. Этим объясняется возможность несоответствия вербальной и просодической семантики, причем для клиницистов последняя носит более достоверный характер» [Ганзин, 2011]. Довольно высокий процент неопределенности данной группы свидетельствует о недостаточной точности в установочных настройках программы, так как из предложенной психиатрами целостной системы изменений просодики речи в связи с симптоматикой (например, характер пауз – выдох, вдох, плач, глоточное сжатие, покашливание; характер звучания – дисфонемия, дизартрия, назализация звуков, интенсификация гласных; модальность речи – меньше эллипсисов, больше эпитетов, метафор, безличных предложений и мн. др.) не все поддается информатизации на данном этапе работы. Необходим поиск новых программных решений. Тем не менее при отсутствии клинической симптоматики исследование проявлений **внутренних** эмоций в речи говорящего продуктивно.

Общее количество сообщений от мужчин – 32, из них в 11 (34,3 %) программа обнаружила эмоциональную оценку. Общее количество сообщений от женщин – 48, из них эмоционально окрашенными программа маркировала 24 (50 %). Обнаружена общая тенденция превалирования способов проявления эмоциональности в женской речи с помощью повышения темпа и громкости, при этом у мужчин

обратный результат достигается с помощью снижения темпа речи при сохранении экспрессивности интонации. На данном исследовательском материале возрастной специфики отмечено не было. Необходимо продолжить работу, расширяя материал и углубляя интерпретационные способы обработки результатов.

Данный этап эксперимента продемонстрировал возможности автоматизированной системы распознавания эмоций в спонтанной речи молодежной социальной группы в сети ВКонтакте. Анализ вербального и невербального в речевых произведениях позволил выявить разные способы их взаимодействия.

- В группе, где лексические средства нейтральны, обнаружены две диаметрально противоположные тенденции: 1) прогнозируемое состояние спокойствия с вариантами в виде слабого волнения, раздражительности выражается с помощью незначительного ускорения или замедления темпа речи с одновременным увеличением пауз (*– Ээ. Условия: жизнь в центре, еда, возможно, немного, собака, Wi-Fi, вода... Ванна, душ, парковка... Эээ.Я*); 2) резкое депрессивное состояние с раздражительностью выражается понижением темпа речи и увеличением громкости, резким уменьшением количества модуляций (*– Что за вопросы? Сразу спрашивай, да и всё*).

- В группе, где экспрессивная лексика превалирует, обнаружено несколько тенденций: 1) состояние спокойствия с минимальными модуляциями в виде раздражительности, волнения выражается только экспрессивной интонацией, громкость, темп, мелодика не изменяются (*– Я, короче, пойду распечатаю и поставлю в рамку с черной ленточкой наши с тобой фотографии*); 2) состояние тревоги с раздражительностью или волнением сопровождается значительным ускорением темпа речи до 152 с/сек, умеренным повышением громкости до 70 дБ и появлением коротких пауз до 1 сек. (*– Я заплатил за месяц, а сейчас, после того как у меня эту параша поломалась, я должен ещё и платить за то, что я катаюсь, оставшийся месяц. Вообще классно*); 3) депрессия выражается незначительным понижением темпа речи до 70 с/мин и умеренным понижением громкости до 52 дБ, появлением пауз средней продолжительности до 2–4 сек. и мало модулированной интонацией (*Прости, пожалуйста, я сплю днями... целыми. И в контакт не захожу. Так что, похоже, завтра переносится на... завтра*). Во всех исследованных фрагментах в этой группе наблюдается нарушение мелодичности речи и акцентная интонация.

- В группе смешанного типа разброс оценок чрезвычайно велик – от холодности и задумчивости до мании и obsessions, но общим является отсутствие прямой связи между лексикой и просодикой. Систематизация показателей изменения темпа, громкости, паузации и мелодики дает возможность уточнения границ эмоциональных реакций. Одним из важных изменений показателей сильных внутренних эмоций является прерывистость речи, не отмеченная в других группах, причем она выделяется программой и при констатации задумчивости (*– Я вот вышла, да, вот, ну, без десяти восемь*), и при страхе (*– Аааа, почему, ааа?*). Также отмечена ведущая роль просодики при выявлении скрытых типов эмоционального стресса, что требует специальных исследований с использованием методов социальной психологии.

Таким образом, проведенное пилотное исследование показало необходимость объединения усилий психолингвистов, врачей, психологов и специалистов в области компьютерной безопасности для разработки и использования автоматизированных методов изучения эмоций в различных сферах человеческой деятельности.

Список литературы

- Вартанов А. В.* Антропоморфный метод распознавания эмоций в звучащей речи // Национальный психологический журнал. 2013. № 2 (10). С. 69–79.
- Величкова Л. В.* Психолингвистическая основа исследования эмоциональности звучащей речи // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5. С. 21–27.
- Ганзин И. В.* Клиническая лингвистика: комплексная диагностика речевого поведения при психических расстройствах. Симферополь: Феникс, 2011. 400 с.
- Ганзин И. В.* Основы психосоматики. Психобиосоциальная модель: Интегративное учеб. пособие. Симферополь: Доля, 2012. 184 с.
- Пластун И. Л., Захаров А. А., Еремин Н. А.* Автоматизированная система для определения психологического состояния человека по динамике речевого сигнала // Социально-гуманитарные технологии. 2018. № 1 (5). С. 74–78.
- Киселев В. В.* Автоматическое определение эмоций по речи // Образовательные технологии. 2012. № 3. С. 85–89.
- Матвеева Л. Ю., Прокофьева Л. П.* Звуковое отражение эмоций (инструментальные методы в фоноскопической экспертизе) // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, № 2. С. 152–155.
- Соколов Е. Н.* Сферическая модель интеллектуальных операций // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 3. С. 49–56.
- Филиппова Н. В., Барыльник Ю. Б., Антонова А. А., Деева М. А., Гусева М. А.* Роль психолингвистических методов в диагностике нарушений речевого и умственного развития у детей // Российский психиатрический журнал. 2016. № 5. С. 555–561.
- Damasio A. R.* *Descartes' error: Emotions, reason, and the human brain.* New York, NY, Putnam's Sons, 1994.
- Hopkins C. S., Ratley R. J., Benincasa D. S., Grieco J. J.* Evaluation of Voice Stress Analysis Technology // Proceedings of the 38th Annual Hawaii International Conference on System Sciences. Hawaii: IEEE, 2005. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/1385268> (дата обращения 22.05.2019).
- Lövheim H.* A new three-dimensional model for emotions and monoamine neurotransmitters // Med. Hypotheses. 2012. No. 78. P. 341–348.
- Yang N.* Algorithms for Affective and Ubiquitous Sensing Systems and for Protein Structure Prediction. New York, 2015. 186 p.

References

- Damasio A. R.* *Descartes' error: Emotions, reason, and the human brain.* New York, NY, Putnam's Sons, 1994.
- Filippova N. V., Baryl'nik Yu. B., Antonova A. A., Deeva M. A., Guseva M. A.* Rol' psikholingvisticheskikh metodov v diagnostike narusheniy rechevogo i umstvennogo razvitiya u detey [The role of psycholinguistic methods in the diagnosis of disorders of speech and mental development in children]. *Russian Journal of Psychiatry.* 2016, no. 5, pp. 555–561.
- Ganzin I. V.* *Klinicheskaya lingvistika: kompleksnaya diagnostika rechevogo povedeniya pri psikhicheskikh rasstroystvakh* [Clinical linguistics: complex diagnosis of speech behavior in mental disorders]. Simferopol', Feniks, 2011, 400 p.
- Ganzin I. V.* *Osnovy psikhosomatiki. Psikhobiosotsial'naya model': Integrativnoe ucheb. posobie* [Fundamentals of psychosomatics. Psychobiosocial model: an integrative textbook]. Simferopol', Dolya, 2012, 184 p.

Hopkins C. S., Ratley R. J., Benincasa D. S., Grieco J. J. Evaluation of voice stress analysis technology. In: *Proceedings of the 38th Annual Hawaii International Conference on System Sciences*. Hawai: IEEE, 2005. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/1385268> (accessed: 22.05.2019).

Kiselev V. V. Avtomaticheskoe opredelenie emotsiy po rechi [Automatic determination of emotions by speech]. *Obrazovatelnye Tekhnologii*. 2012, no. 3, pp. 85–89.

Lövheim H. A new three-dimensional model for emotions and monoamine neurotransmitters. *Med. Hypotheses*. 2012, no. 78, pp. 341–348.

Matveeva L. Yu., Prokof'eva L. P. Zvukovoe otrazhenie emotsiy (instrumental'nye metody v fonoskopicheskoy ekspertize) [Sound reflection of emotions (instrumental methods in phonoscopic expertise)]. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*. 2016, vol. 16, no. 2, pp. 152–155.

Plastun I. L., Zakharov A. A., Eremin N. A. Avtomatizirovannaya sistema dlya opredeleniya psikhologicheskogo sostoyaniya cheloveka po dinamike rechevogo signala [Automated system for determining the psychological state of a person by the dynamics of the speech signal]. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2018, no. 1 (5), pp. 74–78.

Sokolov E. N. Sfericheskaya model' intellektual'nykh operatsiy [Spherical model of intellectual operations]. *Psikhologicheskii Zhurnal*. 2001, vol. 22, no. 3, pp. 49–56.

Vartanov A. V. Antropomorfnyy metod raspoznavaniya emotsiy v zvuchashchey rechi [The anthropomorphic method of emotion recognition in audio speech]. *National Psychological Journal*. 2013, no. 2 (10), pp. 69–79.

Velichkova L. V. Psikholingvisticheskaya osnova issledovaniya emotsional'nosti zvuchashchey rechi [Psycholinguistic basis of research of emotionality of sounding speech]. *Journal of Psycholinguistics*. 2007, no. 5, pp. 21–27.

Yang N. *Algorithms for Affective and Ubiquitous Sensing Systems and for Protein Structure Prediction*. New York, 2015, 186 p.

Сведения об авторах

Прокофьева Лариса Петровна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского и латинского языков Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского Минздрава России (Саратов, Россия)

prokofievalp@mail.ru
ORCID 0000-0002-0700-4886
Researcher ID AAD-2905-2021

Пластун Инна Львовна – доктор физико-математических наук, доцент, профессор кафедры информационной безопасности автоматизированных систем Саратовского технического университета им. Ю. А. Гагарина (Саратов, Россия)

inna_pls@mail.ru
ORCID 0000-0002-1246-8896
Scopus ID 6602456618

Филиппова Наталья Валерьевна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры психиатрии, наркологии, психотерапии и клинической психологии Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского Минздрава России (Саратов, Россия)

natdoc@mail.ru

ORCID 0000-0002-3380-5935

Матвеева Любовь Юрьевна – аспирант кафедры русского и латинского языков Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского Минздрава России (Саратов, Россия)

lyu.matveeva91@yandex.ru

ORCID 0000-0003-2334-7376

Пластун Наталья Сергеевна – студент факультета гуманитарных наук Высшей школы экономики (Москва, Россия)

nsplastun_1@edu.hse.ru

ORCID 0000-0003-2741-5014

Information about the authors

Larisa P. Prokofyeva – Doctor of Philology, Docent, Head of the Russian and Latin Languages Department of the Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky (Saratov, Russian Federation)

prokofievalp@mail.ru

ORCID 0000-0002-0700-4886

Researcher ID AAD-2905-2021

Inna L. Plastun – Doctor of Physics and Mathematics, Docent, Professor of Informational Security of Computer Systems Department of the Saratov State Technical University named after Yu. A. Gagarin (Saratov, Russian Federation)

inna_pls@mail.ru

ORCID 0000-0002-1246-8896

Scopus ID 6602456618

Natalya V. Filippova – Candidate of Medicine, Docent of Psychiatry, Narcology, Psychotherapy and Clinical Psychology at the Department of the Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky (Saratov, Russian Federation)

natdoc@mail.ru

ORCID 0000-0002-3380-5935

Lubov Yu. Matveeva – Post-graduate Student at the Russian and Latin Languages Department of the Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky (Saratov, Russian Federation)

lyu.matveeva91@yandex.ru

ORCID 0000-0003-2334-7376

Natalya S. Plastun – Student of the Humanitarian Faculty of the Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

nsplastun_1@edu.hse.ru

ORCID 0000-0003-2741-5014

Рецензии

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/75/24

«Переходный текст» в русской книжной традиции

Рецензия на книгу:

Шунков А. В. Поэтика переходности. Исследования по литературной культуре России второй половины XVII – начала XVIII в. М.; СПб., 2020. 256 с.

Т. И. Ковалева

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В рецензируемой монографии А. В. Шункова проанализированы типологические признаки широкого круга сочинений разных жанров, написанных в переходный период русской духовной культуры от Средневековья к Новому времени. Эти сочинения занимают в основном периферийное положение в жанровой системе и демонстрируют соединение средневековой поэтики и зарождающейся новой эстетики. Большая их часть совмещает черты документа и литературного произведения. Сформулированная на основе рассмотренного материала концепция «переходного текста», позволяет расширить наблюдения предшествующих ученых, а также открывает новые перспективы дальнейших разысканий.

Ключевые слова

переходный период русской словесности, «переходный текст», поэтика переходности, беллетристика, эпистолярный, «чиновники», литература и документ

Для цитирования

Ковалева Т. И. «Переходный текст» в русской книжной традиции. Рецензия на книгу: Шунков А. В. Поэтика переходности. Исследования по литературной культуре России второй половины XVII – начала XVIII в. М.; СПб., 2020. 256 с. // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 337–342. DOI 10.17223/18137083/75/24

© Т. И. Ковалева, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

“The transition text” in Russian book tradition

A book review:

Shunkov A. V. Poetika perekhodnosti. Issledovaniya po literaturnoy kul'ture Rossii vtoroy poloviny 17 – nachala 18 v. [Poetics of the transition period. Studies in Russian literary culture of the second part of the 17th – the beginning of the 18th century]. Moscow, St. Petersburg, 2020, 256 p.

T. I. Kovaleva

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The monograph under review analyzes the typological features of a wide range of works created in the transition period of Russian spiritual culture from the Middle Ages to the Early Modern Times. These works take mainly a peripheral place in the genre system and demonstrate the combination of medieval poetics and the emerging new aesthetics. Most of them combine the features of a document and a literary work. The concept of “the transition text” formulated on the material studied allows expanding the observations of previous scholars and opening up new perspectives for further research.

Keywords

transition period of Russian literature, “the transition text”, poetics of the transition period, fiction, epistolary, “chinovnik”, literature and document

For citation

Kovaleva T. I. “The transition text” in Russian book tradition. A book review: Shunkov A. V. Poetika perekhodnosti. Issledovaniya po literaturnoy kul'ture Rossii vtoroy poloviny 17 – nachala 18 v. [Poetics of the transition period. Studies in Russian literary culture of the second part of the 17th – the beginning of the 18th century]. Moscow, St. Petersburg, 2020, 256 p. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 337–342. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/24

Монография А. В. Шункова посвящена изучению процесса перехода русской словесности от средневековых повествовательных традиций к литературе Нового времени, временные границы данного процесса, хотя они достаточно условны, – вторая половина XVII – первая треть XVIII в. Этот период в истории русской литературы и культуры имеет богатую традицию изучения (см., например, работы Д. С. Лихачева [1973], А. М. Панченко [1984], А. Н. Робинсона [1974], Е. К. Ромодановской [1994], Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского [1994], Л. И. Сазоновой [1991], А. Н. Ужанкова [2009], Л. А. Черной [1999] и др.). Безусловная ценность монографии А. В. Шункова в выбранном им исследовательском ракурсе, отличающемся от предшествующих, который определяется материалом книжных памятников, ранее широко не изучавшихся или рассматривавшихся в аспектах, не совпадающих с магистальной исследовательской линией рецензируемой работы. Так, источниковой базой монографии являются «Дневальные записки приказа Тайных дел» (1657–1675), образец обрядово-ритуального текста («текст-ритуал»); «Книга, глаголемая Урядник: новое уложение и устройство чина сокольничья пути» («Урядник сокольничья пути», 1656), сочинение Григория Котошихина

«О России в царствование Алексея Михайловича» (1666–1667), беллетристические повести второй половины XVII – начала XVIII в., а также эпистолярный и другие сочинения, написанные царем Алексеем Михайловичем и его окружением.

Все рассмотренные в монографии сочинения занимают в основном периферийное положение в жанровой системе и демонстрируют «соединение... средневековой поэтики и зарождающейся новой эстетики» (с. 19), причем большая их часть совмещает черты документа и литературатурного сочинения. Названные особенности позволяют А. В. Шункову типологически объединить разножанровый материал введенным им авторским определением «переходный текст».

Главный результат своего исследования автор видит в том, что рассматриваемый многожанровый материал «позволит охватить широкий круг культурных стратегий, обозначивших себя в переходный период русской литературы, что, в свою очередь, даст возможность представить целостную концепцию формирования особого варианта книжного текста, отражающего переходные процессы в русской словесности второй половины XVII – начала XVIII века» (с. 11).

Каждая глава монографии посвящена значимому аспекту поэтики «переходных» сочинений, наиболее ярко демонстрирующему изменения, происшедшие в рассматриваемый период.

В первой главе исследован процесс динамики традиционных сюжетов и мотивов. На материале сочинений царя Алексея Михайловича, «Сказания об Успении Богородицы» и «Повести о преставлении патриарха Иосифа», проанализированы мотивы успения / сна и преставления. Выявляя элементы беллетризации, а также драматизации сочинений, исследователь обращает внимание на то, что данные черты через несколько десятков лет будут развиты в драматургии. Так, св. Дмитрий Ростовский обратится к сюжету «Сказания об Успении Богородицы» для своей пьесы «Успенская драма (Комедия на Успение Богородицы)» (с. 49). К сожалению, в данной главе правильной оценке литературного статуса «Сказания» мешает терминологическая нечеткость. В монографии оно определяется как «новая редакция сказания», «царская редакция», «новый вариант известного текста» (с. 43), «новое произведение, непохожее на ранее созданные варианты» (с. 49). Данные определения следует воспринимать скорее как метафорический ряд, рождающийся, видимо, по причине того, что С. А. Белокуров в своей работе 1902 г., далекой от современной текстологии, называет рассматриваемый текст «особой редакцией сказания» [Белокуров, 1902, с. 15], «новой неизвестной доселе редакцией» [Там же, с. 23], имея в виду, что это все-таки оригинальный памятник, созданный на основе компиляции из слов апостола Иоанна Богослова и Иоанна архиепископа Солунского [Там же, с. 8]. Царь Алексей Михайлович, вносящий правку в компиляцию, выполнял роль автора-редактора. Данное замечание носит уточняющий характер и ни в коей мере не умаляет значения наблюдений автора монографии, впервые подвергнувшего «Сказание об Успении Богородицы» литературоведческому анализу.

Далее в первой главе на материале Посланий, также принадлежащих Алексею Михайловичу, и произведений беллетристики второй половины XVII – первой трети XVIII в., «Повести о Горе-Злочастии», «Гистории о Василии Кориотском» и «Гистории о храбром российском кавалере Александре», рассмотрена трансформация сюжета евангельской притчи о блудном сыне. Показано, что традиционный герой – «блудный сын» превращается в XVIII в. «в новый тип героя, нацеленного на покорение и обретение большого европейского пространства» (с. 92).

В отличие от героя сочинений XVII в., в которых, несмотря на новизну, явно стремление к сохранению средневековой традиции, герой XVIII в. возвращается в родной дом уже без покаяния (с. 91). Так, наблюдения А. В. Шункова обогащают имеющиеся в науке представления, о механизме создания новых текстов на основе средневековых литературных и культурно-исторических традиций (см. об этом, например: [Лотман, Успенский, 1994, с. 221]).

Во второй главе исследования на материале Посланий царя Алексея Михайловича, а также крупных памятников документальной письменности – это «Дневальные записки приказа Тайных дел», «О России в царствование Алексея Михайловича» Григория Котошихина, раскрывается новый аспект поэтики «переходного» книжного текста – осмысление события и героя автором эпохи перехода. Если в средневековой традиции события и явления соотносятся с библейскими прообразами (см. об этом, например: [Успенский, 2000, с. 5]), то в «Дневальных записках», воссоздающих события частной жизни царя Алексея Михайловича в течение 18 лет, представлены новые принципы ее изображения, ярко демонстрирующие изменение восприятия и оценки события в его временном ракурсе и наводящие на размышления о возможной сакрализации будней царя, трансляции сакрального в царский быт.

Также в данной главе важны наблюдения по поводу сочинения Григория Котошихина. Рассматривая этот памятник, автор выявляет формы присутствия беллетристических элементов в структуре документального текста, высвечивая одну из важных литературоведческих проблем – взаимодействия литературной и документальной традиции (см., например: [Ромодановская, 2011]). Кроме того, исследователь описывает особенности поэтики «переходного» памятника, которые получают развитие в литературе Нового времени. Так, сочинение Котошихина демонстрирует появившийся на Руси лишь в переходную эпоху тип книжника (писателя), который работает на заказ, получая денежное вознаграждение, при этом имея и собственные мотивы написания произведения: «Сделать русский мир более понятным для представителя европейской культуры...» (с. 143). Именно подобный тип «ангажированного» писателя в будущем, в Петровское время, станет распространенным. Анализируя сочинение Котошихина, А. В. Шунков впервые показал его литературное значение.

В третьей главе продолжено исследование эволюции документального жанра на примере «чиновников» – «текстов-ритуалов», содержащих описание светских и церковных обрядовых действий (свадебного чина, чина крещения, погребения и др.). Рассматривая литературные элементы в этих текстах, обладающие эмоциональным воздействием, имеющие торжественную стилистику, А. В. Шунков справедливо говорит об их драматургическом начале. Анализ чина посвящения начального сокольника (изложен в книге «Урядник сокольничья пути») позволяет исследователю продемонстрировать начало процесса перехода обряда в театральное зрелище уже в середине XVII в. Данный текст неразрывно существовал с обрядовым действием и неоднократно редактировался при участии самого царя Алексея Михайловича, привнесшего свое особое понимание мироустройства: в «Уряднике» выявлена семиотическая модель идеального универсума, во главе которого находится царь, получившая свое развитие позже, в пьесах 70-х гг. XVII в.

В качестве других важных проблем, рассмотренных в третьей главе, можно отметить влияние свадебного чина, послужившего основой книжных памятников разных жанров и разной степени «литературности» (например, рассмотренного

ранее в другом аспекте сочинения Григория Котошихина). Кроме того, осмысление церковно-обрядовых текстов в литературе Нового времени. Так, при сопоставлении «Чина погребения мирских человек» и оды Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского» в произведении XVIII в. выявлена преемственность традиции.

В монографии представлена целостная концепция проанализированного материала, показывающая, однако, что результат исследования, заявленный автором во вводной части работы, сформулирован достаточно широко. По сути, в монографии описаны типологические признаки конкретной группы книжных памятников, которая в перспективе может быть расширена, поскольку феномен «переходного текста», как нам видится, составляет гораздо большее количество сочинений. К ним можно отнести и беллетристические повести переходного времени (например, о Савве Грудцыне, Фроле Скобееве), и наследие писателей раннего старообрядчества (например, жития протопопа Аввакум и инока Елифания), и даже повести Смутного времени, написанные в 20-е – 30-е гг. XVII в. и др. Тем не менее благодаря работе А. В. Шункова впервые стало возможным говорить об особом «переходном тексте». Заданный в монографии ракурс исследования позволяет существенно расширить уже сформулированные предшествующими учеными историко-литературные положения, а также открывает новые, ранее не попадавшие в фокус науки.

Список литературы

Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902. С. 3–28.

Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1973. 254 с.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б. А. Избр. тр. М., 1994. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 219–253.

Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. 205 с.

Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. 404 с.

Ромодановская Е. К. Литературные предисловия к документам в Древней Руси // Документальные аспекты литературы. Новосибирск, 2011. С. 6–16.

Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге Нового времени: пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. 228 с.

Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – начало XVIII в.). М., 1991. 261 с.

Ужанков А. Н. О специфике развития русской литературы XI – первой трети XVIII в.: стадии и формации. М., 2009. 259 с.

Успенский Б. А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. 128 с.

Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999. 281 с.

References

Belokurov S. A. *Iz dukhovnoy zhizni moskovskogo obshchestva 17 v.* [From the spiritual life of Moscow society of the 17th century]. Moscow, 1902, pp. 3–28.

Chernaya L. A. *Russkaya kul'tura perekhodnogo perioda ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni* [Russian culture of the transition period from the Middle Ages to the New Age]. Moscow, 1999, 281 p.

Likhachev D. S. *Razvitiye russkoy literatury 10–17 vv. Epokhi i stili* [The development of Russian literature of the 10th–17th centuries. Epochs and styles]. Leningrad, 1973, 254 p.

Lotman Yu. M., Uspenskiy B. A. Rol' dual'nykh modeley v dinamike russkoy kul'tury (do kontsa 18 veka) [The role of dual models in the dynamics of Russian culture (until the end of the 18th century)]. In: Uspenskiy B. A. *Izbr. tr. T. 1: Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Selected works. Vol. 1: Semiotics of history. Semiotics of culture]. Moscow, 1994, pp. 219–253.

Panchenko A. M. *Russkaya kul'tura v kanun Petrovskikh reform* [Russian culture on the eve of Peter the Great's reforms]. Leningrad, 1984, 205 p.

Robinson A. N. *Bor'ba idey v russkoy literatury 17 veka* [The struggle of ideas in Russian literature of the 17th century]. Moscow, 1974, 404 p.

Romodanovskaya Ye. K. Literaturnyye predisloviya k dokumentam v Drevney Rusi [Literary prefaces to documents in Old Russia]. In: *Dokumental'nyye aspekty literatury* [Documentary aspects of literature]. Novosibirsk, 2011, pp. 6–16.

Romodanovskaya Ye. K. *Russkaya literatura na poroge Novogo vremeni: Puti formirovaniya russkoy belletristiki perekhodnogo perioda* [Russian literature on the threshold of New time: ways of formation of Russian fiction of the transition period]. Novosibirsk, 1994, 228 p.

Sazonova L. I. *Poeziya russkogo barokko: (vtoraya polovina 17 – nachalo 18 v.)* [Poetry of the Russian Baroque (second half of the 17th – beginning of the 18th century)]. Moscow, 1991, 261 p.

Uspenskiy B. A. *Boris i Gleb: Vospriyatiye istorii v Drevney Rusi*. [Boris and Gleb: perception of history in Old Russia]. Moscow, 2000, 128 p.

Uzhankov A. N. *O spetsifike razvitiya russkoy literatury 11 – pervoy treti 18 v.: Stadii i formatsii* [On the specificity of the development of Russian literature of the 11th – the first third of the 18th century: stages and formations]. Moscow, 2009, 259 p.

Сведения об авторе

Ковалева Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

tkvl@inbox.ru

ORCID 0000-0002-7165-3186

Researcher ID L-2832-2018

Information about the author

Tatiana I. Kovaleva – Candidate of Philology, Researcher at the Department of Literary Studies of the Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

tkvl@inbox.ru

ORCID 0000-0002-7165-3186

Researcher ID L-2832-2018

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2021. № 2

Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

Научная жизнь

УДК 882 (571.53) (092) Трушкин

DOI 10.17223/18137083/75/25

«Ламарк сибирской литературы» (к столетию В. П. Трушкина)

С. Р. Смирнов

*Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена столетию со дня рождения известного исследователя сибирской литературы Василия Трушкина. Рассматриваются основные вехи творческого пути ученого, его методологические принципы как «великого труженика науки» и крупнейшего систематика и библиографа литературной Сибири. Привлекаются дневниковые материалы, а также воспоминания о В. П. Трушкине писателей Валентина Распутина и Анатолия Преловского, коллег ученого по Иркутскому госуниверситету. Особое место уделено роли Василия Трушкина в открытии таланта Александра Вампилова, который был участником университетского литературного объединения, руководимого ученым.

Ключевые слова

В. Трушкин, литература Сибири, Иркутский университет, В. Распутин, А. Вампилов

Для цитирования

Смирнов С. Р. «Ламарк сибирской литературы» (к столетию В. П. Трушкина) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 343–346. DOI 10.17223/18137083/75/25

“Lamarck of Siberian literature” (to the centenary of V. P. Trushkin)

S. R. Smirnov

*Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation*

Abstract

The paper is dedicated to the centenary of the birth of a well-known researcher of Siberian literature, doctor of philological sciences, Professor Vasily Trushkin. The main milestones of the scientist's creative path, his methodological principles as the “great worker of science” and the most significant systematist and bibliographer of literary Siberia are considered. The paper includes diary materials and the memoirs about V. Trushkin written by Valentin Rasputin and Anatoly Prelovsky, colleagues of the scientist at Irkutsk State University. A special place is given to the role of V. Trushkin in the discovery of the talent of Alexander Vampilov, a member of the university literary association, guided by the scientist.

Keywords

V. Trushkin, literature of Siberia, Irkutsk University, V. Rasputin, A. Vampilov

For citation

Smirnov S. R. “Lamarck of Siberian literature” (to the centenary of V. P. Trushkin). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 343–346. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/25

© С. Р. Смирнов, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

Среди имен известных ученых-филологов недавно перешагнувшего свое столетие Иркутского государственного университета – М. П. Алексеева, М. К. Азатовского, Н. О. Шаракшиновой и многих других – особое место занимает имя профессора Василия Прокопьевича Трушкина (1921–1996) (см.: [Смирнов, 2013]). В. П. Трушкин принадлежал к той когорте подвижников и исследователей сибирского литературоведения, которая соединяла Иркутск с Томском (Ф. З. Канунова, Н. Н. Киселев, Т. Л. Рыбальченко), Новосибирском (Е. К. Ромодановская, Л. П. Якимова, Н. Н. Яновский), Омском (Э. Г. Шик). При его деятельном участии в Новосибирске выходили тома «Литературного наследия Сибири», открывавшие доселе неизвестные факты и документы литературной жизни региона, он принимал активное участие в создании двухтомника «Очерки русской литературы Сибири». «Великим тружеником науки» (Р. А. Шерхунаев), крупнейшим систематиком и библиографом литературной Сибири сохранился В. Трушкин в памяти друзей и коллег. Его имя значится в «Краткой литературной энциклопедии» (автор статьи Н. Яновский), а среди многочисленных учеников был и Валентин Распутин: «Со студенческой поры и до последних встреч оставалось у меня удивление от Василия Прокопьевича Трушкина. От его неотмирности, сосредоточенности лишь на том, чем он жил (а жил он почти только литературой) и полной расщепленности на всем остальном» [Трушкин, 2001, с. 396].

...Коренным сибиряком В. Трушкин не был. Он родился 31 июля 1921 года в селе Подгоренка Екатерининского района Саратовской области. В голодный 1933 год его отец завербовался на два года в Заларинский леспромхоз и перевез в Иркутскую область всю многочисленную семью. После окончания девяти классов Заларинской школы В. Трушкин год проучился в учительском институте, а затем связал свою жизнь с госуниверситетом, став в конечном итоге его заслуженным профессором. В книгах ученого, по его собственным словам, предстала «Сибирь – от Урала до Тихого океана...» [Там же, с. 25]. Однако свое право на объект исследования иркутскому ученому еще пришлось отстаивать перед лицом маститого заместителя директора Института мировой литературы В. Р. Щербини [Там же, с. 26].

Скрупулезно изучая газетно-журнальную периодику своего времени, В. П. Трушкин преимущественно шел по пути «географическому». Томск в его книгах сменяется Омском, затем последуют Барнаул, Иркутск и Красноярск. Естественно, уделяется особое внимание первому советскому «толстому» журналу, выходившему с 1922 г. в Ново-Николаевске (Новосибирске), – «Сибирским огням».

Безусловно, одно из значительных мест в творческом наследии В. П. Трушкина занимает критико-библиографический словарь «Литературная Сибирь», поначалу вышедший однотомником (1971), вобравшим в себя писателей Восточной Сибири, а затем разросшийся до «всесибирского» трехтомника, из которого, к сожалению, издано только два (1986, 1988). Примечательно, что автором одной из статей (об иркутском драматурге Б. Левантовской) был Александр Вампилов. (Да и сам Вампилов еще при жизни стал героем первого издания словаря в статье Н. С. Тендитник.)

В 2001 г. вышла книга, названная по любимому присловью-обращению Трушкина к коллегам: «Друзья мои...». В нее вошли очерки и статьи ученого разных лет от автобиографического «Временем поверяя себя» (1980) до размышлений о трагической судьбе писателя-сибиряка Петра Поликарповича Петрова, прошедшего в 1937–1941 гг. «по кругам ежовско-бериевского ада» (1993), воспоминания иркутских писателей и литературоведов под общим названием «Наш профессор».

Особую привлекательность книжке придавали странички дневников Трушкина и автографы – пожелания друзей, собранные в блокнот, охарактеризованный его владельцем как «книжечка типа “Чукоккалы” Корнея Чуковского» [Трушкин, 2001, с. 23]. Есть в ней и запись во многом открытого профессором Трушкиным Александром Вампилова. Вспоминает Валентин Распутин: «Вампилова он очень любил, еще в университетском литературном объединении рекомендовал его рассказы для издательства, от души смеялся над его точными наблюдениями над общими нашими знакомыми...» [Там же, с. 397]. Естественно, преобладают записи литераторов-сибиряков – от озорной пародии на поэтов-современников Константина Седых до искренних восхищений «собратьев» по литературно-критическому цеху (новосибирец Николай Яновский, иркутяне Марк Сергеев и Евгений Раппопорт).

«Ламарком сибирской литературы» назвал В. Трушкина поэт Анатолий Преловский [Там же, с. 388]. Многие из писателей, о которых говорил в своих исследованиях В. П. Трушкин, благодаря именно его стараниям не ушли в забвение, нашли свое место в истории литературы, продолжают издаваться и читаться и по сей день...

Список литературы

Василий Прокопьевич Трушкин: Биобиблиографический указатель. К 50-летию со дня рождения / Сост. Н. Ю. Кряжинская. Иркутск, 1970. 26 с.

Смирнов С. Р. «Сибирский текст» В. П. Трушкина как документ исторического времени // Сибирское пространство в лингвистическом и культурном аспекте. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 91–96.

Трушкин В. П. Друзья мои...: Из дневников 1937–1964 годов. Очерки и статьи. Из альбома «Нефтефлот литературы». Воспоминания о В. П. Трушкине. Иркутск: Изд. Г. К. Сапронов, 2001. 448 с.

References

Smirnov S. R. “Sibirskiy tekst” V. P. Trushkina kak dokument istoricheskogo vremeni: Sibirskoe prostranstvo v lingvisticheskom i kul’turnom aspekte [“Siberian Text” by V. P. Trushkin as a document of historical time: Siberian space in linguistic and cultural aspect]. Irkutsk, ISU Publ., 2013, pp. 91–96.

Trushkin V. P. *Druz’ya moi... Iz dnevnikov 1937–1964 godov. Oчерki i stat’i. Iz al’boma “Nefteflot literatury”. Vospomинaniya o V. P. Trushkine* [My friends... From the diaries of 1937–1964. Essays and articles. From the album “Oil fleet of literature.” Memories about V. P. Trushkin]. Irkutsk, Saproнов G. K. Publ., 2001, 448 p.

Vasilij Prokop’evich Trushkin: *Biobibliograficheskiy ukazatel’. K 50-letiyu so dnya rozhdeniya* [Vasily Prokopievich Trushkin: Biobibliographic index. To the 50th anniversary of his birth]. N. Yu. Kryazhinskaya (Comp.). Irkutsk, 1970, 26 p.

Сведения об авторе

Смирнов Сергей Ростиславович – доктор филологических наук, профессор кафедры новейшей русской литературы Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

ssrisu@yandex.ru

ORCID 0000-0003-1420-236X

Information about the author

Sergey R. Smirnov – Doctor of Philology, Professor of the Department of Modern Russian Literature of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication at Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

ssrisu@yandex.ru

ORCID 0000-0003-1420-236X